

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2022

№ 78

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Киришин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекабай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич**, канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедрой российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович**, д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд); **Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН;
Харусь Ольга Анатольевна, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета;
Шерстова Людмила Ивановна, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета;
Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul**, PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.**, Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasilii P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Fedosov Egor A.**, Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeny F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Бобров Д.С., Гончаров Ю.М. Административная коммуникация гражданских и ведомственных властей на юге Западной Сибири XVIII века: вопросы взаимодействия в оценках современников	5
Вячистый Д.Д. Западно-сибирское отделение Всероссийской ассоциации инженеров в 1920-е гг.: развитие и преемственность	12
Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Механизмы финансовых отношений императорского Кабинета и сословия сибирских инородцев в эпоху империи	21
Деев А.С., Красовская Н.В., Черноморченко С.И. Тюмень: опыт постиндустриальной трансформации городского пространства	26
Курас Л.В., Кальмина Л.В. Метаморфозы еврейской жизни в Бурят-Монгольской АССР: от «безродных космополитов» до «панмонголистов»	32
Мостовенко М.С. Проблемы развития рыбной промышленности на Севере Западной Сибири в послевоенный период, 1945–1950-е гг. (на примере Ханты-Мансийского национального округа)	38
Ооржак О.В. Первые предприятия Тувинской Народной Республики 1921–1944 гг.	46
Румянцева Е.Н. История томского нотариата в первое десятилетие советской власти (1917–1927 гг.)	52
Сабирова З.Р., Абдрафикова Г.Х. Карим Идельгузин о башкирских войсках и борьбе за власть в 1917–1919 гг.	62
Савченко А.Е., Чернолуцкая Е.Н. Пределы эффективности регионального экономического сотрудничества СССР и КНР в 1985–1988 гг.	73
Туров С.В. Селянская волость на Средней Оби в этнопространственном измерении (XVII–XX вв.)	83
Фокин А.А. Форпосты социализма: культурный ландшафт уральских городов	92

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Бетмакаев А.М. ЕС, Венгрия и вакцинация дипломатия России	97
Крейдун Ю.А., Серов В.В. Об одной церковной конституции 536 года: новелла 40 в переводе, с примечаниями и комментарием	106
Хахалкина Е.В., Погорельская А.М. «Европа» vs «Европейский союз»: точки разлома и соприкосновения	112
Шерстюков С.А. Проект «Великой Сирии» в ближневосточной политике и пропаганде Третьего рейха в годы Второй мировой войны (1939–1942 гг.)	124

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Гизбулаев М.А. <i>Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб</i> и <i>Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб</i> абу Хамида ал-Гарнати как источники по истории и религиозной практики народов Дагестана в XII в.: сравнительный анализ	135
Шчербич С.Н. Пространство и люди в путевых описаниях миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.)	143

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Bobrov D.S., Goncharov Y.M. Administrative Communication of Civil and Departmental Authorities in the South of Western Siberia of the 18th Century: Issues of Interaction in the Assessments of Contemporaries	5
Vyachisty D.D. West Siberian department of the All-Russian Association of Engineers in the 1920s: development and continuity	12
Dameshek L.M., Dameshek I.L. Mechanisms of financial relations between the Imperial Cabinet and the estate of Siberian indigenous population during the age of the empire	21
Deev A.S., Krasovskaya N.V., Chernomorchenko S.I. Tyumen: experience of post-industrial transformation of the city space	26
Kuras L.V., Kalmina L.V. Jewish Life Metamorphosis in Buryat-Mongolian ASSR: from Rootless Cosmopolitans to Panmongolists	32
Mostovenko M.C. Problems of the development of the fishing industry in the North of Western Siberia in the post-war period 1945–1950s (Using the example of the Khanty-Mansi National District)	38
Oorzhak O.V. The first enterprises of the Tuvan People's Republic 1921–1944	46
Rumyantseva E.N. The history of the Tomsk notary in the first decade of Soviet power (1917–1927)	52
Sabirova Z.R., Abdrafikova G.Kh. Karim Idelguzhin about Bashkir troops and the struggle for power in 1917–1919	62
Savchenko A.E., Chernolutskaia E.N. Limits of effectiveness of regional economic cooperation between the USSR and China in 1985–1988	73
Turov S.V. Seliyarovskaya volost on the Middle Ob in the ethno-spatial dimension (XVII–XX centuries)	83
Fokin A.A. Outposts of socialism: the cultural landscape of Ural towns	92

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Betmakaev A.M. The EU, Hungary, and Russian vaccine diplomacy	97
Kreydun Y.A., Serov V.V. The Novel 40 of Justinian the Great: Translation into Russian with partial commentary	106
Khakhalkina E.V., Pogorelskaya A.M. “Europe” vs “European Union”: Points of divergence and continuity	112
Sherstyukov S.A. The “Great Syria” Project in the Middle East Politics and Propaganda of the Third Reich during the Second World War (1939–1942)	124

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Gizbulaev M.A. <i>Al-mu'rib 'an ba'd ayd'ib al-Maghrib</i> and <i>Tuhfat al-albab wa nukhbat al-a'jhab</i> by abu Hamid al-Gharnati as sources on the history and religious practice of Dagestani people in the 12 th century: comparative analysis	135
Shcherbich S.N. Space and people in the travel descriptions of missionaries from the Obdorsk mission (60–70s of the 19th century)	143

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г.	149
Мэн Ян. Традиционные жилища алтайцев России и монголов Китая: сравнительно-этнографический анализ	155
Сулейманов А.А. Научное изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 50-е гг. XX в.	161

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Казаков А.А. К вопросу о культурно-хронологической однородности комплекса Ближние Елбаны VII (по материалам Государственного Эрмитажа)	172
Чернышов А. В. Публичный дискурс археологического наследия и формы его интерпретаций	188

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Морев В.А. К истории Тобольской телефонной сети (1895–1918 гг.)	195
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Гильминтинов Р. Р. Рецензия: Бинчик Э. Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена. М.: Новое Литературное Обозрение, 2022. 209 с.	200
Матханова Н.П. Новый историографический источник: мемуары сибирских историков послевоенного поколения. Рецензия: Зиновьев В.П. Не подводя итогов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 164 с., ил.; Бойко В.П. Воспоминания о селе Богородское и моей жизни. Томск: Изд-во Том. гос. арх.-строит. ун-та, 2021. 212 с., ил.	204

PROBLEMS OF ANTROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Zinoviev V.P. Interethnic division of labor in the Trans-Baikal region according to the census of 1897	149
Meng Yang. Traditional dwelling of Russian Altai people and Chinese Mongols: comparative ethnographic analysis	155
Suleymanov A.A. Scientific study of arctic indigenous peoples in Yakutia in the 1980s	161

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Kazakov A.A. On the Question of Cultural and Chronological Homogeneity of Blizhnie Elbany VII Complex (based on the State Hermitage Museum materials)	172
Artyom V. Chernyshov. Public discourse of archaeological heritage and its interpretations	188

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Morev V.A. On History of Tobolsk Telephone Network (1895–1918)	195
---	-----

REVIEW

Gilmintinov R.R. Review: Bińczyk E. The Age of Man: Rhetoric and Apathy of the Anthropocene. M.: New Literary Review, 2022. 209 p.	200
Natalya P. Matkhanova. The New Historiographical Source: Memoirs of Siberian Historians of the Post-War Generation. Review: Zinoviev V. P. Without Summing Up. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2019. 164 p., ill.; Boyko V. P. Memories of the Bogorodskoye Village and My Life. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building, 2021. 212 p., ill.	204

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 947(05)+94(571.1)''17''

doi: 10.17223/19988613/78/1

Административная коммуникация гражданских и ведомственных властей на юге Западной Сибири XVIII века: вопросы взаимодействия в оценках современников

Денис Сергеевич Бобров¹, Юрий Михайлович Гончаров²

^{1,2} Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

¹ bds-eureka@yandex.ru

² yuriig@yandex.ru

Аннотация. Исследование направлено на раскрытие специфики восприятия учеными и путешественниками XVIII в. взаимодействий разноотраслевых властей на южных окраинах Западной Сибири. Источниковая база изысканий представлена знаковыми для истории региона трудами. Авторы констатируют, что привлеченные сочинения не вышли за рамки традиции своего времени, освещение взаимоотношений властей выстраивалось по нескольким основным направлениям: подсудность населения, вопросы приписного крестьянства, охрана предприятий.

Ключевые слова: академические экспедиции, административная коммуникация, система управления, гражданские власти, горнозаводское управление, военно-ведомственные власти, Западная Сибирь

Благодарности: Работа поддержана средствами программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030».

Для цитирования: Бобров Д.С., Гончаров Ю.М. Административная коммуникация гражданских и ведомственных властей на юге Западной Сибири XVIII века: вопросы взаимодействия в оценках современников // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 5–11. doi: 10.17223/19988613/78/1

Original article

Administrative Communication of Civil and Departmental Authorities in the South of Western Siberia of the 18th Century: Issues of Interaction in the Assessments of Contemporaries

Denis S. Bobrov¹, Yuriy M. Goncharov²

^{1,2} Altay State University, Barnaul, Russian Federation

¹ bds-eureka@yandex.ru

² yuriig@yandex.ru

Abstract. The XVIII century has become a time of intensive reforms in the management environment for the Russian state. The article assumes the disclosure of the parameters and specifics of the perception by scientists and travellers of the XVIII century of the relationship and mutual influence of civil and departmental authorities in the south of Western Siberia. The analysis of this type of social-political relations allows us to identify latent priorities in the imperial management model, to reveal the strategies of administrative communications in the conditions of the decay feudal law system and the restructuring of the state bureaucratic system. The perception by pre-revolutionary travelers of the socio-geographical space within the framework of the routes and the issues of the administrative history of the region are still covered in Siberian historiography in isolation from each other. The source base of the research is presented by writings of scientists and travellers which are significant for the history of the region, therefore, the "close-up" method was chosen as the main method. These works were presented in different genres.

The authors come to the conclusion that the involved works of scientists and travelers could not go beyond the historiographical tradition of their time. The dominance of the rational style of thinking and the striving to rely on archive mate-

rials, which were combined with perceptible elements of narrative, pithiness of presentation and separate experiments in the construction of cause-and-effect relationships remained in these works. The method of presentation of P.S. Pallas, who used the personification technique to highlight the activities of various institutions, is identified. The method consists in extrapolating the characteristics of the personality and activities of managers to assess the effectuality of a particular managerial hierarchy. The coverage of the relations between the authorities of different industries was built in several main directions: jurisdiction of the local population, registration and control of the registered peasantry, to a lesser extent – the protection of industrial enterprises. G. F. Miller, who visited the region in the initial period of development, recorded the priority positions of general civil government over an immature departmental military and amorphous privately owned vertical. I. P. Falk, P. S. Pallas and I. F. Herman in their works exposed directly or indirectly the growing dominance of departmental (primarily mining) structures over civil ones in the second half of the century.

Keywords: Russian empire, writings of scientists and travellers, academic expeditions, administrative communication, management system, civil authorities, mining department, departmental military authorities, Western Siberia

Acknowledgments: This work was supported in the framework of “Priority-2030” Program by the Altai State University.

For citation: Bobrov, D.S., Goncharov, Y.M. (2022) Administrative Communication of Civil and Departmental Authorities in the South of Western Siberia of the 18th Century: Issues of Interaction in the Assessments of Contemporaries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 5–11. doi: 10.17223/19988613/78/1

XVIII век для Российского государства стал временем интенсивных трансформаций в управленческой среде. На центральном уровне это оказалось связано с переходом к государству нового типа – раннеимперскому, которое в реалиях петровской административной системы ощутимо стремилось к достижению универсалистского характера, сочетая в себе идеи «общего блага» и камерализма, раскрывавшиеся и реализовавшиеся посредством внедрения принципов коллегиальности, функциональности и строгой регламентации [1. С. 99–107]. Для сибирских окраин столь существенные эволюционные сдвиги становились одновременно и теоретической базой, и неотъемлемым фоном стремительной и масштабной институционализации структур власти, направленной на поиск наиболее оптимального алгоритма их функционирования. На юге Западной Сибири устоявшаяся архитектура гражданского управления в течение первой половины столетия была дополнена ведомственными вертикалями: военной и горнозаводской. Освоенческие реалии и конъюнктура, обусловленные порубежным характером региона, делали неизбежной политическую коммуникацию административных субъектов различной отраслевой принадлежности. Анализ таких взаимодействий представляется значимым, поскольку позволяет выявить латентные приоритеты в имперской модели управления окраинными областями, обнажить стратегии диалога органов власти в условиях начавшихся разложения феодальной системы права и перестройки государственно-бюрократической системы. Помимо законодательных актов и делопроизводственной документации важным каналом реконструкции этой разновидности социально-политических контактов становились труды ученых-очевидцев, в которых глубинные и неоднозначные по своему характеру процессы накладывались на индивидуальное, личностное восприятие, формируя тем самым академический научный дискурс, не являвшийся частью административного, но и не противостоявший ему.

В сибиреведческой историографии различные аспекты восприятия дореволюционными путешественниками социально-географического пространства в рамках маршрутов следования и вопросы административной

истории региона до сих пор освещаются фактически изолированно друг от друга. Логика развития научного знания в советский период привела к установлению взгляда на труды ученых XVIII в., посвященные Сибири, как недостаточно «целеустремленные», страдающие дискретностью и неполнотой наблюдений, описательностью и созерцательностью [2. С. 140–184]. Современные публикации по этой тематике обнажают очевидную однобокость такого подхода: они посвящены комплексным обзорам маршрутов и результатов деятельности академических экспедиций XVIII в. [3], стремятся реконструировать программы восприятия учеными-очевидцами аборигенного населения [4] или уделяют пристальное внимание материалам путешественников как историческим источникам (дневники, отчеты, картографические материалы членов научных отрядов) [5–7]. В настоящее время очевидна необходимость обстоятельной ревизии дискурса путешественников имперского периода. В определенной степени эту задачу решают исследование С.А. Козлова, раскрывающее путешествия XVIII в. как социальный институт, но при этом фактически полностью игнорирующее аспекты посещения западносибирских территорий [8], и коллективная монография барнаульских историков, на примере одного региона (Алтая) относительно целостно и в довольно широком хронологическом интервале освещающая эволюцию стратегий и практик восприятия пространства в жанре антропологии путешествия [9].

На этом фоне значительно более проработанными являются сюжеты оформления административно-институционального управления в Сибири. В течение последних двух десятилетий появились обстоятельные по своему характеру исследования для каждой из трех складывавшихся на юге региона вертикалей власти: общегражданского управления [10], ведомственного военного [11, 12] и горнозаводского [13, 14]. В ракурсе избранной нами темы общей чертой этих изданий стало привлечение трудов путешественников лишь в качестве дополнительного источника, призванного подтвердить достоверность материалов законодательства и делопроизводства. Таким образом, историография на

данный момент не знает комплексного исследования характера отражения взаимоотношений разноотраслевых властей Западной Сибири в работах дореволюционных ученых-очевидцев.

В этой связи целью публикации является освещение целостной картины и выделение специфических характеристик, параметров восприятия участниками академических экспедиций, учеными XVIII в. взаимодействий гражданских и ведомственных властей на юге Западной Сибири. Источниковую основу исследования составили опубликованные труды знаковых для истории региона научных деятелей [15–18]. Сведения и оценки, приводимые учеными и путешественниками в этих работах, отличаются неоднородным характером и содержанием. Прежде всего стоит учитывать довольно пеструю палитру жанровой направленности произведений: от историко-географических описаний до путевых дневниковых записей. Кроме того, территориальные рамки абсолютного большинства привлеченных произведений не ограничиваются Западной Сибирью и включают соседние регионы (Приуралье, Восточная Сибирь), что ощутимо повлияло на «исследовательский фокус» трудов. Наконец, при работе с дискурсом путешественников нельзя забывать об исключительной оригинальности индивидуально-личностного восприятия практически каждого географического или социального явления, а все рассматриваемые авторы были иностранцами, что лишь усиливало соответствующий эффект. В этой связи ключевым для статьи становится метод «крупного плана», предполагающий погружение в идейно-смысловой мир ученого-очевидца и рассмотрение исторических явлений его глазами [19. С. 14], что, в свою очередь, позволяет реконструировать индивидуальную мотивацию и обстоятельства складывания тех или иных авторских суждений, оценок, мифологем [9. С. 17].

Материалы первых посетивших Западную Сибирь академических экспедиций дают скудную информацию о взаимоотношениях разноотраслевых управленческих институций в силу двух ключевых факторов. Во-первых, научные цели и задачи, стоявшие перед отрядами, а также жанровая направленность опубликованных по результатам изысканий трудов не предполагали акцента на административной среде региона. Во-вторых, к моменту визита Д.Г. Мессершмидта в Притомье (1721) и Г.Ф. Миллера в междуречье Оби и Иртыша (1734) [3. С. 14; 20. С. 141] другие вертикали власти, помимо общегражданской, были крайне неразвиты: архитектура ведомственного военного управления имела локальный характер распространения и не вышла за пределы Прииртышья, а иерархия частновладельческих горнозаводских структур находилась на стадии генезиса, очевидно тяготея к утилитаризму и примитивизму. В совокупности эти обстоятельства предопределили центральное внимание путешественников в административной повестке гражданским властям, у которых в подчинении находились иррегулярные войска.

Д.Г. Мессершмидт в своих материалах вовсе ограничился оценкой деятельности только гражданской администрации: еще в Тобольске он неоднократно жаловался царю и губернатору на проволочки в от-

правке экспедиции со стороны губернской канцелярии [21. С. 240–241, 247–249]. А.Х. Элерт отмечает, что сложности в отношениях с властями были обусловлены особенностями склада характера ученого: его жесткостью и стремлением к независимости [3. С. 14].

Первые и единичные по своему характеру упоминания о пересечении интересов гражданских и горнозаводских структур (в то время частновладельческих – «ведомство Колывано-Воскресенского завода» вплоть до середины 1740-х гг. являлось собственностью А.Н. Демидова [13. С. 246–284]) в южных районах Западной Сибири принадлежат Г.Ф. Миллеру. В «Описании Кузнецкого уезда...» отражена лишь одна очевидная линия взаимодействия органов местного управления с горнозаводскими властями – вопрос охраны Колывано-Воскресенских предприятий, для чего, по сведениям историографа, посылались 100 кузнецких казаков, «жалованье которым платит собственник завода (А.Н. Демидов. – Д.Б., Ю.Г.)». Далее немецкий ученый указал на нахождение в подчинении у формировавшихся частновладельческих институций восьми деревень, основанных самим заводчиком [15. С. 27].

Более подробная и содержательная характеристика соотношения административных полномочий гражданских и ведомственных властей дана учеными и путешественниками второй половины XVIII в., в частности И.П. Фальком. В своих «Записках» шведский натуралист представил фактически тотальное доминирование горнозаводских кабинетских структур над воеводской властью в административной среде региона в 1770-е гг. Среди прочего оно, в трактовке ученого, выразилось в размещении Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства в большинстве уездов (в первую очередь в Бийском и Бердском) контор и управителей, сосредоточивавших в своих руках суд над местным населением (за исключением уголовных дел) и сбор податей [18. С. 436, 457, 514, 518]. Сложившиеся управленческие практики И.П. Фальк попытался раскрыть на примере значимого для Западной Сибири XVIII в. политического центра – Кузнецка, где якобы абсолютное большинство жителей города подчинялось «Горной канцелярии», в сферу же влияния местного воеводы попадало лишь русское население, не привлеченное к работам в округе, и автохтонный элемент. В этой интерпретации фактически единственной функцией глав уездов, распространявшейся на всех жителей подконтрольной территории, оставалась промульгационная, т.е. обнародование «высочайших именных повелений» – императорских указов, законов [Там же. С. 436, 528–529, 545]. На Иртыше, по свидетельствам шведского путешественника, многие гражданские поселения находились под юрисдикцией военных («старост из солдат»). Стоит отметить, что на локальном уровне практика сосредоточения полномочий по администрированию населенных пунктов с гражданским населением в руках регулярных военных в Верх-Иртышских крепостях, острогах и слободах Верхнего Приобья начала формироваться еще в первой половине XVIII в. [22. С. 11–14].

На более глубинном уровне основы такого сложившегося управленческого порядка, по всей видимости,

усматривались И.П. Фальком в неоднозначном характере взаимоотношений между структурами власти различной отраслевой принадлежности, скрытой конкуренции между ними, зародившейся в период нахождения заводов в междуречье Алея и Чарыша в собственности А.Н. Демидова. Причиной роста противоречий, по мнению шведского натуралиста, стало то, что, с одной стороны, среди рабочих заводчика «находилось много беглых людей, которых он имел привилегию принимать и владельцам их не отдавать», а с другой стороны, местные власти Томского и Кузнецкого уездов посылали «ленивых крестьян, за которых он (А.Н. Демидов – Д.Б., Ю.Г.) платил подушные деньги» [18. С. 448–449]. Вполне очевидно, что такая оценка стала результатом привлечения документов архива округа и, как следствие, относительно высокой степени приобщения ученого к «горнозаводскому» дискурсу.

В свою очередь, региональные горнозаводские власти, в восприятии И.П. Фалька, по многим параметрам зависели и даже подчинялись сибирским ведомственным военным институтам. Во-первых, по требованию командующего Сибирскими укрепленными линиями начальник Колывано-Воскресенских заводов снаряжал экспедиции в приграничные районы, в том числе и в земли, располагавшиеся за пределами России [Там же. С. 441–442, 458]. Кроме того, шведский путешественник указал, что Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства по умолчанию направляла доходы от труда приписных крестьян в казну, но при наличии специальных предписаний должна была «отсылать на линию (укрепленные линии, в частности на Колывано-Кузнецкую. – Д.Б., Ю.Г.) для содержания воинской команды» [Там же. С. 510–511].

На более глубоком уровне картина взаимодействий в управленческой среде Западной Сибири представлена П.С. Палласом. Находясь под очевидным впечатлением от степени и характера содействия научной экспедиции со стороны местных военных и горнозаводских властей, немецкий исследователь в «Путешествии...» дал во многом противоположную оценку деятельности соответствующих структур (в зависимости от их ведомственной принадлежности), которая по умолчанию экстраполировалась на более широкий вопрос административной эффективности каждой из вертикалей. Одним из ключевых факторов, повлиявших на характер восприятия, становились действия конкретной личности, руководителя.

Крайне противоречивой оказалась оценка академиком военных институций на юге Западной Сибири. С одной стороны, встречу и сопровождение своего научного отряда местным офицерским корпусом и начальством немецкий путешественник сравнивал с аналогичными действиями властей других регионов: «Сей холодный прием, подтвержденный еще при том и другими обстоятельствами, тем страннее для меня казался, что я доселе... всегда имел счастье пользоваться отменнейшими милостями и всевозможным в делах моих пособием». Негативных красок к этому добавляли свидетельства об индифферентности руководителей гарнизонов в некоторых районах Прииртышья в аспектах уборки трупов лошадей после периодически

повторявшихся массовых падежей и разорения древних религиозных святынь драгунами [16. С. 154, 262]. С другой стороны, П.С. Паллас комплиментарно высказался о результатах картографического обследования течения Иртыша, выполненного капитаном И.И. Исленьевым (эвристический потенциал итоговой карты южной части Сибирской губернии до сих пор не в полной мере раскрыт сибироведами). В этой системе координат не подвергся сомнению и авторитет бывшего командующего Сибирским корпусом И.И. Шпрингера, положительное впечатление о котором подкреплялось упоминаниями тактических успехов генерал-поручика в вопросе расширения сети русских поселений вдоль течения Иртыша [Там же. С. 126]. На контрасте с этим преподносились действия временно замещавшего должность командующего генерал-майора С.К. Станиславского: промедления и проволочки с его стороны, по мнению немецкого исследователя, привели к фактическому саботажу обследования академическим отрядом левого берега Иртыша [Там же. С. 189, 201].

В противовес этому горнозаводские власти на Алтае за счет содействия экспедиции в сборе научных сведений оценивались путешественником исключительно в панегиричном духе: «...вообще при всех здешних рудниках и заводах заведено... похвальное смотрение и строгость...» [Там же. С. 228, 330, 375, 394]. Примечательна трактовка академиком генезиса Колывано-Воскресенского горного ведомства. Во-первых, А.Н. Демидов якобы «начал» свои заводы в междуречье Чарыша и Алея в 1730 г., что на один год расходится с установленной современными историками датой открытия первого медеплавильного завода на Алтае (1729) [13. С. 61], и практически сразу создал с местными гражданскими властями в верховьях Оби цепочку зимовий, в которых «поселено по семь крестьян в Кузнецкой округе, назначенной к заводской работе на подушном окладе» [16. С. 312]. Во-вторых, немецкий путешественник констатировал переход демидовских заводов и рудников на юге Западной Сибири в императорское владение в 1745 г., что вполне очевидно связано с началом деятельности комиссии А.В. Безра и согласуется с актуальными представлениями специалистов о соответствующих трансформациях в горнозаводской сфере [13. С. 253–268]. П.С. Паллас за счет позитивных оценок сначала первого начальника Колывано-Воскресенских заводов, затем обербергмейстера И.Г. Леубе, управлявшего Змеиногорской конторой (который назван «искусным и приятным человеком»), и А.А. Ирмана выстроил картину преемственности их деятельности, которая в целом содействовала разведке месторождений и рациональной организации добычи руд [16. С. 228, 330, 340–341, 361, 375]. С другой стороны, П.С. Палласу как медику и ученому откровенно импонировали околонукальные опыты И.Г. Леубе по вакцинации от оспы в Колывано-Воскресенском округе и фиксация наблюдений за землетрясениями, организация А.А. Ирманом картографических работ на территории ведомства и составление уточненных чертежей региона [Там же. С. 364–365, 381].

Отношения между военными и кабинетскими властями в освещении академика не заключали в себе

каких-то очевидных противоречий. Пределы компетенции Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства как ключевого регионального органа горнозаводского управления очерчены довольно строго и рационально: «Она (Канцелярия. – Д.Б., Ю.Г.) не токмо в ведомстве своем имеет Алтайские рудники и все по Оби лежащие серебряные заводы, находящихся при оных служителей, рудокопов и на заводах служащих, кои освобождены от рекрутского набору, и рекрутами дополняются, но также около 40 тысяч крестьян из Томского и Кузнецкого уездов, которые на заводах и рудниках отправляют потребныя работы» [16. С. 381]. В этом же духе немецким исследователем охарактеризовано положение и Колывано-Воскресенского батальона, который, по словам автора «Путешествия...», находился под начальством майора и состоял из трех пеших рот и одной драгунской, приравненных по своему статусу к «полевым» полкам [Там же. С. 382].

Хотя и в лаконичной форме, но П.С. Палласу все же удалось отразить одну из ключевых тем взаимодействия военных и кабинетских властей – вопрос использования леса. Еще в первой половине XVIII столетия гарнизоны Верхнего Приобья испытывали определенные сложности в обеспечении деревом для различных нужд [22. С. 13–14]. В свою очередь, известный ученый не видел каких бы то ни было противоречий между ведомственными структурами в эксплуатации стратегического ресурса: «Сим бором, который по справедливости весь к лесам Императорских Колывано-Воскресенских серебряных заводов принадлежит, пользуется и теперь еще вся по Иртышу лежащая линия...» [16. С. 178].

П.С. Паллас практически открыто высказался за планомерный переход русских поселений в верховьях Иртыша из-под юрисдикции военных властей к ведомственным горнозаводским, расширение их влияния в локальном районе: «Может быть, было бы хорошим способом... ежели бы жителей сих деревень определили на работу в Колывановоскресенские рудники и заводы; кажется, что и многие от поселян онаго желают, и может быть, что все при перемене смотра начали бы иметь свои выгоды. Теперь все в верхних странах реки Иртыша... выстроенные деревни состоят под управлением комендантской канцелярии в Устькаменогорске, которая збираемой с оных подушной оклад употребляет на находящиеся на сей границе войска» [Там же. С. 213].

Структуры гражданского управления оказались на периферии внимания П.С. Палласа, что стало очевидным и естественным отражением протекавших на юге Западной Сибири административно-хозяйственных процессов, а также связанного с ними неуклонного усиления позиций ведомственных вертикалей. Многочисленные аспекты деятельности гражданских властей оказались в стороне даже при упоминании приписного крестьянства, неприкрытая идеализация положения которого вполне логично вытекала из панегиричных оценок горнозаводских властей [Там же. С. 381].

Нейтрально академик подошел к освещению довольно острой для начальных этапов взаимоотношений гражданских и военных органов проблемы снабжения

хлебом регулярных соединений, констатируя практику постоянных доставок зерна крестьянами Томского и Кузнецкого уездов, что якобы, среди прочего, способствовало возникновению новых путей и складыванию относительно устойчивых дорог в локальном районе [Там же. С. 143].

При этом в оценке действий местных военных структур немецкий путешественник не был до конца последовательным. С одной стороны, он считал, что даже общий надзор за «промыслами» (в широком смысле слова) в приграничной зоне передавался соответствующим институциям, которые дозволяли местным жителям уходить «во время лову... за пределы в пустыя и лесистыя страны гор, где охота еще чрезмерно сильна» [Там же. С. 296]. С другой – тут же оговаривался, что руководители гарнизонов посылали до Бухтармы специальные команды для сыска подданных российского государя, самовольно поселившихся за границей «в самых диких горах» [Там же. С. 298].

Взаимодействие гражданских и ведомственных властей было представлено и И.Ф. Германом, «Сочинение...» которого основано на внушительном для XVIII в. количестве документов из архива Берг-коллегии и Кабинета Его Императорского Величества. Австрийский горный инженер рассматривает первые приписки к Колыванским заводам и обязанность уездной воеводской канцелярии отправлять казаков для охраны производства как следствие действий А.Н. Демидова, который «испросил... от Правительствующего Сената указ» [17. С. 235]. В результате воспроизведения отдельных пунктов указа о передаче производственного комплекса в ведение Кабинета и цитирования одного из докладов этого органа академик, возможно, неосознанно показал возрастающую нагрузку на губернскую канцелярию по финансовому обеспечиванию колыванских предприятий (частичному): если в конце 1740-х гг., по подсчетам австрийца, гражданским властям предписывалось ежегодно выделять на содержание заводов 25 000 руб. с доходов от реализации соли и еще 35 000 руб. с таможенного, питейного и подушного сборов, то спустя полтора десятилетия только с соляного сбора 60 000 руб. с возможностью увеличения суммы за счет других статей [Там же. С. 240, 243]. При характеристике Колывано-Воскресенского горного батальона И.Ф. Герман фактически первым из современников XVIII столетия обратил внимание на распределение контрольных и распорядительных полномочий между начальником заводов и Военной коллегией, сохранение за последней значительной части прерогатив [Там же. С. 282–283].

Административно-территориальные преобразования на юге Западной Сибири в последней четверти XVIII в. вполне обоснованно трактовались австрийцем в контексте наметившегося определенного управленческого синкретизма полномочий ведомственных кабинетских и гражданских структур. Образование Екатериной II Колыванской области в 1779 г. известный горный инженер связал с неспособностью Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства навести порядок в судопроизводстве, в результате чего происходило «смешение в едином месте разных родов дел» [Там же. С. 248, 285]. При этом академик постарался макси-

мально уйти от оценок такого неоднозначного вопроса, как соотношение административных статусов начальника Алтайского горного округа и главы Колыванского наместничества (образовано в 1783 г., состояло из Колыванской губернии – бывшей Колыванской области), разграничение компетенций этих руководителей [17. С. 248, 252, 254]. Также в рамках нараставшего доминирования кабинетских и пассивности гражданских властей И.Ф. Герман рассматривал динамику численности приписного крестьянства: в его трактовке Горный совет и Горная экспедиция в случае необходимости требовали предоставления «рабочих рук» от локальных земских изб Колыванского и Тобольского наместничеств, лишь уведомляя о соответствующих решениях региональную канцелярию [Там же. С. 288–289].

Рассмотренные труды ученых и путешественников в целом не смогли выйти за рамки историографической традиции своего времени (во многом в силу господствовавшей классической модели научного знания, которая на фундаментальном уровне диктовала близость методологических и методических установок): преобладание рациональной канвы и стремление опереться на архивные источники сочетались с сохранением ощутимых элементов нарративности и лаконичностью повествования, перемежались отдельными опытами построения причинно-следственных связей. На этом фоне несколько выделяется способ изложения П.С. Палласа, который соединял собственные воспоминания, мысли и суждения (иногда довольно эмоцио-

нальные) со свидетельствами очевидцев и выдержками из документов, при освещении деятельности различных институтов прибегал к приему персонификации, экстраполируя характеристику личности и деятельности руководящих лиц на оценку эффективности той или иной управленческой иерархии. Освещение взаимоотношений разноотраслевых властей выстраивалось по нескольким основным направлениям: подсудность местного населения, проведение приписок и контроль за приписным крестьянством, в меньшей степени – охрана промышленных предприятий. Если Г.Ф. Миллер, побывавший в регионе в начальный период освоения, опосредованно зафиксировал приоритетные позиции органов гражданского управления на фоне еще незрелой ведомственной военной и нечеткой частновладельческой вертикалей, то во второй половине столетия И.П. Фальк, П.С. Паллас и И.Ф. Герман в своих работах напрямую или косвенно обнажили нараставшее доминирование ведомственных (в первую очередь горнозаводских) структур над гражданскими. В этом свете очевидно, что труды современников-очевидцев не утратили своего эвристического потенциала при реконструкции широкого спектра административных коммуникаций (как вертикальных, так и горизонтальных) на сибирских окраинах, а в полной мере ревизию соответствующих ключевых концептуальных и содержательных положений на солидном источниковом материале еще предстоит осуществить современным специалистам.

Список источников

1. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
2. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.
3. Элерт А.Х. Немецкие ученые-путешественники и научное открытие Сибири // История и этнография немцев в Сибири / сост. и науч. ред. П.П. Вибе. Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. С. 13–26.
4. Шипилов И.А. Восприятие культуры аборигенного населения Сибири иностранными и русскими путешественниками XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 15–18.
5. Киссер Т.С. Путешествие И.П. Фалька и И.Г. Георги по Российской империи (по материалам дневников) // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 53–60.
6. Загидулина Т.А., Новикова Е.О. Отчеты академических экспедиций второй половины XVIII в. как инструмент конструирования имперского пространства // Сибирский филологический форум. 2021. № 1. С. 31–43.
7. Контев А.В. Картографические материалы И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера как источники по истории становления горно-металлургического производства на Алтае // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 1. С. 39–43.
8. Козлов С.А. Русский путешественник эпохи Просвещения. СПб. : Ист. иллюстр., 2003. Т. 1. 496 с.
9. Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII – начала XX в. / под ред. Т.Н. Соболевой, Д.С. Боброва. Барнаул : Азбука, 2016. 440 с.
10. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: структура и состав государственного аппарата. М. ; Новосибирск : Древлехранилище, 2003. 408 с.
11. Муратова С.Р. На страже рубежей Сибири: строительство Сибирских укрепленных линий. Тобольск : ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 2007. 174 с.
12. Дмитриев А.В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с.
13. Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула. Барнаул : Алт. полиграф. комбинат, 2000. 336 с.
14. Пережогин А.А. Военно-административная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 264 с.
15. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / изд. подгот. А.Х. Элерт; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1996. 310 с. (Сер. История Сибири. Первоисточники; вып. 6).
16. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. СПб. : Императорская Акад. наук, 1786. Ч. 2, кн. 2. 571 с.
17. Герман И.Ф. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб. : Императорская Акад. наук, 1797. Ч. 1. 294 с.
18. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук, по предложению ее президента : в 7 т. СПб. : Императорская Акад. наук, 1824. Т. 6: Записки путешествия академика Фалька. 546 с.
19. Головнев А.В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 14–20.
20. Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX в. : библиогр. словарь. Барнаул : Алт. полиграф. комбинат, 2000. 280 с.
21. Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: письма и документы. 1716–1721 / сост. Е.Ю. Басаргина, С.И. Зенкевич, В. Лефельдт, А.Л. Хосроев. СПб. : Нестор-История, 2019. 312 с.
22. Бобров Д.С. Взаимоотношения гражданских и ведомственных военных властей в Кузнецком уезде в начальный период административных преобразований середины XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 4. С. 9–15.

References

1. Anisimov, E.V. (1997) *Gosudarstvennye preobrazovaniya i samodержavie Petra Velikogo v pervoy chetverti XVIII v.* [State transformations and autocracy of Peter the Great in the first quarter of the 18th century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
2. Zinner, E.P. (1968) *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i uchenykh XVIII v.* [Siberia in the news of Western European travelers and scientists of the 18th century]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
3. Elert, A.Kh. (2009) *Nemetskie uchenye-puteshestvenniki i nauchnoe otkrytie Sibiri* [German travel scholars and the scientific discovery of Siberia]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and Ethnography of the Germans in Siberia]. Omsk: OGIK muzeya. pp. 13–26.
4. Shipilov, I.A. (2010) *Vospriyatie kul'tury aborigennogo naseleniya Sibiri inostrannymi i russkimi puteshestvennikami XVIII v.* [Perception of the Siberian aboriginal culture by foreign and Russian travelers in the 18th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 15–18.
5. Kisser, T.S. (2016) I.P. Falk's and I.G. Georgy's travels across the Russian Empire (based on travel diaries). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historocal Journal*. 2(51). pp. 53–60. (In Russian).
6. Zagidulina, T.A. & Novikova, E.O. (2021) *Otchety akademicheskikh ekspeditsiy vtoroy poloviny XVIII v. kak instrument konstruirovaniya imperskogo prostranstva* [Reports of academic expeditions of the second half of the 18th century as a tool for imperial construction]. *Sibirskiy filologicheskii forum – Siberian Philological Forum*. 1. pp. 31–43.
7. Kontev, A.V. (2013) Cartographic data of I. G. Gmelin and G. F. Miller as historical sources on the development of mining and metallurgical industry in Altai. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 12(1). pp. 39–43. (In Russian).
8. Kozlov, S.A. (2003) *Russkiy puteshestvennik epokhi Prosveshcheniya* [The Russian traveler of the Enlightenment]. Vol. 1. St. Petersburg: Ist. illyustr.
9. Soboleva, T.N. & Bobrov, D.S. (eds) (2016) *Istoriko-geograficheskie obrazy Altaya v trudakh uchenykh, puteshestvennikov i chinovnikov XVIII – nachala XX v.* [Historical and geographical images of Altai in the works of scientists, travelers and officials of the 18th – early 20th centuries]. Barnaul: Azbuka.
10. Akishin, M.O. (2003) *Rossiyskiy absolyutizm i upravlenie Sibiri XVIII v.: struktura i sostav gosudarstvennogo apparata* [Russian absolutism and administration of Siberia in the 18th century: the structure and composition of the state apparatus]. Moscow; Novosibirsk: Drevlekhranilishche.
11. Muratova, S.R. (2007) *Na strazhe rubezhov Sibiri: stroitel'stvo Sibirskikh ukreplennykh liniy* [On guard of Siberian borders: the construction of the Siberian fortified lines]. Tobolsk: TSPI.
12. Dmitriev, A.V. (2017) *Russkaya regul'yarnaya armiya v Sibiri (1725–1796): osobennosti voennoy sluzhby na "vostochnoy okraine" Rossiyskoy imperii v XVIII stoletii* [Russian Regular Army in Siberia (1725–1796): Peculiarities of Military Service on the "Eastern Outskirts" of the Russian Empire in the 18th Century]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr humanitarnykh initsiativ.
13. Borodaev, V.B. & Kontev, A.V. (2000) *U istokov istorii Barnaula* [At the Origins of the Barnaul History]. Barnaul: Alt. poligraf. Kombinat.
14. Perezhogin, A.A. (2005) *Voenizirovannaya sistema upravleniya Kolyvano-Voskresenskogo (Altayskogo) gornogo okruga (1747–1871 gg.)* [Militarized control system of the Kolyvano-Voskresensky (Altai) mining district (1747–1871)]. Barnaul: Altai State University.
15. Elert, A.Kh. & Pokrovskiy, N.N. (eds) (1996) *Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in G.F. Miller's travelogues]. Novosibirsk: Sib. Khronograf.
16. Pallas, P.S. (1786) *Puteshestvie po raznym mestam Rossiyskogo gosudarstva po poveleniyu Sankt-Peterburgskoy Imperatorskoy Akademii nauk* [Journey to different places of the Russian state at the behest of the St. Petersburg Imperial Academy of Sciences]. Vol. 2(2). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
17. German, I.F. (1797) *Sochineniya o sibirskikh rudnikakh i zavodakh* [Compositions about the Siberian mines and factories]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
18. Falck, J. (1824) *Zapiski puteshestviya akademika Fal'ka* [Academician Falck's travel notes]. In: *Polnoe sobranie uchenykh puteshestviy po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoy Akademiei nauk, po predlozheniyu ee prezidenta* [Complete Collection of Scholarly Travels in Russia, published by the Imperial Academy of Sciences as proposed by its President]. Vol. 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
19. Golovnev, A.V. (2010) *Krupnyy plan v antropologii* [A close-up in anthropology]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historocal Journal*. 4(29). pp. 14–20.
20. Oleynik, V.S. (2000) *Issledovateli Altayskogo kraia. XVIII – nachalo XX v.* [Researchers of the Altai Territory. The 18th – early 20th century]. Barnaul: Alt. poligraf. Kombinat.
21. Basargina, E.Yu., Zenkevich, S.I., Lefeldt, V. & Khosroev, A.L. (eds) (2019) *Pervyy issledovatel' Sibiri D.G. Messerschmidt: pis'ma i dokumenty. 1716–1721* [The first explorer of Siberia D.G. Messerschmidt: letters and documents. 1716–1721]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
22. Bobrov, D.S. (2019) *Vzaimootnosheniya grazhdanskikh i vedomstvennykh voennykh vlastey v Kuznetskom uезде v nachal'nyy period administrativnykh preobrazovaniy serediny XVIII v.* [The relationship between civil and departmental military authorities in the Kuznets district in the initial period of administrative transformations in the middle of the 18th century]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 26(4). pp. 9–15.

Сведения об авторах:

Бобров Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: bds-eureka@yandex.ru

Гончаров Юрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: yuriig@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Bobrov Denis S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History of Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: bds-eureka@yandex.ru

Goncharov Yuri M. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History of Altai State University (Barnaul, Russia). E-mail: yuriig@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 04.04.2022; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья
УДК 94(571.16)
doi: 10.17223/19988613/78/2

Западно-сибирское отделение Всероссийской ассоциации инженеров в 1920-е гг.: развитие и преемственность

Дмитрий Дмитриевич Вячистый

Томский государственный университет, Томск, Россия, dimdimvyachisty@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается деятельность Общества сибирских инженеров (с 1922 г. – Западно-сибирское отделение Всероссийской ассоциации инженеров) в советский период своего существования. Кратко обозначены тенденции дореволюционного развития общества и проанализирован процесс его возрождения в начале 1920-х гг. Обозначены основные направления деятельности организации, ее структура и кадровый состав, а также выявлена преемственность в развитии отделения относительно своего дореволюционного аналога.

Ключевые слова: Общество сибирских инженеров, Томск, техническая интеллигенция, Главнаука

Для цитирования: Вячистый Д.Д. Западно-сибирское отделение Всероссийской ассоциации инженеров в 1920-е гг.: развитие и преемственность // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 12–20. doi: 10.17223/19988613/78/2

Original article

West Siberian department of the All-Russian Association of Engineers in the 1920s: development and continuity

Dmitry D. Vyachisty

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, dimdimvyachisty@yandex.ru

Abstract. The article examines the activities of the Society of Siberian Engineers (since 1922 – the West Siberian department of the All-Russian Association of Engineers) in the 1920s. The tendencies of its pre-revolutionary development, as well as the processes of its revival after the Civil War are briefly outlined. For the first time, it is concluded that there is continuity between pre- and post-revolutionary variations of society, and its specific features are analyzed.

The source base of the research was the materials of the society's periodical press, as well as unpublished office materials. The methodological tools include historical-descriptive, historical-comparative and historical-chronological methods, /as well as structural-diachronic analysis.

The Society of Siberian Engineers was established in 1909 and successfully developed until the First World War, leading the researching of technical problems. With the beginning of the conflict, it began to provide assistance to the front, and since 1916 it began to cooperate with Zemgor. Under its influence, society abandoned apoliticality, and welcomed the February Revolution. In turn, the October Revolution was not accepted by society – it opposed the Soviet authorities.

The new information about society was dated 1922, when the society, which had suffered serious personnel and financial losses, turned to Glavnauka to legalize its activities. The society successfully received approval from Glavnauka and adopted the new statute. No later than March 5, 1922 the society was renamed as the West Siberian department of the All-Russian (since December 1922 – All-Union) Association of Engineers.

The department immediately began to recover lost positions. This was about both in the restoration of lost structural elements (journal, library, reading room), and in the revival of pre-revolutionary elements of his everyday life ("technical teas"). In the first half of the 1920s, the department demonstrated advanced growth. Since 1924 a collaboration of the department with Sibplan was established, and it gave an impetus to development of the organization (and also indicated commitment to the pre-revolutionary development strategy – Sibplan sponsored the department as Zemgor did at the time).

However, in the second half of the decade, due to the gradual decline of the city, the department also began to demonstrate crisis phenomena. The attempt to unite with local engineering sections failed (which demonstrated the desire of the department to obtain trade union functions, as it had in pre-revolutionary time), and the department survived only through cooperation with Sibplan. With the initiation of the Shakhty Trial, the organization ceased its activities following the All-Union Association of Engineers.

Thus, the Society of Siberian Engineers in the 1920s was able to successfully integrate into the new scientific and educational system and carried out activities largely based on its own pre-revolutionary experience.

Keywords: Society of Siberian Engineers, Tomsk, technical intelligentsia, Glavnauka

For citation: Vyachisty, D.D. (2022) West Siberian department of the All-Russian Association of Engineers in the 1920s: development and continuity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 12–20. doi: 10.17223/19988613/78/2

В 2022 г. исполняется сто лет с момента официального учреждения Всероссийской (с декабря 1922 г. – Всесоюзной) ассоциации инженеров – первого санкционированного советской властью объединения научно-технической интеллигенции, занимавшегося развитием одноименного потенциала страны. Создание такой структуры фактически совпало с окончанием Гражданской войны, поставив ученых и инженеров перед фактом: единственной политической силой, которая продемонстрировала заинтересованность в их услугах, была советская власть. В связи с этим дореволюционные представители технической интеллигенции должны были адаптировать свою деятельность к новым внутриполитическим реалиям.

В этом контексте представляет интерес опыт Западно-сибирского отделения Всероссийской ассоциации инженеров, базировавшегося в Томске и созданного на основе дореволюционного Общества сибирских инженеров – крупнейшей научно-технической организации за Уралом. Опыт общества представляется интересным за счет как непосредственно его деятельности, так и того процесса интеграции в новую научную вертикаль, что был осуществлен его руководством в начале 1920-х гг. То, как томское дореволюционное объединение инженеров сумело пережить все политические кризисы революций и Гражданской войны и восстановиться при новой власти, сохранив свои традиции, и есть предмет данной статьи.

Научная новизна исследования заключается в выявлении полноценной преемственности между до- и постреволюционными этапами развития общества, заключавшейся не только в формальных признаках, но и в конкретной политике руководства организации. На основании полученных результатов возможен вывод о деятельности общества в 1920-е гг. как о воспроизводстве им своего более раннего опыта.

Историография исследования представлена неравномерно. Большинство существующих на текущий момент отечественных трудов носит в основном обзорный характер по истории общества. Среди советских исследователей, занимавшихся разработкой данной проблематики, необходимо указать Л.И. Пыстину, которая детально охарактеризовала деятельность Общества сибирских инженеров в период Первой мировой войны, а также обозначила основные вехи его существования в целом [1, 2].

Анализ более узкой проблематики можно найти в трудах Т.Н. Хроменковой. Необходимо отметить ее статью «Роль ученых и инженеров Томского и Ново-сибирского отделений Всесоюзной ассоциации инженеров в решении проблемы железнодорожного освоения Сибири в 1920-е гг.», где была охарактеризована деятельность томских ученых и инженеров, состоящих в Западно-сибирском отделении ВАИ и занимавшихся решением инфраструктурной проблемы региона [3]. Исследование ценно тем, что в нем представлены кон-

кретные проекты по улучшению железнодорожного снабжения Сибири в целом и Томска в частности. Впоследствии эти идеи были развиты в диссертации автора [4]. Повседневности технической интеллигенции региона посвящена диссертация Т.Г. Чебоксаровой, где автор проанализировала условия труда, а также материальное положение сибирских инженеров [5].

Наконец, одним из самых актуальных на текущий момент исследований является статья В.П. Зиновьева и С.Г. Суляка, посвященная истории научно-технических обществ Сибири [6]. Авторами систематизированы сведения об указанных общественных объединениях, выявлены их цели и задачи, охарактеризована деятельность и кратко обозначены основные вехи их истории.

Таким образом, советская историография проблемы была посвящена общим вопросам деятельности общества, рассматривая его в контексте становления сибирской технической науки. В современной историографии исследовательский фокус сместился на изучение более локальных сюжетов, связанных с профессиональными изысканиями членов организации и их повседневностью. Тем не менее проблема степени преемственности Общества сибирских инженеров и Западно-сибирского отделения Всероссийской ассоциации инженеров так и не получила должного внимания в отечественной историографии.

Источниковая база исследования включает в себя комплекс периодической печати («Вестник Общества сибирских инженеров», с 1922 г. – «Вестник Западно-сибирского отделения ВАИ»), а также делопроизводственных материалов отделения. Методологический инструментарий представлен историко-сравнительным, историко-описательным и историко-хронологическим методами, помимо этого использовался структурно-диахронный анализ для сопоставления и сравнения этапов развития Общества сибирских инженеров в до- и постреволюционные периоды своего существования.

Переходя непосредственно к повествованию, необходимо кратко обозначить основные этапы развития Общества сибирских инженеров накануне 1917 г. Оно было создано в 1909 г. выпускниками и преподавателями Томского технологического института и успешно вело деятельность вплоть до революционных потрясений. В последние дореволюционные годы общество занималось разработкой научно-технических проблем физики, химии, геологии, разных отраслей промышленности, представленных в Сибири, а также оказывало посильную помощь фронту. И именно последний аспект деятельности во многом предопределил дальнейшее развитие организации. Так как действующие войска испытывали недостаток снабжения, Общество сибирских инженеров в 1916 г. решило установить контакты с Главным по снабжению армии комитетом Всероссийских земского и городского союзов (Земгором). Комитет был ответствен за организацию оборонных госзаказов в масштабах страны, в связи с чем

обращение общества к нему было закономерным – при содействии такой мощной структуры становилось возможным более централизованно осуществлять поставки. Кроме того, горячим апологетом такого сотрудничества выступил член общества Н.В. Некрасов (будущий министр Временного правительства) [7. С. 73–74]. Именно с его подачи было решено приступить к организации инженерно-строительных дружин (первая была сформирована 27 марта 1916 г., создание второй начато 7 апреля) и последующей их отправке на фронт [8. С. 98–99].

Данное решение преследовало сразу две цели: помочь действующей армии и обратить на себя внимание со стороны Земгора. Комитет действительно заметил проявление инициативы, и отношения между двумя организациями стали быстро крепнуть. После ряда успешно выполненных закупок снаряжения [9. С. 46] от Земгора последовало предложение обществу стать его полноценным и постоянным местным комитетом. После внутреннего совещания руководство организации провело 1 октября экстренное заседание, на котором подавляющее большинство присутствующих высказались за объединение с комитетом [10. С. 66–67].

Данное сотрудничество повлекло за собой далеко идущие последствия. Так, либерально-оппозиционно настроенный Земгор получил возможность идейно влиять на Общество сибирских инженеров. В его среде быстро распространились крамольные идеи, и вследствие этого его члены крайне лояльно отнеслись к Февральской революции и приходу к власти Временного правительства. Общество приветствовало революционные перемены, выразило желание содействовать развитию страны при новом режиме, а также поздравило Н.В. Некрасова с назначением на пост министра путей сообщения [11. С. 51–52]. Таким образом, со свержением самодержавия Общество сибирских инженеров отказалось от своей аполитичности и примкнуло к либеральным силам, утвердившимся у руля страны. Тогда же началась его адаптация к текущим внутриполитическим реалиям.

Прежде всего для закрепления своего статуса на собраниях от 31 марта 1917 г. было постановлено о необходимости вхождения общества во Всероссийский союз инженеров (организация научно-технических кадров, осуществлявшая профсоюзные функции в масштабах страны). Таким образом, общество становилось звеном в цепи профсоюзных объединений, представлявших интересы технической интеллигенции.

Это, в свою очередь, потребовало переработки устава общества, чтобы он отражал его изменившееся положение и соответствовал духу времени [11. С. 53–54]. 30 июня 1917 г. руководство общества постановило принять устав Всероссийского союза инженеров в качестве основного, что фактически означало успешное вхождение общества в его подчинение. Параллельно шел процесс объединения Общества сибирских инженеров с Союзом сибирских инженеров – региональной профсоюзной организацией, созданной после Февральской революции, целью которой являлись объединение и защита прав научно-технической интеллигенции [12. С. 81–82]. В силу совпадающих задач и полномо-

чий обе организации быстро нашли общий язык и для устранения дублирования решили организовать слияние – 17 июня оно было успешно произведено. Одним из следствий этого явилось изменение названия общества, которое с данного момента стало известно как «Общество и Союз сибирских инженеров». Аналогично был переименован и его журнал.

Таким образом, организация за полгода проделала путь от научно-просветительского объединения до полноценной профсоюзной организации, имеющей свои представительства в ряде учреждений и объединений города и губернии. Так, члены общества участвовали в расчете зарплат рабочим Судженских и Анжерских копей, вошли в состав технической комиссии при губернском исполнительном комитете и т.д. [13. С. 59–64].

Очевидно, что при таком активном развитии общество было заинтересовано в сохранении внутриполитического статус-кво. В связи с этим Октябрьская революция прямо противоречила его интересам и вызвала бурную реакцию. После событий октября 1917 г. дважды были созваны экстренные собрания инженеров – 4 и 29 ноября. На первой встрече собравшиеся постановили оказывать всемерную помощь Временному правительству, действия большевиков были осуждены, а Октябрьская революция не принята. Кроме того, собрание выступило против учреждения местного революционного комитета [14. С. 84–85].

После же второго собрания, прошедшего 29 ноября 1917 г., была принята резолюция от имени Союза и Общества сибирских инженеров, в которой был признан факт нарушения большевиками гражданских свобод населения, а также зафиксирована угроза срыва работы Учредительного собрания. Организация отказалась считать власть большевиков легитимной, потребовала освободить всех граждан, арестованных по политическим мотивам, а также призвала дать отпор всем, кто пытался каким-либо образом ограничить деятельность местных структур самоуправления [14. С. 86]. Любопытно, что в резолюции подчеркивался репрессивный характер действий молодого советского правительства и производилось его сравнение с царским в пользу последнего. При этом, исходя из семантики самой резолюции, самодержавие также осуждалось, что позволяет проследить ту эволюцию, которую совершило общество в рамках собственной политизации.

Восстановить дальнейшие действия членов общества представляется затруднительным, поскольку ключевой источник в этом плане – журнал – прекратил свой выход весной 1917 г. Последний его выпуск был посвящен памяти Л.Л. Тове, совершившего самоубийство 17 января 1917 г. [15. С. I–IXI]. В нем были помещены очерки друзей и сослуживцев покойного, его биография и некролог. В мае 1918 г. большевистская власть в городе была свергнута, и регион стал ареной Гражданской войны. Тем не менее официально общество распущено оно не было, и некоторые его подразделения продолжали действовать и в таких тяжелых условиях (например Техническая контора, занимавшаяся выполнением прикладных инженерных проектов).

В итоге организация сумела пережить потрясения Гражданской войны, хотя и понесла кадровые потери.

Из изначального состава редакционного совета журнала общества на 1922 г. в нем осталось только 4 человека – М.А. Усов, И.Н. Бутаков, В.И. Минаев и Н.В. Гутковский. Серьезно сократился и редакционный коллектив: вместо 13 дореволюционных редакторов в нем теперь оставалось всего 5 человек. Тем не менее организация сохранила свой кадровый костяк, который был как минимум лоялен установившемуся режиму.

Точно установить, кто был инициатором возрождения общества, представляется затруднительным в силу отсутствия соответствующих источников, однако достоверно известно, что оно приступило к работе в 1922 г. Процесс его возрождения проходил в два этапа. Сначала руководство решило уладить формальную сторону своей реорганизации – встроить общество в существующую научную вертикаль, получить одобрение со стороны властей на ведение деятельности и закончить оформление внутренней структуры. С этой целью немногочисленные активисты будущего отделения связались с Главным управлением научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука). Управление являлось подразделением Народного комиссариата просвещения и ведало всей научной деятельностью на территории страны.

Ответ из столицы был положительным – Главнаукой было одобрено возрождение бывшего Общества сибирских инженеров и предлагалась его интеграция по линии Всероссийской ассоциации инженеров, которая являлась профильным объединением научно-технических специалистов страны. Для этого в Томск был выслан проект устава, который следовало рассмотреть и принять в качестве руководящего.

Согласно уставу главной целью ассоциации в масштабах страны провозглашалось «объединение инженеров всех специальностей на почве профессиональных, а также народнохозяйственных и научно-технических интересов». Базироваться эти процессы должны были на защите «интересов своих членов и разработке общественно-профессиональных вопросов», содействии «развитию производительных сил страны и использованию ее богатств» и отправлении традиционной научно-технической деятельности [16. Л. 10 об.].

В полномочия ассоциации входили сотрудничество с различными учреждениями, разрешение конфликтов между членами ВАИ или внешними акторами, организация представительств в государственных, общественных и научно-технических учреждениях, кооперация с различными научными организациями, разработка законов и проектов, направленных на улучшение жизни инженеров и поддержка отечественных разработок и изобретений. Для осуществления заданных целей организация должна была иметь периодический печатный орган, вести кассой, проводить соответствующие мероприятия и т.д. [Там же]

Исходя из данных положений, можно утверждать, что Всероссийская ассоциация инженеров помимо научной деятельности могла также осуществлять профсоюзные функции в отношении своих участников. Что касается просветительской составляющей – прямо она указана не была, однако ряд наложенных на ассоциацию обязательств подразумевал отправление

одноименной деятельности. Таким образом, в случае принятия устава общество получало доступ ко всем своим дореволюционным полномочиям – научно-исследовательским, просветительским и, с некоторыми купюрами, профсоюзным. Подобное развитие событий открывало возможность максимально воспользоваться имевшимся дореволюционным организационным опытом, что общество не преминуло сделать.

Итак, получив весной 1922 г. (не позднее 5 марта) данный проект устава, участники Общества сибирских инженеров постановили принять его и с целью интеграции во Всероссийскую ассоциацию инженеров приступили к реорганизации общества – отныне оно стало Западно-сибирским отделением Всероссийской ассоциации инженеров [Там же. Л. 11]. С этого момента началась советская часть истории организации. Данным шагом новоявленное отделение окончательно легитимизировало свой статус, стало приводить в соответствие с уставом все стороны своей жизни.

Прежде всего было решено провести установочный съезд, который официально положил бы начало деятельности отделения. Изначально предлагалось организовать его в Москве, однако из-за проблем с логистикой и в связи с финансовыми трудностями он был перенесен в Томск. Была создана специальная комиссия, призванная обеспечить его проведение, однако и здесь сказался недостаток финансов – у участников не оказалось достаточно средств. В итоге съезд так и не состоялся, и отделение было вынуждено начать свою работу постфактум [17. С. 62].

Отказавшись от проведения съезда, участники отделения тем не менее выбрали руководящий президиум на 1922–1923 гг. В него вошли В.В. Воеводин, С.М. Вейхан, И.В. Ефимов и Н.И. Макаров, председателем президиума был избран Н.В. Гутковский, его заместителями – И.Ф. Пономарев и Н.П. Чижевский. Также согласно уставу была сформирована ревизионная комиссия, состоявшая из двух человек – А.А. Потёбни и Н.А. Балакина [Там же. С. 63].

Покончив с организационной деятельностью, отделение занялось вопросами выпуска печатного издания. Было решено использовать дореволюционный печатный макет, однако, даже имея его, руководство организации смогло выпустить первый номер только октябре 1922 г. Здесь президиуму пришлось использовать личные связи: прибегнув к помощи начальника шестого отдела железных дорог Сибирского округа путей сообщения В.Ф. Толстова, удалось договориться с типографией об издании журнала. Назвать его было решено «Вестник сибирских инженеров», продемонстрировав преемственность отделения и дореволюционного общества. В вышедшем номере редакционный коллектив разместил объявление о том, что кризисная пора для общества миновала, призвав публиковаться на страницах журнала местное научное сообщество [17. С. I].

Слова редакции о постепенной стабилизации общества подтверждаются и рядом других фактов. Так, были налажены так называемые «технические чаи» – серии встреч, в рамках которых происходило обсуждение профессиональных инженерных вопросов. Специально для этого занималось помещение в доме 5а

по ул. Бульварной. Также с подачи президиума заместитель председателя И.Ф. Пономарев совершил ряд поездок по Сибири и поспособствовал открытию местных отделений организации в Новониколаевске и Барнауле (вдобавок к действующим в Семипалатинске и Красноярске) [17. С. I].

Еще одним символом успешного восстановления общества явилось первое полноценное годовое (отчетное) собрание, прошедшее 20 мая 1923 г. На нем были сформулированы цели на следующий год – продолжение организационного строительства, установление связей с различными профессиональными инженерными организациями, укрепление издательской деятельности, а также созыв областной конференции. Что касается численности отделения, то на 1 января 1923 г. в нем насчитывалось порядка 240 чел., из них 110 в Томске, 20 в Барнауле, 40 в Новониколаевске, 50 в Красноярске и оставшиеся 20 из иных городов и местностей [Там же. С. 64]. Данная цифра была огромной по тому времени, даже с учетом того, что часть участников имела задолженности по выплатам членских взносов. Фактически на 1923 г. в Сибири имела широкая сеть инженерных обществ с главенствующим отделением в Томске.

За все тот же 1923 г. обществу удалось наладить работу своей собственной библиотеки и читальни при ней. Продолжилось и развитие журнала – в дополнение к редакционной комиссии была сформирована особая финансовая, чьей целью было усиление материального обеспечения издания. В нее вошли С.К. Конюхов, М.Н. Кошурников и И.И. Макаров [18. С. 64–65]. Таким образом, 1924 г. отделение встретило полностью реорганизованным; единственной неразрешенной проблемой оставалась финансовая.

Фактически за 1922–1923 гг. отделение сумело вернуть ряд черт, казалось бы, утраченных вместе со своим дореволюционным предшественником. Речь идет о различных структурных составляющих: были восстановлены журнал, читальня и библиотека, а также начато установление контактов с филиалами в других городах. Подобные действия способствовали развитию отделения, одновременно с этим демонстрируя преемственность с Обществом сибирских инженеров. При этом нельзя утверждать о провокативности подобных действий – отделение фактически возвращало себе принадлежавшее имущество и организовывало различные формы деятельности (издание журнала и «технические чаи») используя уже имевшиеся наработки и опыт.

24 февраля 1924 г. состоялось очередное отчетное собрание, на котором констатировались успешное развитие отделения и реализация всех задач, поставленных год назад (кроме созыва областной конференции, которую было решено провести в текущем году, приурочив к какому-либо техническому событию). В связи с этим руководство отделения приступило к реализации внешних проектов – приоритетным на грядущий год объявлялись установление контактов с подразделениями в других городах, принятие участия в работе комиссии по изучению производительных сил Сибири, а также получение представительства в административных органах. Численность участников отделения

также выросла – на 1 января 1924 г. в отделение входили уже 277 человек (из них 92 в Томске и суммарно 185 в Красноярске, Новониколаевске, Омске, Барнауле, Иркутске и т.д.) [19. С. 63]. За отчетный 1923 г. было проведено 23 «технических чая» и организовано 21 полноценное заседание. Все это свидетельствует об успешном развитии отделения.

Именно 1924 г. стал переломным в истории отделения, дав ему мощный толчок к развитию. Во-первых, на прошедшем в декабре 1923 г. I Всероссийском съезде инженеров, который посетили и представители организации, М.И. Калинин прямо указал на готовность правительства поддерживать технических специалистов в их профессиональной деятельности на благо страны [20. С. 63]. Наличие своего собственного специализированного съезда и заверения в благожелательности от члена правительства однозначно свидетельствовали об установлении курса на сотрудничество с техническими специалистами.

Во-вторых, заинтересованность в деятельности общества стали демонстрировать и томские власти, желавшие использовать знания членов отделения на благо региона. Так, 16 февраля 1924 г. на «технических чаях» выступили И.Ф. Пономарев и В.Ф. Толстов с предложением о создании при отделении Комиссии по изучению и организации производственных и других отраслей народного хозяйства Сибири (в дальнейшем известна как Нархозсиб). Это предложение получило горячий отклик присутствующих, и следующие полтора месяца шло обсуждение устройства и полномочий комиссии. 5 апреля 1924 г. была утверждена руководящая инструкция для нее и определен кадровый состав: в комиссию должны были войти 7 представителей от отделения и 16 от государственных и общественных структур. Согласно инструкции в задачи Нархозсиба входило обследование экономических условий Сибири для последующего определения мероприятий, необходимых для восстановления региона, а также помощь властям в претворении их в жизнь [21. С. 62].

Следующее заседание, посвященное комиссии, состоялось 5 мая, – на нем был выбран ее руководящий состав. Председателем Нархозсиба стал Н.В. Гутковский, членами – И.Ф. Пономарев, С.В. Лебедев, В.Ф. Толстов, С.А. Балакшин, кандидатами – В.И. Минаев, В.Н. Пинегин и Б.В. Ревердатто. Когда все приготовления были завершены, отделение приступило к налаживанию контактов с Сибирской плановой комиссией (Сибплан) с целью предложить ей свои услуги. Представители Сибплана выразили заинтересованность в его деятельности, однако из-за организационных вопросов утвердить существование Нархозсиба как полностью независимой структуры оказалось невозможным. Вместо этого президиуму комиссии было предложено влиться в Сибплан в качестве научно-технической комиссии (при этом название «Нархозсиб» неофициально использовалось в дальнейшем). Данная комиссия хоть и становилась административным органом комиссии, но за счет своего кадрового состава продолжала представлять отделение. Сибплан, заинтересованный в сотрудничестве с обществом, подобный подход полностью одобрил [Там же. С. 63].

Таким образом, отделение смогло получить внешнего административного покровителя. Во многом эта ситуация напоминает аналогичное установление контактов дореволюционного общества с Земгором, что дает основание утверждать об определенной преемственности такого опыта. В обоих случаях организация находила себе мощного спонсора, готового поддерживать ее деятельность в обмен на выполнение госзаданий. Касательно последнего – как только переговоры были завершены, комиссия тут же получила два поручения: представить план по рационализации сибирского маслodelия и изучить смету доходов и расходов Запсибгоспары для последующей оптимизации его деятельности. На реализацию обоих поручений было отпущено 1 825 руб. [21. С. 64]. Таким образом, отделение стало получать стабильное финансирование, что, в свою очередь, послужило стимулом для его развития.

15 февраля 1925 г. состоялось традиционное годовое собрание, на котором были подведены итоги текущего развития отделения [Там же. С. 59]. Было объявлено, что все задачи, поставленные на прошлом отчетном собрании, выполнены, за исключением созыва областной конференции (здесь снова повлияли финансовый фактор и ряд организационных проблем). Отделение продолжало развиваться и крепнуть – библиотека насчитывала 1 170 книг, число участников в Томске выросло с 92 до 98 чел. Однако в других городах численность местных отделений серьезно сократилась: в Красноярске осталось 35 чел. против прежних 50, а в Новониколаевске – 19 против 40 [Там же. С. 61]. При этом создание Нархозсиба подстегнуло томское научное сообщество – с осени 1924 г. по 1 июля 1925 г. было подано 28 заявлений о вступлении в отделение (правда, 17 человек за 1925 г. покинули город, а 2 человека вышли из организации по собственному желанию, поэтому итоговый прирост оказался не таким большим). Как итог, на 1 января 1926 г. численность отделения в Томске составила 105 человек [22. С. 94].

Главной задачей на текущий год объявлялась полная поддержка Нархозсиба и его деятельности в рамках Сибплана. Два полученных госзадания были выполнены, Сибплан одобрил полученные результаты и тут же дал новые поручения – составить пятилетние планы развития местной консервной, писчебумажной и огнеупорной промышленности, а также сухой перегонки дерева [Там же. С. 95].

Что касается издания «Вестника сибирских инженеров», то здесь удалось почти полностью разрешить финансовые трудности, связанные с его выпуском, однако неожиданно поток научных статей для печати стал уменьшаться. Для преодоления этой проблемы было решено расширить журнал – с 1926 г. он должен был стать рупором не только отделения, но и Губернского межсекционного бюро инженеров и техников [22. С. 62]. Планировалось расширить это издание до 6 печатных листов и посвятить первый его обновленный номер различным аспектам истории железнодорожного дела в Сибири.

Это, казалось бы, исключительно техническое расширение издания на самом деле являлось отражением

одной из глубинных проблем положения технической интеллигенции в 1920-е гг. Дело в том, что после Октябрьской революции советская власть с целью привлечения специалистов на свою сторону (а также получения контроля над ними) инициировала создание специальных профсоюзных инженерных секций, которые должны были объединять технические кадры и вести вопросы их труда и социальной защиты. Все прочие объединения, вне зависимости от своей специфики, должны были влиться в подобные секции, однако в силу ряда организационных моментов и сопротивления инженеров этого сделано не было. При этом и те и другие структуры дублировали свою профсоюзную деятельность.

До 1921 г. эта неопределенная ситуация сохранялась: одновременно существовали легитимные, но непопулярные инженерные секции, и дореволюционные научные общества, на полуполюгальном положении ведущие свою деятельность. Вышедшее же в 1921 г. постановление об улучшении условий труда технических специалистов, с одной стороны, легализовало профессиональные научные объединения, но с другой – не устранило имевшийся параллелизм [23. С. 253–256]. И сейчас, посредством слияния нескольких журналов в один, Западно-сибирское отделение сделало первый шаг для устранения имевшегося дублирования функций [22. С. 89]. Любопытно, что здесь также можно усмотреть параллелизм в развитии с Обществом сибирских инженеров, когда в 1917 г. им было произведено объединение с Союзом сибирских инженеров с целью получения полноценных профсоюзных функций.

В итоге объединение печатных органов было произведено успешно, и «Вестник сибирских инженеров» с 1926 г. стал выходить под эгидой обеих организаций. Подобное слияние должно было стать основой для последующего потенциального поглощения отделением бюро, однако со второй половины 1920-х гг. оно столкнулось с глобальной проблемой – утечкой кадров. Так, уже на 1 января 1927 г. численность отделения снизилась со 105 до 95 чел. (за год вошли 5 чел. и вышли 15) [24. С. 32]. Ключевым фактором здесь могло выступить упразднение Томской губернии и окончательное закрепление за Новониколаевском статуса столицы региона, что, в свою очередь, означало постепенный упадок Томска.

В связи с оттоком участников президиум был вынужден поднять членские взносы для поддержания бюджета, а также снизить тираж журнала до 300 экземпляров. Seriously сократилось и количество размещаемых статей – на протяжении большей части 1927 г. их публиковалось не больше двух в одном выпуске. Помимо этого, нарушилась связь с иногородними отделениями: все они (Красноярское, Омское, Новониколаевское и Иркутское) не выслали отчетную документацию за прошедший год.

Тем не менее за счет своего главного источника доходов – Нархозсиба – общество продолжало действовать. В начале 1927 г. комиссия была привлечена к разработке генеральных пятнадцатилетних планов по реконструкции сибирского хозяйства, ей было доверено составление восьми таковых – по Кузбассу,

золотопромышленности, лесохимической и хлопчатобумажной промышленности, мукомольному и свеклосахарному производству, по проектированию Южно-сибирской железной дороги, а также по элетрофикации региона. На выполнение всех заданий было выделено 7 900 руб., полученных от Сибкрайплана [25. С. 34–35].

Подобная поддержка должна была выступить стимулом к развитию жизни отделения, однако в 1927 г. оно получило фатальный удар. Стремясь компенсировать финансовые потери от отъезда участников, президиум поднял членские взносы сначала до 15, а позднее до 18 руб. Подобные затраты оказались неподъемными для большинства участников, и к 1 января 1928 г. отделение покинули 49 чел. Отчасти эти потери были компенсированы деятельностью Нархозсиба, побудившей 14 чел. вступить в отделение – на 1 января 1928 г. насчитывалось 63 участника. Из всех иногородних отделений удалось наладить связь только с Иркутским, в котором насчитывалось 20 чел. [Там же. С. 37]. Еще одним ударом стало то, что все меры, призванные оживить «Вестник сибирских инженеров», потерпели неудачу: за весь 1927 г. в нем было опубликовано всего 18 статей [Там же. С. 36–37].

Вдобавок к местным проблемам отделение столкнулось с глобальной. 18 мая 1928 г. начался Шахтинский процесс над инженерами-«вредителями» на производстве. Осознавая, что он прямо затрагивает интересы технических специалистов, президиум созвал экстренное заседание, на котором была зачитана официальная резолюция Всесоюзной ассоциации инженеров, содержащая призыв не клеймить диверсантами всех технических специалистов страны: ассоциация призвала власти провести тщательное расследование и покарать только виновных. Ознакомившись с резолюцией, все присутствовавшие на собрании участники отделения единогласно поддержали ее.

Как данный факт сказался на дальнейшем развитии отделения, установить трудно: в конце 1928 г. выпуск «Вестника сибирских инженеров» был прекращен, в 1929 г. была упразднена Всесоюзная ассоциация инженеров, что должно было повлечь за собой и роспуск Западно-сибирского отделения. Последние номера журнала, вышедшие в 1928 г., демонстрируют тенденцию к его дальнейшему упадку – печатаемые статьи стали единичными. Согласно уставу, все свое имущество отделение должно было передать губернскому межсекционному бюро, с которым в свое время пыталось организовать слияние. Так завершился жизненный путь одной из старейших инженерно-технических организаций Сибири.

В целом же сначала Общество сибирских инженеров, а потом Западно-сибирское отделение Всероссийской ассоциации инженеров проделало путь от локальной и сугубо профессиональной группы по интересам до полноценной, встроенной в научную и административную систему организации со своими филиалами

в других городах Сибири. Рост численности кадрового состава в первой половине 1920-х гг., стабильный выпуск периодического издания, наличие устойчивых связей как с административными структурами региона, так и с иными профессиональными организациями инженеров – все это свидетельствует о динамичном развитии отделения в указанный период.

Большую роль в таком прогрессирующем развитии сыграло заимствование элементов деятельности и быта дореволюционного Общества сибирских инженеров. Воспользовавшись уставом от Главнауки, организация приступила к последовательному внедрению различных компонентов своей дореволюционной жизни. В первую очередь это касалось внутреннего устройства – был налажен выпуск журнала, возрождены неформальные встречи, восстановлены читальня и библиотека и т.д. В дальнейшем отделение приступило к восстановлению своего положения уже в масштабах всей Сибири, налаживая связи со своими бывшими подразделениями в других городах. Воспроизводя свой опыт, организация нашла себе покровителя в лице Сибплана, создав, таким образом, параллель со своей прежней деятельностью в рамках Земгора. Но когда казалось, что развитию отделения больше ничего не угрожает, в ситуацию вмешались внешние факторы. В связи с тем что Томск оказался в стороне от Транссибирской магистрали, а также в силу оппозиционных выступлений горожан в рамках Гражданской войны город утратил статус губернского в пользу быстро развивающегося Новониколаевска. Это подстегнуло отток кадров из города.

Наблюдая нарастающие кризисные явления, руководство отделения пыталось преодолеть их, и здесь видна еще одна параллель с дореволюционным Обществом сибирских инженеров. В попытке обеспечить приток новых участников отделение решило использовать потенциал томского губернского межсекционного бюро инженеров и техников: структуры договорились о постепенном слиянии, успешно объединили свои печатные органы, однако дальше этого им продвинуться не удалось. Если бы данная идея была реализована, отделение получило бы широчайший спектр профсоюзных и просветительских функций, каковым оно имело в 1917 г. в рамках объединения с Союзом сибирских инженеров. Фактически же на протяжении второй половины 1920-х гг. отделение выживало благодаря деятельности Нархозсиба; гипотетически в условиях будущей индустриализации оно снова смогло бы получить импульс к развитию. Однако Шахтинские события поставили крест на этом, вынудив руководство отделения объявить о его самороспуске.

Тем не менее, несмотря на свое короткое существование в 1920-е гг., деятельность Общества сибирских инженеров по праву может считаться важной страницей в истории развития местных научно-технических сил и кооперации местной интеллигенции.

Список источников

1. Пыстина Л.И. Из истории общества сибирских инженеров // Бахрушинские чтения. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1971. Вып. 1. С. 40–49.
2. Пыстина Л.И. Общественные организации научно-технической интеллигенции Сибири, 20-30-е гг. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1987. 219 с.

3. Хроменкова Т.Н. Роль ученых и инженеров Томского и Новосибирского отделений Всесоюзной ассоциации инженеров в решении проблемы железнодорожного освоения Сибири в 1920-е гг. // Манускрипт. 2017. № 10-2 (84). С. 184–187.
4. Хроменкова Т.Н. Формирование железнодорожной интеллигенции и ее влияние на социокультурное пространство Западной Сибири. 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Омск, 2006. 24 с.
5. Чебоксарова Т.Г. Производственная повседневность технической интеллигенции Западной Сибири в годы нэпа : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Омск, 2007. 19 с.
6. Зиновьев В.П., Суляк С.Г. Научные и технические общества Томской губернии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, вып. 3. С. 904–920.
7. Вестник Общества сибирских инженеров : ежемесячный научно-технический журнал. 1916. Т. 1, № 1.
8. Вестник Общества сибирских инженеров : ежемесячный научно-технический журнал. 1916. Т. 1, № 3.
9. Вестник Общества сибирских инженеров : ежемесячный научно-технический журнал. 1916. Т. 1, № 8.
10. Вестник Общества сибирских инженеров : ежемесячный научно-технический журнал. 1916. Т. 1, № 9-10.
11. Вестник Общества сибирских инженеров : ежемесячный научно-технический журнал. 1917. Т. 2, № 3-4.
12. Вестник Общества и Союза сибирских инженеров : научно-технический журнал. 1917. Т. 2, № 5-6.
13. Вестник Общества и Союза сибирских инженеров : научно-технический журнал. 1917. Т. 2, № 9-10.
14. Вестник Общества и Союза сибирских инженеров : научно-технический журнал. 1917. Т. 2, № 11-12.
15. Вестник Общества и Союза сибирских инженеров : научно-технический журнал. 1918. Т. 3, № 1-4.
16. Государственный архив Томской области. Ф. Р-53. Оп. 1. Д. 21а.
17. Вестник сибирских инженеров : научно-технический журнал. 1922. Т. IV, № 1.
18. Вестник сибирских инженеров : научно-технический журнал. 1923. Т. V, № 1.
19. Вестник сибирских инженеров : научно-технический журнал. 1924. Т. V, № 3.
20. Вестник сибирских инженеров : научно-технический журнал. 1923. Т. IV, № 4.
21. Вестник сибирских инженеров : научно-технический журнал. 1925. Т. V, № 5.
22. Вестник сибирских инженеров : научно-технический и профессиональный журнал. 1926. Томск. Т. VI, № 1.
23. О мерах к поднятию уровня инженерно-технического знания в стране и улучшения условий жизни инженерно-технических работников в РСФСР // Декреты Советской власти. М. : РОССПЭН, 2009. Т. XVIII: Август 1921 г. С. 253–256.
24. Вестник сибирских инженеров : научно-технический и профессиональный журнал. 1927. Т. VII, № 3-4.
25. Вестник сибирских инженеров : научно-технический журнал. 1928. Т. VIII, № 1-2.

References

1. Pystina, L.I. (1971) Iz istorii obshchestva sibirskikh inzhenerov [From the history of the Society of Siberian Engineers]. *Bakhrushinskije chteniya*. 1. pp. 40–49.
2. Pystina, L.I. (1987) *Obshchestvennye organizatsii nauchno-tekhnicheskoy intelligentsii Sibiri, 20-30-e gg.* [Public organizations of scientific and technical intelligentsia of Siberia, 1920–30s]. Novosibirsk: Nauka.
3. Khromenkova, T.N. (2017) Rol' uchenykh i inzhenerov Tomskogo i Novosibirskogo otdeleniy Vsesoyuznoy assotsiatsii inzhenerov v reshenii problemy zheleznodorozhnogo osvoeniya Sibiri v 1920-e gg. [The role of scientists and engineers of the Tomsk and Novosibirsk departments of the All-Union Association of Engineers in solving the problem of railway development of Siberia in the 1920s]. *Manuskript – Manuscript*. 10–2(84). pp. 184–187.
4. Khromenkova, T.N. (2006) *Formirovanie zheleznodorozhnoy intelligentsii i ee vliyanie na sotsiokul'turnoe prostranstvo Zapadnoy Sibiri. 1920–1930-e gg.* [The formation of the railway intelligentsia and its influence on the socio-cultural space of Western Siberia. 1920s – 1930s]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
5. Cheboksarova, T.G. (2007) *Proizvodstvennaya povsednevnost' tekhnicheskoy intelligentsii Zapadnoy Sibiri v gody nepa* [Industrial everyday life of the technical intelligentsia of Western Siberia during the NEP years]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
6. Zinoviev, V.P. & Sulyak, S.G. (2020) Scientific and technical associations of Tomsk Province]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya – St. Petersburg University Journal of History*. 65(3). pp. 904–920.
7. *Vestnik Obshchestva sibirskikh inzhenerov: ezheмесячный научно-технический журнал*. (1916a) 1(1).
8. *Vestnik Obshchestva sibirskikh inzhenerov: ezheмесячный научно-технический журнал*. (1916b) 1(3).
9. *Vestnik Obshchestva sibirskikh inzhenerov: ezheмесячный научно-технический журнал*. (1916c) 1(8).
10. *Vestnik Obshchestva sibirskikh inzhenerov: ezheмесячный научно-технический журнал*. (1916d) 1(9-10).
11. *Vestnik Obshchestva sibirskikh inzhenerov: ezheмесячный научно-технический журнал*. (1917) 2(3-4).
12. *Vestnik Obshchestva i Soyuza sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij zhurnal*. (1917a) 2(5-6).
13. *Vestnik Obshchestva i Soyuza sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij zhurnal*. (1917b) 2(9-10).
14. *Vestnik Obshchestva i Soyuza sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij zhurnal* (1917c) 2(11–12).
15. *Vestnik Obshchestva i Soyuza sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij zhurnal* (1918a) 3(1–4).
16. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund R-53. List 1. File 21a.
17. *Vestnik sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij zhurnal*. (1922) IV(1).
18. *Vestnik sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij zhurnal*. (1923a) V(1).
19. *Vestnik sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij zhurnal*. (1924) V(3).
20. *Vestnik sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij zhurnal*. (1923b) IV(4).
21. *Vestnik sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij zhurnal*. (1925) V(5).
22. *Vestnik sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij zhurnal*. (1926) VI(1).
23. Pokrobsky, A.S. & Tikhonova, E.Yu. (eds) (2009) *Dekrety Sovetskoj vlasti* [Decrees of the Soviet government]. Vol. 18. Moscow: ROSSPEN. pp. 253–256.
24. *Vestnik sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij i professional'nyy zhurnal*. (1927) VII (3-4).
25. *Vestnik sibirskikh inzhenerov: nauchno-tekhnicheskij i professional'nyy zhurnal*. (1928) VIII (1-2).

Сведения об авторе:

Вячислый Дмитрий Дмитриевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dimdimvyachisty@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vyachisty Dmitry D. – Postgraduate Student of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dimdimvyachisty@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.06.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 23.06.2022; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 336(470:571.5)(091)

doi: 10.17223/19988613/78/3

Механизмы финансовых отношений императорского Кабинета и сословия сибирских инородцев в эпоху империи

Лев Михайлович Дамешек¹, Ирина Львовна Дамешек²

^{1, 2} Иркутский государственный университет Иркутск, Россия

¹ levdameshkek@gmail.com

² dameshek@rambler.ru

Аннотация. Исследуется эволюция ясачной политики самодержавия в отношении народов Сибири на протяжении периода империи, подчеркивается значение инородческого фактора в деле продвижения России на восток, отмечается двойственный характер земельной собственности в Сибири, исследуется практика взаиморасчетов Казны и Кабинета по «ясачному делу», на этом основании делается вывод о принадлежности ясака императорскому Кабинету, определяется значение ясачных поступлений в финансовом балансе Кабинета как главного финансового органа коронной фамилии.

Ключевые слова: Сибирь, инородцы, казна, Кабинет, ясак

Для цитирования: Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Механизмы финансовых отношений императорского Кабинета и сословия сибирских инородцев в эпоху империи // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 21–25. doi: 10.17223/19988613/78/3

Original article

Mechanisms of financial relations between the Imperial Cabinet and the estate of Siberian indigenous population during the age of the empire

Lev M. Dameshek¹, Irina L. Dameshek²

^{1, 2} Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

¹ levdameshkek@gmail.com

² dameshek@rambler.ru

Abstract. Searching for models of establishing the financial relations between Russia and the territories newly incorporated into the imperial space had always occupied an important place in the domestic policy of the autocracy. On the eastern outskirts of Russia - in Siberia, this process was on the one hand inevitably associated with the comprehension of the newly incorporated lands and the local population fate within Russia, but primarily with determining the status of the incorporated region within the Empire, on the other. In the east of the country, the importance of the mentioned factors was reinforced by the importance of the "inorodic tribes" position in the advancement of the pioneer squads to the east and the consolidation of the Trans-Ural territories for the Russian state. In Russian Empire this process was accompanied by the spread of the Russian political, administrative, domestic and socio-cultural structure to the new territories, "pulling" the indigenous people into the national economic, political and socio-cultural system. In the case of the peoples of Siberia, the imperial formation process was initially accompanied by the imposition of tribute (yasak) on them in favor of the government. As the indigenous people became incorporated into the all-Russian system of state, economic, and other connections, they were subjected to other types of tax obligations, which differed little or nothing from the usual peasant burden. This circumstance fundamentally distinguished Russian colonization policy in Siberia from U.S. policy toward Indians, who did not pay taxes and, according to the U.S. Constitution, were not considered citizens of the state. The tribute policy was to help to maintain the new territories under the authority of the Russian tsar. Throughout the 17th and almost the whole 18th centuries, yasak evolved from tribute to taxation identical to that of peasants. From the middle of the 18th century, the yasak had become fully received by the Cabinet, but the dual nature of Siberian land ownership, when the co-owners of Siberian lands were the treasury and the imperial Cabinet, gave rise to the practice of mutual accounting of the treasury and the Cabinet on yasak case. It can be observed throughout the 19th and early 20th centuries. This contradiction was understandable to the tsarist dignitaries, who sought to legally secure the lands inhabited by the yasak people to the imperial Cabinet. The very existence of such projects testifies to the Cabinet's desire to completely subordinate the peoples of Siberia to its influence and to the ingrained habit of officials of the Ministry of the Imperial Court to emphasize the peculiarity of the crown estates and their difference from the state ones. In Russia, yasak was the most territorially widespread kind of tax. By the eve of 1917, it was paid by all the nomadic peoples of Tobolsk, Tomsk,

Yenisei, Irkutsk provinces, Transbaikai and Yakutsk regions, and also a part of the population of Arkhangelsk and Perm provinces. It had much in common with the taxation duties of the other colonized outskirts of the Romanov Empire.

Keywords: Siberia, inorodtsy (indigenous population), treasury, the Cabinet, yasak

For citation: Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2022) Mechanisms of financial relations between the Imperial Cabinet and the estate of Siberian indigenous population during the age of the empire. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 21–25. doi: 10.17223/19988613/78/3

Поиск моделей выстраивания финансовых отношений России со вновь инкорпорируемыми в имперское пространство территориями всегда занимал важное место во внутренней политике самодержавия. На восточных окраинах России, в Сибири, этот процесс неминуемо был связан с осмыслением судеб вновь присоединенных территорий и местного населения в составе России, с одной стороны, но прежде всего с определением статуса присоединенного региона в составе империи – с другой. Понятие статуса отнюдь не являлось аморфным. Оно определялось целым рядом позиций, объективных и субъективных. Окраины различались по уровню социально-экономического и политического развития, по национальному и конфессиональному составу населения.

При определении статуса окраины в составе империи наибольшее значение придавалось таким показателям, как уровень социально-экономического и политического развития территории, характер ее присоединения (добровольный или насильственный), стратегическому значению новых земель для империи. Еще одним немаловажным обстоятельством, влияющим на конкретное содержание окраинной политики, являлось сложное переплетение ведомственных и территориальных интересов, а также реальное соотношение сил так называемых «централистов» и «регионалистов» в центральном и местном аппарате управления. В определении основ окраинной политики самодержавие постоянно находилось перед выбором: ввести общегосударственную систему управления или предоставить территориям некоторую административную автономию. При этом в случае признания особого статуса любой из территорий империи правительство вынуждено было фиксировать его в законодательном порядке.

На востоке страны значение отмеченных выше факторов усиливалось еще одним обстоятельством – позицией «инородческих племен» в деле продвижения отрядов землепроходцев на восток и закрепления за уральских территорий за русским государством. Несмотря на то, что исторически новый регион давно был известен в России, продвижение землепроходцев вглубь Сибири не стало каким-то исключительным явлением, характерным только для России. Хронологически оно совпало с временем основания англосаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. В России этот процесс сопровождался распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием» аборигенов в общенациональную эко-

номическую, политическую и социокультурную систему. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере инкорпорации аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла (подробнее см.: [1]). Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание. Во властном освоении и присвоении пространства огромную роль играли единая денежная система, коммуникации, налоги, государственный язык, Русская православная церковь, а также сознание верноподданничества русскому царю, который был верховным «хозяином» земли. Особенно это было актуально в Сибири и на Дальнем Востоке, где господствовала система государственной земельной собственности. Включая в свой состав новые территории на востоке, империя начинала их интеграцию именно с военно-административных и фискальных методов.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с Запада на Восток правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народам возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака (подробнее см.: [2]). Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Удержанию новых территорий под властью русского царя должна была способствовать и податная

политика. Важнейшей прерогативой новых властей в Сибири стал сбор ясака с покоренного нерусского населения, что обоими участниками процесса рассматривалось как выражение подданства новому владельцу. С.В. Бахрушин еще в 1927 г. справедливо отметил, что ясак не являлся новинкой в этих краях, а «существовал... в Сибири задолго до присоединения к России». Русский ясак органически вырос из тех ясаков и алманов, которые русские нашли в Сибири. Социально-экономическую сущность ясака С.В. Бахрушин определяет как дань: «Ясак – это подать, установленная законом, уложенная, принудительная, по преимуществу дань, которую платят покоренные победителю» [3. С. 49–51, 58–59]. В XVII в. народы Сибири еще только втягивались в систему общерусских государственных связей, становились «подданными» государства, поэтому определение ясака как дани для начала XVII в. является вполне справедливым. В дальнейшем социально-экономический характер ясака изменился.

Анализируя влияние финансовых факторов на выстраивание взаимоотношений центральных властей и народов Сибири следует непременно учитывать двойственный характер сибирской земельной собственности, когда совладельцами земель выступали Казна и Кабинет.

На протяжении XVII и почти всего XVIII в. ясак продолжал оставаться наиболее характерной формой податной зависимости сибирских аборигенов от собственника земли, а проживание их на «породных землях» рассматривалось властями как важнейшее условие уплаты ясака. Поначалу сбор подати с «ясачных иноземцев» никак не регламентировался, и ясачные сборщики на практике «брали, что принесут». Это приводило к массовым злоупотреблениям, хищническому истреблению пушных богатств края, накоплению недоимок. В 1763 г. Екатерина II направила в Сибирь первую ясачную комиссию, которая впервые провела перепись «ясачных иноземцев», обложила их новой податью. Наряду с этим комиссия внесла и принципиальное новшество в систему сбора ясака, разрешив туземцам платить ясачную подать пушнинами или эквивалентно деньгами. Именно тогда впервые в российской административно-финансовой практике императрица указала на различие финансовых интересов Казны и императорского Кабинета в Сибири. До 1763 г. пушнина поступала в Сибирский приказ, а оттуда лучшие сорта пушнины пересылались в Кабинет. Однако в связи с упразднением Сибирского приказа собираемая в качестве ясака пушнина стала поступать непосредственно в Кабинет. В 1782 г. последовал именной указ императрицы «Об оставлении собираемой в Сибири мягкой рухляди и всего ясачного сбора с 1763 г. в ведомстве Кабинета по-прежнему» [4]. Так юридически было оформлено право собственности императорского Кабинета на сибирский ясак.

В 30-х гг. XIX в. в Сибирь была направлена вторая ясачная комиссия. Николай I лично отредактировал «наставление» комиссиям Западной и Восточной Сибири [5]. Оно включало в себя более 60 пунктов и определяло цели, задачи, состав и порядок действия. Главной задачей комиссии являлось обложение новой

ясачной податью кочевых и бродячих «инородцев» Сибири. В 1835 г. Николай именным указом утвердил новый размер ясачной подати, которая в совокупном денежном и натуральном выражении составляла около 450 тыс. руб. против 122 тыс. по окладу 1763 г. Удельный вес вновь положенного ясака в доходах «инородцев» по округам Западной Сибири колебался от 10 до 20%, в Восточной Сибири – от 11 до 52%, составляя соответственно в среднем 15 и 38% (рассчитано авторами по материалам: [6. Л. 40 об., 46, 363 об., 369, 372; 7. Л. 10, 10 об., 407 об., 415; 8. Л. 139–160]). При таком размере ясачной подати взимание ее не могло быть успешным, накапливались недоимки, приобретшие вскоре хронический характер. Особенно беспокоило Кабинет сокращение поступления в ясак ценных сортов пушнины. Это неоднократно порождало рецидивы попыток полностью запретить свободную торговлю с аборигенами, окончившиеся тем не менее полным провалом. Одно из основных противоречий ясачной политики – стремление к максимальному сбору ясака пушнинами, и дальнейшая коммутация ясака заставили сановный Петербург предпринять новые усилия для «приведения ясачного сбора в соответствие с нуждами и потребностями императорского Кабинета» [9. Л. 66]. Ясачные поступления натурой традиционно оказывали положительное влияние на финансовый баланс Кабинета. Продажа пушнины с торгов и аукционов приносила Кабинету по 300% прибыли [10. Л. 65–67]. Сами члены императорской фамилии постоянно испытывали потребность в дорогостоящих мехах. Между тем нехватка последних доходила до того, что «Кабинет был вынужден покупать у здешних (петербургских. – Л.Д., И.Д.) торговцев меха, требующиеся для особ высочайшей фамилии» [11. Л. 18]. Именно поэтому в марте 1859 г. последовал именной указ о назначении в Восточную Сибирь – основной центр сбора ясака – доверенного от Кабинета чиновника для наблюдения за «правильным» сбором ясака [12]. Выбор управляющего Кабинетом П.К. Мейендорфа пал на медицинского советника Архангельского порта статского советника Полонского. С последнего была взята расписка в том, что он не принадлежит ни к каким «масонским или тайным обществам, внутри империи или вне ее существовать могущим, и впредь принадлежать к оным не будет» [9. Л. 272]. В Иркутск Полонский прибыл 6 сентября 1859 г. Письма и особенно рапорты Полонского дают яркую характеристику ясачной политики XVIII – первой половины XIX в. В итоге вновь назначенный чиновник приходит к неутешительному выводу, что правительство действовало не в том духе, когда нужно было принимать решительные меры.

Формирование ясачной политики в пореформенный период находилось в неразрывной связи с аграрными и финансовыми мероприятиями Казны и Кабинета, выступавшими как совладельцы сибирских земель. Эта особенность ярко проявилась в механизме финансовых отношений императорского Кабинета и народов Сибири как плательщиков ясака, свидетельствующем о существовании у коронного ведомства своих финансовых интересов, не всегда совпадающих с общегосударственными. На основе закона 19 января

1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов государственною оброчною и земельною податью» [13] по мере проведения землеустройства и перечисления кочевых аборигенов в разряд оседлых инородцев ясак «выкупался» Государственным казначейством у Кабинета. Ежегодный размер таких «выкупов» составлял свыше 125 тыс. руб. [14. Л. 2 об.]. Но поскольку размер вновь вводимой оброчной подати был выше ясачного оклада, то возникающие излишки становились доходами Государственного казначейства. Введение системы выкупа ясака было выгодно Кабинету, так как освобождало его от выколачивания недоимок, составляющих четвертую часть оклада инородцев. О существовании собственных финансовых интересов Казны и Кабинета свидетельствует и практика взаиморасчетов, проводимая между ними по «ясачному делу» с 1827 по 1917 г. в связи с перечислением части кочевых и бродячих «инородцев» в разряд оседлых. Это противоречие было понятно и царским сановникам, которые добивались юридического закрепления земель, населенных ясачными, за императорским Кабинетом. Министр императорского двора П.М. Волконский еще в 1844 г. предлагал «предоставить управлению Кабинета заведовать землями ясачными на праве удельных и владельческих имений». Сенатор И.Н. Толстой в письме к вышеозначенному министру во время ревизии Сибири также указывал, что «польза инородцев, составляющих значительную часть населения... Сибири, польза государства требует подчинения их одной власти, действующей на месте под непосредственной зависимостью Кабинета его величества» [11. Л. 166].

Эти предложения не получили законодательного оформления на практике. Взвесив возможные последствия их реализации, правительство предпочло сомнительной перспективе увеличения ясака и значительных денежных затрат простую эксплуатацию служащих государственных ведомств. В то же время само существование таких проектов свидетельствует о стремлении Кабинета полностью подчинить народы Сибири своему влиянию и об укоренившейся в практике привычке чиновников министерства императорского двора подчеркивать особенность коронного хозяйства, его

отличие от государственного. Это указывает на противоположность финансовых интересов Казны и Кабинета, их противоборство в вопросах получения ренты с кочевников.

Указ 19 января 1898 г. не означал отмену ясака как такового. Бродячие инородцы, а также кочевые, перечисленные в оседлые, но не получившие землеустройства, продолжали платить ясак до 1917 г. Общий размер ясачной ренты Кабинета с народов Сибири определялся положением 3 марта 1835 г. и составлял 222 258 руб. серебром. К 1917 г. доходы Кабинета от эксплуатации сибирских земель, куда входил и ясак, составляли четвертую часть совокупных доходов коронного ведомства. На долю ясака и оброчной подати с «инородцев» приходилось 2,2%. Ясачная рента сохраняла определенное самостоятельное значение. Для ясачной ренты конца XIX в. характерным является процесс ее дальнейшей коммутации, что заставило Кабинет в 1910 г. перевести ясак на денежную основу.

В Сибири совместным собственником земли выступали Казна и Кабинет. Последний как совладелец земли взимал в свою пользу ясак. Однако и Казна была совладельцем земель, она взимала в свою пользу разницу между годовым окладом ясака и оброчной податью. Кроме того, крестьяне и «инородцы» выступали и как арендаторы кабинетских земель, ибо выплачивали государственные повинности. В России ясак был территориально самым распространенным налогом. Накануне 1917 г. его платили все бродячие «инородцы» Сибири, кочевые «инородцы» Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской области, абсолютное большинство коренного населения Якутской области, часть нерусского населения Архангельской и Пермской губерний. По социально-экономическому содержанию, способам взимания сибирский ясак имел немало общего с податными обязанностями нерусских народов других колонизируемых окраин империи, например с кибиточной податью, взыскиваемой с народов Туркестана. Это свидетельствует о том, что аборигенное население окраин романовской империи испытывало на себе архаичные способы эксплуатации.

Список источников

1. Дамешек Л.М. Налоги и повинности народов Сибири в пореформенный период // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2015. Т. 11. С. 51–57.
2. Бущинский П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков : Тип. Губернского правления, 1889. 354 с.
3. Бахрушин С.В. Ясак в Сибири в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 49–85.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗРИ-1). СПб. : в тип. II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. XXI: 1781–1783. От № 15106 до № 15901. С. 720. № 15564.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗРИ-2). СПб. : Печ. в тип. II Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. II: 1827. От № 80 до № 1656. С. 1061–1069. № 1611.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 9. Д. 1043.
7. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 1042.
8. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 276.
9. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 911.
10. РГИА. Ф. 496. Оп. 9. Д. 911.
11. РГИА. Ф. 468. Оп. 9. Д. 897.
12. ПСЗРИ-2. СПб. : в тип. II Отделения собственной ЕИВ канцелярии, 1861. Т. XXXIV, отд. 1: 1859. От № 34005 до № 34845. С. 207–208. № 34250.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗРИ-3). СПб., 1901. Т. XVIII, отд. 1: 1898. № 14861–16309 и Дополнение. С. 40–43. № 14908.
14. РГИА. Ф. 468. Оп. 44. Д. 1325.

References

1. Dameshek, L.M. (2015) Nalogi i povinnosti narodov Sibiri v poreformenny period [Taxes and duties of the Siberian peoples in the post-reform period]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya*. 11. pp. 51–57.
2. Butskiy, P.N. (1889) *Zaselenie Sibiri i byt ee pervykh nasel'nikov* [The settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Kharkov: Tip. Gubernskogo pravleniya.
3. Bakhrushin, S.V. (1955) *Nauchnye trudy* [Scholarly Works]. Vol. 3(2). Moscow: [s.n.], pp. 49–85.
4. Russia. (1830a) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. PSZRI-1. Vol. 21. From № 15106 to № 15901. p. 720. № 15564. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
5. Russia. (1830b) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. PSZRI-2. Vol. 2. From № 80 to № 1656. pp. 1061–1069. № 1611. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery.
6. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (RGIA). Fund 468. List 9. File 1043.
7. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 9. File 1042.
8. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1264. List 1. File 276.
9. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 9. File 911.
10. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 496. List 9. File 911.
11. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 9. File 897.
12. Russia. (1861) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. PSZRI-2. Vol. 34. From № 34005 to № 34845. № 34250. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 207–208.
13. Russia. (1901) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. PSZRI-3. Vol. 18(1). № 14908. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery. pp. 40–43.
14. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 44. File 1325.

Сведения об авторах:

Дамешек Лев Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: levdameshkek@gmail.com

Дамешек Ирина Львовна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и методики Педагогического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: dameshkek@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Dameshek Lev M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia of the Historical Faculty of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: levdameshkek@gmail.com

Dameshek Irina L. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Methods of the Historical Faculty of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia). E-mail: dameshkek@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 18.01.2022; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья
УДК 94(57); 908
doi: 10.17223/19988613/78/4

Тюмень: опыт постиндустриальной трансформации городского пространства

Алексей Сергеевич Деев¹, Надежда Викторовна Красовская²,
Светлана Ивановна Черноморченко³

^{1, 2, 3} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ alks16@gmail.com

² Nadezda_3161@inbox.ru

³ chernomorchenko@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности развития Тюмени как регионального центра. Первая закономерность развития Тюмени – миграция населения в пригороды. Второй паттерн трансформации городского пространства – запуск механизмов территориального инновационного развития. Третья модель трансформации городского пространства представлена формированием Тюменской городской агломерации. Приоритетными направлениями Стратегии социально-экономического развития Тюмени являются IT-кластер, нефтехимия и нефтепереработка.

Ключевые слова: постиндустриализм, город, урбанистика, инновационное развитие

Для цитирования: Деев А.С., Красовская Н.В., Черноморченко С.И. Тюмень: опыт постиндустриальной трансформации городского пространства // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 26–31. doi: 10.17223/19988613/78/4

Original article

Tyumen: experience of post-industrial transformation of the city space

Alexey S. Deev¹, Nadezhda V. Krasovskaya², Svetlana I. Chernomorchenko³

^{1, 2, 3} Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation

¹ alks16@gmail.com

² Nadezda_3161@inbox.ru

³ chernomorchenko@rambler.ru

Abstract. The development and transformation of the post - socialist city is one of the actual problems of modern urbanism. Currently, Tyumen is an actively developing city, provided with all modern improvements, the administrative center of the Tyumen region. Historically, the city serves as an industrial, scientific and technical base of the West Siberian oil and gas complex and has a favorable demographic structure of the population. In the future, it may become the largest innovative engineering oil and gas industry service center of the country.

The object of research in the article is the post-industrial transformation of Tyumen. The subject of the study is the influence of factors of post-industrial transformation of Tyumen on the formation of an effective and "smart" model of development of the studied city.

The aim of the study is to analyze the historical experience of post-industrial transformation of Tyumen. The article is based on the methodological developments of foreign and Russian scientists, such as P. Bourdieu, Chen Xiaoyan, M. Ilchenko, R.J.R. Kirkby, Tang Wing-Shing, K. Füzér, M. Pietrzak-Franger, B. Engel, O. Hatherley, C.S. Neugebauer, E. Posokhova.

To carry out the research, such methods as factor analysis, individual expert survey, estimation of the level of development of the social and economic situation of Tyumen were used.

In the article the authors analyzed the historical experience of post-industrial transformation of the urban space of Tyumen. The research of strengths and weaknesses, opportunities and threats of social and economic development of the studied city is carried out.

The most significant problems of Tyumen development are the lack of an active system policy of aggressive marketing for the promotion of the city at the regional and federal levels, infrequent participation in Federal programs of municipal development, limited transport network of the city and the weak relationship between urban areas, high density of development, causing certain traffic jams, etc.

On the basis of this analysis were identified a number of patterns of development of Tyumen.

The first regularity is the migration of the population to the suburbs. The second pattern of urban space transformation is the launch of mechanisms of territorial innovative development. The third model of urban space transformation is represented by the formation of the Tyumen urban agglomeration.

The result of the study is the development of a model of transformation of the urban space of the center of the regional region. In the process of developing a model of planning the territory was determined by the planning structure of the Tyumen municipal district.

The priority directions of the strategy of socio-economic development of Tyumen are: innovative development of the oil and gas cluster and the cluster of international engineering companies; support IT-cluster; innovative development of petrochemistry and oil refining.

Keywords: post-industrialism, the city, urban studies, innovative development

For citation: Deev, A.S., Krasovskaya, N.V., Chernomorchenko, S.I. (2022) Tyumen: experience of post-industrial transformation of the city space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 26–31. doi: 10.17223/19988613/78/4

Введение

Развитие и трансформация постсоциалистического города – одна из актуальных проблем современной российской урбанистики. Тюмень в наши дни – активно развивающийся город, обеспеченный всеми современными удобствами, административный центр Тюменской области. Исторически город выполняет функцию промышленной и научно-технической базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и имеет благоприятную демографическую структуру населения. В перспективе он может стать крупнейшим инновационным инжиниринговым нефтесервисным центром страны.

Методологической основой для анализа тенденций и перспектив постиндустриальной трансформации городского пространства Тюмени стали работы таких зарубежных и отечественных авторов, как П. Бурдьё [1], Чэнь Сяоянь [2], М. Ильченко [3], Р.Дж.Р. Киркби [4], Танг Винг-Шинг [5], К. Фезер [6], М. Пиетерзак-Франгер [7], Б. Энгель [8], О. Хазерлей [9], К.С. Нойгебауэр [10], Е. Посохова [11].

Тюмень как российский областной центр в своем развитии имеет ряд особенностей. Прежде всего это запаздывание трансформации: процессы индустриализации и урбанизации 1930-х гг. обошли город стороной. Первый индустриальный всплеск отмечен в годы Великой Отечественной войны. После некоторого периода стагнации (1945–1955) основной индустриальный этап начался взрывообразным развитием с середины 1950-х до конца 1980-х гг., сопровождавшимся четырехкратным увеличением численности населения и осуществлявшимся по трем векторам:

- 1) формирование научно-образовательного кластера, ориентированного на потребности ускоренного освоения нефтегазовых ресурсов Тюменского региона;
- 2) формирование собственной индустрии, прежде всего машиностроительного комплекса;
- 3) создание системы логистико-сервисной инфраструктуры и промышленности, ориентированной на потребности нефтегазового освоения севера региона.

Процессы форсированной индустриализации и урбанизации городского пространства в течение 30 лет породили, в свою очередь, комплекс проблем, остро актуализированных к 1990 г. Ключевыми из них являлись: во-первых, крайне неудачное планирование городского ландшафта, без учета потребностей расширения автомобильного транспорта и формирования

естественной социально-ориентированной городской среды; во-вторых, серьезное отставание развития социальной инфраструктуры даже от невысокого среднего советского уровня.

Крушение советской экономики породило сжатие и атомизацию городского пространства. Вход в новый цикл развития определялся правилами игры, которые диктовались условиями уже постиндустриальной экономики. Сжатие сопровождалось системной деиндустриализацией, которая, в свою очередь, трансформировала отношения внутри города как системы по линии центр–полупериферия–периферия. После достижения определенного уровня развития, в нашем случае порога населения в 500 тыс. человек, город начинает трансформироваться в самостоятельную экономическую систему, которая своими потребностями будет неизбежно провоцировать переход к новой индустриальной парадигме.

Сильные и слабые стороны города

Анализ социально-экономического развития Тюмени стал основой для определения сильных и слабых сторон города, а также возможностей и рисков (угроз) дальнейшего развития.

Сильными сторонами Тюмени являются:

1. Размещение бизнес-подразделений и дочерних структур (крупнейшие нефтедобывающие, перерабатывающие и сервисные компании – дочерние предприятия и филиалы открытых акционерных обществ: «Газпром», «ТНК ВР Менеджмент» (дочерняя компания «ТНК-ВР Сибирь»), «Тюменьнефтегаз», «Транснефть» («Сибнефтепровод»), ЛУКОЙЛ (Тюмень, дочернее предприятие «ЛУКОЙЛ – Уралнефтепродукт»), «ЛУКОЙЛ – Западная Сибирь»).
2. Статус нефтесервисного центра определяется производственной специализацией и расположением в Тюмени международных инжиниринговых компаний – Schlumberger, Halliburton, KCA Dentag, Bentec.
3. Статус крупнейшего нефтегазового научно-исследовательского центра (более 20 научно-исследовательских институтов и лабораторий).
4. Интенсивное долгосрочное взаимодействие с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами по программам межрегионального сотрудничества, обеспечивающее мультипликативный экономический эффект. Реализация этих программ позволила

надолго сохранить единое экономическое пространство.

5. Наличие и реализация комплекса взаимосвязанных целевых региональных и муниципальных программ.

6. Тюменский индустриальный университет, который может стать базой для создания Национального исследовательского университета углеводородных и криогенных ресурсов.

7. Тюменский государственный университет, где может быть сформирован Национальный исследовательский университет IT-технологий.

8. Высокий уровень развития городского благоустройства и коммунальной инфраструктуры: в течение нескольких лет Тюмень находится на третьем месте во Всероссийском конкурсе на звание «Лучший благоустроенный город России».

9. Активная политика формирования архитектурных аспектов города: охрана памятников истории и архитектуры, реконструкция существующих и строительство новых скверов и бульваров, учет чувства юмора при проектировании городского пространства (аллея «Сибирских кошек», административные здания и дорожные индикаторы (индикатор «Фары и ремень безопасности»)).

10. Активное участие в государственной политике энергосбережения и повышения энергетической эффективности.

11. Успешная реализация программы «Расширение горизонтов» для повышения уровня IT-образования населения Тюменской области и обеспечения доступа к информационным технологиям в соответствии с Федеральной программой «Информационное общество на 2011–2020 годы».

12. Географическое расположение города (железнодорожные пути, федеральные дороги, федеральный международный аэропорт) в центре области с общей численностью населения более 0,9 млн человек.

Слабыми сторонами Тюмени являются:

1. Отсутствие активной системной политики агрессивного маркетинга для продвижения города на региональном и федеральном уровнях.

2. Нечастое участие в федеральных программах муниципального развития.

3. Ограниченная транспортная сеть города и слабая взаимосвязь между урбанизированными территориями, высокая плотность застройки, вызывающая дорожные заторы.

4. Недостаточная плотность дорог и отсутствие искусственных сооружений: дорожных линий, многоуровневых транспортных развязок, дорожных переходов.

5. Дефицит парковочных мест, что приводит к нарушениям правил парковки и снижению пропускной способности, блокированию пешеходных зон, ухудшению посадки в транспорт.

6. Отсутствие выставочных площадок международного уровня с развитой инфраструктурой.

7. Отсутствие логистических центров, всего лишь несколько высокоуровневых складских площадей, дефицит специально оборудованных площадей.

8. Несоответствие системы профессионального образования требованиям развития города.

9. Низкий уровень обеспеченности социальными, культурными и спортивными объектами, например дошкольными учреждениями.

Стратегическая задача инновационного развития экономики города требует использования внутренних ресурсов, высоких технологий и инновационного развития. Данная задача не может быть решена за короткий срок и только путем принятия административных решений. Необходимо последовательно создавать условия для развития инновационной и сервисной экономики (постиндустриальной экономики) в течение длительного периода.

Тюменский индустриальный комплекс получил огромный стартовый капитал для внедрения современных технологий мирового уровня на действующих и создаваемых в рамках реиндустриализации предприятиях города. Формирование полноценной инновационной инфраструктуры наряду с уже происходящими процессами реиндустриализации может стать одним из главных преимуществ Тюмени. Последнее могло бы обусловить высокую привлекательность города для интенсивных инноваций.

Существующая ситуация дает все необходимые предпосылки для последовательного и успешного выполнения стратегических задач. Важно проявить политическую волю и скоординировать деятельность общества – органов государственной власти и местного самоуправления, бизнес-структур и жителей города.

Модели городского развития

Современная экономика требует от городской среды формирования новых паттернов развития. Опыт Тюмени показывает, как естественные процессы приводят к формированию городского ландшафта нового типа.

Первый паттерн – миграция населения в пригороды.

Традиционный тип городского расселения, развивавшийся в тридцатилетие активного развития Тюмени (1960–1990), предполагал жительство в многоквартирных многоэтажных домах. Серьезный рост стоимости городской недвижимости в последнее десятилетие привел к тому, что экономически наиболее целесообразной моделью решения жилищной проблемы стало строительство загородного дома, на что влияет ряд факторов:

1) вдвое меньшая стоимость квадратного метра в загородном доме, включая стоимость земельного участка;

2) владение собственным земельным участком с возможностью локальной трансформации обитаемого пространства;

3) экологическая целесообразность загородного проживания;

4) относительная независимость коммуникаций и в целом меньшие затраты на ЖКХ.

Вторым паттерном трансформации городского пространства стал запуск механизмов инновационного территориального развития. В долгосрочной перспективе целевой установкой являются инновационное развитие кластеров, формирование индивидуального архитектурного облика и достижение европейского уровня благоустройства города.

Западно-Сибирский нефтегазовый инновационный центр должен стать площадкой для технологического развития и научных исследований в нефтегазовой отрасли, в то же время быть открытым для проектов опережающего развития из разных отраслей.

Сотрудничество и взаимосвязь Западно-Сибирского нефтегазового инновационного центра с высшими учебными и научно-исследовательскими институтами и промышленными предприятиями города как основой технологического развития инновационных идей создает необходимые условия для эффективного развития инноваций вплоть до их коммерческого внедрения. Целесообразно также рассмотреть возможность интеграции Западно-Сибирского нефтегазового инновационного центра в мегапроект «Корпорация развития Уральского федерального округа». Для Западно-Сибирского нефтегазового инновационного центра существует реальная возможность стать активным участником проекта «Инновационный центр “Сколково”» и активно развивать научно-исследовательское сотрудничество.

В процессе разработки модели планирования пространства была определена структура планирования Тюменского муниципального района, включающая существующие социально-экономические, экологические и транспортные структуры и согласованная с пространственной организацией территории Российской Федерации. Модель дает информацию о районе и долгосрочных перспективах ее развития в соответствии со Стратегией социально-экономического развития Тюменского района до 2020 г. В основе планировочной модели муниципального района лежат две главные оси: природно-планировочная ось – река Тура, и градостроительная ось – Транссибирская железная дорога. Последняя проходит через центр города, пересекая муниципальный район с запада на юго-восток. Параллельно проходит федеральная автомобильная дорога Екатеринбург–Тюмень–Омск.

Генеральный план развития Тюмени предполагает концентрическое территориальное развитие, предусматривающее циклическое транспортное планирование территории муниципального района.

В соответствии с моделью планирования пространства определены следующие тенденции развития территории:

- строительство новых федеральных автодорог для обеспечения межрегиональных перевозок и интеграции отдельных региональных маршрутных сетей в единую транспортную систему России;

- завершение строительства объездного круга автомобильного транспорта;

- строительство Южной железной дороги – пропуск для грузовых поездов на перегоне между станциями Подъем и Войновка.

Радиальная транспортная система создает основу для модели структуры планирования. Тюменский городской внешний транспортный круг, являясь центральной частью единой планировочной структуры муниципального района, обеспечивает оптимальный доступ к городским территориям и выход на внешние направления.

Третий паттерн трансформации городского пространства представлен формированием Тюменской городской агломерации.

В последние годы в Тюменской области демографическая ситуация положительная, численность населения увеличилась за счет положительных миграционных процессов и естественного воспроизводства. Основной вклад в воспроизводство населения внесли Тюмень, Ялуторовск и Тюменский муниципальный район, который выгодно расположен и непосредственно граничит с г. Тюмень, который является центром Тюменской агломерации.

Рост города был обусловлен как расширением пригородов, так и с урбанизацией района. Условия жизни в окрестностях города все больше приближаются к условиям жизни в большом городе, который является центром притяжения. Урбанизация – это исторический процесс, повышающий роль города в развитии общества и обуславливающий изменения в месте производства и переселения населения. Современный тип урбанизации определяется не столько высоким ростом доли городского населения, сколько интенсивно развивающимися урбанизационными процессами: появляются новые пространственные формы городского жилья – мегаполисы, население города переселяется в пригороды.

Расширенное зонирование территорий по приоритетным направлениям предопределило зоны опережающего развития и точки роста, соответствующие приоритетным направлениям экономического развития муниципального района (агропромышленный комплекс, лесопромышленный комплекс, комплексный строительный комплекс, машиностроительный комплекс, туристический комплекс и другие сферы хозяйственной деятельности).

Модель организации пространства послужит основой для дальнейшего развития системы территориального планирования (ТПС) Тюменского муниципального района и позволит:

- 1) осуществлять территориальное, функциональное и экономическое развитие всех поселков района в тесной координации с развитием Тюмени;

- 2) увеличить численность населения, объемы жилищного строительства и, как следствие, повысить уровень жизни за счет новой модели экономики.

Формирование Тюменской агломерации – одна из перспективных форм освоения пространства района, где центральное место занимает город, а группы сел представляют собой локальные системы расселения.

Агломерация – это единое социально-экономическое и инвестиционное пространство с общей системой социальных удобств, инженерно-транспортного обслуживания и единой неделимой природно-экологической составляющей. Тюменская агломерация позволит объединить экономические возможности и финансовые ресурсы для решения общих задач, обмениваться технологиями, знаниями и специалистами, совместно развивать транспортную и социальную инфраструктуру.

Экономические и социальные эффекты агломерационного этапа урбанизации района дадут следующие преимущества всем муниципальным образованиям:

- возможность реализации крупных инфраструктурных проектов транспортировки;
- развитие информационных коммуникаций, образовательной и научной инфраструктуры;

- последовательное «внедрение» городского образа жизни (высокий уровень сервиса, широкие возможности выбора работы, медицинских и образовательных учреждений) в селах с сохранением их природных преимуществ (экология, индивидуальное жилье и др.).

Проект территориально-экономических центров развития Тюменского муниципального района позволяет принимать взаимосвязанные решения на разных уровнях планирования.

Научно-исследовательская работа «Прикладные научные исследования по подготовке документов для градостроительства на территории Тюменского муниципального района» обеспечит:

- преемственность и взаимосвязь решений территориального планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;

- определение местоположения планируемых региональных объектов на муниципальных территориях с учетом решений и документов муниципального территориального планирования;

- создание единого банка данных на основе электронного мониторинга реализации планируемых региональных и локальных объектов;

- использование ТПС для решения большого количества задач государственного и муниципального управления, правового регулирования отношений земельной собственности на основе принятых решений в области градостроительства, а также совершенствования информационных ресурсов региональной инфраструктуры космических данных.

Заключение

Тюмень представляет собой особый случай успешного постсоциалистического развития российской региональной столицы. В течение XX – начала XXI в. город пережил несколько этапов трансформации – от небольшого города через промышленный центр нефтегазового развития до постиндустриального города, объединив функции логистического, образователь-

ного и административного центра для трех регионов России.

В ближайшие годы Тюмень должна стать «умным городом» будущего. Последнее подтверждается продолжающимся ростом качества жизни, правильными интеллектуальными решениями в экономике, муниципальном управлении, архитектуре и др.

Можно выделить следующие стратегические приоритеты:

- создание надлежащей бизнес-среды, социальной и транспортной инфраструктуры; успешное озеленение и архитектурные решения; формирование «умного города»;

- стимулирование бизнеса в инновационной сфере; дальнейшее привлечение международных компаний; организационные, законодательные и административные решения;

- повышение уровня жизни.

В Тюмени должны быть сформированы инновационная и инвестиционная инфраструктура полной стоимости, надлежащие условия для роста малого и среднего бизнеса и инновационного развития приоритетных кластеров, повышения уровня жизни населения и достижения европейского уровня благоустройства города. Город станет современным нефтесервисным центром, городом с лучшими инфраструктурными условиями для привлечения инвестиций, способствующим реализации крупных проектов.

Стратегическая экономическая политика способствует развитию конкурентоспособных видов предпринимательской деятельности и проведению институциональных реформ.

Приоритетными направлениями Стратегии социально-экономического развития Тюмени являются: инновационное развитие нефтегазового кластера и кластера международных инжиниринговых компаний; поддержка IT-кластера; инновационное развитие нефтехимии и нефтепереработки.

Таким образом, Тюмень представляет собой успешный пример постсоветского городского развития, когда сочетание благоприятной экономической конъюнктуры и рациональной и продуманной политики местных и региональных властей позволило преодолеть проблемы постиндустриального этапа и выйти на качественно новый уровень развития городской среды.

Список источников

1. Бурдые П. Социология социального пространства : пер. с фр. /отв. ред. пер. Н.А. Шматко. М. : Ин-т экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с.
2. Chen Xiaoyan: Monitoring and Evaluation in China's Urban Planning System: a Case Study of Xuzhou. 2009. URL: <http://www.unhabitat.org/grhs/2009> (accessed: 20.08.2018).
3. Ilchenko M. Utopian spaces: Symbolic transformation of the "Socialist Cities" under post-Soviet conditions// Re-Imagining the City: Municipality and Urbanity Today from a Sociological Perspective / ed. by M. Smagacz-Poziemska, K. Frysztański, A. Bukowski. Jagiellonian University Press, 2017. P. 32–52.
4. Kirkby R.J.R. Urbanization in China: Town and Country in a Developing Economy, 1949–2000. New York : Columbia University Press, 1985. xii, 289 p.
5. Tang Wing-Shing. Chinese Urban Planning at Fifty: An Assessment of the Planning Theory Literature // Journal of Planning Literature. 2000. Vol. 14 (3). P. 347–366.
6. Füzér K. The Projectified City of Postmillennial Pécs: Urban Strategies, Development Projects, and Partnerships on Europe's Periphery // Re-Imagining the City: Municipality and Urbanity Today from a Sociological Perspective / ed. by M. Smagacz-Poziemska, K. Frysztański, A. Bukowski. Jagiellonian University Press, 2017. P. 167–192.
7. Pietrzak-Franger M., Pleßke N., Voigts E. Transforming Cities: Discourses of Urban Change // From Socialist to Post-Socialist Cities : Cultural Politics of Architecture, Urban Planning and Identity in Eurasia / ed. by A.C. Diener, J. Hagen. London, 2014. P. 44–47.
8. Engel B. Public space in the "blue cities" of Russia // The Post-Socialist City. Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism / K. Stanilov (ed.). Springer Science & Business Media, 2007. Vol. 92. P. 285–300.

9. Hatherley O. Soviet squares: how public space is disappearing in post-communist cities // *The Guardian*. URL: http://www.theguardian.com/cities/2016/apr/21/soviet-squares-public-space-post-communist-cities?CMP=share_btn_tw (accessed: 20.08.2018).
10. Neugebauer C.S. Loss and (re-)construction of public space in post-Soviet cities // *Int. J. Sociol. Soc. Pol.* 2015. Vol. 35, is. 7-8. URL: <http://www.emeraldinsight.com/doi/full/10.1108/IJSSP-04-2015-0042> (accessed: 20.08.2018).
11. Посохова Е. Формирование Тюменской агломерации – одна из перспективных форм пространственного развития Тюменского района // Институт территориального планирования «Град». URL: <https://itpgrad.ru/node/2320> (дата обращения: 21.08.2018).

References

1. Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental, Sociology; St. Petersburg: Aletyya, 2007.
2. Chen, X. (2009) *Monitoring and Evaluation in China's Urban Planning System: A Case Study of Xuzhou*. [Online] Available from: <http://www.unhabitat.org/grhs/2009> (Accessed: 20th August 2018).
3. Ilchenko, M. (2017) Utopian spaces: Symbolic transformation of the “Socialist Cities” under post-Soviet conditions. In: Smagacz-Poziemska, M., Fryszacki, K. & Bukowski, A. (eds) *Re-Imagining the City: Municipality and Urbanity Today from a Sociological Perspective*. Jagiellonian University Press. pp. 32–52.
4. Kirkby, R.J.R. (1985) *Urbanization in China: Town and Country in a Developing Economy, 1949–2000*. New York: Columbia University Press.
5. Tang, W.-Sh. (2000) Chinese Urban Planning at Fifty: An Assessment of the Planning Theory Literature. *Journal of Planning Literature*. 14(3). pp. 347–366. DOI: 10.1177/08854120022092700
6. Füzér, K. (2017) The Projectified City of Postmillennial Pécs: Urban Strategies, Development Projects, and Partnerships on Europe's Periphery. In: Smagacz-Poziemska, M., Fryszacki, K. & Bukowski, A. (eds) *Re-Imagining the City: Municipality and Urbanity Today from a Sociological Perspective*. Jagiellonian University Press. pp. 167–52.
7. Pietrzak-Franger, M., Pleßke, N. & Voigts, E. (2014) Transforming Cities: Discourses of Urban Change. In: Diener, A.C. & Hagen, J. (eds) *From Socialist to Post-Socialist Cities. Cultural politics of Architecture, Urban Planning and Identity in Eurasia*. London: Routledge.
8. Engel, B. (2007) Public space in the “blue cities” of Russia. In: Stanilov, K. (ed.) *The Post-Socialist City. Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism*. Vol. 92. Springer Science & Business Media. pp. 285–300.
9. Hatherley, O. (2016) Soviet squares: how public space is disappearing in post-communist cities. *The Guardian*. 21st April. [Online]. Available from: http://www.theguardian.com/cities/2016/apr/21/soviet-squares-public-space-post-communist-cities?CMP=share_btn_tw (Accessed: 20th August 2018).
10. Neugebauer, C.S. (2015) Loss and (re-)construction of public space in post-Soviet cities. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 35(7–8). [Online] Available from: <http://www.emeraldinsight.com/doi/full/10.1108/IJSSP-04-2015-0042> (Accessed: 20th August 2018).
11. Posokhova, E. (n.d.) *Formirovanie Tyumenskoy aglomeratsii – odna iz perspektivnykh form prostranstvennogo razvitiya Tyumenskogo rayona* [The formation of the Tyumen agglomeration is one of the promising forms of spatial development of Tyumen region]. [Online] Available from: <https://itpgrad.ru/node/2320> (Accessed: 20th August 2018).

Сведения об авторах:

Деев Алексей Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса финансово-экономического института Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: alks16@gmail.com

Красовская Надежда Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса финансово-экономического института Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: Nadezda_3161@inbox.ru

Черноморченко Светлана Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса финансово-экономического института Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: chernomorchenko@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Deev Alexey S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Business, Financial and Economic Institute of Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: alks16@gmail.com

Krasovskaya Nadezhda V. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Business, Financial and Economic Institute of Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: Nadezda_3161@inbox.ru

Chernomorchenko Svetlana I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Business, Financial and Economic Institute of Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: chernomorchenko@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2018; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 22.10.2018; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 94(571.54)"1920/50" (=411.16)

doi: 10.17223/19988613/78/5

Метаморфозы еврейской жизни в Бурят-Монгольской АССР: от «безродных космополитов» до «панмонголистов»

Леонид Владимирович Курас¹, Лилия Владимировна Кальмина²

^{1, 2} *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия*

¹ *kuraslv@yandex.ru*

² *kalminal@gmail.com*

Аннотация. Исследуется политика по отношению к еврейскому народу в контексте решения «национального вопроса» на территории нынешней Бурятии в 1920–1950-е гг. Маятниковая позиция власти в разные годы, диктовавшаяся изменениями статуса и идеологии административных образований на территории Бурятии, поочередно делала памятники народного творчества то объектом гордости, то проявлением «буржуазного национализма». Еврейская интеллигенция оказалась причастной к процессу «панмонголистов» в социалистической Бурят-Монголии из-за своего вклада в развитие бурятской культуры.

Ключевые слова: евреи, панмонголизм, эпос «Гэсэр», космополитизм, Бурят-Монголия

Благодарности: Статья подготовлена Л.В. Курасом – в рамках государственного задания, проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1, Л.В. Кальминой – в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.)», № 121031000243-5.

Для цитирования: Курас Л.В., Кальмина Л.В. Метаморфозы еврейской жизни в Бурят-Монгольской АССР: от «безродных космополитов» до «панмонголистов» // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 32–37. doi: 10.17223/19988613/78/5

Original article

Jewish Life Metamorphosis in Buryat-Mongolian ASSR: from Rootless Cosmopolitans to Panmongolists

Leonid V. Kuras¹, Lilia V. Kalmina²

^{1, 2} *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation*

¹ *kuraslv@yandex.ru*

² *kalminal@gmail.com*

Abstract. Aim of the article is to investigate authority's attitude in connection with the Jews on the territory of contemporary Buryatia in 1920-1950s according to the state position in national issue, being depended from the status and ideology of local administrative – territorial entities. The source base of investigation happened to be VChK's instructions about *Zionist threat* and papers of the State Archive of the Republic of Buryatia, describing peculiarities of national-cultural policy in the Buryat-Mongolian ASSR in 1940-1950-s.

The policy in reference to the Jews, always having being considered to be a turbulent nation, though followed the state one was somehow different in Buryat-Mongolia. Accusations in adherence to Zionism and cosmopolitanism, being the core of the Soviet power's Jewish policy in 1920s and 1940-1950s were supplemented in the Republic with absurd suspicions in allegiance to Panmongolism. Participation of some Jewish intellectuals in translation of the Buryat «Geser» Epic was treated as the formal reason for such accusations.

In the course of investigation the authors came to following conclusions:

distortions in national policy in Buryat-Mongolia, when the aspiration for developing national language and culture aroused suspicion in bourgeois nationalism, those being duplicated around the country. Declaring the development of the national cultures as the core of national policy, the state did not define the strict frames behind which development came to the end and nationalist propaganda was launched;

according to the tradition, the Jews were considered to be an unreliable nation, though they did not have any anti-government plans. Their devotion to Zionism could be explained only with the idea of national revival. The campaign against *rootless cosmopolitans* was in fact the offensive to creative intelligentsia's free thinking;

in the Buryat-Mongolian ASSR representatives of the Jewish literary community, aimed at national staff training, became the victims of the vector change in relation to Panmongolism. In 1940s, instead of the means of the unique Mongolian world space construction, it turned to spy-subversive ideology, threatening the national security and Buryat «Geser» Epic from the outstanding oral folk masterpiece in a moment changed to the manifestation of feudal-religious archaic survival;

accusation of the Jews to the belonging to Panmongolism exactly embedded into the policy of the building enemy ideologies from the natural peoples' desire to have their own state. Panmongolism was designed as the base of future national-state formation in the Mongolian world, as well as Zionism was the ideological cornerstone of the Jewish state development.

Keywords: Jews, Panmongolism, «Geser» Epic, cosmopolitanism, Buryat-Mongolia

Acknowledgments: The article was prepared by L.V. Kuras – within the framework of the state assignment, the project “Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states”, No. 121031000241-1, L.V. Kalmina – within the framework of the state assignment, the project “Russia and Inner Asia: dynamics of geopolitical, socio-economic and intercultural interaction (XVII – XXI centuries)”, No. 121031000243-5.

For citation: Kuras, L.V., Kalmina, L.V. (2022) Jewish Life Metamorphosis in Buryat-Mongolian ASSR: from Rootless Cosmopolitans to Panmongolists. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 32–37. doi: 10.17223/19988613/78/5

Октябрьская революция 1917 г., пробудившая национальное самосознание у всех национальных меньшинств бывшей Российской империи, вызвала массовый отток еврейского населения Сибири и Дальнего Востока в Маньчжурию, где оно рассчитывало на возрождение национальной жизни.

По правилу маятника

Принятие в декабре 1918 г. английской Декларации о передаче Палестины под мандат Великобритании пробудило у евреев всего мира надежду на возможность создания собственного государства. Это привело к росту популярности сионистской идеи, которая и без того получила признание у российских евреев. Еще в конце 1917 г. на первых повсеместно проводившихся общинных выборах сионисты одержали убедительную победу во всех сибирских городах. Объединение большинства еврейских организаций Сибири и Дальнего Востока с сионистскими организациями насторожило молодую советскую власть. В июне 1920 г. во все губернские чрезвычайные комиссии и особые отделы было направлено циркулярное письмо ВЧК, в котором имелся раздел «О сионистах» [1. С. 125–127]. В циркуляре желание сионистов создать национальную государственность в Палестине расценивалось как «стремление поработить арабское крестьянство».

Все кардинально изменилось с образованием Дальневосточной Республики, в которой национальная жизнь получила серьезный импульс для развития. Это было связано с деятельностью министра по делам национальностей К.Я. Лукса. К августу 1921 г. он подготовил проект положения о министерстве, были созданы национальные, в том числе и еврейский, отделы, разработан закон о культурно-национальной автономии. Согласно этому закону украинцы, корейцы, тюркотатары и евреи для реализации своих закрепленных конституцией прав на культурно-национальную автономию могли создавать автономные национальные союзы, высшим представительным органом которых

являлись национальные собрания. Последние избирали исполнительный орган – Национальный совет, который, в свою очередь, выставлял одну кандидатуру в состав Министерства по национальным делам [2. С. 53].

Однако век расцвета национальной жизни (еврейской в том числе) был недолог: после упразднения ДВР в отношении сионистов начались силовые акции. В июне-июле 1923 г. были проведены аресты сионистов в Иркутске, Верхнеудинске, Чите и Сретенске. При этом за ними не замечалось никаких противоправительственных замыслов; они были арестованы как адепты возрождения еврейского народа на исторической родине [3. С. 171]. Инструментом советизации еврейства предполагалось сделать приобщение к производительному труду [4. С. 87], но в 1920–1930-е гг. в национальных республиках этот императив не сработал из-за отсутствия промышленного производства. Зато в процессе национально-государственного строительства остро встал вопрос ликвидации неграмотности и подготовки национальных кадров в области культуры, и вот здесь евреи оказались «к месту» [5].

Свидетель эпохи

С победой большевиков начался «грандиозный эксперимент по созданию «новых» национальных культур и идентичностей. Новых – в том смысле, что они конструировались в контексте социалистической идеологии [6. С. 84]. В этом строительстве особое место принадлежит героическому эпосу, зачастую являвшемуся единственным свидетелем отдаленной эпохи, который в художественной форме отражал представления об историческом прошлом и воссоздавал целостные картины народной жизни. Это явление настолько яркое и широкое, что даже позволило исследователям рассматривать литературные отношения Востока и Запада сквозь призму развития эпоса [7].

Первоначально эпос формировался в устной форме, потом обрастал новыми сюжетами и образами, характерными и значительными для своего времени,

позднее закреплялся в книжной форме и дошел до нас в виде обширных произведений. В СССР насчитывалось до 300 эпосов. С 1971 по 1990 г. издательство «Наука» опубликовало серию из 12 томов героического эпоса народов СССР [8].

В ряду образцов устного народного творчества важное место принадлежит бурятскому героическому эпосу «Гэсэр» – вершине многогранного устного творчества бурятского народа и выдающемуся памятнику эпической поэзии мирового масштаба [9. С. 31]. Перед учеными была поставлена задача не просто собрать и систематизировать различные устные версии, но создать письменный литературный канонический текст, фактически – инструмент национальной консолидации, свидетельство древности и силы культуры нации. Задача эта была не только и даже не столько культурной – создавался фундамент народа, версия общей древней и великой истории и культуры, без чего трудно выстроить новую этническую общность из партикуляристской многоплеменной стихии. Исследователи оценивают переход от традиционных устных сказаний к письменному литературному тексту как символ «перерастания» в современный тип общества [Там же. С. 32].

В 1940 г. в Москве была проведена Декада бурят-монгольского искусства. Тогда же Совнарком СССР принял решение о подготовке сводного поэтического варианта героического эпоса «Гэсэр». Юбилей «Гэсэра» должен был продолжить начавшуюся в СССР в 1930-е гг. череду «эпических» юбилеев: 1935 г. – 100-летие первого издания карело-финской «Калевалы», 1936 г. – 750-летие грузинского эпоса «Витязь в тигровой шкуре», 1938 г. – 750-летие русского «Слова о полку Игореве», 1939 г. – 1000-летие армянского эпоса «Давид Сасунский», 1940 г. – 500-летие калмыцкого эпоса «Джангар».

Начались сбор и изучение существовавших версий бурят-монгольского эпоса. К весне 1941 г. был подготовлен черновой вариант свода эпоса, состоявшего из 115 тыс. стихотворных строк. 6 мая 1941 г. за подписью И.В. Сталина вышло постановление Совнаркома СССР о праздновании в ноябре 1942 г. юбилея эпоса «Гэсэр». Его проведению помешала Великая Отечественная война, но работа над эпосом продолжалась.

В 1943 г. у эпоса «Гэсэр» появился первый официальный переводчик для издания на русском языке. Это был Марк Тарловский, советский поэт-лирик, опальный в то время из-за своего непролетарского происхождения, еврей по национальности¹. В июле 1944 г. состоялась конференция писателей и улигершинов (сказителей. – Л.К., Л.К.) Бурят-Монгольской АССР с участием представителей Москвы, Иркутска, Читы, на которой с докладом «Об издании бурят-монгольского эпоса “Гэсэр”» выступил журналист и историк Максим Шулукин [10. Оп. 1. Д. 4829. Л. 48].

Однако в 1946 г. внутренняя политика Советского Союза сделала резкий крен в противоположную сторону: целые пласты традиционной этнической культуры под предлогом борьбы с «феодально-религиозными пережитками» были изъяты и уничтожены. С конца 1940-х гг. в стране в стране регулярно проходили

«проработочные» кампании в научных, вузовских и творческих коллективах. Начались открытые нападки на шедевры устного народного творчества. Гонениям подверглись и представители культурной элиты, являвшиеся главными носителями и «производителями» пережитков. Показательной можно считать дискуссию, развернувшуюся между представителями творческой интеллигенции и партийным руководством республики о бурятском эпосе «Гэсэр». Дискуссии предшествовал XXIV пленум Бурят-Монгольского обкома партии, состоявшийся в сентябре 1946 г., на котором первый секретарь обкома ВКП(б) А.В. Кудрявцев обвинил некоторых видных писателей, ученых, партийных работников в буржуазном национализме. 20–21 мая 1948 г. состоялось совещание, на котором присутствовали члены бюро ОК ВКП(б), ответственные работники обкома партии и Совета Министров БМАССР, ученые, писатели, журналисты. На совещании А. Кудрявцев объявил «Гэсэр» «феодально-ханским эпосом» [9. С. 34]. Наиболее активные научные работники, занимавшиеся его изучением и популяризацией, превратились в «буржуазных националистов», менее активные стали их «слепым орудием». Прозвучало обвинение в панмонголизме в адрес известного поэта еврейского происхождения Семена Метелицы (Ицкович)² за сборник стихов «Подруги». В стихотворении «Курган» при описании битвы при Халхин-голе, подчеркивая боевое братство и дружбу русского и монгольского народов, поэт упомянул имя Чингисхана [11. С. 109–113].

Объект транснациональной истории

Несколько слов о панмонголизме, социокультурном и политическом феномене, отношении к которому было «маятниковым». Введение понятия «панмонголизм» в научный оборот принадлежит основателю «русского символизма» Владимиру Соловьеву, который в «Повести об антихристе» (1900) дает ему негативную характеристику [12]. В начале XX в. в общественном мнении он ассоциировался с «желтой опасностью» как результат поражения России в Русско-японской войне.

После революции 1905–1907 гг. отношение к панмонголизму со стороны официальных властей менялось к лучшему, что обуславливалось двумя факторами: внешним и внутренним. Внешним стал интерес России к Тибету, чему во многом способствовала религиозная и дипломатическая деятельность Агвана Доржиева³. Тогда же иерарх высказался за создание «великой буддийской конфедерации» и убедил Далай-ламу XIII искать в лице России защитницу монголов и тибетцев от угнетения со стороны Китая, Японии и Англии. Внутренний фактор проявился в определенном стремлении достичь единения монгольских народов на основе буддизма, что проявилось в полной мере в дискуссии о перспективах развития бурятского языка, который стал основой формирования бурятской письменности. Это был «золотой век» панмонголизма: как политический феномен он был катализатором развития гуманитарных знаний. Дискуссия о перспективах его развития стала базой будущего национально-

государственного строительства. Ей удалось выйти за пределы бурятского ареала и стать достоянием широкой общественности империи. В процессе дискуссии вызревает идея панмонгольского движения, которое затем переросло в идеологию панмонголизма [13]. При этом, в отличие от пантюркизма, панисламизма, панславизма, панмонголизм возник не как конкурентная среда для противостояния внешним силам, а как стремление к духовному единству, как объект транснациональной истории [14]. Панмонголизм преодолел границы Забайкалья, охватив обширную территорию Монголии, Северного Китая и Дальнего Востока. Евреи, органично вписавшиеся в население Забайкалья, оказались в стороне от этого процесса: их жизнь регламентировалась нормативными актами Российской империи в отношении евреев Сибири [15. С. 25–27].

Вернемся к 1940-м гг., когда отношение к панмонголизму стало совсем иным. Чтобы понять всю тяжесть обвинения в принадлежности к нему, достаточно отметить, что в рассматриваемый период он ассоциировался с шпионско-диверсионной деятельностью в пользу Японии со всеми вытекающими последствиями. Только за 1937 г. и десять месяцев 1938 г. в БМАССР были арестованы 1 248 «панмонголистов», большая часть которых проходила по I категории – расстрел [11. С. 75]. К панмонголистам причислили высшее руководство республики. В частности, по обвинению в руководстве «панмонгольской, контрреволюционной, повстанческо-диверсионной, вредительской организацией» в 1938 г. был расстрелян первый секретарь Бурят-Монгольского областного комитета ВКП(б) Михей Николаевич Ербанов. Поэтому жизни Семена Метелицы, которого вместе с бурятскими литературоведами характеризовали как «прямого отпрыска разгромленного в свое время ербановского буржуазно-националистического руководства республики», реально угрожала серьезная опасность.

«Гэсэр» с еврейским акцентом

Гонения на эпос «Гэсэр» и его создателей не было единичным явлением, характерным только для Бурят-Монголии – им подверглись все эпосы народов СССР в русле ужесточения государственной позиции в национальном вопросе. Через полгода после начала шельмования «Гэсэра» стартовала кампания против «безродных космополитов». Она стала важнейшим звеном в серии политико-идеологических кампаний второй половины 1940-х – начала 1950-х гг., инициированных и направляемых высшим партийным руководством страны. Кампания, выглядевшая как антисемитская, на деле была направлена прежде всего на подавление творческой самостоятельности интеллигенции [16]. В эту категорию попала вся еврейская интеллигенция, в том числе евреи – исследователи Гэсэриады и поэты-переводчики, которые разом превратились в «панмонголистов». В их числе были фольклорист Иоганн Альтман⁴, литературный критик Федор Левин⁵, ученый-фольклорист Лазарь Элиасов⁶, Семен Метелица (Ицкович), переводчица бурятских поэтов Татьяна Стрешева (Сальманович)⁷.

В марте 1951 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в работе Бурят-Монгольского обкома ВКП(б)». Произошла смена руководства республики. Это повлияло и на судьбу бурятского эпоса «Гэсэр»: в апреле 1951 г. он был признан «культурным наследием бурятского народа» [17. С. 447]. Его оценка как «феодално-ханского произведения» была опровергнута.

В 1959 г. сводный текст эпоса был издан на бурятском языке, в 1968 г. и в 1973 гг. в издательстве «Художественная литература» он вышел на русском языке. Перевод с бурятского сделал еврей Семен Израилевич Липкин⁸. Времена изменились, обвинений в панмонголизме можно было уже не опасаться.

Примечания

¹ Марк Ариевич (Аркадьевич) Тарловский (1902–1952) – поэт, переводчик, литературный секретарь акына Джамбула, переводчик эпоса «Манас». Автор поэтического переложения на современный русский язык «Слова о полку Игореве».

² Семен Метелица (Ицкович) (1912–1974) – поэт, прозаик, драматург, переводчик. Фронтник, имеет боевые награды. В 1946–1947 гг. городской и областной партком назвал его вместе с А. Бальбуровым и А. Улановым «прямым отпрыском разгромленного в свое время ербановского буржуазно-националистического руководства республики».

³ Агван Доржиев (1853–1938) – буддийский лама, ученый, дипломат, просветитель, государственный, религиозный и общественный деятель. Сторонник сближения Российской империи и Тибета.

⁴ Иоганн Львович Альтман (1900–1955) – советский литературовед, литературный и театальный критик, ответственный редактор газеты «Советское искусство», журнала «Театр». Фронтник, имеет боевые награды. В 1949 г. в ходе кампании по борьбе с космополитизмом исключен из партии и из Союза писателей СССР.

⁵ Федор Маркович Левин (1901–1972) – российский литературный критик, главный редактор издательств «Советская литература» и «Советский писатель». Фронтник, имеет боевые награды. В ходе кампании по борьбе с космополитизмом исключен из партии и из Союза писателей СССР.

⁶ Лазарь Ефимович Элиасов (1914–1976) – советский фольклорист, доктор филологических наук, профессор. Фронтник, имеет боевые награды. Подвергался репрессиям.

⁷ Татьяна Стрешева (Сальманович) – поэт и переводчик. Иные данные не установлены.

⁸ Семен Израилевич Липкин (1911–2003) – поэт, переводчик аккадского эпоса «Поэма о Гильгамеше», калмыцкого эпоса «Джангар», киргизского эпоса «Манас» и др.

Список источников

1. ВЧК–ГПУ / сост. Ю. Фельштинский. Вермонт : Chalidze Publications, 1989. 216 с.
2. Раднаева С.Б. Основные направления деятельности первого министра по национальным делам Дальневосточной республики Карла Яновича Лукса // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 51–56.
3. Курас Л.В., Кальмина Л.В. «План Фугу»: «еврейский вопрос» в Маньчжоу-Го // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 170–176.
4. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. 2-е изд., доп. М. : Междунар. отношения, 2003. 784 с.

5. Балдано С.В. Формирование и развитие художественной интеллигенции Бурятии (1923–1991 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 26 с.
6. Балдано М.Н. Создание сводного варианта эпоса «Гэсэр» в контексте проекта нацистроительства // Идеи и идеалы. 2010. № 3 (5), т. 1. С. 84–91.
7. Жирмунский В. Народный героический эпос : сравнительно-исторические очерки. М. –Л. : Гослитиздат, 1962. 435 с.
8. Эпос народов СССР : 12 кн. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1971–1990.
9. Балдано М.Н. Проект нацистроительства: сводный вариант эпоса «Гэсэр» // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 31–36.
10. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1.
11. Базаров Б.В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 193 с.
12. Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории с включением краткой повести об антихристе с приложениями // Сочинения : в 2 т. / общ. ред. и сост. А.В. Гулыга, А.Ф. Лосев. М. : Мысль, 1988. Т. 2. 822 с.
13. Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века / рук. проекта, отв. ред. Б.В. Базаров; науч. ред. Ц.П. Ванчикова. Иркутск : Оттиск, 2017. 188 с.
14. Курас Л.В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. / рук. проекта, отв. ред. Б.В. Базаров; науч. ред. М.Н. Балдано. Иркутск : Оттиск, 2016. 252 с.
15. Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века – февраль 1917 года). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 172 с.
16. Сталин и космополитизм. 1945–1953 : документы Агитпропа ЦК / под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. М. : МФД : Материк, 2005. 768 с. (Россия. XX век. Документы).
17. Очерки истории Бурятской организации КПСС. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. 612 с.

References

1. Felshtinskiy, Yu. (1989) *VChK/GPU*. Vermont: Chalidze Publications.
2. Radnaeva, S.B. (2009) *Osnovnye napravleniya deyatel'nosti pervogo ministra po natsional'nym delam Dal'nevostochnoy respubliki Karla Yanovicha Luksa* [The main activities of the first minister for national affairs of the Far Eastern Republic Karl Yanovich Luks]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 10(191–39). pp. 51–56.
3. Kuras, L.V. & Kalmina, L.V. (2021) Fugue plan: Jewish issue in Manchukuo. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 71. pp. 170–176. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/71/24
4. Kostyrchenko, G.V. (2003) *Taynaya politika Stalina. Vlast' i antisemitizm* [Stalin's Secret Policy. Power and Anti-Semitism]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
5. Baldano, S.V. (2004) *Formirovaniye i razvitiye khudozhestvennoy intelligentsii Buryatii (1923–1991 gg.)* [Forming and Development of Artistic Intelligentsia]. Abstract of History Cand. Diss. Ulan-Ude.
6. Baldano, M.N. (2010) Creation of summary variant of epic “Geser” in the context of nation-building project. *Idey i ideal'y – Ideas and Ideals*. 3(5-1). pp. 84–91. (In Russian).
7. Zhirmunskiy, V. (1962) *Narodnyy geroicheskiy epos: sravnitel'no-istoricheskie ocherki* [Folk heroic epic: comparative historical essays]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat.
8. Bashirovna, D.U. & Petrosyan, A.A. (1971–1990) *Epos narodov SSSR: 12 kn.* [Soviet Union Peoples' Epic. In 12 vols]. Moscow: Nauka.
9. Baldano, M.N. (2014) Nation-building Project: Consolidated Version of the Epic “Geser”. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Buryat State University Review*. 7. pp. 31–36. (In Russian).
10. The State Archive of the Republic of Buryatia (GARБ). Fund 1.
11. Bazarov, B.V. (1995) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' 1920–1950-kh godov i razvitiye literatury i iskusstva Buryatii* [Public and Political Life, 1920s–1950s, Development of Literature and Art in Buryatia]. Ulan-Ude: SB RAS.
12. Soloviev, B.S. (1988) *Sochineniya : v 2 t.* [Works in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
13. Kuras, L.V. (2017) *Panmongolizm kak proyavleniye etnichnosti mongol'skogo mira v pervoy chetverti XX veka* [Pan-Mongolism as Manifestation of Ethnic Mongol World at the First Quarter of 20th Century]. Irkutsk: Ottisk.
14. Kuras, L.V. (2018) *Transnatsional'naya istoriya mongol'skogo mira v usloviyakh revolyutsionnogo pod"ema: pervaya chetvert' XX v.* [Transnational History of Mongol World in Revolution Rise Situation, First Quarter of 20th Century]. Irkutsk: Ottisk.
15. Kalmina, L.V. & Kuras, L.V. (1999) *Evreyskaya obshchina v Zapadnom Zabaykal'e (60-e gody XIX veka – fevral' 1917 goda)* [Jewish Communities in Western Transbaikalia, in 1860s – February, 1917]. Ulan-Ude: SB RAS.
16. Yakovlev, A.N. (ed.) (2005) *Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953: dokumenty Agitpropa TsK* [Stalin and Cosmopolitanism. 1945–1953. Documents of Central Committee's Agitprop]. Moscow: MFD: Materik.
17. Khakhalov, A.U. (1970) *Ocherki istorii Buryatskoy organizatsii KPSS* [Buryat Organization of CPSU. History Essays]. Ulan-Ude: Buryat kn. izd-vo.

Сведения об авторах:

Курас Леонид Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: kuraslv@yandex. ru

Кальмина Лилия Владимировна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия). E-mail: kalminal@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kuras Leonid V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Department of History and Culture of Central Asia, Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: kurasov@yandex. ru

Kalmina Lilia V. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation) E-mail: kalminal@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 12.01.2022; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 338.45:639.2:94(571.1)''1945/1950''

doi: 10.17223/19988613/78/6

Проблемы развития рыбной промышленности на Севере Западной Сибири в послевоенный период, 1945–1950-е гг. (на примере Ханты-Мансийского национального округа)

Максим Станиславович Мостовенко

*Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия,
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, reiseleiter@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются основные проблемы развития рыбной промышленности Ханты-Мансийского национального округа в первые послевоенные десятилетия. Отмечается, что после активного развития и наращивания производственных мощностей в данной отрасли хозяйства начинают проявляться серьезные кризисные явления. Эти проблемы были в первую очередь связаны с нарастающим кадровым дефицитом, высокой степенью износа основных материальных фондов и просчетами в организации промысла. Делается вывод о недостаточности принимаемых государством мер по выходу из кризиса.

Ключевые слова: рыбная промышленность, экологическая история, Ханты-Мансийский национальный округ, Север Западной Сибири

Благодарности: Выявление источников по теме исследования в региональных архивах (КУ Государственный архив Югры) выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири». Выявление литературы в центральных и региональных библиотеках по теме исследования проведено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-20115 «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917–1991».

Для цитирования: Мостовенко М.С. Проблемы развития рыбной промышленности на Севере Западной Сибири в послевоенный период, 1945–1950-е гг. (на примере Ханты-Мансийского национального округа) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 38–45. doi: 10.17223/19988613/78/6

Original article

Problems of the development of the fishing industry in the North of Western Siberia in the post-war period 1945–1950s (Using the example of the Khanty-Mansi National District)

Maksim C. Mostovenko

*Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation,
University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, reiseleiter@mail.ru*

Abstract. In the traditional historical field, it is believed that the territory of the Khanty-Mansi National District remained on the periphery of the country's economic development during the period after The Great Patriotic War and until the discovery of the region's oil and gas resources. The industries that existed here, such as fishing and forestry, did not have serious economic potential. In this regard, the purpose of this study is to identify the features of the development of the fishing industry in the region in the first post-war years and study the causes of the crisis in this industry.

The source base of the study was archival funds stored in the State Archive of Ugra and devoted to the economic aspects of the life of the district. Materials of the Northern design and survey expedition of the USSR Ministry of Internal Affairs and the Main Directorate of the Northern Sea Route deserve special attention. The use of these materials made it possible to reconstruct how the district was seen in the country's general economic economy and what problems it had.

The events of The Great Patriotic War had a serious impact on the development of the fishing industry of the Khanty-Mansi National District. The industry faced an important task to provide fish products to the country. In addition, the evacuation to Surgut in 1942 of the Odessa fish canning factory stimulated the development of the region's fishing industry. The number of fish factories increased catch volumes reached record levels by 1944.

However, with the end of the war, the industry begins to enter a period of crisis, primarily caused by the extensive pace of exploitation of fish resources. In this regard, a number of key problems can be identified. Firstly, this is a serious personnel shortage. The shortage of professional fishermen and technologists made it difficult for enterprises to function. The second problem was the low level of material and technical condition of the industry. Equipment deterioration, lack of tanks for fish storage and processing, logistics difficulties reduced the efficiency of fishing, leading to spoilage of raw materials.

The third problem can be considered the poor organization of fishing on the ground. It was not uncommon for the same body of water to be rounded up by different crews, leading to depletion of its fishing capabilities. In the fishing areas there were no normal conditions for its conduct.

In conclusion, it can be noted that the problems discussed in the fishing industry in the post-war years were characteristic of the entire industry as a whole. Similar processes were observed on the territory of the Krasnoyarsk Territory. However, certain specificity in the case of the Khanty-Mansi National District was imposed by special natural and climatic conditions. The measures taken by the state to bring the industry out of the crisis, in some cases led to interregional and internal economic conflicts.

Keywords: fishing industry, environmental history, Khanty-Mansi National District, North of Western Siberia

Acknowledgments: The identification of sources on the topic of research in regional archives (KU State Archive of Ugra) was carried out with the support of a grant from the Government of the Russian Federation, project No. 075-15-2021-611 "Human and the changing Space of Ural and Siberia". The identification of literature in central and regional libraries on the topic of research was carried out with the support of a grant from the Russian Scientific Foundation No. 22-28-20115 "The Soviet state and society in the process of understanding and solving the environmental problems of the North of Western Siberia in 1917-1991".

For citation: Mostovenko, M.C. (2022) Problems of the development of the fishing industry in the North of Western Siberia in the post-war period 1945–1950s (Using the example of the Khanty-Mansi National District). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 38–45. doi: 10.17223/19988613/78/6

Северные районы Тюменской области до начала развития нефтегазовой отрасли оставались как бы на периферии экономического развития Сибири в послевоенные годы. Рядом специалистов из Государственного планового комитета, а также некоторыми государственными чиновниками это регион рассматривался как глухая провинция, у которой не было никаких перспектив развития. Основными промышленными отраслями на данной территории были лесная и рыбная. В определенном смысле события Великой Отечественной войны сыграли положительную роль в развитии рыбной промышленности, закрепив за ней статус одной из ведущих отраслей экономики. Важным фактором здесь стала эвакуация в 1942 г. в Сургут Одесской рыбоконсервной фабрики.

Кроме того, именно рыбное хозяйство округа стало своего рода точкой притяжения истории региона, поскольку в традиционном историческом поле считается, что на территории Ханты-Мансийского национального округа в послевоенный период и до открытия нефтегазовых месторождений серьезных исторических событий не происходило. Начавшееся нефтегазовое освоение региона не только стало поворотным моментом в истории региона, но и отодвинуло в «тень» прочие проблемные сюжеты.

В связи с этим ключевой целью данной статьи стало восполнение существующих лакунов в истории развития рыбной промышленности региона в послевоенный период, а также анализ существовавших проблем.

Для более полного понимания обратимся к историографии рассматриваемой проблемы.

Общей характеристике уровня социально-экономического развития округа посвящено исследование И.Н. Стася [1]. В данной работе автором рассматриваются основные тенденции развития округа в послевоенный период. Отмечается, что с 1945 по 1950 г. наметилась тенденция к позиционированию индустриального образа округа: получение Ханты-Мансийского статуса города, начало реализации проектов по развитию лесной, рыбной и строительных отраслей. Все это свиде-

тельствовало о начинающейся трансформации облика региона.

Также реконструкции облика региона в послевоенный период посвящен сборник «Накануне “Большой нефти”»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.)», подготовленный коллективом сургутских историков [2]. В нем рассматриваются ключевые особенности развития региона, предшествовавшие периоду нефтегазового освоения.

Отдельного внимания заслуживает работа нижевартовского историка Л.В. Алексеевой [3], которая подробно рассматривает положение рыбной отрасли в период Великой Отечественной войны (динамика рыбодобычи, состояние и общая характеристика трудовых ресурсов, материально-техническая база отрасли). Также совместно с Ю.В. Феоктистовой ею рассмотрена историографическая составляющая данной проблемы [4].

Поскольку рыбное хозяйство является одним из важных элементов экономики Сибири, стоит обратить внимание на соседние с рассматриваемым регионом территории, в частности на Красноярский край. В связи с этим можно выделить исследования красноярского историка С.Т. Гайдина [5–8]. Он рассматривает основные тенденции и проблемы развития рыбной промышленности на материалах Приенисейского региона, являвшегося одним из основных поставщиков рыбной продукции на территории Восточной Сибири, и отмечает, что ключевыми проблемами региона в данной сфере стали истощение рыбных запасов вследствие их чрезмерной эксплуатации и серьезный износ технологического оборудования отрасли. Этот вывод во многом подтверждается и сложившейся ситуацией в рыбном хозяйстве Ханты-Мансийского национального округа, что говорит о системном характере данной проблемы.

Наиболее близкой к предлагаемой теме исследования является работа Т.В. Ткачевой и соавт., посвященная изучению развития рыбной промышленности Ханты-Мансийского национального округа в послевоенный период [9]. Авторы рассматривают основные тен-

денции развития рыбной отрасли, отмечая при этом, что «несмотря на целый ряд проблем, связанных с последствиями войны (недофинсирование, нехватка рабочих рук и другие факторы), народное хозяйство округа в годы первых послевоенных пятилеток развивалось, капиталовложения увеличивались, а объемы производства постепенно росли» [9. С. 40]. Однако в этой работе используется не весь комплекс доступных источников по данной проблематике. Предлагаемое исследование направлено на заполнение имеющихся источниковедческих и историографических лакун.

Для более полного понимания процессов, которые разворачивались в рыбном хозяйстве Ханты-Мансийского национального округа в послевоенный период, рассмотрим общее состояние региона. В первую очередь следует отметить, что заселенность территории округа была невысокой. Так, на 1 января 1944 г. в округе насчитывалось 93,4 тыс. человек, на 1 января 1945 г. – 101,4 тыс. человек, на 1 января 1946 г. – 94,7 тыс. человек, на 1 января 1947 г. – 94,5 тыс. человек [10. Л. 3], т.е. численность населения округа в первые послевоенные годы была примерно постоянной.

Согласно данным экономического обследования региона, проведенного в рамках Северной проектно-изыскательской экспедиции МВД СССР и Главного управления Северного морского пути в 1947 г., «общая рыбоемкость составляет 400 тыс. ц, что по видовому составу рыбы выражается следующим образом: осетр – 6 000, лососевые – 11 000, сиговых – 18 000, крупный чистик – 165 00 и мелкий чистик – 210 000 ц. В округе насчитывается 1 240 рыбоугодьев союзного значения, расположенных по магистральным рекам Обь и Иртыш и сора и протокам их пойм... Остальные рыбоугодья республиканского значения. Общее число рыбоугодий 10 082: в том числе 1 956 находятся на внутренних водоемах с площадью 362 тыс. га и

954 по притокам с площадью 738 тыс. га» [Там же. Л. 4]. Как следует из приведенной информации, объем рыбных запасов был достаточно значительным, несмотря на активную эксплуатацию. Этому способствовала и разветвленная сеть водоемов.

Район деятельности Государственного рыбтреста, созданного в 1942 г., охватывал территорию общей площадью 345 тыс. км². При этом расстояние от Ханты-Мансийска, где располагался трест, до наиболее отдаленных рыбопромыслов составляло: вверх и вниз по Оби – 700 км, вверх по Иртышу 300 км, по реке Конда – 1 200 км, по Сосьве – 1 150 км, по Лямину – 1 250 км, по Ваху – 1 700 км.

За годы войны увеличилось количество рыбозаводов на территории округа. Если в 1940 г. их было 6, то к 1945 г. их число выросло до 13. Однако в послевоенное пятилетие начинается реорганизация предприятий. Созданный в 1946 г. Усть-Кондинский рыбозавод просуществовал не более года и вошел в состав Самаровского рыбозавода. Учинский рыбозавод (пос. Учинья) был передан Нахрачинскому. От Самаровского консервного комбината отделился Усть-Назымский рыбозавод, впоследствии переименованный в Усть-Иртышский, но находившийся в Самарово. Сосьвинский рыбозавод был передан Березовскому, а Локозовский, Покурский и Нижневартовский включены в состав Сургутского рыбозавода [Там же]. Таким образом, общее количество рыбных предприятий сократилось до 8.

Также произошло сокращение моторно-рыболовных станций. Были ликвидированы Березовская и Микояновская МРС, на весь округ остались только Самаровская и Сургутская станции. При этом в округе продолжало сохраняться значительно количество рыбозаготовительных организаций: 285 колхозов, в том числе 225 рыбоартелей и 60 сельскохозяйственных артелей.

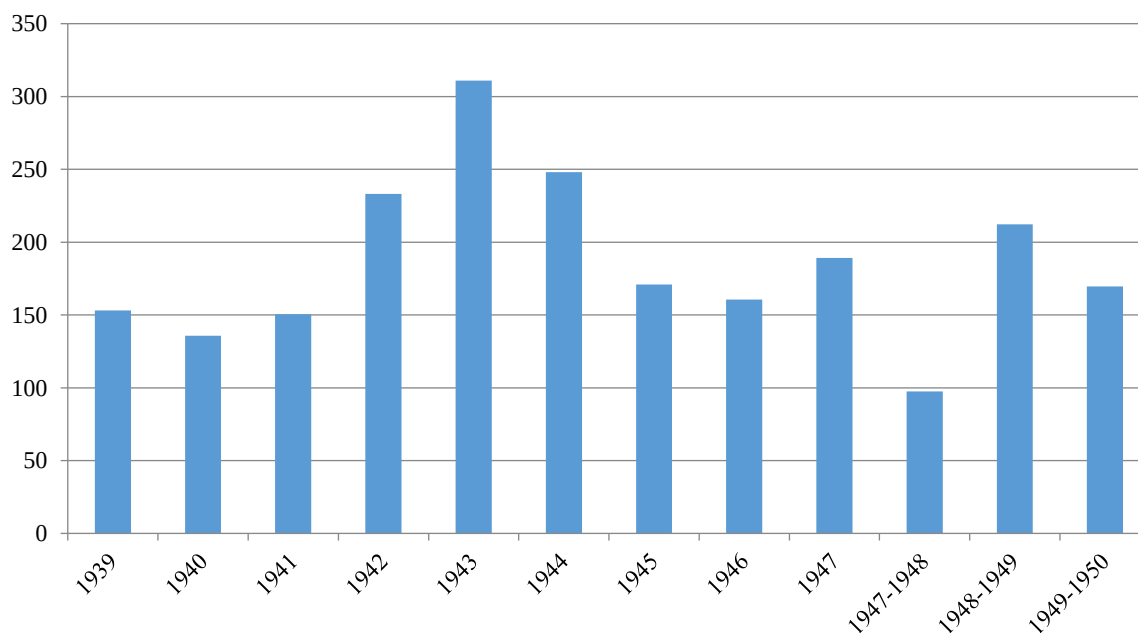

Рис. 1. Динамика вылова рыбы на территории Ханты-Мансийского национального округа в 1940-е гг., тыс. т

При этом можно отметить, что сокращение рыбо-заводов и вспомогательных организаций кардинальным образом не сказалось на объемах вылова рыбы. В большей степени на снижение объемов улова повлияла чрезмерная эксплуатация рыбных ресурсов, не рассчитанных на подобный интенсивный лов. За годы Великой Отечественной войны и первой послевоенной пятилетки максимум добычи рыбы пришелся на 1943 г., когда в округе было выловлено более 300 тыс. т (рис. 1) [3. С. 37–40; 11. Л. 27]. В последующие годы наблюдалась отчетливая тенденция к снижению объемов добываемой рыбы, которые едва достигли к началу 1950-х гг. довоенного уровня.

Кроме того, многие специалисты фиксировали, что произошло не только количественное, но и качественное изменение рыбных ресурсов. Так, если в 1930 г. было выловлено осетровых 3 742 ц, лососевых – 7 268 ц, сиговых 12 920 ц, то в 1946 г. на эти породы приходилось только по 500–600 ц [10. Л. 4 об.]. Соответственно, основной объем вылова приходился на частиковые, т.е. менее ценные, породы. Ранее мы отмечали, что общая рыбоёмкость водоемов округа была внушительной (до 6 тыс. ц осетровых и 11 тыс. ц сиговых пород), но, как следует из указанных выше данных, их доля в уловах была невелика.

Начинающийся кризис в рыбном хозяйстве региона был связан с рядом проблем, одной из которых был недостаток профессиональных кадров. Низкий уро-

вень кадрового обеспечения отрасли оказывал серьезное негативное влияние. В первую очередь речь идет о квалифицированных сотрудниках. На рыбообработке доминировал женский труд. Например, в Обь-Иртышском рыбтресте, головная организация которого была расположена в Тобольске, вместо положенных по штату 37 техников по добыче реально работали только 8. Сходная ситуация наблюдалась и в смежных цехах: вместо 22 техников-нормировщиков был только 1, мастеров-технологов – 14 вместо 85 штатных, а из 18 капитанов и механиков флота не было ни одного имеющего специальную подготовку [Там же. Л. 5]. Вместе с тем можно отметить и снижающееся количество рыбаков, выходящих на промысел. Так, если в 1940 г. на промысле было 5 099 рыбаков, в 1944 г. эта цифра достигла 8 400, то уже в 1947 г. на промысле работало только 4 135, а в 1951 г. – уже 1 000 рыбаков [3. С. 84; 11. Л. 27; 12. Л. 15]. Кроме того, по районам ситуация с выходом рыбаков на промысел тоже оставляла желать лучшего (рис. 2) [12. Л. 15].

Здесь следует заметить, что на территории округа не было специальных учебных заведений для подготовки такого рода кадров. Ситуация осложнялась еще и тем, что работники, принимавшие участие в рыбодобыче, были в большинстве своем колхозниками, у которых, помимо этого, были еще и обязательства перед колхозом, который занимался не только рыбной ловлей.

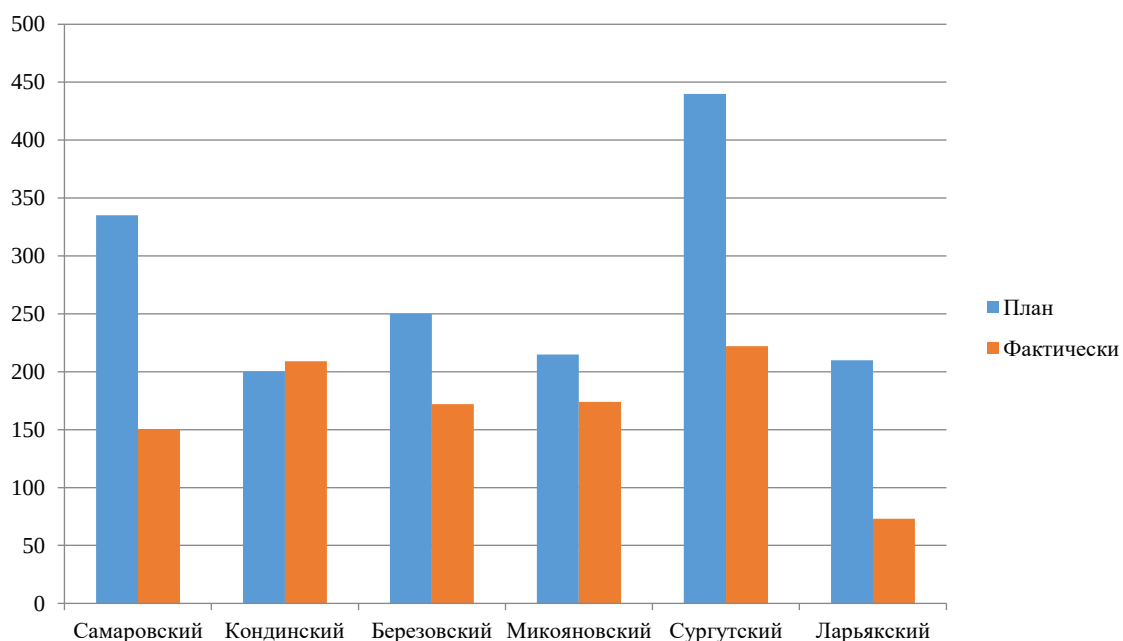

Рис. 2. Количество рыбаков, участвовавших в добычи рыбы в ХМНО по районам в 1951 году

Кроме того, условия труда и быта рыбаков были далеки от нормальных. Например, в одном из выпусков газеты «Сталинская трибуна» в статье «Почему Черемховский рыбучасток мало добывает рыбы» отмечалась следующая ситуация: «Проверка, проводимая на днях, показала, что Черемховский рыбучасток (Самаровский консервный комбинат), где начальником тов. Кайгородов, плохо подготовился к заморному промыслу рыбы. Вместо 30 предусмотренных планом

чердаков здесь выставили всего 25. Духовых неводов также не хватает: вместо 5 по плану установлено только 2 духовых невода. Рыбаков должно работать на лову 12, а рыбачит 8 человек. Остальные рыбаки не выходят на промысел. В рыбацких бараках грязь, холод, печи дымят, нет освещения» [13. Л. 4 об.]. Отсутствие квалифицированных кадров и учебных заведений по их подготовке, необходимость отвлекаться на другие виды деятельности, бытовая неустроенность

на местах лова – все это снижало желание людей заниматься промышленным ловом, что становилось одной из причин торможения развития рыбной отрасли в регионе.

Не лучшим образом выглядела и ситуация с обеспечением безопасности на рыболовном флоте. Согласно материалам обследования, «спасательный и противопожарный инвентарь имеется только частично на самоходном флоте; на несамоходном он совершенно отсутствует. Мало сигнального оборудования. Якорные цепи имеются не на многих катерах, а на других они заменены пеньковыми веревками. Всего не хватает 1 320 якорей, и некоторые баржи их не имеют совсем» [10. Л. 5 об.].

Вместе с тем, несмотря на указанные технические проблемы, флот рыбтреста только за 1946 г. перевез значительный объем грузов: соли 7 600 т, рыбы 18 790 т, стройматериалов 2 050 т, угля 160 т., оборудования 3 340 т, тары 5 470 т, льда 5 090 т, леса 54 940 т и 21 940 т прочих грузов [Там же].

Еще одной серьезной проблемой, тормозившей развитие отрасли в послевоенный период, стали низкий уровень организации производства и управленческая несогласованность. В конъюнктурном обзоре о развитии округа отмечалось, что «степень освоения всех ресурсов округа чрезвычайно низка, а применяемые в настоящее время формы их эксплуатации носят неинтенсивный характер... Более интенсивно освоен рыбохозяйственный фонд: из 10 000 рыбоугодий эксплуатируется до 6 000, или 60%, продуктивность водоемов округа еще низка» [14. Л. 4].

Об экстенсивном характере производственной деятельности говорит и тот факт, что вопросами рыбозаведения в рассматриваемый период никто не занимался. В своей записке к отчету о деятельности Рыбтреста за 1946 г. старший инспектор рыбного хозяйства Деабро предлагает проект организации в округе мелиоративной рыболовной станции с целью организации рыбодобычи, проведения мелиоративных работ на рыбоугодьях, организации озерного хозяйства и рыбозаведения, поскольку на р. Сосьве имеются благоприятные условия для искусственного разведения тайменя, язя, а в Кондинских озерах – леща и судака.

Кроме того, были проблемы с организацией и проведением лова. Так, например, в послевоенные годы рыбаки перестали использовать стержевой лов, преимущество которого заключалось в том, что он позволял получать более ценные породы рыб. Основным способом добычи рыбы стал пассивный лов мелкими ловушками, в большинстве случаев добывались мелкие частичковые рыбы в протоках и сорах. В 1930 г. на территории округа насчитывалось 514 стержевых неводов, а в 1946 г. – только 67. Снизилась и его доля: с 39% в 1930 г. до 6% в 1946 г.

Главной причиной отказа от использования стержевого лова стала его нерентабельность в связи с изменившимися экономическими условиями. В начале 1930-х гг. стоимость стержевого невода составляла 4 800 руб., к 1946 г. его цена выросла до 15 600 руб., т.е. на 325%. Приемные же цены на рыбную продукцию поднялись к 1946 г. только на 12%. Кроме того,

в течение промыслового года невод изнашивался на 30–40%, что снижало его эксплуатационные свойства [10. Л. 4 об.].

Об организационных недостатках говорит и тот факт, что рыба из отдаленных мест добычи вообще не попадала к потребителю, поскольку портилась из-за отсутствия подходящей тары и консервантов (соли), а также логистических недоработок. В качестве примера можно привести ситуацию с доставкой рыбы из пос. Соим в Сургутском районе: «...в поселок Соим соль завозится самолетом. Обратный самолет загружается выловленным здесь ершом и доставляет его в Свердловск. Ерш получается “золотым”: стоит 13 руб. 60 коп. за кг, что в 5 раз дороже сургутского осетра» [Там же]. Из приведенного архивного фрагмента видно, что менее ценный по сравнению с осетром ерш оказывался в разы дороже из-за его долгой транспортировки. Снизить себестоимость, а также повысить рентабельность производства могло бы использование других способов обработки рыбы, таких как вяление, копчение, но это, в свою очередь, требовало создания дополнительной производственной базы, ресурсов на которую не было.

Транспортировка по водным путям имела свои трудности в силу сложных гидрологических условий. Так, в отдаленных пунктах Нахрачинского рыбозавода оставалось большое количество продукции, так как в «районе Карыма река узкая и на протяжении 150 км имеет 11 завалов. Здесь она проходима только весной, на малых лодках до пункта Шумилы нужно идти 25 км по болоту или плыть на плоскодонках 180 км по извилистому ручью в 1 метр шириной» [Там же. Л. 5]. Схожая ситуация наблюдалась и в районе Согома и Ендырьских озер, куда можно было попасть только зимой на сани или авиатранспортом. Рыбная продукция с данной территории обычно вывозилась самолетами в Нижний Тагил.

Следует заметить, что рыбная продукция зачастую портилась в результате неправильных хранения и транспортировки. Основной проблемой в данном случае был недостаток посольных и холодильных емкостей. При нормальной работе рыбтреста имеющихся площадей хватало. Однако в период пугины ощущалась их серьезная нехватка, в особенности на отдаленных участках (Тундрино, Ларьяк и др.). Эта проблема могла бы быть решена использованием брезентовых чанов, но их было недостаточно. Часто рыба хранилась под открытым небом в течение 1–1,5 месяцев до прихода парохода в связи с нехваткой соле- и льдохранилищ. Кроме того, площади для хранения часто не имели крыши, что негативным образом сказывалось на сохранности продукции. Можно привести в пример ситуацию с Мало-Алтымским и Сытоминским рыбозаводами, на которых «...из заготовленного в прошлом году льда в количестве 109 тыс. кубометров большое количество к августу уже растаяло, особенно в открытых бунтах. Ввиду того что основной улов рыбы происходил осенью, когда глубинные пункты были недоступны, в них осталось не вывезено 22 100 центнеров рыбопродукции, кроме того, много осталось рыб на рыбозаводах» [Там же].

Не лучшим образом выглядела и ситуация с транспортировкой рыбы. Вследствие удаленности водных коммуникаций и долгого ожидания транспорта рыба несколько раз перегружалась. Кроме того, условия транспортировки также не способствовали ее сохранению. Старший инспектор рыбного хозяйства Деабро в своем отчете о деятельности Обь-Иртышского рыбтреста приводит следующий пример: «От Нижневартовска до Тюмени рыба транспортируется пароходом 30–57 дней, в непроветриваемых барках температура воздуха доходит до 40 градусов» [10. Л. 5]. Соответственно, можно представить качество продукции, разгружаемой в Тюмени с этих пароходов. Помимо этого, получаемая от коренных народов рыбная продукция была не лучшего качества. Например, «...на Корликовском рыбоучастке ханты приносят рыбу в мешках, волоча по тундре на своих до юрт или зимой на нартах, храня летом у себя в юртах или под открытым небом» [Там же].

Одним из способов решения проблем с транспортировкой могли стать закрытие отдаленных участков и промысел на близлежащих, но отдаленные участки давали работу коренным народам, которые привлекались на них в качестве рабочих.

При этом на местах лова взаимоотношения между работниками артелей и ханты с манси были неидеальными. Вот какую ситуацию описывал в своей докладной записке техник лова Сургутской оперативной группы А.М. Федулов по итогам своей командировки в Пимскую рыбартель в августе 1951 г.: «Не говоря о тундринских и высокомысовских рыбаках, но о пимских рыбаках хантах, начальнику рыболовного участка Чувакину и технику лова рыболовецкого колхоза Шевелеву следовало бы подумать, почему же не разрешить им дать 1–2 т, чтобы хотя бы зажечь в них искру желанья к стржевому лову, а то никто не представляет себе, каких стоило трудов, чтобы получить от хантов согласия на стржевой лов, да и тут же еще хуже, что ханты и так не доедали рыбы да 2–3 дня были в пути, и вдруг им даже на стржевом песке не дали добыть рыбы в пределах личной потребности, и ханты ходили по песку, а гословцы в их присутствии 5 сентября добыли 40 центнеров рыбы, причем свыше 30 центнеров стерляди, а остальная рыба муксун и осетр. Поэтому с моим прибытием и прибытием инспектора рыбнадзора Ефремова у хантов возникли вопросы: неужели гословцы люди, а мы звери или еще хуже, и вот в следующий год снова доказывай-рассказывай хантам, а в настоящее время они остались при своих мнениях, что хорошую рыбу ловить только могут рыбаки гослова. Такую обстановку на месте начальника рыбучастка Чувакина и техника лова Шевелева могли допустить антисоветские люди, враждебно настроенные колхозному строю, когда среди гословцев допускались насмешки в адрес колхозников» [12. Л. 156 об].

Приведенный отрывок иллюстрирует, что положение коренных народов было неравным. Нередки были случаи голода среди них из-за того, что не удавалось добыть достаточного количества рыбы. С другой стороны, большая часть угодий, богатых ценными поро-

дами, находилась под контролем колхозов, и ханты и манси туда не допускались.

Все вышеуказанные причины привели к снижению показателей деятельности отрасли. К началу 1950-х гг. Полноватский, Нахрачинский, Сургутский и Березовский рыбозаводы не выполняли план по добыче. Для исправления сложившейся ситуации были приняты следующие меры.

Во-первых, на предприятиях была введена понедельная отчетность о выполнении плана добычи. Предполагалось, что это позволит более четко соблюдать график добычи рыбы и не допускать аврального режима работы, а также оперативно реагировать на снижение показателей лова.

Во-вторых, министром рыбной промышленности СССР К.В. Русаковым был издан приказ № 752 от 14 декабря 1950 г. «О мерах помощи рыбной промышленности Тюменской области». Данный документ, помимо оказания материально-технической и организационной помощи предприятия рыбной промышленности и рыболовецким колхозам Тюменской области, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского национальных округов, предполагал перераспределение рыбных участков с целью их более рационального использования, а также внесение изменений в правила рыболовства в Обь-Иртышском бассейне [12. Л. 8].

Однако данное постановление создало проблемы во взаимодействиях между хозяйственными субъектами. Так, в 1951 г. председателю совета Министров РСФСР Б.Н. Черноусову было направлено письмо с просьбой передать колхозам Томской области ряд участков для пользования, поскольку они были переданы Ханты-Мансийским колхозам. Официальный ответ министерства был следующим: «В связи с Вашим ходатайством перед Председателем совета Министров РСФСР тов. Черноусовым Б.Н. об оставлении в пользовании Александровским рыбохозяйственным организациям рыбучастков Соснинский Еган и Соснинская Старица сообщая, что, рассмотрев Ваше ходатайство, Министерство нашло необходимым полностью сохранить за колхозом “Путь к социализму” закрепленные за ним рыбучастки Соснинский Еган и Соснинская Старица независимо от того, что часть этих участков осталась на территории Томской области» [Там же. Л. 18].

Также имелись случаи и внутрирегиональных конфликтов. В архиве сохранилось письмо зам. председателя окружного Исполкома Д.Т. Дикина, направленное начальнику ОРСа Ханты-Мансийского леспромпхоза Шаламову в июле 1951 г., где указывается что «...правление Х-Мансийского горрыбкоопа обратилось с жалобой на незаконный облов рыбоугодий рыбаками Вашего ОРСа у острова Петуховского с Вомпугольскими заливами. Райинспектор Обьрыбвода Кайгородов подтверждает эти факты незаконного облова рыбоугодий, закрепленных за Горрыбкоопом. Исполком Окрсвета обязывает Вас: немедленно прекратить незаконный облов рыбоугодий, принадлежащих горрыбкоопу, и представить объяснения этим незаконным действиям подчиненных вам работников» [Там же. Л. 110]. Приведенные фрагменты показывают, что

принятие постановления о перераспределении угодий оказалось в реальности не самым лучшим решением и лишь осложнило ситуацию в рыбной промышленности.

В-третьих, в начале 1950-х гг. начинается техническая модернизация в отрасли. Как отмечает югорский историк Т.В. Ткачева, «в 1954 г. в рыбном промысле работало уже 153 единицы моторного флота. У рыбаков появились машины для выбора невода, а также более долговечные капроновые сети. Рост технической оснащенности позволил рыбакам вводить более прогрессивные методы лова. Широко стал внедряться комбинированный перекидной лов с применением различных орудий лова (сети, неводы, другие ловушки)» [9. С. 38]. Кроме того, для более эффективной деятельности рыбодобывающих предприятий привлекались ученые. В 1952 г. создается Обь-Тазовское ГосНИОРХА (Государственный институт озерно-речного рыбного хозяйства) с целью внедрения научных рекомендаций лова и обследования водоемов для изучения возможности их зарыбления.

Помимо этого, пытались переломить ситуацию с невыполнением планов по вылову рыбы, на предприятиях было принято решение о проведении социалистического соревнования, а также активном привлечении молодежи. Как отмечает Т.В. Ткачева, в период «1956–1957 гг. на постоянную работу в рыболовные колхозы и моторно-рыболовные станции было направлено 195 комсомольцев», а в юбилейном соревновании в честь 40-летия ВЛКСМ приняли участие 90 звеньев и бригад, 1 400 рыбаков-комсомольцев [Там же. С. 40].

В заключение отметим, что развитие рыбодобывающей отрасли в послевоенные годы сопровождалось определенными трудностями. К моменту окончания Великой Отечественной войны рыбная промышленность округа стала важным элементом экономического развития региона. На ее долю приходилось до 50% всего промышленного производства. Однако в отрасли существовал ряд серьезных проблем.

Во-первых, серьезный кадровый голод приводил к тому, что на производстве и в особенности в отда-

ленных угодьях некому было работать. Это, в свою очередь, приводило простоя судов во время погрузки / разгрузки. Кроме того, привлечение работников из колхозов, не имеющих отношения к рыбному промыслу, было не столь эффективным по причине их низкой заинтересованности, а также плохих условий труда.

Во-вторых, главной проблемой данной отрасли до середины 1950-х гг. оставался низкий уровень материально-технического развития и обеспечения. Используемые суда не отвечали техническим требованиям, были небезопасными. Работники флота часто не имели прав на управления судами. Недостаток тары и мест для хранения, а также несовершенство технологических и логистических процессов приводили к порче сырья еще на стадии подготовки к транспортировке, что также снижало показатели отрасли.

В-третьих, реорганизация и частичное сокращение предприятий, а также перераспределение рыбных участков приводило к межхозяйственным конфликтам. На практике получалось, что один и тот же участок мог облавливаться разными бригадами. Как результат – чрезмерная нагрузка на водоем, истощение рыбных запасов.

Чтобы переломить складывающуюся негативную ситуацию в отрасли, руководством страны был принят ряд мер. В первую очередь предполагалось перераспределить участки среди предприятий, которые более эффективно их используют. Также предлагалось внедрить научные рекомендации лова и изучить возможности проведения мелиоративных работ и работ по рыборазведению. Кроме того, важными шагами стали технологическое перевооружение предприятий рыбной промышленности и привлечение комсомольцев с целью компенсировать недостаток кадров в отрасли.

Однако, характеризуя в целом ситуацию в послевоенные годы, надо отметить, что рыбодобывающая отрасль находилась в кризисном состоянии, несмотря на выросшие показатели по выполнению плана.

Список источников

1. Стась И.Н. Образ промышленного освоения: Ханты-Мансийский север в ожидании перемен в послевоенные годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (63). С. 139–151.
2. Накануне «Большой нефти»: Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.): сб. науч. статей. Екатеринбург : Альфа Принт, 2020. 202 с.
3. Алексеева Л.В. Рыбное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 144 с.
4. Алексеева Л.В., Феоктистова Ю.В. Отечественная историография о развитии рыбного хозяйства на Севере Западной Сибири (1920–1945 гг.) // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории / под общ. ред. проф. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2013. Ч. 8.
5. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822–1991 гг.). Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2015. 370 с.
6. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Организация рыбного промысла в Красноярском крае в послевоенный период (1946–1990 гг.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 11. С. 229–238.
7. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История рыбоводства в приенисейском регионе (1931–1991 гг.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2014. № 12. С. 254–262.
8. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Основные этапы развития охотничьего и рыбного хозяйства приенисейского региона (1822–1991 гг.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2015. № 4. С. 263–269.
9. Ткачева Т.В., Ткачев Б.П., Исламудинова Д.Ф. Развитие рыбной промышленности в Ханты-Мансийском национальном округе (1946–1950-е годы) // Международный журнал экспериментального образования. 2021. № 6. С. 36–40.
10. Характеристика экономического состояния Ханты-Мансийского национального округа на 1947 год // КУ Государственный архив Югры. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 293.
11. КУ Государственный архив Югры. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 316.
12. КУ Государственный архив Югры. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 439.
13. КУ Государственный архив Югры. Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 71.
14. КУ Государственный архив Югры. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 315.

References

1. Stas, I.N. (2019) The pattern of industrial development: Khanty-Mansi North in anticipation of change in the postwar years. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 6(63). pp. 139–151. (In Russian). DOI: 10.26105/SSPU.2019.63.5.016
2. Stas, I.N., Kirilyuk, D.V. & Ivanov, A.S. (2020) *Nakanune "Bol'shoy nefi": Yugra v poslevoennye gody (1945–1950-e gg.)* [On the eve of "Big Oil": Yugra in the post-war years (1945–1950s)]. Yekaterinburg: Al'fa Print.
3. Alekseeva, L.V. (2014) *Rybnoe khozyaystvo Khanty-Mansiyskogo natsional'nogo okruga v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945 gg.)* [Fisheries of the Khanty-Mansiysk National Okrug during the Second World War (1939–1945)]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University.
4. Alekseeva, L.V. & Feoktistova, Yu.V. (2013) *Otechestvennaya istoriografiya o razvitii rybnogo khozyaystva na Severe Zapadnoy Sibiri (1920–1945 gg.)* [Russian historiography on the development of fisheries in the North of Western Siberia (1920–1945)]. In: Solodkin, Ya.G. (ed.) *Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty sibirskoy istorii* [Source Study and Historiographical Aspects of Siberian History]. Vol. 8. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk University for the Humanities.
5. Gaidin, S.T. & Burmakina, G.A. (2015a) *Istoriya okhotnich'ego i rybnogo khozyaystva Prieniseyskogo regiona (1822–1991 gg.)* [The history of hunting and fishing in the Yenisei region (1822–1991)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University.
6. Gaidin, S.T. & Burmakina, G.A. (2014a) The fish trade organization in the Krasnoyarsk Krai during the post-war period (1946–1990). *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – The Bulletin of KrasGAU*. 11. pp. 229–238. (In Russian).
7. Gaidin, S.T. & Burmakina, G.A. (2014) History of fish breeding in the pri-Yenisey region (1931–1991). *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – The Bulletin of KrasGAU*. 12. pp. 254–262. (In Russian).
8. Gaydin, S.T. & Burmakina, G.A. (2015b) The main stages in the development of hunting and fish industry of the pri-Yeniseisk region (1822–1991). *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – The Bulletin of KrasGAU*. 4. pp. 263–269. (In Russian).
9. Tkacheva, T.V., Tkachev, B.P. & Islamutdinova, D.F. (2021) The development of the fishing industry in the Khanty-Mansiysk national okrug (1946–1950-ies). *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 6. pp. 36–40. (In Russian).
10. KU State Archive of Yugra. (1947) *Kharakteristika ekonomicheskogo sostoyaniya Khanty-Mansiyskogo natsional'nogo okruga na 1947 god* [Characteristics of the economic state of the Khanty-Mansiysk National Okrug in 1947]. Fund R-1. List 1. File 293.
11. KU State Archive of Yugra. Fund R-1. List 1. File 316.
12. KU State Archive of Yugra. Fund R-1. List 1. File 439.
13. KU State Archive of Yugra. Fund R-32. List 1. File 71.
14. KU State Archive of Yugra. Fund R-1. List 1. File 315.

Сведения об авторе:

Мостовенко Максим Станиславович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия); старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: reiseleiter@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mostovenko Maxim S. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Historical Research Laboratory, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation); Senior Researcher, Interdisciplinary Space Research Laboratory, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: reiseleiter@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.06.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 06.06.2022; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 94(57)

doi: 10.17223/19988613/78/7

Первые предприятия Тувинской Народной Республики 1921–1944 гг.

Оюу Владимировна Ооржак

Томский государственный университет, Томск, Россия, oyuuoorzhak@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена история промышленного строительства в Тувинской Народной Республике в 1921–1944 гг. Подробно описаны особенности становления и развития первых промышленных предприятий Тувы, их технического оснащения, кадрового состава, объема и качества продукции. Дана оценка их роли в экономике и социальном развитии республики.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, обрабатывающая промышленность, кустарное производство, промышленное предприятие

Для цитирования: Ооржак О.В. Первые предприятия Тувинской Народной Республики 1921–1944 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 46–51. doi: 10.17223/19988613/78/7

Original article

The first enterprises of the Tuvan People's Republic 1921–1944

Oyuu V. Oorzhak

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, oyuuoorzhak@mail.ru

Abstract. The article examines the history of industrial construction in the Tuvan People's Republic in 1921–1944. The formation and development of the industrial sector of the Tuvan economy is not well represented in Russian historiography. Available works on this topic were written in Soviet times but now it is necessary to look at these problems from a modern perspective. Therefore, the author highlights important but poorly developed problems of the history of the transition of the Tuvan people to an industrial society.

The purpose of the article is to consider the first steps towards the establishment of industrial production in Tuva to realize the local raw material potential.

In accordance with the concepts of historical-genetic and retrospective methods, the history of the formation of the first industrial enterprises was revealed; content-analysis revealed productivity, technical equipment, volume and quality of their products. When writing the work, materials from the funds of the State Archive of the Republic of Tyva, excerpts from official documents were used. Also, the work was done using the data available in the works of predecessors who studied the topic.

In 2019, the Republic of Tyva was recognized as the poorest region of the Russian Federation. According to the statistical data, the poverty level in the republic is 41.5% of the population. Such data are explained by the fact that the unemployment in the republic is highest in Russia, and many families live on government benefits. To date, Tuva lags behind other regions in industrial development in terms of infrastructure, economic potential, poverty and unemployment, etc. To understand the reasons for Tuva's industrial backwardness, it is necessary to turn to the history of industrial development of the republic, which turned 100 years old in 2021. The article shows that the process of industrial construction was difficult, since the majority of the Tuvan population was associated with traditional agricultural occupations, so the formation of collective industrial enterprises was hindered due to the lack of qualified workers.

The article shows in detail that Russia provided serious assistance in the formation of industry in the Tuvan People's Republic. As a result, by the early 1940s, the foundations of the industrial sector of the republic's economy were laid; the first industrial enterprises and workforce were formed. The experience of industrial construction of Tuvan People's Republic shows the effectiveness of creating small enterprises that have the flexibility to quickly respond to market requirements. Also, attention should be paid to the preservation of animal husbandry skills among the indigenous population, which create a stable base for the development of meat processing, canning industry, wool processing and the hides and skin sector. Achieving sustained economic growth is possible with an increase in the level of employment and an increase in regional budget revenues.

Keywords: Tuva People's Republic, manufacturing industry, handicraft production, industrial enterprise

For citation: Oorzhak, O.V. (2022) The first enterprises of the Tuvan People's Republic 1921–1944. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 46–51. doi: 10.17223/19988613/78/7

В настоящее время промышленность играет ведущую роль в социально-экономическом развитии любого региона. Однако достигается высокий уровень далеко не сразу и не всеми регионами одновременно, особенно на периферии процесса индустриализации, где аграрное производство остается господствующим еще долгое время. К таким периферийным районам индустриального прогресса относится Тува [1. С. 33].

Обладая огромным природно-ресурсным потенциалом, в 2019 г. Республика Тыва была признана Правительством России самым бедным регионом страны. По данным статистики, уровень бедности в республике составляет 41,5% от численности населения. Это объясняется тем, что в республике уровень занятости – самый низкий в России, а многие семьи живут на пособия [2]. На сегодняшний день Тува отстает от других регионов страны по развитию инфраструктуры, экономическому потенциалу, зато опережает по уровню бедности и безработицы и др.

Чтобы понять причины индустриальной отсталости Тувы, необходимо обратиться к анализу истории промышленного развития республики, которой в 2021 г. исполнилось 100 лет. Цель статьи – рассмотреть первые шаги по формированию в Туве промышленного производства для реализации местного сырьевого потенциала.

Изучение истории промышленного развития Тувы не было предметом специального исследования, однако ее социально-экономическое состояние затрагивалось в советской историографии такими учеными, как Р.М. Кабо, Л.Б. Гребнев, В.М. Иезуитов [3–5].

Одной из первых работ, где приводятся сведения о промышленном строительстве в Тувинской Народной Республике, следует считать статью В.П. Пышкина, опубликованную в сборнике «25 лет Тувинской национально-освободительной революции» [6. С. 54]. В ней отмечается, что в Туве до 1921 г. не велось какой-либо работы по организации промышленной переработки местного сырья, но в небольших количествах добывалось россыпное золото.

О появлении в Туве в начале XX в. небольшого количества мелких, кустарного типа мастерских писал известный историк В.И. Дулов. Им упоминается о Чаа-Хольском кожевенном заводе, открывшемся в 1913 г. и выделявшем в год до 500 кож, о соляном заводе предпринимателя Сватикова на оз. Дус-Холь, добывшем в 1913 г. 2 тыс. пудов соли, а в 1914 г. – 5 тыс. пудов. Исключая эти кустарные предприятия с весьма простой техникой и небольшими оборотами, заключает автор, «Тува до революции не знала никаких других промышленных предприятий» [7. С. 489].

А.Г. Ковалев в исследовании «Создание и развитие социалистической промышленности в Туве» систематизировал этапы становления и развития промышленности, начиная с периода Тувинской Народной Республики до 1960 гг. Особое внимание он уделил процессу интеграции промышленности ТНР в социалистическую систему [8].

Особый интерес вызывает упоминание обработки кожевенного сырья как одной из древнейших отраслей Тувы в работе С.И. Вайнштейна. По мнению автора,

«умение обрабатывать кожу было известно племенам Тувы еще в гунно-сарматское время» [9. С. 81].

Источниками для данной работы послужили материалы из личного архива доктора исторических наук, профессора Н.М. Моллерова [10]. Среди материалов ученого имеются сведения о существовании частных кожзаводов в Кызыле, Успенке, в долине Хемчика. По данным Тувинской сельскохозяйственной и демографической переписи 1931 г. можно сделать вывод о характере и масштабах кустарного производства в период ТНР [11]. Сведения о производительности предприятий ТНР от 3 октября 1940 г. имеются в фондах Государственного архива Республики Тыва [12].

В настоящее время, учитывая труднодоступность и депрессивность региона, ведется поиск путей решения проблем в промышленном развитии такими учеными-экономистами, как Г.Ф. Балакина, Д.Ф. Дабиев. По их мнению, рост эффективности производства в регионе сдерживается высокими транспортными затратами, обусловленными территориальной удаленностью республики от транспортных, финансовых и торговых центров и отсутствием железной дороги. За сто лет мало что изменилось в условиях развития региона. Рассматривается необходимость системного определения стратегических направлений развития промышленности республики в рамках концепции развития отрасли до 2030 г. [13].

Следует отметить, что вплоть до XX в. в традиционном тувинском обществе производственные навыки передавались из поколения в поколение, техника домашних промыслов в течение столетий оставалась почти неизменной. В домашних условиях обрабатывали продукцию животноводства: из шерсти катали войлок, делали зимнюю обувь, из овчин шили зимнюю одежду, из выделанных шкур изготавливали сапоги и т.д.

Исходя из закономерного развития тувинского общества, можно сделать вывод, что бытовые потребности население испокон веков удовлетворяло традиционным способом, а потребность в создании промышленных предприятий возникла с необходимостью строительства государственных объектов в связи с образованием государства.

Условия для быстрого развития добывающей промышленности были созданы лишь после образования в 1921 г. Тувинской Народной Республики. На V съезде Тувинской народно-революционной партии в 1926 г. первоочередными были поставлены следующие задачи: повышение квалификации ремесленников-кустарей и их объединение, обеспечение кустарной промышленности сырьем. В это же время возникла необходимость организации государственной промышленности.

Под воздействием возрастающего спроса на товары местного производства развитие промышленности ТНР шло в основном по линии роста кустарных промыслов. Под кустарной промышленностью понимается домашняя промышленность, выходящая на рынок, но характеризующаяся низким уровнем применяемой техники [14].

Зарождение первых кустарных предприятий в Туве берет начало с русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК). РСТК – форма автономии русского

населения в ТНР, ее правовое положение регламентировалось «Положением о местном самоуправлении русской колонии в Урянхае», принятом на первом съезде Советов Колонии 9–12 февраля 1922 г.

Ею были построены кирпичный завод, лесопилка, паровая мельница, кузнечно-слесарное, валяльно-войлочное и прочие кустарные производства. По сведениям Н.М. Моллерова, в 1925 г. в РСТК насчитывалось 265 кустарей, из них 21 кожевник, 25 кузнецов, 19 сапожников, 17 плотников, 13 мельников, 20 пинокатов, 9 овчинников, 6 дегтярей, 6 колесников. Были также сплавщики, выгонщики извести, печники, маслособойщики, портные [15]. Следует отметить, что помимо РСТК начинали предпринимательскую и производственную деятельность отдельные русские купцы, которые создавали в Туве торговые фактории, занимались не только земледелием и скотоводством, но и промышленностью: золотодобычей (А.П. Сафьянов), переработкой продукции скотоводства (А.П. Сафьянов, В. Бяков). В.М. Сватиков имел соляной завод с оборотом в 4 тыс. руб. На основе их деятельности и создавались первые промышленные предприятия [16].

Учитывая наличие и доступность местного сырья, одними из первых были организованы предприятия по производству кожевенных, валяльно-войлочных изделий, переработке древесины и выделке кирпича.

Еще одним важным аспектом промышленного развития ТНР была организация добычи золота. В 1924 г. исполком РСТК и Министерство финансов ТНР приняли попытку организации государственных золотодобывающих предприятий. Надо сказать, что в этой отрасли особых успехов достигнуто не было. Участки с богатым содержанием золота были быстро выработаны, уровень золотодобычи снова снизился. В 1925 г. организованная исполкомом РСТК артель к концу сезона добыла 3 пудов золота. Зная, что в пользу ТНР в виде арендной платы взималось 15% всей добычи, можно установить, что в 1925 г. на одного старателя в среднем за сезон приходилось 680 г золота. Почти таким же, или даже несколько ниже, был этот показатель и в последующие годы [17].

В первое время строительство кустарных предприятий имело весьма скромные масштабы и ограничивалось созданием и переоборудованием цехов на старых кустарных предприятиях. Создавались они по преимуществу в г. Кызыле, где легче было найти подготовленную рабочую силу и имелась возможность обеспечить без больших капитальных затрат энергетическую и топливную базу. На основе местного сельскохозяйственного сырья строились предприятия преимущественно обрабатывающей и пищевой промышленности.

Строительство и освоение их были посильным делом для народного хозяйства Тувы, эти предприятия не требовали слишком больших капиталовложений и быстро окупались [18. С. 67].

С развитием народного хозяйства возрастали требования и к производственной кооперации. Однако частная и артельная кустарная промышленность не могла удовлетворить возрастающие потребности, поэтому наряду с объединением кустарной промышленности начинается строительство государственных промышленных предприятий.

В фондах Государственного архива Республики Тува имеется Постановление Политбюро Центрального Комитета Тувинской народно-революционной партии «О новом промышленном строительстве в республике 1932 года» [12]. Заслушав сообщение председателя Госплана о новом промышленном строительстве в 1932 г., Политбюро постановило построить в 1932 г. четыре новых завода: лесопильный, кирпичный, кожевенный и овчинно-шубный, с общим капиталовложением в 340 тыс. рублей. Руководство новым промышленным строительством было возложено на Министрство народного хозяйства.

В первую очередь предполагалось проработать следующие вопросы, связанные с новым промышленным строительством:

- а) экономически и технически обосновать общую сумму капиталовложений по отдельным заводам;
- б) наметить место и срок постройки и сдачи в эксплуатацию указанных заводов;
- в) определить первоочередную и предельную производственную мощность заводов;
- г) проработать вопрос об энергетической базе заводов;
- д) проработать вопрос о комплектовании рабочей силой и техническим персоналом как строительства, так и производства.

Постановление «О новом промышленном строительстве...» стало началом промышленного строительства республики.

Все промышленные производства кустарного типа, начиная с их зарождения, находились в ведении государственных органов ТНР или промысловой кооперации. Девятый съезд ТНРП (март 1932 г.) вынес решение о передаче этих функций Кустпромсоюзу. В 1934 г. были построены и переданы в систему Кустпромсоюза лесопильный завод, кожзавод, реконструирован ряд других кустарных предприятий. О росте производства продукции в кустарных и промышленных предприятиях системы Кустпромсоюза можно судить по данным таблицы [19].

Производительность предприятий тувинского Кустпромсоюза 1932–1936 гг.

Показатели	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.
Выпуск продукции на кустарных предприятиях, тыс. руб.	553	1 960	1 802	1 277	1 382
Выпуск продукции на промышленных предприятиях, тыс. руб.	—	—	504	913	892
Всего	553	1 960	2 306	2 190	2 274

Данные таблицы показывают значительный рост производства продукции за ряд лет по предприятиям Кустпромсоюза. В 1936 г. производство продукции кустарного производства и на промышленных пред-

приятиях выросло по сравнению с 1932 г. более чем в четыре раза. При этом прирост продукции с 1934 г. наблюдается только на промышленных предприятиях, где производство за два года выросло в 1,7 раза. Сокра-

чение объема производства по кустарно-промышленным артелям в 1936 г. по сравнению с 1934 г. было вызвано уменьшением их численности за счет ликвидации малопродуктивных и нерентабельных предприятий.

Строившиеся промышленные предприятия привлекали более совершенной техникой, высоким заработком, лучшим обслуживанием бытовых и культурных нужд рабочего. С 1935 г. наблюдалась тенденция превращения ремесленников и кустарей в рабочих. Однако трудоустройство вчерашних кочевых «аратов» в новые отрасли народного хозяйства достигалось ценой больших усилий. Особенность организации производства в кочевой республике состояла в том, что многие рабочие имели собственный скот. Старые привычки, обычаи тормозили закрепление их на производстве. Этим и объясняется тот факт, что в 1931 г. из 500 аратов, трудившихся на золотых приисках, оставалось на производстве только 136 человек [20. С. 9].

О производительности предприятий ТНР имеются сведения в фондах Государственного архива Республики Тува от 3 октября 1940 г. [21]. В ведении Министерства торговли и промышленности находились следующие предприятия:

- кирпичный завод;
- пимокатно-кожевенный завод;
- лесозавод;
- типография.

Архивные документы дают следующую характеристику заводов.

Кирпичный завод. «Кирпичный завод расположен на правом и левом берегах Енисея. Передан Министерству торговли и промышленности в 1938 г., представляет собою кустарное производство с полным отсутствием механизации процесса выделки кирпича. Выработка кирпича производится путем заключения договоров с сезонными артелями, которым Министерство торговли и промышленности предоставляет завод, оборудование, дрова и материалы.

В 1939 г. завод изготовил 1 011,5 тыс. кирпича.

При плане на 1940 г. в 900 тыс. на 30.09.1940 г. было выработано 817 102 шт.

Максимальная производительность завода (при четырех существующих печах)... 1 100 тыс. штук кирпича.

Для улучшения качества кирпича в 1941 г. Министерство торговли и промышленности предполагает пригласить из Союза ССР мастера по кирпичному делу и установить глиномялку».

Пимокатно-кожевенный завод. «На заводе вырабатываются кожи и производится валяная обувь (катанки) и кошма. В основном вся работа производится вручную. Завод имеет 2 цеха: кожевенный и пимокатный.

В 1939 г. кожевенный цех по причине остановки завода на ремонт переработал и выделал всего 3 477 кож (из них скотских 2 483 шт., конских 264, выростков 730 шт.).

План на 1940 год – 5 200 кож (разных).

За первое полугодие 1940 г. цех выработал 1 547 кож, или 60% полугодического плана (в том числе скотских кож 994, конских 147, сыромяти 40, полуваля 90, выростков 276).

Основным бичом, тормозящим работу цеха, является слабое поступление кожсырья от Тувинценкопа. Вследствие недополучения кож по договору цех работает с нагрузкой 50%.

Максимальная производительность кожевенного цеха составляет 6 000 кож в год. Максимальная производительность пимокатного цеха определяется существующим простым оборудованием и выражается в переработке 50 кг шерсти в день, или 15 000 кг в год, что в переводе на валенки составляет 12 500 пар (из расчета в среднем 1,2 кг шерсти на одну пару)».

Лесозавод. «В 1939 г. лесозавод переработал 14 058 кубм древесины и выпустил 1 406 240 погонных метров пиломатериалов.

План на 1940 г. 19 656 кубм древесины, или 1 052 220 погонных метров пиломатериалов, на сумму 222 878 руб. 25 коп.

План составлен из расчета выхода в смену 130 концов бревен. На самом же деле вследствие отсутствия квалифицированного персонала при лесораме завод дает 70 концов в смену.

Фактически на 1 сентября 1940 г. лесозавод переработал 6 486 кубм леса, или 676 094 погонных метров пиломатериалов, на сумму 60 962 руб. 11 коп, в то время как за этот период он должен был бы выпустить 701 480 погонных метров пиломатериалов. Столярная мастерская лесозавода выработала в 1939 г. продукции на сумму 28 061 руб. 96 коп.

План на 1940 г. утвержден по мастерской в сумме 113 995,88 акша с учетом пуска станков по обработке дерева (1 акша = 3,5 рубля. – О.О.). На самом же деле пущены не были, и на 1 сентября 1940 г. столярная мастерская выпустила продукции на сумму 36 567,48 акша.

Не совсем благополучно по лесозаводу обстоит дело с поставкой леса. Договор на поставку леса Кустпромсоюз выполнил только на 50%.

С учетом переработки замерзшей древесины в зимнее время годовая производительность лесорамы уменьшается на 25%, и фактическая мощность лесорамы составит 25 900 куб. м. пиломатериалов».

Следует отметить, что большинство названных промышленных предприятий имело слабое техническое оснащение, и производство носило полукустарный характер. Несмотря на недостатки, производственные предприятия покрывали внутренние потребности республики в части строительных материалов, кирпича для строительства государственных объектов первой необходимости, вырабатывались кожа и шерсть для производства валяной обуви (катанки) и кошмы и др.

В процессе создания первых промышленных предприятий решающую роль играли советские специалисты и рабочие. По распределению в Туву направляли инженеров, техников, мастеров, инструкторов и квалифицированных рабочих. Советские специалисты и рабочие были первыми воспитателями национальных кадров во всех отраслях народного хозяйства и культуры Тувы. Тувинских рабочих прикрепляли к опытным советским мастерам и рабочим, которые передавали им свои знания и опыт. В процессе совместной работы квалифицированный рабочий показывал уче-

никам практические приемы работы, умение обращаться с тем или иным инструментом.

Важнейшее значение в деле подготовки квалифицированных рабочих имела отправка тувинской молодежи на учебу в Советский Союз, где она получала специальное образование и проходила производственную практику на советских предприятиях. Всего с 1925 по 1940 г. в учебных заведениях Советского Союза были обучены разным профессиям 826 тувинцев. В период ТНР выросли опытные рабочие: на лесозаводе – Х. Кочула, Ф. Носков, И. Дорофеев, М. Намдызак, в типографии – О. Билчиір-оол, М. Бады, В. Рачковская, Б. Ховенмей, О. Шырап, А. Коробова, Е. Кондрашова, М. Делег, В. Чемков, М. Базыр-оол и др.

Таким образом, в начале XX в. оживление экономической жизни, развитие товарных отношений с Россией, общественное разделение труда привели к становлению кустарного производства. Развитие кустарного производства шло постепенно: от объединения ремесленников-кустарей к созданию кустарных промыслов и, наконец, появлению первых государственных предприятий. С ростом потребностей народного хозяйства, когда кустарная промышленность уже не могла удовлетворить нужды населения, появляются первые государственные промышленные предприятия.

В период ТНР были заложены основы государственной промышленности. Зарождению основ промышленности в Туве большую помощь оказал Советский Союз. ТНР оставалась животноводческой страной, но производственные предприятия стали занимать в ее экономике видное место.

Следует отметить, что несмотря на то, что промышленные предприятия имели фактически полукустарный характер, слабое техническое оснащение, на них почти полностью отсутствовала механизация производственного процесса, они начали покрывать внутренние потребности республики в части строительных материалов (леса, кирпича) и др.

Рабочие из коренного населения, обучаясь у советских специалистов, имели возможность перенимать их производственный опыт. Передача опыта и трудовых навыков, необходимых для использования техники, происходила главным образом через систему организованной подготовки рабочих путем направления квалифицированных рабочих из промышленных районов Советского Союза для работы на промышленных предприятиях Тувы.

Отмечая роль Советской России, следует упомянуть одного из основателей тувинской государственности – И.Г. Сафьянова. В статье «Урянхай. Его прошлое, настоящее и будущее» И. Сафьянов писал: «Несколько столетий они были под властью китайских богдыханов и только в 1912 г. им удалось сбросить с себя ненавистное иго. Это вековое рабство оставило,

конечно, глубокие следы на психологии маленького народа, почти уничтожила его общественность, но все же остатки прежней первобытной коммуны еще и сейчас рельефно выступают на бледном фоне его несложной жизни. Еще и сейчас у них существуют звероловные и рыболовные артели, общественные вспашки, есть также общественные стада овец, скота и лошадей. При выборах на все общественные должности строго выполняется выборное начало» [22. С. 143]. Исходя из данной записи, можно сделать вывод, что начало строительства промышленных объектов стало возможным благодаря деятельности инициативных людей, которые стояли у истоков становления государственности.

В 1941 г. в Туве уже работали кирпичный, лесоперерабатывающий и кожевенные заводы, каменноугольные и соляные копи, пошивочный и пищевой комбинаты, мельницы, несколько электростанций, авторемонтные мастерские, типография и т.д. Кроме этого, имелось 28 различных кустарно-промысловых артелей.

Подводя итог, следует отметить, что опыт промышленного строительства ТНР необходимо учитывать при реализации стратегии социально-экономического развития в Туве. Анализ первых промышленных предприятий показал, что наиболее перспективными являются те отрасли, которые направлены на переработку местного доступного сырья, в частности древесины, кож, и освоение имеющихся природных минерально-сырьевых ресурсов.

В настоящее время региональная власть уделяет особое внимание проблемам развития кожевенного и шерстяного дела, предпринимая меры по поддержке предпринимателей в этой сфере. Из последних – проект «Дук», согласно которому в республике предполагается создать условия для предприятий по первичной обработке шерсти и кожи. Животноводческая отрасль является сырьевой базой для кожевенной, текстильной, пищевой и других отраслей легкой промышленности. Реализация проекта «Дук» даст фермерским хозяйствам возможность сбыта кож и приобретения населением готовых товаров из собственного сырья по доступной цене.

Характеристика производственных мощностей обрабатывающих предприятий позволяют сделать вывод, что наиболее эффективными могут быть малые предприятия, обладающие необходимой гибкостью для быстрой реакции на требования рынка. Следует обратить внимание также на сохранение у коренного населения навыков животноводства, которые позволят создать стабильную базу для развития мясной, консервной промышленности, переработки шерсти и шкур. Необходимо понимать, что достижение стабильного экономического роста возможно при повышении уровня занятости трудоспособного населения и увеличении доходов регионального бюджета.

Список источников

1. Балакина Г.Ф., Ооржак В.О. Проблемы развития промышленного комплекса Республики Тыва в условиях модернизации // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 38 (413). С. 33–43.
2. Голикова назвала самый бедный регион России // ТАСС : информационное агентство России. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6114080> (дата обращения: 20.10.2021).
3. Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. М. ; Л. : Госсоецэкономиздат, 1934. Ч. 1: Дореволюционная Тува. 202 с.

4. Гребнев Л.В. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 1955. 100 с.
5. Иезуитов В.М. От Тувы феодальной к Туве социалистической. Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 1956. 208 с.
6. Пышкин В.Ф. Промышленность Тувы за 25 лет // 25 лет тувинской национально-освободительной революции. Кызыл : Тувинское обл. изд-во, 1946. С. 54–58.
7. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы XIX – начало XX в. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 500 с.
8. Ковалев А.Г. Развитие промышленности и транспорта и строительства в Туве. Кызыл : Кызыл. гос. пед. ун-т, 1961. 83 с.
9. Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М. : Наука, 1974. 82 с.
10. Материалы из личного архива доктора исторических наук, профессора Н.М. Моллерова.
11. Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года. М., 1933. 168 с.
12. Государственный архив Республики Тува (ГАРТ). Ф. 94. Оп. 1. Д. 3. Л. 27, 27 об.
13. Дабиев Д.Ф. О социально-экономическом развитии Тувинской Народной Республики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 9-3. С. 109–113. URL: <https://applied.research.ru/article/view?id=5880> (дата обращения: 15.01.2022).
14. Кустарная промышленность // Большая советская энциклопедия. М. : Сов. Энциклопедия, 1937. Т. 35. С. 569–570.
15. Моллеров Н.М. Истоки братства. Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 1989. 143 с.
16. Асонычев А.А. Как русские купцы открывали Урянхайский край // Новые исследования Тувы. 2014. URL: <https://www.tuva.asia/news/tuva/7283-uryanhai-kupcy.html> (дата обращения 22.03.2022).
17. Моллеров Н.М. Создание очагов промышленности и торговли в советской колонии в Туве (1922–1932 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 4. С. 119–123.
18. Волков М. О народном доходе ТНР // Под знаменем Ленина–Сталина. Кызыл : Тувинское гос. изд-во, 1942. № 3. С. 67–69.
19. ГАРТ. Ф. 102. Оп. 13. Д. 11. Л. 6–7.
20. Гребнев Л.В., Очур В.Ч. Рабочий класс Тувы. Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 1971. 9 с.
21. ГАРТ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–3.
22. Кужугет А. К. Иннокентий Сафьянов – политический деятель, меценат и краевед // Новые исследования Тувы. 2011. № 4. С. 140–145.

References

1. Balakina, G.F. & Oorzhak, V.O. (2015) Development of the industrial complex of the Tyva Republic in conditions of modernization. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika – Regional Economics: Theory and Practice*. 38(413). pp. 33–43. (In Russian).
2. TASS. (2019) *Golikova nazvala samyy bednyy region Rossii* [Golikova named the poorest region in Russia]. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/6114080> (Accessed: 20th October 2021).
3. Kabo, R.M. (1934) *Ocherki istorii i ekonomiki Tuvy* [Essays on the History and Economy of Tuva]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Gosstatsekonimizdat.
4. Grebnev, L.V. (1955) *Perekhod tuvinskikh aratov-kochevnikov na osedlost'* [The transition of the Tuvan nomadic arats to a settled way of life]. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo.
5. Iezuitov, V.M. (1956) *Ot Tuvy feodal'noy k Tuvye sotsialisticheskoy* [From feudal Tuva to socialist Tuva]. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo.
6. Pyshkin, V.F. (1946) *Promyshlennost' Tuvy za 25 let* [Industry of Tuva for 25 years]. In: Seifullin, Kh. (ed.) *25 let tuvinskoy natsional'no-osvoboditel'noy revolyutsii* [25 years of the Tuvan national liberation revolution]. Kyzyl: Tuvinskoe obl. izd-vo. pp. 54–58.
7. Dulov, V.I. (1956) *Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Tuvy XIX – nachalo XX v.* [Socio-economic history of Tuva in the 19th – early 20th century]. Moscow: USSR AS.
8. Kovalev, A.G. (1961) *Razvitie promyshlennosti i transporta i stroitel'stva v Tuvye* [The development of industry and transport and construction in Tuva]. Kyzyl: Kyzyl State Pedagogical University.
9. Vainshtein, S.I. (1974) *Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy* [History of Folk Art of Tuva]. Moscow: Nauka.
10. Mollerov, N.M. (n.d.) *Materialy iz lichnogo arkhiva professora N.M. Mollerova* [Materials from the personal archive of Doctor of Historical Sciences, Professor N.M. Mollerov].
11. Anon. (1933) *Tuvinskaya sel'skokhozyaystvennaya i demograficheskaya perepis' 1931 goda* [Tuvan agricultural and demographic census of 1931]. Moscow: [s.n.].
12. The State Archive of the Republic of Tuva (GART). Fund 94. List 1. File 3. pp. 27, 27 ob.
13. Dabiev, D.F. (2014) On the socio-economic development of the Tuvan People Republic. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 9-3. pp. 109–113. [Online] Available from: <https://applied.research.ru/article/view?id=5880> (Accessed: 15th January 2022). (In Russian).
14. Schmidt, O.Yu. (ed.) (1937) *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 35. Moscow: Sov. Entsiklopediya. pp. 569–570.
15. Mollerov, N.M. (1989) *Istoki bratstva* [The Origins of the Brotherhood]. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo.
16. Asonychev, A.A. (2014) *Kak russkie kuptsy otkryvali Uryankhayskiy kray* [How Russian merchants discovered the Uryankhai region]. [Online] Available from: <https://www.tuva.asia/news/tuva/7283-uryanhai-kupcy.html> (Accessed: 22nd March 2022).
17. Mollerov, N.M. (2016) *Sozdanie ochagov promyshlennosti i trgovli v sovetskoy kolonii v Tuvye (1922–1932 gg.)* [Creation of centers of industry and trade in the Soviet colony in Tuva (1922–1932)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 23(4). pp. 119–123.
18. Volkov, M. (1942) O narodnom dokhode TNR [On the national income of the TNR]. *Pod znamenem Lenina–Stalina*. 3. pp. 67–69.
19. The State Archive of the Republic of Tuva (GART). Fund 102. List 13. File 11. pp. 6–7.
20. Grebnev, L.V. & Ochur, V.Ch. (1971) *Rabochiy klass Tuvy* [The working class of Tuva]. Kyzyl: Tuvinskoe kn. izd-vo.
21. The State Archive of the Republic of Tuva (GART). Fund 94. List 1. File 147. pp. 1–3.
22. Kuzhuget, A.K. (2011) Innokentiy Safianov – a politician, philanthropist and a regional ethnographer. *Novye issledovaniya Tuvy – The New Research of Tuva*. 4. pp. 140–145. (In Russian).

Сведения об авторе:

Ооржак Оюу Владимировна – аспирант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: oyuuoorzhak@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Oorzhak Oyuu V. – Postgraduate Student of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: oyuuoorzhak@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.05.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 31.05.2022; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 93/94+347.961(571.16)

doi: 10.17223/19988613/78/8

История томского нотариата в первое десятилетие советской власти (1917–1927 гг.)

Екатерина Николаевна Румянцева

Томский государственный университет, Томск, Россия, katerum3007@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен процесс формирования и функционирования института нотариата в первое десятилетие советской власти на территории современной Томской области. Основное внимание уделено проблемам организационно-структурных и функциональных изменений нотариальной работы в 1917–1927 гг. и особенностям перехода деятельности томских нотариальных органов на государственные начала. С учетом новых данных сделаны выводы о причинах и этапах реорганизации института томского нотариата, а также о специфике деятельности томских нотариусов в 1917–1927 гг.

Ключевые слова: история нотариата, советский нотариат 1917–1927 гг., государственные нотариальные органы, Первая Томская государственная нотариальная контора, томский нотариус

Для цитирования: Румянцева Е.Н. История томского нотариата в первое десятилетие советской власти (1917–1927 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 52–61. doi: 10.17223/19988613/78/8

Original article

The history of the Tomsk notary in the first decade of Soviet power (1917–1927)

Ekaterina N. Rumyantseva

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, katerum3007@mail.ru

Abstract. The research presents a historical overview of the organization and activities of the Tomsk notary in the first decade of Soviet period. The research interest to the history of the notarial system on the territory of modern Tomsk region is associated not only with the adoption of legal acts of the Soviet era, but also is determined by the specifics of the formation of Soviet power in Tomsk, socio-political and socio-economic relations in the region, and its administrative and territorial division. The purpose of the article is to identify the unique characteristics of the formation and activities of the Tomsk notary in 1917–1927. The author studied the legal acts on the organization and functioning of notarial system on a national scale, determined their implementation features on the territory of the Tomsk province and the Tomsk district, analyzed the main conditions affecting the work of the Tomsk notary bodies, studied the organizational structure of the Tomsk notary system and its jurisdiction, staff, important activities and the funding of notary offices in the region. The research is based on the unpublished documents of the State Archive of Tomsk Region, published legal and political acts as well as scientific works of Russian historians and jurists. The studied material allows us to assert that in 1917–1927 the Tomsk notary went through several organizational processes: the gradual truncation of the notarial function, the abolition of the pre-revolutionary functions of the notary, including the period of its restoration during the Government of A.V. Kolchak, the formation of a new type of notary. The author came to the conclusion that in the first decade of Soviet era the Tomsk notary was able to allocate its own specific place in state bodies and carry out activities in qualitatively new state level. However, despite The Regulations on State Notary of the RSFSR in 1922, 1923, 1926 the organizational, structural and jurisdiction of the state notary bodies were definitely not specified. In the first decade of Soviet power, such problems as frequent turnover of notaries, weak material base, and low financing were identified in the work of the Tomsk notary. At the same time, the activity of Tomsk notaries was a "profitable business" for the region. The formation and development of the Tomsk state notary was affected by remaining civil turnovers and goods-money relations, the professional competence of Tomsk notaries, as well as the profitability state notaries in the region.

Keywords: the history of the notary, the Soviet notary of 1917–1927, state notarial bodies, the First Tomsk State Notary Office, Tomsk notary

For citation: Rumyantseva, E.N. (2022) The history of the Tomsk notary in the first decade of Soviet power (1917–1927). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 52–61. doi: 10.17223/19988613/78/8

Нотариат в Российской Федерации представляет систему, объединяющую нотариусов, занимающихся частной практикой, которые осуществляют свою деятельность от имени Российской Федерации. В данном понимании именно государство (в лице соответствующих государственных органов) делегирует (передает) «частнопрактикующим» нотариусам свои полномочия по осуществлению нотариальных действий. Данная особенность предопределена историческими событиями, происходившими в России: на протяжении предшествующих 100 лет нотариат, реорганизованный в советское время, являлся государственным органом. Становление власти Советов и смена курса государственной политики в России в октябре 1917 г. повлекли за собой трансформацию государственного устройства страны, общественно-политические, социально-экономические и культурные изменения в жизни общества. Происходила структурная реорганизация государственных органов, суда, прокуратуры, нотариата и т.д.

История нотариата советского периода в общероссийском масштабе изучена многими историками и исследователями-правовиками (более 700 работ). В последнее двадцатилетие наметилась тенденция изучения региональной истории нотариата, выявления особенностей создания и работы региональных нотариальных контор. Организация и функционирование нотариальных органов, с учетом обширной территории страны, в разных регионах проходили неравномерно, а история нотариата Сибири с 1917 г. и вовсе шла по своему историческому сценарию. Сегодня в контексте сибирской региональной истории рассмотрены и изучены нотариаты Алтая [1], Красноярского края [2–4], Республики Хакасия [5], встречаются научные работы по истории нотариата Республики Тыва [6]. В 2021 г. авторским коллективом впервые рассмотрены основные положения по истории томского нотариата [7]. В большинстве своем данные работы появились в рамках научно-публицистического проекта «Золотые страницы истории российского нотариата», организованного Федеральной Нотариальной Палатой Российской Федерации. Вместе с тем остаются открытыми многие вопросы становления и развития государственного нотариата Томской области XX в., актуальность изучения которого обусловлена спецификой географического расположения, проводимой советской властью политикой территориального планирования, социально-экономическим развитием региона и т.д.

Томская губерния в 1917 г. являлась одной из самых крупных в стране. Ее площадь составляла более 860 тыс. км² и равнялась пятой части территории Европейской России [8. С. 45]. В состав Томской губернии входили территории современных Томской, Кемеровской, Новосибирской областей и Алтайского края, часть Красноярского края и Тюменской области. Регион административно делился на семь уездов: Змеиногорский, Бийский, Барнаульский, Кузнецкий, Мариинский, Каинский и Томский. В июне 1917 г. из Бийского и Барнаульского уездов была создана Алтайская губерния. В 1919 г. часть юго-западных уездов Томской губернии перешла в образованную Омскую губернию. В июне 1921 г. из состава Томской губернии

выделились Каинский и Новониколаевский уезды, и образовалась Новониколаевская губерния. На протяжении последующих пяти лет Томская губерния включала территории Томского, Мариинского, Кузнецкого и Щегловского уездов и Нарымского края [9. С. 48, 66].

Большевистское руководство отрицало капиталистическую сущность и частную собственность, в связи с чем негативно относилось и к институту нотариата как элементу имперской системы, в основной функционал которого входило «утверждение всевозможных актов, устанавливающих переход права собственности на недвижимое имущество» [10].

Первые изменения положения государственных правоохранительных и судебных органов в центральной России были зафиксированы в Декрете «О суде» от 24 ноября 1917 г. и касались фактической ликвидации ранее существовавшей системы судебных органов, присяжной адвокатуры, судебных следователей и прокурорского надзора, но организацию нотариата не затронули [11]. Вместе с тем намеченный курс на национализацию земли и других природных ресурсов повлек постепенное сужение нотариальной функции. Так, 14 декабря 1917 г. был принят Декрет Совета народных комиссаров (СНК) «О запрещении сделок с недвижимостью» [12], согласно которому нотариусы под контролем советов рабочих и солдатских депутатов и городских самоуправлений приостанавливали «какие бы то ни было сделки по продаже, покупке, залогу и т.п. всех недвижимостей и земель в городах» [Там же].

Впервые перестройка нотариального дела была отражена в части 4 «О судопроизводстве и подсудности» Декрета «О суде» № 2 от 7 марта 1918 г. В ст. 11 этого документа указывалось, что надписи о понудительном исполнении по векселям, закладным и нотариальным заемным письмам на основании правил о понудительном исполнении делаются нотариусами, а в местностях, где таковых нет, – лицами, их заменяющими, причем эти лица, а равно и нотариусы, взимают пошлину и прочие сборы в установленном размере [13]. То есть можно прийти к заключению, что у действующего политического режима не стояла задача полностью свернуть деятельность нотариата как института, а требовалась организационная перестройка его функционала под конкретные задачи.

В центральных регионах страны началась реорганизация системы дореволюционного нотариата. Например, Постановлением Совета народных комиссаров Москвы и Московской губернии от 23 марта 1918 г. было отменено действие Положения о нотариальной части от 14 апреля 1866 г. и утверждено Временное положение о нотариальных отделах при советах депутатов. В свою очередь, для территорий Петроградской, Псковской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний данные изменения начались с принятием 16 сентября 1918 г. Постановления Совета Комиссаров Союза Коммун Северной области о прекращении действия Положения о нотариальной части и утверждении Временного положения и инструкции о порядке деятельности Нотариальных Отделов при совдепах [14. С. 235].

27 апреля 1918 г. был принят Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) «Об отмене наследования», который определял дальнейшее «усечение» нотариальной функции: все имущество после смерти гражданина становилось государственной собственностью [15]. Декрет ВЦИК и СНК «О дарениях» от 20 мая 1918 г. также вносил свои ограничения: «Дарение и всякое иное безвозмездное предоставление (передача, переуступка и т.п.) имущества на сумму свыше 10 тысяч рублей признается недействительным» [16]. При этом дарение на сумму от 1 до 10 тыс. руб. допускалось и подлежало в обязательном порядке оформлению в виде нотариального или судебного акта, без которых сделка признавалась ничтожной [Там же]. 20 августа 1918 г. был принят Декрет ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» [17]. Принятие указанных актов привело к значительному сокращению оборота документов дарения, завещания и крепостных актов.

Наряду с определением полномочий нотариусов продолжался курс на уничтожение «буржуазного» наследия нотариата. Так, принятое коллегией Народного комиссариата юстиции РСФСР (НКЮ РСФСР) решение от 19 ноября 1918 г. об уничтожении крепостных актов, о передаче заведующими юридическими отделами губернских советов депутатов в Совет Народного Хозяйства нотариальных архивов, архивов бывших судебных палат, окружных и коммерческих судов и уездных съездов в целях уничтожения всяких следов частной собственности привело к ликвидации огромного количества ценных документов по истории нотариата дореволюционной России [18. С. 62].

Согласно Кодексу законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, принятом ВЦИК 16 сентября 1918 г., нотариусы в Нотариальных отделах при местных Советах Депутатов продолжали удостоверять факт регистрации брака [19]. Вместе с тем в декабре 1918 г. НКЮ РСФСР издал Циркуляр об упразднении нотариальных столов при местных советах и передаче их функций отделам социального обеспечения, записи актов гражданского состояния, местным народным судьям и т.д. В декабре этого же года руководство нотариальной деятельностью передавалось в ведение органов внутренних дел. Фактически же это была попытка распределить существовавшую единую нотариальную функцию по засвидетельствованию сделок на множество отдельных в зависимости от отраслевой принадлежности. Однако данное «размытие» привело к путанице среди населения – в какие органы обращаться, чтобы заверить тот или иной документ, и бюрократизации ранее вполне понятных процессов. Для устранения этой проблемы в феврале 1919 г. НКЮ РСФСР приостановил исполнение Циркуляра и принял решение о создании нотариальных столов в губернских отделах юстиции и местных народных судах в уездах, с оговоркой «при необходимости». К компетенции местных народных судов относились такие «простые» нотариальные действия, как засвидетельствование копий и подлинности подписей.

Указанные изменения по организации нотариата нового типа были характерны главным образом для

центральных территорий России, где установилась советская власть. При этом к Сибири, включая Томскую губернию, с октября 1917 по декабрь 1919 г. еще продолжалась социально-классовая борьба за сферы влияния между «красными» (созданная большевиками Рабоче-Крестьянская Красная Армия) и «белыми» (противники новой власти, состоявшие из генералов и офицеров бывшей царской армии). Такие политические и общественные противостояния создавали эффект «организационных качелей» в части работы томского нотариата.

К осени 1917 г. реальная власть в Томской губернии была сосредоточена в руках Военно-революционного комитета и 70-тысячного томского гарнизона. В конце 1917 г. за власть в губернии соперничали объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов и Сибирский областной совет. В декабре 1917 г. – марте 1918 г. в губернии установилась советская власть. Работа дореволюционных нотариальных контор как противоречащая революционному правосознанию была приостановлена в первых числах января 1918 г. согласно Декрету СНК РСФСР «О суде» от 24 ноября 1917 г. Осуществление нотариальной функции некоторое время возлагалось на начальника милиции. Позже – ориентировочно март-апрель 1918 г. – функции по освидетельствованию документов были переданы в организованный комиссариатом юстиции томский нотариат, заведующим которого был назначен Семен Михайлович Плетнев [20. С. 195]. Примечательно, что Семен Михайлович имел богатый опыт работы нотариусом в дореволюционную эпоху: с 1908 г. в Каинске, с 1910 г. – Томске [21. С. 100].

В конце мая 1918 г. в результате мятежа Чехословацкого корпуса произошло оживление антибольшевистских сил (например, деятельность Временного Сибирского правительства). Сначала деятельность Временного Сибирского правительства находила понимание и даже поддержку у значительной части населения Томской губернии, но уже к осени 1918 г. его жестокая политика в отношении крестьянства и городских рабочих привела к многочисленным протестам и вооруженному сопротивлению, и уже с ноября 1918 по декабрь 1919 г. Томск перешел под контроль правительства А.В. Колчака, который возродил всю дореволюционную систему работы органов управления. При Томском окружном суде функционировал нотариальный архив во главе со старшим нотариусом. Также в штате Томского окружного суда возобновили свою работу нотариусы дореволюционной эпохи, ранее трудившиеся в Томске: Павел Александрович Сакенко, Иван Николаевич Петров, Болеслав Константинович Жера, Михаил Прокопьевич Шерemet [22. Л. 332, 334, 336.]. Нотариусы, несмотря на перерыв в профессиональной деятельности, продолжили вносить записи и вести учет в уже начатых ранее дореволюционных нотариальных реестрах, а в формулярах нотариальных актов использовали старую стилистику.

17–18 декабря 1919 г. в результате антиколчаковского восстания большевиков, меньшевиков и эсеров город был освобожден, 5-я Красная армия вошла в Томск [23. С. 271]. 22 декабря 1919 г. в Томской губернии окончательно установилась советская власть.

«Это было поистине страшное время, которое переживал в ту пору разграбленный и изувеченный войной Томск: железнодорожная ветка до Тайги бездействовала – зияли рваными ранами развороченные пути, чернели опрокинутые вверх колесами вагоны, не было продовольствия и топлива, город был охвачен голодом и т.д. Перед советским руководством стояли сложные и неотложные задачи: преодолеть разруху в промышленности и на транспорте, ликвидировать топливный голод и эпидемию тифа, оказать помощь сельскому хозяйству, прекратить существующий разгул спекуляции и бандитизма» [8. С. 103]. На томской земле начались значительные организационные преобразования во всех сферах деятельности.

Изначально, в декабре 1919 г., после восстановления советской власти административный центр Томской губернии был перенесен в г. Новониколаевск, но уже в апреле 1920 г. губернское правление снова было восстановлено в Томске. Работой по воссозданию советских порядков и ликвидации последствий Гражданской войны в Сибири руководили Сибирское бюро ЦК РКП(б) и Сибирский революционный комитет [3. С. 112].

Декрет «О суде» № 2, официально датированный мартом 1918 г., на территории Томской губернии начал действовать лишь в декабре следующего года. Начался процесс «размытия» нотариальной функции путем наделения нотариальными полномочиями различных органов государственного аппарата. В свою очередь, подведомственность нотариусов претерпевала многократные изменения: менялось подчинение органам исполнительной власти, юстиции, судам.

В начале 1920-х гг. наступает переломный этап в истории института нотариата. Этому в значительной степени способствовал наметившийся на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. переход к новой экономической политике и развитию хозяйственной жизни страны, что требовало установления государственного контроля над законностью совершаемых договоров и сделок [24. С. 37]. Действительно, проводимая советским руководством политика по ликвидации нотариальных учреждений однозначно привела бы к тому, что возродившиеся в условиях НЭПа в 1921 г. хозяйственный оборот и товарно-денежные отношения остались без надлежащего юридического оформления и контроля, за которыми последовали бы многочисленные гражданско-правовые нарушения и, как следствие, ослабление советской власти.

Декрет СНК РСФСР от 19 июля 1921 г. разрешил «частную» торговлю, способствуя, хоть и в четко установленных государством рамках, развитию частного капитала в торговле и промышленности [25]. А это, в свою очередь, явилось предпосылкой расширения функций нотариальных органов. Структурные подразделения советов и органов юстиции, обеспечивая минимальный набор удостоверительных функций, в условиях роста гражданского оборота не справлялись с возложенным на них объемом работы, что потребовало дальнейшего пересмотра организационной модели нотариата. Декрет СНК РСФСР от 12 августа 1921 г. возложил засвидетельствование сделок и договоров на нотариальные столы губернских отделов и уездные

бюро юстиции [26]. Фактически главной задачей в работе нотариата в указанные годы стало пополнение государственного бюджета.

С октября 1920 г. по 1 сентября 1922 г. при Томском губернском отделе юстиции была создана и функционировала Нотариальная часть под руководством народного судьи. В свою очередь, Томский губернский отдел юстиции входил в состав Томского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Функции в сфере нотариата по административной, информационной и финансовой части оставались у Томского Губотдела юстиции вплоть до его упразднения, а затем были переданы суду.

В 1920–1921 гг. в компетенцию народного судьи в части нотариальной работы входило обслуживание населения города Томска по совершению гражданских сделок и удостоверению фактов, имеющих значение для гражданского состояния, чаще всего это были действия по засвидетельствованию копий и подлинности подписей. В 1920 г. народными судьями было выполнено 5 049 нотариальных действий, в 1921 г. – 1 447 [27]. Незначительное количество дел в 1921 г. связано, вероятнее всего, не столько с уменьшением объема нотариальных действий, сколько со структурной реорганизацией томского нотариата. Так, с сентября 1921 г. в архивных материалах Государственного архива Томской области встречаются первые сведения о работе Первой Томской государственной нотариальной конторы. Соответственно, 1921 г. фактически можно считать временем ее открытия и начала деятельности [28]. С 1921 по 1927 г. Томскую государственную нотариальную контору возглавлял нотариус Михаил Прокопьевич Шеремет, уволенный 15 апреля 1927 г. с занимаемой должности в связи «с лишенным избирательным правом» [29. Л. 19].

4 октября 1922 г. был принят первый советский законодательный акт о нотариате – Положение о государственном нотариате [30]. Положение предусматривало обязательное создание государственных нотариальных контор (и нотариальных архивов) в городах при президиумах губернских советов народных судей. Президиумы советов народных судей осуществляли надзор и контроль за деятельностью нотариальных контор: обследование и проверки установленных отчетов. Руководство нотариатом страны возлагалось на НКЮ РСФСР. Местоположение нотариальных контор определялось исполкомами местных советов с последующим утверждением НКЮ РСФСР. Руководили нотариальными конторами нотариусы, назначаемые президиумами губернских советов народных судей из числа лиц, пользующихся правом избирать и быть избираемыми в Советы рабочих и крестьянских депутатов и выдержавших соответствующее испытание в комиссии, назначенной Президиумом совета народных судей по выработанной НКЮ РСФСР программе [Там же]. В местностях, в которых нотариальные конторы не учреждались, их функции, за исключением совершения актов и засвидетельствования договоров, возлагались на народных судей с оплатой нотариальных действий по существующей таксе.

Положение о государственном нотариате от 4 октября 1922 г. в Томской губернии было введено в действие с 15 января 1923 г. Нотариальное отделение при вновь образованном Томском губернском суде, которое ведало работой томского нотариата, образовано 14 февраля 1923 г. Тогда же при президиуме губернского совета народных судей открылся нотариальный архив.

Томское нотариальное отделение при губернском суде выполняло следующие функции:

1. Организационная: рассылка нормативно-справочной документации нотариальным органам; вопросы создания, реорганизации и ликвидации нотариальных контор; кадровый учет специалистов ноторганов и т.д.

2. Инструктивная: ревизия и дача указаний и разъяснений всем нотариальным конторам и выполняющим нотариальные функции народным судьям о порядке выполнения работы и в спорных вопросах и т.д. [27. Л. 60].

3. Учетно-отчетная: учет работы по нотариату всей губернии, сбор и анализ отчетов нотариальных органов об их деятельности, составление сводного отчета о нотариальной деятельности по Томской губернии, финансовый контроль по получению доходных сборов нотариальных органов [31. Л. 14 об.].

В нотариальном отделении велись следующие наряды: по общей переписке, руководящих бумаг, распоряжений по всему нотариату, личного состава, отчетности и оправдательных документов по расходованию на содержание нотариального отделения.

В первой половине 1920-х гг. нотариальное отделение возглавляли: февраль 1923 г. – М.П. Шеремет (совмещал обязанности нотариуса Первой Томской госнотконторы), октябрь 1923 г. – П.А. Сакенко, ноябрь 1923 г. – Л. Чернобровин, январь 1925 г. – В.Н. Шипунов, февраль 1925 г. – Г.Д. Гершевич, сентябрь 1925 г. – В.Ф. Оранский.

Вместе с нотариальным отделением 14 февраля 1923 г. официально открылась Первая Томская государственная нотариальная контора, но фактически, как указывалось ранее, она функционировала с сентября 1921 г. В 1923 г. штат Первой Томской государственной нотариальной конторы состоял из нотариуса и секретаря. За 1924 г. в архивных документах имеются сведения о нотариусе, заместителе нотариуса и реестранте [32. Л. 3]. С 10 мая 1925 г. штат увеличился за счет принятия на службу делопроизводителя [33. Л. 82 об.].

В Томской губернии наряду с Томской госнотконторой открывались другие государственные нотариальные конторы: в п. Ленино¹ (с 1925 г., нотариус Н. Кологривова), г. Щегловске (с 17 октября 1923 г., нотариус А.Ф. Фролов), г. Кузнецке (с ноября 1923 г. нотариус Г.В. Тузиков, в 1925 г. нотариус Н.С. Заплатин) и г. Мариинске (в 1924 г. нотариус В.П. Карпов) [34. С. 234; 35. С. 289]. Штатная численность государственных нотариальных контор предполагала в каждой только одного нотариуса [31. Л. 14].

В Первой Томской государственной нотариальной конторе самыми распространенными были следующие нотариальные действия:

1. Совершение нотариальных актов: об отчуждении не муниципализированных строений; об аресте строений, помещений и предприятий; завещания.

2. Засвидетельствование сделок: об учреждении торговых и торгово-промышленных предприятий; о подрядах и поставках; договоры госучреждений и госпредприятий.

3. Совершение протестов векселей.

4. Засвидетельствования доверенностей, копий документов и выписей из торговых книг, подлинностей подписей и другие.

5. Удостоверение бесспорных обстоятельств (время предъявления документов, нахождение лица в определенном месте и т.п.).

6. Прочие нотариальные действия: передача заявлений лиц и учреждений другим лицам и учреждениям, регистрация арестов, их снятие и наложение, принятие документов на хранение, засвидетельствование верности переводов, совершение переводов и т.п. [32. Л. 4–5].

За выполнение нотариальных действий взималась плата: нотариальный, гербовый, местный, канцелярский сборы и плата за техническую работу [36. Л. 24, 30].

Принимая во внимание обширность территории, входящей в округ Томского губернского суда, удаленность крупных уездных центров от Томска, трудность связи с городом из-за отсутствия путей сообщения в осенние и весенние периоды, исполнение нотариальных обязанностей в уездах и городах Томской губернии в отсутствие нотариальных контор возлагалось на уполномоченных Томского губернского суда и народных судей, местные исполкомы, органы милиции [37. Л. 6]. Так, нотариальной работой на территории Томской губернии ведали 20 народных судей Мариинского, Щегловского и Кузнецкого уездов [Там же. Л. 7; 38. Л. 1]. Народные судьи в сельских районах могли выполнять все нотариальные действия, за исключением совершения и свидетельствования актов и доверенностей [37. Л. 11 об.]. При этом нотариальные действия народные судьи выполняли, совмещая со своей основной работой по судебной линии. За выполнение нотариальных действий судьями взимались те же сборы, что и в нотариальной конторе. Необходимо отметить, что сборы, получаемые от совершаемых нотариальных действий, не смешивались со сборами, получаемыми судьями по судебным делам, так как те и другие являлись независимыми и самостоятельными источниками дохода [36. Л. 27 об.].

В свою очередь, органы милиции, волостные и сельские исполкомы могли выполнять только самую простую нотариальную работу: удостоверить подлинность подписей на почтовых повестках и свидетельствовать доверенности на право получения денежной и посылочной корреспонденции [Там же. Л. 16 об.].

Таким образом, Положение 1922 г. законодательно закрепило место нотариата в системе государственных органов, и нотариальные конторы стали полностью контролироваться государственным аппаратом.

24 августа 1923 г. была принята новая редакция Положения о государственном нотариате [39], которая расширила компетенцию нотариальных органов и формально была связана с нормами статей Гражданского кодекса РСФСР 1923 г. Организационные вопросы выполнения нотариальной функции возлагались на органы судебного управления.

В 1925 г. в результате окружного административно-территориального деления был образован Сибирский край с центром в г. Новониколаевске (с 12 февраля 1926 г. – Новосибирск) [9. С. 16, 165, 166]. 25 мая 1925 г. Томская губерния прекратила свое существование. В состав Сибирского края вошло 16 округов, в том числе и Томский. Томский округ состоял из 25 районов и сохранил свои административные границы до 1930 г.

В соответствии с Положением о судеустройстве Сибирского края ВЦИК и СНК РСФСР 23 ноября 1925 г. в краевом центре Новониколаевске учреждался краевой суд [40]. В это же время была проведена реорганизация судебных органов в округах Сибирского края, итогом которой стала замена губернских судов окружными. В соответствии с Постановлением Сибревкома от 20 ноября 1925 г. и Предписанием Сибирского краевого суда от 26 ноября 1925 г. № 236 деятельность нотариального отделения Томского губернского суда ликвидировалась, а губернский суд подлежал закрытию. Первая Томская государственная нотариальная контора и народные судьи в отношении исполнения ими нотариальных действий перешли в подчинение нотариальному отделению Сибирского краевого суда [34. Л. 101; 41. Л. 56].

14 мая 1926 г. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об основных принципах организации государственного нотариата» [42] закрепило все нормы Положения 1922 г. Данное положение определяло за губернскими судами ведение государственных нотариальных контор, а также контроль и наблюдение за их деятельностью. Новым дополнением был п. 16 Постановления, указывающий, что выполнение нотариальных действий для находящихся за границей учреждений, организаций и граждан, а также для иностранных юридических лиц и граждан по сделкам, которые исполнялись на территории СССР, могло возлагаться на консульские учреждения СССР. Согласно данному Постановлению нотариусы назначались по представлению Томского окружного суда «из числа лиц, имеющих право быть избранными в народные судьи».

Новое Положение о судеустройстве РСФСР, утвержденное Постановлением ВЦИК от 19 ноября 1926 г., устанавливало некую двойственность подчинения нотариальных контор. С одной стороны, наблюдение и контроль за их деятельностью находилось в ведении судебных органов и НКЮ РСФСР, с другой – утверждение сети нотариальных контор, назначение и увольнение нотариусов относилось к компетенции исполкомов по представлению председателей судов. Кроме того, утверждение сметы нотариальных органов не осуществлялось без согласования с Народным комиссариатом финансов РСФСР.

С 1 апреля 1927 г. согласно Циркуляру НКЮ РСФСР № 230 нотариальное отделение Сибирского краевого суда закрывалось. Все его функции передавались нотариусам, председателям окружных судов и правовому отделу Госнотариата НКЮ РСФСР [43. Л. 5]. В свою очередь, в Томске в то же время был образован Томский окружной суд, в ведение которого и перешли все вопросы, связанные с деятельностью государственных нотариальных контор.

Пленум окружного суда давал разъяснения по вопросам деятельности госнотконторы, связанным с неясностью или неполнотой действующих законов [44. С. 224]. Организационно-инструкторский отдел окружного суда выполнял такие задачи в нотариальной части, как учет и распределение личного состава, районирование нотариальных контор по округу, учет и систематизация материалов деятельности нотариата, оперативное руководство деятельностью органов юстиции округа через инструктирование, организация документального обеспечения управления и др. [45. Л. 183].

В 1927 г. в Томском округе изначально действовали две нотариальные конторы: Первая Томская государственная нотариальная контора под руководством нотариуса Глеба Гавриловича Синицына (позднее переименована в Томскую окружную государственную нотариальную контору) и Мариинская районная государственная нотариальная контора во главе с нотариусом Виктором Петровичем Карповым².

С 1927 г. Томская окружная государственная нотариальная контора выполняла следующие функции:

1. Нотариальная: осуществление нотариальных действий и сопровождение нотариальных сделок.
2. Контроль и консультирование по разрешению административных, хозяйственных и финансовых вопросов в области нотариата [46. Л. 23].
3. Инструктивная работа с нотариальными конторами округа районного значения и низовыми нотариальными звеньями – народные суды, районные исполкомы (РИКи) и сельсоветы.
4. Финансово-отчетная работа в сфере нотариата по округу.
5. Общественная работа томского нотариуса.

По новому Положению о Госнотариате 1926 г. на Томскую государственную нотариальную контору как контору окружного центра помимо основных выполняемых нотариальных обязанностей были возложены функции упраздненного нотариального отделения Сибирского краевого суда по Томскому округу, что отразилось как на характере работы госнотконторы, так и на ее возросшей загруженности. В связи с этим в апреле 1928 г. для разгрузки Томской государственной нотариальной конторы дополнительно открывалась Анжеро-Судженская государственная нотариальная контора, которую возглавил нотариус Иван Юрьевич Дзенис [Там же. Л. 20].

Штат Томской окружной государственной нотариальной конторы в 1927 г. включал трех человек: нотариуса, машинистку и делопроизводителя. Народные суды, райисполкомы и сельсоветы продолжали оставаться низовыми органами по выполнению нотариальной функции.

Рассматривая организационно-структурные и функциональные изменения томского нотариата, важно обратить внимание на такие показатели, как доходность и финансирование томских государственных нотариальных контор. Томский нотариат в 1918–1927 гг. считался «доходным» государственным органом. Основную долю доходности нотариальной работы определяла проводимая государством новая экономическая политика, которая способствовала росту томской тор-

говли. Так, в конце июня 1921 г. Томским Губисполкомом издано постановление о разрешении мелкой частной торговли, и жизнь в городе забурлила, ожил центральный базар, цены на продовольственные товары стали быстро падать, на промышленные же товары, наоборот, – расти. По данным городской переписи 1923 г., в Томске действовало 837 торговых заведений, в уезде в тот же год было зарегистрировано 885 магазинов и лавок. Часть их принадлежала государству, кооперативам, но в подавляющем большинстве – 80% – томская торговля имела характер именно частного предпринимательства [47. С. 318–319]. Взимаемые сборы и надбавки с 1922 г. делали нотариальную работу очень прибыльной деятельностью и выгодной для местного бюджета. В связи с этим уже со второй половины 1920-х гг., в условиях ужесточения финансовой дисциплины, со стороны Народного комиссариата юстиции РСФСР и Наркомата финансов РСФСР вопросу о правильном и целесообразном ассигновании и расходовании нотариальных средств было уделено самое пристальное внимание.

В свою очередь, финансирование деятельности самих государственных нотариальных контор было незначительным и в режиме постоянной экономии. Еще в апреле 1927 г., согласно ст. 101 Положения о Госнотариате 1926 г., Томская госнотконтора перешла на бюджетное финансирование за счет спецсредств НКЮ РСФСР, образующихся из сборов за нотариальные действия и техническую работу и сдаваемых на хранение в кассу окружного финансового отдела. Другими словами, госнотконтора могла производить расход только в том случае, если он покрывался поступившими сборами. О произведенных расходах и поступивших сборах госнотконтора ежемесячно отчитывалась перед НКЮ РСФСР, окружным судом и Финконтролем. Режим жесткой экономии средств в вопросе финансирования на содержание нотариальных органов был отражен в инструктивных письмах вышестоящих органов, а также в переписке между Томской госнотконторой и подотчетными низовыми звеньями в области нотариата. Например, нотариус Г.Г. Синицын сообщал нарсудьям Томского округа 3 декабря 1927 г.: «Ввиду общего сокращения ассигнований на содержание нотучреждений вам надлежит до минимума сократить почтово-телеграфные и канцелярские расходы, не выходя в текущем бюджетном году за пределы ассигнованной суммы, указанной выше, имея в виду, что дополнительные ассигнования на этот предмет будут допускаться только в исключительных случаях, при учете количества нотариальной работы у вас» [48. Л. 30].

Таким образом, 1917–1927 гг. в России связаны не только с установлением и укреплением советской власти, сопровождающемся социально-классовым противостоянием, экономическим упадком и последующим

восстановлением в большинстве отраслях народного хозяйства, но и определением дальнейшего вектора развития страны, масштабной реорганизацией системы государственного аппарата, определением роли и направления деятельности государственных органов, прокуратуры, суда и нотариата для достижения поставленных руководством страны задач.

Реформирование и развитие института нотариата на томской земле проходили по своему особому сценарию, на них оказали влияние политические и социально-классовые события, действующее законодательство, экономическое развитие в регионе, а также проводимая в рассматриваемый период административно-территориальная реформа в Сибири и последующие организационно-структурные изменения. Томский нотариат в указанный период претерпел значительные изменения: от отказа от дореволюционного института нотариата, «размытия» нотариальной функции до определения места и направления нотариальной деятельности. Несмотря на принятые положения о государственном нотариате 1922, 1923, 1926 гг., организационная структура и подведомственность нотариальных органов окончательно не были закреплены и продолжали изменяться на протяжении всего советского периода, от подчинения органам исполнительной власти до принадлежности к системе юстиции и судов. Нотариальная функция в Томском регионе в 1917–1927 гг. разделялась между Томской государственной нотариальной конторой, государственными конторами уездных городов (районов), судебными органами в лице нарсудов и низовыми государственными органами – райисполкомами и сельсоветами.

Стремление политической управленческой элиты к отказу от буржуазного наследия и упрощению общественных отношений в 1917 – первой половине 1921 г. путем национализации крупной и средней промышленности, государственного контроля мелкой промышленности, сокращения денежного оборота, отмены частной торговли хлебом и другими продуктами первой необходимости привело к усечению нотариальной функции. Однако сохранившиеся незначительный гражданский оборот и товарно-денежные отношения в первое десятилетие советской власти отразили всю важность существования нотариальной работы и профессиональную компетентность нотариусов, а также подтвержденную прибыльность для государства деятельности государственных нотариальных контор. Несмотря на постоянные организационно-структурные изменения и существующие трудности (отсутствие должного финансирования, загруженность работой нотариусов и т.д.), томский нотариат занял свою нишу в системе государственных органов и продолжил функционирование на качественно новых – государственных – началах.

Примечания

¹ Поселок Кольчугино 10 июля 1922 г. был переименован в п. Ленино, с 6 июня 1925 г. преобразован в город Ленинск-Кузнецкий, а Кольчугинская нотариальная контора была переименована в Ленинскую [9. С. 164–165].

² В 1924 г. Кузнецкий и Щегловский уезды были объединены в Кольчугинский уезд. В 1925 г. в результате административно-территориального деления с образованием округов Кольчугинский уезд, который включал в себя Ленинский район, выделился из состава Томской губернии и вошел в состав Кузнецкого округа. В связи с этим в 1924–1925 гг. Щегловская, Ленинская и Кузнецкая нотариальные конторы вышли из ведения Томского округа.

Список источников

1. Васильев А.А. История нотариата на Алтае / Федеральная нотариальная палата, Алтайская краевая нотариальная палата. Барнаул : Колибри, 2017. 187 с.
2. Жулаева А.С., Карчаева Т.Г., Немтушкина М.А., Северьянов М.Д. Нотариат Красноярского края: история и современность / Федеральная нотариальная палата, Нотариальная палата Красноярского края. Красноярск : Класс Плюс, 2018. 287 с.
3. Жулаева А.С., Карчаева Т.Г., Северьянов М.Д. История нотариата Приенисейской Сибири (XVIII–XX вв.). Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. 262 с.
4. Карчаева Т.Г. Организация нотариального дела в Сибири до 1896 г.: на материалах Енисейской губернии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1 (73). С. 39–45.
5. Карчаева Т.Г., Северьянов М.Д., Жулаева А.С., Задорин А.В. Нотариат Республики Хакасия: история и современность / Федеральная нотариальная палата, Нотариальная палата Республики Хакасия. Абакан : Добромир, 2020. 247 с.
6. Карчаева Т.Г., Доржу З.Ю., Северьянов М.Д., Седен А.В. История нотариального дела на территории Тувы: от нойонов и старших выборных до Первой Кызылской нотариальной конторы (1914–1940-е гг.) // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 1. С. 51–62.
7. Румянцев П.П., Румянцева Е.Н., Сорокин А.Н. История нотариата на Томской земле. Томск, 2021. 290 с.
8. Томская область : путеводитель с картами / сост. А. Юдин; вып. ред.: К. Павлов, В. Петров. 1-е изд. М., 2001. 219 с.
9. Административно-территориальное деление Сибири (август 1920 г. – июль 1930 г.), Западной Сибири (июль 1930 г. – сентябрь 1937 г.), Новосибирской области (с сентября 1937 г.) : справочник / сост. И.Ф. Астраханцева, А.А. Дудолова, М.И. Тимошенко; Архивный отд. Новосиб. обл.исполкома, Гос. архив Новосиб. обл. Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. 220 с.
10. Высочайше утвержденное Положение о нотариальной части (14 апреля 1866 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1868. Т. XLI, отд. 1-е: 1866 г. С. 357–358. № 43186.
11. Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. № 1 / СНК РСФСР // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1917. № 4. Ст. 50.
12. Декрет о запрещении сделок с недвижимостью от 14 декабря 1917 г. / СНК РСФСР // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 154.
13. Декрет о суде от 15 февраля 1918 г. № 2 / СНК РСФСР // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 347.
14. Систематический сборник важнейших декретов. 1917–1920. М., 1920. 268 с.
15. Декрет об отмене наследования от 27 апреля 1918 г. / ВЦИК РСФСР // СУ РСФСР. 1918. № 34. Ст. 456.
16. Декрет о дарениях от 20 мая 1918 г. / ВЦИК и СНК РСФСР // СУ РСФСР. 1918. № 43. Ст. 525.
17. Декрет об отмене права частной собственности на недвижимость в городах от 20 августа 1918 г. / ВЦИК // СУ РСФСР. 1918. № 62. Ст. 674.
18. Зацепина С. Обратив в бумажную массу... (очерк истории советского нотариата) // Нотариальный вестник. 1999. № 5–6. С. 61–66.
19. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г. / ВЦИК РСФСР // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818.
20. Советы Томской губернии: март 1917 – май 1918 г. : сб. док. и материалов / Гос. архив Том. обл., Парт. архив Том. обкома КПСС. Томск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, Том. отд-ние, 1976. 219 с.
21. Памятная книжка Томской губернии на 1910 г. Томск, 1910. 609 с.
22. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 220. Оп. 1. Д. 108.
23. Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин ; редкол.: С.С. Букин и др. Новосибирск, 2010. Т. 3. 783 с.
24. Шамба Т.М., Кокин В.Н., Шамба Н.Т. Нотариат в Российской Федерации : учебник / под ред. Г.Г. Черемных. М. : Норма, 2010. 303 с.
25. Инструкция о порядке открытия и производства всякой торговли и правила надзора за ней : декрет СНК РСФСР от 19 июля 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 57. Ст. 356.
26. Декрет о взимании платы за засвидетельствование сделок и договоров от 12 августа 1921 г. / СНК РСФСР // СУ РСФСР. 1921. № 60. Ст. 417.
27. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 1.
28. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 7.
29. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 84.
30. Положение о государственном нотариате РСФСР от 04 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 63. Ст. 807.
31. ГАТО. Ф. Р.-117. Оп. 3. Д. 5.
32. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 47.
33. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 17.
34. Вся Сибирь : справочная и адресная книга на 1924 год : с приложением карты Азиатской части СССР и планов расположения рудников Кузнецкого бассейна и городов: Ново-Николаевска, Омска, Читы и Благовещенска. Л., 1925. 606 с.
35. Вся Сибирь со включением Уральской области : справочная и адресная книга на 1925/26 г. : с приложением карты Азиатской части СССР и планов городов: Новониколаевска, Омска, Томска, Барнаула, Красноярска, Иркутска, Читы, Благовещенска, Владивостока и Свердловска. М., 1925. 607 с.
36. ГАТО. Ф. Р.-117. Оп. 3. Д. 1.
37. ГАТО. Ф. Р.-117. Оп. 3. Д. 6.
38. ГАТО. Ф. Р.-117. Оп. 3. Д. 5.
39. Положение о государственном нотариате РСФСР от 24 августа 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 75. Ст. 726.
40. Об утверждении Положения о судостроительстве Сибирского края : декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 23 ноября 1925 г. // СУ РСФСР. 1925. № 82. Ст. 619.
41. ГАТО. Ф. Р.-117. Оп. 3. Д. 49.
42. Об основных принципах организации государственного нотариата : постановление ЦИК и СНК СССР от 14 мая 1926 г. // Собрание законов СССР. 1926. № 35. Ст. 252.
43. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 121.
44. Кожевников М.В. История советского суда. 1917–1956 гг. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М. : Госюриздат, 1957. 383 с.
45. ГАТО. Ф. Р.-224. Оп. 1. Д. 43.
46. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 116.
47. Дмитриенко Н.М., Васильев Е.А., Плетнева Л.М. Томская область : исторический очерк / под ред. В.П. Зиновьева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. 656 с.
48. ГАТО. Ф. Р.-448. Оп. 1. Д. 102.

References

1. Vasiliev, A.A. (2017) *Istoriya notariata na Altae* [History of Notaries in Altai]. Barnaul: Kolibri.
2. Zhulaeva, A.S., Karchaeva, T.G., Nemtushkina, M.A. & Severyanov, M.D. (2018) *Notariat Krasnoyarskogo kraia: istoriya i sovremennost'* [Notaries of the Krasnoyarsk Territory: History and Modernity]. Krasnoyarsk: Klass Plyus.
3. Zhulaeva, A.S., Karchaeva, T.G. & Severyanov, M.D. (2019) *Istoriya notariata Prieniseyskoy Sibiri (XVIII–XX vv.)* [History of the Notaries of the Yenisei Siberia (18th – 20th Centuries)]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.

4. Karchaeva, T.G. (2018) Organization of notary business in Siberia before 1896: The Yenisei Province. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1(73). pp. 39–45. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-39-45
5. Karchaeva, T.G., Severyanov, M.D., Zhulaeva, A.S. & Zadorin, A.V. (2020) *Notariat Respubliki Khakasiya: istoriya i sovremennost'* [Notaries of the Republic of Khakassia: History and Modernity]. Abakan: Dobromir.
6. Karchaeva, T.G., Dorzhu, Z.Yu., Severyanov, M.D. & Seden, A.V. (2022) Istoriya notarial'nogo dela na territorii Tuvy: ot noyonov i starshikh vybornykh do Pervoy Kyzylskoy notarial'noy kontory (1914–1940-e gg.) [History of notarial affairs in Tuva: from Noyons and senior electives to the first notarial office of Kyzyl, 1914 to 1940s]. *Oriental Studies*. 15(1). pp. 51–62. (In Russian). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-59-1-51-62
7. Rumyantsev, P.P., Rumyantseva, E.N. & Sorokin, A.N. (2021) *Istoriya notariata na Tomskoy zemle* [The History of Notaries in Tomsk Region]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Pavlov, K. & Petrov, V. (eds) (2001) *Tomskaya oblast': putevoditel' s kartami* [Tomsk Region: A Guide with Maps]. 1st ed. Moscow: Le Pti Fyute.
9. Astrakhantseva, I.F., Dudoladov, A.A. & Timoshenko, M.I. (1966) *Administrativno-territorial'noe delenie Sibiri (avgust 1920 g. – iyul' 1930 g.), Zapadnoy Sibiri (iyul' 1930 g. – sentyabr' 1937 g.), Novosibirskoy oblasti (s sentyabrya 1937 g.)* [Administrative-territorial division of Siberia (August 1920 – July 1930), Western Siberia (July 1930 – September 1937), Novosibirsk region (since September 1937)]. Novosibirsk: Sib. kn. izd-vo.
10. Russia. (1868) Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o notarial'noy chasti (14 aprelya 1866 g.) [The highest approved Regulations on the notary part (April 14, 1866)]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Laws of the Russian Empire]. Col. 2. Vol. XLI. № 43186. St. Petersburg: Second Section of His Majesty's Own Chancery. pp. 357–358.
11. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1917a) Dekret o sude ot 24 noyabrya 1917 g. № 1 [Decree No. 1 on the Court, November 24, 1917]. In: *Sobranie uzakoneniye RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 4. Art. 50.
12. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1917b) Dekret o zapreshchenii sdelok s nedvizhimost'yu ot 14 dekabrya 1917 g. [Decree on the prohibition of real estate transactions of December 14, 1917]. In: *Sobranie uzakoneniye RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 10. Art. 154.
13. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1920) Dekret o sude ot 15 fevralya 1918 g. № 2 [Decree No. 2 on the court dated February 15, 1918]. In: *Sobranie uzakoneniye RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 26. Art. 347.
14. The Workers' and Peasants' Government. (1920) *Sistematischeskiy sbornik vazhneyshikh dekretov. 1917–1920* [Systematic Collection of the Most Important Decrees. 1917–1920]. Moscow: [s.n.].
15. All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR. (1918a) Dekret ob otmene nasledovaniya ot 27 aprelya 1918 g. [Decree on the abolition of inheritance of April 27, 1918]. In: *Sobranie uzakoneniye RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 34. Art. 456.
16. All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR. (1918) Dekret o dareniyakh ot 20 maya 1918 g. [Decree on gifts of May 20, 1918]. In: *Sobranie uzakoneniye RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 43. Art. 525.
17. All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR. (1918b) Dekret ob otmene prava chastnoy sobstvennosti na nedvizhimosti v gorodakh ot 20 avgusta 1918 g. [Decree on the abolition of the right of private ownership of real estate in cities of August 20, 1918]. In: *Sobranie uzakoneniye RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 62. Art. 674.
18. Zatsepina, S. (1999) Obrativ v bumazhnuyu massu... (ocherk istorii sovetskogo notariata) [Turning into paper pulp ... (an essay on the history of the Soviet notaries)]. *Notarial'nyy vestnik*. 5–6. pp. 61–66.
19. All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR. (1918c) Kodeks zakonov ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya, brachnom, semeynom i opekunskom prave ot 16 sentyabrya 1918 g. [Code of laws on acts of civil status, marriage, family and guardian law of September 16, 1918]. In: *Sobranie uzakoneniye RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 76–77. Art. 818.
20. CPSU. (1976) *Sovety Tomskoy gubernii: mart 1917 – may 1918 g.* [Soviets of the Tomsk province: March 1917 – May 1918]. Tomsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo.
21. Tomsk Regional Committee for the Statistics. (1910) *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1910 g.* [Reference Book of Tomsk Province for 1910]. Tomsk: Tomsk Regional Committee for the Statistics.
22. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 220. List 1. File 108.
23. Lamin, V.A. (ed.) (2010) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 vols]. Vol. 3. Novosibirsk: Ist. nasledie Sibiri.
24. Shamba, T.M., Kokin, V.N. & Shamba, N.T. (2010) *Notariat v Rossiyskoy Federatsii* [Notaries in the Russian Federation]. Moscow: Norma.
25. All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR. (1921a) Instruksiya o poryadke otkrytiya i proizvodstva vsyakoy trgovli i pravila nadzora za ney: dekret SNK RSFSR ot 19 iyulya 1921 g. [Instructions on the procedure for opening and producing any trade and the rules for supervising it: Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of July 19, 1921]. In: *Sobranie uzakoneniye RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 57. Art. 356.
26. All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR. (1921b) Dekret o vzmianii platy za zasvidetel'stvo sdelok i dogovorov ot 12 avgusta 1921 g. [Decree on the collection of fees for the certification of transactions and contracts of August 12, 1921]. In: *Sobranie uzakoneniye RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 60. Art. 417.
27. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-448. List 1. File 1.
28. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-448. List 1. File 7.
29. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-448. List 1. File 84.
30. RSFSR. (1922) Polozhenie o gosudarstvennom notariate RSFSR ot 04 oktyabrya 1922 g. [Regulations on the state notary of the RSFSR of October 4, 1922]. In: *Sobranie uzakoneniye RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 63. Art. 807.
31. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-117. List 3. File 5.
32. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-448. List 1. File 47.
33. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-448. List 1. File 17.
34. USSR Central Executive Committee. (1925a) *Vsya Sibir': spravochnaya i adresnaya kniga na 1924 god : s prilozheniem karty Aziatskoy chasti SSSR i planov raspolozheniya rudnikov Kuznetskogo basseyna i gorodov: Novo-Nikolaevska, Omska, Chity i Blagoveshchenska* [All Siberia: a reference and address book for 1924: with a map of the Asian part of the USSR and plans for the location of the mines of the Kuznetsk basin and cities: Novo-Nikolaevsk, Omsk, Chita, and Blagoveshchensk]. Leningrad: USSR Central Executive Committee.
35. USSR Central Executive Committee. (1925b) *Vsya Sibir' so vklucheniem Ural'skoy oblasti: spravochnaya i adresnaya kniga na 1925/26 g.: s prilozheniem karty Aziatskoy chasti SSSR i planov gorodov: Novonikolaevska, Omska, Tomsk, Barnaul, Krasnoyarska, Irkutsk, Chity, Blagoveshchenska, Vladivostoka i Sverdlovskaya* [All Siberia with the inclusion of the Ural region: reference and address book for 1925/26: with a map of the Asian part of the USSR and city plans: Novonikolaevsk, Omsk, Tomsk, Barnaul, Krasnoyarsk, Irkutsk, Chita, Blagoveshchensk, Vladivostok, and Sverdlovsk]. Moscow: USSR Central Executive Committee.
36. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-117. List 3. File 1.
37. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-117. List 3. File 6.
38. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-117. List 3. File 5.
39. RSFSR. (1923) Polozhenie o gosudarstvennom notariate RSFSR ot 24 avgusta 1923 g. [Regulations on the state notary of the RSFSR of August 24, 1923]. In: *Sobranie uzakoneniye RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 75. Art. 726.
40. All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR. (1925) Ob utverzhdenii Polozheniya o sudoustroystve Sibirskogo kraia: dekret VTsIK i SNK RSFSR ot 23 noyabrya 1925 g. [On the approval of the Regulations on the judiciary of the Siberian Territory: decree VTsIK and SNK RSFSR of November 23, 1925].

- Decree of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the RSFSR of November 23, 1925]. In: *Sobranie zakonov RSFSR (SU RSFSR)* [Collection of Laws of the RSFSR (SU RSFSR)]. Vol. 82. Art. 619.
41. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-117. List 3. File 49.
42. Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the USSR. (1926) *Ob osnovnykh printsipakh organizatsii gosudarstvennogo notariata : postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 14 maya 1926 g.* [On the basic principles of the organization of the state notary: resolution of the Central Executive Committee and Council of People's Commissars of the USSR of May 14, 1926]. In: *Sobranie zakonov SSSR* [The USSR Collection of Laws]. 35. Art. 252.
43. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-448. List 1. File 121.
44. Kozhevnikov, M.V. (1957) *Istoriya sovetskogo suda. 1917–1956 gg.* [History of the Soviet Court. 1917–1956]. Moscow: Gosyurizdat.
45. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-224. List 1. File 43.
46. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-448. List 1. File 116.
47. Dmitrienko, N.M., Vasiliev, E.A. & Pletneva, L.M. (1994) *Tomskaya oblast': istoricheskiy ocherk* [Tomsk Region: Historical Essay]. Tomsk: Tomsk State University.
48. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund R.-448. List 1. File 102.

Сведения об авторе:

Румянцева Екатерина Николаевна – аспирант кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: katerum3007@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Rumyantseva Ekaterina N. – Postgraduate Student of the Department of History and Documentation of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: katerum3007@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 17.06.2022; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 93 "1917/1919": 930.23: 003.034: 82.03

doi: 10.17223/19988613/78/9

Карим Идельгужин о башкирских войсках и борьбе за власть в 1917–1919 гг.

Зухра Рамилевна Сабирова¹, Гульнара Хависовна Абдрафикова²

^{1,2} *Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия*

¹ *timerbulat2009@mail.ru*

² *gulnara1273@bk.ru*

Аннотация. Исследуются история формирования российской армии в XX в. и участие в ней башкир. Проанализированы транслитерированные и переведенные с башкирского на русский язык работы общественно-политического деятеля К. Идельгужина. Они являются ярким показателем развития мысли лидеров башкирского национального движения, не эмигрировавших, а посвятивших себя служению Родине. В большинстве труды сохранились в рукописном виде, они интересны широкой аудитории как источник дополнительной информации по новейшей истории Башкирии.

Ключевые слова: война, армия, арабица, Башкирия, политика, XX век

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Государственного задания УФИЦ РАН № 075-03-2022-001 на 2022 г.

Для цитирования: Сабирова З.Р., Абдрафикова Г.Х. Карим Идельгужин о башкирских войсках и борьбе за власть в 1917–1919 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 62–72. doi: 10.17223/19988613/78/9

Original article

Karim Idelguzhin about Bashkir troops and the struggle for power in 1917–1919

Zukhra R. Sabirova¹, Gulnara Kh. Abdrafikova²

^{1,2} *Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation*

¹ *timerbulat2009@mail.ru*

² *gulnara1273@bk.ru*

Abstract. The article is devoted to the Russian army in the twentieth century and the participation of the Bashkir component in it. It analyzes the materials of the famous public and political figure Karim Idelguzhin, extracted from the collections of two archives and National library of the Republic of Bashkortostan, transliterated from Arabic and translated from Bashkir into Russian. His works are a vivid indicator of social and political thought of the Bashkir national movement leaders, who did not emigrate after the Civil war, but devoted themselves to serving the Motherland here. Idelguzhin Karim Abdulloevich (1895-1937), was taught in known throughout the Asian part of Russia madrasah "Galiya", served in the Russian army and participated in the First world war, then as a non-commissioned officer and scrivener in the Bashkir cavalry regiment, member of the republican newspapers, Bashkir revolutionary committee's commissioner, military Commissioner of the cantons, the People's Commissar of education of the Bashkir ASSR, Deputy Director of the pedagogical Institute. Most of his works remained unpublished, preserved in manuscript form, interesting to a wide audience as a source of additional information about one of the most difficult periods in the history of our state. Three of them - "Remembrance – Participation of Bashkirs on Aktobe front (1919)" - 12 pages of Arabic script, written in 1929; "Remembrance of formation of Bashkir units of the Red Army. 1919" - (in bash.) 23 pages of Arabic script; "Organization of Bashkir autonomy and transition to the Soviets side" (in bash.) - are devoted to a specific topic. They have great accuracy in the information presented and the description of the events described, are not subject to political conjuncture, are not cleaned out by literary editors, are not touched by censorship. Despite some progress on the issue of the problem in the Central and regional historiography, but none of them were devoted to or reviewed by K. A. Idelguzhin. The authors believe that this is due to the inaccessibility of materials to a wide audience of researchers, as well as their safety in Arabica. Comparative and contrastive analysis of K. A. Idelguzhin's article showed that he admitted a number of inaccuracies in facts. It does not deviate from then established and now accepted by the majority of authors interpretation of them as direct links in the chain of Bashkir's movement to autonomy. At the same time, the decision to move, like all other socio-political movements of Bashkirs, was not the intention of the leaders, and was based on the opinion of the population, and in this case – the Bashkir army. K. Idelguzhin draws the attention to the fact that initially the transience of events and

sharp changeability of reality is not given even the opportunity to the Bashkirs to realize them, then - as the leaders of the movement and the population supported them, have become wary, their actions become thoughtful, but always purposeful.

Keywords: war, army, Arabica, Bashkiria, politics, XX century

For citation: Sabirova, Z.R., Abdrafikova, G.Kh. (2022) Karim Idelguzhin about Bashkir troops and the struggle for power in 1917–1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 62–72. doi: 10.17223/19988613/78/9

Фонд № 1832 (Истпарт) Национального архива Республики Башкортостан содержит, кроме прочего, интересные материалы об общественных и государственных деятелях, которые участвовали в процессе формирования армии в первой трети XX в., имели отношение к ее кадровой политике, материальному обеспечению или являлись ее частью и оставили после себя воспоминания. Необходимо отметить, что мемуаристика первой трети XX в. стоит особняком по отношению к развившейся позже, в течение XX в., а также современной. Написанные «по горячим следам» воспоминания имеют большую точность в преподносимых сведениях и характеристике описываемых событий, так как еще не были подвержены политической конъюнктуре, не вычищены литературными редакторами, не тронуты цензурой. Важное место среди мемуаров занимают те, которые так и остались неизданными, сохранились в рукописном виде.

Несколько юбилейных дат судьбоносных событий 100-летней давности, связанных между собой, – революций начала XX в., Гражданской войны, Первой мировой войны – обращают внимание исследователей к истории рождения Вооруженных Сил Российской Федерации, не единожды сменивших название, но сохранивших и продолжающих сохранять престиж человека в военной форме. Все эти события интересны тем, что в них армия явилась одним из участников. Если в революции 1905 г., на первый взгляд, она осталась как бы в стороне, занятая русско-японской войной, то ко времени революций 1917 г., Гражданской войны и Первой мировой войны брожение в ее рядах выросло, она стала зеркалом политического раскола общества.

История армии и флота, их развития, реформирования всегда находилась в поле зрения как отечественных, так и зарубежных исследователей. Дореволюционным и советским отечественным работам был характерен патриотический уклон – это в основном публикации о полководцах и военачальниках. Применительно к историческому периоду до начала XX в. справедливо, на наш взгляд, мало внимания уделялось роли армии в экономике, обществе и его внутренней жизни. Вектор «государство–армия–экономика» в эти времена носил опосредованный характер, чего нельзя сказать о начале XX в., когда армия сыграла яркую роль и в политике, и в экономике.

В последнее десятилетие интерес к военной тематике возрос, изменился характер исследований. Использование комплексного подхода позволило раскрыть различные аспекты военной субкультуры в рамках истории повседневности [1], гендерной истории [2], истории российской армии в зарубежной историографии. Историками, в частности, отмечена большая исследовательская важность зарубежных работ, которые

убедительно доказывают влияние военных элементов на экономическую, социальную и политическую жизнь дореволюционной России, в то время как отечественная историография отстала в освещении комплекса проблем «армия, государство и общество» [1. С. 43; 3].

Какой бы пестрой ни была Красная Армия в момент своего создания, башкирские военные части выделялись в ее рядах. Во-первых, они родились в период Гражданской войны, когда местная политическая элита вывела на первый план задачу формирования боеспособных вооруженных сил, способных обеспечить защиту молодых республик. Как пишет Р.С. Таймасов, «такой подход современная политология объясняет тем, что власть, опираясь на армию, может обойтись без других государственных учреждений, ибо она является сильным психологическим фактором гарантирующего неприкосновенность порядка» [4. С. 5]. Во-вторых, сразу после создания эти части развивали свой опыт, выправку, взаимовыручку и доверие на практике – в борьбе с большевиками, первоначально принявшими их однозначно отрицательно, в войне против бывших союзников по лагерю, препятствовавших национально-государственному строительству республики. В-третьих, «в результате перехода политического руководства республики и национальных частей на сторону большевиков Башкирская республика стала первым и единственным субъектом РСФСР, созданным на основе двухстороннего договора (остальные автономные республики были образованы декретами СНК)» [Там же. С. 6]. Вполне можно согласиться с Р.С. Таймасовым, что эти факты оказали сильное влияние на характер и содержание Гражданской войны в Урало-Поволжском регионе, а также на государственно-правовое развитие РСФСР в эти годы. Именно поэтому интересно увидеть развитие национальных частей изнутри, проследить их судьбу в данный неординарный период.

За всю историю Вооруженных Сил России вышло достаточно литературы, как региональной, отечественной, так и зарубежной, затронувшей в той или иной степени и период существования национальных формирований. Однако единственной работой, представившей подробный историографический обзор этой проблемы, является монография уже упомянутого Р.С. Таймасова, вышедшая в 2009 г. Она явилась первой книгой, охватившей хронологические рамки 1918 – начала 1919 г., когда армейские формирования и добровольческие отряды башкир, организованные в военное-государственное объединение Башкирское войско, сражались на стороне антибольшевистского лагеря. Автор также прослеживает предысторию создания башкирской национальной армии, основные этапы ее становления. Однако среди названных им работ мы не

встретили ни одной книги или статьи Карима Идельгужина.

А.Ш. Ярмуллин, обратившийся к следующему периоду истории национального военного формирования – процессу вливания башкирских национальных частей в Красную Армию, и опубликовавший научно-популярную книгу «Из истории башкирской армии» (на башкирском языке) [5], оставил историографический анализ за рамками своего исследования. И несмотря на то, что он обращается к мемуаристике, в его работе мы также не находим упоминания наследия Карима Абдулхаковича Идельгужина. В публикации Р.О. Багаутдинова «Участие башкир в Белом движении (1917–1920 гг.)» есть лишь упоминание уже известной работы К.А. Идельгужина «Башкирское движение в 1917–1918–1919 годах» [6]. К слову сказать, эта работа в свое время была опубликована дважды, в Уфе и Москве. Оба варианта вышли на башкирском языке, в арабской графике. Перевод монографии на русский язык все еще не осуществлен, а его транслитерация на башкирский язык вышла в журнале «Агидель» не полностью [7].

Последней работой, посвященной этой теме, стал раздел А.Г. Салихова и З.Р. Сабировой в коллективной монографии «1917: исторические судьбы народов Евразии» [8], при написании которого авторы опирались на сугубо документальный материал.

Заметим, что работы К.А. Идельгужина, основная часть которых не опубликована, написаны в своем большинстве арабской вязью и требуют времени для транслитерации и перевода. Именно эту задачу мы поставили перед собой и решили – транслитерировали, перевели на русский язык и вводим в научный оборот.

Карим Абдуллович Идельгужин, видный общественно-политический деятель, журналист, историк, родился 2 октября 1895 г. в крестьянской семье в д. Мрясово Кыпчакской волости Оренбургской губернии (ныне Новосергиевский район Оренбургской области). В 1912–1914 гг. он учился в медресе «Галия», далее работал преподавателем. В 1914–1917 гг. служил в русской армии, участвовал в Первой мировой войне. Февральская революция застала его на Западном фронте. Среди товарищей по оружию он пользовался авторитетом, был избран членом армейского комитета [9. С. 135]. Он возвращается в родную деревню и принимается за политико-просветительскую деятельность, организывает советы в Ток-Чуранской волости, работает военным комиссаром волости. Летом 1918 г. с. Мрясово занимают дутовцы. Они арестовывают К. Идельгужина, но вскоре освобождают по настоянию члена Башкирского правительства С. Мрясова, который и предложил ему вступить в Башкирское войско [Там же]. Здесь в 1918–1919 гг. он служил в звании унтер-офицера. С октября 1918 г. был писарем штаба 2-го Башкирского кавалерийского полка им. Г.С. Идельбаева. В это же время являлся сотрудником газеты «Башкортостан хэбэрлэре».

С апреля 1919 г. Карим Абдуллович был уполномоченным Башревкома в 20-й Пензенской стрелковой дивизии 1-й Армии РККА. После подписания «Соглашения Центральной Советской власти с Башкирским

Правительством о Советской Автономной Башкирии» была образована Автономная Башкирская Советская республика, созданы местные кантревкомы. В период перехода Башкирского правительства на сторону советской власти К.А. Идельгужину было поручено вести агитационно-разъяснительную работу среди солдат. Под его руководством в феврале 1919 г. на сторону советов переходит 4-й Башкирский полк [10. Л. 10]. В эти годы Карим Абдуллович вступает в ряды РКП(б). Его назначают военным комиссаром Тамьян-Катайского кантона [11]. Это был один из тяжелейших периодов в истории края и государства: множество партий, общественных и политических течений, отсутствие доверия друг к другу, интриги и подковерные игры, метания из одного лагеря в другой, накаленная психологическая обстановка. В такой ситуации необходимо было, сохраняя терпение и мужество, продолжать строительство нового государства [12]. Поэтому, на наш взгляд, этот период жизни и деятельности К. Идельгужина – в сердце гражданской войны – пока недооценен.

С 1920 по 1925 г. он «поднял» три кантона. Много сделал для преодоления последствий голода и разрухи, борьбы с неграмотностью, становления местных органов власти, привлечения граждан к строительству нового государства. В последующие годы, где бы он ни работал, его всегда задействовали в различных государственных комиссиях по проблемам развития языка, образования и т.д. Развернувшаяся в это время в стране «культурная революция» [13, 14] застает Карима Абдулловича на ответственной работе. В 1928 г. он становится народным комиссаром просвещения Башкирской АССР, избирается в состав БашЦИК I–IV созывов (сессии созывались не реже 3 раз в период между очередными съездами). В постановлении II сессии VII созыва от 8 января 1930 г. по докладу К.А. Идельгужина «О ближайших задачах народного образования Башкирии» раскрыта широкая программа реформирования культурной и образовательной сфер, направленная на «необходимость решительного повышения культурного уровня населения города и деревни, развитие национальных культур народностей СССР» и увязывавшая «план культурного строительства с индустриализацией страны как неотъемлемой частью общего плана социалистического строительства».

На протяжении своей жизни, где бы он ни работал, К.А. Идельгужин собирал различные материалы по истории края, что характеризовало его как истинного исследователя. В 1935 г. на Карима Абдулловича был написан донос, за сокрытие факта службы в царской армии его исключили из партии. В 1937 г., как и многие, он был расстрелян. Но остались его интереснейшие труды.

Долгое время региональная историография освещала только одну его книгу, опубликованную в Москве на арабской вязи – «Башкирское движение в 1917–1918–1919 годах». Но благодаря изучению архивов сегодня мы можем говорить и о его работах, посвященных истории национальных формирований на Урале.

Так, в фонде № 1832 (Истпарт) Национального архива Республики Башкортостан содержится документ 314 – не опубликованная на русском языке руко-

пись его книги «Воспоминание – Участие башкир на Актюбинском фронте (1919 г.)» – 12 страниц арабской вязи, написанная в 1929 г.

Документ 215 представляет нам рукопись его книги «Воспоминание о формировании башкирских частей Красной Армии. 1919 год» (на башкирском языке, 23 страницы арабской вязи).

В отличие от современных монографий, книги того периода имели гораздо меньший объем. Свою роль здесь играет также и арабская вязь. Но структурно, а также объемом информации они не уступают современным.

Прежде чем перейти непосредственно к тексту, заметим, что в данной статье в силу ограниченности объема мы представим текст только одной работы – «Башкортостан автономияһын ойштороу һәм совет яғына сығыу кәндәре»¹, которая как бы предваряет содержание двух других вышеуказанных работ.

Лаконичной и точной является характеристика этого периода Гражданской войны, данная Р.О. Багаутдиновым: «Гражданская война и военная интервенция в России (1917–1922 гг.) – одно из наиболее ярких и в то же время драматических периодов в истории нашего Отечества. Вооруженные столкновения между отдельными отрядами оппозиции и Красной Армией в конце 1917 г. переросли в мае 1918 г. в широкомасштабные военные действия регулярных армий, охватившие всю огромную территорию нашей страны... По своему социальному составу противоборствующие силы включали представителей всех сословий и народностей Российской империи, в числе которых оказались и башкиры. Следует отметить, что участие башкир в белом движении и на стороне Красной Армии неоднозначно оценивалось исследователями...» [6. С. 4].

Заметим, что в отличие от Заки Валидова² и Мусы Муртазина³, выступавших всегда с позиции «мы не красные и не белые, мы – башкиры...», Карим Идельгужин демонстрирует иную позицию в трактовке некоторых моментов. К примеру, причины открытого антисоветского военного сопротивления башкир он относит к лжеагитации Колчака и Дутова против лидеров башкирского национального движения и их решения о переходе на сторону советской власти⁴. Настолько ли податливым было население легкой агитации, вызывает сомнения. Правильнее нам кажется позиция о «многих недоразумениях, бытовавших в это время на Урале, приведших к сильному брожению в сознании народов, его населяющих».

Во-вторых, он пишет, что башкирская армия изначально была собрана из антисоветски настроенных добровольцев, в то время как мы знаем, что на территории Урала была объявлена мобилизация башкирского населения в армию.

В-третьих, ошибку автор статьи допускает и в вопросе об отказе перейти на сторону советской власти двух башкирских батальонов. На самом же деле уже после перехода на сторону красных между советским и башкирским командованием возникли трения. Как пишет М.Л. Муртазин, «некоторые из лиц командно-политического состава этой армии не считались с соглашением, достигнутым представителями Башкирского правительства с командованием V армии, и стали по

отношению к башкирам и их представителям проводить политику недоверия и подозрения, приведшую в конечном результате к репрессиям против мирного башкирского населения» [18. С. 67]. Затем был отдан приказ о роспуске командного состава башкирских войск, насильственном разоружении. О том, как много усилий было приложено Башкирским правительством для урегулирования этого вопроса и удержания в спокойствии военных башкирских формирований и населения, подробно написано в работе «Создание и история башкирской армии после Революции 1917 года» [8]. Как бы то ни было, именно в этот момент два батальона 1-го стрелкового полка перешли на сторону белых, а 1-й кавалерийский полк, руководимый М.Л. Муртазиным, категорически отказался сдать оружие, но линию фронта не покинул.

Однако, несмотря на возможное давление, оказываемое на Карима Абдуллоевича в период написания этой статьи, и на его, мягко говоря, негативную терминологию по отношению к интеллигентам, он все же не смог отказаться от основных постулатов башкирского национального движения, что позже стало причиной критики со стороны советских идеологов, прямо обвинявших его в контрреволюционной деятельности [19. С. 15].

Итак, статья К.А. Идельгузина раскрывает нам иной взгляд на события, происшедшие в период Гражданской войны. Он не отступает от утвердившейся тогда и принятой теперь большинством авторов трактовки их как непосредственных звеньев в цепи движения башкирского народа к автономии. С этим связано его стремление «осветить начало образования Башкирской автономии» прежде, чем приступить к вопросу о процессе перехода башкир на сторону советской власти, его предпосылках и причинах. Но вместе с этим автор стоит на позиции, что решение о переходе, как и все остальные общественно-политические движения башкир, не было замыслом лидеров, а базировалось на учете мнения населения, в данном случае – башкирского воинства. К. Идельгужин обращает внимание читателя и на то, что поначалу скоротечность событий и резкая переменчивость реалий даже не давали возможности башкирам осознать их, далее же как лидеры движения, так и население, их поддерживавшее, стали осмыслительнее, действия их стали продуманными, но всегда целенаправленными. Есть и другой момент в этой статье: как бы ни заметны были негативные инсинуации Карима Абдулхаковича в отношении Заки Валидова, все же статья обращает наше внимание на демократичность и либерализм многих поступков этого политического деятеля. В целом необходимо отметить, что статья дает лаконичную, четкую картину событий гражданской войны на Урале, что важно для тех, кто изучает этот сложный период в истории России.

Если углубиться в остальные работы К. Идельгузина, особенно в ссылки на слова политических деятелей, которые он включает в текст, то становится понятным, что во многих них налицо совсем не политические метания автора или смена его политических позиций. Он как бы напоминает им, что слова не должны расходиться с делом.

Напоследок хотелось бы отметить, что ввод таких работ в научный оборот – это тоже своего рода реабилитация их авторов.

Перейдем непосредственно к тексту.

Организация Башкирской автономии и переход на сторону советов

Чтобы точнее раскрыть для читателей вопрос, перед непосредственным описанием дней перехода башкирского народа на сторону советских войск я счел необходимым осветить начало образования Башкирской автономии.

В 1917 г., после свержения Российской монархии, в период, когда живущая в ней рабочая масса устремилась на площадь борьбы за свободу, дворяне, чтобы не упустить своей власти, предпринимают всякие действия для усиления контрреволюции, пуская в ход свое золото-серебро, крича «караул».

За это взялась и мусульманская буржуазия. Объединяя весь тюркский мир под флагом великого ислама, [она] старалась отвлечь рабочих от их классовых интересов.

Первый Мусульманский съезд⁵ был прямой калькой Уфимского Национального меджлиса⁶ и других подобных национальных и военных собраний. Когда дело дошло до организации автономии Башкортостана, этот меджлис не нашел общего языка ни с одним из них и заметался из стороны в сторону.

На московском съезде, создав отдельную фракцию, башкирские представители заявили: «Башкиры – отдельная нация, природными богатствами, землей и водой, лесом, нравами-традициями отличается от других народов. Поэтому башкирский народ должен создать отдельное государство с независимым национальным и местным самоуправлением».

По возвращении с московского съезда башкирские представители во главе с Сагитом Мирасовым⁷ и Заки Валидовым совместными усилиями создали Временное башкирское бюро.

Работа бюро состояла в скорейшей подготовке организации автономии в районах проживания башкир, подготовке к съезду, направлении агитаторов, сборе денег, в разъяснении значения территориальной автономии.

Среди башкир началось очень быстрое сплачивание вокруг идеи достижения автономии. Поначалу среди мулл, кулаков, интеллигентов родилась идея взять дело в свои руки и вернуться к кантонам.

Во-первых, некоторые башкиры, не видели необходимости отделения башкир от татар, говорили, это невозможно. Во-вторых, татарская печать открыла жесткую кампанию против Башкирской автономии.

«Башкирская автономия – это утопия. Необходимо объединение наций», – говорили газеты предателя-социалиста Гаяза «Иль», листовка Фоата «Королтай», издаваемая под руководством миллионера Рамиева газета Фатиха Каримова «Вақыт», уфимского капиталиста Габидуллы Гусманова «Тормош» и другие, вторившие им, проводившие антиагитацию башкирской автономии; такое отношение к башкирам открыто из-

лагалось в исторических документах татарских националистов и татарской буржуазии.

Временное башкирское бюро, несмотря ни на что, самостоятельно продолжало подготовительные работы, организуя районные советы (шуры) в Оренбургской, Самарской, Пермской, Уфимской губерниях.

Первый башкирский съезд

19 июля по окончании предварительной подготовки Временное бюро созвало Первый башкирский съезд. В работе съезда участвовали 70 представителей Оренбургской, Самарской, Пермской и Уфимской губерний. По своему составу участники были: 95% деревенские муллы и муэдзины, интеллигенция, а также небольшое число вернувшихся с фронта солдат.

Съезд рассматривал следующие вопросы: 1) доклад Временного башкирского бюро; 2) управление Башкортостаном; 3) духовное управление; 4) войсковые части; 5) отношение к войне; 6) женский вопрос.

Работа съезда продолжалась в горячих спорах 5 дней; на каждый вопрос были подготовлены отдельные постановления. Но чтобы долго не задерживаться на этом, несмотря на то что все полные документы имеются у меня на руках, я рассматриваю только отдельные пункты.

Об управлении Башкортостаном: «Настоящая родина башкир, Урал, испокон веков кормил и растил башкира. Башкир, воспевая в своей литературе и письменности духовную и материальную красоту земли, будь то до вступления в состав России или же, полусвободный, уже после вступления в ее состав и до времени усиления колонизации в середине XVIII в., никогда не забывал цену вольной жизни на родной земле.

И теперь, в свободной России, эта земля должна выйти из-под опеки других национальностей. Освободившись от экономического, политического и культурного гнета, но сохранив единое со средними тюрками национальное пространство, его [башкира] Родина обязательно придет к прогрессу, став полноправным хозяином земли, на которой [он] родился, и [потому он] призывает к завоеванию национальной, политической автономии».

На этой основе [съезд] находит необходимым организацию для башкир отдельного государственного суверенитета: поручает Центральному Совету найти необходимые материалы и начать работу в этом направлении.

О духовном самоуправлении. Башкиры отличаются от соседствующих с ними мусульман языком, обычаями. Имея много природных богатств, они не получают достаточной выгоды от налогов, уплачиваемых в земство.

Тесное соседство с другими народами не позволяет им [башкирам] развивать свои национальные и скотоводческие интересы в той степени, в какой их развивают соседи. Поэтому при разделении волостей на отдельные районные земства соединение [башкир] с немусульманским [населением внутри района] [сведет] работу мусульман на нет. Значит, надо стараться в каждой конкретной волости и отдельном районе проводить отдельную работу (кратко).

О Военных формированиях. [В этом вопросе съезд] присоединяется к решениям Казанского мусульман-

ского военного солдатского съезда и находит необходимым создание у башкир отдельных национальных полков.

Решение по войне. Война, начатая из-за жадности старой власти, приносит народу только вред, при этом никто по счетам не платит, поэтому [съезд] находит необходимым скорейшее ее прекращение.

О женщине. Дать женщинам право участвовать в выборах и быть избранными, содействовать обучению их грамоте.

Об отношении к национальной собственности. Испокон веков собранный в разных государственных органах запасной капитал и другие башкирские суммы [налогов, собранных на территории проживания башкир] срочно возвратить башкирскому народу, национальная собственность башкир должна быть подсчитана.

Избрать из 13 человек Центральную Шуру. Были избраны: 1. Гариф Мутин, 2. Шариф Манатов, 3. Сагит Мирасов, 4. Илдархан Мутин, 5. Усман Куватов.

Участники съезда и выдвинутые решения определили направление работы Центральной Шуры. Вопросы рассматривались только с точки зрения национальности и мусульманства; то, какой дорогой идет российский пролетариат как сильнейший помощник рабоче-крестьянской массы в революционную пору, и силы политических партий не рассматривались.

Чтобы усилить работу в этом направлении, в Уфе готовится Второй съезд башкир.

Второй Башкирский съезд

Второй Башкирский съезд был созван 25 августа в Уфе. Обсуждаемые вопросы те же. Были рассмотрены: 1) доклад о работе Центральной Шуры; 2) выборы в Учредительное собрание; 3) конкретное определение управления Башкортостаном. Отношение к этим вопросам выражено было такое же, что и на первом съезде, поэтому останавливаться не буду.

Избрав в Центральную Шуру снова 12 человек, [съезд] рекомендовал нижеследующее: 1) председателем в Центральный совет – Шариф Манатов; 2) заместитель – Заки Валидов; 3) писатель Шейхзада Бабич; 4) по финансам – Мухаммат Давлетшин (мулла).

В Уфе работу Центральной Шуры теперь ведет секретарь Фатхи Ахмадуллин. В Челябинске Нури Тагиров. По делам земли и скотоводства избран Салах Азнаголов, по статистике – Муса Смаков.

Избранной Центральной Шуре поручаются призывы, организация работы, лоббирование в Учредительное собрание кандидатов из башкир, укрепление местных советов, организация советов района.

В некоторых местах, где не образовались советы, указано было поторопиться, приложить все усилия к их организации. Даже в письменном обращении Центральной Шуры было записано: «До начала ноября районы, где не закончена организация советов, будут считаться не присоединившимися к идее территориальной автономии». В это время самая важная работа Шуры: провести выборы и утвердить участников Учредительного собрания, с их помощью ратифицировать Башкирскую автономию Учредительным собранием, сохранить ее – с этим были связаны все надежды (результаты выборов опускаю).

Объявление Башкирской автономии

Когда благодаря Центральной Шуре стала явной некоторая подготовленность в башкирских районах, а власть в центральных городах России [в этот момент] перешла в руки большевиков, и малым народам было распространено письменное обращение «Всем малым народам на своей земле свободу, и, если захотят, отдельное государство», тогда [в ответ на это] на Учредительном собрании дети помещиков, попов, мулл похоронили идею ратификации автономии Башкортостана Учредительным собранием. Так же и «ворчание» татарской буржуазии о том, что «просить [автономию] пока рано, отделяться от мусульман нельзя», кануло в небытие.

В это время Башкирская Центральная Шура, напрямую, никого не спрашивая, 15 ноября⁸ объявляет Башкирскую автономию.

От имени Центральной Шуры в разные города, а также таковое и Ленину, отправляются телеграммы. Но задержанная на телеграфе телеграмма Ленину не отправляется.

Эта весть, попав в Оренбургские национальные органы, приводит к новой «грызне». Стали распространяться слухи, что «Башкиры пошли на сговор с большевиками».

Об этом в одной из Оренбургских газет было напечатано заявление оренбургского губернского комиссара Н.В. Архангельского⁹ (в номере за 21 ноября): «Председатель Центральной Шуры Шариф Манатов объявил в Уфимской, Оренбургской, Самарской, Пермской губерниях башкирские районы частью Российского государства. Об этом он в разные стороны отправил телеграммы. Я объявляю оренбургскому народу: Оренбургское мусульманство не имеет отношения к тому, что сделала Центральная Башкирская Шура; мусульманский и областной совет и Военный комитет к объявлению территориальной автономии не присоединяются. Об этом мне сообщили члены Областного национального совета и Военного комитета, таким образом, мусульманский отдел Оренбурга и их руководство, Областной национальный совет отрицательно смотрят на отношения их с Лениным и ведение дел Губернским отделом отдельно от государства. Оренбургский губернский комиссар Архангельский».

Центральная Шура по объявлению башкирской автономии поняла поспешность участия башкир в Учредительном собрании и приняла решение в декабре собрать Курултай [Общенародный совет].

Первый Башкирский Курултай

8 декабря 1917 г. (по старому стилю) в Оренбурге был созван Первый башкирский Курултай. На Курултае собрались представители башкирских районов Оренбургской, Самарской, Уфимской, Пермской губерний.

Со времени стихийного национального башкирского движения вошедшие в состав шуры разных волостей и районов муллы, муэдзины, сыны кулаков явились представителями на Курултай.

Несмотря на то, что в Башкортостане проживало много русских, от них явились только 15 представителей, другие не прибыли. Только от оренбургских та-

тарских объединений бродили ставленники Временного правительства.

На Курултае были рассмотрены следующие вопросы: 1) отчет Цетральной Шуры; 2) ратификация Башкирской автономии; 3) состав руководства; 4) войсковая часть и внешних связей, и др.

Так как все вопросы были подготовлены на Курултай заранее, то утверждение башкирской автономии и другие вопросы прошли в секциях без дискуссий и споров.

Только представители Национального Совета и Военного Комитета выразили несогласие по вопросу об автономии, и явились причиной споров. <...неразб. ...>

В центральных городах России вся власть перешла в руки рабочих-крестьян, все должны были организовываться на основе советов, – тогда башкирские муллы и интеллигенция связали свои чаяния с Учредительным собранием и не рассматривали эту проблему с точки зрения классовой и материальной; а все решения Курултая пошли по пути первого и второго башкирских съездов.

Курултай, избрав членов Предпарламента из 22 человек, поручает им продолжить работы по организации автономии. С этим работа Курултая заканчивается.

Действительно, среди башкир до революции не было борцов, связанных с классовой борьбой и являющихся представителями определенного класса.

Движение поднялось стихийно, как сопротивление царским поработителям, и не было готово к социальной революции, – среди тех, кто еще не перешел феодальную эпоху развития, не было тех, кто хотел бы классовой борьбы, и лидеров таких не было. Поэтому башкирские национальные объединения 1917 г. и выступали за национальную жизнь и национальную свободу. Это подтверждается документами Центральной Шуры 1917 г.

Там написано: «В настоящее время в России идет борьба разных партий, политические верхи разделились на разные лагеря. Башкирскому народу, сопротивляясь этому, не должно допускать между собой никакого разделения, так как это будет противоречить завоеванию башкирами национальной и территориальной автономии. Башкирский народ будет стоять в стороне от смехотворного деления партий, мы ни большевики, ни меньшевики, мы – башкиры».

В чьих руках настоящая свобода башкир, какая партия борется за политические и экономические права всех рабочих-крестьян, никто этого не проверял, кто обещает дать автономию, на его сторону и склоняется башкир, рассматривая все через призму башкирских проблем, готовый выступить с кем угодно. Здесь нет места долгим речам, доказательству, все это подтверждается историческими документами, историческими реалиями доказано и подтверждено.

Некоторые члены Башкирского правительства, избранные на первом Курултае в Оренбурге в декабре 1917 г. (Валидов, Мирасов, Мутин и др.), по взятию Оренбурга советской армией в феврале 1918 г. были обвинены в антисоветчине и посажены в тюрьму. Несмотря на то, что этих членов правительства пытались освободить прибывшие из кантонов кулаки, у них это не получилось.

Затем под руководством товарищей Габдуллы Давлет¹⁰ и Шафиева¹¹ создается Башревком. В Башкортостане начинает устанавливаться рабоче-крестьянская власть. Но усиленная агитация против советов среди башкир приводит к тому, что башкиры не признают Башревком как официальную власть. Более того, усиление борьбы на Урале не дало долго прожить новой советской власти, ревком распался, его руководители разошлись.

Таким образом, в районах, где власть принадлежала Крестьянской Армии, организовывались советы, а в деревнях, подвластных Дутову, верховодили кулаки и муллы. Усилилась агитация против советов среди башкир, часто было слышно: «Советы башкирскому народу не дают автономию». Это привело ко всякого рода недопониманию.

Арестованные члены Башкирского правительства, Заки [Валидов] и его товарищи, в том же году 3 апреля ночью, когда казачьи отряды вступили в Оренбург и освободили казачьих офицеров, бежали. Прячась от советов среди башкир, вышли на Челябинск.

В Сибири объявляется Колчак, чехи завоевывают челябинские и оренбургские районы. Бежавшее Башкирское правительство (во главе – Заки Валидов) снова начало поднимать народ против советов. В течение месяца с помощью сильной агитации среди башкир оно распространяет приказ о скорейшем создании двух полков солдат и вооружает их чешским оружием.

Когда Башкирские полки сражались с Красной Армией в Челябинске, Златоусте, Верхне-Уральске, чехи заняли гг. Казань и Самару, Башкирское правительство со своими двумя полками переехало в Оренбург.

В начале этой статьи я писал, что башкиры не нашли общего языка с буржуазией и различными национальными объединениями. На это читатели могут задать вопрос: «Если так, почему же Башкирское правительство, присоединившись к Дутову и Колчаку, сражалось против Советов?» Поэтому я нашел необходимым дать разъяснения.

Когда Башкирское правительство было арестовано советами, приспешники Дутова обратились к башкирам: «Красная Армия башкирам автономии не даст, а землю вашу отдаст русским, уничтожит мусульманскую религию, не даст и слова сказать о свободе». Башкиры поверили такой сырой, смехотворной агитации, стали искать пути борьбы с этим положением. В это время пришедшие из Сибири чехи открыли военные действия против красных, бежавшее Башкирское правительство, возглавив башкир, которые благодаря черной агитации были настроены враждебно по отношению к красным, открыло войну против советов. Так, из-за осуществлявшейся в последние годы агитации, башкирский народ, не осознавая, с кем идти, в какую сторону двигаться, чтобы получить автономию, и сам стал врагом красных.

Учреждения Башкирского правительства, переехав в Оренбург, расположившись в Караван-сарай, начали восстанавливать национальную организацию 1917 г., а для защиты автономии создавать башкирские войска.

Началась мобилизация в армию башкирской молодежи, рожденной с 1895 по 1898 г., из Оренбургской и

Самарской губерний. Вскоре созданные 3-й и 4-й башкирские полки отправляются на Орский и Актюбинский фронты.

Командиров не хватало, [поэтому] на службу начинают призываться татарские белые офицеры. [Ощутим был недостаток] оружия и одежды, используются берданки, стволы которых разлетаются в стороны после 1–2 выстрелов. К тому же Дутов по своему усмотрению отправляет башкир в нужном ему направлении, назначает своих командиров. День ото дня прибирает башкирские полки к рукам.

Хотя башкирские войска терпеливо воевали против большевиков, Дутов объединяется с Самарской учредилкой и старается присоединиться к казачьим войскам. Это положение в Сибири при усилении власти Колчака приводит к открытому обезоруживанию башкирского войска и присоединению к казачьим полкам, распылению его. Башкиры, стремившиеся к свободе, переходят постепенно в руки генералов.

Подготовка башкирских войск к переходу на сторону советов

Башкирские джигиты не сидели сложа руки, и, хотя Заки Валидов, получив казацкую одежду и оружие, старался продолжить войну против большевиков, жизнь распорядилась по-иному. Башкиры, не присоединившиеся к Заки, верили, что народ их получит свободу только через присоединение к большевикам.

Колчаковское правительство отдает Дутову приказ о разоружении башкирских войск, а башкирские войска открыто заявляют о выступлении на стороне революции, о неподчинении колчаковскому правительству, категорически требуют присоединения башкирского правительства к большевикам (однажды, чтобы получить больше оружия в свои руки, отряд Терегулова¹² захватил склад оружия и обмундирования Дутова и раздал башкирским войскам).

В октябре учреждения правительства переезжают на башкирскую сторону – в Баймак, и с этого времени усиливается сплоченность среди башкирских солдат Дутова. В это время в Оренбурге появляется тов. Салах Азнагулов¹³. Действуя сообща, чтобы стихийное сопротивление сделать более основательным, среди воинов начинают распространять письменные открытые обращения.

В одном из таких обращений было написано: «Башкирские воины-братья, нужно прекратить войну против красных. Дутов обманул башкирский народ, не слушайте его командиров! Грех стрелять в красных». Одновременно Башкирское правительство из Баймака вызвало людей с целью направить их как представителей к большевикам.

Из Баймака прибыл член Центральной Шуры Сагит Мирас, который после согласования кандидатуры представителя в лице Салаха Азнагулова выдал ему документ за своей подписью и отправил его через Туксоран к красным. Об этом было секретно сообщено действующему войску.

По причинам, мне неизвестным, тов. Салах Азнагулов порученное дело выполнить не смог, об этом сведений не было.

Силы Дутова и Колчака укрепились, им стало известно о сплочении башкир против них. И они старались прибрать башкирское войско в свои руки. В этом смысле башкирское войско оказалось между двух огней.

Правительство приходит к выводу, что единственным выходом это избежать будет захватить Дутова с его штабом, обезоружить Оренбургское казачье войско и возле Бузулука присоединиться к большевикам.

Однако 26 ноября ночью, несмотря на занятие башкирскими войсками большей части города, из-за предателей-шпионов, доложивших Дутову, Дутов с одним эскадронном солдат бежит в Актюбинск, из-за чего план не осуществляется.

Поскольку дело не удалось, все башкирские войска в Оренбурге, а также бежавший с Акбулатского фронта, дабы не воевать против большевиков, 4-й башкирский полк, через Каргалы направляются в сторону Красной Мечети. Цель – присоединившись к башкирским войскам на Бузулукском фронте, без кровопролития вновь собраться в районе Канн-Темясово и во что бы то ни стало присоединиться к красным.

Красные с двух сторон приблизились на 30–35 км к Оренбургу, Дутов через Орск бежал в сторону Верхне-Уральска, в Оренбурге – безвластие, башкирские войска не выступили против красных, дорога Оренбург–Орск была открыта. И Оренбург переходит к красным.

В это время в рядах башкирских войск началась паника как со стороны Дутова и Колчака, так и со стороны красных, так как мужчины-башкиры были мобилизованы, а их деревни, оказавшиеся в районах военных действий, разрушались, а каждая из сторон, появлявшаяся в них, отбирала лошадей, хозяйственное имущество. Местное население потеряло всякую надежду и думало, что «башкирское правительство продало башкир Дутову».

Когда Заки Валидов осознал, что правительство Колчака и Дутова обмануло башкир, и вынужден был принять симпатии башкирского народа и башкирского войска к Красной Армии, он послал на переговоры с ними членов Центральной Шуры Халикова и Хайретдина Сагитова.

Когда эти представители встретились с нужными людьми и довели до них, что Башкирское правительство и один полный корпус войск изъявили желание перейти на сторону советской власти, из Уфы в штаб башкирских войск на заводе в Канах [Кана-Никольск] прибывает тов. Галимьян Аминев.

8 февраля на Кананикольском заводе члены правительства при участии группы башкир проводят собрание о переходе башкирского народа и всего войска на сторону советов и направляют в Москву решение по вопросу об объявлении Башкортостана частью Советской территории в специальную комиссию для переговоров с Москвой.

13 февраля башкирские войска получают приказ оставить Кана-Никольск и собраться в районе д. Темясово. 16 февраля ночью в Темясово члены правительства при участии рабочих, собрав секретное собрание, обсудили и приняли следующее: «18 февраля с 10 часов башкирский народ и войска вывести к советам и в тот же день начать военные действия против войск

Дутова и Колчака и других врагов революции. Об этом издать приказ по штабу корпуса. В целях исполнения данного приказа в каждый полк и отряд направить полномочных представителей».

После принятия этих решений штабом корпуса был издан приказ, и заготовленные письменные обращения были переданы полномочным представителям, которые в тот же день выехали в войска.

Здесь необходимо отметить, что, поскольку некоторая часть башкирской молодежи из рабочих не была согласна с написанным якобы по личной инициативе Заки Валиди приказом, то нужно привести дословно этот исторически значимый документ.

Приказ: [в статье текст дан на русском языке].

При сем объявляется приказ по башкирскому войску от 16-го февраля 1919 года.

Объявляю всему Башкирскому войску и башкирскому народу, что башкирское войско с 10 часов 18 февр. 1919 г. переходит на сторону Советской власти и начинает совместную с Советской Красной Армией беспощадную борьбу с врагами революции, свободы и самоопределения нации – Колчаком, Дутовым и всеми мировыми империалистами.

Всех лиц в составе Башкирского войска, пытающихся бежать и уклониться от службы революции и борьбы с ее врагами, ПРИКАЗЫВАЮ задерживать и представлять в штаб Башкирского войска (корпуса) в с. Темясово.

Неприкосновенность же личности офицеров, остающихся в рядах Башкирского войска для дальнейшей службы, гарантируется мною, о чем договорено с Советской властью.

Приказ этот прочесть во всех полках, ротах, эскадронах и командах.

Подлинный подписал Командующий Башкирскими войсками, Начальник Башкирского Войскового Управления *А. Валидов*.

Верно: И.д. начальника Штаба Войска *Ильяс Алкин*¹⁴.

18 февраля в 10 часов утра данный приказ был доведен до башкирского войска. Войска выразили единогласное согласие на переход к красным и беспощадную борьбу с войсками Дутова и Колчака, только один-два батальона солдат из-за антиагитации казаков и других провокаторов отказались присоединиться к красным и перешли на сторону казаков. Тут же состо-

ялись выборы представителей от солдат, 20 февраля в Темясово созывается Военный съезд.

После выборов представителей с каждого отряда Башкирского войска 20 февраля в селе Темясово проходит съезд, где принимаются важные решения о совместной борьбе с Красной Армией и о начале работ в Башкортостане на основе советов. В Центр направляются поздравительные телеграммы и в организационных целях избираются Ревком из 12 человек и заместителей 6 человек¹⁵.

До освоения военного устройства Красной Армии военные дела Башкортостана были оставлены организационно в прежнем виде, и было поручено Ревкому в ближайшее время создать отдельные башкирские красные войска.

О переговорах с большевиками: большевики выразили взаимопонимание и согласие с башкирским правительством и единогласно приняли все пункты Соглашения¹⁶.

Напомним, что до объявления башкирским солдатам о выходе на сторону Советов весьма своевременно ненадежные офицеры были схвачены и заменены преданными башкирскими командирами. А за поставленными Дутовым офицерами установлена тайная слежка. Тем самым была пресечена возможность побега их к казакам. Появившиеся отряды со стороны казаков были тут же разоружены. Когда я прибыл в штаб второй башкирской стрелковой дивизии, около 20 офицеров-казаков были разоружены и брошены в тюрьму.

Именно таким образом стремление башкирских войск и рабочих к свободе вынудило Заки Валидова признать советскую власть и снова просить принять нас. Стремлению башкирских рабочих к свободе сильная коммунистическая партия и пролетариат дали дорогу в жизнь. Благодаря свободолюбивым башкирским рабочим и одному полному корпусу воинов их полуторогодовая революционная национальная борьба 18 февраля перешла в классовую борьбу и с помощью коммунистической партии положила начало строительству Башкирской социалистической советской автономии.

В этой статье я старался раскрыть пережитые башкирами в те годы события, ранее не освещенные в печати, но записанные мною в свое время в дневниках. Последующие события опишу позднее.

Примечания

¹ «Организация Башкирской Автономии и переход на сторону советов». Транслитерация текста на башкирский язык с комментариями опубликована Г.Х. Абдрафиковой в журнале «Ватандаш» (2018. № 12).

² Ахмет-Заки Валиди (Валидов) (10 (22) декабря 1890 г., д. Кузяново Ильчик-Тимировской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии Российской империи, ныне Ишимбайский район Республики Башкортостан, – 26 июля 1970 г., Стамбул, Турция) – военно-политический деятель, лидер башкирского национально-освободительного движения (1917–1920); публицист; историк, востоковед-тюрколог, доктор философии (1935), профессор, почетный доктор Манчестерского университета (1967) [15. С. 95–97].

³ Муса Лутович Муртазин (20 декабря 1891, с. Кучуково Кубеляк-Телевской волости Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии – 27 сентября 1937 г., Москва) – видный военный деятель, активный участник Гражданской войны в России, деятель Башкирского национально-освободительного движения, комбриг [16. С. 93–97].

⁴ Приказы генералов Печенкина, Ханжина, обращение Захарова. См., напр. [17].

⁵ Состоялся в Москве в мае 1917 г. Главная черта – выборность делегатов и выборность муфтия Духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири, которого впервые не назначил император.

⁶ Проходил в Уфе с 20 ноября 1917 г. до 11 января 1918 г. Был принят проект конституции Национально-культурной автономии мусульман Внутренней России и Сибири – Урало-Волжский штат.

⁷ Сагит Губайдуллович Мрясов (1880–1932) – деятель Башкирского национального движения, член Башкирского Правительства, общественный и государственный деятель, краевед.

- ⁸ Башкирская центральная шура Фарманом (Приказом) № 2 от 15 (28) ноября 1917 г. провозгласила автономию Башкурдистана в составе Российской республики.
- ⁹ Эсер, член Челябинского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, назначен комиссаром с 27 июня 1917 г.
- ¹⁰ Абдулла Сибгатуллович Давлетшин, татарин, член РСДРП (б) с 1918 г.
- ¹¹ Бахтигарей Агзамович Шафиев, башкир, член РСДРП (б) с 1917 г.
- ¹² Усман Нигматуллович Терегулов, татарин, происходил из татарского дворянского рода Терегуловых, дослужился в царской армии до прапорщика, присоединился к башкирскому национальному движению, его отряд входил в оперативную группу «Башкирские силы Верхнеуральского фронта». За боевые заслуги получил чин поручика.
- ¹³ Употребление здесь слова «появляется», на наш взгляд, неслучайно. Автор таким образом выразил недоверие к его персоне. Салахетдин Садриевич Атнагулов, башкир, в августе 1917 г. принимал участие в работе II Всебашкирского курултая в Уфе. С августа 1917 г. по ноябрь 1918 г. член Башкирской центральной (областной) шуры, а с декабря 1917 г. по июнь 1918 г. являлся его председателем. В этот период выступал против растворения башкирского национального движения в общемусульманском движении. В то же время с ноября 1917 г. по декабрь 1918 г. – секретарь Национального собрания мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, с января 1918 г. – секретарь и казначей Коллегии по осуществлению Урало-Волжского штата, а с апреля по июнь являлся сотрудником Татаро-Башкирского комиссариата Уфимского губернского Совета народных комиссаров. С марта по апрель 1919 г. – председатель Уфимского губернского бюро коммунистов-мусульман и член Центрального бюро татаро-башкирских коммунистов. С лета 1919 г. работал в Москве, член Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б), редактор газеты «Кызыл аяу» («Красная Армия»). С 1920 г. являлся заведующим культуры совета профсоюзов ТАССР. См.: [20].
- ¹⁴ Илиас Саид-Гиреевич Алкин, татарин, дворянин, член Всероссийского учредительного собрания. С 1915 г. вступил в РСДРП (меньшевик), затем – в партию социалистов-революционеров. Позже вливается в татаро-мусульманское течение, работает над организацией Урало-Волжского штата. 20 ноября 1918 г. арестован колчаковцами в Екатеринбурге, освобожден. В начале 1919 г. – начальник штаба Башкирского корпуса. В феврале 1919 г., после перехода Башкирского правительства на сторону советской власти, – член РКП(б) (но в сентябре 1937 г. уже беспартийный), член Башкирского ревкома, военный комиссар, 1919–1920 гг. председатель Совета Народного хозяйства Башкирской республики. Всего за годы гражданской войны был арестован 8 раз, четыре раза белыми и четыре – красными. См.: [21].
- ¹⁵ 22 февраля 1919 г. был издан приказ о передаче всей полноты власти на территории республики Башревкому. Председателем был избран Метислав Кулаев. Башревком состоял из 15 комиссариатов: иностранных дел, военного (Ахмед-Заки Валидов), социального обеспечения (Ильдархан Мутин), продовольствия (Абдулла Адигамов), здравоохранения и финансов (Осман Куватов), земледелия (Ганей Карамышев), внутренних дел и национальностей (Фатих Тухватуллин), труда (Ильяс Алкин), просвещения (Аллабирде Ягафаров), юстиции (Юныс Бикбов), внешней и внутренней торговли (С. Магазов). На уровне кантонов возникли кантревкомы. См.: [22].
- ¹⁶ Заключено 20 марта 1919 г. в Москве. Активно поддерживал работу делегации возглавивший Башревком А.З. Валидов, также приехавший в Москву. В ходе острых дискуссий и консультаций к 9 марта 1919 г. был разработан состоящий из 14 параграфов так называемый Московский предварительный договор. Со стороны Башкирии его подписали М.А. Кулаев, М.Д. Халиков, А.И. Бикбаев, со стороны РСФСР – И.В. Сталин, А.З. Каменский. Копии договора для согласования и внесения замечаний были разосланы в народные комиссариаты РСФСР. В результате доработки проект договора получил окончательное название («Соглашение») и претерпел ряд изменений как в структуре, так и в содержании. См.: [23].

Список источников

1. Лукьянчикова М.В. История российской армии в освещении германского исследователя Д. Байрау // Общество: философия, история, культура. 2012. № 4. С. 42–47.
2. Щербинин П.П. Влияние «военного фактора» на повседневно-бытовую культуру россиян в XIX в. // Армия и общество : материалы междунар. науч. конф. 28 февраля 2000 г. / отв. ред. П.П. Щербинин. Тамбов, 2002. С. 11–24.
3. Лапин В.В. Армия дореволюционной России в современной западной историографии // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XX вв. в зарубежной историографии / отв. ред. В.А. Шишкин. СПб., 1994. С. 7–27.
4. Таймасов Р.С. Участие башкир в Гражданской войне. Уфа : РИЦ БашГУ, 2009. Кн. 1: В лагере контрреволюции (1918 – февраль 1919 гг.). 200 с.
5. Ярмуллин А.Ш. Башкорт армияһы тарихынан. Уфа : Китап, 2012. 280 с.
6. Багаутдинов Р.О. Участие башкир в Белом движении (1917–1920). Уфа, 2009. 207 с.
7. Сабирова З.Р., Абдрафикова Г.Х. Малоизвестные источники по истории великой российской революции и гражданской войны в регионах // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 4. С. 27–34.
8. Сабирова З.Р., Салихов А.Г. Создание и история башкирской армии после Революции 1917 года // 1917: исторические судьбы народов Евразии / отв. ред. Н. У. Шаяхметов. Алматы : Эверо, 2018. С. 103–118.
9. Давлетшин Р.А. Башкирское национально-освободительное движение в лицах: К.А. Идельгужин // История края и судьбы людей. Уфа, 1994. С. 133–139.
10. Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 363. Оп. 3. Д. 2. Л. 10.
11. Башкортостан с древнейших времен до наших дней : хроника основных событий / сост. Р.А. Валишин. Уфа, 2007. 480 с.
12. Рахматуллина З.Р. Борьба башкир за национальное самоопределение и образование Автономной Башкирской Советской Республики // Башкиры в Башкортостане / отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2009. С. 23–38.
13. Сабирова З.Р. Некоторые аспекты проведения «культурной революции» в Советской России: региональный опыт // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 16. С. 51–60.
14. Башкиры в Башкортостане в XX столетии: исторические очерки / отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа : Ин-т истории, языка и литературы Уфимского науч. центра РАН, 2009. 304 с.
15. Салихов А.Г. Научная деятельность А. Валидова в России. Уфа : Гилем, 2001. 164 с.
16. Сабирова З.Р. М.Л. Муртазин. В сердцах поколений // Башкортостан в XX столетии : исторические портреты. Уфа, 2019. Вып. V. С. 93–97.
17. 18 февраля 1919 г. Материалы и документы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти. Уфа, 1923. 27 с.
18. Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М. : Инсан, 2007. 208 с.
19. Хасанов Х.В. От вымирающей колонии к цветущей социалистической республике // 15 лет Советской Башкирии : сб. ст. Уфа : Изд. Правительства Башкирской АССР, 1934. С. 3–24.
20. Каримова И.Г. Атнагулов, Салахетдин Садриевич // Башкирская энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 1: А–Б. С. 232.
21. Люди и судьбы : биобиблиогр. словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / подг. Я. В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб. : Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
22. Касимов С.Ф. Башкирский военно-революционный комитет // Башкирская энциклопедия : в 7 т. / гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 1: А–Б. С. 361–362.
23. Кульшарипов М.М. Подписание Соглашения с Центром // История башкирского народа : в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов; ИИЯЛ УНЦ РАН. Уфа : Гилем, 2010. Т. 5. С. 149–163.

References

1. Lukyanchikova, M.V. (2012) History of the Russian army interpreted by German historian D. Beyrau. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 4. pp. 42–47. (In Russian).
2. Shcherbinin, P.P. (2002) Vliyanie “voennogo faktora” na povsednevno-bytovuyu kul'turu rossiyanok v XIX v. [The influence of the “military factor” on the everyday culture of Russian women in the 19th century]. In: Shcherbinin, P.P. (ed.) *Armia i obshchestvo* [Army and Society]. Tambov: [s.n.]. pp. 11–24.
3. Lapin, V.V. (1994) Armia dorevolutsionnoy Rossii v sovremennoy zapadnoy istoriografii [The army of pre-revolutionary Russia in modern Western historiography]. In: Shishkin, V.A. (ed.) *Gosudarstvennye instituty i obshchestvennye otnosheniya v Rossii XVIII–XX vv. v zarubezhnoy istoriografii* [State institutions and public relations in Russia in the 18th–20th centuries. in foreign historiography]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 7–27.
4. Taymasov, R.S. (2009) *Uchastie bashkir v Grazhdanskoy voyne* [Participation of the Bashkirs in the Civil War]. Vol. 1. Ufa: BashSU.
5. Yarmullin, A.Sh. (2012) *Bashkort armiyahy tarikhynan*. Ufa: Kitap.
6. Bagautdinov, R.O. (2009) *Uchastie bashkir v Belom dvizhenii (1917–1920)* [The participation of the Bashkirs in the White movement (1917–1920)]. Ufa: Gilem.
7. Sabirova, Z.R. & Abdrafikova, G.Kh. (2017) Little-Known Sources on the History of the Russian Revolution and Civil War in the Regions. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN – Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities Research*. 4. pp. 27–34. (In Russian).
8. Sabirova, Z.R. & Salikhov, A.G. (2018) Sozdanie i istoriya bashkirskoy armii posle Revolyutsii 1917 goda [The formation and history of the Bashkir army after the Revolution of 1917]. In: Shayakhmetov, N.U. (ed.) *1917: istoricheskie sud'by narodov Evrazii* [1917: The Historical Fate of the Peoples of Eurasia]. Almaty: Evero. pp. 103–118.
9. Davletshin, R.A. (1994) Bashkirskoe natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v litsakh: K.A. Idel'guzhin [Bashkir national liberation movement in persons: K.A. Idel'guzhin]. In: *Istoriya kraya i sud'by lyudey* [History of the Region and the Fate of People]. Ufa: [s.n.]. pp. 133–139.
10. The National Archive of the Republic of Bashkortostan. Fund 363. List 3. File 2. p. 10.
11. Valishin, R.A. (ed.) (2007) *Bashkortostan s drevneyshikh vremen do nashikh dney: khronika osnovnykh sobytiy* [Bashkortostan from ancient times to the present day: a chronicle of the main events]. Ufa: Kitap.
12. Rakhmatullina, Z.R. (2009) Bor'ba bashkir za natsional'noe samoopredelenie i obrazovanie Avtonomnoy Bashkirskoy Sovetskoy Respubliki [The struggle of the Bashkirs for national self-determination and the formation of the Autonomous Bashkir Soviet Republic]. In: Suleymanova, R.N. (ed.) *Bashkiry v Bashkortostane* [Bashkirs in Bashkortostan]. Ufa: RAS. pp. 23–38.
13. Sabirova, Z.R. (2015) Nekotorye aspekty provedeniya “kul'turnoy revolyutsii” v Sovetskoy Rossii: regional'nyy opyt [Some aspects of the “cultural revolution” in Soviet Russia: regional experience]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 16. pp. 51–60.
14. Suleymanova, R.N. (ed.) (2009) *Bashkiry v Bashkortostane v XX stoletii* [Bashkirs in Bashkortostan in the 20th century]. Ufa: Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center, RAS.
15. Salikhov, A.G. (2001) *Nauchnaya deyatel'nost' A. Validova v Rossii* [A. Validov's scientific activity in Russia]. Ufa: Gilem.
16. Sabirova, Z.R. (2019) M.L. Murtazin. V serdsakh pokoleniy [M.L. Murtazin. In the hearts of generations]. In: Suleymanova, R.N. (ed.) *Bashkortostan v XX stoletii: istoricheskie portrety* [Bashkortostan in the 20th century: historical portraits]. Vol. 5. Ufa: RAS. pp. 93–97.
17. Soviet Union. (1923) *18 fevralya 1919 g. Materialy i dokumenty po istorii perekhoda Bashkirii na storonu Sovetskoy vlasti* [February 18, 1919 Materials and documents on the history of the transition of Bashkiria to the side of Soviet power]. Ufa: [s.n.].
18. Murtazin, M.L. (2007) *Bashkiriya i bashkirskie voyska v grazhdanskuyu voynnu* [Bashkiria and Bashkir troops in the Civil War]. Moscow: Insan.
19. Khasanov, Kh.V. (1934) *Ot vymarayushchey kolonii k tsvetushchey sotsialisticheskoy respublike* [From a dying colony to a flourishing socialist republic]. In: *15 let Sovetskoy Bashkirii* [15 years of Soviet Bashkiria]. Ufa: Government of the Bashkir ASSR. pp. 3–24.
20. Karimova, I.G. (2005) Atnagulov, Salakhmetdin Sadrievich. In: Ilgamov, M.A. (ed.) *Bashkirskaya entsiklopediya: v 7 t.* [Bashkir Encyclopedia: in 7 vols]. Vol. 1. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya. pp. 232.
21. Vasilkov, Ya.V. & Sorokina, M.Yu. (eds) (2003) *Lyudi i sud'by: biobibliogr. slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [People and destinies: A Biobibliographic Dictionary of Orientalists-Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
22. Kasimov, S.F. (2005) Bashkirskiy voenno-revolutsionnyy komitet [Bashkir Military Revolutionary Committee]. In: Ilgamov, M.A. (ed.) *Bashkirskaya entsiklopediya: v 7 t.* [Bashkir Encyclopedia: in 7 vols]. Vol. 1. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya. pp. 361–362.
23. Kulsharipov, M.M. (2010) *Podpisaniye Soglasheniya s Tsentrom* [Signing the Agreement with the Center]. In: Kulsharipov, M.M. (ed.) *Istoriya bashkirskogo naroda: v 7 t.* [History of the Bashkir People: in 7 vols]. Vol. 5. Ufa: Gilem. pp. 149–163.

Сведения об авторах:

Сабирова Зухра Рамилевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Россия). E-mail: timerbulat2009@mail.ru

Абдрафикова Гульнара Хависовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения, заведующая отделом восточных рукописей Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Россия). E-mail: gulnara1273@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Sabirova Zukhra R. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Modern History of the Institute of History of Bashkortostan of the Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: timerbulat2009@mail.ru

Abdrifkova Gulnara H. – Candidate of Philology Sciences, Leading Researcher of the Department of Literary Studies of the Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation). E-mail: gulnara1273@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.01.2019; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 07.01.2019; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 947 088 (571.6+510)

doi: 10.17223/19988613/78/10

Пределы эффективности регионального экономического сотрудничества СССР и КНР в 1985–1988 гг.

Анатолий Евгеньевич Савченко¹, Елена Николаевна Чернолуцкая²

^{1,2} Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

¹ savich21@mail.ru

² chvalery@mail.ru

Аннотация. Потенциал приграничных связей Дальнего Востока России и Китая до сих пор считается не раскрытым, и российское государство периодически возвращается к попыткам активизации взаимодействия на границе двух стран. Своей работой мы намерены внести вклад в понимание причин этой регулярной неэффективности приграничного сотрудничества, проведя подробный эмпирический анализ начального его этапа, фокусируясь на повседневных рутинных практиках взаимодействия приграничных субъектов, преимущественно на примере Приморского края.

Ключевые слова: Дальний Восток России, КНР, приграничное сотрудничество, региональное развитие, реформы

Благодарности: Результаты получены в рамках выполнения Комплексной программы фундаментальных научных исследований ДВО РАН «Дальний Восток», проект №18-5-057.

Для цитирования: Савченко А.Е., Чернолуцкая Е.Н. Пределы эффективности регионального экономического сотрудничества СССР и КНР в 1985—1988 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 73–82. doi: 10.17223/19988613/78/10

Original article

Limits of effectiveness of regional economic cooperation between the USSR and China in 1985–1988

Anatolii E. Savchenko¹, Elena N. Chernolutskaia²

^{1,2} Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

¹ savich21@mail.ru

² chvalery@mail.ru

Abstract. After the “cold” period in relations between the USSR and China, the intensification of interstate and regional contacts has started since 1983. However, the quality of the latter did not allow them to become a stimulus for the accelerated development of the Far East, as it was conceived in the late-Soviet projects. The article aims to determine the reasons for the low efficiency of the Soviet participation in the interregional relations of the USSR and China at the initial stage of their revival by analyzing the daily practices of interaction between border subjects.

The work was carried out on the basis of archival documents of the Soviet party and Executive bodies of Primorsky and Khabarovsk Krai, Amur and Sakhalin oblasts, as well as of interviews with participants of cross-border exchanges of the considered period.

It is revealed that the external contacts of the Far East turned out more profitable for Chinese partners. To disclose the factors of this situation, the article introduces the concept of “breaking system”, which includes the following components.

Bureaucratic inertia. There was asymmetry in the interests of the Chinese and Soviet regional bureaucracy. The first pursued mainly trade goals, the latter – ideological ones. Fulfilling the Resolutions of the CPSU Central Committee, the Far Eastern authorities first of all were intensifying contacts through friendship societies, enterprises, sports and cultural delegations. The system of motivation and powers of the economic and party bureaucracy to dispose of local resources has not been developed.

Compatibility of short-term benefits and long-term costs. In economic cooperation, Chinese provinces could not offer advanced technologies. But the problem of consumer goods shortage was more acute on the agenda in the USSR. The Chinese partners successfully used this situation, supplying abundant consumer goods. But for their part, they did not show much interest in the products of the Far Eastern industry, and bought up mainly raw materials.

Social capital in cross-border relations. The use of this concept allowed to identify a set of established social relations between partners, the degree of mutual trust and of creating the ideas of cooperation. Soviet bureaucrats lacked commercial experience, awareness of international market conditions, and the ability to predict risks. The Chinese partners had an advantage in this respect and skillfully used it, achieving favorable terms of bargains.

The article concludes that with the undoubted positive dynamics of cross-border relations of the Far Eastern and Chinese regions in 1985–1988, the potential for the development of this cooperation on the Soviet side had limitations, which included the reproduction of formulaic models of bureaucratic activity, a meager range of exports, the lack of mechanisms for obtaining direct benefits by exporting enterprises, the deficit of social capital.

Keywords: the Russian Far East, PRC, cross-border cooperation, regional development, reforms

Acknowledgments: The results were obtained as part of the implementation of the Comprehensive Program of Fundamental Scientific Research of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, project No. 18-5-057.

For citation: Savchenko, A.E., Chernolutskaia, E.N. (2022) Limits of effectiveness of regional economic cooperation between the USSR and China in 1985–1988. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 73–82. doi: 10.17223/19988613/78/10

Проблема исследования. Приграничное положение Дальнего Востока, большую часть XX столетия выступавшее как источник угроз, к последней его четверти все определеннее рассматривалось руководством страны как потенциал для экономического развития. Эта перемена не имела непосредственной связи с нормализацией отношений с Китаем, скорее, она была вписана в общий контекст рационализации внешней политики СССР. Уже в 1985 г. дальневосточные ученые-экономисты просчитывали перспективы развития внешнеэкономических связей региона до 2010 г. и обосновывали «увеличение роли в развитии Дальнего Востока приграничного (прибрежного) сотрудничества за счет вовлечения в его сферу КНР, штатов западного побережья, расширения связей в рамках данного вида сотрудничества с Японией, КНДР» [1. Л. 18]. Однако именно приграничное сотрудничество с Китаем оказалось наиболее динамичным, дискуссионным, насыщенным различными совместными проектами и ожиданиями. Экономические взаимоотношения СССР и КНР воссоздавались, по сути, заново в период, когда две эти страны по-разному выходили из административно-командных экономик и имели взаимный интерес к налаживанию приграничного сотрудничества. Это открывало дополнительные возможности и для Дальнего Востока, ускоренное развитие которого в 1987 г. было провозглашено в качестве государственного приоритета [2]. Китайский Северо-Восток – крупный рынок сбыта (с потенциалом многократного роста), источник дешевых потребительских товаров и рабочих рук – был расположен буквально по соседству с российским регионом. Отчего же все эти элементы не привели к синергии и не стали составной частью модели ускоренного развития Дальнего Востока? Другими словами, нас интересует вопрос: был ли реальный потенциал для прорыва в экономических связях с Китаем в рассматриваемый период? Его не удалось реализовать из-за ошибочной линии действий советского государства, общего распада советской системы или же причины следует искать в чем-то другом? И если последнее верно, то в чем?

Изученность проблемы. Несмотря на то, что эта тема политически актуальна и удерживает исследовательский интерес, исторических работ здесь крайне мало, и буквально пальцев одной руки достаточно,

чтобы сосчитать публикации, авторы которых уходят вглубь времени – к середине 1980-х гг. В историографии преобладает формальный подход, согласно которому отсчет восстановления приграничных контактов ведется с 1988 г., когда экономическое сотрудничество СССР и КНР было подкреплено межгосударственным соглашением [3, 4]. В работах, касающихся периода до 1988 г., чаще всего мы видим хронологический обзор ключевых событий с привлечением статистических данных, но без детального содержательного анализа [5. С 19; 6]. Недостаточная изученность начального этапа приграничных связей приводит к тому, что вне поля зрения исследователей остается их первоначальная модель, оказавшая влияние на последующее развитие. Это может приводить к упрощению картины и необоснованным обобщениям, когда особенности, характерные для конца 1980-х – начала 1990-х гг., экстраполируются в обратном направлении – на период 1983–1987 гг. Например, некоторые авторы делают вывод, что с возобновлением контактов в 1983 г. «основным фактором изменения функций границы стали микроуровневые взаимодействия фирм и людей» [7. С. 104–105]. Этот вывод, бесспорно, справедливый для более позднего времени, все же затушевывает реальную и противоречивую картину развития приграничных контактов на начальном этапе.

Более подробно исследовано становление приграничных отношений КНР и СССР на примере китайской провинции Хэйлунцзян [8]. Мы видим, что развитие приграничного сотрудничества с китайской стороны было тесно переплетено с интересами провинциальных властей – получить больше льгот и полномочий во внешнеэкономической деятельности для своей провинции. Существующая литература позволяет выделить асимметрию и хронологическую рассогласованность в интересах китайской и советской региональной бюрократии второй половины 1980-х гг. Но, во-первых, эта картина должна быть дополнена соответствующим анализом на примере советского случая, а во-вторых, все еще остается незаполненным пробел в исследовании повседневных рутинных взаимодействий между участниками приграничных обменов второй половины 1980-х гг., т.е. того первичного уровня, где и происходит реализация политических решений, стратегий и программ. Последнее представляется особенно акту-

альным в свете российского опыта, в котором именно на уровне реализации «спотыкаются» многие, казалось бы, самые правильные намерения.

Гипотеза исследования. Работа по заполнению вышеуказанного пробела имеет значение, если мы стремимся понять те ограничения, которые встают на пути развития приграничных связей. Наша гипотеза состоит в том, что эффективность приграничного сотрудничества в большей мере зависела (и продолжает зависеть) от создания соответствующей системы стимулов и ограничений для агентов на местах, от их компетенции в этой сфере деятельности, но, главное, от того комплекса пронизывающих партнерство отношений, который укладывается в понятие «социальный капитал». Под ним понимается совокупность нарабатанных социальных связей между участниками, в сети которых формируются доверие, нормы, способность прогнозировать поведение партнеров и генерировать идеи сотрудничества (см. подробнее: [9. С. 209–211]).

Если система стимулов и ограничений может быть создана принятием соответствующих нормативных актов, то создание остальных условий требует большего времени. Даже при наличии на местах заинтересованных в приграничном сотрудничестве агентов (или же, как вариант, агентов, стремящихся максимально полно реализовать политику Центра) здесь едва ли возможно эффективное форсированное развитие. Другими словами, в 1980-х гг. в приграничных отношениях СССР и Китая существовал низкий потолок, который можно было медленно сдвигать вверх, но едва ли было возможно пробить активными административными действиями и смелыми политическими решениями. Далее мы рассмотрим основные составляющие системы, которую можно назвать, используя известный перестроенный термин, «системой торможения» региональных внешнеэкономических связей, но сначала обрисуем общий контекст и результаты развития экономических отношений двух стран в период 1983–1991 гг.

Контекст. В 1980-х гг. идеологизированная внешняя политика отступала на задний план перед прагматическими интересами. На политическом уровне перелом наметился в 1983 г., когда начались расширение контактов и оживление всей «заржавевшей» инфраструктуры связей двух государств. С 1982 по 1984 г. были подписаны первые соглашения (о возобновлении приграничной торговли в 1982 г., об экономическом и техническом сотрудничестве в 1984 г.) и организована серия визитов. С 1983 г. соседние страны начали обмениваться делегациями на уровне приграничных районов (торговых работников, железнодорожников и т.д.) [6. С. 19, 25; 10]. Чем-то похожим на возвращение к былому экономическому партнерству (здесь уместно напомнить, что индустриальная база на Северо-Востоке Китая была создана в 1950–1960-х гг. при самом активном участии СССР) стала договоренность о строительстве советскими специалистами семи и реконструкции 17 промышленных предприятий в Китае в течение 1986–1990 гг. [6. С. 19].

Транслятором приоритетов внешней политики Москвы на уровень дальневосточных регионов было представительство Министерства иностранных дел

СССР в г. Находка (Приморский край). В августе 1985 г. (шел пятый месяц с момента избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС) МИД информировал первого секретаря Приморского крайкома Д.Н. Гагарова о «наиболее актуальных внешнеполитических проблемах в регионах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии». Советский Союз намеревался «резко активизировать» свою внешнюю политику в Дальневосточном регионе, что подразумевало, среди прочего, и нормализацию отношений с Китаем [11. Л. 20–22].

Менее чем через год, в апреле 1986 г., находкинское представительство МИДа обрисовало для руководства Приморского края две приоритетные задачи советской политики в АТР.

Первая – «укрепление братских отношений» с социалистическими странами [12. Л. 1]. Таковыми выступали в первую очередь МНР, СРВ и КНДР. Именно с этой группой стран, глубоко периферийных по отношению к СССР, предполагалось развивать приоритетное сотрудничество и наиболее глубокие взаимосвязи. Китай же не рассматривался как член этого клуба, поскольку между Пекином и Москвой не были сняты принципиальные разногласия, не говоря уже о дефиците взаимного доверия.

Вторая задача – рост экономической отдачи от внешнеполитических отношений. Краевым властям рекомендовалось прилагать больше усилий к развитию «прибрежной и приграничной торговли и регионального экономического сотрудничества с соседними странами, больше информировать Центр и смелее вносить свои предложения по этим вопросам» [Там же. Л. 1–2].

В 1985–1986 гг. нормализация отношений оставалась самоцелью, а экономические контакты были средством для ее достижения. Упомянутая выше ориентировка МИДа оставляет в этом мало сомнений. Если СССР намеревался привлечь Японию к реализации крупных проектов на Дальнем Востоке – развитию транспортной инфраструктуры (расширение порта Восточный), освоению природных ресурсов Сахалина, увеличению транзита японских товаров по Транссибу, то сотрудничество с Китаем рассматривалось не более чем средство частичного обеспечения Дальнего Востока продуктами питания в обмен на поставки советского оборудования и промышленных товаров [Там же. Л. 20]. Ориентируясь в развитии сотрудничества на традиционных союзников в АТР, Советский Союз позиционировал себя как прогрессивная высокоразвитая держава, служившая примером и образцом для других стран. Эта шаблонная модель была применена и в региональном сотрудничестве с Китаем. Более того, информация, направляемая в ЦК КПСС от первых советских делегаций, посетивших Китай и докладывавших о его успехах, воспринималась негативно – как некритическое восприятие китайской пропаганды [13].

Оставляя в стороне разногласия по вопросам большой политики, советская сторона ставила целью увеличить взаимную торговлю в 6 раз в течение ближайших лет, максимально задействовав приграничные связи. Учитывая изначально низкую планку (в 1980 г. объем советско-китайской торговли составлял 1,3 и 0,2% от всей внешней торговли Китая и СССР соот-

ветственно) [12. Л. 20], мы можем говорить о существенном прогрессе двусторонних связей в последующие несколько лет. С 1981 по 1989 г. объем товарооборота между двумя странами вырос в 13 раз. При этом треть объема советских поставок составляли машины и оборудование, а около половины – стальной прокат, минеральные удобрения, лесоматериалы и алюминий [14. С. 17–18]. На излете своего существования Советский Союз вошел в пятерку крупнейших торговых партнеров КНР, занимая долю в 4,5% в 1989 г. и 3,8% в 1990 г. (Китай для СССР занимал 15-е место). К 1990 г. была подписана серия контрактов на привлечение китайских рабочих в СССР, в стране появилось 34 совместных предприятия с китайским капиталом на сумму в 28 млн долл. США [6. С. 19–21].

На региональном уровне прослеживается еще более впечатляющая динамика: внешнеэкономические связи Дальнего Востока переживали взрывной рост. В конце 1980-х гг. на долю Дальневосточного экономического района приходилось 20% торгового оборота СССР со странами Азиатско-Тихоокеанского региона [12. Л. 66]. Торговля по линии «Дальинторга» удвоилась в течении двух-трех лет, а в его отделении – «Дальпригране» – на одного работающего приходилось около 10 млн руб. товарооборота. Эти организации уже просто не справлялись с растущим объемом операций [15. Л. 54]. Китай по итогам 1990 г. занимал 61% в удельном весе внешнеторгового оборота Приморского края [16. Л. 27].

Но, обратив внимание на качество процесса, мы видим, что эти успехи выглядят не столь впечатляюще, а проблемы в сфере приграничных связей с КНР удивительно похожи на сегодняшние. Совместные предприятия чаще всего представляли собой рестораны азиатской кухни, а торговля расширялась по традиционным направлениям – экспортировалось сырье, а ввозились товары массового спроса¹. Реальный ход экономического сотрудничества далеко разошелся с первоначальными намерениями союзной и краевой власти. Расчет на то, что внешнеэкономическая деятельность станет двигателем модернизации, отступал все дальше перед реальностью, в которой Дальний Восток лишь закреплялся в роли глубоко периферийного региона, внешние обмены которого осуществлялись к выгоде других².

Бюрократическая инерция. С 1985 г. на региональном уровне двух стран начался обмен делегациями и поздравительными телеграммами по случаю государственных праздников, таких как годовщины образования КНР и Великой Октябрьской революции. В том же году в Приморье началось обустройство инфраструктуры для принятия китайских делегаций: в пос. Пограничный был построен Дом советско-китайской дружбы (в котором были созданы условия для проживания гостей из КНР), строилось общежитие для рабочих-железнодорожников и представителей торговых фирм [18. Л. 14]. Этот советский поселок стал на начальном этапе региональным центром советско-китайских контактов.

Нормализация отношений подкреплялась символическим ресурсом идеологического родства и тесного

сотрудничества в не столь уж давнем прошлом. На встречах делегаций двух стран подчеркивалась «необходимость в самом скором времени восстановить дружбу народов... во всех ее проявлениях» [19. Л. 19]. Китайцы и сами заверяли: они помнят помощь, оказанную Советским Союзом в 1950-е гг. [Там же. Л. 89]. Более того, если верить советским информаторам, китайцы «открыто высказывались о том, какое негативное влияние оказала политика Мао Дзэдуна на развитие Китайской Народной Республики...» [20. Л. 1]. У многих китайцев, особенно среди интеллигенции, сохранились личные воспоминания молодости, связанные с обучением в СССР, что создавало сентиментальный фон для восстановления дружбы: «...была такая... трогательная встреча, заканчивалась там она слезами, воспоминаниями и так дальше» [13]. Но, облегчая восстановление связей, этот символический ресурс мало чем мог помочь развитию экономически выгодных контактов двух стран. Прием в КНР проходил, как правило, подчеркнуто дружелюбно: на границе досматривали редко, размещали в хороших отелях, все гости могли рассчитывать на серию банкетов. Китайцы даже выдавали членам советских делегаций небольшие суммы денег на мелкие расходы. Эти обмены играли свою роль в повышении взаимного доверия, развитии культурных и гуманитарных контактов, но лишь туманно соотносились с задачей повышения экономической эффективности международных связей. Что представляла собой типичная советская делегация в КНР в середине 1980-х гг.? Это была группа общественных деятелей, связанная с наукой и образованием, которые, прибыв в Китай, посещали символические места (например, монумент советским летчикам), знакомились с образцово-показательными предприятиями, произносили дежурные фразы об обмене технологиями.

Китай производил на участников первых советских делегаций противоречивое впечатление. Во второй половине 1980-х гг. в этой бедной стране едва ли было возможно разглядеть будущий потенциал громадного внутреннего рынка. Члены Приморского отделения Общества советско-китайской дружбы, побывавшие в провинции Цзилинь осенью 1985 г., по возвращении описывали свои впечатления: «Делегация имела возможность посетить ГУМ, центральный рынок, музей... В ГУМе отмечается обилие товаров, но качество их очень низкое, в том числе обуви, костюмов, других швейных изделий. Много товаров японских фирм. Покупательная способность населения невысокая... Одежды китайцы скромно...» [18. Л. 70]. Впечатления членов делегаций подкрепляли официальную позицию Москвы, в которой не было больших ожиданий от экономического сотрудничества с Китаем. В то же время советские гости могли своими глазами видеть обилие сельскохозяйственной продукции на прилавках – рыбы, мяса, фруктов, зелени [Там же]. Более того, один из наших респондентов, посетивший в конце 1980-х гг. промышленный город Шеньян (здесь стоит отметить, что данный собеседник в то время работал на Амурском целлюлозно-картонном комбинате и хорошо знал производство), уже тогда увидел, что про-

мышленная база здесь технологически превосходила советскую [21]. Ближе к границе СССР была заметна деятельность по строительству инфраструктуры – автомобильных и железнодорожных магистралей, а в беседах китайские товарищи говорили о намерении подключить ее к дорогам с советской стороны [18. Л. 121]. Все это было зримым подтверждением того, что Китай, все еще оставаясь бедным, наращивал свой потенциал, а его интерес к экономическому сотрудничеству с советским Дальним Востоком возрастал.

Интерес был взаимным, но стороны имели не только разные задачи, но и разные возможности для их достижения. Китайская сторона с самого начала преследовала больше торговые цели: при каждой встрече ставились вопросы об установлении торговых отношений между приграничными территориями, развитии прямых связей между предприятиями и учреждениями, обустройстве постоянных пунктов пограничного перехода, возможности экспорта китайского зерна через порт Посьет. Китайцев интересовали сбыт своей продукции легкой промышленности и сельского хозяйства и приобретение у СССР некоторых видов сырья, бытовой техники (например, телевизоров и холодильников) и ряда других промышленных товаров [20. Л. 15].

Советская же сторона ориентировалась в первую очередь на интересы идеологические – в духе пропаганды советских социально-экономических достижений и разъяснений международных инициатив М.С. Горбачева. Общество советско-китайской дружбы находилось в ведении отдела пропаганды и агитации Приморского крайкома КПСС, а сектор зарубежных связей был структурной частью этого отдела³. Между тем региональные партийные комитеты продолжали руководствоваться старыми постановлениями ЦК КПСС о «контрпропагандистских мероприятиях в связи с антисоветской пропагандой в Китае» [22. Л. 63].

Интересы китайцев, как и возможности дальневосточной бюрократии эти интересы учитывать, хорошо просматриваются на примере диалога между советской и китайской делегациями обществ советско-китайской и китайско-советской дружбы, состоявшемся в пос. Пограничный (Приморский край) в апреле 1985 г., отрывок из стенограммы которого приведем дословно:

«Вопрос китайской стороны: Возможно ли упростить формальности при пересечении государственной границы СССР и КНР по удостоверениям, выдаваемым отделениями общества советско-китайской дружбы пос. Пограничный и общества китайско-советской дружбы г. Суйфэньхе?

Ответ советской стороны: Порядок пересечения государственной границы у нас определен решениями государственных органов.

Вопрос китайской стороны: ...Возможен ли торговый обмен между пос. Пограничный и г. Суйфэньхе?

Ответ советской стороны: Торговый обмен возможен только через Министерство внешней торговли СССР, и решать его необходимо через государственные органы.

Вопрос китайской стороны: Возможна ли продажа кур и яиц с птицефабрики «Пограничная» для разведения на птицефабриках Суйфэньхе?

Ответ советской стороны: Решать этот вопрос необходимо через Министерство внешней торговли СССР...» [20. Л. 54].

По той же колее в регионах продвигалась реализация Постановления ЦК КПСС от июля 1987 г. «О развитии приграничных связей дальневосточных районов РСФСР с соответствующими районами Китайской Народной Республики». Для его выполнения краевые власти намечали в первую очередь активизировать контакты по линии обществ дружбы, краевого совета, предприятий и ведомств, спортивных команд и культурных учреждений. Контроль над всей этой работой возлагался все на тот же отдел пропаганды и агитации Приморского краевого комитета [23. Л. 1].

Посол КНР в Советском Союзе Ли Цзэван, посетивший Приморский край весной 1987 г., в шутку признавал, что «если в области состояния межгосударственных торговых отношений может сдать экзамены с оценкой “отлично”, то экзамен по региональным торговым связям он завалит». При этом он избегал подробного обсуждения иных тем, и приморских руководителей задело, что посол всего лишь один раз сослался на владивостокскую речь М.С. Горбачева [20. Л. 20].

Представители КНР уклонялись от обсуждения политических проблем, используя те же аргументы, что и их советские партнеры, ухивившиеся от экономических тем: китайцы прямо указывали, «что эти вопросы находятся в компетенции вышестоящих органов» [24. Л. 13]. Советские представители, несмотря на установку Центра продвигать торговые отношения, все еще стремились делать «большую политику», обеспечивать мировой авторитет СССР в целом и Генерального секретаря ЦК КПСС в частности, в то время как китайские партнеры уже намеревались делать деньги без особой оглядки на политику и идеологические установки.

Поэтому создание новой системы мотивации для хозяйственной и партийной бюрократии, расширение ее полномочий по распоряжению местными ресурсами были необходимым шагом для преодоления инерции. Но сама эта бюрократическая инерция была лишь первым и, вероятно, самым легкоустранимым барьером.

Проблема совместимости: сиюминутные выгоды и долгосрочные издержки. В июне 1988 г. СССР и Китай подписали соглашение «О принципах создания и деятельности совместных предприятий», заявляя о заинтересованности в «привлечении передовой техники, технологии, опыта управления и использования природных ресурсов двух стран» [25].

Китай конца 1980-х гг. не являлся тем партнером, который был способен помочь экономическому прорыву советского Дальнего Востока. Китайская экономика наращивала потенциал, но в целом оставалась примитивной технологически, не имела емкого внутреннего рынка, советская же экономика, особенно на Дальнем Востоке, имела глубокий сырьевой уклон и безнадежно отставала по качеству менеджмента. Наш собеседник, работавший в то время заместителем директора крупного приморского предприятия, вспоминает: «Они нам были не интересны как что-то передовое. Мы были им интересны, да. Мы тогда в Муданьцзяне сотрудничали с паровозоремонтным заводом. Ну, я там

был, это была беда. Сейчас другая история... А тогда мы как бы сотрудничали... но... конец 80-х годов – это... торговые отношения, связанные с бытовыми историями» [26].

При этом китайские приграничные провинции были стратегически в более выигрышной ситуации. Они не могли в то время предложить дальневосточным регионам передовые технологии для наращивания экономического потенциала, но эта задача сходилась с основной повестки в СССР: в 1988 г. уже мало кто из советских партийно-хозяйственных бюрократов сомневался, что планам по ускоренной экономической модернизации не суждено стать реальностью в обозримой перспективе. Более злободневной теперь стала другая политически важная задача – наращивание производства товаров народного потребления за счет конверсии оборонных заводов и строительства новых предприятий. Именно на это ориентировала региональную власть программа развития Дальнего Востока (которую, в общем-то, тоже уже накрывала тень скорого краха, что станет очевидным к концу 1989 г.). И китайские партнеры относительно удачно вписывались в это новое направление со своим не особо качественным, но обильным ширпотребом – у них были фирмы, товары и агенты, имевшие уже немалый опыт продвижения этих товаров на рынки.

Что конкретно интересовало китайскую сторону, мы можем видеть на примере визита в Приморье в декабре 1988 г. «торгово-экономической» делегации провинции Цзилинь. Список ее предложений к сотрудничеству насчитывал девять пунктов и почти полностью соответствовал провозглашенным приоритетам внутренней экономической политики в СССР: 1) строительство завода по производству обоев; 2) строительство завода по производству термосов; 3) строительство лакокрасочного завода; 4) строительство кирпичного завода из отходов ТЭЦ; 5) строительство больницы или поликлиники; 6) открытие магазина по продаже китайских товаров; 7) открытие цветной фотографии с помощью китайских специалистов; 8) открытие ресторана китайской кухни; 9) обсуждение вопроса об открытии погранперехода Краскино–Чанлинцзы [20. Л. 119–120].

Нам остается только гадать, изучали ли в КНР советские программные документы, относящиеся к экономическому развитию, или же почерпнули информацию о потребностях партнера в ходе хаотичных поездок по Дальнему Востоку в составе многочисленных делегаций.

Китайцы не проявляли особого интереса к закупкам продукции, произведенной на Дальнем Востоке. Например, в феврале 1986 г. на переговорах между Дальинторгом и делегациями провинции Хэйлуцзян и Автономного района Внутренняя Монголия китайская сторона демонстрировала незаинтересованность в ассортименте товаров, предлагаемых Дальинторгом (а к таковым среди прочего относились мотоциклы, моторные лодки, мясорубки, ведра оцинкованные, косы сельскохозяйственные и т.п.). Китайцев интересовали, прежде всего, сырьевые товары, которые нужно было «попросить у государства». При этом они подчеркивали ограниченность их собственных воз-

можностей в приграничной торговле, поскольку уже имели многочисленные обязательства по экспортным поставкам. Нельзя сказать, что советская сторона как-то выгодно отличалась на этом фоне – на тех же переговорах она пыталась аннулировать контракт на поставку в Китай 320 т камбалы ввиду того, что цены на мировом рынке морепродуктов начали существенно расти.

Таким образом, мы можем сказать, что сложившаяся во второй половине 1980-х гг. модель приграничного сотрудничества мало соотносилась с понятием «развитие» для Дальнего Востока. Скорее, она позволяла частично заполнить провалы, вызванные нараставшим социально-экономическим кризисом. Советская сырьевая продукция обменивалась на товары и услуги, которые фактически замещали централизованные поставки. Историческим свидетельством этому остаются дома, школы и другие объекты, построенные китайскими рабочими из китайских материалов в счет поставок советской продукции, чаще всего – рыбы [16. Л. 28]. Направления сотрудничества, с которыми китайские партнеры «заходили» на Дальний Восток, позволяли советским предприятиям и органам власти отчитаться о выполнении спущенных сверху указаний о развитии производства товаров народного потребления и социальной сферы, об интенсификации внешне-экономических связей, избавляясь при этом от решения нереальной задачи освоения передовых технологий и выхода на внешний рынок с готовой продукцией. К началу 1990-х гг. редкое крупное предприятие не имело договора или протокола о намерениях по сотрудничеству с КНР. Советские производители брались совместно с китайцами выпускать примитивные потребительские товары, которые в избытке могли быть поставлены напрямую из Китая.

Проблема социального капитала в приграничных связях. Осенью 1988 г., во время проведения выставки китайских товаров во Владивостоке, заместитель руководителя фирмы «Дальпригран» открыто признал, что именно настойчивость и активность китайцев позволила в разы увеличить объем приграничной торговли. Присутствовавший там же генеральный директор Главной компании по заграничной торговле провинции Хэйлуцзян поддержал эту точку зрения. Ему «очень хотелось бы видеть побольше мобильности, коммерческой смелости и в дальневосточниках». Он предлагал не ограничиваться простым товарообменом, но создавать совместные предприятия, использовать китайских рабочих на строительстве промышленных объектов в Приморье [23. Л. 33].

Отчего советские партнеры не проявляли активности в углублении сотрудничества с КНР даже тогда, когда у них, казалось бы, появились стимулы и полномочия это делать? Обращаясь к рутинным взаимодействиям, мы видим, что непосредственная выгода такого партнерства могла и не перевесить приложенных организационных усилий, более того, она даже могла повлечь за собой серьезные издержки. Не было чем-то необычным, когда наши организации закупали китайские товары по ценам в 2–4 раза выше их реального уровня [15. Л. 57]. Советские бюрократы сами чув-

ствовали, что они заведомо уступают китайским партнерам в осведомленности о конъюнктуре международного рынка, и отмечали «умелое использование ими (китайцами. – А.С., Е.Ч.) наших просчетов, неумение вести коммерческую работу и элементарное незнание директивных документов по внешнеэкономическим вопросам» [27. Л. 8]. Советские предприятия часто рассчитывались «непрофильным сырьем»: например, вагонно-рефрижераторное депо из шести контрактов на использование иностранной рабочей силы в трех рассчиталось камбалой. Но еще важнее было то, что они поставляли эту продукцию по ценам внутреннего рынка, т.е. заведомо дешевле, чем она котируется на мировом. Новорожденные советские предприниматели просто не знали мировых цен [Там же. Л. 18].

Обратимся к конкретным примерам трудностей, сопровождавших совместную деятельность двух стран. Весной 1988 г. во Владивосток прибыла большая делегация из КНР для переговоров с Дальрыбой⁴ по вопросам ремонта советских судов в Китае в обмен на поставку советской рыбопродукции. Китайская делегация, которая пробыла в СССР около месяца, включала не только представителей фирмы «Машимпекс», выступавшей координатором и посредником для китайских судоремонтных и судостроительных предприятий, но также сотрудников «Национальной компании по рыболовству и рыбопереработке», судоремонтных и судостроительных заводов, министерства внешней торговли КНР, посольства КНР в Москве. Китайскую группу возглавлял генеральный советник президента Машимпекса, советскую – главный инженер Дальрыбы.

Уже в самом начале переговоров на демонстрации образцов рыбопродукции советские участники с неудовлетворением отметили, что китайцев интересует наиболее дешевая необработанная продукция из минтая. Возникло подозрение, что полученный в счет судоремонта минтай будет перепродан Машинпексом на внешнем рынке гораздо дороже. Китайцы упирали на то, что цены на советскую рыбу неприемлемо высоки для их внутреннего рынка, и были вынуждены обращаться за разъяснениями в Пекин. В свою очередь, их предложения по ценам за судоремонтные работы оказались слишком высокими для советских представителей. Переговоры проходили в нервной атмосфере [20. Л. 37–40]. После трех недель их проведения стало понятно, что до контракта дело не пойдет, и все ограничилось подписанием протокола о намерениях, с чем китайская делегация и уехала в КНР. Этот не самый удачный опыт был проанализирован советской стороной, и в краевой комитет поступили предложения по совершенствованию взаимодействия с китайцами. Некоторые из этих предложений мы приведем полностью, поскольку они отражают главные проблемы, которые беспокоили участников советско-китайского приграничного взаимодействия: «предварительно оговаривать строгие сроки пребывания делегаций друг у друга, определенное количество состава и специалистов, место встреч и переговоров, порядок возмещения расходов обеих сторон по статьям затрат»; «обеспечить разумную последовательность встреч, переговоров с соответствующей плановой подготовкой каждо-

го мероприятия»; «через советские представительства в КНР тщательно изучить внутренний рынок на предмет экспорта в Китай консервной продукции рыбохозяйственных предприятий и организаций Дальнего Востока» [Там же. Л. 45].

Другой, вероятно, еще более показательный пример связан с привлечением китайской рабочей силы. В октябре 1988 г. Сахалинлеспром заключил контракт с Шеньянской строительной компанией о привлечении китайских рабочих и управляющих в Поронайский лесокombинат. Предполагалось, что около 700 граждан КНР будут работать на лесопильном производстве в течение пяти лет, что не только сулило снижение расходов на оплату труда, но также избавляло руководство Сахалинлеспрома от необходимости строить социальную инфраструктуру, как это было бы в случае привлечения советских кадров. Предприятие провело подготовительную работу для приема иностранцев: приобрело одежду, специнвентарь, оборудовало столовую. Однако первая прибывшая группа рабочих и специалистов (237 чел.) оказалась полностью некомпетентной в лесопилении. Для нее пришлось организовать обучение. Китайцы допускали опоздания и массовый невыход на работу. Чтобы производство не остановилось, потребовалось завозить рабочих из других районов Сахалинской области. В результате у Поронайского лесокombината в первые два месяца резко возросли затраты на единицу произведенной продукции: по зарплате они составили 71 руб. 55 коп. на 1 куб. м пиломатериала при плановых 18 руб. 58 коп., а прописанный в контракте план выпуска был выполнен за это время только на 6,4%. Китайские рабочие произвели продукции на 208 тыс. руб. при плане в 3 250 тыс. руб., а затраты на их содержание составили 254 тыс. руб. Руководство комбината предлагало разорвать контракт и создать благоприятные социальные условия для местных рабочих [28. Л. 17, 21–23].

Из приведенных примеров мы видим, что, начиная работу с Китаем, советские учреждения брали на себя как организационные, так и финансовые риски: спрогнозировать поведение контрагента и конечный результат было невозможно ввиду отсутствия опыта, дефицита достоверной информации и ограниченных возможностей ее получения.

Заключение. Несколько сюжетов, изложенных выше, показывают сложность налаживания взаимовыгодных приграничных связей между СССР и Китаем после не столь уж долгого по историческим меркам перерыва.

В Советском Союзе явно недооценивали потенциал взрывного экономического роста, который уже набирал обороты в Китае. Справедливо сказать, что мало кто в мире смог предугадать будущую роль КНР в мировой экономике. Но в условиях централизованной плановой системы в СССР на первоначальном этапе не было альтернативы, доступной капиталистическим странам, в которых крупные корпорации сами находили оптимальные пути экономического сотрудничества с Китаем, движимые стремлением снизить производственные издержки. В нашем случае данные функции лежали на исследовательских, партийных и бюрократических организациях. И хотя движение в данном

направлении началось с начала 1980-х гг., эти структуры оказались не готовы исполнить свою роль по причине долгого полуизолированного развития.

На региональном уровне у советских партийных и хозяйственных управленцев фактически не было пространства для импровизаций и использования новых возможностей в двусторонних связях, поскольку оперативно перенаправить продукцию (включенную в плановые задания) на внешний рынок было едва ли реально. Здесь необходимо специально подчеркнуть, что торговля между СССР и КНР была именно обменом товара на товар по клиринговой системе, а не продажа за деньги. Поэтому нарастание товарного дефицита в СССР порождало проблемы с наполнением экспортных поставок. В то же время ассортимент местных товаров, которые можно было обменять (а в региональных внешнеэкономических обменах также допускался только бартер) через Дальинторг, был скудным и не менялся десятилетиями. Ситуация вряд ли могла быть иной, учитывая, что в системе советской приграничной внешней торговли не было агентов, занимавшихся поиском рыночных ниш за рубежом и продвижением продукции, а внутри советской экономики не существовало механизмов получения прямой выгоды предприятием-экспортером от продажи продукции за рубеж.

Поэтому провозглашение Москвой новых целей и новой политики по их реализации без системных изменений порождало нарастание традиционной активности на местах: пропаганда достижений советского строя и разъяснение новой политики партии – таким оставался небогатый инструментарий регионального руководства в деле развития отношений с КНР вне зависимости от целей, которые ставились наверху. Положительную динамику внешнеэкономических связей невозможно не заметить. Но во второй половине

1980-х гг. она имела мало общего с современным пониманием этого процесса. Это едва ли возможно назвать выходом на внешние рынки или развитием экспорта. Воспроизведение шаблонных моделей бюрократической активности – вот тот фактор, который ограничивал потенциал развития двустороннего сотрудничества на уровне управления.

На уровне непосредственных взаимодействий по мере роста интенсивности приграничных связей проявлялась проблема, которую мы назвали дефицитом социального капитала. То, что нам, спустя 30 лет, представляется неуверенным движением двух стран навстречу друг другу в попытках найти взаимовыгодные точки соприкосновения, для участников тех событий, скорее, было хаосом поездок, встреч, переговоров, банкетов. Советские хозяйственники и партийные бюрократы не имели ни проверенных и надежных китайских партнеров, ни достаточной информации об экономической конъюнктуре и практике ведения дел с КНР. Громкие заявления и декларации о намерениях изрядно тускнели, а выгоды оборачивались издержками при переходе к вещам прозаическим – согласованию цен, поставок конкретных видов продукции в счет оплаты работ и т.д.

Но из последующих событий мы знаем, что с 1988 г. разворачивается новый этап в развитии приграничных связей: предприятия стали более свободными в распоряжении своей продукцией и ведении внешнеэкономической деятельности. Но почему они не смогли использовать возросшую самостоятельность для долгосрочных целей своего развития? И как проявлял себя социальный капитал, который, несмотря на сложности первых лет, накапливался и становился все более значимой частью регионального экономического сотрудничества двух стран? Эти вопросы – предмет дальнейших исследований.

Примечания

¹ Информационно насыщенная дискуссия на этот счет имела место в ходе регионального совещания по вопросам развития экспортного потенциала, прибрежной и приграничной торговли, взаимного сотрудничества автономных республик, краев и областей Сибири, Дальнего Востока и Забайкалья с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, проходившего в Благовещенске 4 августа 1988 г. с участием министров РСФСР (см. подробнее: [15]).

² Это отсылка к цитате из знаменитой работы Ф. Броделя, в которой он, оценивая территориальное расширение России в XVI–XVIII вв. (отдельно остановившись на русском продвижении в Сибирь и торговле русских купцов с Китаем), писал: «Напрашивается вывод: на своих окраинах русский гигант не утвердился прочно. Его внешние обмены – с Пекином, Стамбулом, Исфаханом, Лейпцигом, Львовом, Любеком, Амстердамом – были объектом нескончаемых манипуляций со стороны других» (см. подробнее: [17. С. 502]). Нам важно было привести эту цитату, чтобы подчеркнуть долговременность проблем внешних обменов России – они отражают некую структурную слабость, которая воспроизводится вплоть до сегодняшнего дня, независимо от типа экономики и политического режима. Понять природу и многообразные следствия этой слабости, значит уже объяснить многое в проблемах внешнеэкономических связей Дальнего Востока и всей страны, но данная тема все еще ждет своего исследования и требует долговременных коллективных усилий.

³ Основным направлением деятельности сектора зарубежных связей Приморского крайкома КПСС было поддержание общественных связей Приморского края с провинциями Северный Хамген (КНДР), Цилинь (КНР), Хайфон (СРВ), города Находка – с городами Майдзуру, Отару, Цируга (Япония), Окленд, Беллингхем (США), поселка Пограничный – с г. Суйфэнхэ (КНР). Примечательно, что эти направления деятельности оставались неизменными вплоть до 1990 г.

⁴ Дальрыба – Всесоюзное рыбопромышленное объединение Дальневосточного бассейна.

Список источников

1. Архив Президиума ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 666. Т. 5.
2. О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года : постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.08.1987 № 958. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8315&dst=4294967295&date=24.05.2019> (дата обращения: 24.05.2019).
3. Шлапек Е.А., Степанова С.В. Развитие приграничной торговли в России: общие тенденции и особенности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 23, № 1. С. 130–139.
4. Каширская А.В. Становление дальневосточной приграничной политики России // Управленческое консультирование. 2014. № 5. С. 133–138.
5. Даниловских Т.Е., Кузьмичева И.А., Флик Е.Г., Кузьмичев Д.И. Этапы развития и формы приграничной торговли между Китаем и Россией // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. № 3. С. 16–22.

6. Ларин В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков. Владивосток : Дальнаука, 2006. 424 с.
7. Рыжова Н.П., Симутина Н.Л. Российско-китайская граница: отчужденная – сосуществующая – взаимозависимая? // Полития. 2007. № 3 (46). С. 100–114.
8. Иванов С.А. Участие властей провинции Хэйлунцзян в российско-китайском экономическом сотрудничестве (1979–2009) : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток. 2014. 276 с.
9. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996. 287 с.
10. Бородавкин А. Россия и Китай: по пути добрососедства и сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 12–19.
11. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П-68. Оп. 115. Д. 563.
12. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 323.
13. Интервью № 69, г. Владивосток, Приморский край // Личный архив А.Е. Савченко.
14. Спрогис Е.В. Как сотрудничаем с Китаем? // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 17–24.
15. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-114. Оп. 2. Д. 5135 ОЦ.
16. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 324.
17. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / 2-е изд. М. : Прогресс, 2007. Т. 3: Время мира. 752 с.
18. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 115. Д. 566.
19. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 115. Д. 725.
20. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 554.
21. Интервью № 68, г. Амурск, Хабаровский край // Личный архив А.Е. Савченко.
22. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 112. Д. 116.
23. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 479.
24. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 178.
25. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики о принципах создания и деятельности совместных предприятий, Пекин, 8 июня 1988 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757492> (дата обращения: 24.05.2019).
26. Интервью № 45, г. Владивосток, Приморский край // Личный архив А.Е. Савченко.
27. ГАПК. Ф. П-68. Оп. 117. Д. 792.
28. Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). Ф. П-4. Оп. 159. Д. 125.

References

1. The Archives of the Presidium of the FEB RAS. Fund 17. List 1. File 666. Vol. 5.
2. The Central Committee of the CPSU & The Council of Ministers of the USSR. (1987) *O kompleksnom razvitii proizvoditel'nykh sil Dal'nevostochnogo ekonomicheskogo rayona, Buryatskoy ASSR i Chitinskoy oblasti na period do 2000 goda: postanovlenie TsK KPSS, Sovmina SSSR ot 19.08.1987 № 958* [On the integrated development of productive forces of the Far Eastern economic region, Buryat ASSR and Chita Region up to 2000: Resolution № 958 of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR of August 19, 1987]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=8315&dst=4294967295&date=24.05.2019> (Accessed: 24th May 2019).
3. Shlapeko, E.A. & Stepanova, S.V. (2017) Development of cross-border trade in Russia: General trends and features. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 23(1). pp. 130–139. (In Russian).
4. Kashirskaya, A.V. (2014) Formation of Far East Border Policy in Russia. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie – Administrative Consulting*. 5. pp. 133–138. (In Russian).
5. Danilovskikh, T.E., Kuzmicheva, I.A., Flik, E.G. & Kuzmichev, D.I. (2016) Stages of development and forms of cross-border trade between China and Russia. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 3. pp. 16–22. (In Russian).
6. Larin, V.L. (2006) *V teni prosnuvshegosya drakona: Rossiysko-kitayskie otnosheniya na rubezhe XX–XXI vekov* [In the shadow of the awakened dragon: Russian-Chinese relations at the turn of 20th – 21st centuries]. Vladivostok: Dal'nauka.
7. Rizhova, N.P. & Simutina, N.L. (2007) Russian-Chinese border: alienated – coexisting – interdependent? *Politiya – Politeia*. 3. pp. 100–114. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2007-46-3-100-114
8. Ivanov, S.A. (2014) *Uchastie vlastey provintsii Kheylyuntszyan v rossiysko-kitayskom ekonomicheskom sotrudnichestve (1979–2009)* [Participation of the Heilongjiang Provincial Authorities in the Russian-Chinese Economic Cooperation (1979–2009)]. History Cand. Diss. Vladivostok.
9. Putnam, R. (1996) *Chitoby demokratiya srobotala. Grazhdanskie traditsii v sovremennoy Italii* [Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem.
10. Borodavkin, A. (2009) Russia and China: along the road of good-neighbourliness and cooperation]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Studies*. 5. pp. 12–19. (In Russian).
11. The State Archives of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 115. File 563.
12. The State Archives of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 117. File 323.
13. A.E. Savchenko's Personal Archive. (n.d.) *Interv'yu № 69, g. Vladivostok, Primorskiy kray* [Interview № 69, Vladivostok, Primorsky Krai].
14. Sprogis, E.V. (1990) *Kak sotrudnichaem s Kitaem?* [How do we cooperate with China?]. *Problemy Dal'nego Vostoka – Far Eastern Studies*. 6. pp. 17–24.
15. The State Archives of Amur Region (GAAO). Fund R-114. List 2. File 5135 EV.
16. The State Archives of Primorsky Krai (GAPK). Fund P-68. List 1157 File 324.
17. Braudel, F. (2007) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.: v 3 t.* [Material civilization, economy and capitalism, 15th – 18th centuries: in 3 vols]. 2nd ed. Moscow: Progress.
18. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 115. File 566.
19. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 115. File 725.
20. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 117. File 554.
21. A.E. Savchenko's Personal Archive. (n.d.) *Interv'yu № 68, Amursk city, Khabarovsk Krai* [Interview No. 68, Amursk, Khabarovsk Territory].
22. The State Archive of the Khabarovsk Territory (GAKhK). Fund P-35. List 112. File 116.
23. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 117. File 479.
24. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 117. File 178.
25. CNTD. (1988) *Soglasenie mezhdu Pravitel'stvom Soyuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik i Pravitel'stvom Kitayskoy Narodnoy Respubliki o printsipakh sozdaniya i deyatel'nosti sovместnykh predpriyatiy, Pekin, 8 iyunya 1988 g.* [Agreement between the Government of the Union of Soviet Socialist Republics and the Government of the People's Republic of China on the principles of establishing and operating joint ventures, Beijing, June 8, 1988]. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901757492> (Accessed: 24th May 2019).
26. A.E. Savchenko's Personal Archive. (n.d.) *Interv'yu № 45, g. Vladivostok, Primorskiy kray* [Interview No. 45, Vladivostok, Primorsky Territory].
27. The State Archives of the Primorsky Territory (GAPK). Fund P-68. List 117. File 792.
28. The State Archives of Sakhalin Region (GASO). Fund P-4. List 159. File 125.

Сведения об авторах:

Савченко Анатолий Евгеньевич – кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия). E-mail: savich21@mail.ru

Чернолуцкая Елена Николаевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия). E-mail: chvalery@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Savchenko Anatoly E. – Candidate of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: savich21@mail.ru

Chernolutskaia Elena N. – Doctor of Historical Sciences, a leading researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: chvalery@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.10.2019; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 07.10.2019; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.17223/19988613/78/11

Селияровская волость на Средней Оби в этно-пространственном измерении (XVII–XX вв.)

Сергей Викторович Туров

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, svtur57@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена этническая составляющая процесса заселения сельской местности Среднего Приобья в XVII–XX вв. на примере Селияровской волости. Изучена история продвижения в данный регион пришлого населения. Уделено внимание процессам ассимиляции коренных жителей и этнической конвергенции. Пространственный метод позволил проследить эволюцию локализации поселений в связи с изменениями в природной среде и замещением охотничье-рыболовного хозяйства агропромышленным.

Ключевые слова: Среднее Приобье, этническая история, обские угры, коми, русские, локализация поселений

Благодарности: Выявление источников по исследовательской теме в центральных архивах и библиотеках (РГАДА, РНБ) выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-49-720018 «Интеллектуальный капитал как драйвер ускоренного развития Тюменского региона: от аграрно-сырьевой к постиндустриальной модели развития» (рук. А.Н. Сорокин). Выявление источников в региональных архивах (ГБУТО ГА в г. Тобольске, ГА ХМАО (Югры), АОА г. Сургута) выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» (рук. М. Бассин).

Для цитирования: Туров С.В. Селияровская волость на Средней Оби в этно-пространственном измерении (XVII–XX вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 83–91. doi: 10.17223/19988613/78/11

Original article

Seliyarovskaya volost on the Middle Ob in the ethno-spatial dimension (XVII–XX centuries)

Sergei V. Turov

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, svtur57@mail.ru

Abstract. The aim of this article is to reconstruct the history of settlement in rural areas of the Middle Ob region in the XVII – XX century in the ethnic aspect using the example of Seliyarovo village and its' district. In this regard, the ethnic composition and the place of newcomers' migration has been studied. The attention was paid to the processes of ethno-cultural interaction of the newcomer and the indigenous population. There was an attempt to link changes in the ethnic component of the population and changes in the localization over a distance (landscape).

An important source in the study of ethnic history were the published and unpublished records of local state institutions of the XVII – XX centuries, and the metric books of the Seliyarovskoi Uspenskoy Church as well. The ethnic population composition at the end of the XX century was studied in the author's field research. Cartographic materials of the XIX – XX century were involved in the study of the settlements' localization.

Close to the Russian colonization of Northwestern Siberia, the area that later became part of the Seliyarovsky volost was a part of the so-called Belogorsky han which was a kind of confederation consisted of small Ostyak hans. The Seliyar han was ruled from the Seliyar town by knyaz Atir, and then by his son, Nekoma. After the founding of the Surgut prison (1594), Seliyarovskaya volost, among other Ostyak "towns and volosts", became a part of the Surgut district.

The first newcomers to the Seliyarovsky volost were the coachmen of the Samarovsky post coach station, who founded a number of settlements here at the end of the XVII century. As time went on, Seliyarovo village turned into a significant economic center of the Middle Ob region. A large area, which included both Russian villages and foreign yurts, came towards it. This became possible because of several waves of migrations: from the Russian North (XVII – XVIII centuries), intra-Siberian migrations (XIX - first third of XX centuries) and forced relocations (dispossession, evacuation, deportation). The indigenous population of the region was mostly assimilated and incorporated by migrants. The ethno-cultural interaction of the newcomers and the indigenous population was facilitated by the fact that most of the migrants from the Russian North were Russian-speaking representatives of the Finno-Ugric peoples (Komi-Zyryans, Komi-Permians, Veps). Also, these migrants considered themselves as Russians in the second or third generation. Russians in

the XIX – XX centuries were the ethnic majority of the rural population of the Middle Ob region. The Russians introduced a productive economy and a sedentism as a result. The spatial localization of settlements inherited from taiga fishermen and hunters wasn't fit for the needs of the fishing and producing economy anymore. As a result, settlements were moved to other places or even abolished.

Keywords: Middle Ob region, ethnic history, Ob Uygains, Komi, Russians, localization of settlements

Acknowledgements: Identification of sources on the research topic in the central archives and libraries (RGADA, RNB) was carried out with the support of the RFBR grant, project No. 20-49-720018 “Intellectual capital as a driver of accelerated development of the Tyumen region: from the primary to the post-industrial development model” (exec. A.N. Sorokin). Identification of sources in regional archives (GBUTO GA in Tobolsk, GA of KHAMAO (Yugra), AOA, Surgut city) was carried out with the support of a grant from the Government of the Russian Federation, project No. 075-15-2021-611 “Man in the changing space of the Urals and Siberia” (exec. M. Bassin).

For citation: Turov, S.V. (2022) Seliyarovskaya volost on the Middle Ob in the ethno-spatial dimension (XVII–XX centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 83–91. doi: 10.17223/19988613/78/11

Накануне русской колонизации Северо-Западной Сибири в местности, впоследствии вошедшей в состав Селияровской волости, обитали ханты, управлявшиеся из городка Салынра (Селияровский городок) князем Атырем, а затем его сыном Некомой. Селияровское княжество входило в союз княжеств (конфедерацию), возглавляемый «большим князем» Самаром и получивший в русских источниках название Белогорского княжества [1. С. 145].

Позднее Селияровская остяцкая волость в числе прочих остяцких «городков и волостей» вошла в Сургутский уезд с момента его основания, в конце XVI в. К этой волости принадлежали остяки, кочевавшие в районе р. Лямин [2. С. 86]. Известно, что в 1710 г. в Селияровской волости ясак взяли с 7 человек [3. Л. 11 об.]. Родовой тамгой селияровских остяков было изображение лисицы. К 1764 г. «людей лисицы» было 35 душ мужского пола [4. С. 148, 150]. В первой половине XVIII в. в состав «Селиарской» волости входили юрты Чигамкины, Тукаскины, Сакалевы, Балины с общим количеством юрт – 13. Остяки Селияровской волости были объединены не только в административном отношении. В 1740 г. Г.Ф. Миллер писал, что язык селияровцев «несколько отличается» от языка соседей [5. С. 217–218].

Первыми русскими насельниками Селияровской волости стали ямщики, относившиеся к Самаровскому яму, основанному в 1632 г. [6. С. 67]. Заселение ямщиками участка Средней Оби от Самаровского яма до Селияровской волости Сургутского уезда произошло не ранее конца XVII в. Во всяком случае, еще в 1696 г. ясачные остяки Селиарской и смежных «инородческих волостей» продолжали нести подводную повинность (Самарово–Нарым), возложенную на них еще в конце XVI в., и в соответствующей челобитной просили «... в Сургуте и меж Сургута построить ямы» [7. С. 62–63].

Г.Ф. Миллер в 1740 г. насчитал в «Селиарском» (Успенском) погосте 4 ямщицких двора и отметил, что погост «прежде» назывался д. Горшковой, а это свидетельствует о том, что священно-церковнослужителей Успенской церкви подселили к ямщикам [5. С. 217]. Церковь Успения Пресвятой Богородицы была построена между 1716 и 1721 гг., непосредственно после миссионерских экспедиций Филофея Лещинского в Сургутский уезд в 1716 и 1718 гг. [8. С. 251]. Таким образом,

д. Горшкова и другие поселения самаровских ямщиков на Средней Оби были основаны между 1696 и 1721 гг.

Между Самарово и Сургутом в середине XVIII в. располагались деревни: Скрипунова (Топоркова, 3 двора); Зинкова (Зиновьева, 2 двора); Милянова (Зуева, 2 двора); Сумкина (1 двор); Конова (Соскина, 4 двора); Спиридонова (4 двора), – все эти деревни, как и Селияровский погост, относились к Самаровскому яму и были заселены ямщиками. За Селиярово, вверх по Оби до Сургута, стояла только одна русская деревня Панкина, в которой жили «сургутские казаки и разночинцы», но к 1740 г. и эта деревня находилась на грани исчезновения [5. С. 215–218]. Напротив, большинство названных выше деревень, основанных самаровскими ямщиками, в дальнейшем укоренились, а Зенково существует по сей день. К 1805 г. между Сургутом и Селиярово стояли три небольших русских деревеньки: Пилогинская (Пимогинская), Тундринская (Майорская) и Кунинская (Кушниковая). К середине XIX в. сложилось крупное русское село Юганское (74 человека) [1. С. 261; 9. С. 55].

Крупным по северным меркам было и с. Селиярово. К началу 1780-х гг. здесь было 13 дворов. В волости числилось 4 поселения аборигенов – юрты Тугасковы (3 двора), Чигамкины (3), Балины (5), Еголдаевы (3) [10. С. 302]. Все «инородческое» население Селияровской волости составляло 53 души мужского пола, а к концу XVIII в. (1795) – 45 душ. К середине XIX в. инородческое население волости не выросло, здесь насчитывалось 44 души мужского пола [4. С. 150]. Селияровская волость простиралась «на пространстве 100 верст по реке Оби на протоках Бастоминной и Марниной и сопредельна Самаровской волости Тобольского уезда, Кодским городкам, Пимской и Салымской волостям Березовского округа» [11. Приложение, табл. № 12].

Селиярово в XIX – начале XX в. являлось экономическим центром округа. Дело в том, что раз в год, на Крещение, на Николин или Петров день приобские инородцы собирались для принесения ясака в волостные центры. На это время там возникали небольшие торжки. Торжок в с. Селиярово приходился на день Петра и Павла и, по замечаниям наблюдателей, пользовался особой популярностью у остяков Средней Оби. Сюда стекались инородцы из Селияровской и смежных

волостей, «живущие по Оби и Салыму». Уже в середине XIX в. за местным торжком утвердилось название «Селияровская ярмарка» [9. С. 49]. «Наибольшей популярностью пользуется торжок в селе Селиярске, имеющий место... в Петров день. В годы, обильные дичью и рыбой, здесь бывает такое стечение народа со всех окрестностей, что его нередко даже прямо называют “Селиярской ярмаркой”... Церковь в это время всегда бывает полна народом, и восковые свечи в изобилии теплятся перед иконой особенно чтимого остояками святителя Николая Чудотворца, которого они молят о даровании им хорошего лова... Водка, которая в такие пункты доставляется в большом изобилии, несмотря на все запрещения, льется по случаю празднества рекою. В эти же дни совершаются всевозможные сделки с торгующими крестьянами и забираются вперед мука, соль и другие припасы под обеспечение будущего улова» [12. С. 45]. Водку, кстати, в Селиярово можно было приобрести не только во время ярмарки. Уже в середине XIX в. в селе действовали питейные заведения на постоянной основе [9. С. 49]. К концу XIX в. только сбор с этих заведений в пользу сельского общества составлял 80 руб. [13. С. 270].

В 1880 г. в Селияровской волости числилось 87 инородцев (38 мужчин и 49 женщин) [11. Приложение, табл. № 13]. К 1893 г. на территории Селияровской инородческой волости проживал 71 инородец (34 мужчины и 37 женщин). Инородческое население волости управлялось из инородческой управы, находившейся в с. Селияровском и состоявшей из «старшины» и писаря. В числе инородческих старшин Селияровской волости в XVII–XIX вв. упоминаются Некома (Никкома, Икома) Атырев, Моголохко Яногин, Аушкал Моголакков (Аушкан Моголов), Кикчел Кунтыков, Камакай Севрин, Лурыл Пойманов (XVI в.), Иван Милясов, Андрей Лукин (XVIII–XIX вв.) [4. С. 182; 14. С. 147, 153, 193]. Всех ямщиков, относившихся к Самаровскому яму, в 1824 г. перевели в разряд государственных крестьян [1. С. 262]. Русские жители с. Селиярово составляли в конце XIX – начале XX в. Селияровское сельское общество, а после перевода в 1910 г. инородцев Селияровской волости в разряд оседлых они (юрты Чебуровские, Какравские, Клыковские и Алякинские) были присоединены к Селияровскому сельскому обществу с полным уравниванием в правах с русскими крестьянами [15. С. 146, 209.].

Село Селияровское по-прежнему являлось важным транзитным пунктом на зимнике Тобольск–Сургут–Березов. В 1893 г. в селе стояло 25 дворов, где проживали 202 человека (104 мужчины и 98 женщин) [16. С. 20]. К началу XX в. в Селиярово числились 222 жителя (108 мужчин и 114 женщин) [17. С. 31]. К 1913 г. в Успенском селияровском приходе насчитывалось 177 дворов и 857 прихожан (440 мужчин и 417 женщин) [18. С. 172].

Итак, русское с. Селиярово начиналось с д. Горшковой, а д. Горшкова, как будет показано ниже, получила свое название от фамилии первонасельников. Жители с. Селиярово причисляют фамилию Горшковых к старожильческому. К старожильческому относятся также фамилии Фирсовы и Рязанцевы. Возможно, две

последние фамилии связаны со второй волной заселения русскими Среднего Приобья, поднявшейся в начале XIX в. Крестьяне переселялись из более южных волостей Тобольского уезда (Кугаевской, Бронниковской, Бегитшевской, Абалакской, Уватской и др.). Со временем поток переселенцев только усиливался. В конце XIX в. наблюдатели замечали, что «...этим путем Денщикова, Демьянская и Самаровская волости приобретают ежегодно не менее 20–35 душ обоюбого пола, часть которых прямо причисляется в эти волости, часть сначала просто селится, чтобы причислиться уже потом, вполне обжившись» [12. С. 65]. На начало XX в. пришелся пик переселений русских в Сургутский уезд, вызванный «хорошим промыслом белки». С 1900 по 1911 г. только в смежной с Селияровской Тундринской волости была построена 91 «изба русского типа» [19. С. 100].

После революции заметным стало переселение из ближайших к Селиярову населенных пунктов. Так, Пачгановы переехали из Зенково в первой половине 20-х гг. XX в. Тогда же из Сумкино прибыли Сумкины, из Конево – Коневы, Змановские – из с. Скрипунова. В 1950-х – начале 1960-х гг. началось укрупнение колхозов, и Селиярово наряду с Зенково и Нялино стало центром укрупненного колхоза. В Селиярово перебрались многие жители деревень Бала, Алекино, Долгое Плесо, Сивохребт, Сумкино, Чебыково; здесь, кроме обозначенных выше, появляются представители фамилий Паромовых, Шехеревых, Китайкиных,

Не ослабевал после революции, особенно до коллективизации, и миграционный поток с юга региона. Так, в Алекино, по словам старожилов, в 1930–1940-е гг. жили «в основном» переселенцы «с Иртыша». В 1930–1940-е гг. д. Сивохребт, со слов старожилов, была русской, т.е. ханты уже составляли в ней меньшинство. Одним из представителей этой переселенческой волны в с. Селиярово является Е.С. Доронина (1923 г.р.). Ее ребенком привез с собой отец, переселившийся во второй половине 1920-х гг. из-под Тобольска. Еще одна волна миграций была связана с известными историческими потрясениями. Так, отец жителя с. Селиярово Э.Н. Соломатина был в начале 1930-х гг. раскулачен и выслен на Север из-под Челябинска. Р.И. Купцова в 1942 г. была эвакуирована из Ленинградской области, да так и осталась в Селиярово.

Описанным выше образом складывалась и история заселения деревень Селияровской волости. Так, первыми насельниками юрт Балинских были ханты Балины. Во всяком случае в XVII в. зафиксированы в «Юганской волости и Подгородной и волостные князец... Вычиксы Балин, Молчанко Балин...» [14. С. 183–184]. Балины отмечены в метрических книгах селияровской Успенской церкви в 1860-х гг. в юртах Балинских. Между 1861 и 1875 гг. в юртах Балинских кроме Балиных проживали еще «инородцы» Сегиткины, Иврины, Ерыновы [20]. Русские в метрических записях 1861–1875 гг. не встречаются. Между 1909 и 1919 гг. в метрические книги селияровской Успенской церкви уже не фиксируют инородцев Сегиткиных и Балиных в юртах Балинских, зато появляются носители инородческих фамилий Пухленкиных и Левиховых. Продолжают

проживать в Балинских юртах Иврины и Ерыновы. К этому же времени в Бале уже сложилась группа постоянного русского населения – «юрт Балинских крестьяне» Спиридоновы, Ильины. Ильины перебрались на Среднюю Обь из Тобольского уезда Дубровной волости д. Трушниковой [21. Л. 123, 166, 273, 321].

В документах Балинского сельского совета за 1922–1924 гг. находим фамилии некоторых тогдашних жителей д. Бала: Ильиных, Спиридоновы, Иврины, Тальничные, Чернобровцевы, Медведевы. [22. Л. 5, 31, 61 об., 64]. Документы начала 1930-х гг. донесли фамилии некоторых жителей деревни этого времени: Иванов, Быков, Конев, Собольников, Замятина, Кугиников [23. Л. 143–145]. В 1942 г. в д. Бала прибыло «7 переселенцев» [24. Л. 31]. Термин «переселенцы» наводит на мысль, что речь может идти о немцах Поволжья. Ликвидация Автономной республики немцев Поволжья состоялась 28 августа 1941 г. Депортация проходила постепенно с сентября 1941 г. по май 1942 г. в восточные районы страны, в том числе в Сибирь [25. С. 94].

Ассимиляция коренного населения началась еще в период первоначального освоения русскими территории Среднего Приобья, в XVII в. Так, в 1683 г. в Самарском яме проживал с семьей ямщик из «крещенных остяков». В 1710 г. здесь же зарегистрирован «новокрещенный оброчный бобыль остяцкой породы», также имевший семью [6. С. 83; 26. С. 173–174]. К середине XIX в. для лесных ненцев, кочевавших между р. Пимом и р. Ляминам, это закончилось тем, что часть их откочевала далее на северо-восток (сейчас они обитают в верховьях р. Аган), а остальные были полностью инкорпорированы в состав местного русского населения. М.А. Кастрен в 1845 г. в д. Топорковой (Скрипуновой) буквально выписывал «самоедов», которых местные русские не считали таковыми: «...формальные розыски старосты открыли наконец черноволосого карлика, самоедство которого, однако ж, оспаривали, и по преимуществу тем, что он носил русскую рубашку и принял русское имя. Несмотря на то... что и отец, и мать его были самоеды и самоедский язык он почитал своим родным языком». Таких самоедов М.А. Кастрен нашел в Топорковой 7 семей. Впрочем, во времена Кастрена несколько десятков ненецких семей еще кочевали в районе рек Chan-tsche-jaha, Nistjei, Лямин Сор и Верхний Назым [9. С. 49–50]. Лесные ненцы вернулись в селянскую местность в 1950-х гг., в это время в верховьях Васькиной (Сосновой) речки появилось поселение ненецкого рода Венго. В начале 2000-х гг. в этом поселении проживали 6 ненцев. Они вели традиционный образ жизни, сохраняли национальные традиции и язык [18. С. 175, 178].

Процесс ассимиляции коренного населения быстро пошел во второй половине XIX в. В это время русские начинают селиться в поселениях аборигенов, в свою очередь, в большинстве русских сельских населенных пунктов на Средней Оби постоянно жили представители коренных народов [1. С. 262]. Начинаются широкие заимствования в области материальной культуры. В середине XIX в. М.А. Кастрен описывал хантыйские юрты на Средней Оби как весьма примитивные срубные постройки: «...избы не отличаются большим

удобством. Они чрезвычайно малы, зачастую без печи, без окон, без скамеек и стола – одни стены да пол, покрытый камышовыми рогожами. Если есть окна, то стекла заменяются пузырем, а редкая печь складывается из глины с сеном или тростником. Собственно, это и не печь, а очаг в уровень с полом и шапкообразной трубой... » [9. С. 55–56]. К концу XIX – началу XX в. наблюдатели в один голос заявляли о том, что ханты Самаровской и смежных инородческих волостей «сравнительно с другими культурны... Избы здесь светлые, русского типа – с сенями, о двух и даже трех комнатах», – писал А.А. Дунин-Горкавич [27. С. 130]. Ему вторит современник: «Избы – с русскими печами, есть мебель: столы, кровати и даже стулья; есть самовары и даже водится семейный чай. Хлеб пекут как ржаной, так и крупчатый. Одеваются в русскую одежду... некоторых даже трудно отличить от русских» [1. С. 298]. В конце XIX в. на Средней Оби в пределах Самаровской волости были юрты, где аборигены говорили только по-русски и не знали хантыйского языка. «Во многих других только старое, доживающее поколение знает по-остяцки, молодежь же изъясняется только по-русски, не понимая языка своих отцов» [12. С. 40]. Широкое распространение получают межэтнические браки. Так в юртах Балинских в 1913 г. Иван Федорович Ерынов женился на Тобольского уезда Новосельской волости с. Алымского «крестьянской дочери» Евлампии Михайловне Нестеровой. В 1915 г. Анисим Андреевич Иврин сочетался законным браком с Тобольского уезда Самаровской волости с. Селянское «крестьянской дочерью» Анной Семеновной Чернобровцевой [21. Л. 172, 193, 218].

По свидетельству наблюдателей, во второй половине XIX в. на Средней Оби были семьи обрусевших хантов, вышедших из категории плательщиков ясака и вошедших в категорию государственного крестьянства. Такие семьи были и в с. Селянском [12. С. 168]. Возможно, от обрусевших в свое время хантов происходят носители фамилий Китайкины и Рязанцевы. В начале XX в. фамилию Китаевы носили практически все ханты – жители Лаппальских юрт Березовского уезда [28. С. 234]. Родовое гнездо Рязанцевых могло быть на р. Казыме. В первой половине XVIII в. ханты Резановы составляли здесь особые юрты (патронимию) [4. С. 176]. Среди старожилов с. Селянское бытует убеждение, что их предки были «помесь хантов и русских». Так, потомок Горшковых по материнской линии А.М. Шехерев считает, что Горшковы имели хантыйские корни. Так же считают и другие старожилы. Одна из ветвей рода Горшковых носила семейное прозвище «Мулла». Поводом для прозвища послужил антропологический облик представителей этой ветви рода. Остается только удивляться глубине народной памяти. Горшковы действительно имели предков – обских угров. В 1683 г. в Самарском яме проживал Иван Васильев сын Горшок: «...родился де он в остяках и крестился. Живет на Самарском яму в ямщиках со 180-го (1671/1672 гг. – С.Т.). У него сын Аверчка трех лет» [29. Л. 1644]. Так что либо Иван Горшков, либо его сын Аверчка стал основателем д. Горшковой. Не исключено также, что Горшковы вернулись на родину

предков – остяков, когда-то населявших Селяровский городок. Селяровские Горшковы, конечно, не были исключением. В 1870-х гг. сургутяне произвели на С.П. Швецова «...впечатление помеси русского с остяком. Низкий рост, приземистость и невзрачность всей фигуры, напоминающей скорее медведя, чем представителя кавказской расы... Черты лица сургутянина неправильны и резки, развитые скулы, широкий, некрасивый рот, узкие глаза без выражения или, пожалуй, с выражением придурковатости... Несмотря на кажущуюся кряжистость, сургутяне не отличаются силой и ловкостью, но зато крайне выносливы, “двужилыны”... Крестьяне по внешнему виду значительно разнятся от городских мещан-казаков: они много здоровее, как-то шире в кости, видна большая сила, лица и вся фигура дышат мощью и энергией... Черты лица так же резки, как и у горожан, если еще не резче и некрасивее» [30. С. 40–41].

Ассимиляция, а затем и инкорпорация аборигенов в состав русского населения была облегчена тем обстоятельством, что предками русских старожилов зачастую были выходцы с Русского Севера. Первые ямщики для Самаровского яма были набраны в Соли Вычегодской, Чердыни и Соли Камской. Русскими эти выходцы являлись чаще всего только «терминологически». На самом деле в их числе было много (если не большинство) русскоговорящих коми-зырян, коми-пермяков, вепсов [31. С. 98–108.]. Коми выходцы постоянно присутствовали в пределах Сургутского уезда задолго до основания Самаровского яма. В 1622 г. ясачные люди Сургутского уезда жаловались, что «...приходят де те зыряне и мезенцы и вычигженя и вымичи и сысолена и всякие прихожие люди в Сургутский уезд в их ухожея и своим насильством ловят в их ухожее соболи и лисицы и бобры и во всяких угодах у них вылавливают всякого зверя» [14. С. 150]. В 1624/1625 гг. в ясачной книге отмечены 78 человек промышленных людей с Выми и Сысолы, с которых в Сургутском уезде был собран оброк – 5 сороков соболей [7. С. 55]. Наверняка часть этих промысловиков в XVII в. оседала в Сургуте, а позднее в возникших сельских населенных пунктах Самаровской волости и Сургутского уезда. В 1626 г. из 216 служилых людей, учтенных в Сургуте, по меньшей мере 60 человек, судя по фамилиям, были выходцами из Коми края и Перми Великой [14. С. 197–204]. Плотное присутствие коми на Средней Оби зафиксировано даже в топонимах: одна из обских протоков близ Сургута в середине XVIII в. называлась Зырянской Обью [5. С. 62].

О наличии выраженного финно-угорского субстрата в этнической истории русского населения Среднего Приобья свидетельствует, кроме всего прочего, специфика семейно-брачных отношений. Еще наблюдатели XIX в. подметили, что в некоторых местностях Западной Сибири среди русского крестьянства часто практикуются браки между родственниками [32. С. 198–199]. Чаще всего подобные брачные традиции прослеживались у групп русского населения, генетически связанных с финно-уграми, например у алтайских каменщиков – русскоязычных коми выходцев с Русского Севера [33. С. 160–168]. Дело в том, что хотя обские угры

придерживались в брачных отношениях экзогамии, но выбор невесты диктовался дуально-фратриальной системой общественного устройства, в соответствии с которой браки возможны были только с определенной группой семей (фамилий). Таким образом, несмотря на экзогамию, браки между родственниками были неизбежны. У народа коми также еще в XIX в. прослеживались внутريدеревенская экзогамия и традиции брачевания родственников [4. С. 186; 33. С. 167–169].

Любопытны в этой связи воспоминания селяровских старожилов о том, что в каждой деревне – Коневе, Спирино, Зинково и др. – проживали «как бы кланы», т.е. представители одной фамилии, и брачевались они по преимуществу с представителями той же фамилии, а то и родственниками. Даже сегодня отдается дань этой традиции: в Селярове проживает по меньшей мере две семьи, в которых супруги находятся в двоюродном и троюродном родстве. И ничего предосудительного односельчане в этом не видят. Наверняка ранее существовали и какие-то экзогамные традиции. Возможно, свидетельством тому является обыкновение давать прозвища всем жителям деревни. В настоящее время эти прозвища носят индивидуальный характер: Пельмень, Плюшкин, Цыган. Но старожилы еще помнят, что раньше существовали прозвища, передававшиеся «по роду», т.е. закреплявшиеся за представителями отдельной ветви (семьи) той или иной фамилии (рода): Калуга (Калугины); Алексеевские, Мулла, Аниковские (Горшковы); Руль (нос) (Почгановы); Ваниковские, Филин (Фирсовы). Старожилы объясняют бытование в старину прозвищ утилитарно. Представителей одной фамилии в населенном пункте было много, кроме того, имя деда обычно переходило внуку. Отсюда возникала путаница. Во избежание путаницы якобы и возникли семейные прозвища. Понятно, что такое объяснение вряд ли является объяснением по существу и есть результат позднего переосмысления феномена.

Между тем индивидуальные, родовые и семейные (генесионимические) прозвища бытуют у коми-ижемцев в Ямало-Ненецком округе по сей день. Местные ижемцы давали объяснение данного феномена автору этих строк такое же, как селяровские старожилы: «Фамилий-то у нас не так много: Филипповы, Коневы, Рочевы, Ануфриевы, Поповы и еще несколько. Поди различи, если в одной деревне несколько Коневых Анатолиев или Иванов». Думается, однако, что при редкости населения и малочисленности населенных пунктов в старину, когда зародились прозвища (когда они зародились, неизвестно), главным их назначением было определить принадлежность к той или иной семье рода. Еще и сегодня по семейным прозвищам ижемцы находят своих родственников не только на Ямале, но и в Коми республике. Утилитарным назначением таких знаний в старину могло быть только одно – соблюдение внутривидовой экзогамии. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о существовании у коми в древности фратриальной организации.

Другим свидетельством генетической связи русских старожилов Средней Оби с коми-выходцами является упоминавшееся выше обыкновение давать внуку имя

деда. У обдорских коми-ижемцев еще в первой половине XX в. бытовала традиция, когда человека называли трехсловным именем. Например, Захар-Вась-Ефим: «Захаром звали моего деда, пропавшего без вести на войне, Василий – имя прадеда, Ефим – отца. Получалось, что, назвав себя, ты невольно помянешь своих предков».

О коми корнях русских старожилов Селиярово могут свидетельствовать некоторые особенности погребальной обрядности. На «Плане рыболовного песка на устье старицы реки Оби на Селияровской косе...» от 1855 г. отмечено кладбище, которое, судя по условным обозначениям, находилось в бору [34]. В бору находится и современное кладбище с. Селиярово. Именно у коми при выборе места для кладбища издавна предпочтение отдается борам. В Коми крае в старину в память об усопшем на могиле высаживали молодую сосну, реже – кедр. На сельских кладбищах по рекам Вымь, Ижма и Вычегда можно видеть многолетние сосны, когда-то посаженные на могилах [35. С. 266]. Такие же многолетние сосны растут на могилах предков селияровцев на местном кладбище. А судя по тому, что на многих свежих могилах поднимаются молодые сосны и кедры, традиция эта соблюдается по сей день. Наконец, фамилии некоторых селияровских русских старожилов зырянские и пермяцкие по происхождению: Пачганов, Конев, Шешуков.

Но, пожалуй, самым впечатляющим свидетельством наличия финно-угорского субстрата у русского населения Средней Оби является контаминация в области духовной культуры, причем в части сокровенного личного опыта. Так, двое старожилов с. Селиярова А.М. Шехерев и А.К. Пачганов рассказывали автору этих строк о своих встречах с неведомым и таинственным. Мифологические персонажи этих быличек очень похожи на духов-хозяев местности – «вотчинников», представление о которых широко бытует среди обских угров. Процесс складывания единого русско-угорского мифологического пантеона зафиксировал в конце XIX в. С.К. Патканов: «Суеверные крестьяне верят не меньше остяков, что так называемый “повелитель местности” (“вотчинник”, “лесной старик”) – властитель и защитник земли, в благодарность за преподнесенную жертву гарантирует им удачу в рыбной ловле» [36. С. 145].

Процесс ассимиляции аборигенного населения продолжался и в конце XX в. Так, между 1990 и 2000 гг. в Селиярово было заключено 15 браков с участием аборигенов, и только в одном случае брак был моноэтническим. Русские продолжали оставаться для коренного населения предпочтительными брачными партнерами. Кроме того, нужно учитывать, что вступающие в брак аборигены в большинстве своем происходили от смешанных с русскими браков. В Селиярово только 4 человека имели обоих родителей ханты: А.И. Спиридонова, А.Р. Иврин, П.И. Ложев, А.П. Тогочева. При этом двое последних в этом списке приезжие, и только они хорошо знали родной язык. Еще четверо частично понимали хантыйскую речь и совершенно не использовали ее в разговоре. У большинства селияровских хантов родного языка не знали уже их родители. Несмотря на описанную ситуацию, формально количе-

ство хантов постоянно увеличивалось. Дело в том, что если раньше детей от смешанных браков родители считали русскими, то теперь – хантами. Более того, внезапно хантами стали себя ощущать все, имевшие на то хоть какие-то основания. Объясняется эта смена идентичности незначительными льготами, которыми пользуется коренное население. Тем не менее русские оставались в большинстве.

На июнь 2000 г. на территории Селияровской сельской администрации (с. Селиярово, д. Долгое Плесо, поселение Венго) проживали 437 человек, из них только 59 являлись представителями коренных малочисленных народов Севера [18. С. 177–178].

Радикальные изменения в этническом составе населения региона сопровождались сменой хозяйственной структуры с промысловой на промыслово-производящую. Соответственно, прежняя локализация поселений перестала в полной мере отвечать требованиям производящего хозяйства. Примером тому может служить д. Бала, располагавшаяся в 9 км от с. Селиярово. Дело в том, что пахотные земли с точки зрения их надежности и продуктивности в Северном Зауралье делились на затопляемые и незатопляемые. В колхозе им. Ворошилова (д. Бала, бывшие юрты Балинские) вся пашня относилась к разряду затопляемой. Отсюда возникавшие время от времени проблемы с урожаем. Так в 1949 г. зерна не собрали вовсе [37. Л. 6]. Наводнения вредили животноводству в неменьшей степени, чем земледелию. Так, два подряд мощных наводнения отмечены в Обь-Иртышской системе на Севере в 1946 и 1947 гг. В результате не только была затоплена пашня, но и начались бескормица и падеж скота. В тридцати «колхозах обь-иртышской группы» только в 1946 г. пало 670 коров, 189 лошадей, 544 овцы, 151 свинья. Кроме того, из-за бескормицы был произведен массовый забой скота. В результате падежа и вынужденного забоя за два года регион потерял 3 тыс. голов скота [38. Л. 5–6]. Систематическое затопление местности, на которой располагались д. Бала и отведенные балинскому колхозу угодья, стало главной причиной ликвидации населенного пункта в 1958 г.: «...ввиду пойменной низкой местности при затоплении всех пастбищ и самой деревни Бала артели приносятся серьезные ущербы, вследствие чего артель не в силах в дальнейшем развивать свое хозяйство» [39. Л. 31]. Дрейф в ландшафте с. Селиярова также был вызван в первую очередь становлением и развитием промыслово-производящей хозяйственной структуры. «Народная этимология» связывает название села со словосочетанием «село на яру», хотя никакого отношения к русскому языку название села не имеет, оно восходит к сочетанию двух ненецких слов «сале» (мыс) и «яр» (песок, край). Подобных названий населенных пунктов и сегодня предостаточно в Ямало-Ненецком автономном округе: Салехард (мысовой городок), Ярсале (песчаный мыс), Салемал (конец мыса). Таким образом, название Салейр можно перевести с ненецкого как «песчаный мыс», или «мыс на краю песка». На «Плане рыболовного песка...» от 1855 г. обозначена «Селияровская коса» [34]. Судя по современным картам, коса существует и сегодня, но это практически ровный пе-

сок, к тому же прорезанный глубоким сором. В сравнении с картой 1855 г. коса потеряла более половины своей длины. Кроме того, в настоящее время в период разлива (май–июль) коса затопливается, т.е., по сути, косой является лишь осенью. На карте 1855 г. на косе, в месте, где река образует излучину, отчетливо просматривается мыс. Надо полагать, что на рубеже XVI–XVII вв. мыс этот был значительно выше, а коса образовывала берег, незатопляемый в половодье. Скорее всего, именно на этом мысу стоял в конце XVI–XVII вв. Селияровский городок, позднее смытый обскими водами. В пользу этого предположения говорит как топонимия – название соответствующей косы, так и традиция, по которой с. Селиярово являлось центром Селияровской волости Сургутского уезда.

За время своего существования село несколько раз меняло место расположения. В 1740 г. погост «Селиарской» стоял «...на верхнем конце острова, образованного... протокой (Люх-пан. – С.Т.) и р. Обью» [5. С. 218], т.е., если соотносить это месторасположение с предполагаемым хантыйским городком, ниже по Оби, за протокой. Здесь с. Селиярово простояло, по-видимому, до конца XVIII в. Позднее оно было перенесено на другое место. Основных причин для этого было две. Прежде всего, на старом месте село ежегодно затопливалось в разлив, кроме того, начала обсыхать протока Люх-пан. На «Плане рыболовного песка...» от 1855 г. под «старицей» разумеется именно бывшая протока Люх-пан. Здесь же обозначено «место, на котором прежде была церковь и село Селиярское». Место это, согласно плану, находилось в 550 саженях от берега Оби на старице Люх-пан (тогда она еще соединялась с Обью, во всяком случае в верховье). На современных картах эта старица хорошо прослеживается. На «Плане рыболовного песка...» от 1855 г. обозначены также с. Селиярово, местная церковь и кладбище,

т.е. к 1855 г. село сменило свое расположение в третий раз. Согласно плану, на те поры оно располагалось на верхнем конце острова, образованного протокой Синдыковой и Обью [34]. «План рыболовного песка...» от 1855 г. не позволяет определить данное местонахождение села в современном ландшафте, но этого и не требуется, поскольку старожилы хорошо знают это место, а также место расположения кладбища. Среди селян данная местность известна под названием «старая деревня», они рассказывали автору данной статьи, что еще в 1950–1960-е гг. здесь можно было обнаружить полусгнившие намогильные кресты, а могильные впадины видны и по сей день. Сама же площадка, где непосредственно располагалось поселение, со слов старожилов, на сегодняшний день смыта водами Оби.

Однако и здесь село простояло недолго. Оно по-прежнему затопливалось в половодье. М.А. Кастрен, например, отметил, что в 1845 г., во время сильного наводнения, с. Селиярово было полностью затоплено [9. С. 49]. На современное место Селиярово было перенесено, по-видимому, в 1870-х гг. Во всяком случае в начале 1870-х гг. строилась, а в 1873 г. была освящена Селияровская церковь [40. Л. 58].

Таким образом, сельское население Средней Оби, сформировавшееся в целом в XVIII – начале XX в., есть результат этнической конвергенции, в которой участвовали русские, русскоязычные финно-угры Русского Севера и аборигены. В результате подавляющая часть аборигенного населения края была ассимилирована и инкорпорирована в состав русского населения. Сопровождался этот процесс переходом от кочевой («бродячей») локализации поселений таежных охотников и рыболовов к оседлой, адаптированной к местному ландшафту в связи с нуждами агропромышленного хозяйства.

Список источников

1. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней / отв. ред. Д.А. Редин. Екатеринбург : Волот, 2000. 466 с.
2. Будицкий П.Н. Сочинения : в 2 т. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2: Мангазея, Сургут, Надым и Кетск. 327 с.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 5. Д. 1993.
4. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. : историко-этнографический очерк. Новосибирск : Наука, 1975. 308 с.
5. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1996. 310 с.
6. Шашков А.Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут : Диорит, 2004. С. 65–89.
7. Вершинин Е.В. Челобитные аборигенного населения Сургутского уезда (XVII в.) // Западная Сибирь : прошлое, настоящее, будущее. Сургут : Диорит, 2004. С. 53–64.
8. Шашков А.Т. Церкви новокрещенов на Обском Севере // Угры : материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск : Тобольск-Нефтехим, 2003. С. 251–257.
9. Кастрен М.А. Сочинения : в 2 т. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 2: Путешествия в Сибирь (1845–1849). 251 с.
10. Зольникова Н.Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск : Наука, 1989. С. 261–15.
11. Ядринцев Н.М. Сочинения : в 2 т. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. Т. 2: Сибирские инородцы их быт и современное положение. 274 с.
12. Патканов С.К. Сочинения : в 5 т. Тюмень : Мандр и К^а, 2003. Т. 2: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. 316 с.
13. Патканов С.К. Сочинения : в 5 т. Тюмень : Мандр и К^а, 2003. Т. 4, с. 3: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. 336 с.
14. Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 114–240.
15. Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века) : сб. правовых актов и документов / сост. А.Ю. Конев. Тюмень : Изд-во ИППО СО РАН, 1999. 237 с.
16. Волости и населенные места. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1895. Вып. 10-11: Тобольская и Енисейская губернии. 685 с.
17. Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск: Губернская типография, 1904. 341 с.
18. Богордаева А.А., Повод Н.А. Село Селиярово Ханты-Мансийского района: современная этнокультурная ситуация // Космос Севера. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2002. Вып. 3. С. 171–185.

19. Пирожников Г. Обь-Иртышский Север. Этнографический очерк // «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север». Ханты-Мансийск–Сургут : Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2002. С. 90–191.
20. Государственный архив Ханты-мансийского автономного округа (ГА ХМАО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
21. ГА ХМАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49.
22. Архивный отдел Администрации г. Сургута (АОА г. Сургута). Ф. 1. Оп. 4. Д. 22.
23. ГА ХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 46.
24. ГА ХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 628.
25. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М. : Наука, 2005. 304 с.
26. Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII – нач. XVIII в. : сб. архивных источников / сост. Н.А. Балюк. Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. 180 с.
27. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: в 3 т. М. : Либерия, 1995. Т. I: Этнографический очерк местных инородцев. 281 с.
28. Православные приходы Березовского края в XIX – начале XX века : (материалы для истории местных сообществ Азиатской России) / сост. С.В. Туров. Тюмень : Вектор Бук, 2004. 461 с.
29. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 5. Кн. 261.
30. Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1998. С. 35–111.
31. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М. : Наука, 1982. 224 с.
32. Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск : Наука, 1979. 350 с.
33. Мамсик Т.С. Хозяйственное освоение Южной Сибири: механизмы формирования и функционирования агропромышленной структуры. Новосибирск : Наука, 1989. 238 с.
34. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГАТ). Ф. 154. Оп. 21. Д. 1405.
35. Шарапов В.Э. Символика деревьев в погребально-поминальной обрядности коми // Экология древних и современных обществ. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. Вып. 2. С. 263–268.
36. Патканов С.К. Сочинения : в 2 т. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. Т. 1: Остяцкая молитва. 399 с.
37. ГА ХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 843.
38. ГА ХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 236.
39. ГА ХМАО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 888.
40. ГА ХМАО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1.

References

1. Redin, D.A. (ed.) (2000) *Istoriya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga s drevnosti do nashikh dney* [The history of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug from old times to the present]. Yekaterinburg: Volot.
2. Butskiy, P.N. (1999) *Sochineniya: v 2 t.* [Essays. In 2 vols]. Vol. 2. Tyumen: Yu. Mandrika.
3. The Russian State Archive of Ancient Acts (RSARA). Fund 214. List 5. File 1993.
4. Minenko, N.A. (1975) *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoy polovine XIX v.: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [North-Western Siberia in the 18th – the first half of the 19th century: Historical and ethnographic essay]. Novosibirsk: Nauka.
5. Miller, G.F. (1996) *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in G.F. Miller's travelogue]. Novosibirsk: Sib. khronograf.
6. Shashkov, A.T. (2004) *Samarovskiy yam i ego zhiteli v XVII v.* [The Samarovsk post coach station and its inhabitants in the 17th century]. In: Isaeva, T.I. (ed.) *Zapadnaya Sibir': proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Western Siberia: Past, Present, Future]. Surgut: Diorit. pp. 65–89.
7. Vershinin, E.V. (2004) *Chelobitnye aborigennogo naseleniya Surgutskogo uyezda (XVII v.)* [Petitions of the aboriginal population of the Surgut district (17th century)]. In: Isaeva, T.I. (ed.) *Zapadnaya Sibir': proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Western Siberia: Past, Present, Future]. Surgut: Diorit. pp. 53–64.
8. Shashkov, A.T. (2003) *Tserkvi novokreshchenov na Obskom Severe* [Newly Baptized Churches in the Ob North]. *Ugry* [Ugry]. Proc. of the Sixth Siberian Symposium “Cultural Heritage of the Western Siberia people.” Tobolsk: Tobolsk-Neftekhim LLC. pp. 251–257.
9. Kastren, M.A. (1999) *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 2. Tyumen: Yu. Mandrika.
10. Zolnikova, N.D. (1989) *Vedomost' 1781 g. o sostave prikhodov Tobol'skoy gubernii* [The list from 1781 about the parishes in Tobolsk Province]. In: Pokrovsky, N.N. (ed.) *Khristianstvo i tserkov' v Rossii feodal'nogo perioda* [Christianity and Church in the Feudal Russia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 261–315.
11. Yadrintsev, N.M. (2000) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Tyumen: Yu. Mandrika.
12. Patkanov, S.K. (2003a) *Sochineniya: v 5 t.* [Works. In 5 vols]. Vol. 2. Tyumen: Mandr and K^a.
13. Patkanov, S.K. (2003b) *Sochineniya: v 5 t.* [Works. In 5 vols]. Vol. 4. Tyumen: Mandr and K^a.
14. Vershinin, E.V. & Shashkov, A.T. (2002) *Dokumenty XVII veka po istorii Surgutskogo uyezda* [Dats of the 17th century about the history of the Surgut district]. In: Vizgalov, G.P. (ed.) *Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoy Sibiri* [Materials and research on the history of North-Western Siberia]. Yekaterinburg: Ural State University. pp. 114–240.
15. Konev, A.Yu. (Ed.). (1999) *Soslovno-pravovoe polozhenie i administrativnoe ustroystvo korennykh narodov Severo-Zapadnoy Sibiri (konets XVI – nachalo XX veka)* [Estate-legal status and administrative structure of the indigenous peoples of North-Western Siberia (late 16th – early 20th century)]. Tyumen: SB RAS.
16. The Statistical Committee of the Ministry of the Interior. (1895) *Volosti i naselennye mesta* [Volosts and populated areas]. Vol. 10–11. St. Petersburg: V. Bezobrazov i Komp.
17. Russia. (1904) *Spisok naselennykh mest Tobol'skoy gubernii* [List of populated places in Tobolsk Province]. Tobolsk: Gubernskaya tipografiya.
18. Bogordaeva, A.A. & Povod, N.A. (2002) *Selo Seliyarovo Khanty-Mansiyskogo rayona: sovremennaya etnokul'turnaya situatsiya* [Seliyarovo village of Khanty-Mansiysk district: the modern ethno-cultural situation]. In: Lagunova, O. (ed.) *Kosmos Severa* [Cosmos of the North]. Vol. 3. Yekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo. pp. 171–185.
19. Pirozhnikov, G. (2002) *Ob'-Irtyskiy Sever. Etnograficheskiy ocherk* [Ob-Irtys North. An ethnographic essay]. In: Tsaregradskaya, L.V. (ed.) *Takoy dalekiy i takoy blizkiy Ob'-Irtyskiy Sever* [Such a distant and such a close Ob-Irtys North]. Khanty-Mansiysk; Surgut: Sev.-Sib. region. kn. izd-vo. pp. 90–191.
20. The State Archive of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (GA HMAO). Fund 1. List 1. File 4.
21. The State Archive of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (GA HMAO). Fund 1. List 1. File 49.
22. The Archive Department of Surgut City Administration (Surgut AOA). Fund 1. List 4. File 22.
23. The State Archive of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (GA HMAO). Fund 16. List 1. File 46.
24. The State Archive of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug (GA HMAO). Fund 43. List 1. File 628.
25. Zemskov, V.N. (2005) *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka.
26. Balyuk, N.A. (ed.) (2001) *Zemledel'cheskoe khozyaystvo Zapadnoy Sibiri v XVII – nach. XVIII v.* [Agricultural Economy of Western Siberia in the 17th – early 18th Century]. Tyumen: Tyumen State University.

27. Dunin-Gorkavich, A.A. (1995) *Tobol'skiy Sever: v 3 t.* [The Tobolsk North. 1b 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Liberia.
28. Turon, S.V. (ed.) (2004) *Pravoslavnye prikhody Berezovskogo kraia v XIX – nachale XX veka: (materialy dlya istorii mestnykh soobshchestv Aziatskoy Rossii)* [Orthodox parishes of Berezovsky Region in the 19th – early 20th century. (Materials for the history of local communities of Asian Russia)]. Tyumen: Vektor Buk.
29. The Russian State Archive of Ancient Acts (RSARA). Fund 214. List 5. File 261.
30. Shvetsov, S.P. (1998) *Ocherki Surgut'skogo kraia* [Essays of Surgut Region]. In: Roshchevskaya, L.P. & Beloborodov, V.K. (eds) *Tobol'skiy Sever glazami politicheskikh ssyl'nykh XIX – nachala XX veka* [The Tobolsk North through the eyes of political exiles in the 19th – early 20th centuries]. Yekaterinburg: Sred.-Ural. kn. izd-vo. pp. 35–111.
31. Zharebtsov, L.N. (1982) *Istoriko-kul'turnye vzaimootnosheniya komi s sosednimi narodami* [Historical and cultural relations of Komi with neighboring peoples]. Moscow: Nauka.
32. Minenko, N.A. (1979) *Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoy Sibiri (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Russian peasant family in Western Siberia (18th – first half of the 19th century)]. Novosibirsk: Nauka.
33. Mamsik, T.S. (1989) *Khozyaystvennoe osvoenie Yuzhnoy Sibiri: mekhanizmy formirovaniya i funktsionirovaniya agropromyslovoy struktury* [Economic reclaiming of Southern Siberia: mechanisms of formation and functioning of agro-industrial structure]. Novosibirsk: Nauka.
34. The State Budgetary Institution of Tyumen Region, The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 154. List 21. File 1405.
35. Sharapov, V.E. (2003) *Simvolika derev'ev v pogrebal'no-pominal'noy obryadnosti komi* [The symbolism of trees in the funeral and memorial rites of Komi]. In: Matveeva, N.P. (ed.) *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv* [Ecology of Ancient and Modern Societies]. Vol. 2. Tyumen: SB RAS. pp. 263–268.
36. Patkanov, S.K. (1999) *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 1. Tyumen: Yu. Mandrika.
37. The State Archive of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (GA HMAO) Fund 43. List 1. File 843.
38. The State Archive of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (GA HMAO) Fund 16. List 1. File 236.
39. The State Archive of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (GA HMAO) Fund 43. List 1. File 888.
40. The State Archive of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug (GA HMAO) Fund 25. List 1. File 1.

Сведения об авторе:

Туров Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики Института социально-гуманитарных наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований пространства Антропошколы Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: svtur57@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Turon Sergey V. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of national history and International Politics, Senior Researcher at the Laboratory of Anthroposchool's Interdisciplinary Space Studies Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: svtur57@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 23.06.2022; accepted for publication 05.07.2022

Статья поступила в редакцию 23.06.2022; принята к публикации 05.07.2022

Научная статья
УДК 94(47).084.9
doi: 10.17223/19988613/78/12

Форпосты социализма: культурный ландшафт уральских городов

Александр Александрович Фокин

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, a.a.fokin@utmn.ru

Аннотация. Рассматривается Урал в годы первых пятилеток. Отмечается, что Урал как индустриальный центр страны переживает свое второе рождение: перестраиваются старые промышленные центры и создаются совершенно новые. Важным аспектом этого процесса становится не только преобразование физического пространства уральских городов: строительство гигантских предприятий, возведение соцгородов, формирование новой инфраструктуры и т.д., но и изобретение новой мифологии. В 1930-е гг. уральские города превращаются в маяки и форпосты социализма, призванные задать всей стране новые стандарты как производства, так и социальных отношений.

Ключевые слова: Урал, города, индустриализация, сталинизм, пространства

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Фокин А.А. Форпосты социализма: культурный ландшафт уральских городов // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 92–96. doi: 10.17223/19988613/78/12

Original article

Outposts of socialism: the cultural landscape of Ural towns

Aleksandr A. Fokin

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, a.a.fokin@utmn.ru

Abstract. In the 1930s the towns of the Urals change dramatically. They were transformed from examples of provincial backwardness into outposts of socialism, which were to become a model for the rest of the country. The construction of such giant enterprises as the Chelyabinsk Tractor Plant, the Magnitogorsk Metallurgical Combine, the Ural Machine-Building Plant, the Berezniki Chemical Combine, etc., was not only supposed to bring the Soviet economy to a new level, but also to form a new Soviet man. While the political and economic aspects of Soviet industrialization have been well studied, there are very few works that analyze the cultural landscape of the socialist cities.

The comprehension of the symbolic transformation of the landscape of the Ural cities stems from an analysis of Konstantin Bugrov's book "The Socialist Cities of the Greater Urals", in which, based on an analysis of a wide range of publicist and illustrative materials (newspapers, magazines, brochures), and the study of the architectural heritage of Ural industrial cities (Krasnouralsk, Nizhny Tagil, Lysva, Berezniki and many others), the author reconstructs in detail the formation of spatial mythology and demonstrates its determining influence on the formation of key concepts of Ural identity. The creation of socialist cities in the Urals took place in two ways. On the one hand there were towns with their own history and tradition. They had to be rebuilt into new spaces of socialism. But both variants had to lead to the same result - the Ural cities had to be outposts of socialism. The Urals were not only supposed to produce tractors, metal, machine tools, etc, they were also supposed to produce a new Soviet subject.

The most important source for understanding how the cultural landscape of the socialist cities was created is the press. In his book about Magnitogorsk, Stephen Kotkin shows how construction workers learned to "speak Bolshevik" and through the appropriation of authoritative discourse formed their Soviet subjectivity, but an analysis of the Soviet newspapers of the 1930s shows how this discourse was formed and transformed not only the individual, but also space.

To analyze space, we propose a scheme, which can be represented as a triangle, where the tops would be nature, environment (sociocultural landscape) and identity. Initially, there are objective natural characteristics, such as the availability of natural resources, which turn out to be actors in the development of human societies. Thus, the industrialisation of Ural cities was linked both to the abundance of natural resources and to the geographical location of the Urals.

Keywords: Urals, cities, industrialisation, Stalinism, spaces

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 «Human and the changing Space of Ural and Siberia».

For citation: Fokin, A.A. (2022) Outposts of socialism: the cultural landscape of Ural towns. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 92–96. doi: 10.17223/19988613/78/12

«Урал – опорный край державы», – эта фраза, основанная на произведении Александра Твардовского «За далью – даль», на сегодняшний день является главным выражением уральской идентичности. Неслучайно ее можно увидеть на стелах, обложках книг, сувенирных магнитах и пр. С самого начала освоения Россией уральских территорий связка завод–город становится центральной для формирования региона. Многие города Урала ведут свое летоисчисление с момента основания промышленных предприятий. Исследователи даже говорят о том, что в имперский период истории России сложилась особая горнозаводская цивилизация со своим социально-экономическим укладом.

Академический аспект региональной специфики модернизации в XVIII–XIX вв. активно развивают ученые из Института истории и археологии УрО РАН [1, 2], а своеобразным певцом и популяризатором этой идеи стал известный пермский писатель Алексей Иванов [3]. Но современный облик Уралу, конечно, придали сталинская индустриализация и эвакуация предприятий в годы Великой Отечественной войны, которая еще больше усилила промышленную составляющую региона, при этом из-за боев на территории УССР Донецко-Криворожский бассейн, бывший промышленным лидером и конкурентом Урала, оказался отброшен назад. Таким образом, современный облик Урала был определен именно в 1930–1940-е гг. Показательно, что современный Уральский федеральный округ в значительной степени совпадает с территорией Уральской области, созданной в 1923 г.

Важно отметить, что преобразование уральского пространства в годы индустриализации происходило в двух темпоральностях. С одной стороны, были города, имевшие свою историю и традиции, их необходимо было перестроить в новые пространства социализма. С другой стороны, случалось, что города создавались «с чистого листа». Самый известный пример, конечно, Магнитогорск, который превратился в один из символов сталинской индустриализации. Магнитка стала именем нарицательным, а Стивен Коткин на примере строительства Магнитогорского металлургического комбината постарался описать особенности советской «цивилизации» [4]. Но оба варианта должны были привести к одному итогу: уральские города должны были быть форпостами социализма. Урал не только должен был выпускать тракторы, металл, станки и т.д., он должен был производить и нового советского субъекта.

Хотя работ по истории советской градостроительной политики немало (можно перечислить лишь небольшую часть [5–7]), они в основном сосредоточиваются или на вопросах планирования со стороны партийно-государственных структур, или на архитектурно-строительных аспектах. При этом символический аспект формирования советских городов Урала долгое время оставался нераскрытым. Поэтому выход книги Константина Бугрова про социалистические города Урала [8] должен был восполнить этот пробел. К сожалению, тематика культурного ландшафта (Cultural landscape) в отечественной историографии только начинает развиваться, и масштабной дискуссии вокруг этой книги не произошло. Поэтому, отталкиваясь от моно-

графического исследования К. Бугрова, можно обсудить перспективы такого подхода к анализу городских пространств. Сразу следует сказать о важной особенности книги, которая в значительной мере является одновременно и ее достоинством, и недостатком. В центре исследования К. Бугрова – анализ многочисленных газет, выходивших в уральских городах, который подкрепляется обращением к исследовательской литературе, в том числе и краеведческой, которую часто упускают из виду. Ссылок на архивные документы в книге Константина Дмитриевича вы не найдете, и это может насторожить человека, привыкшего воспринимать работу в архиве как основу ремесла историка. Конечно, анализ местных и центральных архивных коллекций позволил бы найти интересные сюжеты из жизни городов 1930-х гг., которые могли бы усилить аргументацию автора. Но К. Бугров показывает нам, с одной стороны, свою исследовательскую настойчивость, ибо обработка газет, большинство из которых не оцифровано, требует большого количества времени и сил. С другой стороны, именно газеты позволяют автору реконструировать *Zeitgeist* больших строек 1930-х гг., понять, каким образом создавался Урал не как географическая категория, а как часть советского культурного ландшафта. Если Стивен Коткин в своей книге о Магнитогорске выявляет, как строители учились «говорить по-большевистски» и через усвоение авторитетного дискурса формировали свою советскую субъектность, то Константин Бугров работает с тем, как этот дискурс формировался и преображал не только человека, но и пространство.

Книга «Соцгорода Большого Урала» состоит из пяти глав: Урал; Заводы; Соцгород; Мифология; Форпосты социализма. Первая глава книги описывает образы дореволюционного Урала. Опираясь на художественную литературу и публицистику тех лет, автор показывает, что до 1920-х гг. образ Урала был двояким, он был одновременно и «кладовой богатств», и «глубокой провинцией». Представители местного областничества отмечали, что другие страны, имея территорию с такими ресурсами, превратили бы ее в процветающее место, в то время как Урал в составе Российской империи прозябал. Формирование специфической уральской идентичности в общественной мысли XIX – начала XX в. рассматривается автором как процесс взаимодействия двух внутренне противоречивых риторических систем. Демократическая беллетристика второй половины XIX в. определяла Урал как локальный вариант общероссийской провинции, царство косности и страданий. Параллельно с этим уральские авторы закладывали фундамент для осмысления региональной специфики в ее историческом, географическом и урбанистическом (как особый тип города-завода) аспектах [Там же. С. 61].

Вторая глава показывает, как после завершения Гражданской войны советская власть начинает размышлять не столько о восстановлении уральской промышленности, сколько о ее преобразовании. Опираясь на дореволюционную идею «кладовой богатств», большевики начинают искать способы открыть эту кладовую и воспользоваться спрятанными сокровищами для

строительства социализма. К. Бугров показывает не только формирование идеологии индустриализации, но и то, как внутри большевистского руководства шла борьба за управление индустриализацией, как разные акторы этого процесса стремились утвердить собственное понимание борьбы с отсталостью. Интересным сюжетом является борьба украинских и уральских экономистов вокруг создания Урало-Кузбасса. Украинцы, отстаивая интересы Донбасса, говорили, что развитие уральской промышленности является промышленным мифотворчеством, и, следовательно, средства надо направлять на Донбасс, который является более передовой территорией. Этот и другие сюжеты показывают, что индустриализация 1930-х гг. не была целостным и монолитным процессом и что внутри советской системы не было единства. Еще одним важным сюжетом является история формирования новой уральской географии. В книге показано, что своеобразными вехами в складывании новой географии Урала можно считать серию выступлений регионального уральского вождя Ивана Кабакова. Именно в его выступлениях новая география была озвучена с той весомостью, которая и превратила ее в новую норму. Географическая панорама была поистине ошеломляющей: «Партийная организация, рабочие и колхозники Урала добились крупнейших достижений на громаднейшем пространстве от Вишеры до Магнитогорска. На Оби, за полярным кругом, на юге, на востоке и западе – всюду создались предприятия самых разнообразных отраслей промышленности... Из великого седого кустаря, из края с отсталой, кустарной промышленностью Урал превратился в один из мощных, передовых промышленных центров Советского Союза» [8. С. 91]. Таким образом, автор отчетливо показывает, как переплетаются идеология и география. К концу первой пятилетки уральская социально-экономическая география свелась в первую очередь к «счастливицам», форпостам социализма на «седом Урале». Среди них четко выделяется группа гигантов. Это им – колоссальным ЧТЗ, Березниковскому химическому, Уралмашу, Магнитке и др. – предстоит победить дикость, патриархальщину, идиотизм и отсталость.

Третья глава описывает возникновение соцгородов как важнейшего элемента создания новой промышленности на Урале. По мысли идеологов советского урбанизма, соцгорода должны были отменить старые города. Урбанистическая география соцгорода определялась совокупностью трех факторов: поселок при заводе, стирание граней между центром и периферией, презентационный характер крупной застройки. Вместо системы рабочих городков ведомственной принадлежности теперь предполагалось создавать единый город, спланированный по образу и подобию новой Москвы, строящейся под руководством Кагановича. Грамотное планирование, включающее иерархию городских пространств, теперь стало считаться важнейшим признаком, отличающим новые советские города от старых. Создание соцгородов требовало формирования новой инфраструктуры, на базе которой должна была возникнуть и новая культурность. Соцгород должен был стать своеобразной алхимической ретортой, в которой

с человеком происходят процессы преобразования. При этом К. Бугров выявляет своеобразный парадокс советского урбанизма. Коммунально-бытовой комплекс, бывший одним из главных слагаемых большевистской концепции урбанизма, оборачивался для рядовых горожан неожиданной нагрузкой: новая культурность возлагала на горожанина массу забот, связанных с обслуживанием того коммунального комплекса, который, по идее, сам должен был обслуживать жителей соцгорода [Там же. С. 199].

Четвертая глава посвящена анализу мифологии, возникавшей в преобразующихся уральских городах. Зачастую символический аспект индустриализации оказывается в тени анализа политических и экономических оснований, которые должны показать «как было на самом деле». Но без раскрытия идеологических и мифологических конструктов невозможно понять, как происходили масштабные преобразования 1930-х гг. К. Бугров выделяет шесть элементов мифологии уральских городов: герои, злодеи, вожди, даты и празднества, мировая революция и ОКДВА (Особая Краснознаменная Дальневосточная армия). Таким образом, социалистические города превращались в арену эпической борьбы подобно гомеровским эпосам. Герои в лице ударников, рабкоров, ИТР под чутким и мудрым руководством вождей боролись с врагами: вредителями, рыхлителями, бюрократами и т.д. Важным аспектом этой борьбы становится топография. Использование имен вождей для присвоения новых названий самым разным объектам – от городов и заводов до отдельных цехов и транспортных колонн – оказалось одним из инструментов мобилизации массы строителей социализма. Именно организационные нужды грандиозного строительства первых пятилеток объясняют беспрецедентную динамику переименований. Появление бесчисленных объектов имени Сталина, Орджоникидзе, Ворошилова и прочих вождей на карте страны было вызвано не столько мегаломанией советских руководителей, сколько попытками властных органов на местах подстегнуть трудовой энтузиазм своих коллективов [Там же. С. 249]. Автор отмечает, что, хотя мифология соцгорода уходила в прошлое по мере завершения строительного натиска первых пятилеток, до наших дней дошло богатое архитектурное наследие этого времени – градостроительные комплексы, возведенные между 1928 и 1936 гг. Об этой архитектуре принято говорить как о конструктивистской, но в действительности единство подобного массива зданий задается не только стилистическим сходством, но и их принадлежностью к советской мифологии. Жилые массивы «1-го квартала» в Магнитогорске или Вагонки в Нижнем Тагиле ничего не скажут наблюдателю, не знающему о мифологии пятилетки и по этой причине не способному отличить их от массовой застройки 1970-х гг. Полагаем, принадлежность этого градостроительного наследия к единому культурному дискурсу эры индустриализации не менее важна, чем его принадлежность к авангардному методу и стилю конструктивизма.

Пятая глава состоит из очерков, призванных описать основные «форпосты социализма» на Урале:

Наеждинск, Лысьву, Красноуральск, Березники, Соликамск, Молотов, Нижний Тагил, Калату, Свердловск, Первоуральск, Каменск-Уральский, Челябинск, Златоуст, Сатку, Бакал, Магнитогорск. Через набор кейсов К. Бугров показывает, как в конкретном городском пространстве, в котором функционировал дискурс о соцгороде и которое само его творило, новостройки (например, жилые дома ЧТЗ или цеха Уралмаша) превращались в культурные символы. Представляется необходимым отметить важную мысль, озвученную автором в финале книги: «Культура соцгорода, порожденная идеологией и мифологией первых пятилеток, может изучаться не только как часть предыстории сегодняшней России, но и как самостоятельный исторический феномен, обладающий – подобно древним цивилизациям – колоссальной спецификой, интересный именно своей уникальностью. Пятиэтажка на углу или старое здание клуба кажутся совершенно обыденными, но эта будничность таит загадку: шагая по старым соцгородам Вагонки, Уралмаша или ЧТЗ, мы в действительности шагаем по городам цивилизации, которая была и ушла и которую с каждым уходящим годом будет все сложнее понимать» [8. С. 382]. Такая постановка вопроса важна не только для академических дискуссий – можем ли мы видеть советский вариант горнозаводской цивилизации или нет, но и для современного общества, которому необходимо определиться с тем, как интегрировать остатки советской цивилизации в современные городские пространства.

В финале своего текста я бы хотел обратить внимание на то, как работа Константина Бугрова может быть вписана в дискуссию о пространственном повороте

(Spatial turn) в истории. Для анализа пространства я предлагаю следующую схему, которую можно представить в виде треугольника, где вершинами будут природа, окружающая среда (социокультурный ландшафт) и идентичность. На примере уральских городов можно хорошо увидеть соединение трех аспектов пространства. На первом уровне существуют объективные (природные) условия, которые не зависят от воли и желания человека. Так, в силу определенных геологических процессов в Южно-Уральских степях сформировалась гора с высоким содержанием железной руды. Развитие технологий приводит к тому, что гора становится источником ценного ресурса. Затем, в 1920-х гг., принимается решение о масштабной стройке, которая оказывается привязанной к источнику ресурса. Строительство кардинальным образом преобразует окружающее пространство, причем не только за счет создания масштабной инфраструктуры, но и за счет культурного переосмысления территории. Журналисты, писатели, фотографы и прочие создают образ социалистической стройки, который тиражируется и расходуется; таким образом, физическое пространство превращается в социокультурное. Когда же гора Магнитная становится Магниткой – форпостом социализма, то это уже становится базой для формирования локальной идентичности и привязанности к месту (Place attachment). При этом строители Магнитки превращаются в культурных героев, и они сами начинают воспроизводить идеологию, привязанную к определенной территории. Таким образом, все три вершины треугольника оказываются связанными между собой, формируя устойчивую аналитическую модель.

Список источников

1. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. Екатеринбург : Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2011. 384 с.
2. Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. Екатеринбург : АсПУр, 2014. 172 с.
3. Иванов А.В. Горнозаводская цивилизация. М. : АСТ, 2014. 283 с.
4. Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. University of California Press, 1995. 728 p.
5. Город в зеркале генплана: панорама градостроительных проектов в российской провинции XVIII – начала XXI веков. Челябинск : Изд-во ЧГПУ, 2008. 374 с.
6. Меерович М.Г. Градостроительная политика СССР, 1917–1929: от города-сада к ведомственному рабочему поселку. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 347 с.
7. Конышева Е.В. Европейские архитекторы в советском градостроительстве эпохи первых пятилеток : документы и материалы. М. : БуксМАрт, 2017. 360 с.
8. Бугров К.Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.

References

1. Alekseev, V.V. (ed.) (2011) *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX vv.: prostranstvenno-vremennoy aspekt* [Civilizational Uniqueness of Russian Modernizations of the 18th – 20th Centuries: The Spatial and Temporal Aspect]. Yekaterinburg: UB RAS.
2. Poberezhnikov, I.V. (ed.) (2014) *Ural v kontekste rossiyskoy tsivilizatsii: teoretiko-metodologicheskaya kontseptualizatsiya* [Ural in the Context of Russian Civilization: Theoretical and Methodological Conceptualization]. Yekaterinburg: AsPUr.
3. Ivanov, A.V. (2014) *Gornozavodskaya tsivilizatsiya* [Mining Civilization]. Moscow: AST.
4. Kotkin, S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. University of California Press.
5. Konysheva, E.V. (2008) *Gorod v zerkale genplana: panorama gradostroitel'nykh projektov v rossiyskoy provintsii XVIII – nachala XXI vekov* [The city in the mirror of the general plan: a panorama of urban planning projects in the Russian provinces of the 18th – early 21st centuries]. Chelyabinsk: ChSPU.
6. Meerovich, M.G. (2017) *Gradostroitel'naya politika SSSR, 1917–1929: ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku* [Urban Policy of the USSR, 1917–1929: From Garden City to the Departmental Worker Village]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Konysheva, E.V. (2017) *Evropeyskie arkhitektory v sovetskom gradostroitel'stve epokhi pervykh pyatiletok: dokumenty i materialy* [European architects in Soviet urban planning in the first five-year plans. Documents and materials]. Moscow: BuksMArt.
8. Bugrov, K.D. (2018) *Sotsgoroda Bol'shogo Urala* [Socialist Cities of the Greater Urals]. Yekaterinburg: Ural State University.

Сведения об авторе:

Фокин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий Лабораторией междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: a.a.fokin@utmn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Fokin Alexander A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Head of the Laboratory for Interdisciplinary Space Studies at Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: a.a.fokin@utmn.ru

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 17.06.2022; accepted for publication 05.07.2022

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; принята к публикации 05.07.2022

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Научная статья

УДК 327.7

doi: 10.17223/19988613/78/13

ЕС, Венгрия и вакцинация дипломатия России

Алексей Михайлович Бетмакаев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, btmkv@yandex.ru

Аннотация. Представлено развитие отношений между Венгрией и институтами Европейского Союза в связи с фактором России в период пандемии COVID-19. Рассматриваются особенности венгерской дипломатии по вопросам интеграции в контексте строительства нелиберальной демократии, политики открытости в отношении Востока и сотрудничества с Россией в преодолении последствий коронавирусной пандемии. Делается вывод, что, используя ситуацию кризиса и находясь в конфликте с Брюсселем относительно европейских ценностей, Будапешт пытается изменить правила игры в ЕС в соответствии с своими национальными интересами.

Ключевые слова: Европейский Союз, Венгрия, Россия, Виктор Орбан, COVID-19, Спутник V

Для цитирования: Бетмакаев А.М. ЕС, Венгрия и вакцинация дипломатия России // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 97–105. doi: 10.17223/19988613/78/13

Original article

The EU, Hungary, and Russian vaccine diplomacy

Alexei M. Betmakaev

Altai State University, Barnaul, Russian Federation, btmkv@yandex.ru

Abstract. Since the Fidesz-KDNP alliance rise to power in April 2010 the relations between Hungary and the institutions of the European Union have been becoming more and more strained. A proponent of illiberal democracy, Prime Minister Viktor Orbán has pursued a foreign policy shaped by nationalism, often disregarding Brussels stance and provoking conflict. The institutions have accused Hungary of abandoning the principles of liberal democracy and rejecting the European values and threatened to impose sanctions. Orbán played the Euroscepticism card domestically and with the members of the Visegrád Group that supported Hungary in its opposition to the EU's common policy concerning the migrant crisis of 2015. While some may consider Orbán a populist, his Brussels policy can strengthen Hungary's position in the Union. This paper studies how Budapest and Brussels interacted against the backdrop of the COVID-19 pandemic in 2020–2021 and what influence Russia had on that interaction.

Hungary, having deviated from the course of Europeanisation in its foreign policy, has become increasingly inclined to position itself as a sovereign state, whose government stands up for its national interest and thereby comes into conflict with Brussels. In 2020, this trend developed into the Hungarian National Security Strategy based on the three foundational tenets: 1) Hungary recognizes the global changes and the emergence of an alternative world order; 2) Hungary needs to build relationships with other global actors (Russia and China) besides the European Union that (as well as the West, in general) became a considerably weaker element of the international system; and 3) Hungary's policy is framed in the Berlin–Moscow–Istanbul triangle. To sum up, the de-Europeanization backslide within the Hungarian foreign policy manifests itself in Orbán's rhetoric against Brussels, in his idea of the Visegrád Group as a prospective part of the Paris–Berlin axis, and in the reinforcement of the Hungary–Russia relations.

The article demonstrates how Budapest leverages Russia's vaccine diplomacy to exert pressure on Brussels when Hungarian interests are at stake. The author dismisses the notion of Hungary as of a Russia's Trojan horse, because such view on the Orbán's policy concerning the EU institutions is oversimplified and wants to emphasize that Hungary and Russia pursue different interests. The main finding of this study is that Orbán's EU policy is in itself manipulative,

aimed at conforming the European foreign policy to the politician's own views. His eventual success would have a significant impact on the transformation of the EU.

Keywords: European Union, Hungary, Russia, Viktor Orbán, COVID-19, Sputnik V

For citation: Betmakaev, A.M. (2022) The EU, Hungary, and Russian vaccine diplomacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 97–105. doi: 10.17223/19988613/78/13

Отношения между институтами Европейского союза и Венгрией за последние десять лет прошли проверку в ряде конфликтных ситуаций, что было связано в основном с реакцией Брюсселя на внутреннюю и внешнюю политику центральноевропейского государства. Придя к власти после победы на парламентских выборах в 2010 г. во главе коалиции с участием партии Фидес и христианско-демократической народной партии, премьер-министр Виктор Орбан строит, по его словам, нелиберальную демократию [1]. Это строительство нарушает, по мнению институтов ЕС, основные европейские ценности [2]. Изменив венгерскую конституцию в 2011 г. и расширив prerogatives исполнительной власти, лидер Фидес Орбан одержал победы на парламентских выборах в 2014 и 2018 гг. Важной и постоянной темой его популистской риторики стало противостояние суверенной Венгрии «брюссельской бюрократии», которая пытается лишить венгерский народ его права на собственный путь развития и проведение самостоятельной, без оглядки на мнение европейских институтов, внешней политики, в том числе и в отношении Российской Федерации.

Выше нами был кратко изложен преобладающий в зарубежных исследованиях либеральный дискурс в оценке венгерской внешней политики в «эпоху Orbana» [3–5]. Противостояние Будапешта и Брюсселя рассматривается как конфликт ценностей, поэтому важную роль играет анализ влияния популизма как идеологии и практики венгерского режима на принятие внешнеполитических решений [6–8]. Однако большинство российских специалистов оценивают развитие венгерско-европейских отношений через призму конфликта интересов, обращая внимание на прагматизм и многовекторность политики Orbana [9, 10]. Этот подход близок к теории политического реализма и разделяется рядом зарубежных исследователей [11–13]. Двойственность интерпретаций также можно обнаружить в работах по проблемам отношений между ЕС и Россией [14, 15], Венгрией и Россией [16–18]. Конечно, существуют статьи, в которых авторы пытаются выйти за рамки отмеченных подходов, несмотря на ограниченный круг источников, когда речь идет о самых последних событиях в международных отношениях [19–21].

Взаимодействие институтов ЕС с государствами-участниками и отношения между ЕС и Россией в связи коронавирусной пандемией оказываются предметом не только научных статей, но и коллективных монографий, инициируя обращение к новым исследовательским темам [22–25]. Новым сюжетом можно считать также анализ взаимодействия Будапешта и Брюсселя в условиях борьбы с последствиями пандемии COVID-19 с учетом фактора России в 2020–2021 гг., что является целью данной статьи.

Если попытаться кратко изложить суть отношений между Венгрией и институтами ЕС в «эпоху Orbana», то они обычно развивались по следующему сценарию: Будапешт принимал закон, содержание которого в Европейской комиссии и Европейском парламенте оценивалось как нарушение норм ЕС. Комиссия рекомендовала изменить спорный закон, но венгерское правительство отказывалось следовать этой рекомендации. Тогда дело поступало на рассмотрение в Европейский суд, который поддерживал позицию европейских институтов, и Венгрия корректировала спорное законодательство. В 2011–2012 гг. так развивались события вокруг закона о центральном банке и судебной реформы [26. Р. 239–240].

Однако в 2015 г. привычный сценарий был нарушен. К Венгрии в ее противостоянии плану ЕС урегулировать острый миграционный кризис присоединились другие участники Вишеградской группы (В4). Бескомпромиссная Венгрия отказалась от предложения Еврокомиссии стать страной временного пребывания беженцев и не поддержала соглашение между ЕС и Африкой с целью решения кризиса. Венгерские власти приняли закон, дающий возможность оспорить в суде решение ЕС об обязательных квотах для приема иммигрантов [9. С. 103–104]. Согласно широко распространенному среди исследователей мнению, миграционный кризис обозначил смену вех во внешней политике Венгрии [11. С. 256].

По наблюдениям Р. Чехиа из Мюнхенского технического университета и Э. Згутб из Варшавского университета, в 2015 г. акцент в популистском дискурсе Orbana сместился с проблемы упадка демократии на проблему миграции, став гораздо более евроскептическим. Орбан не только говорил о потере «общей европейской родины», но и обвинил в этой утрате политических, экономических и интеллектуальных лидеров ЕС – «брюссельских фанатиков интернационализма», или *homo brusselicus* [6. Р. 59–60].

Отказ действовать в рамках миграционной политики ЕС фактически означал торможение процесса европеизации внешней политики Будапешта. Под европеизацией обычно понимают освоение правил, процедур, парадигм политики, стилей, способов ведения дел, общих убеждений и норм, которые сначала определяются и консолидируются в политическом процессе ЕС, а затем включаются в логику внутреннего (национального и субнационального) дискурса, политических структур и общественного выбора [27. Р. 115–126]. Опираясь на анализ венгерского политолога А. Хеттееи стимулирующих и сдерживающих факторов европеизации внешней политики Будапешта [12. Р. 129–133], мы выделяем четыре фактора деэвропеизации, т.е. процесса, противоположного европеизации.

Первым фактором деевропеизации политики Венгрии можно считать идеологическую неприязнь к дальнейшей интеграции. Орбан последовательно выступал против продолжения трансфера власти наднациональному центру в Брюсселе. Эта позиция выразилась в продвижении популистского мифа о защите национального суверенитета. Его правительство постоянно демонстрирует обществу картину почти неограниченной венгерской автономии. Венгрия – хозяйин своей судьбы, она свободна в выборе партнеров и позиций. Ее экономические достижения создаются самостоятельно, при небольшом вкладе извне или вообще без него. По мнению А. Хеттшей, чем сильнее гиперболизируется ЕС как образование, напоминающее СССР, тем больший акцент делается на потребность в сохранении независимости и автономии Венгрии [28. Р. 19].

Венгерского премьер-министра Орбана принято относить к политикам-популистам, ставя его в один ряд с Д. Трампом (США), М. Ле Пен (Франция), Н. Фаражем (Великобритания) и др. В широко известной интерпретации немецкого политолога Я.-В. Мюллера непосредственной причиной подъема популистской волны выступает специфический способ решения кризиса с помощью технократии. При этом европейских технократов сближают с популистами претензии на истину, убежденность в собственных взглядах как единственно верных для решения проблемы [29. С. 124–130]. Однако популисты, критикуя наднациональную «элиту», говорят от имени «народа», что должно делать легитимной их оппозицию технократам.

Внешняя политика популиста Орбана характеризуется персонализацией и политизацией дипломатии, конфронтационным поведением в отношении институтов ЕС и диверсификацией двусторонних отношений за счет поиска нетрадиционных партнеров для Венгрии [8. Р. 692–696]. Вместе с тем мы согласны с мнением ряда венгерских политологов, что не стоит пренебрегать преобразующей способностью популистской политики: Орбан выступает не как политик, «соблазняющий» электорат, а как актер широких структурных изменений, происходящих и в стране, и в центральноевропейском регионе [7. Р. 1443; 8. Р. 698]. Завеса популистской риторики также не должна скрывать от исследователей того, что в конце концов внешняя политика Венгрии подчиняется логике, основанной на орбановском понимании национальных интересов.

Вторым фактором деевропеизации внешней политики Будапешта стоит назвать избирательное применение европейских правовых норм: отказываясь от миграционных квот, Венгрия следует только тем нормам, которые соответствуют ее национальным интересам. Как заметил известный политолог И. Крастев, правительства Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) любят использовать Брюссель как риторическую боксерскую грушу, при этом извлекая выгоду из его финансовой щедрости [3. Р. 52]. В обзоре Организации экономического сотрудничества и развития Венгрия названа основным бенефициаром средств из фондов ЕС. В период 2021–2027 гг. страна получит 34,4 млрд евро, что равно четверти ее ВВП в 2020 г. [30. Р. 41].

Третий фактор деевропеизации связан с линией Будапешта на противопоставление центральноевропейской общности европейской идентичности. Этой линии способствовало то, что внутри и вне ЕС страны ЦВЕ в последние годы претендовали на автономию, пытаясь «монетизировать» свое геостратегическое положение и уклоняясь от инициатив по углублению интеграционного процесса [19. С. 85–86]. Руководитель Центра Вишеградских исследований Института Европы РАН Л.Н. Шишелина обращает внимание на то, что идея Орбана о замене к 2030 г. оси Германия–Франция треугольником с участием группы В4 получила отрицательный отзыв бывшего премьер-министра Словакии М. Дзурицы: она абсолютно нереалистична и вредна, поскольку означает начало фрагментации Евросоюза и играет на руку Китаю и России [10. С. 33–34].

Четвертый фактор деевропеизации внешнеполитического курса Венгрии (вероятно, самый важный) выражается в переходе к более прагматичной многовекторной политике, что ведет к углублению связей со странами вне ЕС. В 2011 г. правительство Орбана провозгласило политику открытости в отношении Востока (*keleti nyitási politika*) с целью расширения экономических связей с Россией и странами АТР, уделив особое внимание торгово-инвестиционным отношениям с КНР. Поэтому Венгрия не подписала заявление стран-членов ЕС против инициативы Китая «один пояс, один путь» [13. Р. 115–118].

Акцент на политику в духе реализма выражен в новой стратегии национальной безопасности Венгрии, утвержденной в апреле 2020 г. и заменившей стратегию 2012 г. Хотя в документе говорится о приверженности Венгрии своим обязательствам НАТО и ЕС, но отмечается необходимость взаимодействия с Россией и Китаем на основе взаимной политической и экономической выгоды. Реалистичный подход признает сложность мирового порядка, в котором малая держава балансирует между ключевыми акторами [31].

Орбан также утверждал, что дипломатия Венгрии имеет систему координат для ориентации: Стамбул, Берлин и Москва. Поскольку отношения Европейского Союза и с Турцией, и с Россией являются напряженными, орбановское геополитическое обоснование внешней политики, полагает Л. Чичманн, означает стремление Венгрии придраться к статусу «страны-парома» между Европейским Союзом, Турцией и Россией [11. С. 258].

Отмеченные выше факторы деевропеизации внешней политики Венгрии имеют разную силу воздействия на отношения между Будапештом и Брюсселем. Но их значение может возрастать с каждым новым вызовом процессу европейской интеграции внутри и вне ЕС. Серьезным испытанием для венгерско-европейских отношений стала коронавирусная пандемия.

В конце января и в феврале 2020 г., когда в Европе были обнаружены первые случаи COVID-19 и органы здравоохранения начали принимать меры по сдерживанию распространения болезни, еще не было ясно, что основные решения по кризису будут приниматься ЕС, а не национальными правительствами. ЕС имел ограниченную компетенцию в сфере здравоохранения.

Бюджет Европейского центра по профилактике и контролю заболеваний был в 100 раз меньше, чем у его американского аналога [32. Р. 3]. Поэтому инициатива в борьбе с пандемией первоначально была на стороне национальных правительств.

Венгрия стала одной из первых стран Европы, которая ввела ограничения на ранней стадии пандемии. Первые пациенты с коронавирусом (иранские студенты медицинского университета г. Печ) были госпитализированы 4 марта. Правительство 11 марта приняло пакет мер, создав оперативный штаб по борьбе с кризисом. Запрещался выезд из страны медработников, военнослужащих и госслужащих. Была широко задействована армия, что сразу выделило Венгрию среди других стран-членов ЕС [5. Р. 270–273]. В целом же антиковидные меры не были особенно строгими по сравнению с другими странами. В первой половине 2020 г. Венгрия занимала среднее место среди европейских стран по индексу строгости в отношении COVID-19, разработанному Школой государственного управления им. Блаватника при Оксфордском университете [33. Р. 342].

Однако Будапешт на этом не остановился. Правительство активировало конституционный режим чрезвычайного положения и объявило «состояние опасности». Парламент в ускоренном порядке принял 30 марта «закон о коронавирусе», который наделял правительство Орбана правом управлять страной напрямую посредством указов, без утверждения их в парламенте [23. Р. 178–180].

В Брюсселе быстро сформировалось мнение, что венгерское правительство рассматривало пандемию как возможность для дальнейшего расширения авторитаризма, используя положения закона, позволяющие правительству бессрочно править указами. Закон разрешил правительству отложить выборы и привлечь к ответственности тех, кто намеренно «распространяет дезинформацию» о пандемии. Не называя Венгрию, председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен заявила 2 апреля, что встревожена мерами, принимаемыми в некоторых странах. И хотя под международным давлением закон был отменен в июне 2020 г., в него были добавлены новые правила, позволяющие правительству продолжать осуществлять некоторые из своих особых полномочий [21. Р. 424–425].

В венгерских СМИ, лояльных правительству, утверждалось, что коронавирус показал неэффективность Европейского союза в условиях кризиса и что с последствиями пандемии могли справиться только сильные национальные государства и настоящие политические лидеры. Наиболее эффективной формой международного сотрудничества во время кризиса назывались двусторонние отношения. С другой стороны, оппозиционные медиа подчеркивали, что многие европейские страны действовали быстрее или эффективнее, чем Венгрия [5. Р. 274].

Первые месяцы пандемии показали, что страны-члены ЕС не показали высокую степень солидарности перед лицом общего вызова. Запреты на экспорт необходимых средств индивидуальной защиты, плохо скоординированное закрытие границ и широко распростра-

ненный эгоизм государств-членов – все это послужило основой для ранее существовавших нарративов СМИ о кризисе ЕС. Этот этап прошел быстро, поскольку государства пришли к соглашению о правилах регулирования. Были сняты запреты на экспорт, организованы совместные закупки и увеличено их финансирование в ЕС [34. Р. 748]. В середине 2020 г. была разработана европейская программа финансирования преодоления последствий пандемии.

21 июля лидеры ЕС согласовали финансовый пакет в размере 1,82 трлн евро. Беспрецедентный финансовый пакет включает многолетнюю финансовую рамочную программу (Multiannual Financial Framework, MFF) на 2021–2027 гг. и программу восстановления «Следующее поколение ЕС» (NextGenerationEU). Стимулирующий пакет призван вывести европейскую экономику из глубокой рецессии, вызванной пандемией [35].

Финансовый пакет был принят 10–11 декабря 2020 г. на саммите Европейского Совета, который временно «заморозил» конфликт Европарламента и Еврокомиссии, поддержанных также большинством «старых» стран-членов, с Венгрией и Польшей по принципам финансирования «Следующего поколения». Будапешт и Варшава отказались от «предупредительного вето», которое они объявили в ноябре, заблокировав увязку предоставления средств ЕС с уважением принципа верховенства права. В случае несоблюдения этого принципа Еврокомиссия получала право сокращать выдачу средств из совместного бюджета государствам-нарушителям (так называемый «механизм верховенства права»). Евросовет подтвердил, что ЕС, его страны-члены и институты привержены продвижению и уважению ценностей, на которых основан Союз, включая верховенство права, а также напомнил, что ст. 7 Договора об учреждении ЕС устанавливает процедуру реагирования на нарушение этих ценностей в соответствии со ст. 2. По мнению Б.Е. Фрумкина из Института мировой экономики и международных отношений РАН, от компромисса тактически выиграл Орбан, которому новая процедура позволяет отсрочить расследование претензий к Венгрии до 2022 г., сохраняя финансирование из бюджета ЕС и тем самым повышая его шансы на победу на парламентских выборах. Но в долгосрочной перспективе нынешние венгерские и польские власти проиграли, так как соглашение позволяет приостановить выдачу денег странам в случаях коррупции или конфликта интересов, причем регламент может применяться задним числом с 1 января 2021 года [36. С. 7].

Параллельно с разработкой плана финансовой помощи пострадавшим от пандемии странам Еврокомиссия занималась закупками и распределением масок, аппаратов ИВЛ и пр. Однако до июля 2020 г. она играла небольшую роль в обсуждении разработки и закупок вакцин. Первые исследования вакцин финансировались и контролировались фармацевтическими компаниями и национальными правительствами, а Еврокомиссия пришла к выводу, что ЕС может сыграть решающую роль в кризисе в качестве централизованного переговорщика по закупкам вакцин, с возможностью для всех стран-членов получить вакцины быстро, недорого

и справедливо. 27 августа Еврокомиссия подписала соглашение о закупке 400 млн доз вакцины Oxford–AstraZeneca [32. Р. 3–4].

Прибытие в Венгрию вакцин в рамках общих европейских закупок запаздывало, поэтому Будапешт договорился о поставках незарегистрированных в ЕС вакцин из России и Китая – 2 млн доз российской вакцины «Спутник V» [20. С. 82] и 5 млн доз китайской вакцины Sinopharm [37]. Хотя венгерское правительство продемонстрировало прагматизм в решении важнейшей проблемы здравоохранения, ряд исследователей увидел также и приверженность Будапешта вакцинному национализму, который превратился в вакцинный популизм, поскольку Орбан стремился преуменьшить роль совместных европейских усилий и нашел альтернативные источники для проведения вакцинации [25. Р. 12].

11 августа 2020 г. президент В.В. Путин объявил о регистрации первой вакцины против COVID-19 в мире с символическим названием «Спутник V», хотя она еще не прошла третью фазу испытаний. Правительство России начало пропагандистскую кампанию, подчеркивая способность РФ разработать вакцину с самого начала появления нового коронавируса [38. Р. 441]. В ответ Европейский союз заявил, что Китай и Россия проводят кампании по дезинформации в Интернете, чтобы подорвать доверие к западным вакцинам, опыту и институтам. Некоторые наблюдатели увидели в действиях России попытку использовать вакцину «Спутник V» как один из инструментов гибридной войны, а министр иностранных дел Франции Ж.-И. Ле Дриан охарактеризовал российскую вакцинную дипломатию как «средство пропаганды и агрессивной дипломатии» [25. Р. 14].

Так в общественно-политическом дискурсе понятие «вакцинная дипломатия» приобрело негативную коннотацию. Однако в исследованиях ученых-международников оно рассматривается, во-первых, как многосторонняя дипломатия в интересах глобального здравоохранения и, во-вторых, как вид национальной дипломатической практики, связанный со стратегическими целями государств и реализуемый в рамках мягкой силы [39]. В истории также есть примеры, когда вакцинная дипломатия становилась общим делом и способом коммуникации непримиримых противников. Например, в годы «холодной войны» советские и американские вирусологи разработали вакцину против полиомиелита, использование которой привело к прекращению распространения этого заболевания по всему миру [40. Р. 68].

Даже если принять точку зрения, что Венгрия стала объектом вакцинной дипломатии России, то следует выяснить, какой эффект имело применение вакцины на венгерское общественное мнение. Согласно опросу, проведенному словацким фондом ГЛОБСЕК в первой половине 2021 г., на вопрос «Если бы у Вас был выбор, какую вакцину Вы бы предпочли?», ответы венгерских респондентов распределились следующим образом: западноевропейскую и американскую – 35%, российскую – 7%, китайскую – 10%, любую вакцину, одобренную Европейским агентством по лекарственным средствам, – 41%, не знаю – 7% [41]. Отметим, что популярность российской вакцины оказалась ниже, чем доля, которую занимал «Спутник V» в вакцинации вен-

гров. По данным на 27 ноября 2021 г. из 13,14 млн доз, использованных в Венгрии, 1,81 млн были российского производства (13,8%). Совокупная доля всех вакцин производства Европы и США составила 69,7%, а доля китайской вакцины – 16,5% [42].

Относительно невысокие показатели российской вакцины не помешали продолжению двустороннего сотрудничества. 14 октября 2021 г. в Москве министр здравоохранения России М. Мурашко и министр иностранных дел и внешней торговли Венгрии П. Сийярто обсудили вопросы строительства в Венгрии завода по производству вакцины «Спутник V» и взаимное признание сертификатов о вакцинации [43]. Получение технологии для производства вакцины станет первым шагом на пути к распространению российской вакцины в ЕС, хотя «Спутник V» еще не одобрен ВОЗ и Европейским агентством по лекарственным средствам.

Заинтересованность Будапешта в сфере производства и распространения вакцины из России, на первый взгляд, дает новый аргумент в пользу оценки Венгрии в качестве «троянского коня» Москвы в ЕС. Он дополняет орбановскую критику санкций против России в связи с украинским кризисом, ежегодные саммиты лидеров двух стран и соглашение о строительстве АЭС «Пакш-2», которое сделало Россию единственным поставщиком ядерного топлива в Венгрию [14. Р. 87–88]. Летом 2021 г. к этому списку также можно отнести конфликт между Венгрией и Европарламентом в связи с принятием закона о запрете пропаганды гомосексуализма среди лиц моложе 18 лет, в котором некоторые евродепутаты увидели копирование российского законодательства. И вновь Европейская комиссия открыла дело против Венгрии и Польши за несоблюдение основных прав ЕС [44. С. 60–61], тем самым углубляя конфликт ценностей между Брюсселем и центрально-европейскими столицами. Наконец в сентябре 2021 г. Будапешт и российская компания «Газпром» подписали два контракта сроком на 15 лет на поставку российского газа через газопровод «Турецкий поток» и далее через газотранспортные системы Юго-Восточной Европы в обход Украины [45].

Сторонники концепции «троянского коня» исходят из того, что Россия стремится подорвать силу ЕС, не сотрудничая с брюссельскими институтами, а вместо этого развивая двусторонние связи с отдельными европейскими странами и стремясь посеять раскол внутри ЕС и подорвать коллективные действия объединения [14. Р. 92–93]. По нашему мнению, ярлык «Венгрия – троянский конь России» отдает дань публицистике. Оценка внешней политики Будапешта и венгерской роли в ЕС требует более взвешенного подхода.

Во-первых, венгерский «конь» попал в один ряд с «конями» Италии, Греции и Кипра, которые преследовали свои интересы в экономическом сотрудничестве с Россией, но, в отличие от них, Венгрия также участвовала в конфликте ценностей с институтами ЕС, демонстрируя близость к традиционными ценностям российского президента. Польша как участник ценностного конфликта, видимо, тоже обслуживает интересы России, но Варшава ни при каких условиях не считалась промосковской, поскольку она открыто про-

водит антироссийскую политику [7. Р. 1455]. И хотя существует постоянный политический диалог между президентом России и премьер-министром Венгрии, Будапешт поддерживает санкционный режим, введенный Европейским Союзом [11. С. 259]. Исследователи из Словакии А. Казгарски и С. Мацалова полагают, что в любом случае Будапешт можно рассматривать скорее как оппортуниста в отношениях с институтами ЕС, чем страной, желающей служить «инструментом» России [16. Р. 252]. С 2010 г. из Венгрии изгнаны более десяти сотрудников российской разведки, хотя эти действия в основном проводятся без огласки, что является отходом от обычной практики ЕС. Более того, строительство АЭС «Пакш-2», которая является флагманским проектом России в Венгрии, сталкивается с серьезными препятствиями. Несмотря на давление со стороны России, венгерские власти отказались разрешить строительство новых энергоблоков до тех пор, пока Росатом не предоставит документацию, соответствующую стандартам ЕС [17].

Интересную интерпретацию политики Венгрии в отношении ЕС и России предлагает исследовательница из Литвы А. Шмидт-Фельцманн. Малые государства-члены ЕС сформировали повестку дня между ЕС и Россией по вопросам, связанным с их географией, преобладающими национальными интересами, историческим опытом и специальными знаниями. Для них совокупная сила ЕС дает больше рычагов воздействия на исход переговоров с Россией. Важность небольшой страны для России также играет роль. Государства с ограниченным влиянием могут попытаться вовлечь ЕС в проблемы с Россией, что может задержать или помешать достижению двусторонних соглашений. Как правило, участники ЕС заключают двусторонние сделки с Россией и ищут поддержки со стороны других государств-членов и институтов ЕС, когда возникают проблемы с Россией, которые им трудно решить самостоятельно. Поэтому Россия предпочитает двусторонние отношения с государствами-членами, а не взаимодействие с институтами ЕС [15. Р. 209]. И у наблюдателей складывается впечатление, что Россия таким способом старается ослабить ЕС.

Во-вторых, Венгрия, скорее, заслуживает звания тро-янского коня Китая. Она пыталась привлечь китайские инвестиции для решения проблем, возникших в результате экономического кризиса 2008 г. Венгрия с энтузиазмом присоединилась к инициативе Китая для стран ЦВЕ рамочной программе «16 + 1», заключив соглашение о стратегическом партнерстве. Этот форум сначала позиционировался как чисто экономический, однако затем получил политическое наполнение и, по сути, стал организацией, независимой от руководства Европейского союза и контролируемой Пекином [46. С. 201]. Будапешт использует улучшение своих отношений с Китаем как стратегию шантажа в отношении ЕС. Интересно, что рост активности Китая не вызвал никакой тревоги ни у венгерской оппозиции, ни у ши-

рокой общественности. Никто из крупных политических игроков в Венгрии не выступает против политики открытости в отношении Пекина [18. Р. 36–37]. Венгрия выступает за снятие эмбарго ЕС на поставки вооружения в Китай и предоставление Китаю статуса страны с рыночной экономикой. Она является сегодня страной с самым многочисленным китайским населением в ЦВЕ, имея наибольшую долю китайских инвестиций среди стран региона [46. С. 210–211].

Стремясь осуществлять самостоятельную внешнюю политику, Венгрия не планирует покидать ЕС ввиду конфликта ценностей. Будапешт хочет изменить правила игры в соответствии со своими интересами и идеологией. Эффективность этой стратегии зависит от объективных и субъективных факторов. История с закупками российской и китайской вакцин показывает, как популисту Орбану удалось продемонстрировать венграм свою способность находить быстрые технократические решения неотложных проблем на фоне замедленной реакции брюссельских бюрократов. Конечно, орбановская стратегия, рассчитанная на долгосрочную перспективу, не предполагает выхода из ЕС. По мнению А. Хеттгеи, Европейский Союз слишком полезен для Орбана, чтобы отказываться от преимуществ, которые дает участие в нем. Гораздо лучше изменить его, чтобы он отражал предпочтения Венгрии, т.е. осуществить «хунгаризацию (венгеризацию)» ЕС [12. Р. 134–135]. И ситуация коронавирусного кризиса, кажется, предоставляет больше возможностей для реализации орбановской стратегии.

По мнению С. Лади из афинского университета Пантеон и С. Волфф из лондонского Университета королевы Марии, институты ЕС отреагировали на пандемию, продемонстрировав новый способ европеизации, который можно описать как координационную европеизацию. Она определяется как процесс, при котором государства-члены активно участвуют в процессе разработки общей политики на раннем этапе, чтобы гарантировать максимально возможный уровень ее реализации. Это прагматичный подход к европеизации, и каналы участия государств-членов часто были неформальными и осуществлялись онлайн. Еврокомиссия играла ведущую роль и предложила новаторские инструменты в этом процессе, продемонстрировав, что брюссельская бюрократия извлекла уроки из прошлых кризисов. Координационная европеизация не является ни наднациональным, ни межгосударственным способом сотрудничества. Это отход от принудительной европеизации, которая характеризовала институциональную реакцию ЕС на прежние кризисы. Исследователи обнаружили, что ответ институтов ЕС на вызов пандемии заключался в прямых консультациях и диалоге с государствами-членами [24]. Можно предположить, что политика Венгрии в связи с ее ролью в вакцинной дипломатии России оказала влияние на становление нового вида европеизации.

Список источников

1. Prime Minister Viktor Orbán's Speech at the 25th Balvanyos Summer Free University and Student Camp, 26 July 2014, Tusnádfürdő (Băile Tușnad), Romania // Magyarország jobban teljesít. URL: http://2010-2015.miniszterelnok.hu/in_english_article/_prime_minister_viktor_orban_s_speech_at_the_25th_balvanyos_summer_free_university_and_student_camp (accessed: 01.12.2021).

2. P7_TA(2011)0315. Revised Hungarian Constitution: European Parliament Resolution of 5 July 2011 on the Revised Hungarian Constitution // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2011-0315_EN.pdf (accessed: 01.12.2021).
3. Krastev I. Eastern Europe's Illiberal Revolution // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97 (3). P. 49–56.
4. Illiberal Trends and Anti-EU Politics in East Central Europe / ed. by A. Lorenz, L.H. Anders. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. XX, 354 p.
5. Merkovity N., Bene M., Farkas X. Hungary: Illiberal Crisis Management // Political Communication and COVID-19: Governance and Rhetoric in Times of Crisis / ed. by D.G. Lilleker, I.A. Coman, M. Gregor, E. Novelli. New York : Routledge, 2021. P. 269–279.
6. Cseh R., Zgut E. 'We Won't Let Brussels Dictate Us': Eurosceptic Populism in Hungary and Poland // European Politics and Society. 2021. Vol. 22 (1). P. 53–68. DOI: 10.1080/23745118.2020.1717064
7. Varga M., Buzogány A. The Foreign Policy of Populists in Power: Contesting Liberalism in Poland and Hungary // Geopolitics. 2021. Vol. 26 (5). P. 1442–1463. DOI: 10.1080/14650045.2020.1734564
8. Visnovitz P., Jenne E.K. Populist Argumentation in Foreign Policy: The Case of Hungary Under Viktor Orbán, 2010–2020 // Comparative European Politics. 2021. № 19. P. 683–702. DOI: 10.1057/s41295-021-00256-3
9. Квашнин Ю.Д., Кузнецов А.В., Трофимова О.Е., Четверикова А.С. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 1. С. 97–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107
10. Шишелина Л.Н. К 30-летию Вишеградской группы: достижения и перспективы // Современная Европа. 2021. Т. 104, № 4. С. 26–36. DOI: 10.15211/soveurope420212636
11. Чичманн Л. Внешняя политика Венгрии и кризис либерального международного порядка. Балансируя между мировыми державами и национальными интересами // Центральная Европа: тридцать лет по пути реформ. Проблемы, вызовы, перспективы / под ред. Л.Н. Шишелиной. М. : Ин-т Европы РАН, 2021. С. 253–261.
12. Hettyey A. The Europeanization of Hungarian Foreign Policy and the Hungarianization of European Foreign Policy, 2010–18 // Journal of Contemporary European Studies. 2021. Vol. 29 (1). P. 125–138. DOI: 10.1080/14782804.2020.1824895
13. Tarrósy I., Vörös Z. Hungary's Pragmatic Foreign Policy in a Post-American World // Politics in Central Europe. 2020. Vol. 16 (1S). P. 113–134. DOI: 10.2478/pce-2020-0006
14. Orenstein M.A., Kelemen R.D. Trojan Horses in EU Foreign Policy // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2017. Vol. 55 (1). P. 87–102. DOI: 10.1111/jcms.12441
15. Schmidt-Felzmann A. The Member States in EU–Russia Relations: Drivers of Cooperation and Sources of Conflict // The Routledge Handbook of EU–Russian Relations: Structures, Actors, Issues / ed. by T. Romanova, M. David. London : Routledge, 2021. P. 206–216.
16. Kazharski A., Macalová S. Democracies: "Sovereign" and "Illiberal": the Russian-Hungarian Game of Adjectives and Its Implications for Regional Security // Journal of Regional Security. 2020. Vol. 15 (2). P. 235–262. DOI: 10.5937/jrs15-24079
17. Rácz A. Authoritarian Ties: The Case of Russia and Hungary // Wilson Center. 2021. Oct. 22. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/authoritarian-ties-case-russia-and-hungary> (accessed: 01.12.2021).
18. Waisová Š. Central Europe in the New Millennium: The New Great Game? US, Russian and Chinese Interests and Activities in Czechia, Hungary, Poland and Slovakia // UNISCI Journal. 2020. Vol. 18 (54). P. 29–48. DOI: 10.31439/UNISCI-96
19. Кобринская И., Фрумкин Б. Центральное-Восточная Европа в международных процессах «пост-COVID-19» // Международные процессы. 2020. Т. 18. № 2. С. 71–91. DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.1
20. Ийяш Д. Политические эксперты и вакцины // Вишеградская Европа : центральноевропейский журнал. 2021. № 1 (9). С. 80–87.
21. Löblová O., Rone J., Borbáth E. COVID-19 in Central and Eastern Europe: Focus on Czechia, Hungary, and Bulgaria // Coronavirus Politics: the Comparative Politics and Policy of COVID-19 / ed. by A. Peralta-Santos, E. Da Massard Fonseca, E. King, S.L. Greer. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2021. P. 413–435.
22. Coronavirus Politics: The Comparative Politics and Policy of COVID-19 / ed. by A. Peralta-Santos, E. Da Massard Fonseca, E. King, S.L. Greer. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2021. VIII, 654 p.
23. Drinóczi T., Bień-Kacała A. COVID-19 in Hungary and Poland: Extraordinary Situation and Illiberal Constitutionalism // The Theory and Practice of Legislation. 2020. Vol. 8 (1-2). P. 171–192. DOI: 10.1080/20508840.2020.1782109
24. Ladi S., Wolff S. The EU Institutional Architecture in the Covid-19 Response: Coordinative Europeanization in Times of Permanent Emergency // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2021. (Early View). DOI: 10.1111/jcms.13254
25. Moreno J.D., Sándor J., Schmidt U. The Vaccination Cold War // The Hastings Center report. 2021. Vol. 51 (5). P. 12–17. DOI: 10.1002/hast.1282
26. Anders L.H., Priebus S. Does It Help to Call a Spade a Spade? Examining the Legal Bases and Effects of Rule of Law-Related Infringement Procedures Against Hungary // Illiberal Trends and Anti-EU Politics in East Central Europe / ed. by A. Lorenz, L.H. Anders. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 235–262.
27. European Union Politics / ed. by M. Cini, N. Pérez-Solórzano Borragán. Oxford : Oxford University Press, 2019. 568 p.
28. Hettyey A. The Illusion of Autonomy and New Others: Role Conflict and Hungarian Foreign Policy After 2010 // Journal of International Relations and Development. 2021. DOI: 10.1057/s41268-021-00228-w
29. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? : пер. с англ. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 144 с.
30. OECD Economic Surveys: Hungary 2021. Paris : OECD Publishing, 2021. 125 p.
31. 1163/2020. (IV. 21.) Korm. határozat Magyarország Nemzeti Biztonsági Stratégiájáról // Wolters Kluwer. URL: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=A20H1163.KOR&xtrefere=00000001.txt> (accessed: 01.12.2021).
32. The European Union's Vaccine-Acquisition Strategy // Strategic Comments. 2021. Vol. 27 (4). P. 1–3. DOI: 10.1080/13567888.2021.1942661
33. Györy C., Weinberg N. Emergency Powers in a Hybrid Regime: The Case of Hungary // The Theory and Practice of Legislation. 2020. Vol. 8 (3). P. 329–353. DOI: 10.1080/20508840.2020.1838755.
34. Greer S.L., de Ruijter A., Brooks E. The COVID-19 Pandemic: Failing Forward in Public Health // The Palgrave Handbook of EU Crises / ed. by M. Riddervold, J. Trondal, A. Newsome. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 747–764.
35. Recovery Plan for Europe // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en (accessed: 01.12.2021).
36. Фрумкин Б.Е. Заседания (саммиты) Европейского Совета (декабрь 2020 – февраль 2021) // Европейский Союз: факты и комментарии. 2021. № 103. С. 5–15. DOI: 10.15211/eufacts1202105015
37. Moldicz C. Hungarian Foreign Policy in 2021: an Outlook // China-CEE Institute. Weekly Briefing. 2021. Vol. 36 (4). URL: <https://china-cee.eu/2021/02/04/hungary-external-relations-briefing-hungarian-foreign-policy-in-2021-an-outlook/> (accessed: 01.12.2021).
38. King E., Dudina V.I. COVID-19 in the Russian Federation: Government Control During the Epidemic // Coronavirus Politics: The Comparative Politics and Policy of COVID-19 / ed. by A. Peralta-Santos, E. Da Massard Fonseca, E. King, S.L. Greer. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2021. P. 436–455.
39. Fazal T.M. Health Diplomacy in Pandemical Times // International Organization. 2020. Vol. 74 (S1). P. E78–E97. DOI: 10.1017/S0020818320000326
40. Hotez P.J. Vaccine Diplomacy // Foreign Policy. 2001. № 124. P. 68–69. DOI: 10.2307/3183194
41. GLOBSEC Trends 2021: Hungary One Year into the COVID-19 Pandemic // GLOBSEC. 2021. July 29. URL: <https://www.globsec.org/publications/globsec-trends-2021-hungary-one-year-into-the-covid-19-pandemic/> (accessed: 01.12.2021).
42. Which Vaccines Have Been Administered in Each Country? // Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations#which-vaccines-have-been-administered-in-each-country> (accessed: 01.12.2021).

43. Россия и Венгрия обсудили строительство завода по производству Спутника V // РИА Новости. 2021. 14 окт. URL: <https://ria.ru/20211014/vaktsina-1754515502.html> (дата обращения: 01.12.2021).
44. Русакова М.Ю. Отношения Европейского Союза и Вишеградской группы (июнь–август 2021) // Европейский Союз: факты и комментарии. 2021. № 105. С. 60–65. DOI: 10.15211/eufacts320216065
45. «Газпром» подписал 15-летний контракт с Венгрией на поставку газа // РИА Новости. 2021. 27 сент. URL: <https://ria.ru/20210927/kontrakt-1752019695.html> (дата обращения: 01.12.2021).
46. Виноградов А.О., Буромбей Е.К. Отношения Китая со странами Вишеградской группы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23, № 23. С. 200–214. DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10015

References

1. Orbán, V. (2014) *Prime Minister Viktor Orbán's Speech at the 25th Balvanyos Summer Free University and Student Camp, 26 July 2014, Tusnádfürdő (Băile Tușnad), Romania*. [Online] Available from: http://2010-2015.miniszterelnok.hu/in_english_article/_prime_minister_viktor_orban_s_speech_at_the_25th_balvanyos_summer_free_university_and_student_camp (Accessed: 1st December 2021).
2. European Parliament. (2011) *P7_TA(2011)0315. Revised Hungarian Constitution: European Parliament Resolution of 5 July 2011 on the Revised Hungarian Constitution*. [Online] Available from: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2011-0315_EN.pdf (Accessed: 1st December 2021).
3. Krastev, I. (2018) Eastern Europe's Illiberal Revolution. *Foreign Affairs*. 97(3). pp. 49–56.
4. Lorenz, A. & Anders, L.H. (2021) *Illiberal Trends and Anti-EU Politics in East Central Europe*. Cham: Palgrave Macmillan.
5. Merkovity, N., Bene, M. & Farkas, X. (2021) Hungary: Illiberal Crisis Management. In: Lilleker, D.G., Coman, I.A., Gregor, M. & Novelli, E. (eds) *Political Communication and COVID-19: Governance and Rhetoric in Times of Crisis*. New York: Routledge. pp. 269–279.
6. Csehi, R. & Zgut, E. (2021) 'We Won't Let Brussels Dictate Us': Eurosceptic Populism in Hungary and Poland. *European Politics and Society*. 22(1). pp. 53–68. DOI: 10.1080/23745118.2020.1717064
7. Varga, M. & Buzogány, A. (2021) The Foreign Policy of Populists in Power: Contesting Liberalism in Poland and Hungary. *Geopolitics*. 26(5). pp. 1442–1463. DOI: 10.1080/14650045.2020.1734564
8. Visnovitz, P. & Jenne, E.K. (2021) Populist Argumentation in Foreign Policy: The Case of Hungary Under Viktor Orbán, 2010–2020. *Comparative European Politics*. 19. pp. 683–702. DOI: 10.1057/s41295-021-00256-3
9. Kvashnin, Yu.D., Kuznetsov, A.V., Trofimova, O.E. & Chetverikova, A.S. (2017) The European Migrant Crisis: Common Challenge and National Responses. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 61(1). pp. 97–107. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107
10. Shishelina, L.N. (2021) The 30-th Anniversary of Visegrad Group: Achievements and Prospects. *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 104(4). pp. 26–36. (In Russian). DOI: 10.15211/soveurope420212636
11. Chichmann, L. (2021) Vneshnyaya politika Vengrii i krizis liberal'nogo mezhdunarodnogo poryadka. Balansiruya mezhdu mirovymi derzhavami i natsional'nymi interesami [Foreign policy of Hungary and the crisis of the liberal international order. Balancing between world powers and national interests]. In: Shishelina, L.N. (ed.) *Tsentral'naya Evropa: tridsat' let po puti reform. Problemy, vyzovy, perspektivy* [Central Europe: thirty years on the path of reforms. Problems, challenges, prospects]. Moscow: RAS. pp. 253–261.
12. Hettyey, A. (2021) The Europeanization of Hungarian Foreign Policy and the Hungarianization of European Foreign Policy, 2010–18. *Journal of Contemporary European Studies*. 29(1). pp. 125–138. DOI: 10.1080/14782804.2020.1824895
13. Tarrósy, I. & Vörös, Z. (2020) Hungary's Pragmatic Foreign Policy in a Post-American World. *Politics in Central Europe*. 16(1S). pp. 113–134. DOI: 10.2478/pce-2020-0006
14. Orenstein, M.A. & Kelemen, R.D. (2017) Trojan Horses in EU Foreign Policy. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 55(1). pp. 87–102. DOI: 10.1111/jcms.12441
15. Schmidt-Felzmann, A. (2021) The Member States in EU–Russia Relations: Drivers of Cooperation and Sources of Conflict. In: Romanova, T. & David, M. (eds) *The Routledge Handbook of EU–Russian Relations: Structures, Actors, Issues*. London: Routledge. pp. 206–216.
16. Kazharski, A. & Macalová, S. (2020) Democracies: "Sovereign" and "Illiberal": the Russian-Hungarian Game of Adjectives and Its Implications for Regional Security. *Journal of Regional Security*. 15(2). pp. 235–262. DOI: 10.5937/jrs15-24079
17. Rácz, A. (2021) Authoritarian Ties: The Case of Russia and Hungary. *Wilson Center*. 22nd October. [Online] Available from: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/authoritarian-ties-case-russia-and-hungary> (Accessed: 1st December 2021).
18. Waisová, Š. (2020) Central Europe in the New Millennium: The New Great Game? US, Russian and Chinese Interests and Activities in Czechia, Hungary, Poland and Slovakia. *UNISCI Journal*. 18(54). pp. 29–48. DOI: 10.31439/UNISCI-96
19. Kobrinskaya, I. & Frumkin, B. (2020) Tsentral'no-Vostochnaya Evropa v mezhdunarodnykh protsessakh "post-COVID-19" [Central-Eastern Europe in post-COVID-19 international processes]. *Mezhdunarodnye protsessy – International Trends*. 18(2). pp. 71–91. DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.1
20. Iyyash, D. (2021) Politicheskie eksperty i vaktsiny [Political experts and vaccines]. *Vishegradskaya Evropa: tsentral'noevropeyskiy zhurnal – Visegrad Europe: Central European Journal*. 1(9). pp. 80–87.
21. Löblová, O., Rone, J. & Borbáth, E. (2021) COVID-19 in Central and Eastern Europe: Focus on Czechia, Hungary, and Bulgaria. In: Peralta-Santos, A., Da Massard Fonseca, E., King, E. & Greer, S.L. (eds) *Coronavirus Politics: the Comparative Politics and Policy of COVID-19*. Ann Arbor: University of Michigan Press. pp. 413–435.
22. Peralta-Santos, A., Da Massard Fonseca, E., King, E. & Greer, S.L. (eds) (2021) *Coronavirus Politics: the Comparative Politics and Policy of COVID-19*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
23. Drinóczi, T. & Bién-Kacala, A. (2020) COVID-19 in Hungary and Poland: Extraordinary Situation and Illiberal Constitutionalism. *The Theory and Practice of Legislation*. 8(1-2). pp. 171–192. DOI: 10.1080/20508840.2020.1782109
24. Ladi, S. & Wolff, S. (2021) The EU Institutional Architecture in the Covid-19 Response: Coordinative Europeanization in Times of Permanent Emergency. *JCMS: Journal of Common Market Studies*. (Early View). DOI: 10.1111/jcms.13254
25. Moreno, J.D., Sándor, J. & Schmidt, U. (2021) The Vaccination Cold War. *The Hastings Center Report*. 51(5). pp. 12–17. DOI: 10.1002/hast.1282
26. Anders, L.H. & Priebus, S. (2021) Does It Help to Call a Spade a Spade? Examining the Legal Bases and Effects of Rule of Law-Related Infringement Procedures Against Hungary. In: Lorenz, A. & Anders, L.H. (eds) *Illiberal Trends and Anti-EU Politics in East Central Europe*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 235–262.
27. Cini, M. & Pérez-Solórzano Borragán, N. (2019) *European Union Politics*. Oxford: Oxford University Press.
28. Hettyey, A. (2021) The Illusion of Autonomy and New Others: Role Conflict and Hungarian Foreign Policy After 2010. *Journal of International Relations and Development*. 25. pp. 260–294. DOI: 10.1057/s41268-021-00228-w
29. Müller, J.-W. (2018) *Chto takoe populizm?* [What is populism?]. Translated from English. Moscow: HSE.
30. OECD. (2021) *OECD Economic Surveys: Hungary 2021*. Paris: OECD Publishing.
31. Hungary. (2020) 1163/2020. (IV. 21.) *Korm. határozat Magyarország Nemzeti Biztonsági Stratégiájáról*. [Online] Available from: <https://net.jogtar.hu/jogszabaly?docid=A20H1163.KOR&txrefere=00000001.txt> (Accessed: 1st December 2021).
32. The European Union. (2021) The European Union's Vaccine-Acquisition Strategy. *Strategic Comments*. 27(4). pp. 1–3. DOI: 10.1080/13567888.2021.1942661

33. Györy, C. & Weinberg, N. (2020) Emergency Powers in a Hybrid Regime: The Case of Hungary. *The Theory and Practice of Legislation*. 8(3). pp. 329–353. DOI: 10.1080/20508840.2020.1838755.
34. Greer, S.L., de Ruijter, A. & Brooks, E. (2021) The COVID-19 Pandemic: Failing Forward in Public Health. In: Riddervold, M., Trondal, J. & Newsome, A. (eds) *The Palgrave Handbook of EU Crises*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 747–764.
35. European Commission. (n.d.) *Recovery Plan for Europe*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/info/strategy/recovery-plan-europe_en (Accessed: 1st December 2021).
36. Frumkin, B.E. (2021) Zasedaniya (sammity) Evropeyskogo Soveta (dekabr' 2020 – fevral' 2021) [Meetings (summits) of the European Council (December 2020 – February 2021)]. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii*. 103. pp. 5–15. DOI: 10.15211/eufacts1202105015
37. Moldicz, C. (2021) Hungarian Foreign Policy in 2021: an Outlook. *China-CEE Institute. Weekly Briefing*. 36(4). [Online] Available from: <https://china-cee.eu/2021/02/04/hungary-external-relations-briefing-hungarian-foreign-policy-in-2021-an-outlook/> (Accessed: 1st December 2021).
38. King, E. & Dudina, V.I. (2021) COVID-19 in the Russian Federation: Government Control During the Epidemic. In: Peralta-Santos, A., Da Massard Fonseca, E., King, E. & Greer, S.L. (eds) *Coronavirus Politics: the Comparative Politics and Policy of COVID-19*. Ann Arbor: University of Michigan Press. pp.436–455.
39. Fazal, T.M. (2020) Health Diplomacy in Pandemical Times. *International Organization*. 74(S1). pp. E78–E97. DOI: 10.1017/S0020818320000326
40. Hotez, P.J. (2001) Vaccine Diplomacy. *Foreign Policy*. 124. pp. 68–69. DOI: 10.2307/3183194
41. GLOBSEC. (2021) *GLOBSEC Trends 2021: Hungary One Year into the COVID-19 Pandemic*. 29th July. [Online] Available from: <https://www.globsec.org/publications/globsec-trends-2021-hungary-one-year-into-the-covid-19-pandemic/> (Accessed: 1st December 2021).
42. Our World in Data. (n.d.) *Which Vaccines Have Been Administered in Each Country?* [Online] Available from: <https://ourworldindata.org/covid-vaccinations#which-vaccines-have-been-administered-in-each-country> (Accessed: 1st December 2021).
43. RIA Novosti. (2021) Rossiya i Vengriya obsudili stroitel'stvo zavoda po proizvodstvu Sputnika V [Russia and Hungary discussed the construction of a plant for the production of Sputnik V]. 14th October. [Online] Available from: <https://ria.ru/20211014/vaktsina-1754515502.html> (Accessed: 1st December 2021).
44. Rusakova, M.Yu. (2021) Otnosheniya Evropeyskogo Soyuz i Vishegradskoy gruppy (iyun'–avgust 2021) [Relations between the European Union and the Visegrad Group (June–August 2021)]. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii*. 105. pp. 60–65. DOI: 10.15211/eufacts320216065
45. RIA Novosti. (2021) “Gazprom” podpisal 15-letniy kontrakt s Vengriy na postavku gaza [Gazprom signed a 15-year contract with Hungary for the supply of gas]. 27th September. [Online] Available from: <https://ria.ru/20210927/kontrakt-1752019695.html> (Accessed: 1st December 2021).
46. Vinogradov, A.O. & Borumbey, E.K. (2018) China's relations with the countries of the Visegrad Group. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' – China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 23. pp. 200–214. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10015

Сведения об авторе:

Бетмакаев Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: btmkv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Betmakaev Alexei M. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History and International Relations of the Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: btmkv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.12.2021; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 01.12.2021; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья
УДК 94(33)
doi: 10.17223/19988613/78/14

Об одной церковной конституции 536 года: новелла 40 в переводе, с примечаниями и комментарием

Юрий Александрович Крейдун¹, Вадим Валентинович Серов²

¹ *Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, krey70@mail.ru*

² *Барнаульская духовная семинария, Барнаул, Россия, wseroff@yandex.ru*

Аннотация. Впервые осуществленный полный научный перевод новеллы 40 Юстиниана I сопровождается комментарием к тексту, а также кратким историографическим обзором, который показывает крайне слабый интерес исследователей к сюжетам, затронутым в законе, следствием чего является неустребованность материала новеллы в трудах по истории ранней Византии. Этот материал разнообразен и касается ряда социально-экономических, политических и идеологических вопросов. Их постановка и решение возможны в рамках большого специального исследования; в предпринятой публикации лишь намечены его контуры, в частности определены направления научного поиска.

Ключевые слова: новелла 40, Иерусалим, церковь Воскресения, Евсевий, финансы, церковная политика

Для цитирования: Крейдун Ю.А., Серов В.В. Об одной церковной конституции 536 года: новелла 40 в переводе, с примечаниями и комментарием // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 106–111. doi: 10.17223/19988613/78/14

Original article

The Novel 40 of Justinian the Great: Translation into Russian with partial commentary

Yurij A. Kreydun¹, Vadim V. Serov²

¹ *Altay State University, Barnaul, Russian Federation, krey70@mail.ru*

² *Barnaul Orthodox Theological College, Barnaul, Russian Federation, wseroff@yandex.ru*

Abstract. Comprehensive translation of the Justinian's novels into Russian as a special form of a study in history is almost absent in the Russian historiography of Early Byzantine Empire. Meanwhile Russian byzantinists use the data of the Justinianic legislation with perceptible intensity, but only in the frames of few traditionally developed themes, when not all of the data of separate novel found the application in the scientific work. Author of the publication worked up the method of an "opposite research", which allows to discover and to begin the investigation of all or almost all the possible themes and subjects containing in a separate novel. This method supposes the full scientific novels' translation into Russian as a basis of future detailed study of certain versatile historical situation or phenomena, which are produced by the novel. The present publication is the firstly realized complete translation into Russian of the Justinian's novel 40, with partly commentary and a few samples of line-notes. Besides, this work includes the short historiographical survey, which does show an especially rear use of the novel as historical source in the scientific literature. There the novel was used mainly for the demonstration of a variety the sources of the churches' financial ensuring. But its data show the Catholic Church in unfavorable light as a commercial organization under the state support. Then, the novel's text wrote in the intricate style. By these reasons probably this interesting legislative source has not full and correct translation into Russian up to now, and its data didn't use completely as well.

Aforesaid author's method and the scientific translation allowed to read the tangled text and to display some curious historical topics of these, which very enrich the picture of the epoch. Most important find in the novel 40 is the person of priest Eusebius, who was acquainted with the emperor himself and became the central subject of the novel's narration. His role in the political and religious events of the 530-s seems to be very important; specifically, Eusebius proved to be capable to organize well the finances of the Church of Jerusalem, and probably gave the practical advices to the ruling clique, both public and cleric.

Moreover, the novel 40 and other constitutions of the 536 have demonstrated an interesting feature of the Justinian's legislation, namely: after 535 it had taken to consider presumably not theoretical questions, but the concrete practical ones. Whole, publication of the translation gave the grounds to hope of subsequent research the themes and problems that are touched in the novel.

Keywords: Justinian's novel 40, translation into Russian, historiography, Resurrection, Eusebius, church finances

For citation: Kreydun, Y.A., Serov, V.V. (2022) The Novel 40 of Justinian the Great: Translation into Russian with partial commentary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 106–111. doi: 10.17223/19988613/78/14

Энергия предпринятых императором Юстинианом в первые годы правления концептуализаторских усилий и реформаторства в сфере римского права ослабела к 536 г. Это отчетливо заметно как по количеству издаваемых властью новых конституций за единицу времени, так и по отступлению верховного законодателя от теоретизирования на важнейшие для государства темы в сторону рассмотрения преимущественно практических задач локального характера на основе сделанных прежде пространных деклараций о правилах и принципах существования социальных и политических учреждений.

В настоящее время известно 16 новелл Юстиниана I, вполне определенно датируемых 536 годом¹. Приблизительно восемь из них оформлены в стиле менее общего, чем в предыдущий период, теоретического правоведения (в них содержатся уточнения уже сформулированных концептуальных положений при отсутствии явной привязки к конкретным событиям тогдашней современности)². Остальные новеллы 536 г. посвящены злободневным вопросам социально-политической жизни отдельных регионов Ранневизантийского государства. Эти последние восемь новелл представляют наибольший интерес для историка как своеобразные окна, позволяющие заглянуть в прошлое и отчетливо разглядеть в открывшемся взору событийном ландшафте отдельные его сущностные элементы. Среди них имеется замечательный образчик тех так называемых церковных конституций, в которых материал, относящийся к гражданской сфере, занимает немалую долю общего объема и не менее интересен, чем религиозный, именно – новелла 40 (греческий вариант текста датирован 17 мая 536 г.), которая и является предметом настоящего рассмотрения.

Однако новелла 40 интересна и замечательна не только заложенной в ней исторической информацией. Подобно большинству законодательных источников сравнительно небольшого объема и с отчетливо обозначенной узкой темой, эта императорская конституция привлекалась в специальные исследования крайне редко и исключительно в качестве иллюстрации к тезису о разнообразии материальных средств существования церковных учреждений [2. С. 17, 26; 3. С. 191]. Редкость обращений к этой новелле в современных публикациях объясняется рассматриваемыми в ней сюжетами. Несмотря на то, что новелла 40 тематически связана с актуальной в прошлом темой правового статуса церковных имуществ и является заметным исключением из установленных по данному поводу правил, подчеркивавшим властные полномочия того, кто эти правила формулировал, сугубая конкретика наполняющего ее материала несколько портила сложившуюся в историографии церковной истории картину развития взаимоотношений императорской власти и церкви, в частности имиджевые характеристики обоих этих институтов, частично опошляя их, и потому не сделалась неотъемлемым атрибутом соответствующих идео-

логических конструкций и религиозно-идеологических реконструкций.

Ниже предпринята попытка частично исправить сложившееся в отечественной историографии отношение к новелле 40 на основе ранее апробированного метода, позволяющего извлечь из источника дополнительную полезную информацию посредством научного перевода на русский язык и выявления тематического многообразия, присутствующего в нем.

Nov. Just. 40 [1. Р. 258–261]. *Тот же василевс – святейшему и блаженнейшему архиепископу иерусалимитов Петру* <о том, чтобы церкви святого Воскресения разрешалось отчуждать строения, расположенные в том же городе>³:

<Введение.> О недопущении отчуждений церковных <имуществ> мы уже предупредили в генеральном законе⁴, которому мы желаем быть и жизнеспособным, и неизменным во всем. Поскольку же подобает заботиться о пользе всех <конкретных> церквей, а особенно – <о пользе церкви> святого Воскресения и места, в котором Создатель мира соизволил показаться посредством человеческого рождения, то мы полагаем, что настоящий закон должен быть написан не для того, чтобы были отменены те <законы>, которые уже твердо нами установлены, но для того, чтобы делам была обеспечена некая достойная и необходимая польза. Ибо всем людям очевидно, что священнейшее Воскресение <т.е. церковь во имя Воскресения> и поддерживает, и укрепляет тех, кто стекается туда <т.е. в Иерусалим> со всего круга земель, множество которых – следует сказать – бесконечно, и что <сю> производятся неизмеримые расходы, и вопреки ожиданию все они предоставляются тем, кто там собирается, ибо тем самым ежедневно изведывается самое чудо великого Бога и нашего Спасителя Иисуса Христа, который несколькими хлебами накормил бесчисленное множество <людей>. Поэтому ей нужны и многие доходы, и благочестивые дела, которыми бы достойно существовала та, что помогает столь великому множеству <людей>.

1. Итак, мы в настоящее время достоверно узнали, что Евсевий⁵, любезнейший Богу пресвитер и хранитель сокровищницы (κεκτηληάρχης) святейшей в этом царском Городе церкви, когда был направлен в город, как мы сказали, иерусалимитов, и обнаружил свой строгий и испытанный Богом нрав, посредством которого он нынче умножил доход святейшей церкви многими и великими правильными приращениями, способствовал приобретению дохода в тридцать <или> немногим меньше или больше литр <т.е. фунтов> золота тремястами восьмьюдесятью литрами золота, когда часть денег он собрал благочестивым образом <и> обеспечил <ту их> часть, которую взяли в долг любезнейшие Богу экононы названной <церкви> святого Воскресения⁶. И он известил нас, что <теперь> кредиторы требуют вернуть свое достояние и что сверх ожидания нашелся другой доход. Ибо многие,

поскольку они приходят в указанный город иерусалимитов и собираются в нем <в> стремлении <к посещению> мест, посвященных Богу, сильно желают устроиться в церковные обители <при помощи> великой силы золота, так что им было бы можно пользоваться жильем в месте, которое мы назвали; но даже настоятели <церкви> святого Воскресения не могли этого сделать из-за страха перед законом о церковных отчуждениях, введенном нами, хотя <здесь> имеется столь значительная польза делу, что некоторые желали бы купить эти жилища <на условии единовременной уплаты суммы арендных> взносов, подсчитанных за <период в> пятьдесят лет, и вследствие этого на будущее должно быть <установлено> значительное и никто не сможет сказать, насколько великое отличие, когда обладание доходами святейшей церкви <размером> около тридцати литр золота и, разумеется, их <т.е. доходов материальным> выражением должно быть обретоно хотя бы за тринадцать лет, а <фактическая> продажа зданий должна будет состояться через пятьдесят лет⁷, тем более что имущество состоит из построек, которые по сути своей зависимы от всяческих случайностей, постоянно разрушаясь вместе с прочими и не оставляя <после себя> никакого, даже легкого следа, когда по какой-либо причине они опрокидываются или разваливаются иным образом (хотя речь здесь не об этом).

I. Эти-то <обстоятельства и> побудили нас обратиться к настоящему закону, который мы посвящаем Господу Богу и святейшей из всех церквей – Воскресению; посредством него мы устанавливаем, чтобы и все остальные <церкви>, которые подчиняются закону о церковных отчуждениях, служили святейшему Воскресению <под> именем церковных поместий (ибо мы не допускаем, чтобы даже в ее пользу производилась хоть какая-нибудь продажа поместий (χωρίων)), однако в отношении построек мы несколько отступаем от строгости <того> закона⁸. Ведь если мы написали его для пользы святейших церквей и видим, что по этому делу предполагается столь значительная польза, то почему бы нам не предоставить для него посредством настоящего закона и всяческую милость продающим данные <постройки>, и защиту покупающим? Особенно когда мы понимаем, что имеется возможность быстрого возврата ей <т.е. церкви> строений: поскольку их покупатели, раз они купили их как бы вследствие рвения к Богу, должны поэтому оставить ей их, когда умрут. Следовательно, пусть продажу зданий производят сами святейшие церкви, и она <продажа> не опасается генерального закона, посвященного им, так как совсем недавним законом к нему прибавлена эксцепция⁹, <согласно которой> ни на какую персону из-за этого не налагается никакое взыскание;

I. равным образом надлежит и в будущем поступать так же, когда возникнет какая-нибудь возможность такого рода, чтобы святейшему Воскресению <т.е. церкви во имя Воскресения> прибавлялось через посредство отчуждения многочисленное имущество, а не незначительное. И их покупатели обладают всяческой защитой как нынче, так и во всякое время потом, и ни они сами, ни их наследники, ни преемники

<пусть> не опасаются никакого отнятия ни теперь, ни в какое-либо другое время, так как не подобает, чтобы те, кто согласно настоящему закону отважно приступят к продаже, подвергались по этой причине расстройству, или порицанию, или ущербу, или отнятию. И пусть также будет декрет (δεκρέτου)¹⁰ для тех состоящих при твоём блаженстве, которые принадлежат к почтенному клиру, и исследуется основание, по которому совершается отчуждение построек, – насколько их продажа осуществляется ради более ценных вещей, если при этом отчуждаются немногие <имущества>, а многие и более красивые прибавляются после: как теперь известно, плата, составленная из взносов по продаже, совершаемой <в рассрочку> на пятьдесят лет, издерживается на уплату взятых в долг денег, которые предоставлены кредиторами в качестве прибавки к тому <годовому> доходу, о котором мы говорили. Ведь если Господь всех и одновременно Создатель мира, Бог, соизволяет давать привилегию лишь этому <городу> по сравнению с прочими городами, раз он Сам воскрес <в нём> во плоти, то очевидно, что и нам вслед за Господом Богом и Его великими чудесами в отношении человека надлежит дать какую-нибудь привилегию ей <т.е. церкви во имя Воскресения> перед прочими церквями: чтобы она сама наслаждалась этим нашим законом, который мы предлагаем ей в качестве первых плодов, отличая и предпочитая ее пользу во всем.

<Эпилог.> Следовательно, <пусть> твоё блаженство, ознакомившись <с этим>, передаст <эти предписания>, угодные нам, через посредство этого специального закона¹¹, долженствующего быть записанным в книги законов всем, кто есть там, и продемонстрирует эту нашу явную волю, которую наша власть имеет в отношении священнейшего и заслуженно почитаемого всем человеческим родом Воскресения, и предъявит <его> Господу Богу, который и удостоил, и ежедневно удостаивает столь многим и значительным достоянием нас по сравнению со всеми другими, кто повелевали до нас.

Специальный закон <является таковым потому, что> написан <специально> для Петра, святейшего и блаженнейшего архиепископа и патриарха города иерусалимитов.

Дана в 15-й день перед календами июня в Константинополе, <в год> после консульства светлейшего мужа Белизария <т. е. 17 мая 536 г. >¹².

Представленный исторический источник непросто для понимания, поскольку не содержит всех необходимых современному исследователю пояснений и полноты сведений. Неудивительно поэтому, что содержание новеллы 40 до сих пор не получило ясной интерпретации в научной литературе. Тем не менее содержащийся в конституции фактический материал позволяет реконструировать описываемую в ней стержневую в сюжетном плане историческую ситуацию и использовать ее в более пространственных реконструкциях по социально-экономической истории восточных провинций ранней Византии.

Согласно выявленным данным, в мае 536 г. император Юстиниан неожиданно обеспокоился сложным

финансовым положением наиболее уважаемой церкви Иерусалима – Воскресения, на которой лежало узаконенное традицией обязательство обеспечивать пребывание в городе сезонных паломнических толп. Церковное руководство изыскивало средства на это обычными способами, полагаясь на щедрость прихожан и собственные нефинансовые ресурсы. При подобном подходе в нормальной деятельности церкви были неизбежны функциональные сбои, и потому очередной настоятель церкви Воскресения, прибывший из Константинополя предприимчивый пресвитер Евсевий, придумал создать капитальный фонд, использование которого стало приносить церкви стабильный годовой доход (около 8%) помимо обычных поступлений. Однако этот финансовый фонд составилась отчасти из кредитов, предоставленных частными лицами, и законные требования таких кредиторов существенно уменьшали прибыль учреждения. Старая проблема не могла разрешиться полностью, вследствие чего Евсевий обратился к императору, по-видимому, напрямую, с просьбой позволить ему продавать принадлежавшие церкви жилые помещения, обычно сдаваемые в аренду на короткий срок. Он уверил Юстиниана, что таким способом за 13 лет можно выручить финансовые средства, сопоставимые по объему с совокупной средне-взвешенной арендной платой за 50 лет.

Император Юстиниан ответил Евсевию согласием. Он легализовал описанную финансовую схему и распространил возникшую практику на другие церковные организации, а чтобы облегчить богоугодную деятельность Евсевия еще больше, подчинил возглавляемой им церкви Воскресения в организационно-экономическом отношении остальные православные храмы Иерусалима, о чем уведомил иерусалимского патриарха.

При этом продаваемые иерусалимской церковью строения отчуждались не насовсем, а подлежали возврату после смерти их непосредственного покупателя,

или не позднее чем через 50 лет после совершения сделки купли-продажи. Наследники же и преемники умерших приобретателей церковных построек, вероятно, попадали под положения новеллы 7, превращаясь в арендаторов церковного имущества на срок жизни двух-трех поколений.

Изданием новеллы 40 Юстиниан I укрепил финансовое состояние церкви Иерусалимской патриархии, поставил под административный контроль имущественные отношения в одном из крупнейших городов империи, обеспечил в нем общественный порядок и подтвердил собственный приоритет во взаимоотношениях с церковными иерархами восточных диоцезов. Последнее являлось для Юстиниана насущной задачей в связи с известными религиозно-политическими событиями в Константинополе в марте–июне 536 г. [10. С. 106 сл.].

Адресовав этот указ Иерусалимскому патриарху Петру, император Юстиниан фактически обязал его ответственностью за обеспечение чужих выгод, поскольку бенефициаром вновь организованной финансовой схемы оказывался настоятель церкви Воскресения. Порядок в этом крупном городе империи был нужен прежде всего самому императору, а патриарх должен был поступиться некоторыми своими полномочиями в пользу Евсевия и при этом обеспечить ему организационную поддержку. Налицо рискованность такого политического решения, особенно если учитывать то обстоятельство, что новелла 40 появилась в дни заседания Константинопольского поместного собора [11], осудившего глав монофизитства, на котором патриарх Петр выступал в числе сторонников Юстиниана. Очевидно, последний не сомневался в преданности Петра Иерусалимского и не ошибся в нем: демарши патриархии в то время неизвестны, более того, Петр провел в Иерусалиме поместный собор, аналогичный упомянутому Константинопольскому, чем поддержал церковную политику Юстиниана I.

Примечания

¹ Ряд новелл имеет датировку и греческого, и латинского вариантов только 536 годом. Это (в хронологическом порядке) новеллы 23, 18, 19–22, 30, 31, 39, 102, 103, 42, 41. Кроме того, в стереотипном издании юстиниановских новелл Шёлля-Кролля [1] имеются конституции, греческий и латинский текст которых датирован неоднозначно – то 536, то 535 или 537 г.: 38, 40 (536–535 гг.), 46 (536–537 гг.), 44, 51, 105 (537–536 гг.). Принимая за константу, что при наличии одновременно греческого и латинского текстов одной новеллы ранним считается тот, что написан по-гречески, вполне допустимо причислить к изданным в 536 г. также новеллы 38, 40 и 46.

² О завещаниях и наследовании – новеллы 18 и 38; по тематике семейно-правовой – новеллы 19, 22, 39; уточнения в процессуальном праве – новеллы 20 и 23; дополнительные соображения по поводу имущественных прав православной церкви в системе ее отношений с государством – новелла 46.

³ Оригинальные тексты конституций, как правило, не имели собственных заголовков, и титулы известных новелл Юстиниана – позднейшая вставка, как и номер новеллы, буквенные и цифровые обозначения частей текста.

⁴ Очевидно, имеется в виду конституция 535 г., известная как новелла 7. О ней см.: [4].

⁵ Об этом Евсеви, в описываемое время ставшем, по-видимому, настоятелем Храма Гроба Господня, источников сведений почти нет. Кроме фразы в новелле 40 имеется упоминание о нем в послании константинопольского патриарха Мины патриарху Иерусалима Петру, датированном тем же годом: «...среди нас вращаются многие, переделанные вами, и <среди них> наиболее приятный и даже угодный Богу брат, благодетель, любезнейший пресвитер Евсевий» [5. Col. 1065]. Примечательно внимание императора и высших иерархов церкви к этой персоне, что свидетельствует о ее действительно незаурядных талантах, а также о значимой роли Евсевия в заметных политических событиях 530-х гг.

⁶ Очевидно, здесь речь идет о годовом доходе церкви Воскресения. Текст не позволяет однозначно распознать способ, каким предприимчивый Евсевий добился ежегодной чистой прибыли в почти 8% на капитал в 380 фунтов золота, которую составили упоминаемые в новелле «плюс-минус 30 литр золота». Прибыль могла получаться как от отдачи денег в рост, так и от сдачи принадлежавших церкви помещений в аренду. Примечательна в данной связи жалоба Евсевия в Константинополь на необходимость вернуть кредиторам предоставленную ими ссуду. Несмотря на то что Евсевий наверняка мог отдать долги своих экономов из немалой прибыли церкви Воскресения, он предпочел выпросить у императора изменение ранее принятого генерального закона о запрете отчуждения церковной недвижимости, каковое и получил, что подтверждает предположение в сугубой заинтересованности Юстиниана I в лояльности ему Иерусалимского патриархата, а также о личных возможностях пресвитера Евсевия.

⁷ Стилистические и орфографические сложности фрагмента, описывающего необычайные финансовые перспективы церкви Воскресения, затрудняют точное его понимание. В связи с этим в историографии отсутствует единообразная интерпретация этого сюжета (см., напр.: [2.

С. 17]: «Покупатели церковных домов в Иерусалиме предлагали плату, в 50 раз превышавшую их стоимость...»; [6. Note a]: «According to this, the buildings were to be sold upon the bases, so as to bring thirty pounds of gold in thirteen years, when ordinarily they would have received this amount in fifty years»). Дополнительную сложность при воссоздании исторической картины доставляют встречающиеся в тексте числа – 13 и 50 лет. Но если упомянутый здесь пятидесятилетний срок, предусматриваемый контрактами, юстиниановскому законодательству был известен (см. напр., [7. P. 313] 7.40.1 – 530 г.: «Относительно годичной эксцепции, которая происходит из контрактов <по> Итальянскому <праву>, в судах возникают столь большое количество споров, что их трудно перечислить... 1а. этот годовой промежуток <эксцепции> иные судьи интерпретировали столь пространно, что его стало возможным растягивать... вплоть до пятидесятилетия») и указывает на распространенную местную практику, то ссылка на «приблизительно тринадцать лет» в правовых актах весьма необычна. Это, несомненно, географическая и временная конкретика. Именно столько (точнее – 12,666...) получается, если 380 (фунтов золота) разделить на 30 (фунтов золота). Такого минимального количества времени, которое требовалось церкви Воскресения, чтобы удвоить первоначальный капитал или же покрыть текущие издержки по кредиту и превратить сумму годового дохода в чистую прибыль. В новелле явно приведены финансовые расчеты самого Евсевия.

⁸ [1. P. 55] 7.11.2: «...мы повелеваем, чтобы <запрет отчуждения церковных построек> имел силу не только в отношении твердо стоящих домов... но и в отношении руин... и даже таких, которые совсем разрушены... Ибо мы не допускаем, чтобы происходило отчуждение таковых, разве только <в форме> срочного эмфитевзиса на три таких персоны, которых мы определили, и таким образом после смерти <этих> трех персон <дома возвращались во владение> святейшей церкви...» Как можно видеть при сравнении данного положения с соответствующей новацией новеллы 40, особой строгостью новелла 7 не отличалась. В ней отчуждение церковных зданий было обусловлено обязательным возвращением таковых через длительный (жизнь трех поколений, теоретически лет 50–70) промежуток времени, тогда как по новелле 40 такой промежуток сократился приблизительно втрое.

⁹ Очевидно, речь идет о некоем законодательном акте, изданном после новеллы 7 и дополняющем ее. Однако известные конституции Юстиниана, опубликованные в промежутке между серединой апреля 535 г. и серединой мая 536 г., подобных сведений не содержат. Кроме того, содержание новелл 7 и 40, трактующих об условиях отчуждения зданий, принадлежащих церковным учреждениям, исключает самую возможность упомянутой эксцепции, которая в противном случае должна была произвести революцию в церковной политике Юстиниана, поскольку легитимировала бы безусловное отчуждение церковного имущества гражданскими лицами. Вероятнее всего, выражение «совсем недавним законом» является чужеродным в новелле, а смысл фразы состоит в том, что все законодательство Юстиниана новационно по своей сути и в затронутом аспекте способствует разрешению возникших социально-экономических проблем.

¹⁰ Изначально в римском праве декретом называлось распоряжение обладателя судебных полномочий по существу рассматриваемого конкретного случая, выходившего за рамки повседневной и традиционной правовой практики [8. С. 102]. Контекст новеллы предполагает именно такое понимание данного явления: церковному иерарху предлагается опубликовать декрет, адресованный его непосредственным подчиненным, в котором будут содержаться переложение императорской конституции и недвусмысленное требование подтвердить обоснованность продажи церковной недвижимости, совершенной и совершаемой, несмотря на запрет ранее изданного генерального закона.

¹¹ [9. С. 550] 50.17.147: «Специальное всегда заключается в генеральном».

¹² В собрании Аутентика эта новелла получила номер 42 и иную датировку: «Дано в 15-й <день перед> календами июня в Константинополе при светлейшем муже консуле Белизарию <т.е. 17 мая 535 г. >». Возможно, составитель Аутентика, которая, как считается, появилась в западных регионах Византии около середины VI в., по неизвестной причине пропустил в датировке этой новеллы слово «post <cons.>», чем на год состарил оригинальный текст новеллы.

Список источников

1. Novellae / Rec. R. Schoell, abs. G. Kroll // Corpus Iuris Civilis. Berlin, 1954. Vol. III. P. 1–756.
2. Левченко М.В. Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // Византийский временник. 1949. Т. 2. С. 11–59.
3. Соколов П.П. Церковноимущественное право в Греко-Римской империи. Новгород : Тип. Игнатовского, 1896. 300 с.
4. Серов В.В. Новелла VII Юстиниана I: научный перевод на русский язык // Античная древность и средние века. 2017. Вып. 45. С. 26–45.
5. Mansi G.D. Sacrorum Consiliorum Nova et Amplissima Collectio. Florentia : A. Zatta, 1762. Т. VIII. 638 p.
6. Blume F.H. Justinian's Novels / ed. by T. Kearley. 2014. URL: http://www.uwo.edu/lawlib/blume-justinian/ajc-edition-2/novels/1-40/novel40_replacement.pdf (accessed: 25.03.2019).
7. Codex Justinianus / ed. P. Krueger // Corpus Iuris Civilis. Berlin, 1906. Vol. II. 509 p.
8. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения : пер. с чешск. М. : Юрид. лит., 1989. 448 с.
9. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М. : Статут, 2005. Т. VII. 564 с.
10. Грацианский М.В. Император Юстиниан Великий и наследие Халкидонского Собора. М. : МГУ, 2016. 391 с.
11. Speigl J. Die Synode von 536 in Konstantinopel // Ostkirchliche Studien. 1994. Bd. 43. S. 105–153.

References

1. Schoell, R. & Kroll, G. (1954) Novellae. *Corpus Iuris Civilis*. III. pp. 1–756.
2. Levchenko, M.V. (1949) Tserkovnye imushchestva V–VII vv. v Vostochno-Rimskoy imperii [Church property of the 5th–7th centuries. in the Eastern Roman Empire]. *Vizantiyskiy vremennik*. 2. pp. 11–59.
3. Sokolov, P.P. (1896) *Tserkovnoimushchestvennoye pravo v Greko-Rimskoy imperii* [Church property law in the Greco-Roman Empire]. Novgorod: Tip. Ignatovskogo.
4. Serov, V.V. (2017) Novella VII Yustiniana I: nauchnyy perevod na russkiy yazyk [Novella VII of Justinian I: scientific translation into Russian]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*. 45. pp. 26–45.
5. Mansi, G.D. (1762) *Sacrorum Consiliorum Nova et Amplissima Collectio*. Vol. 8. Florentia: A. Zatta.
6. Blume, F.H. (2014) *Justinian's Novels*. [Online] Available from: http://www.uwo.edu/lawlib/blume-justinian/ajc-edition-2/novels/1-40/novel40_replacement.pdf (Accessed: 25th March 2019).
7. Krueger, P. (ed.) (1906) *Codex Justinianus*. In: *Corpus Iuris Civilis*. Vol. 2. Berlin: [s.n.].
8. Bartoshek, M. (1989) *Rimskoe pravo: ponyatiya, terminy, opredeleniya* [Roman Law: Concepts, Terms, Definitions]. Translated from Czech. Moscow: Yurid. lit.
9. Kofanov, L.L. (ed.) (2005) *Digesty Yustiniana* [Digests of Justinian]. Translated from Latin. Vol. 7. Moscow: Statut.
10. Gratsianskiy, M.V. (2016) *Imperator Yustinian Velikiy i nasledie Khalkidonskogo Sobora* [Emperor Justinian the Great and the Legacy of the Council of Chalcedon]. Moscow: MSU.
11. Speigl, J. (1994) Die Synode von 536 in Konstantinopel. *Ostkirchliche Studien*. 43. pp. 105–153.

Сведения об авторах:

Крейдун Юрий Александрович – доктор искусствоведения, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: kreydun@mail.ru

Серов Вадим Валентинович – доктор исторических наук, профессор Барнаульской духовной семинарии (Барнаул, Россия).
E-mail: wseroff@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kreydun Yuriy A. – Doctor of Arts, Professor, Altay State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: krey70@mail.ru

Serov Vadim V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Barnaul Orthodox Theological College (Barnaul, Russian Federation).
E-mail: wseroff@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2019; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 03.04.2019; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 94(4)

doi: 10.17223/19988613/78/15

«Европа» vs «Европейский союз»: точки разлома и соприкосновения

Елена Владимировна Хахалкина¹, Анастасия Михайловна Погорельская²

^{1, 2} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ ekhakhalkina@mail.ru

² pogorelskaya@mail.tsu.ru

Аннотация. Цель статьи – сравнительный анализ двух ставших синонимичными для Брюсселя понятий – «Европейский союз» и «Европа» – на примере их использования в связи с наиболее яркими кейсами – позициями Великобритании и стран Вышеградской группы по вопросам европейской интеграции и идентичности. В отношении указанных государств выдвигается и обосновывается тезис о пришедшей в движение на фоне трудностей недавних лет периферии Евросоюза, вышедшей из-под контроля условного ядра – Брюсселя (британский кейс), или пытающейся его ослабить (кейс Вышеградской группы).

Ключевые слова: Европа, Европейский союз, европейская идентичность, Брекзит, Великобритания, страны Вышеградской группы, Россия, миграционный фактор

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 22-28-00187 «“Неопределенность” как норма жизни: идентичность ЕС в условиях глобальных трансформаций».

Для цитирования: Хахалкина Е.В., Погорельская А.М. «Европа» vs «Европейский союз»: точки разлома и соприкосновения // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 112–123. doi: 10.17223/19988613/78/15

Original article

“Europe” vs “European Union”: the points of divergence and continuity

Elena V. Khakhalkina¹, Anastasia M. Pogorelskaya²

^{1, 2} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ ekhakhalkina@mail.ru

² pogorelskaya@mail.tsu.ru

Abstract. The crises of the XXI century made the reflections on the solidarity and unity of the EU urgent again. The research aim is to explore the application of two notions, namely the European Union and Europe for two striking cases, namely the UK and the Visegrad states positions on the issues of European integration. These countries are geographically the peripheral states of the European Union and, therefore, they may be examined under the general philosophical approach to the dichotomy between the core and the periphery. This approach provides for suggestions that taking into account recent difficulties the EU has been facing, the EU periphery has escaped the control of the core that is the status gained by Brussels (the UK case) or has tried to weaken the core (the Visegrad states case). The migration factor that is still very urgent serves not exactly the cause but the manifestation or the proof of the periphery instability. Brexit was the starting point for the UK to separate the notions of the European Union and Europe that seemed to have merged as synonyms. The case shows that the EU notion has narrowed, while on the contrary the importance of Europe as the region not limited to the EU has increased. The case of the Visegrad countries demonstrates that despite the ambiguous attitude of the population and political elites to the EU, these states are unlikely to follow the UK scenario in the short term. At the same time the group displays sustained euroscepticism and considers itself to be an alternative but not equal, though, format of integration in Europe. Taking into account the existing distance between the European values and European institutions (presented by the EU), the Visegrad group may be considered not only a potential troublemaker in the dichotomy between the core and the periphery during the crises in the EU, but also the group of states that considers itself to have the right to behave in its independent way without following completely the instructions from Brussels. The authors conclude that the countries at the periphery of the European Union are unlikely to consider the EU and Europe as equal notions. The countries of the EU periphery are striving for their unique place and cooperation format that may not coincide with the EU. None of them deny being European instead aiming at proving their Europeaness both inside and outside the EU. However, the UK may find its place outside the EU while it is more difficult for the Visegrad group countries that do not seem to have any viable alternatives.

Keywords: Europe, the European Union, the European Identity, Brexit, the UK, Visegrad group, Russia, Migration Factor

Acknowledgments: The article has been supported by a grant of the Russian Science Foundation. Project no. 22-28-00187 “Uncertainty as the Norm of Life: The EU Identity & Global Transformations”.

For citation: Khakhalkina, E.V., Pogorelskaya, A.M. (2022) “Europe” vs “European Union”: Points of divergence and continuity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 112–123. doi: 10.17223/19988613/78/15

В последние годы Европейский союз, монополизировавший право говорить от лица всей Европы, столкнулся с разного рода внесистемными трудностями, которые в средне- и долгосрочной перспективе могут поколебать его статус как эталона интеграции и идеала демократических ценностей.

Миграционный кризис 2014–2016 гг., вызвавший разногласия среди государств-членов ЕС по квотам приема беженцев в 2015 г., а также Брекзит, значение которого сначала затмили пандемия и миграционный кризис 2021 г., а затем начало российской спецоперации на Украине в феврале 2022 г., запустили в экспертных и политических сообществах ЕС дискуссии о пределах и возможностях европейской интеграции, ее жизненном цикле и степени фрагментации союза. До недавнего времени опасность создавал наметившийся вектор ослабления периферийных стран – именно они испытывали серьезные сложности, столкнувшись с заметным увеличением числа беженцев в 2014–2016 гг. Страны Вышеградской группы уклонялись от следования принципам солидарности в вопросах разрешения миграционного кризиса; Великобритания после нескольких лет переговоров с ЕС по итогам референдума 23 июня 2016 г. вышла из объединения в конце 2020 г. по причинам несоответствия своих интересов действиям ЕС.

Однако события 2022 г. дали долгое время недопустимый Евросоюзу повод для консолидации своих рядов на антироссийской почве, а также для укрепления своего лидерства в Европе в целом и монополизации права говорить от лица всех европейских стран. И хотя позиции отдельных стран ЕС по степени применения санкций разнятся, тем не менее данная ситуация в определенной мере сплотила европейские страны в их осуждении спецоперации на Украине.

Наличие этой динамической дихотомии, непосредственно влияющей на солидарность в ЕС и за его пределами, побуждает обратиться к значению и трансформации трактовки понятий «Европа» и «Европейский союз».

Заметим, что общепринятое деление на регионы в современном мире слабо отражает политические реалии, особенно применительно к ЕС и Европе, нередко выступающих синонимами в общественно-политических и научных кругах. Попробуем разобраться в существующих противоречиях и их природе; для этого сначала обратимся к терминологии, связанной с понятием «Европа», и рассмотрим его в географической, политической и культурно-исторической плоскостях.

Понятие «Европа» в разных плоскостях

С *географической точки зрения* Европа представляет собой часть крупнейшего в мире материка Евразии,

протянувшись от Северного Ледовитого океана на севере до Средиземного моря, Черного моря, Куманьчской впадины и Каспийского моря на юге, от Атлантического океана на западе до Уральских гор и вдоль реки Эмба (Жем) до северного побережья Каспия на востоке [1]. Большая российская энциклопедия добавляет: «...в Европе выделяют следующие крупные физико-географические регионы: Восточная Европа (Восточно-Европейская равнина, Урал, Крымские горы); Исландия; Северная Европа (Фенноскандия); Средняя Европа (Британские острова, Среднеевропейская равнина, Центральноевропейское среднегорье, Альпийско-Карпатская горная страна); Южная Европа, или Европейское Средиземноморье (Пиренейский, Апеннинский и Балканский полуострова)» [2].

При этом происхождение термина «Европа» остается до конца не ясным. Чаще всего его связывают с одноименным городом, расположенным в области Кария, в юго-восточной части Малой Азии. Распространенной в античное время была легенда о Европе – дочери царя Агенора из Тира, похищенной Зевсом. Другая версия связывает этот термин со словом «эреб» – «темный», и означает страну захода солнца (запад), в отличие от Азии (восхода). В Древней Греции слово «Европа» понималось как «широкоглазая», глядящая на большое расстояние», «видящая (слышащая) далеко» [3. С. 47–48].

С *культурно-исторической точки зрения* Европа как некая единая общность сформировалась, по мнению А.О. Чубарьяна, в XIV–XVI вв. и на сегодняшний день включает «множество самых разнообразных факторов, типов и форм общения и взаимодействия. Историко-культурная общность европейских народов создала постоянную и устойчивую форму для эволюции и реализации европейской идеи» [Там же. С. 71]. Во многом культурная общность Европы считается связанной с общим наследием Римской империи, распространившейся на все подвластные ей территории наиболее развитую тогда древнегреческую культуру. Распад империи на рубеже VI–V вв. на Западную и Восточную, ставший предтечей раскола христианства на две ветви (католицизм и православие) в XI в., предопределил культурные и религиозные различия между Западной Европой, с одной стороны, и Центральной, Восточной Европой и Балканами – с другой.

С *политической точки зрения* в пределах Европы расположено (полностью или частично) около 50 государств, 27 из которых входят в уникальное интеграционное объединение – Европейский союз.

Евросоюз стал результатом 70-летней интеграции, начавшейся между странами Западной Европы, но затем распространившейся и на Центральную и Восточную Европу. Некоторые балканские страны подали

заявки на вступление в ЕС, другие получили статус ассоциированных членов союза. Кандидатом на вступление в ЕС, хотя и малоперспективным, на протяжении многих лет является и Турция (с 1964 г. – ассоциированный член ЕЭС, с 1999 г. – кандидат на вступление в ЕС), формально владеющая территорией в географической Европе.

Родоначальник европейской интеграции Ж. Монне в мемуарах постоянно оперировал термином «Европа», рассуждая о путях ее интеграции и возможных участниках. Однако, по сути, он вел речь преимущественно о западноевропейском регионе, который должен был выступить в качестве лидера в деле объединения Европы, цель которого он видел следующим образом: «Я никогда не сомневался, что этот процесс (интеграции. – *Е.Х., А.П.*) когда-нибудь приведет нас к Соединенным Штатам Европы. Но я не пытаюсь представить себе, в каких политических формах это произойдет: термины “федерация” или “конфедерация”, вокруг которых идет спор, очень неточны. То, к чему идем через Европейское Сообщество, по всей вероятности, не имеет прецедентов...» [4. С. 645–646].

Ценностная основа Европейского союза, обозначенная в его основополагающих договорах, подразумевает продвижение мира, свободы, безопасности и справедливости без внутренних границ, устойчивое развитие, экономическое, социальное и территориальное единство и солидарность между странами ЕС, уважение культурного и языкового разнообразия [5]. Но ключевыми характеристиками стран ЕС, претендующими на передовой и универсальный характер и включенными в так называемые Копенгагенские критерии, остаются три: действующая демократия, верховенство закона и эффективная рыночная экономика [6]. Эти ценности также были отражены в Декларации о европейской идентичности 1973 г., ставшей условной точкой отсчета для обозначенного концепта, причем частое использование именно термина «европейская идентичность» (и реже более корректного понятия «идентичность ЕС») в политических, общественных и научных кругах ЕС и за его пределами создает дополнительную путаницу в восприятии ЕС и Европы.

Тем не менее в публичных выступлениях лидеров ЕС термин «Европа» фигурирует как синоним этого объединения. Например, в контексте возможного членства Турции в ЕС противники этого вступления не раз ясно давали понять, что «Европа должна иметь границы» не столько географического, сколько политического характера (Н. Саркози, президент Франции в 2007–2012 гг.). Аналогичную позицию, что «Европа не может простираться без границ, она должна иметь ядро», высказывал В. Шюссель, австрийский канцлер в 2000–2007 гг., видимо, имея в виду прежде всего Европейский союз [7].

В 2018 г. глава Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер заявил, что «Если бы **Европа** (выделено нами. – *Е.Х., А.П.*) объединила всю политическую, экономическую и военную мощь своих стран, ее роль в мире могла бы быть усилена. Мы всегда будем глобальным плательщиком, но нам пора также стать глобальным игроком» [8]. За год до этого в послании Европарламенту в сентябре

2017 г. Ж.-К. Юнкер при оценке принятого в Великобритании решения о выходе из союза заявил, что «[Брекзит] – это еще не всё и не все»: «Ветер вернулся в паруса **Европы** (выделено нами. – *Е.Х., А.П.*)» [9]. Однако если ранее считалось, что за пределами союза находились и находятся недостаточно или слабо развитые страны, в настоящее время вне его оказалось Соединенное Королевство – государство, которое обладает внушительным экономическим, научно-технологическим и образовательным потенциалом и входит в ключевые международные институты. Можно предположить, что в перспективе Великобритания сможет стать центром притяжения для европейских стран за пределами ЕС и может повториться, но уже на другой основе, сценарий с созданием Европейской ассоциации свободной торговли в 1960 г.

Фактор России в новом европейском пространстве

Особый пласт вопросов связан с ролью России в европейской цивилизации и культуре. Россия географически принадлежит к Европе и Азии, является частью Евразии. Характерно, что в разные периоды существования ЕС возникал и вопрос о возможном членстве России в этом объединении. Например, премьер-министр Великобритании Дж. Мейджор в 1992 г. в полшутливой-полусерьезной манере призвал едва родившийся Евросоюз «расширить свое воображение» и предоставить членство России в объединении. Десять лет спустя премьер-министр Италии С. Берлускони озвучил аналогичный призыв к России присоединиться к ЕС [10].

Вопросы о месте России в Европе и ее взаимоотношениях с ЕС актуализировал Брекзит. По словам эксперта Центра Карнеги А. Баунова, «выход Великобритании разделит Европу на лагеря из ЕС и стран, не входящих в Евросоюз, создав и узаконив нишу, которую Россия может в конечном итоге занять. Теперь Европа не будет синонимом Европейского союза. Страны за пределами ЕС больше не смогут автоматически рассматриваться как государства второго сорта, которые, как ожидается, в конечном итоге присоединятся к альянсу или будут отнесены к категории отсталых. И Россия потенциально может быть похожа на Великобританию: европейская, но не входящая в союз» [11].

В этой связи важно отметить одно из последствий Брекзита – размывание ЕС как эталона интеграции, «идеального» набора передовых и универсальных ценностей и норм: «после того как союз включил в себя наиболее развитую часть Европы, а затем начал постепенно интегрировать менее развитую часть, он перестал быть чисто экономическим или даже политическим образованием. Скорее, это стало этической концепцией, посланием и синонимом всего европейского» [Ibid.].

Страны Вышеградской группы, допущенные в Евросоюз, по мнению аналитиков, слишком поспешно по политическим мотивам [12. С. 24], в результате сегодня пытаются «усидеть на двух стульях», одновременно выказывая поддержку европейским ценностям, но временами играя на нервах брюссельской бюрократии наличием собственной внешнеполитической позиции,

например в отношении России, не всегда согласующейся с видением Брюсселя.

В свое время академик А.О. Чубарьян озвучил мысль о том, что во многих трудах прослеживается тенденция «видеть реализацию европейской идеи по преимуществу в западноевропейском варианте... В результате и в географическом, и в политическом плане европеизм выглядел усеченными и, если угодно, даже тенденциозным» [3. С. 46]. Однако недавний запуск под эгидой ЕС Конференции по будущему Европы (9 мая 2021 г.) вновь подчеркнул, что Брюссель не видит или не хочет видеть разницы между Европой и ЕС.

Тем не менее новые международные обстоятельства меняют взгляд ученых и политических экспертов на проблему привычного «для официального Брюсселя отождествления Европы с собой, а, по сути, присвоения себе права говорить от имени всех европейских народов» [13. С. 1059]. Брекзит расколол объединение на «два конкурирующих режима, ни один из которых нельзя более представить маргинальным или устаревшим на том основании, что он недостаточно демократичен или не отвечает принципам свободного рынка» [Там же. С. 1064].

Антироссийские санкции и антироссийская риторика стали обыденностью в ЕС по крайней мере с 2014 г. Непосредственная обусловленность отмены санкций выполнением Минских соглашений, требовавших в том числе и действий с украинской стороны, на которые не приходилось рассчитывать ни в кратко-, ни в среднесрочной перспективе, в определенной мере устраивала все государства-члены, поскольку формально санкции носили инструментальный характер [14. С. 10–11]. Однако поспешность, с которой стали приниматься новые пакеты санкций, и их жесткость пока не вызывают явных открытых споров среди государств-членов, что свидетельствует о том, что восприятие России как внешней угрозы, характерное еще для времен «холодной войны», остается консолидирующим ЕС фактором. Вдобавок борьба с внешним врагом способна обосновать любые сложности в стране, в том числе вызванные собственными просчетами [15]. Факт же ускоренного рассмотрения Евросоюзом заявки Украины на вступление может свидетельствовать, помимо прочего, о том, что ЕС, воспользовавшись ситуацией, вероятно, постарается еще больше эксплуатировать статус гаранта стабильности на континенте, тем самым присваивая себе право выступать от лица Европы в целом.

Ниже будут рассмотрены два кейса, проясняющие отношение периферийных стран (стран Вышеградской группы и Великобритании) к Европе и Европейскому союзу.

Кейс Вышеградской группы

К Вышеградской группе принадлежат четыре страны Центральной и Восточной Европы: Польша, Чехия, Словакия и Венгрия. Согласно Вышеградской декларации 1991 г., целями соответствующего объединения тогда еще трех стран (Чехословакия распалась на два государства в 1993 г.) были: восстановление суверенитета, демократии и свободы; создание парламентской

демократии, достижение верховенства закона и уважения прав человека; создание современной рыночной экономики и полное вовлечение в политическую и экономическую систему Европы, а также в европейские правовые рамки и европейскую систему безопасности. В этой связи можно отметить как аналогичность Копенгагенских критериев и целей Вышеградской группы, так и попытки заявить о своей «европейскости» пока еще за пределами Европейских сообществ, которые упоминаются в тексте как «Европейские институты» [16]. Таким образом, можно указать на то, что понятия Европы и Европейских сообществ / ЕС не отождествлялись Вышеградской группой с момента ее создания, при этом всячески подчеркивался «европейский» характер самой группы.

В мае 2004 г., после вступления в ЕС, между странами Вышеградской группы была подписана новая декларация о сотрудничестве, где утверждалось, что поставленные в 1991 г. цели были достигнуты. В ней было указано, что вступление в ЕС (и НАТО) рассматривалось странами Вышеградской группы как шаг к воссоединению Европы, однако страны Вышеградской группы продолжают сотрудничать для укрепления идентичности Центральной Европы (т.е. отличающейся от западноевропейской, видимо, присущей в данном контексте ЕС и НАТО) [17].

В Братиславской декларации 2011 г. отмечалось, что «страны Вышеградской четверки стали конструктивными, ответственными и уважаемыми партнерами в Европе в рамках имплементации приоритетов и ключевых программ ЕС и... внесли и будут вносить вклад в процессы политической и экономической интеграции в Европе, включая расширение ЕС и НАТО, чтобы продвигать процветание, безопасность и стабильность на континенте» [18]. Однако в ней указывалась и важность повышения узнаваемости Вышеградской группы (в качестве отдельного центра силы) как в рамках Общей внешней политики и политики безопасности ЕС (где свое влияние группа уже проявила, запустив в 2009 г. Восточное партнерство благодаря председательству Чехии в ЕС), так и «в деятельности за пределами уровня [Европейского] Союза» [Ibid.]. Таким образом, в ключевых документах Вышеградской группы ЕС указывался, скорее, как один из форматов интеграции в пределах Европы, существующий наравне с самой Вышеградской группой. Несмотря на то, что ценности ЕС, согласно документам, отвечали чаяниям Вышеградской группы, подчеркивалось и отличие группы от остальных примеров интеграции в Европе.

У населения стран Вышеградской группы также сложилось представление о специфичности своих государств по сравнению с остальной Европой и с идеалами Западной Европы в частности. Так, отмечался относительно низкий уровень демократичности их обществ: таковы были оценки 33% респондентов, участвовавших в опросе 2015 г. в Венгрии, 28% – в Словакии, 18% – в Чехии и 11% – в Польше. Кроме того, относительно благополучия как одной из ключевых характеристик и ценностей ЕС респондентами из Вышеградской группы были высказаны не самые оптимистичные оценки: порядка 10% респондентов в Польше со-

чили свой уровень жизни низким, порядка 20% – в Чехии, 27% – в Венгрии и около 28% – в Словакии [19].

Опросы общественного мнения также показали, что еще в 2018 г. точно принадлежащими к Европе (very attached) себя называли больше граждан этих стран, чем к ЕС, за исключением Словакии, где этот показатель составлял примерно одну и ту же величину в 12–13%. Особенно большим данный разрыв был в Чехии и Венгрии (порядка 10% в пользу Европы, а не ЕС), меньше – в Румынии и Польше (порядка 3% в пользу Европы, а не ЕС). Свою в большей степени принадлежность Европе (fairly attached) высказывали

от 40% населения в Румынии до порядка 57% в Польше, к Евросоюзу – от 25% в Чехии до 53% в Польше. Отсутствие привязанности к Европе (not at all attached) высказали меньше респондентов, чем в отношении Европейского союза: в Чехии разрыв составил почти 20%, в остальных странах четверки – в пределах 3–6%. Таким образом, «европейскость» не отождествлялась полностью с принадлежностью к ЕС в странах Вышеградской четверки (рис. 1, 2). Однако очевидны и значительные отличия в общественном мнении указанных стран, что осложняет выработку ими единой позиции по некоторым вопросам.

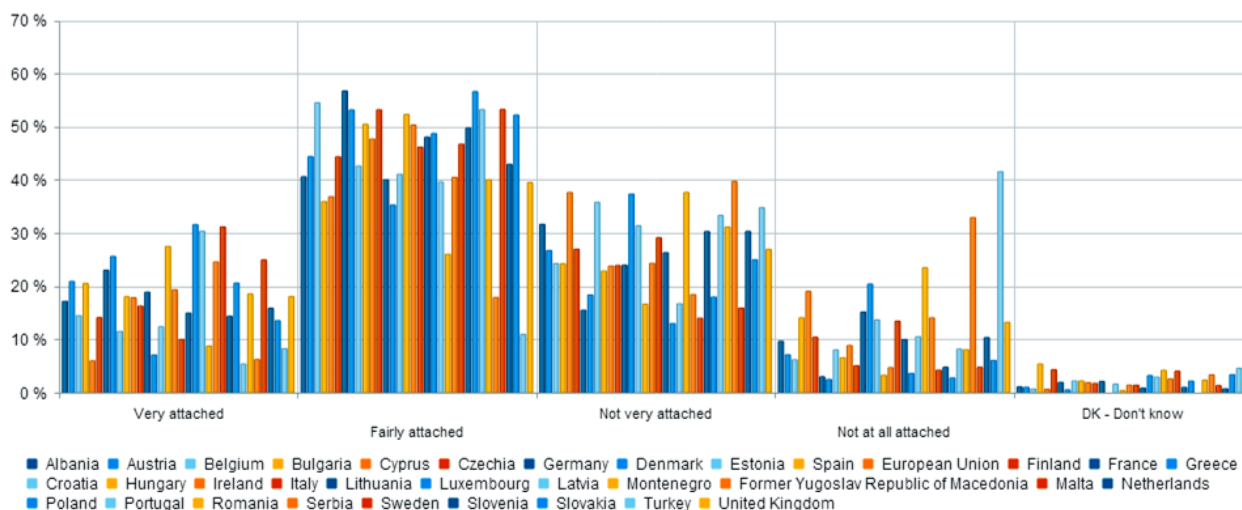

Рис. 1. Степень привязанности к Европе в государствах-членах ЕС (ноябрь 2018 г.) [20]

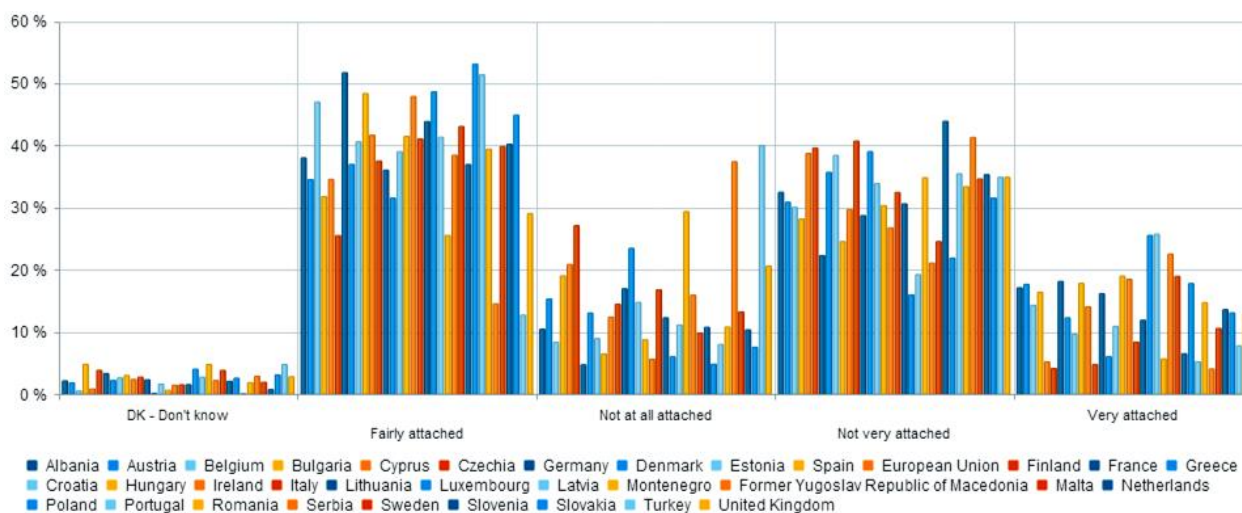

Рис. 2. Степень привязанности к Европейскому союзу в государствах-членах ЕС (ноябрь 2018 г.) [Ibid.]

Евросоюз оказывал странам Вышеградской группы финансовую помощь как в период подготовки к членству в Евросоюзе, так и после, хотя она и не устранила экономическое неравенство между странами условного «ядра» ЕС и «периферии», т.е. странами Центральной и Восточной Европы [21], что стало одним из факторов относительного разочарования стран Вышеградской группы, чьи ожидания от членства в ЕС оказались завышенными. Политика сплочения ЕС не смогла не только сгладить региональные дисбалансы, но и предотвратить кризис солидарности, ярко проявившийся на

примере отказа стран Вышеградской группы принимать беженцев в 2015–2017 гг. в соответствии с квотами, рассчитанными на основе количества населения и ВВП каждой принимающей страны [22].

Тогда, по мнению венгерского премьер-министра, ЕС должен был компенсировать возросшие затраты Венгрии на осуществление пограничного контроля, в чем ему было отказано председателем Еврокомиссии Ж.-К. Юнкером ввиду невыполнения обязательств Венгрии по квотам. В этой связи Ж.-К. Юнкер заявил, что «солидарность – это не блюдо по выбору»

(Solidarity is not an à-la-carte dish) [23], на что из Будапешта последовал ответ, что «это не солидарность, а насилие» [24].

И хотя позиция стран Вышеградской группы по вопросам миграционного регулирования, особенно в период кризиса, была отчасти обоснована объективными факторами (отсутствие в прошлом колоний, из которых шел приток беженцев; относительно низкий уровень социально-экономического развития по сравнению с другими членами ЕС, куда направляются мигранты и т.п.) [25], тем не менее кризис солидарности свидетельствовал, что Евросоюз не монолитен, а скрепляющую роль между его центром («старыми государствами-членами») и периферией (в том числе странами, присоединившимися в 2000-х гг.) играют не столько общие ценности, сколько вполне прагматичные и временами меркантильные интересы.

Эволюция партийно-политической системы стран Вышеградской группы в 2000-е гг. свидетельствует о росте евроскептицизма, особенно в ходе кризисов 2008, 2014–2016 гг. и др. Однако поскольку консенсус относительно вступления в ЕС в этих странах сложился еще в 1990-е гг., сегодня евроскептицизм в них носит умеренный характер, а вопрос о выходе из ЕС не ставится. Кроме того, евроскептицизм уравнивается в этих странах возникновением новых проевропейских партий, а также разочарованием широких слоев населения в прежних национальных элитах в пользу европейской интеграции [26].

При этом Брекзит, например, не вызвал понимания у стран Вышеградской группы. Во многом это было связано не столько с заботой о стабильности европейских ценностей, сколько с беспокойством о будущем статусе трудовых мигрантов из указанных государств в Великобритании и о взаимной торговле [27]. Однако в совместном заявлении премьер-министров Польши и Великобритании в июле 2016 г. со стороны польского премьера прозвучал некоторый упрек ЕС в связи с Брекситом: «Нам нужно подумать, что именно случилось, что заставило такое большое государство и экономику принять решение о выходе из [Европейского] Союза? Европейскому Союзу необходимо предпринять важные реформы, необходимые изменения, чтобы стать более сильным институтом... который в первую очередь исполняет ожидания европейцев» [28]. Тем не менее Польша, по примеру остальных государств-членов, вынуждена была передать все полномочия по ведению переговоров с Лондоном Еврокомиссии и официально воздерживаться от критики ее действий [29].

Таким образом, умеренный, а не радикальный евроскептицизм в странах Вышеградской группы не позволил им воспользоваться Брекситом как поводом для давления на Брюссель, который смог добиться того, чтобы ввне транслировался образ ЕС, чьи 27 государств-членов солидарны по вопросу Брексита. Британские же аналитики в ответ заявили, что «непосредственную опасность для ЕС представляет не то, что Венгрия или Польша последуют за Великобританией на выход (из ЕС. – Е.Х., А.П.), а то, что они останутся полноценными членами клуба, нарушая его важнейшие правила» [30].

Таким образом, позиция Вышеградской группы по вопросу соотношения понятий Европы и ЕС схематично может быть сформулирована следующим образом: Европа считается, скорее, площадкой для различных форматов интеграции. ЕС же рассматривается как институт, не способный олицетворять всю Европу, страдающий от недостатков и иногда невосприимчивый к нуждам стран Вышеградской группы. В этой связи возникает противопоставление европейских ценностей, под которыми готовы подписаться страны Вышеградской группы, и Евросоюза как формата, которым можно при случае воспользоваться, а иногда проигнорировать из прагматических соображений.

Последнее убеждение подтвердилось в ходе миграционного кризиса, развернувшегося на границах между Белоруссией, Польшей, Латвией и Литвой в ноябре–декабре 2021 г. Тогда высылки большого количества лиц в поисках убежища и незаконных мигрантов из Литвы и Польши в Белоруссию получали молчаливую поддержку со стороны Брюсселя. По заявлению председателя Европейского совета Ш. Мишеля, «ЕС солидарен с Польшей, столкнувшейся с большим кризисом. Этот кризис принимается всерьез и требует солидарности и единства по всему Евросоюзу. Перед лицом этой постыдной и жестокой гибридной атаки единственное решение – оставаться сильными и объединенными и продвигать наши основополагающие ценности» [31]. Еврокомиссия предложила разрешить Польше, Латвии и Литве увеличить сроки рассмотрения прошений об убежище в связи с кризисом, а также применять национальное законодательство по вопросам обеспечения возвращения тех, кто получил отказ в предоставлении убежища [32].

С началом российской спецоперации на Украине отдельные страны Вышеградской группы в одностороннем порядке выступили даже с более жесткой позицией, чем старые государства-члены ЕС. Так, Варшава первой из стран ЕС отказалась от закупок российского угля, не дожидаясь общего эмбарго со стороны Евросоюза [33]. Венгрия, однако, избрала традиционную риторику формального неодобрения Брюсселя. В частности, премьер-министр В. Орбан заявил, что осуждает российскую спецоперацию, но «не позволит заставить венгерские семьи платить цену этой войны» [34] ввиду предполагаемого эмбарго на поставки российских энергоносителей в ЕС, от которого венгерские жители могут пострадать. Учитывая, что дело происходило накануне парламентских выборов в Венгрии, позиция, выраженная В. Орбаном, скорее, была рассчитана на внутреннюю аудиторию и ожидаемо не вызвала понимания у Польши и Чехии, которые, напротив, консолидировались с позицией Брюсселя [35]. Тем не менее Венгрия поддержала пакеты санкций против России, лишняя раз доказывая умеренный характер своего евроскептицизма и риторический характер противостояния Брюсселю.

Кроме того, приток вынужденных мигрантов из Украины в целом был воспринят в ЕС спокойно, а юридические процедуры для них были максимально упрощены. Учитывая, что основной поток беженцев географически касается в первую очередь стран Вышеградской

группы, потенциал для их манипулирования ситуацией в отношениях с Брюсселем сохраняется [36], однако отсутствие значительных этнорелигиозных отличий между беженцами из Украины и населением стран ЕС, скорее, позволит Евросоюзу воспользоваться их притоком как своевременной «демографической инъекцией».

Тем не менее события 2022 г. лишний раз подчеркнули стремление Вышеградской группы пользоваться площадкой Евросоюза только в ограниченном формате и исключительно в собственных интересах, очень выборочно проявляя солидарность, а по большей части используя противоречия между ЕС и Россией для популистской риторики.

Британский кейс

Брекзит заметно оживил дилемму о «европейскости» Великобритании и ее идентичности. Подспудно, вне открытых обсуждений на эту тему, параллельно с процессом выхода из союза в общественно-политическом дискурсе страны стало происходить размежевание понятий «ЕС» и «Европа».

Для Великобритании вопрос о принадлежности к ЕС (читай – Европе) на всем протяжении членства в Европейских сообществах / Европейском союзе носил спорный характер. Трансформация имперской идентичности после Второй мировой войны в условиях сокращения колониальных владений и ослабления международных торгово-экономических позиций страны затянулась, и в поиске новой точки опоры королевство сделало выбор в пользу укрепления своей роли как европейской державы. Выражением этого выбора ста-

ло вступление, с третьей попытки, в Европейские сообщества. Заметим, что Ж. Монне, например, считал членство Великобритании в Европейских сообществах необходимым условием интеграции. «Я думаю, что только создание Западной *федерации* (курсив в тексте. – Е.Х., А.П.), включая Англию, позволит нам в желаемые сроки решить наши проблемы и в конечном итоге – предотвратить войну» [4. С. 334].

Участие королевства как одного из ведущих европейских и мировых государств с внушительным военно-политическим потенциалом, несомненно, усилило группировку и сбалансировало франко-западногерманский тандем. Великобритания продолжала оставаться страной с обязательствами по всему миру, атрибутами державности и глобальным мышлением.

Однако страна вошла в Сообщества в 1973 г. на таком этапе, когда правила игры уже были выработаны, и Лондону по ряду вопросов пришлось занять «особую позицию». Более того, как показали недавние события, Великобритания мыслила свое членство в Сообществах и во многом вынужденную европейскость как временное явление, обусловленное экономическими трудностями и распадом мировой колониальной системы. Таблица 1 показывает динамику отношения населения к участию их страны в Евросоюзе и свидетельствует о том, что в предшествующие референдуму годы, особенно с 2012 г., нарастало желание жителей Великобритании покинуть Европейский союз. Примечательно при этом, что до минимальных показателей (3–4%) к моменту референдума сократилась доля тех, кто считал необходимым работать для создания единого европейского правительства [37].

Таблица 1

Отношение к взаимодействию Великобритании с Европейским союзом, 1992–2018 гг., %

Что нужно сделать:	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	
Покинуть ЕС	10	11	11	14	19	17	14	13	17	14	15	
Оставаться в ЕС, но с уменьшением своих полномочий	30	27	25	23	39	29	36	43	38	38	35	
Оставить все как есть	16	22	20	20	19	18	23	20	19	21	23	
Остаться в ЕС и увеличить свои полномочия	28	22	28	28	8	16	9	11	10	10	12	
Работать для единого Европейского правительства	10	9	8	8	6	7	8	6	7	7	7	
Что нужно сделать:	2003	2004	2005	2006	2008	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Покинуть ЕС	15	18	16	15	20	30	26	24	22	41	36	34
Оставаться в ЕС, но с уменьшением своих полномочий	32	38	36	36	35	37	39	38	43	35	33	33
Оставить все как есть	27	23	24	27	24	16	19	18	19	16	19	20
Остаться в ЕС и увеличить свои полномочия	11	7	10	9	9	9	6	10	8	4	4	4
Работать для единого Европейского правительства	6	5	4	4	3	2	3	4	3	2	3	3

Таким образом, одной из закономерных причин результатов референдума 23 июня 2016 г. стала несформированная европейская идентичность у граждан страны [38]. Т. Гартон Эш выделяет шесть возможных значений для британцев фразы «быть европейцем» (six possible meanings of European). Для нас представляют особый интерес рассуждения эксперта о двух из них: первое касается географического отнесения Великобритании к Европе, которое вызывает сомнения («...как говорит нам словарь английского языка Collins, “кон-

тинент Европы, за исключением Британских островов”»), и второе – «Европа означает ЕС». Оба тезиса автор относит к причинам Брексита и «бегства от ЕС», а не к чувству принадлежности жителей Великобритании к Союзу. Современные британские евроскептики, например, убеждены, что королевство совершило ошибку, причалив в 1970-е гг. к континенту, вместо того чтобы осуществлять глобальную политику через англо-американские связи [39]. Неслучайно именно акцент на отношения с Вашингтоном провозгласил

Лондон после Брекзита в рамках новой внешнеполитической концепции «Глобальная Британия». Соответственно, результаты голосования на референдуме 23 июня 2016 г. можно расценивать не только как отсутствие укорененной европейской идентичности, но и как всплеск имперских настроений. Национальная память, как и индивидуальная, избирательна, и неосмысленность (или, пользуясь термином психологии, непроработанность) колониального наследия отзывается эхом в сегодняшних событиях. Брекзит стал выражением имперского синдрома, неудовлетворенности жителей Великобритании положением своей страны, ущемлением, по их мнению, ее позиций как внутри ЕС, так и за его пределами. Для населения характерна ностальгия по временам империи, которые ассоциируются с мощью государства.

Согласно опросу 2016 г., проведенному за шесть месяцев до референдума, 44% опрошенных выразили «гордость» колониальной историей Великобритании, а 43% считают, что «Британская империя – это хорошо» [40]. Опрос, проведенный четыре года спустя, в 2020 г., показал, что 32% опрошенных граждан королевства считают бывшую империю скорее источником гордости, чем позора. Для сравнения: аналогично оценивают свои империи 26% опрошенных во Франции, 23% в Бельгии, 21% в Италии, 18% в Японии, 11% в Испании и 9% в Германии. На первом же месте

Нидерланды: 50% опрошенных граждан этого государства считают, что бывшая империя – это то, чем можно больше гордиться, нежели стыдиться [41]. Такие результаты коррелируют с данными о том, что за Брекзит по возрастному составу в основном голосовали представители старшего поколения, родившиеся во времена империи.

Симптоматично, что рост численности иммигрантов рассматривался как прямое следствие пребывания Великобритании в ЕС, в то время как Великобритания в условиях увеличения спроса на рабочие руки после Второй мировой войны сама открыла двери выходцам из колоний по Акту о британском гражданстве 1948 г. и впоследствии продолжала принимать мигрантов из бывшей империи. Произошла подмена понятий, которыми ловко манипулировали и продолжают это делать правые силы и отдельные политики. Хотя мифы вокруг взносов в ЕС, количества мигрантов из союза и другие развеиваются с помощью объективных цифр [42], расовые предрассудки и склонность идеализировать имперские времена оказываются очень сильными.

Данные, представленные в табл. 2, свидетельствуют о том, что население страны рассматривало участие в ЕС как препятствие для развития Великобритании, самостоятельного выстраивания ею своей миграционной, социальной и экономической политики.

Таблица 2

Отношение к возможным изменениям того, как работает Европейский союз, 2015 г. [43]

Возможные сценарии	Согласен	Все равно	Не имеет значения
Снизить способность мигрантов из других стран ЕС требовать пособия по социальному обеспечению в Великобритании	68	8	17
Уменьшить, насколько возможно, функции ЕС по регулированию работы компаний и бизнеса	60	18	14
Приостановить возможность для людей из других стран ЕС получать бесплатное лечение в рамках Национальной службы здравоохранения Великобритании	59	12	23
Лишить ЕС возможности определять максимальное количество рабочих часов в неделю для работников в Великобритании	53	22	17
Прекратить автоматическое право людей из других стран ЕС приезжать в Великобританию жить и работать	51	17	2

Симптоматично, что, покидая Европейский союз, Б. Джонсон на пресс-конференции после заключения соглашения с ЕС в конце декабря 2020 г. так подытожил Брекзит: «Мы вернули себе контроль над нашими законами и своей судьбой». И далее: «...мы покинули ЕС, но наша страна остается культурно, эмоционально, исторически, стратегически и геологически привязанной к Европе... (выделено нами. – Е.Х., А.П.)» [44]. Тезис о Европе неслучаен. Примечательно, что к жителям именно этого региона, а не ЕС, относит себя большее количество британцев. Так, согласно данным социологической службы «Евробарометр», весной 2018 г. 91% опрошенных жителей Великобритании идентифицировали себя как граждан своей страны, 87% – как жителей города / деревни, 44% – ЕС (на 1% больше данных осени 2017 г.) и 57% – Европы [45].

Таким образом, Европа в Великобритании воспринимается более позитивно, чем Евросоюз, как более широкое понятие, не сковывающее нормативными рамками и ограничениями. Брекзит подверг сомнению суть европейской идеи и создал прецедент, которому

через какое-то время, возможно, в отдаленной перспективе, могут последовать другие страны. Хотя пандемия и начало спецоперации России на Украине в феврале 2022 г. затмили на какое-то время политические и экономические последствия выхода Великобритании из ЕС, дав премьер-министру Б. Джонсону возможность играть на этих событиях, отвлекая внимание населения от внутренних проблем и последствий Брекзита и усиливая роль Великобритании на международной арене.

Выводы

Теория международных отношений постоянно пополняется разработками, связанными с пониманием связи центра и периферии. Применительно к Европейскому союзу мы можем наблюдать, что периферия приходит в движение на фоне кризисов различного происхождения. Эти события стали выражением тенденции, когда на протяжении ряда лет принадлежащие к периферии страны систематически показывали вы-

сокий уровень евроскептических настроений (Великобритания, Греция, страны Вышеградской группы). Учитывая, что в международных отношениях взаимодействие центра и периферии преимущественно носит неравноправный характер или характер подчинения [46. С. 6], возможно возрастание самостоятельности отдельных упомянутых государств.

С ростом подвижности периферии и особой ролью, которую стал играть российский фактор, меняются границы условной «Европы» и «Европейского союза», причем измениться они могут не только и не столько в метафорическом, сколько в физическом смысле на фоне военных действий России. ЕС заметно уменьшился в пространственном, экономическом и геополитическом значениях после выхода Великобритании из его состава. Нанесенный Брекзитом удар оказался на какое-то время нивелирован воздействием пандемии, однако с течением времени неизбежно должна произойти адекватная оценка потерь и приобретений двух сторон, каждая из которых на протяжении своей истории пыталась выиграть от своей принадлежности к «Европе», иногда симулируя «европейскость» и подменяя реальные европейские ценности популистскими декларациями.

С одной стороны, Брекзит доказал другим странам периферии, в частности странам Вышеградской группы, насколько сложным и дорогостоящим может быть выход из ЕС. С другой – Брекзит и другие кризисы последних лет продемонстрировали Вышеградской группе наличие определенного рычага воздействия на ЕС как институт, для которого выход государства-члена и кризис солидарности соотносится с репутационными издержками. Страны Вышеградской группы, как и

Великобритания, разделяют понятия Европы, которой они хотят принадлежать, и ЕС как инструмента реализации их интересов, у которого существуют аналоги.

Рассмотренные в работе кейсы свидетельствуют, что для стран периферии не свойственно отождествление Европы и Европейского союза. Они зачастую пытаются найти свой путь, подходящий им формат сотрудничества, не совпадающий с рамками ЕС. Ни Великобритания, ни страны Вышеградской группы не оспаривают свою «европейскость», скорее, пытаются доказать свое право на такую характеристику, в том числе в отношениях со странами за пределами ЕС. При этом создается впечатление, что ни Великобритания, ни страны Вышеградской группы пока четко не могут сформулировать, что значит быть европейцем за пределами ЕС, чему в том числе во многом способствует монополизация Брюсселем понятия «Европа» в отношении своих институтов и инициатив. Однако если у Великобритании есть шанс найти свою новую идентичность за пределами ЕС, основываясь на собственных истории и планах на будущее, с опорой на сильную экономику и валюту, то для стран Вышеградской группы альтернативы Евросоюзу пока нет. В свою очередь, зашли в тупик отношения ЕС и РФ в целом; стремление Евросоюза продавливать свою волю в отношении европейских стран, не входящих в его состав (фактически заставляя некоторые из них присоединяться к антироссийским санкциям), еще больше затрудняют поиск выхода из военно-политического противостояния вокруг Украины и угрожают превращением России в «изгоя» Европы и усложнением понимания «Европы» в ее разных значениях.

Список источников

1. Poulsen T.M. Europe. Continent. URL: <https://www.britannica.com/place/Europe> (accessed: 01.07.2021).
2. Романова Э.П., Никишин А.М. Европа // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/v/1974265> (дата обращения: 01.07.2021).
3. Чубарьян А.О. XX век: взгляд историка. М.: Наука, 2009. 563 с.
4. Монне Ж. Реальность и политика: мемуары / пер. с фр. В. Божовича. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2001. 664 с. (Культура, политика, философия).
5. The EU in brief. Goals and values of the EU. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/eu-in-brief_en (accessed: 01.07.2021).
6. European Council in Copenhagen, 21–22 June 1993, Conclusions of the Presidency. Annex II. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/21225/72921.pdf> (accessed: 12.07.2021).
7. Kubosova L. Sarkozy calls for definition of 'borders of Europe' // EU observer. 2006. March 31. URL: <https://euobserver.com/enlargement/21278> (accessed: 12.07.2021).
8. Jean-Claude Juncker calls for EU to be a global player. URL: <https://www.dw.com/en/jean-claude-juncker-calls-for-eu-to-be-a-global-player/a-45453011> (accessed: 10.07.2021).
9. Jean-Claude Juncker's federalist vision for the EU is far from reality. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/sep/13/jean-claude-junckers-federalist-vision-for-the-eu-is-far-from-reality> (accessed: 10.07.2021).
10. Saradzhyan S. Alternative History: Would Russia in NATO and EU Be Game Changer in West's Rivalry with China? URL: <https://www.russiamatters.org/analysis/alternative-history-would-russia-nato-and-eu-be-game-changer-wests-rivalry-china> (accessed: 11.07.2021).
11. Baunov A. An Alternative European Path: How Brexit Will Benefit a Democratic Russia. URL: <https://carnegie.ru/commentary/80994> (accessed: 12.07.2021).
12. Борко Ю. Взаимосвязь процессов расширения и углубления европейской интеграции // Расширение Европейского Союза и Россия / под ред. О.В. Буториной, Ю.А. Борко. М.: Деловая лит., 2006. С. 11–42.
13. Буторина О.В. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 11. С. 1058–1066.
14. Тимофеев И.Н., Морозов В.А., Тимофеева Ю.С. Санкции против России: взгляд в 2020 г.: доклад 51/2020 / Рос. совет по междунар. делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2020. 96 с.
15. Лукьянов Ф. Почему европейцы так резко стали обрубать все связи с Россией // Россия в глобальной политике. 2022. 08 апр. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/obrubat-svyazi/> (дата обращения: 13.04.2022).
16. Visegrad declaration. Unofficial translation. URL: <https://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-2> (accessed: 07.07.2021).
17. Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on cooperation of the Visegrad Group countries after their accession to the European Union (12 May 2004). URL: <https://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-1> (accessed: 07.07.2021).

18. The Bratislava Declaration of the Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the occasion of the 20th anniversary of the Visegrad Group. URL: <https://www.visegradgroup.eu/2011/the-bratislava> (accessed: 07.07.2021).
19. Gyárfášová O., Mesežni G. 25 Years of the V4 as Seen by the Public // Institute for Public Affairs, Bratislava, 2016. URL: <https://www.visegradgroup.eu/25-years-of-the-v4-as> (accessed: 07.07.2021).
20. People may feel different degrees of attachment to their town or village, to their region, to their country or to Europe. Please tell me how attached you feel to... Europe (11/2018) // European Commission. 2019. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/getChart/themeKy/26/groupKy/314> (accessed: 30.04.2019).
21. Strupczewski J., Guarascio F. Europe's East-West wealth gap narrows but grows North-South : study. URL: <https://www.reuters.com/article/us-eu-convergence/europes-eastwest-wealth-gap-narrows-but-grows-north-south-study-idUSKBN1HY29Z> (accessed: 12.07.2021).
22. European Solidarity: a Refugee Relocation System // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/background-information/docs/2_eu_solidarity_a_refugee_relocation_system_en.pdf (accessed: 08.07.2021).
23. Székely T. Juncker Responds to Orbán: "Solidarity Is Not An A-La-Carte Dish" // Hungary Today. 2017. Sept. 06. URL: <https://hungarytoday.hu/juncker-responds-orban-solidarity-la-carte-dish-22363/> (accessed: 10.07.2021).
24. EU migrant quotas: Hungary's Viktor Orbán vows to fight on // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/eu-migrant-quotas-hungarys-viktor-orban-vows-to-fight-on/a-40415315> (accessed: 10.07.2021).
25. Четверикова А.В. Положение стран Вишеградской группы в условиях обострения миграционного кризиса в ЕС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (4). С. 130–143.
26. Басов Ф.А. Вишеградские страны в ЕС: периферия или новое ядро? // Свободная мысль. 2019. № 5. С. 175–184.
27. Brusenbauch Meislová M. Can the Visegrad Four hold its line over Brexit – or will the splits show? URL: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2017/07/25/can-the-visegrad-four-hold-its-line-over-brexit-or-will-the-splits-show/> (accessed: 08.07.2021).
28. PM and Polish Prime Minister Szydło statements in Warsaw: 28 July 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-press-statement-in-warsaw-28-july-2016> (accessed: 07.07.2021).
29. Polish prime minister: We still believe Brexit compromise is... URL: <https://www.cnn.com/video/2019/01/08/polish-pm-morawiecki-we-still-believe-brexit-compromise-is-possible.html> (accessed: 08.07.2021).
30. Garton Ash T. For Europe, losing Britain is bad. Keeping Hungary and Poland could be worse. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/dec/10/for-europe-losing-britain-is-bad-keeping-hungary-and-poland-could-be-worse> (accessed: 10.07.2021).
31. Remarks by President Charles Michel after his meeting with the Prime Minister of Poland, Mateusz Morawiecki, in Warsaw // European Council. 2021. Nov. 10. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/11/10/intervention-du-president-charles-michel-a-l-issue-de-sa-rencontre-avec-le-premier-ministre-polonais-mateusz-morawiecki-a-varsovie/> (accessed: 03.12.2021).
32. Asylum and return: Commission proposes temporary legal and practical measures to address the emergency situation at the EU's external border with Belarus. Press-release // European Commission. 2021. Dec. 01. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_6447 (accessed: 03.12.2021).
33. Уголь на выдумку хитра. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5282584> (дата обращения: 14.04.2022).
34. PM Orbán: Sanctions on Russia Must Not Cover Oil and Gas Imports // Hungary Today. 2022. March 08. URL: <https://hungarytoday.hu/orban-russia-sanctions-gas-oil-v4-johnson-meeting-talks/> (accessed: 10.04.2021).
35. Scally D. Russian war widens cracks in Visegrad Group // The Irish Times. 2022. March 30. URL: <https://www.irishtimes.com/news/world/europe/russian-war-widens-cracks-in-visegr%C3%A1d-group-1.4840389> (accessed: 10.04.2021).
36. Матюхова Е.И. Общеввропейская миграционная политика: новый поворот? // ИМЭМО РАН. 2022. 10 марта. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/obshteevropeyskaya-migratsionnaya-politika-noviy-povorot> (дата обращения: 14.04.2022).
37. British Social Attitudes 36. The EU Debate. URL: https://www.bsa.natcen.ac.uk/media/39294/8_bsa36_the_eu_debate.pdf (accessed: 12.07.2021).
38. Еремينا Н. Brexit: лучше ужасный конец, чем ужас без конца. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/brexit-luchshe-uzhasnyy-konets-chem-uzhas-bez-kontsa/?sphrase_id=77244819 (дата обращения: 12.07.2021).
39. Drea E. The Empire Strikes Back. Brexit, History and the Decline of Global Britain. Wilfried Martens Centre for European Studies. 2019. URL: <https://martenscentre.eu/publications/empire-strikes-back-brexit-history-and-decline-global-britain> (accessed: 03.12.2021).
40. Stone J. British people are proud of colonialism and the British Empire, poll finds. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/british-people-are-proud-colonialism-and-british-empire-poll-finds-a6821206.html#commentsDiv> (accessed: 13.07.2021).
41. Smith M. How unique are British attitudes to Empire? URL: <https://yougov.co.uk/topics/international/articles-reports/2020/03/11/how-unique-are-british-attitudes-empire> (accessed: 10.07.2021).
42. Dyffy B. Brexit and public opinion: misperceptions. URL: <https://ukandeu.ac.uk/brexit-and-public-opinion-misperceptions/> (accessed: 12.07.2021).
43. Curtice J. How deeply does Britain Euroscepticism run? URL: <https://www.bsa.natcen.ac.uk/media/39024/euroscepticism.pdf> (accessed: 08.07.2021).
44. Prime-Minister's Statement on EU Negotiations. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-statement-on-eu-negotiations-24-december-2020> (accessed: 08.07.2021).
45. Standard Eurobarometer 89 – Spring 2018 : Report. European citizenship // Eurobarometer. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2180> (accessed: 08.07.2021).
46. Миньяр-Белоручев К.В. Взаимодействие ядра и периферии системы международных отношений в историческом аспекте // Новая и новейшая история. 2020. Т. 64, № 4. С. 5–20.

References

1. Poulsen, T.M. (n.d.) *Europe. Continent*. [Online] Available from: <https://www.britannica.com/place/Europe> (Accessed: 1st July 2021).
2. Romanova, E.P. & Nikishin, A.M. (n.d.) Европа [Europe]. In: Osipov, Yu.S. & Kravets, S.L. (eds) *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://bigenc.ru/geography/text/v/1974265> (Accessed: 1st July 2021).
3. Chubaryan, A.O. (2009) *XX vek: vzglyad istorika* [The 20th Century: The View of a Historian]. Moscow: Nauka.
4. Monnet, J. (2001) *Real'nost' i politika: memuary* [Reality and Politics: Memoirs]. Translated from French by V. Bozhovich. Moscow: Moscow School of Political Studies.
5. EU. (n.d.) *The EU in brief. Goals and values of the EU*. [Online] Available from: https://europa.eu/european-union/about-eu-in-brief_en (Accessed: 1st July 2021).
6. EU. (1993) *European Council in Copenhagen, 21–22 June 1993, Conclusions of the Presidency. Annex II*. [Online] Available from: <https://www.consilium.europa.eu/media/21225/72921.pdf> (Accessed: 12th July 2021).
7. Kubosova, L. (2006) Sarkozy calls for definition of 'borders of Europe'. *EU Observer*. 31st March. [Online] Available from: <https://euobserver.com/enlargement/21278> (Accessed: 12th July 2021).
8. Deutsche Welle. (n.d.) Jean-Claude Juncker calls for EU to be a global player. [Online] Available from: <https://www.dw.com/en/jean-claude-juncker-calls-for-eu-to-be-a-global-player/a-45453011> (Accessed: 10th July 2021).
9. *The Guardian*. (2017) Jean-Claude Juncker's federalist vision for the EU is far from reality. 13th September. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/world/2017/sep/13/jean-claude-junckers-federalist-vision-for-the-eu-is-far-from-reality> (Accessed: 10th July 2021).

10. Saradzhyan, S. (2019) *Alternative History: Would Russia in NATO and EU Be Game Changer in West's Rivalry with China?* [Online] Available from: <https://www.russiamatters.org/analysis/alternative-history-would-russia-nato-and-eu-be-game-changer-west-s-rivalry-china> (Accessed: 11th July 2021).
11. Baunov, A. (n.d.) *An Alternative European Path: How Brexit Will Benefit a Democratic Russia*. [Online] Available from: <https://carnegie.ru/commentary/80994> (Accessed: 12th July 2021).
12. Borko, Yu. (2006) *Vzaimosvyaz' protsessov rasshireniya i uglubleniya evropeyskoy integratsii* [The relationship between the processes of expansion and deepening of European integration]. In: Butorina, O.V. & Borko, Yu.A. (ed.) *Rasshirenie Evropeyskogo Soyuza i Rossiya* [Expansion of the European Union and Russia]. Moscow: Delovaya lit. pp. 11–42.
13. Butorina, O.V. (2020) *Suzhenie Evropeyskogo soyuza i potentsial integratsii* [Narrowing of the European Union and the potential for integration]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 90(11). pp. 1058–1066.
14. Timofeev, I.N., Morozov, V.A. & Timofeeva, Yu.S. (2020) *Sanktsii protiv Rossii: vzglyad v 2020 g.: doklad 51/2020* [Sanctions Against Russia: A View in 2020: Report 51/2020]. Moscow: NP RSMD.
15. Lukyanov, F. (2022) *Pochemu evropeytsy tak rezko stali obrubat' vse svyazi s Rossiei* [Why did the Europeans so abruptly cut off all ties with Russia]. *Rossiya v global'noy politike*. 8th April. [Online] Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/obrubat-svyazi/> (Accessed: 13th April 2022).
16. EU. (n.d.) *Visegrad declaration. Unofficial translation*. [Online] Available from: <https://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-2> (Accessed: 7th July 2021).
17. EU. (2004) *Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on cooperation of the Visegrad Group countries after their accession to the European Union (12 May 2004)*. [Online] Available from: <https://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-1> (Accessed: 7th July 2021).
18. EU. (2011) *The Bratislava Declaration of the Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on the occasion of the 20th anniversary of the Visegrad Group*. [Online] Available from: <https://www.visegradgroup.eu/2011/the-bratislava> (Accessed: 7th July 2021).
19. Gyárfášová, O. & Mesežni, G. (2016) *25 Years of the V4 as Seen by the Public*. [Online] Available from: <https://www.visegradgroup.eu/25-years-of-the-v4-as> (Accessed: 7th July 2021).
20. European Commission. (2019) *People may feel different degrees of attachment to their town or village, to their region, to their country or to Europe. Please tell me how attached you feel to... Europe (11/2018)*. [Online] Available from: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Chart/getChart/?themeKy/26/groupKy/314> (Accessed: 30th April 2019).
21. Strupczewski, J. & Guarascio, F. (2018) *Europe's East-West wealth gap narrows but grows North-South: study*. [Online] Available from: <https://www.reuters.com/article/us-eu-convergence/europes-eastwest-wealth-gap-narrows-but-grows-north-south-study-idUSKBN1HY29Z> (Accessed: 12th July 2021).
22. European Commission. (n.d.) *European Solidarity: a Refugee Relocation System*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/policies/european-agenda-migration/background-information/docs/2_eu_solidarity_a_refugee_relocation_system_en.pdf (Accessed: 8th July 2021).
23. Székely, T. (2017) Juncker Responds to Orbán: "Solidarity Is Not An A-La-Carte Dish." *Hungary Today*. 6th September. [Online] Available from: <https://hungarytoday.hu/juncker-responds-orban-solidarity-la-carte-dish-22363/> (Accessed: 10th July 2021).
24. Deutsche Welle. (n.d.) *EU migrant quotas: Hungary's Viktor Orban vows to fight on*. [Online] Available from: <https://www.dw.com/en/eu-migrant-quotas-hungarys-viktor-orban-vows-to-fight-on/a-40415315> (Accessed: 10th July 2021).
25. Chetverikova, A.V. (2017) Position of the Countries of the Visegrad Group in Conditions of the Worsening European Migration Crisis. *Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo – Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. 10(4). pp. 130–143. (In Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-130-143
26. Basov, F.A. (2019) The Visegrad states in EU: periphery or a new kernel? *Svobodnaya mysl'*. 5. pp. 175–184. (In Russian).
27. Brusenbauch Meislová, M. (2017) *Can the Visegrad Four hold its line over Brexit – or will the splits show?* [Online] Available from: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2017/07/25/can-the-visegrad-four-hold-its-line-over-brexit-or-will-the-splits-show/> (Accessed: 8th July 2021).
28. UK. (2016) *PM and Polish Prime Minister Szydło statements in Warsaw: 28 July 2016*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/speeches/pm-press-statement-in-warsaw-28-july-2016> (Accessed: 7th July 2021).
29. CNBC. (2019) *Polish prime minister: We still believe Brexit compromise is possible* [Online] Available from: <https://www.cnbc.com/video/2019/01/08/polish-pm-morawiecki-we-still-believe-brexit-compromise-is-possible.html> (Accessed: 8th July 2021).
30. Garton Ash, T. (2020) *For Europe, losing Britain is bad. Keeping Hungary and Poland could be worse*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/dec/10/for-europe-losing-britain-is-bad-keeping-hungary-and-poland-could-be-worse> (Accessed: 10th July 2021).
31. Michel, Ch. (2021) Remarks by President Charles Michel after his meeting with the Prime Minister of Poland, Mateusz Morawiecki, in Warsaw. *European Council*. 10th November. [Online] Available from: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/11/10/intervention-du-president-charles-michel-a-l-issue-de-sa-rencontre-avec-le-premier-ministre-polonais-mateusz-morawiecki-a-varsovie/> (Accessed: 3rd December 2021).
32. European Commission. (2021) *Asylum and return: Commission proposes temporary legal and practical measures to address the emergency situation at the EU's external border with Belarus. Press-release*. 1st December. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_6447 (Accessed: 3rd December 2021).
33. Zinullin, E. (2022) *Ugol' na vyдумku khitra* [Coal is cunning for invention]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5282584> (Accessed: 14th April 2022).
34. *Hungary Today*. (2022) PM Orbán: Sanctions on Russia Must Not Cover Oil and Gas Imports. 8th March. [Online] Available from: <https://hungarytoday.hu/orban-russia-sanctions-gas-oil-v4-johnson-meeting-talks/> (Accessed: 10th April 2021).
35. Scally, D. (2022) Russian war widens cracks in Visegrád Group. *The Irish Times*. 30th March. [Online] Available from: <https://www.irishtimes.com/news/world/europe/russian-war-widens-cracks-in-visegr%C3%A1d-group-1.4840389> (Accessed: 10th April 2021).
36. Matyukhova, E.I. (2022) *Obshtcheevropeyskaya migratsionnaya politika: novyy povorot?* [Pan-European migration policy: a new twist?]. [Online] Available from: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/obshtcheevropeyskaya-migratsionnaya-politika-noviy-povorot> (Accessed: 14th April 2022).
37. UK. (n.d.) *British Social Attitudes 36. The EU Debate*. [Online] Available from: https://www.bsa.natcen.ac.uk/media/39294/8_bsa36_the_eu_debate.pdf (Accessed: 12th July 2021).
38. Eremina, N. (n.d.) *Brexit: luchshe uzhasnyy konets, chem uzhas bez kontsa* [Brexit: Better a Terrible End than Endless Horror]. [Online] Available from: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/brexit-luchshe-uzhasnyy-konets-chem-uzhas-bez-kontsa/?sphrase_id=77244819 (Accessed: 12th July 2021).
39. Drea, E. (2019) *The Empire Strikes Back. Brexit, History and the Decline of Global Britain*. [Online] Available from: <https://martenscentre.eu/publications/empire-strikes-back-brexit-history-and-decline-global-britain> (Accessed: 3rd December 2021).
40. Stone, J. (2016) *British people are proud of colonialism and the British Empire, poll finds*. [Online] Available from: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/british-people-are-proud-colonialism-and-british-empire-poll-finds-a6821206.html#commentsDiv> (Accessed: 13th July 2021).

41. Smith, M. (2020) *How unique are British attitudes to Empire?* [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/topics/international/articles-reports/2020/03/11/how-unique-are-british-attitudes-empire> (Accessed: 10th July 2021).
42. Dyffy, B. (2019) *Brexit and public opinion: misperceptions*. [Online] Available from: <https://ukandeu.ac.uk/brexit-and-public-opinion-misperceptions/> (Accessed: 12th July 2021).
43. Curtice, J. (n.d.) *How deeply does Britain Euroscepticism run?* [Online] Available from: <https://www.bsa.natcen.ac.uk/media/39024/euroscepticism.pdf> (Accessed: 8th July 2021).
44. UK. (2020) *Prime-Minister's Statement on EU Negotiations*. [Online] Available from: <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-statement-on-eu-negotiations-24-december-2020> (Accessed: 8th July 2021).
45. Eurobarometer. (2018) *Standard Eurobarometer 89 – Spring 2018: Report. European citizenship*. [Online] Available from: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2180> (Accessed: 8th July 2021).
46. Minyar-Beloruchev, K.V. (2020) *Vzaimodeystvie yadra i periferii sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy v istoricheskom aspekte* [Interaction of the core and periphery of the system of international relations in the historical aspect]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 64(4). pp. 5–20.

Сведения об авторах:

Хахалкина Елена Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Погорельская Анастасия Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Khakhalkina Elena V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Pogorelskaya Anastasia M. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pogorelskaya@mail.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.04.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 15.04.2022; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 94 (43)

doi: 10.17223/19988613/78/16

Проект «Великой Сирии» в ближневосточной политике и пропаганде Третьего рейха в годы Второй мировой войны (1939–1942 гг.)

Сергей Андреевич Шерстюков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, ssherstyukov@hse.ru

Аннотация. Рассматривается проект «Великой Сирии» в ближневосточной политике и пропаганде Третьего рейха в годы Второй мировой войны. Исследуются подходы немецких дипломатов к способам организации «нового порядка» на Ближнем Востоке, в частности разные точки зрения по поводу необходимости и форм конструирования «Великой Сирии» и продвижения этого проекта немецкой пропагандой в регионе. Хотя немецкие дипломаты создавали в своем воображении довольно радикальные проекты политической трансформации арабского мира, по ряду причин (политических и идеологических) они проявляли сдержанность и осторожность в своих практических шагах и пропаганде в регионе.

Ключевые слова: «Великая Сирия», пропаганда, Третий рейх, Вторая мировая война, Ближний Восток

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-39-00052 мол_а «Немецкая пропаганда на Ближнем Востоке: от Германской империи к Третьему рейху (1914–1945)».

Для цитирования: Шерстюков С.А. Проект «Великой Сирии» в ближневосточной политике и пропаганде Третьего рейха в годы Второй мировой войны (1939–1942 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 124–134. doi: 10.17223/19988613/78/16

Original article

The “Great Syria” project in the Middle East policy and propaganda of the Third Reich during the Second World War (1939–1942)

Sergey A. Sherstyukov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ssherstyukov@hse.ru

Abstract. The article is devoted to study of "Great Syria" in the Middle East policy and propaganda of the Third Reich during the World War II (1939-1942). This study is based on the analysis of published and unpublished documents from the German archives. With the outbreak of World War II (and, in particular, after the following defeat of France in 1940), the Middle East policy of the Third Reich increased in activity, which was aimed at disruption of the dominant position of the British Empire in the Middle East. German propaganda in the region focused on the fact that after the end of World War I Great Britain and France did not grant independence to the Arabs, but established their own colonial domination in the region in the form of the mandates system. In this regard German diplomats sought, with a view to propaganda, to build alternative versions of the political organization of the Arab world that would provide for the creation of a unified Arab state. Focusing on these projects makes it possible to see what "mental maps" of the Middle East and the Arab world existed in the minds of German diplomats. In addition, since summer of 1941 began to be planned the German offensive in the Middle East the question of the organization of a "new order" in the Arab world received not only propaganda but also a practical dimension. One of the options for the creation of a unified Arab state was the project "Great Syria". However, although the diplomats of the Third Reich created in their imagination rather radical projects for the political transformation of the Arab world, for a number of reasons (political and ideological) they showed restraint and caution in their practical steps and propaganda in the region. One reason for this caution was the need to take into account the position of Italy, as well as the positions of other actors (Vichy France, Turkey, Saudi Arabia). Although at that time were offered and discussed different versions of the organization of the "new order" in the Arab world, there is a noticeable similarity in all German projects. In particular, the narrative of all authors of such projects presupposed the presence of one or several factors, the use of which, they believed, would lead to the collapse of the British Empire in the Middle East. In an effort to present a political alternative to British domination in the region for propaganda purposes, German diplomats, in fact, recognized the success of the British colonial experience in the Middle East and intended to capitalize it in German politics in the region.

Keywords: “Great Syria”, propaganda, Third Reich, World War II, Middle East

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 18-39-00052 mol_a “German propaganda in the Middle East: from the German Empire to the Third Reich (1914–1945)”.

For citation: Sherstyukov, S.A. (2022) The “Great Syria” Project in the Middle East Politics and Propaganda of the Third Reich during the Second World War (1939–1942). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 124–134. doi: 10.17223/19988613/78/16

Происходящие на Ближнем Востоке процессы, последовавшие за чередой «арабских революций» в странах региона, позволили многим экспертам говорить не только о кризисе государственности, но и о сломе всей региональной ближневосточной подсистемы международных отношений, фундамент которой был заложен после окончания Первой мировой войны странами-победительницами – Великобританией и Францией. Действительно, можно только предполагать, каким образом будет происходить реконфигурация ближневосточного региона и какой вид приобретут те его государства, которые сегодня де-факто уже не существуют в прежних границах (Йемен, Сирия, Ирак, Ливия); ясно, однако, что страны, сформированные на обломках Османской империи – во многом искусственно – столкнулись сегодня с самым серьезным после окончания Второй мировой войны вызовом.

Проекты, предусматривавшие трансформацию Ближнего Востока (или его части), не единожды возникали на протяжении XX и начала XXI в., а в качестве их создателей выступали как внерегиональные, так и внутрирегиональные акторы. В том числе периодически появлялись и халифатистские проекты, инициаторы которых стремились преодолеть рамки национального государства, предлагая в качестве альтернативы государственности, базирующуюся на транснациональной, строго религиозной идентичности [1].

Представляется целесообразным обратиться к одному из проектов конструирования части региона – проекту «Великой Сирии», который с началом Второй мировой войны оказался в фокусе ближневосточной политики и пропаганды Третьего рейха.

Идея «Великой Сирии» приобрела политическое звучание в конце Первой мировой войны; призывы к созданию государства в границах «исторической» Сирии оставались актуальными в межвоенный период и стали особенно значимыми в контексте развернувшегося противоборства Великобритании и Франции с государствами «оси» на Ближнем Востоке в годы Второй мировой войны. Все участники противостояния, действовавшие в рамках логики сохранения, расширения, трансформации или подрыва сложившихся в регионе механизмов политического господства и легитимирующих их конвенций, осознавали, что результатом этого противостояния может стать кардинальное переустройство регионального пространства и его отдельных сегментов.

О «Великой Сирии» писали многие авторы, обращавшиеся к изучению арабского национализма, политики европейских империй на Ближнем Востоке, к истории ближневосточного региона и его отдельных стран. Однако исследований, посвященных всестороннему рассмотрению идеологии пансирианизма в историче-

ской ретроспективе, немного, из них непревзойденной до сих пор остается работа английского исследователя Даниэля Пайпса [2]. «Как, возможно, самая игнорируемая тема истории Ближнего Востока в двадцатом веке, пансирианизм вызывает к исследованию», – писал он в предисловии к своей работе [Ibid. P. 7]. Пайпс детально и подробно рассматривает зарождение и эволюцию пансирианизма, многочисленные проекты конструирования «Великой Сирии», создававшиеся как в Лондоне и в Париже, так и в ближневосточных странах, сложное отношение панарабистов к идеологии пансирианизма. Однако, обращаясь к оценке места этого проекта в политике стран «оси» в годы Второй мировой войны, Пайпс ограничивается замечанием о том, что для держав «оси» поддержка Великой Сирии стала практически безболезненным способом доставить неприятности британцам и французам на Ближнем Востоке и в то же время завоевать некоторое количество друзей среди арабов [Ibid. P. 96]. В работах, посвященных пропаганде и политике стран «оси» на Ближнем Востоке, тема «Великой Сирии» также находилась, как правило, на периферии исследовательского внимания.

Между тем изучение этого сюжета представляется важным по нескольким причинам. Оно позволит внести новые нюансы в понимание ближневосточной политики Третьего рейха (и стран «оси» в целом), в частности такого ее направления, которое было связано с попытками немецких дипломатов сконструировать «новый порядок» на Ближнем Востоке. Анализ политических проектов (и отдельных предложений), нацеленных на преобразование политического пространства арабского мира, даст возможность не только составить представление о политических целях и пропагандистских планах Третьего рейха в регионе, но и судить о том, что можно назвать пространственным воображением, или «ментальными картами» Ближнего Востока, существовавшими в сознании немецких дипломатов, военных, ориенталистов. Обратившись к случаю с «Великой Сирией», можно увидеть, какие возможности немецкая пропаганда пыталась использовать в регионе в годы Второй мировой войны и с какими ограничениями (объективными и субъективными) она при этом сталкивалась.

Первая мировая война и борьба за «османское наследство»

После вступления Османской империи в Первую мировую войну на стороне Германской империи против Антанты для участников последней цель состояла не только в том, чтобы разбить османскую армию на полях сражений, но и в том, чтобы разделить «осман-

ское наследство». Судьба арабских провинций Османской империи решалась в годы войны в ходе переговоров и скрытого и явного соперничества союзников по Антанте – Великобритании, Франции и, в меньшей степени, Российской империи, стремившейся прежде всего установить контроль над черноморскими проливами. Достигнутое ими соглашение, вошедшее в историю как «соглашение Сайкс–Пико»¹, являлось плодом имперского воображения и колониальных представлений о балансе сил, безопасности и экономической целесообразности, «экспертного» (а часто «псевдоэкспертного») знания, поставленного на службу колониальным интересам, и, не в последнюю очередь, – случайности.

В годы войны Великобритания увидела в довольно аморфном, но структурирующемся движении арабских националистов ценного союзника в борьбе с Османской империей. Результатом британских усилий стала договоренность с шерифом Мекки Хусейном бен Али аль-Хашими – арабским лидером, представлявшимся британцам наиболее подходящей фигурой для того, чтобы возглавить выступление против турок.

Еще одним решением, имевшим долгосрочные последствия для всего Ближнего Востока, стала знаменитая Декларация Бальфура². Для Британии, уже контролировавшей Египет и претендовавшей на половину Ближнего Востока, публичная поддержка сионистского движения, стремившегося к созданию на территории Палестины еврейского государства, стала способом, который позволял обезопасить восточный фланг Суэцкого канала, избежав при этом обвинений в прямом захвате земель [5. Р. 1]. В изменившихся условиях конца Первой мировой войны не только Британии, но и другим империям, рассчитывавшим на новые колониальные приобретения, необходимо было искать новые способы легитимации этих приобретений.

Соглашение Сайкс–Пико, Декларация Бальфура, соглашение Мак-Магон–Хусейн³ являлись не просто вехами в политической истории Ближнего Востока; сложившийся в результате их реализации (или не реализации) политический порядок⁴, воспринимавшийся всеми силами (в том числе и формировавшими его) как временный, подлежащий коррекции или даже радикальному пересмотру, – задал ту систему координат, в рамках которой и возникли многочисленные проекты переустройства всего регионального пространства или его отдельных сегментов, происходили столкновение, переплетение и взаимное наложение пространственных образов, рождавшихся в политическом воображении националистов, христианских и мусульманских мыслителей, колониалистов и имперских элит.

Борьба за «Великую Сирию»

Немецкий исследователь Юрген Остерхаммель в работе «Трансформация мира: история XIX века», писал, что географические обозначения, с которыми сегодня специалисты и дилетанты обращаются совершенно некритически и которые широко заимствовались даже самими местными элитами в регионах, являются во многом продуктами геополитизации описательной

географии в период высокого империализма [7. С. 85]. Он замечает, что термин «Ближний Восток» вошел в употребление в дипломатических кругах лишь к концу XIX в. и обозначал Османскую империю, включая те области в Северной Африке (такие как Египет и Алжир), которые тогда ей фактически больше не принадлежали. Термин «плодородный полумесяц»⁵, появившийся в 1916 г., был популярен среди археологов и напоминал о доисламском величии региона [Там же].

В отличие от понятия «плодородный полумесяц», с самого начала являвшегося искусственным конструктом, понятие «Великая Сирия», утвердившееся в начале XX в. в политическом и дипломатическом лексиконе, стало современной версией укорененного в языке и истории термина *bilad al-Sham*, использовавшегося в раннее исламское время и включавшего, помимо Сирии, территории таких современных политических единиц, как Ливан, Иордания, Израиль, Западный берег реки Иордан, распространяясь на севере на современные турецкие провинции Хатай (прежний санджак Александретта), Газiantеп и Диярбакыр [9. Р. 261]. Понятие «Великая Сирия» становится политическим и идеологическим концептом (и символическим ресурсом) в момент распада Османской империи и начавшейся борьбы за раздел ее бывших арабских провинций.

Результатом британо-арабских договоренностей стало «Великое арабское восстание», начавшееся 5 июня 1915 г. Занятие 30 сентября – 1 октября 1918 г. арабскими частями эмира Фейсала и частями британского экспедиционного корпуса генерала Э. Алленби Дамаска и большей части «исторической Сирии» символизировало успех «арабского восстания» и британо-арабского «союза».

В период краткосрочного правления короля Фейсала в Дамаске (сентябрь 1918 г. – июль 1920 г.) была предпринята первая попытка добиться независимости Сирии в ее «естественных границах». Будучи не в силах противостоять французским военным частям, Фейсал в июле 1920 г. покидает Сирию и вскоре, при поддержке Британии, становится королем Ирака. После окончания Первой мировой войны державы-победительницы – Великобритания и Франция – создали на месте арабских провинций бывшей Османской империи несколько государств, не получивших, однако, независимости, а вошедших в число подмандатных стран. Казалось, долгосрочные амбиции Хашимитов, состоявшие в том, чтобы собрать в рамках объединенного государства под властью их дома территориальные фрагменты распавшейся Османской империи (Хиджаз, Сирию, Палестину и Ирак) были сорваны [10. Р. 679]. Однако проблема создания (воссоздания) объединенного арабского государства станет одной из ключевых тем ближневосточной политики в 1920–1930-е гг. Идея единого арабского государства, ставшая одновременно и целью, и мечтой для нескольких поколений арабских националистов, принимала более или менее конкретные очертания в разных проектах, иногда рассматривавшихся как конкурирующие, иногда – как взаимодополняющие.

Мечта о едином арабском государстве могла воплотиться в «Великой Сирии», хотя сторонники идео-

логии панарабизма обычно рассматривали эту идею не столько как шаг, сколько как препятствие на пути к единому арабскому государству. «Великая Сирия» не существовала в качестве политической единицы, и не было «великосирийской нации», однако разделение территории «исторической» Сирии в 1919–1920 гг. на ряд государств под французским и британским мандатом стало одной из тяжелейших травм в череде многих политических травм, пережитых на Ближнем Востоке в то время [2. Р. 3].

Абдалла и Фейсал – два представителя Хашимитского дома, утвердившиеся у власти в Трансиордании и Ираке – подмандатных территориях, вошедших в британскую зону ответственности, значительную часть своих усилий направляли на реализацию (в том или ином виде) панарабского проекта. Ибн Сауд, эмир Неджда, нанеший в 1926 г. поражение шерифу Мекки Хусейну и его сыну Фейсалу и объединивший почти весь Аравийский полуостров в рамках созданного в 1932 г. государства Саудовская Аравия, напротив, видел свою задачу в том, чтобы не дать реализоваться панарабским амбициям Хашимитов. Эмир Трансиордании Абдалла стал одним из самых известных и последовательных сторонников «Великой Сирии». Поскольку режим Абдаллы опирался на поддержку Британии, многие полагали, что за «великосирийскими амбициями» эмира Трансиордании стоит Лондон, другие формулировали эту мысль еще более радикально, рассматривая Абдаллу как орудие в руках британцев. Не отрицая зависимости Абдаллы от Великобритании, следует признать, что его отношения с британскими властями (в том числе и по поводу «Великой Сирии») были сложнее описанной логики. В разное время представители британского правительства не только поддерживали великодержавные устремления Абдаллы, но и ставили заслон его чрезмерной, как им казалось, активности. В британском правительстве были как сторонники «Великой Сирии» (не обязательно во главе с Абдаллой), так и противники этого проекта. «Британские сомнения также были связаны с необходимостью учитывать позиции других государств. К концу 1941 г. стало очевидно, что французская, ливанская, сирийская, иракская, саудовская и египетская оппозиция возвышению Абдаллы означала, что поддержка «плана Абдаллы» была бы контрпродуктивной. Тем не менее Абдалла был хорошим другом Британии, и британцы как можно дольше избегали публичной критики его планов» [Ibid. Р. 93].

Третий рейх и «Великая Сирия»

Множество акторов, располагавшихся на разных уровнях, но сложно друг с другом связанных, находившихся в отношениях противодействия и сотрудничества, множество контекстов и высокая динамика их изменения – все эти признаки делали ситуацию на Ближнем Востоке в межвоенный период отчасти похожей на современную. Однако необходимо обращать внимания не только на относительное сходство, но и на существенные различия. С окончанием Первой мировой войны в истории Ближнего Востока начинается

постосманский, но не постимперский период – политическая карта региона в это время в основных своих контурах формируется двумя соперничающими империями – Британской и Французской. В целом они сохраняли доминирующие позиции в регионе на протяжении всего межвоенного периода, реагируя на растущие национальные движения на подмандатных территориях, приспосабливаясь к ним и подавляя периодически вспыхивающие восстания. В межвоенные годы только несколько стран региона являлись независимыми, в первую очередь кемалистская Турция, Иран во главе с династией Пехлеви и Хашимитская (вскоре Саудовская) Аравия [11. Р. 607].

Хотя Италия присоединилась к Антанте в августе 1915 г., итальянцы узнали о соглашении Сайкс–Пико только в октябре 1916 г., и несмотря на то, что под давлением итальянцев союзники признали ограниченную сферу влияния Италии в Малой Азии, по итогам Парижской мирной конференции Италия не получила никаких колониальных приобретений в регионе [12. Р. 12–13]. После прихода к власти Муссолини Италия использовала все доступные ей возможности для расширения своего влияния на Ближнем Востоке и в Северной Африке. В конце 1920-х гг. Рим усилил связи с лидерами арабских националистических движений, в том числе с видными сирийскими националистами (в частности, с Шакиб Арсланом).

Итальянская активность в Леванте была предметом постоянного беспокойства французских властей. Позиция Италии относительно судьбы французских подмандатных территорий в Леванте не была лишена противоречий. Так, итальянское правительство стремилось поддержать христиан, выступавших за независимость Великого Ливана, и в то же время защищало тезис о неделимости сирийского мандата в Лиге наций [13. Р. VIII]; итальянцы поддерживали сирийских националистов, которые заявляли о единстве «Великой Сирии» и в то же время предлагали христианским меньшинствам защиту перед мусульманским большинством [Ibid. Р. XI]. Итальянский исследователь Мауро Пирас связывает эту противоречивость с тем, что фашистский режим в Италии, выстраивая новую «исламскую политику», не отказывался от старых методов традиционной арабской политики даже тогда, когда эти политические курсы вступали в противоречие друг с другом [Ibid.]. Возможно, это противоречие объясняется стремлением итальянцев в условиях сохранявшейся неопределенности политического будущего Леванта работать с разными политически мобилизованными группами, действовавшими на территории «исторической» Сирии.

Оценивая политику Веймарской республики в отношении Палестины и всего Ближнего Востока, исследователь Ф. Никозия писал: «Палестина и Ближний Восток не имели ключевого значения во внешнеполитических целях различных правительств Веймарской Германии, но находились на периферии непосредственной сферы интересов Германии. Тем не менее у Германии были конкретные политические, экономические и культурные интересы в Палестине и на остальном Ближнем Востоке, и она проводила определенную политику, направленную на сохранение и поощрение

этих интересов. Политика Германии была двунаправленной; экономическим и культурным интересам наилучшим образом способствовали поддержание сионистского движения и осуществление Декларации Бальфура, в то время как общие политические интересы в Европе и на Ближнем Востоке обеспечивались поддержкой Британского мандата в Палестине (цит. по: [14. Р. 465]).

После прихода в 1933 г. Гитлера к власти в Германии ее ближневосточная политика до 1939 г. не претерпела радикальных изменений – ключевыми элементами этой политики являлись заинтересованность в еврейской эмиграции в Палестину и, напротив, незаинтересованность в поддержке арабских националистов, выступавших с антиссионистскими и антиколониальными лозунгами. Германские дипломаты на Ближнем Востоке выступали в роли наблюдателей, стремившихся оценить ситуацию в отдельных странах и в регионе в целом, иногда не скрывавших злорадства по поводу трудностей, с которыми сталкивались там британские и французские власти, но уклончиво или отрицательно отвечавших на просьбы арабских националистов о конкретной помощи.

До 1937 г. Гитлер стремился к достижению союза с Великобританией, в соответствии с которым Германия бы гарантировала интересы и безопасность Британской империи во всем мире в обмен на британское одобрение экспансии Германии в Центральной и Восточной Европе [15. Р. 359].

Неудачи Гитлера в реализации этого курса ускорили формирование в конце 1930-х гг. германо-итальянского союза. Рассматривая экспансию в Европе в качестве основного приоритета, Гитлер легко пошел на признание Средиземноморья (и арабского мира) сферой влияния Италии: во время своего визита в Германию в сентябре 1937 г. Муссолини признал интересы Германии в Австрии и принял немецкую декларацию о поддержке итальянских интересов во всем Средиземноморском регионе [16. Р. 117].

Хотя Италия со второй половины 1930-х гг. направляла все больше ресурсов на подрывную деятельность на Ближнем Востоке, настоящий вызов британо-французскому доминированию в регионе страны «оси» смогли бросить только после начала Второй мировой войны (точнее – после разгрома Франции в июне 1940 г.).

После начала Второй мировой войны сторонники более активного курса Германии на Ближнем Востоке могли с большим основанием полагать, что их доводы будут услышаны и приняты. Одним из первых о необходимости подорвать британские позиции на Ближнем Востоке заявил Макс фон Оппенгейм – ориенталист и бывший германский дипломат, давно не служивший в МИДе, но по-прежнему имевший репутацию одного из лучших экспертов по Ближнему Востоку и сохранявший связи как среди немецких дипломатов, так и среди арабских националистов. В октябре 1914 г. Оппенгейм предложил план «революционизации исламских областей» противников Германской империи – документ, фактически легший в основу стратегии Германской империи в «мусульманском мире» в годы Первой мировой войны.

Оппенгейм остался верен себе – в 1940 г. он выступил со сходной идеей, предусматривавшей «революционизацию» Ближнего Востока, целью которой было бы «уничтожение британского господства» в регионе [17. С. 1].

Центральное место в своих замыслах Оппенгейм отводил Сирии, называя ее «единственной страной, опираясь на которую можно вести в настоящее время нашу борьбу против Англии» [Ibid.].

Оппенгейм считал необходимым отправить в Сирию «так быстро, насколько это возможно прежнего посла в Багдаде доктора Гроббу»⁶ [Ibid.]. Одного этого достаточно было, полагал Оппенгейм, чтобы стимулировать борьбу арабских стран против Британии. «Гробба там известен как опаснейший противник Англии, – писал Оппенгейм, – его имя будет действовать там как программа, его появление и его работа в Дамаске станут призывом к борьбе не только для Сирии, но и для всех арабских стран» [Ibid. С. 2]. Оппенгейм уже много лет не находился на государственной службе, однако взгляды, которые он выражал в своей записке (о симпатиях к Германии в арабском мире и готовности арабов выступить при первой возможности против Великобритании) были широко распространены среди действующих немецких дипломатов, занимавшихся Ближним Востоком.

Отмечая, что Ирак хочет аннексировать Сирию и что Ибн Сауд этому объединению всеми способами препятствует, Оппенгейм формулировал свое видение будущего Сирии: «Простым решением было бы на сооружаемый сирийский трон посадить сына Ибн Сауда. О прямой аннексии Сирии Саудовской Аравией из религиозных соображений не может идти речи, так как господствующий в Саудовской Аравии фанатичный ваххабизм неприемлем для Сирии. Саудовскому принцу необходимо будет при управлении Сирией отказаться от его религиозного учения» [Ibid. С. 3–4].

Оппенгейм, как и Фриц Гробба, считал, что позиция Саудовской Аравии будет иметь важное (если не определяющее) значение в исходе борьбы с Великобританией за Ближний Восток, и поэтому он предлагал дать обещание Ибн Сауду в отношении части (или даже всей) территории Трансиордании и решить благоприятным для Ибн Сауда образом спор о «Великой Сирии». Однако в отличие от Гроббы, который акцентировал внимание на особой роли Саудовской Аравии в мусульманском мире, Оппенгейм рассматривал религиозный фактор скорее, как препятствие для экспансии последней.

В проекте Оппенгейма, с одной стороны, выражалась идея возвращения к границам «исторической Сирии» (в частности, он писал, что «Ливан, как до Первой мировой войны, снова вошел бы в Сирию как район с собственным управлением»), с другой – выдвигалась идея союзного государства, границы которого были бы гораздо шире границ «Великой Сирии» («После достижения мира и победоносного завершения борьбы против Англии, – писал он, – возникло бы союзное государство упомянутых арабских стран Передней Азии, в котором были бы представлены Йемен и ма-

лые государства аравийского полуострова, такие как Оман, Йемен, Кувейт и т.д. »). [17. S. 4].

Оппенгейм, изложивший в записке свое видение «нового порядка» в арабском мире, понимал, что эта проблема еще будет рассматриваться и решаться в будущем (как он полагал – в ближайшем). В этой связи он хотел, чтобы Гробба взял с собой в Сирию известного сирийского националиста Шакиба Арслана, «чтобы с ним обсудить новый государственный порядок в арабском мире и особенно в Сирии» [Ibid.].

Оппенгейм направил свою записку в МИД 25 июля 1940 г. – через месяц после разгрома немецкими войсками французских вооруженных сил и капитуляции Франции. Выведение из войны Франции имело множество последствий для участников глобального конфликта, одно из них – изменение военно-политической ситуации в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Хотя условия франко-германского перемирия предусматривали, что в статус мандатных территорий Франции не будет внесено каких-либо изменений и «Франция будет продолжать свою миссию в Леванте» [19. С. 57], в Берлине и Риме активно разрабатывались планы, предусматривавшие использование территории Сирии и Ливана как плацдарма для борьбы с Великобританией на Ближнем Востоке. Параллельно обсуждался вопрос о переустройстве политического пространства в Леванте.

Итальянская комиссия по перемирию прибыла в Бейрут спустя месяц после подписания перемирия с Францией. За ней вскоре последовали различные немецкие агенты и служащие, которые в основном занимались пропагандой, играя на арабских надеждах и страхах, среди прочего, относительно Палестины и Александретты⁷. Французское поражение и арабский опыт британской и французской политики с 1918 г. делали немецкую пропаганду успешной у части арабских националистов [20. Р. 366].

Немецкие дипломаты исходили из того, что Германия может обещать арабам не только возможность создания объединенного государства, но и решение «еврейского вопроса» на Ближнем Востоке. Сотрудник политического отдела МИДа В. Мельхерс в своей записке от 9 декабря 1940 г. в сверхоптимистическом ключе описывал эффект от подобных обещаний: «В целом обещание приемлемого для них решения еврейского вопроса может быть дано арабскому миру. Намек на возможности формирования Большого сирийского государства, вероятно, вызовет у Британии большие трудности в Палестине... Осуществление только некоторых из этих предложений вызвало бы во всем арабском мире (вероятно, также в Северной Африке) значительное движение и, вероятно, лишило бы возможности действовать Англию так же, как и де Голля» [21. S. 692]. В то же время Мельхерс призывал к изучению ситуации на месте и к консультации с союзниками – итальянцами и арабами.

Несмотря на ожидаемый эффект от планируемых пропагандистских акций, Мельхерс был крайне осторожен в своих формулировках. У этой осторожности было много причин, лежавших как в сфере политической целесообразности, так и в сфере идеологии.

Немецкий посол в вишистской Франции Отто Абетц в своей телеграмме от 28 февраля 1941 г. называл некоторые из них: «Раскрытие тайных немецких обещаний арабским государствам относительно помощи в создании Великой арабской империи, несомненно, придавало бы решающий импульс голлистскому движению, которое очень сильно в Сирии, и будет восприниматься французским правительством как противоречащее соглашению о прекращении огня» [22. S. 155]. Признавая, что обнародование планов создания в какой-либо форме объединенного арабского государства может стать мощным инструментом политического влияния, Мельхерс и Абетц диаметрально противоположно оценивали последствия подобного шага.

В документах, затрагивавших вопрос о будущих «политических конструкциях» на Ближнем Востоке, встречались разные названия этих «конструкций», два из которых – «Великая Сирия» и «Великая арабская империя» – пересекались, но, как правило, не совпадали. «Великая Сирия» могла рассматриваться как ядро будущей «Великой арабской империи», как одна из ее частей и как альтернативный ей проект. Упомянутый уже Абетц предлагал в этом вопросе ограничиться «конфиденциальной гарантией» арабским партнерам. «Если этой гарантии будет недостаточно, – писал он, – можно было бы первоначально поддержать формирование федерации шести арабских государств, в которой три подмандатных государства – Сирия, Трансиордания, Палестина – могли бы иметь особый статус» [Ibid.]. Стремясь найти формулу, которую можно было бы представить арабским националистам, не вызвав одновременно отрицательной реакции других акторов, Абетц предлагал промежуточный вариант, в котором единое арабское государство совмещалось с сохранением системы мандатов. Поиск такой формулы станет в это время одной из главных забот немецких дипломатов.

Сотрудники германского МИДа, рассуждавшие о политических преобразованиях в регионе, вынуждены были учитывать не только признаваемый Германией приоритет Италии в арабских делах, но и, как они неоднократно подчеркивали, сдержанное отношение Италии к созданию «Великой арабской империи». Вместе с тем, хотя Италия в своей политике на Ближнем Востоке с гораздо большей осторожностью подходила к вопросу о создании единого арабского государства, чем ее союзник по «оси», в итальянской пропаганде, направленной на регион, содержались призывы к пересмотру существующих в нем политических образований. Итальянцы распространяли листовки в поддержку «большой Палестины». А 30 июня 1940 г., сразу после падения Франции, они объявили по радио Бари о своем видении создания большого сирийского государства [2. Р. 96].

В 1941 г. происходило нарастание пропагандистской, разведывательной и военно-политической активности Германии в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Высадка африканского корпуса Роммеля в Ливии в феврале, оккупация Греции и Югославии в апреле, антибританское восстание в Ираке, поддержанное Германией, и захват острова Крит, произо-

шедшие в мае 1941 г., с одной стороны, создали новые возможности для действий Третьего рейха в арабском мире, с другой – ставили перед ним новые задачи. Среди них – поиск более эффективных способов пропаганды, в которой нужно было найти оптимальное сочетание исламской риторики и риторики арабского национализма.

Дилемма выбора и вместе с тем признание приоритета национализма перед исламом просматривается в записке, имевшей характер программного документа, руководителя политического отдела германского МИДа Эрнста Воерманна от 7 марта 1941 г.: «Исламская мысль (“Священная война”), – писал Воерманн, – при современном соотношении сил неприменима. Арабизм и ислам не совпадают. Приобщаемые к нашей игре арабы борются не за религиозные, а за политические цели. Однако вопросы, связанные с исламом, требуют тактичного обращения» [22. S. 194].

За этой обязательной для министерства иностранных дел позицией, как отмечал немецкий исследователь Герхард Хепп, которая явно признавала приоритетным поиск «партнеров» среди национальных или националистических движений в Северной Африке и на Ближнем Востоке, безусловно, скрывался провальный опыт исламской политики Германской империи во время Первой мировой войны, который передавался также вследствие персональной преемственности в ведомстве [23. S. 440]. Тем не менее и после указания Воерманна вопрос о политическом и военном значении ислама и «мусульманского мира» продолжал обсуждаться – не только дипломатами, но и людьми, к голосу которых могли прислушаться в МИДе⁸.

Осенью 1941 г. в МИД поступил двухстраничный документ, автором которого был Ласло Алмаши – исследователь пустыни, ориенталист и с 1941 г. – офицер африканского корпуса Эрвина Роммеля. В ней автор изложил свою стратегию использования ислама для достижения немецких военных целей на Ближнем Востоке. В этом документе ислам и арабский национализм не противопоставлялись друг другу; напротив, в нем заметно стремление соединить их в проекте «Великой Сирии» и в лице иерусалимского муфтия Мухаммада Амина аль-Хусейни, которой должен был стать халифом и главой «великосирийского государства»⁹.

Анализируемый документ – его стилистика, язык и выражаемые в нем представления о «мусульманском мире» и его значении в противостоянии противникам Германии – не просто напоминал «план Оппенгейма», предложенный в октябре 1914 г. Вильгельму II, но фактически в основных чертах воспроизводил его.

«У Германии мало внутренних связей с исламом. Британия, напротив, имеет разнообразные внутренние связи с миром ислама» [25. S. 1], – утверждалось в документе. Значимость «внутренних связей» с исламом раскрывалась в следующем пассаже: «Если чувство солидарности между Германией и исламом возникло бы, и в результате 250 миллионов мусульман проявили бы внимание и сочувствие к Германии, то таким образом получилось бы вызвать у Англии массовый психоз с катастрофическими последствиями... следовательно,

Англия вынуждена будет пойти на заключение скорейшего мира» [Ibid.].

Халифат, как и Османская империя, перестал существовать после Первой мировой войны, однако в анализируемой записке 1941 г. именно возрождение халифата рассматривалось как способ, с помощью которого Германия могла бы создать «глубокую связь» с исламом, а муфтий аль-Хусейни характеризовался как наиболее подходящая фигура на роль халифа.

Прибытие муфтия и его переговоры с Гитлером открывали новые возможности для немецкой пропаганды на Ближнем Востоке. «Весь ислам пришел бы в огромное движение, – писал Алмаши, – при приеме великого муфтия фюрером, торжественном заявлении о гарантии для объединенной Большой Сирии с признанием великого муфтия духовным лидером, а также посредством пропаганды, ссылающейся на необходимость халифата и обращения великого муфтия по радио к арабскому миру» [Ibid. S. 2]. В конце записки содержался призыв «...сооружать не панарабское, а великосирийское государство, чтобы проложить путь к решению вопроса о халифате и тем самым помочь исламу настоящему бескорыстным способом» [Ibid.].

Автор документа обращался к целому комплексу проблем, находившихся в орбите ближневосточной политики Третьего рейха, правда, если одни из них (о декларации, гарантирующей независимость арабских стран¹⁰, о едином арабском государстве, о политике в отношении ислама, об арабских лидерах, на которых следует сделать главную ставку) находились в центре внимания немецких дипломатов, то другие – в частности «проблема халифата», скорее – на периферии их внимания. В той упрощенной и искаженной реальности, которую рисовал в своем воображении Алмаши, продвижение халифатистского проекта, безусловно, рассматривалось как многообещающее с точки зрения пропаганды мероприятие, с другой стороны, подобный проект плохо соотносился с идеей о необходимости дозированного и избирательного обращения к исламу и мог быть негативно воспринят как союзниками Третьего рейха (Италией, вишистской Францией), так и странами, рассматривавшимися им как важные партнеры (Турция, Саудовская Аравия). К тому же аль-Хусейни, являвшийся известным арабским националистом, не был и не мог быть общепризнанным лидером арабского мира.

Неслучайно позднее, через год после появления анализируемого выше документа, Штеффен, сотрудник «штаба Гроббы» в МИДе, в своей записке от 9 ноября 1942 г. пришел к заключению, что «вопрос о восстановлении халифата больше не является актуальным...» [23. S. 444].

Необходимость учитывать позиции Италии, вишистской Франции, нейтральной Турции и других акторов заставляла немецкое руководство придерживаться крайне осторожной линии в отношении любых политических проектов в арабском мире, в том числе и проекта «Великой Сирии».

Тем не менее поскольку, начиная с лета 1941 г., немецкое командование планировало прорыв на Ближний Восток одновременно по двум направлениям, эту

операцию нужно было сопроводить соответствующими пропагандистскими и политическими мероприятиями. Немецкий МИД снова возвращается к вопросу о «политической организации» арабского мира.

В начале 1942 г. Риббентроп поручил Фрицу Гроббе, «уполномоченному по арабским странам» в МИДе, подробно изложить линию МИДа в предстоящем «наступлении Германии в арабских странах» [26. С. 107]. В одном из разделов подготовленной Гроббой записки, датированной 7 февраля 1942 г., называвшемся «Новый порядок в арабских странах», немецкий дипломат сформулировал планируемые политические преобразования: «Ирак, Саудовская Аравия, Йемен и Египет останутся независимыми странами. Сирия, Ливан, Палестина и Трансиордания будут объединены в одно государство – «Великая Сирия». Ирак и Великая Сирия могут создать единую федерацию. Все перечисленные арабские страны будут объединены союзом или системой союзных договоров. Свержение хашимитских правителей в Багдаде и Аммане. Ирак получает Кувейт, Ибн Сауд – Маан и Акабу, а также контроль над Оманом, морским побережьем и, возможно, над Хадрамаутом и Бахрейнскими островами» [27. С. 187].

Интересно, что понятие «независимые» использовалось для описания Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Египта – государств, которые имели различную степень самоуправления перед войной, но не для Сирии, Ливана, Палестины и Трансиордании [16. Р. 207] – подмандатных территорий, находившихся до войны под прямым контролем Великобритании и Франции. В документе подтверждена линия, состоявшая в готовности немецкого МИДа поддержать территориальные притязания Ибн Сауда в отношении части территорий Трансиордании и небольших государств Аравийского полуострова, находившихся под контролем Великобритании. В этой же логике передела «британского наследства» на Ближнем Востоке планировалась передача Ираку Кувейта.

В записке заметно стремление Гроббы выстроить баланс между бывшим премьер-министром Ирака Рашидом Али аль-Гайлани и муфтием Амином аль-Хусейни (в том числе и в отношении «Великой Сирии»): «Гайлани будет министром-президентом (премьер-министром) и в данном случае – главой Ирака, но в вопросах Великой Сирии будет привлекаться как советник. Великий Муфтий будет представителем и, если на это согласятся ведущие сирийские вожди, главой правительства Великой Сирии» [27. С. 187]. Руководство германского МИДа и военные, в частности Фельми, руководитель «Особого штаба Ф», видели в остром соперничестве между аль-Хусейни и аль-Гайлани серьезную проблему, которая затрудняла сотрудничество с ними [18. С. 133]. Одновременно Гробба делал очередную попытку найти *modus vivendi* в отношениях Германии и Италии на Ближнем Востоке, в которых по-прежнему признаваемое «политическое главенство» Италии сочеталось бы с фактическим главенством Германии. Более того, Гробба допускал возможность участия Японии в решении арабских вопросов, «как только Япония выразит свое согласие на участие стран Оси в решении индийских вопросов» [27. С. 188].

Планы, предусматривавшие политические преобразования на Ближнем Востоке, появлявшиеся в контексте готовившегося наступления в регионе (и развивавшегося наступления в Северной Африке), становятся менее актуальными к осени 1942 г. (после поражений итало-немецких войск в сражениях под эль-Аламейном в июле и ноябре 1942 г. и на фоне тяжелых боев на Кавказе и под Сталинградом).

Уже в записке немецкого МИДа от 17 июля 1942 г., в которой излагались точки зрения на вопрос о «будущей организации арабского мира» (и на проблему единого арабского государства) двух ключевых арабских союзников Третьего рейха – аль-Хусейни и аль-Гайлани – отмечалось, что данный «вопрос не является в настоящее время таким острым, чтобы принимать по нему решение» [28. С. 5]. Также в записке высказывалась необходимость до вступления в переговоры с арабскими лидерами обсудить отдельные аспекты этой проблемы с итальянцами, и вместе с тем признавалась несвоевременность этого обсуждения: «Как известно, итальянцы до сих пор к общеарабским идеям относились с большой сдержанностью. Время для того, чтобы этот вопрос с Италией окончательно решить, кажется, еще не пришло» [Ibid.].

Таким образом, в этом документе фактически повторялась точка зрения на «организацию» арабского мира, которая была преобладающей в дипломатической переписке весной 1941 г. Отсутствие острой необходимости позволяло вернуться к неопределенной позиции относительно будущего арабского мира, форм политической организации региона, распределения власти и влияния в нем между Германией и Италией.

В подходах немецких дипломатов к проекту «Великой Сирии» проявились особенности, характерные для политического курса Третьего рейха в арабском мире в целом – масштаб замыслов и в то же время крайняя осторожность, ожидание быстрого и большого эффекта при сравнительно небольших усилиях. Немецкая пропаганда в регионе апеллировала к недавней истории, связанной для арабских стран не с обретением независимости после распада Османской империи, а с установлением колониального господства Великобритании и Франции в форме системы мандатов. Германии, увидевшей в годы войны в арабах «естественных союзников» в борьбе против Великобритании, следовало разработать и предложить привлекательный проект политической организации арабского мира, который предусматривал бы (или по крайней мере допускал) создание – в той или иной форме – объединенного арабского государства. Этот проект должен был представлять альтернативу той системе политического господства, которую создали в регионе Великобритания и Франция. Обращение к травматичному для арабского мира опыту колониализма и заявка на альтернативность, эксплуатация надежды и страха станут важными лейтмотивами немецкой пропаганды в регионе. Претензии на альтернативность, выражавшиеся в пропаганде, сочетались в немецких проектах со стремлением воспользоваться опытом британской колониальной политики в регионе. Немецкие дипломаты, называвшие эмира Трансиордании Абдаллу

«марионеткой Великобритании», тем не менее нередко признавали, что британцы, поддерживавшие (или даже инициировавшие) стремление Абдаллы к образованию «Великой Сирии», успешно продвигали свои интересы в регионе. И в случае с «Великой Сирией» задача формулировалась ими таким образом, чтобы, восприняв эту политическую конструкцию, поставить во главе нового государства не Абдаллу, а лидера, ориентированного на Германию. Впрочем, этот сценарий предполагался и для существовавших в регионе государств.

Немецкие дипломаты, формулировавшие и обсуждавшие разные варианты «нового порядка» в арабском мире, заходили в своем политическом воображении значительно дальше, чем в своей пропаганде и практических шагах. Одна из причин этого, заключалась в том, что если в годы Первой мировой войны Великобритания и Франция, стремившиеся к разделу арабских провинций Османской империи, вели борьбу и договаривались в основном друг с другом (в меньшей степени – с Российской империей, Великобритания также с шерифом Мекки Хусейном), то Германия в годы Второй мировой войны вынуждена была учитывать позиции и возможную реакцию значительно большего числа акторов. К началу Второй мировой войны все арабские государства находились в той или иной степени под влиянием или контролем европейских колониальных держав [16 Р. 1]. Уже одно это обстоятельство задавало рамки политики Третьего рейха в арабском мире, подтверждая в глазах немецких дипломатов и чиновников тезис о слабости, несамостоятельности и неустойчивости государств региона

и об условности их границ. Хотя вопрос о влиянии расовой идеологии на политику Германии в арабском мире нуждается в дополнительном изучении, известно, что приверженцы национал-социалистической идеологии полагали, что арабы не способны создать государство. Эта идея представляла собой доведенный до крайности европоцентристский тезис о неготовности различных неевропейских народов (в том числе арабов) к созданию собственной государственности, выдвинутый Великобританией и Францией после окончания Первой мировой войны для оправдания необходимости мандатной системы.

Несмотря на то, что немецкие дипломаты и военные предлагали разные варианты конструирования политического пространства в арабском мире, сходств в их взглядах гораздо больше, чем различий. Чаще всего это были не подробно разработанные планы, а, скорее, наброски, содержавшие сходный круг идей, выражавшихся в более или менее радикальной форме. Выстраиваемый ими нарратив предполагал существование факторов, умелое использование которых привело бы – почти с неизбежностью – к коллапсу Британской империи на Ближнем Востоке. Одни считали достаточным условием для этого активизацию Германии в арабском мире, другие – обращение к исламу (халифатистскому проекту), третьи – заявления о поддержке «Великой Сирии». Некоторые полагали, что успех Германии на Ближнем Востоке принесет выполнение всех перечисленных условий.

Примечания

¹ Соглашение Сайкс–Пико – секретное соглашение, достигнутое в 1916 г. британцами и французами, предусматривавшее раздел азиатской части османского государства и последующее превращение арабских вилайетов Османской империи в подмандатные территории Великобритании и Франции. Название получило по имени его разработчиков – английского политика сэра Марка Сайкса и французского дипломата Франсуа Жорж-Пико [3].

² Декларация Бальфура – письмо, переданное 2 ноября 1917 г. министром иностранных дел Великобритании Артуром Бальфуrom представителю британской еврейской общины лорду Уолтеру Ротшильду, в котором от имени британского правительства выражалось одобрение и готовность оказать содействие «созданию в Палестине национального дома для еврейского народа» [4].

³ Соглашение Мак-Магон–Хусейн – договоренность, достигнутая в ходе переписки шерифа Мекки Хусейна бен Али аль-Хашими с британским верховным комиссаром в Каире Генри Мак-Магоном, которая продолжалась с июля 1915 по январь 1916 г. В ходе нее Хусейну было обещано создание после окончания войны единого, независимого арабского государства (и определены его примерные границы). Более того, британское правительство обещало поддержать притязания шерифа Мекки на восстановление халифата и лидерство в арабском мире [6].

⁴ Разработанные в 1915–1916 гг. договоренности между Англией и Францией на самом деле еще не установили границ между формировавшимися в Машрике будущими подмандатными территориями / государствами, что было сделано позднее – на Парижской мирной конференции (18 января 1919 г. – 21 января 1920 г.), в Севрском договоре от 10 августа 1920 г., на конференциях в Сан-Ремо 19–26 апреля 1920 г. и в Лозанне (с перерывом 20 ноября 1922 г. – 24 июля 1923 г.) [3].

⁵ «Благодатный Полумесяц» («Плодородный полумесяц»; Fertile Crescent) – название дуги плодородных земель, обрамляющей Сирийскую пустыню с запада, севера и востока. Включает современные территории Ливана, Израиля, Сирии, Ирака, юго-востока Турции, юго-запада Ирана, северо-запада Иордании и Египта. Это определение впервые использовал американский ученый Дж.Г. Брэстед [8. С. 209].

⁶ Фриц Гробба (1886–1973) – немецкий государственный деятель и дипломат. С 1932 по 1939 г. был послом Германии в Ираке, во время британо-иракской войны в мае 1941 г. возглавлял германскую миссию в Багдаде и после ее завершения занимался иракским вопросом уже в Берлине. В германском МИД под его руководством был образован специальный отдел, «штаб Гроббы», куда были привлечены лучшие знатоки арабского мира. После прибытия в Берлин аль-Хусейни и аль-Гайлани Гробба стал советником при них. В конце декабря 1942 г. Гробба был отстранен от дипломатической работы и переведен на работу в архивную комиссию в Париж [18. С. 103–104].

⁷ 23 июня 1939 г. между Францией и Турцией было подписано соглашение, по которому Александреттский санджак полностью передавался Турции. С территории санджака были выведены находившиеся там французские войска. Санджак стал официальным шестым вилайетом Турции. Естественно, это решение французских властей вызвало взрыв недовольства и демонстрации протеста в Сирии [19. С. 55].

⁸ В разгар военных действий в 1941–1942 гг., когда немецкие войска заняли населенные мусульманами территории на Балканах, в Северной Африке, в Крыму и на Кавказе и приближались к Ближнему Востоку и Центральной Азии, Берлин стал рассматривать ислам в качестве политически значимого фактора. Нацистская Германия предприняла серьезные усилия для продвижения союза с «мусульманским миром» против их предполагаемых общих врагов – Британской империи, Советского Союза, Америки и евреев [24].

⁹ После поражения в мае 1941 г. антибританского восстания в Ираке аль-Хусейни удалось бежать в Иран. В октябре 1941 г. он был доставлен в Италию, где провел переговоры с Муссолини и Чиано, а в затем отправился в Берлин и 28 ноября встретился с Гитлером. Вероятно, упомянутый документ был направлен в МИД вскоре после прибытия муфтия в Италию.

¹⁰ Данные вопросы были предметом постоянных обсуждений, политических споров и интриг, в которых участвовали немецкие и итальянские дипломаты и политики, а также арабские националисты, сотрудничавшие со странами «оси». Иерусалимский муфтий аль-Хусейни, бывший

премьер-министр Ирака аль-Гайлани и другие арабские лидеры ставили свое сотрудничество со странами «оси» в прямую зависимость от провозглашения Берлином и Римом декларации о независимости и признания за арабскими государствами права на создание единого государства.

Список источников

1. Наумкин В. Компьютерные джихадисты Ближнего Востока. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kompyuternye-dzhikhadisty-blizhnego-vostoka/> (дата обращения: 16.04. 2018).
2. Pipes D. *Greater Syria: the History of an Ambition*. New York : Oxford University Press, 1992. 240 p.
3. Наумкин В. Нужно ли присоединять Россию к соглашению Сайкса-Пико? URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nuzhno-li-prisoedinyat-rossiyu-k-soglasheniyu-sayksa-piko/> (дата обращения: 16.04. 2018).
4. The Balfour Declaration. November 2, 1917. URL: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/the%20balfour%20declaration.aspx> (accessed: 16.04. 2018)
5. Barr J. *A Line in the Sand. Britain, France and the Struggle that shaped the Middle-East*. London : Simon & Schuster, 2011. 464 p.
6. Letters between Hussein Ibn Ali and Sir Henry McMahon. URL: https://www.lib.byu.edu/index.php/Letters_between_Hussein_Ibn_Ali_and_Sir_Henry_McMahon (accessed: 16.04. 2018)
7. Остерхаммель Ю. Трансформация мира: история XIX века. Главы из книги // *Ab Imperio*. 2011. № 3. С. 21–140.
8. Алимова А.Н. Антун Сааде и идеология пансирианизма // *Ислам в современном мире*. 2018. № 14 (1). С. 209–222.
9. Bosworth C.E. *Al-Sham // Encyclopaedia of Islam* : 12 vols. / ed. by C.E. Bosworth, E. Van Donzel, W.P. Heinrichs, G. Lecomte et al. Leiden : E.J. Brill, 1995. Vol. VIII: Ned-Sam. P. 261–281.
10. Masalha N. Faisal's Pan-Arabism, 1921–33 // *Middle Eastern Studies*. 1991. Vol. 27 (4). P. 679–693.
11. Motadel D. The Muslim world in the Second World War // *The Cambridge History of the Second World War* / R. Bosworth, J.A. Maiolo (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 605–626.
12. Arielli N. *Fascist Italy and the Middle East, 1933–40*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010. 257 p.
13. Mauro P. *Politica islamica e propaganda fascista in Siria e Libano (1932–1940)* : Doctoral Thesis. Universita' degli Studi di Cagliari, 2012. 329 p.
14. Dieterich R. Germany's Relations with Iraq and Transjordan from the Weimar Republic to the End of the Second World War // *Middle Eastern Studies*. 2005. Vol. 41 (4). P. 463–479.
15. Nicosia F.R. Arab Nationalism and National Socialist Germany, 1933–1939 Ideological and Strategic Incompatibility // *The International Journal of Middle East Studies*. 1980. Vol. 12. P. 351–372.
16. Nicosia F.R. *Nazi Germany and the Arab World*. New York : Cambridge University Press, 2015. 301 p.
17. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. Фю 14882.
18. Шерстюков С.А. «Арабский вопрос» во внешней политике Третьего рейха / под науч. ред. О.Ю. Курныкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 146 с.
19. Пир-Будагова Э.П. История Сирии. XX век / Ин-т востоковедения РАН. М. : ИВ РАН, 2015. 392 с.
20. Tibawi A.L. *A Modern History of Syria (Including Lebanon and Palestine)*. Macmillan : St Martin's Press, 1969. 441 p.
21. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. (ADAP). Serie D: 1937–1945. [S.l.], 1964. Bd. 11. S. 2.
22. ADAP. Serie D: 1937–1945. Frankfurt a. M., 1963. Bd. 12. S. 1.
23. Höpp G. Der Koran als «Geheime Reichssache». Bruchstücke deutscher Islampolitik zwischen 1938 und 1945 // *Gnosisforschung und Religionsgeschichte* : Festschrift für Kurt Rudolph zum 65. Geburtstag / Hrsg. H. Preißler, H. Seiwert. Marburg : Diagonal-Verlag, 1994. S. 435–446.
24. Hitler's Muslim stop-gaps. Interview with historian David Motadel. URL: <https://en.qantara.de/content/interview-with-historian-david-motadel-hitlers-muslim-stop-gaps> (accessed: 16.04. 2018)
25. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. Nr. 611174.
26. Eichholtz D. *Krieg um Öl. Ein Erdölimperium als deutsches Kriegsziel 1938–1943*. Leipzig : Leipziger Universitätsverlag, 2006. 141 S.
27. Тайны дипломатии Третьего рейха: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену : документы из следственных дел, 1944–1955 / отв. ред. В.С. Христофоров; вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М. : МФД, 2011. 880 с.
28. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. F. 13300.

References

1. Naumkin, V. (n.d.) *Kompyuternye dzhikhadisty Blizhnego Vostoka* [Computer jihadists of the Middle East]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kompyuternye-dzhikhadisty-blizhnego-vostoka/> (Accessed: 16th April 2018).
2. Pipes, D. (1992) *Greater Syria: the History of an Ambition*. New York: Oxford University Press.
3. Naumkin, V. (n.d.) *Nuzhno li prisoedinyat' Rossiyu k soglasheniyu Sayksa-Piko?* [Should Russia join the Sykes-Picot agreement?]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nuzhno-li-prisoedinyat-rossiyu-k-soglasheniyu-sayksa-piko/> (Accessed: 16th April 2018).
4. Israel. (n.d.) *The Balfour Declaration. November 2, 1917*. [Online] Available from: <http://www.mfa.gov.il/mfa/foreignpolicy/peace/guide/pages/the%20balfour%20declaration.aspx> (Accessed: 16th April 2018).
5. Barr, J. (2011) *A Line in the Sand. Britain, France and the Struggle that shaped the Middle-East*. London: Simon & Schuster.
6. Ibn Ali, H. & McMahon, H. (1976) Letters between Hussein Ibn Ali and Sir Henry McMahon. In: Laqueur, W. (ed.) *The Israel-Arab Reader*. 3rd ed. Bantam Books. [Online] Available from: https://www.lib.byu.edu/index.php/Letters_between_Hussein_Ibn_Ali_and_Sir_Henry_McMahon (Accessed: 16th April 2018).
7. Osterhammel, J. (2011) Transformatsiya mira: istoriya XIX veka. Glavy iz knigi [Transformation of the world: the history of the 19th century]. *Ab Imperio*. 3. pp. 21–140.
8. Alimova, A.N. (2018) Antun Saade i ideologiya pansirianizma [Antun Saade and the Ideology of Pan-Sirianism]. *Islam v sovremennom mire*. 14(1). pp. 209–222.
9. Bosworth, C.E. (1995) Al-Sham. In: Bosworth, C.E., Van Donzel, E., Heinrichs, W.P., Lecomte, G. et al. (eds) *Encyclopaedia of Islam: 12 vols*. Vol. 8. Leiden: E.J. Brill. pp. 261–281.
10. Masalha, N. (1991) Faisal's Pan-Arabism, 1921–33. *Middle Eastern Studies*. 27(4). pp. 679–693.
11. Motadel, D. (2015) The Muslim world in the Second World War. In: Bosworth, R. & Maiolo, J.A. (eds) *The Cambridge History of the Second World War*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 605–626.
12. Arielli, N. (2010) *Fascist Italy and the Middle East, 1933–40*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
13. Mauro, P. (2012) *Politica islamica e propaganda fascista in Siria e Libano (1932–1940)*. Doctoral Thesis. Universita' degli Studi di Cagliari.

14. Dieterich, R. (2005) Germany's Relations with Iraq and Transjordan from the Weimar Republic to the End of the Second World War. *Middle Eastern Studies*. 41(4). pp. 463–479.
15. Nicosia, F.R. (1980) Arab Nationalism and National Socialist Germany, 1933–1939 Ideological and Strategic Incompatibility. *The International Journal of Middle East Studies*. 12. pp. 351–372.
16. Nicosia, F.R. (2015) *Nazi Germany and the Arab World*. New York: Cambridge University Press.
17. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. Fy 14882.
18. Sherstyukov, S.A. (2014) *“Arabskiy vopros” vo vneshney politike Tre'tego reykh* [“The Arab question” in the foreign policy of the Third Reich]. Barnaul: Altai State University.
19. Pir-Budagova, E.P. (2015) *Istoriya Sirii. XX vek* [History of Syria. The 20th century]. Moscow: RAS.
20. Tibawi, A.L. (1969) *A Modern History of Syria (Including Lebanon and Palestine)*. Macmillan: St Martin's Press.
21. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (ADAP). Serie D: 1937–1945. [S.l.], 1964. Bd. 11. p. 2.
22. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945 (ADAP). Serie D: 1937–1945. 1963. Bd. 12. p. 1.
23. Höpp, G. (1994) Der Koran als Geheime Reichssache. Bruchstücke deutscher Islampolitik zwischen 1938 und 1945. In: Preißler, H. & Seiwert, H. (eds) *Gnosisforschung und Religionsgeschichte: Festschrift für Kurt Rudolph zum 65. Geburtstag*. Marburg : Diagonal-Verlag. pp. 435–446.
24. Motadel, D. (2017) *Hitler's Muslim stop-gaps. Interview with historian David Motadel*. [Online] Available from: <https://en.qantara.de/content/interview-with-historian-david-motadel-hitlers-muslim-stop-gaps> (Accessed: 16th April 2018).
25. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. Nr. 611174.
26. Eichholtz, D. (2006) *Krieg um Öl. Ein Erdölimperium als deutsches Kriegsziel 1938–1943*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.
27. Khristoforov, V.S. (2011) *Tayny diplomatii Tre'tego reykh: germanskii diplomaty, rukovoditeli zarubezhnykh voennykh missiy, voennye i politseyskie attache v sovetskom plenu: dokumenty iz sledstvennykh del, 1944–1955* [Secrets of diplomacy of the Third Reich: German diplomats, heads of foreign military missions, military and police attaches in Soviet captivity: documents from investigative files, 1944–1955]. Moscow: MFD.
28. Bundesarchiv. Potsdam. Auswärtiges Amt. F. 13300.

Сведения об авторе:

Шерстюков Сергей Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: ssherstyukov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sherstyukov Sergey A. – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, International Laboratory for World Order Studies and the New Regionalism, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: ssherstyukov@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2018; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 21.04.2018; accepted for publication 05.07.2022

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Научная статья

УДК 93/94 (093)

doi: 10.17223/19988613/78/17

***Шу'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб и тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб* абу Хамида ал-Гарнати как источники по истории и религиозной практики народов Дагестана в XII в.: сравнительный анализ**

Магомед Андалавмагомедович Гизбулаев

Независимый исследователь, Кудали, Гунибский район, Дагестан, Россия, awariyav@gmail.com

Аннотация. Приводятся новые сведения по истории Дагестана XII в. на основе перевода, комментирования и сравнительного анализа выдержек из сочинений ал-Гарнати (ум. 1170) *Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб* и *Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб*, относящихся к истории народов Кавказа. Также выполнено сопоставление отрывков о Восточном Кавказе из указанных сочинений ал-Гарнати в переводе О.Г. Большакова, чтобы выяснить, содержат ли они интерпретационные недостатки.

Ключевые слова: средневековый Дагестан, *Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб*, *Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб*, ал-Гарнати, источниковедение

Для цитирования: Гизбулаев М.А. *Шу'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб и тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб* абу Хамида ал-Гарнати как источники по истории и религиозной практики народов Дагестана в XII в.: сравнительный анализ // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 135–142. doi: 10.17223/19988613/78/17

Original article

***Al-mu'rib 'an ba'd ayd'ib al-Maghrib and tuhfah al-albab wa nukhbat al-a'jhab* by abu Hamid al-Gharnati as sources on the history and religious practice of Dagestani people in the 12th century: comparative analysis**

Magomed A. Gizbulaev

Independent Scholar, Kudali, Gunib district, Dagestan, Russian Federation, awariyav@gmail.com

Abstract. This paper provides new information on the 12th century history of Dagestan on the basis of translation, commentary and comparative analysis of excerpts in relation to the history of Caucasian people from the works of *Abu Hamid al-Gharnati* (d. 1170) – *an Andalusian traveller from Granada who travelled around eastern and central Europe* – *al-Mu'rib 'an ba'd ayd'ib al-Maghrib* (“Clear Exhibition of Some Wonders of the West”) *المعرب عن بعض عجائب المغرب* and *Tuhfat al-albab wa nukhbat al-a'jhab* (“Gift of Secrets and Selection of Wonders”) *تحفة الألباب ونخبة الإعجاب*. His travel observations and impressions, including through the medieval Dagestani polities, formed the basis of the given works in Arabic which are related to cosmography and descriptive geography genre. From al-Gharnati we learn a lot about spectacular places and things in Dagestan, particularly, reports on the Derbent ruler in the 12th century, Zoroastrian funeral ritual practiced in Zerekheran, the Muslim educational and social work in Lakzan, moreover, his reports which are confirmed by the data of other Arab geographers show the accuracy of his historical geography description and travel observation of the eastern Caucasus. It's noteworthy that *Mu'rib* adds relatively little to the material of *Tuhfat al-albab*, but the comparison of both texts turns out to be very useful for the mutual verification and comprehension, particularly, the reports from both sources on Derbent and two islands in the Caspian Sea are overlapping. As for the information about

Dagestan given by al-Gharnati so it's largely original. The paper discusses the main aspects of life and scholarly activities of al-Gharnati who was an expert in Islamic law and Arabic historiography. It also compared O.G. Bolshakov's translation of passages from al-Gharnati's works on the eastern Caucasus to find out whether his version contains interpretative flaws. Both works of al-Gharnati can be considered as a useful guide not only on historical and geographical issues, but also to the same extent on religion, culture, ethnology, folklore, especially those reports associated with Eastern Europe, including the North Caucasus, in particular, Dagestan. Moreover, I compared some reports on Dagestan from *Muruj az-zahab* of al-Mas'udi, *Kitab Al-Futuh* of al-Kufi, and al-Gharnati's works in order to find out whether the origin of the material is the same. The results of this research can further source study in writing the medieval history of eastern Caucasus.

Keywords: medieval Dagestan, *Al-Mu'rib 'an ba'd ayd'ib al-Maghrib*, *Tuhfat al-albab wa nukhbat al-a'jhab*, al-Gharnati, source study

For citation: Gizbulaev, M.A. (2022) *Al-mu'rib 'an ba'd ayd'ib al-Maghrib* and *tuhfat al-albab wa nukhbat al-a'jhab* by abu Hamid al-Gharnati as sources on the history and religious practice of Dagestani people in the 12th century: comparative analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 135–142. doi: 10.17223/19988613/78/17

Для народов Кавказа сочинения на арабском языке являются источниками знаний в области социально-культурной, этнорелигиозной, и политико-экономической истории. Фрагментарность извлечений из арабских источников не дает возможности исследователям обстоятельно изучить, в частности, средневековую историю народов Дагестана. Данная статья написана с целью освещения новых сведений по истории Дагестана XII в. на основе перевода, комментирования и сопоставительного анализа выдержек из сочинений Абу Хамида ал-Гарнати *Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб* («Ясное изложение некоторых чудес Магриба») *المغرب عن بعض عجائب المغرب* и *Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб* («Подарок умам и выборка из чудес») *تحفة الألباب ونخبة الإعجاب*, относящихся к истории Кавказа, для их взаимопроверки и осмысления, а также сравнительного анализа существующего перевода отрывков о Восточном Кавказе из сочинений ал-Гарнати, выполненного О.Г. Большаковым в 1971 г., который содержит интерпретационные ошибки: в частности, некоторые фрагменты из арабских текстов ал-Гарнати отсутствуют.

В классической арабской географической литературе прослеживаются несколько основных жанров: астрономо-математический, описательный и энциклопедический. В XII в. эта литература продолжает свое развитие в смешанном стиле, известном нам как жанр космографии и описательной географии.

В 1130 г. через г. Дербент и другие политические образования Кавказа по пути в Саксин, город в низовьях Волги, путешествовал андалузский ученый-правовед, географ Абу Хамид Мухаммад б. Абдурахим б. Сулайман б. Раби ал-Кайси б. Гайлан б. ал-Басир б. Рида Абу Тураб. Он родился в 1080 г. в Гренаде (отсюда – *нисба* ал-Гарнати), где и получил первоначальные знания. Чтобы продолжить дальнейшее образование, наш автор, подобно многим своим соотечественникам, покинул Пиренейский полуостров и прибыл в Александрию в 511 г.х. / 1117, а в следующем году переехал в Каир, откуда через год отправился в Багдад, где прожил четыре года. После Сицилии, Александрии, Каира, Дамаска и Багдада он много путешествовал, побывал во многих странах Кавказа, Восточной Европы и Средней Азии, за исключением Индии и Китая. Его наблюдения и впечатления от этих путешествий

легли в основу произведений, известных под названиями *Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб* и *Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб* [1. С. 299].

Трудно сказать, что побудило ал-Гарнати двинуться в этот дальний путь. О.Г. Большаков считает, что «Абу Хамид полон энергии и миссионерского пыла – всюду он наставляет местных мусульман, не искушенных в тонкостях вероисповедания и мусульманского права. В Дербенте его принимает эмир, которому он преподает уроки мусульманского права, в Саксине у него собираются местные правоведы, к нему приходят за разрешением трудных случаев. Саксин на 20 лет стал домом ал-Гарнати. Оттуда он совершал поездки в Булгар (1135–1136), где пробыл по крайней мере зиму и лето, и дважды побывал в Хорезме» [2. С. 7]. С 1150 по 1153 г. ал-Гарнати прожил в Венгрии, где пользовался влиянием на местных мусульман. Об этом говорит тот факт, что сам король Венгрии согласился на его отъезд для паломничества в Мекку лишь при условии его возвращения обратно, в залог этого пришлось оставить старшего сына Хамида. Но из Мекки он не поехал ни в Венгрию, ни в Саксин, где оставалась часть его семьи, а вернулся в Багдад. Оттуда, окончив *Тухфат ал-албаб*, ал-Гарнати переехал в Сирию, где и скончался в 1170 г. [Там же]

Списки сочинений ал-Гарнати *Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб* и *Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб* находятся в библиотеках разных стран. Первое сочинение посвящено прикладной астрономии, ориентации мечетей, хронологии различных народов, описанию чудес и диковинок Магриба, Александрии и Каира. Содержание второго в значительной мере повторяло первое, но композиция сильно изменилась. Перед нами воспоминания о путешествии, изложенные более или менее последовательно: Сицилия, Мальта, Александрия, Каир, Аскалон, Дамаск, Ардебиль, Муган, Баку, Дербент Саксин и др. История изучения этих сочинений достаточно подробно изложена в работе О.Г. Большакова «Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати», что избавляет нас от необходимости подробно останавливаться на этом.

Сочинение *Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб* нам известно переводом Б. Дорна на немецкий язык ряда отрывков, посвященных Прикаспию и Поволжью [3. Р. 695–696]. Затем В.В. Бартольд опубликовал из

него отрывок текста о кубачинцах [4. С. 121]. В 1925 г. появилось критическое издание Г. Феррана указанного сочинения ал-Гарнати, в основу которого он положил одну из пяти рукописей Национальной библиотеки в Париже [5]. В 1953 С. Дублер опубликовал часть обнаруженной им в Мадриде рукописи ал-Гарнати *ал-Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб*, которая до того была известна только по упоминанию у библиографа XVII в. Хаджи Халифы [6]. На следующий год появилась статья И. Хрбека, в которой он знакомил чешских читателей с содержанием нового сочинения, привел перевод наиболее интересных мест и предложил ряд поправок к чтению С. Дублера [7. Р. 166]. В СССР первая статья, посвященная этому сочинению, появилась только в 1959 г. и принадлежала А.Л. Монгайту [8]. Некоторые отрывки из *Му'риба* были переведены Б.Н. Захером [9. С. 66–67].

Для выделения сведений о Дагестане в исследовании использовались *Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб* [5], *ал-Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб* [10], а также перевод О.Г. Большакова некоторых фрагментов текста ал-Гарнати [2].

Сочинение *Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-а'джаб* распадается на четыре неравных по величине и достоинству главы: 1) описание мира и его обитателей из людей и джиннов; 2) описание чудес стран и необычайных построек; 3) описание людей и диких животных в них; 4) описание пещеры и могил.

Что касается нашего исследования, существует сообщение в *Тухфат ал-албаб*, где содержится описание дагестанского Дербента. Ал-Гарнати везде пишет название этого города через «д», но мы в соответствии с современным написанием пишем Дербент:

«В стране [в данном случае как собирательное название региона] Дербент – Баб мин ал-Абваб¹ – есть народность, которую называют табасаранцы (в тексте табарсалан), у них 24 *рустака* [сельские поселения], в каждом *рустаке* имеется большой военачальник *серханк* سرھانك, подобный эмиру. Они – мусульмане, принявшие ислам во времена Масламы б. 'Абдулмалика (ум. 738)², когда Хишам б. 'Абдулмалик [Омейядский халиф (723–743 гг.)], став халифом, послал его и он освободил Баб ал-Абваб» [5. Р. 83]. Более подробные сведения о Дербенте ал-Гарнати приводит в *Мурибе* и добавляет, что «основание его – обтесанная скала и стена его из скалы [обтесанный камень твердой породы]. Он [город] – построенный *кисрой* [Сасанидский правитель Хосров I Ануширваном (ум. 579)] и освобожденный [затем от политического господства хазар] Масламой б. 'Абдулмаликом – продолговатый от горы до моря, а расстояние его в длину равна трем *фарсахам*, где его ширина равна полету стрелы, а ворота [в город] из железа, и есть у него множество башен. [Следует отметить, что] в каждой башне имеется и мечеть, и жилища для ищущих спасения [от насилия, угроз для жизни], и светлые помещения. А на самой [Дербентской оборонительной] стене расквартирована стража, которая [вдоль нее] занимается призывом [в ислам] от заката до рассвета, и во всеуслышание говорит: “Нет бога, достойного поклонения, кроме одного лишь Аллаха, у которого нет сотоварища, и что

Мухаммад – посланник Аллаха — мир ему”. Также она [стража] занимается поминанием Аллаха всю ночь. [Кроме того], в этих башнях, а также на самой стене служат защитники [границ] и представители службы безопасности, в распоряжение которых имеется множество *вакуфной* собственности» [10. Ф. 13]³.

В *Мурибе* в продолжении описания Дербента и прилегающих к нему земель следуют сведения, которые относятся к описанию островов Каспийского моря:

«[Недалеко от Дербента] в [Каспийском] море есть гора, покрытая черной глиной [возможно после извержения вулкана], на гребне которой имеется длинный кратер с вытекающей из него водой. Вместе с этой водой выходят [наружу] камушки, похожие на латуни, и люди привозят их оттуда в разные уголки мира [в качестве диковинки для изумления]. Вблизи от вышеуказанной горы есть два острова, один из которых наполненный [разными] змеями и травой, посреди которого никто не может наступить своей ногой на землю из-за того, что она кишит змеями. Кроме того, там морская птица высидывает яйца посреди змей, которые не причиняют вреда ее яйцам. Следующий из них – остров джиннов, который не обитает зверями, но [говорят] там слышится голос, когда они [джинны] разговаривают. [Так ли это] Аллах знает лучше» [Ibid]⁴.

Что касается расстояния между стенами, выраженного нашим автором как «полет стрелы», то оно соответствует примерно 450 м. Реальное же расстояние между стенами цитадели примерно 350 м. Кроме того, неточен ал-Гарнати в определении длины города в три *фарсаха* (около 18 км), в то время как длина города от моря до цитадели составляет 2,5 км. Это вполне объяснимо тем, что как бы продолжением городских стен служила каменная стена, начинающаяся от цитадели и тянущаяся вглубь гор на 42 км, с башнями, контролирующими горные проходы. Подтверждается и сообщение о железных воротах Дербента. В сочинении Ибн А'сама ал-Куфи зафиксирована информация о том, что Маслама назначил правителем Дербента одного из своих приближенных по имени Ибн Сувайд ас-Са'лаби, которому он приказал соорудить хранилища в крепостных башнях города для пшеницы, ячменя, оружия, а также проследить за строительством железных ворот, чтобы восстановить значимость города [11. С. 138].

Следует отметить, что Маслама б. 'Абдулмалик – Омейядский генерал-губернатор провинции Арминии, брат четырех халифов: ал-Валида, Сулаймана, Йазида II и Хишама, при которых он неизменно вел наиболее ответственные военные кампании против хазар. Рассказывая об усилиях мусульманского наместника и арабского населения в Дербенте по распространению ислама среди горцев, ал-Гарнати сообщает:

«И обратил он [Маслама] в ислам множество народов [из различных политических образований] таких как: Лакзан اللڪزن, и Филан الفيلان, и Хайдак الحيداق, и Заклан الزڪلان, и Гумик الغميك, и Дарха الدرھاء. Всего их [в Кабке] семьдесят, и у каждого свой язык» [2. С. 55; 5. Р. 83].

Примечательно, что, по данным ал-Гарнати, территориально процесс исламизации охватывал Дагестан с юго-востока на северо-запад, т.е. включал ближайшие

к Дербенту небольшие политические образования. Но чтобы в VIII в. могло перейти в ислам все население вышеуказанных политических образований, трудно поверить. Так, еще в начале XIII в. – по словам Ибн Асира – «среди лакзов есть как мусульмане, так и неверующие из них...» [12. Р. 405].

Далее ал-Гарнати сообщает о процессе формирования этнической структуры Дербента и об обращении табасаранцев с просьбой к нему не покидать Дагестан, так как шел начальный этап исламизации некоторых дагестанских народов:

«А когда Маслама захотел уйти [в Дамаск, где находилась резиденция Халифа], после того как поселил в Дербенте 24 000 арабских семей из Мосула, Дамаска, Хомса, Тадмора [Пальмиры], Халеба [Алеппо], и других городов Сирии и Джазиры [Верхнее Месопотамия], то сказали ему табасаранцы [в тексте автора: табарсалан]: “О эмир! Мы боимся, что когда ты уйдешь от нас, то эти народности отпадут [совершат вероотступничество] от ислама и мы будем бедствовать из-за соседства с ними”» [5. Р. 83].

Причина этого ухода неясна, возможно, она связана с решением Омейядского халифа Хишама в 732 г. заменить пожилого Масламу на своего более молодого и отличившегося в войне с хазарами родственника Марвана б. Мухаммада⁵.

Из *Тухфат ал-албаб* следует, что тогда Маслама извлек свою саблю и сказал: «Сабля моя будет среди вас [табасаранцев], оставьте ее здесь, и, пока она будет среди вас, никто из этих народностей не отпадет [не совершит вероотступничество]. И сделали они для его сабли в скале что-то вроде *михраба* [ниша в стене] и поставили ее внутри него, на холме, где [Маслама] стоял лагерем. Она и сейчас [в 1130 г.] находится в той земле, люди совершают к ней паломничество» [2. С. 56; Р. С. 84].

Что касается рассматриваемого сюжета из текста, то представляется вероятным, что сабля Масламы действительно была оставлена в Табасаране в целях устрашения и в качестве символа покорения народа и непобедимости ислама в Дагестане. Однако, как пишет А.М. Генко, по прошествии нескольких столетий табасаранцы приписывали тому мечу чудеса настолько, что они и другие жители Южного Дагестана и Азербайджана стремились приносить туда свои дары и просить бога милости в минуты нужды [13. С. 103].

«Тому, кто направляется к ней [к месту, где хранится сабля Масламы] зимой, не запрещается надевать синие одежды или иных цветов, а если направляется в сезон жатвы, то не разрешают никому посещать ее в каких-либо одеждах, кроме белых; а если кто-нибудь посетит ее не в белой одежде, то идет обильный дождь, и губит посевы, и портит фрукты. Это дело у них хорошо известно» [2. С. 57; 5. С. 84]. К этим сведениям ал-Гарнати в другом сочинении *Мурибе* добавляет: «поэтому в *рустаках* [Табасарана] на дорогах к этому холму поставлены стражи, которые не пускают тех, кто идет смотреть саблю в цветной одежде» [2. С. 29; 10. Ф. 14].

Таким образом, из рассказа ал-Гарнати следует понять, что культ сабли связан с аграрной образностью,

что подтверждается посещением сабли паломниками во время жатвы. Здесь прослеживаются пережитки языческих воззрений на железо как на средство защиты от злых духов, которые при несоблюдении определенного запрета могут причинить различные беды. Исходя из этого, мы можем полагать, что белый цвет одежды паломников мог связываться с солнцем, ясной погодой. Примечательно, что и сейчас у табасаранцев особо почитаемым и священным местом, где устраиваются коллективные моления «зикр» во время стихийных бедствий, считается горная пещера Дюрк в с. Хустиль.

На этом описание территории и культуры народов Южного Дагестана не закончилось. По данным ал-Гарнати, «...недалеко от Дербента есть большая гора, у подножия которой – два селения; в них живет народность, которую называют зерехгеран [кубачинцы], т.е. “бронники”; они изготавливают всякое воинское снаряжение: кольчуги, и панцири, и шлемы, и мечи, и копья, и луки, и стрелы, и кинжалы, и всевозможные изделия из меди. Все их жены, и сыновья, и дочери, и рабы, и рабыни занимаются всеми этими ремеслами. И хотя нет у них пашен и садов, добра и денег у них больше, чем у других, потому что со всех сторон привозят к ним всякие блага» [2. С. 57; 5. Р. 85]. В *Мурибе* наш автор дает точное расстояние между этими населенными пунктами: «А выше Дербента в дне пути под горой на двух больших холмах [Аштинского микрорегиона] находится два села, в которых, как говорят, живут бронники. У них нет другого ремесла, кроме как заниматься производством кольчуг, панцирей, сабель, копий, железных ядер, стрел (арбалет) и другого рода занятий с металлом» [10. Ф. 14]⁶, – что близко к реальному расстоянию между этими населенными пунктами, тогда как по автомобильной дороге – 89 км. Кроме того, следует подчеркнуть, что Кубачи был и есть один из центров ремесла на территории Восточного Кавказа.

Далее следуют сведения о том, как у кубачинцев в рассматриваемый период (XII в.) проходил древнеиранский зороастрийский обряд похорон и что представляла из себя их социальная структура.

У населения Зерехгерана «...нет религии, но они не платят *джизью* [вид налога, который платили немусульмане в обмен на их защиту]. А когда умирает у них кто-нибудь, то если это был мужчина, то отдают его мужчинам, которые в подземных домах; они расчленивают мертвого, и освобождают кости от мяса и мозга, и собирают его мясо, и кормят им черных воронов, стоя с луками и не давая другим птицам съесть хоть что-то из его мяса. А если это была женщина, то отдают ее мужчинам, которые под землей, они вынимают ее кости и кормят ее мясом коршунов, стоя со стрелами и не давая другим [птицам] приблизиться к ее мясу» [4. С. 123; 5. Р. 85]. К этим сведениям ал-Гарнати в другом сочинении *Мурибе* добавляет: «...жители каждого дома в том селении бронников состоят из [следующих категорий]: свободные, рабы и невольницы. У них нет другого ремесла, кроме как заниматься этим [производством кольчуг, панцирей и т.д.]. [Кроме того,] они не являются ни мусульманами, ни христианами».

нами, ни иудеями, ни огнепоклонниками, у них нет религии» [10. Ф. 14]⁷.

Указанные выше сведения ал-Гарнати по пережиткам доисламских верований у кубачинцев дают нам основание говорить о существовании у них еще в середине XII в. своеобразного погребального обряда, сложившегося под влиянием зороастризма, проникшего из Сасанидского Ирана в VI в. В отличие от ал-Гарнати, утверждающего, что у кубачинцев нет религии, ал-Мас'уди пишет: «Они исповедуют разные религии... среди них есть как мусульмане, иудеи, так и христиане. Их местность [проживания] – сурова, благодаря чему они недоступны для [покорения] соседним народам» [14. С. 70].

В *Тухфат ал-албаб* сохранились сведения о неудачных попытках правителей Дербента и других мусульман исламизировать население Зерехгерана. Источник этих сведений указан – военачальник *исфахсалар* اسفہ سالار Дербента 'Абдулмалик б. Абубакр, который, в частности, сообщил нашему автору следующее:

«Как-то раз эмир [правитель] Дербента Сайфудин Мухаммед б. Халифа ас-Сулами [1100–1118], да помилует его Аллах [а я – ал-Гарнати – видел его, и он оказал мне почет, да воздаст ему Аллах благом], отдал мне приказ, чтобы я, собрав множество тюрок [сельджуков] и других, вышел [в поход против населения Зерехгерана]. И вышел [сам] эмир во главе дербентцев, [а также] пришли народы [из числа мусульман] с гор: лакзан, и филан, и другие. И было наше войско подобно морю. И направились мы к тем двум селениям, а у них нет ни оборонительной стены, ни цитадели, они [только] заперли свои двери. А я был первым, кто вошел в одно из этих селений, и вот из-под земли вышла группа мужчин, на которых не было оружия, они стояли и указывали руками на горы, говоря на языке, который я не понимал, затем скрылись под землей» [5. Р. 85]. В данном случае Дербент, как показывает этот текст, был таким крупным политическим и культурным многонациональным центром, где многие дагестанцы приобщались к исламу и затем, в свою очередь, оттуда выступали его распространителями в других районах Дагестана. Кроме того, большой интерес представляет *нисба*,, сохраненная в *Тухфат ал-албаб* Дербентского эмира: арабский род ас-Сулами, к которому принадлежали многие крупные военачальники и администраторы, появился в Дербенте еще с первых времен Омейядского наместника на Кавказе Масламы б. 'Абдулмалика. Существование эмиров из династии Хашимидов, которых сменяют представители династии Аглабидов, в Дербенте подтверждается историческими данными, приведенными в *Тарих Баб ал-Абваб* [15], и наличием чеканенных ими монет. Так, например, Музаффар, сын упомянутого выше эмира Дербента Мухаммад б. Халифа, чеканил монеты наряду с именем Аббасидского халифа Мухаммада ал-Муктафи (1136–1160) [16. С. 1].

Далее повествуется о неудачах мусульман в вышеуказанном походе из-за возникшей паники в их среде после ухудшения погоды. Так, 'Абдулмалик продолжает свое повествование нашему автору о той беде в Зерехгеране, где получил ранение:

«...и обрушился на нас холодный ветер и такой сильный снег, что мы ничего не видели, а небо сыпало на нас снег и град. Мы повернули назад, и не знал ни я, ни другие, куда идти. И убивали мы друг друга из-за того, что налетала сильная лошадь на слабую [вследствие страха], и та падала вместе со своим всадником, и люди шли по нему [к вершине горы], и погибали и он, и лошадь. И кто-то, не знаю кто [из тех зерехгеранцев], пробил мне стрелой левое плечо, и она вышла под мышкой, и я чуть не погиб; я крепился, пока мы удалились от них на несколько *фарсахов*, и прекратился этот снег, и ветер, и град [а мы потеряли много людей из войска], тогда я вытащил стрелу из-под мышки и болел из-за нее еще четыре месяца. И не смогли мы взять с них ни одной лепешки и не убили из них ни одного» [2. С. 58; 5. С. 86].

К этим сведениям ал-Гарнати в другом сочинении *Мурибе* добавляет: «[Даже] грозный правитель Ширвана также сам совершил поход против них, но его постигла такая же участь. Они не доступны для [покорения] ни народам, ни правителям, что является одним из чудес света» [10. Ф. 14]⁸.

По словам ал-Гарнати, «...это не что иное, как колдовство этих самых людей, которые вынимают кости мертвецов и кладут их в мешки, – богатых и знатных – в мешки из золотой румейской парчи, а рабов и невольниц – в [мешки] из коленкора и тому подобной ткани. И подвешивают их в доме и пишут на каждом мешке имя того, кто в нем. И это очень удивительно» [Ibid.]. Мешки, в которых хранили кости покойников кубачинцы, – это практика, вполне допустимая зороастрийским ритуалом. Так как, согласно Авесте, костехранилища могли быть из различных материалов – камня, глины или тканей [17]. Ни у кого до ал-Гарнати в арабских географических и исторических трудах таких сведений нет.

Муриб добавляет сравнительно немного к материалу *Тухфат ал-Албаб*, но сопоставление обоих текстов оказывается очень полезным для их взаимопроверки и осмысления.

Дальше в тексте сообщается о некоем источнике среди деревьев за пределами Дербента: «Каждую ночь к нему приходит группа людей, чтобы там ночевать. И иногда ночью из этой воды им является сильный свет, такой, что люди видят друг друга. Этот источник называют *айн ас-саваб* «Источник воздаяния»» [2. С. 29]. Ал-Гарнати уточняет в *Мурибе*, что «в ночь с четверга на пятницу к нему [источнику] приходит группа людей, чтобы там ночевать» [10. Ф. 14]⁹.

Затем речь идет о мусульман, которые не упоминаются в *Тухфат ал-Албаб*, живущих в горах, и о посещении этих дагестанцев автором рассказа, который говорит также о долголетьи горцев, об обилии в долинах таких благ, как мед, мясо и фрукты, о мечетях.

«...выше Дербента входил я в горы Калалат, в которых [проживает] множество народов, все они мусульмане, следующие исламу, да помилует их Аллах! Они говорят на разных языках, а число их [народов] знает только всевышний Аллах. Они живут на высоких вершинах гор, где очень холодно, и одеваются люди из-за сильного холода в меха, а кроме того, на них

еще тяжелые накладки [дагестанские бурки]. Люди этой страны живут долго, и много у них всяких благ, таких как мед, и мясо, и фрукты в их долинах. Они народ великодушный, и есть у них простые мечети и соборные» [11. С. 129]. Следует подчеркнуть, что Ал-Гарнати уточняет в *Мурибе*, что «в горах ал-Лакзана все народы – мусульмане, придерживаются правового дискурса шафиитской школы» [10. Ф. 14]¹⁰.

Здесь ал-Гарнати говорит о различных народностях Дагестана, исповедовавших ислам еще в первой половине XII в. Необходимо подчеркнуть, что пятисотлетний период господства арабского населения в Дербенте принес Дагестану ощутимые результаты в исламизации горцев. Огромную роль сыграло и местное население в лице *газиев*, а также влияние сильных ученых.

Следует также отметить, что часть населения как равнинного, так и нагорного Дагестана оставалась верной зороастрийским, языческим, иудейским и христианским религиозным представлениям. Например, Ибн Хаукаль сообщает: «И были в Самандаре мечети, синагоги и церкви...» [18. Р. 394].

Кроме того, необходимо сказать несколько слов и о специфике проявления социальных функций ислама в указанной местности в горах Лакзана. Так, «...в каждой мечети около *михраба* есть помещение, которое называют *байт ал-маль* [казна]; когда умирает тот, у кого нет наследника, то его имущество отдают в это помещение и предназначают его для путников, там хранится также часть *закята* [третий столп ислама]. А в противоположном конце мечети есть большое помещение, предназначенное для иноземных неученых гостей, что же касается людей науки [ученых], то их везут в свои дома» [2. С. 29]. Таким образом, участие дагестанцев в решении социальных проблем не ограничивается помощью лишь в пределах собственной мусульманской общины. Они также ведут работу с различными категориями людей, в частности с путниками и приезжими гостями, нуждающихся в социальной поддержке, независимо от их национальности.

Следующее сообщение ал-Гарнати касается главы одной из мусульманских общин Дагестана, говорившего на языках разных народов, перечень которых приводится в тексте. Кроме того, он вел курс по мусульманскому праву для студентов, которые, в свою очередь, после возвращения на родину должны были претворять в жизнь нормы Шариата.

Ал-Гарнати рассказывает: «Я жил у одного из их [дагестанских] эмиров, известного под именем Абу ал-Касим; его рабы каждый день резали для меня барана, я говорил им: “Разве ничего не осталось от того барана?” – а они отвечали: “Да, [осталось], но наш господин нам так приказал”. Этот эмир читал под моим [ал-Гарнати] руководством *Китаб ал-Мукни* (“Удовлетворяющую книгу”) ал-Махамили¹¹ по *фикху* [мусульманское право]. Он – уже усопший, да помилует его Аллах! – говорил на разных языках, таких, как лакзанский [лезгинский], и табаланский [табасаранский], и филанский, и закаланский, и хайдакский [кайтаг-

ский], и гумикский [лакский], и сарирский [аварский], и аланский, и асский [осетинский], и зерехгеранский [кубачинский], и тюркский, и арабский, и персидский. У меня на занятиях присутствовали люди из этих народностей, и он объяснял [содержание этой книги] каждой народности на ее языке» [2. С. 31]. То, что среди народностей Дагестана названы разговаривавшие на тюркском, арабском и персидском языках, не вызывает сомнения и не нуждается в комментариях.

Наконец, последние сведения о Дагестане ал-Гарнати приводит о том, как он однажды был в гостях у сестры вышеуказанного эмира Абу ал-Касима, которая сказала своему брату:

«Спроси этого человека: если я буду с моим мужем и будет у него поллюция, то обязательно ли мне омовение?». В ответ наш автор сказал ему: «Скажи ей, что женщина из *ансаров* [мусульмане Медины, принявшие у себя мекканцев, когда они совершили хиджру в 622 г.] спросила подобное этому у Посланника Аллаха, – да благословит его Аллах и приветствует! – и тот ответил: если она увидит воду, то пусть совершит омовение. И сказал Посланник Аллаха – да благословит его Аллах и приветствует! – лучшие жены – жены *ансаров*! Стыдливость не препятствует им постигать [разбираться в правовых вопросах] религию» [2. С. 31; 10. Ф. 14]. Здесь суть хадиса заключается в том, чтобы женщина-мусульманка получала хорошее религиозное образование, соответствующее величине той ответственности, которая возложена на нее как в доме, так и за его пределами. И эта стыдливость заставила дагестанку поспешить к источникам полезного знания.

Таким образом, много нового мы узнаем от ал-Гарнати о Дагестане, а именно о правителе Дербента XII в., погребальном зороастрийском ритуале в Зерехгеране, об образовательной и социальной работе мусульман Лакзана, при этом его сведения, подтвержденные данными других арабских географов, свидетельствуют о точности описания и наблюдательности нашего путешественника. Наиболее важные описания Дагестана имеются у Ибн Руста, ал-Мас'уди, ал-Истахри, Ибн Хордадбега, а также в *Тарих Баб ал-Абваб*, книге XI в., изданной В.Ф. Минорским. Следует отметить, что *Му'риб* добавляет сравнительно немного к материалу *Тухфат ал-Албаб*, но сопоставление обоих текстов оказывается очень полезным для их взаимопроверки и осмысления. Важно и то, что написанный материал доведен до современной автору эпохи и известен нам только благодаря ал-Гарнати. Также нами определено, что перевод отрывков о Восточном Кавказе из указанных сочинений ал-Гарнати, выполненный О.Г. Большаковым, содержит интерпретационные недостатки. Сочинения *Тухфат ал-албаб ва нухбат ал-аджаб* и *ал-Му'риб ан ба'д аджаиб ал-Магриб* ал-Гарнати являются полезным справочником не только по историко-географическим вопросам, но в такой же мере и по религии, культуре, этнологии, фольклору, особенно связанным с Восточной Европой, в том числе и Северным Кавказом, в частности Дагестаном.

Применчения

¹ Переводится с арабского как «ворота ворот», т.е. главные ворота, средневековое арабское название Дербента.

² Он был правителем Ирака, командовал войсками в походах против хазар на Кавказе и Византии.

³ У Большакова перевод данного отрывка из *Муриба* отсутствует.

⁴ У Большакова перевод данного отрывка из *Муриба* отсутствует.

⁵ Марван б. Мухаммад – последний халиф (744–750) из династии Омейядов. Именно назначение на должность наместника на Кавказе молодого Марвана сделало возможным осуществление крупной военной операции, которая привела к практически полному разгрому хазарской армии.

⁶ У Большакова полный перевод данного отрывка из *Муриба* отсутствует.

⁷ У Большакова перевод данного отрывка из *Муриба* отсутствует.

⁸ У Большакова перевод данного отрывка из *Муриба* отсутствует.

⁹ У Большакова перевод данного отрывка из *Муриба* отсутствует.

¹⁰ У Большакова перевод данного отрывка из *Муриба* отсутствует.

¹¹ Абу ал-Хасан Ахмад ибн Мухаммад ал-Махмили ад-Дабби (978–1024) – мусульманский ученый из Багдада, как и ал-Гарнати, был *шафи'итом*.

Список источников

1. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.–Л.: Наука, 1957. Т. 4: Арабская географическая литература. 965 с.
2. Большаков О.Г. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. М.: Наука, 1971. 134 с.
3. Dorn B. Über zwei für das Asiatische Museum erworbene Arabische Werke // *Mélanges asiatiques*. St.-Petersbourg: de l'Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1872. Т. VI, livr. 5. P. 695–696.
4. Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1966. Т. IV. 497 с.
5. Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati / ed. G. Ferrand // *JA*. 1925. Т. CCVII. P. 1–148.
6. Abu Hamid el Granadino y su relación de viaje por tierras eurasiáticas / Texto árabe, traducción e interpretación por C.E. Dubler. Madrid: Imprenta y editorial Maestre, 1953. XX, 425 p.
7. Hrbek I. Arabico-Slavica. I Abu Hamid al-Andalusi und sein Werk Mu'rib // *Archiv Orientalny*. 1955. Т. XXIII. P. 109–135.
8. Монгайт А.Л. Абу Хамид Ал-Гарнати и его путешествие в русские земли 1150–1153 гг. // *История СССР*. 1959. № 1. С. 169–181.
9. Захoder Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука, 1967. Т. 2: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. 212 с.
10. *Abu Hamid al-Gharnati, Al-Mu'rib 'an Ba'd Aydi'ib al-Maghrib*. Maktaba al-wataniya fi Baris. ARABE. Ms. 6877. 27 f.
11. Гизбулаев М.А. Дагестан в арабских исторических источниках: «китаб ал-футух» ал-куфи // *Вопросы истории*. 2019. № 4. С. 129–147.
12. Ibn al-Athir. al-Kamil fi al-tarikh. Bayrut: Dar Sadir lil-Tiba'ah wa-al-Nashr, 1965–1966. Т. XII. 405 p.
13. Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // *Труды Второй Сессии Ассоциации арабистов*, 19–23 октября 1937 г. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. С. 81–110.
14. Гизбулаев М.А. Сведения арабского географа Ал-Мас'уди о Кабке в X в. // *Вестник Московского Городского Педагогического Университета*. Серия: Исторические Науки 3 (39) 2020. С. 64–75.
15. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI вв. Москва «Издательство восточной литературы», 1963. 270 с.
16. Пахомов Е.А. О дербенском княжестве XII–XIII вв. К толкованию пехлевийских надписей Дербенда Баку: АзГНИИ, 1930. 16 с. (Известия АзГНИИ / Азербайджан. гос. науч.-исслед. ин-т. Историко-этнографическое и археологическое отделение; т. 1, вып. 2).
17. Иностранцев К.А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1909 № 3. С. 117–120.
18. *Bibliotheca geographorum arabicorum. Opus geographicum auctore Ibn Haukal* / ed. J.H. Kramers. Leiden: E.J. Brill, 1937–1939. Fasc. 1-2: Lugduni Batavorum. 574 p.

References

1. Krachkovskiy, I. (1957) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Nauka.
2. Bolshakov, O.G. (1971) *Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati* [The Journey of Abu Hamid al-Garnati]. Moscow: Nauka.
3. Dorn, V. (1872) Über zwei für das Asiatische Museum erworbene Arabische Werke. *Mélanges asiatiques*. 4(5). pp. 695–696.
4. Bartold, V.V. (1966) *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow: Nauka.
5. Ferrand, G. (ed.) (1925) Le Tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati. *JA*. CCVII. pp. 1–148.
6. Abu Hamid el Granadino. (1953) *Abu Hamid el Granadino y su relación de viaje por tierras eurasiáticas*. Madrid: Imprenta y editorial Maestre.
7. Hrbek, I. (1955) Arabico-Slavica. I Abu Hamid al-Andalusi und sein Werk Mu'rib. *Archiv Orientalny*. 23. pp.109–135.
8. Mongayt, A.L. (1959) Abu Khamid Al-Garnati i ego puteshestvie v russkie zemli 1150–1153 gg. [Abu Hamid Al-Garnati and his journey to Russian lands 1150–1153]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 169–181.
9. Zakhoder, B.N. (1967) *Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope* [Caspian collection of information about Eastern Europe]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp.66–67.
10. Abu Hamid al-Gharnati & Al-Mu'rib 'an Ba'd Aydi'ib al-Maghrib. (n.d.) *Maktaba al-wataniya fi Baris*. ARABE. Ms. 6877. 27 f.
11. Gizbulaev, M.A. (2019) Dagestan v arabikh istoricheskikh istochnikakh: “kitab al-futukh” al-kufi [Dagestan in Arabic historical sources: “Kitab Al-Futuh” by Al-Kufi]. *Voprosy istorii*. 4. pp.129–147.
12. Ibn al-Athir. (1965–1966) *al-Kamil fi al-tarikh*. Vol. 12. Bayrut: Dar Sadir lil-Tiba'ah wa-al-Nashr.
13. Genko, A.N. (1941) Arabskiy yazyk i kavkazovedenie [Arabic language and Caucasian studies]. In: Krachkovsky, I.Yu. (ed.) *Trudy Vtoroy Sessii Assotsiatsii arabistov, 19–23 oktyabrya 1937 g.* [Proceedings of the Second Session of the Arabist Association, October 19–23, 1937]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 81–110.
14. Gizbulaev, M.A. (2020) The Arab geographer Al-Mas'udi's reports on the 10-th century Qabq. *Vestnik Moskovskogo Gorodskogo Pedagogicheskogo Universiteta. Seriya: Istoricheskie Nauk – MCU Journal of Historical Studies*. 3(39). pp. 64–75. (In Russian). DOI: 10.25688/2076-9105.2020.39.3.06
15. Minorskiy, V.F. (1963) *Istoriya Shirvana i Derbenta X–XI vv.* [History of Shirvan and Derbent in 10th – 11th centuries] Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
16. Pakhomov, E.A. (1930) O derbendskom knyazhestve XII–XIII vv. K tolkovaniyu pekhleviyskikh nadpisey Derbenda [About the Derbend Principality of the 12th – 13th centuries. To the interpretation of the Pahlavi inscriptions of Derbend]. Baku: AzGNII.
17. Inostrantsev, K.A. (1909) O drevneiranskikh pogrebal'nykh obyachakh i postroykakh [On ancient Iranian burial customs and buildings]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 3. pp. 117–120.
18. Kramers, J.H. (ed.) (1937–1939) *Bibliotheca geographorum arabicorum. Opus geographicum auctore Ibn Haukal*. Vols. 1–2. Leiden: E.J. Brill.

Сведения об авторе:

Гизбулаев Магомед Андалавмагомедович – кандидат исторических наук, независимый исследователь (Кудали, Гунибский район, Дагестан, Россия). E-mail: awariyav@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gizbulaev Magomed A. – Candidate of Historical Sciences, Independent Scholar (Kudali, Gunib district, Dagestan, Russian Federation).
E-mail: awariyav@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.04.2018; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 21.04.2018; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 930.85

doi: 10.17223/19988613/78/18

Пространство и люди в путевых описаниях миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.)

Софья Николаевна Щербич

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, sofia-sh@mail.ru

Аннотация. При освоении любой территории происходит встреча разных культур, приводящая либо к их слиянию, либо к противодействию проникновению чуждого в свою картину мира. Ярким тому подтверждением служат путевые описания миссионеров Обдорской миссии, которые и стали объектом настоящей работы. Тексты содержат несколько сюжетных линий, из которых в фокус данного исследования попали культурные описания территории, позиции миссионеров относительно описываемого пространства и оценочные суждения и выводы о локальной встрече языческой и христианской культур в XIX в.

Ключевые слова: путевые журналы, Обдорская миссия, культурная идентичность, пространство

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющем пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Щербич С.Н. Пространство и люди в путевых описаниях миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 143–148. doi: 10.17223/19988613/78/18

Original article

Space and people in the travel descriptions of missionaries from the Obdorsk mission (60–70s of the 19th century)

Sofya N. Shcherbich

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, sofia-sh@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the perception by the missionaries of the Obdorsk mission of the environment and the people with whom they had to communicate during their trips to the Ob North. The priests recorded all their impressions in mission itineraries. They revealed the problems of interaction with another culture, reflect the unique individual experience of communication of the authors with the local people and reflections about it. The study of the Obdorsk mission itineraries urges us to single out the key concept of overcoming: overcoming the unkind Siberian nature, inertness and indifference of the native people, their savagery and superstitions, and what is more, self-overcoming – getting rid of fears, weakness and doubts. The author examines several important subjects that characterize the attitude of missionaries to a different culture in this article. The space where the northern peoples lived did not clear boundaries, due to constant internal migration along the Ob North and adjacent territories. First of all, the description of space from the standpoint of the opposition «friend or foe», building communication through the prism of language barriers, striving to change the religious worldview. To make long-term river crossings, the missionaries had boats at their disposal, and to move around the tundra they used sledge team, which they requested from the local people. On the missionary trip, the priests were accompanied by workers, whose duties included all the technical work on the movement of a sailing boat along the river Ob and small rivulets flowing into it. Missionaries devote a special place in missionaries' itineraries to descriptions of meetings with shamans, perceiving them as the main guardians of the beliefs of the northern peoples. It is with them that missionaries honed their gift of persuasion and ability for Christian preaching. Communication with people whom missionaries become familiar with largely depended on the shamans. The missionaries paid special attention to the description of obsequial rites and the pantheon of the gods of the north peoples during their trips. One of the problems that accompanied the priests on missionary trips was related to the lack of knowledge of the language, which led to misunderstanding and discontent among the local people. The missionaries found ways to bridge this gap, learned the language, compiled dictionaries and taught children and adults to read and write, which was also reflected in their written testimonies.

Keywords: mission itineraries, Obdorsk mission, cultural identity, space

Acknowledgments: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Space of Ural and Siberia”.

For citation: Shcherbich, S.N. (2022) Space and people in the travel descriptions of missionaries from the Obdorsk mission (60–70s of the 19th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 143–148. doi: 10.17223/19988613/78/18

При изучении истории освоения любой территории неминуемо обращение к документам, фиксирующим зачастую не столько официальные данные, сколько рефлексию авторов, причастных к этому процессу. В нашем исследовании такими документами явились путевые описания миссионеров Обдорской миссии [1]. Содержащаяся в путевых журналах информация является важным свидетельством, привлекаемым учеными для решения исследовательских задач при изучении религиозных верований [2, 3], ненецкой топонимии [4], деятельности миссионерских учреждений севера Сибири [5], этничности обских угров и ненцев [6], источниковедческого анализа [7], археологических полевых исследований [8]. В данном исследовании фокус направлен на изучение пространства, в которое по долгу службы были погружены миссионеры, а также на отношения их к иной культуре жителей Северо-Западной Сибири. Путевые журналы священников Обдорской миссии, в данном случае Петра Попова, Иоанна Платонова, Александра Тверитина, Николая Герасимова, содержат несколько сюжетных линий, раскрывающих всю остроту межкультурной коммуникации и адаптации к суровым реалиям окружающей среды.

Справедливо замечено, что «специфичность миссионерского описания территории изначально определена тем, что миссионер выступает как исследователь нового для него пространства, причем исследователь, в высшей степени заинтересованный, – он пытается оценить “перспективность” данной территории для дела христианской проповеди» [9. С. 99]. Пространство, изначально населенное людьми, враждебно настроенными к восприятию новых культурных ориентиров, описывается с позиции противопоставления «свое-чужое». Вот что пишет П. Попов: «Выехавши из Обдорска на 16 оленях с двумя проводниками в тундры низовых самоедов, кочующих между Обскою и Тазовскою губами, на третий день выезда я встретил первых самоедов, откочевавших к Енисейской губе. Посетивши в этот день три семейства, невдалеке одно от другого находящиеся, я составил себе полное понятие о дикости низовых самоедов, рассказы о которых проводников моих наводили страх на меня. Зверский вид, злобная недоверчивость и грубое обращение достаточно свидетельствовали, что пребывание наше небезопасно для нас» [1. С. 46]. Несмотря ни на что, миссионер пытается быть принятым и понятым в этом пространстве, ему необходимо было научиться говорить с окружающими людьми так, чтобы донести суть своей культурной и религиозной традиции.

Самый действенный инструмент – это знание языка твоего оппонента. Как правило, большая часть местного населения с русским языком не была знакома, и миссионерам приходилось изъясняться с ними через толмачей, в роли которых выступали причетники. К со-

жалению, уровень знания языка носил обыденный характер и не позволял в полном объеме передавать суть христианского учения. В 1867 г. И. Платонов оставил в своем журнале запись, которая еще раз демонстрирует, в чем заключается успех миссионера на ниве проповеди христианских заповедей: «Некоторые из инородцев, и крещенные также, оскорблялись тем, что я очень мало могу говорить сам на их наречии, а говорю через толмача. Доказательства мои были напрасны, так как они тотчас же приводили пример старшего священника, который объясняется с ними свободно на их наречии» [Там же. С. 74]. Не имея возможности изъясняться на родном для местного населения языке, И.М. Платонов прибегал к проповеди через христианские образы: иконы иконостаса, Ветхий и Новый Завет в картинках. Стремление к преодолению языкового барьера со стороны миссионеров было очевидным; в том числе и для этого старший миссионер Обдорской миссии Петр Александрович Попов долгое время работал над составлением остяцко-самоедско-русского словаря.

В качестве инструмента, позволяющего установить контакт с местным населением, выступала и еда. Находясь в январе 1867 г. в Обдорске, Иван Митрофанович Платонов записал в путевом журнале: «С 9-го числа занимался обучением девиц, коих было числом 8. В эти дни постоянно приходили остяки и самоеды, из коих некоторые готовились к принятию св. крещения; всех должен был, по заведенному обычаю, покормить. Иногда так было довольно их, что к вечеру выходил печеный хлеб, а потому некоторым давал одну рыбу или мясо, а иным, уже известным мне, вынужденным находился и отказывать, так как иной был в день два и, собственно, для того, чтобы только поесть» [1. С. 72]. Отношение к угощению у местного населения было утилитарным и носило компенсационный характер за вмешательство в их культурную идентичность. Ярким подтверждением этому служит случай, зафиксированный И.М. Платоновым: «Пришел один старик новокрещенный самоедин и привел с собой некрещенного сына, которому от роду было не более 6 лет. Я советовал отцу, чтобы он крестил своего сына, а с тем вместе просил отдать его мне для воспитания, так как мать у него умерла, а сам отец находился в работе у чужих людей. Все расходы содержания принимал на себя. После некоторого совета со своим сыном он с радостью согласился отдать его мне, но с тем, чтобы по обучении его, предположительно, году на 15-м, отдать ему его обратно... Тут он просил у меня отсрочить два дня поступления его ко мне, чтобы в это время повидаться с родственниками своими. После этого он приходил ко мне каждодневно утром и вечером. Прошел и срок отдачи; но он и не поминал об этом. Видя, что старик начинает колебаться, вероятно, от своей братии

получил такой прекрасный совет, – чтобы не отдавать его учиться, что по их понятиям для них вредно, я стал говорить ему, что не буду теперь и принимать его к себе. Старик сейчас же согласился отдать своего сына, но с тем, чтобы, когда будут посещать его родственники, живущие в Обдорске в юртах, кормить и их. После сего он привел ко мне более пяти человек; видя такие условия и не имея средств подобных людей пропитать, вынужденным нашел отказываться от принятия его сына с подобными условиями, хотя и жаль было мне мальчика, коего отец и отдал своим родственникам для пропитания, у коих, коснея, подобно им, в невежестве, должен будет, кроме сего, претерпевать и холод и голод, каковые недостатки претерпевают и родственники его от обычной своей жизни [1. С. 72–73]. Затронутый в данном сюжете вопрос о грамотности также является элементом проникновения чужой традиции в границы иной культурной идентичности. Обучение детей не являлось очевидной необходимостью и не воспринималось должным образом. В качестве контраргумента, который постоянно слышали миссионеры от населения, являлось то, что предки их не были грамотны, но это не мешало им жить. Большинство усилий миссионеров по распространению грамотности среди инородцев было тщетным.

Основное же противостояние, фиксируемое в путевых описаниях, связано с представлениями о религиозной картине мира. Воспринимая новое для себя вероучение, местное население продолжало сохранять свою религиозную идентичность. Очевидно, что играл свою роль и характер миссионерской работы, а именно ограниченность ее во времени. Все поездки священников с походной церковью были кратковременны и эпизодичны, а шаманы как основные оппоненты были всегда на месте. Поэтому в текстах можно увидеть эмоциональные описания уничтожения элементов чуждой для священников религиозной культуры. Например, такое встречается в описаниях у А. Тверитина: «Чтобы доказать инородцам ничтожность их идола, и притом будучи вполне уверен, что они, как все крещенные, непременно откажутся от своего идола, я положил торжественно сжечь его в глазах всех инородцев и со всеми принадлежностями его и с этой целью приказал своим рабочим приготовить большой костер дров... Не показывая стачала шайтана, я взял ящик за душу, поднял его кверху и спросил: “Чей это ящик?” Ответа нет. “Ведь это ящик ваш?” – сказал я затем. “Нет, мы не знаем, не наш”, – посыпались со всех сторон голоса. Отдав обратно ящик Собрину и взяв идола и также подняв его кверху, спросил: “Это что такое? Не ваш этот идол?” – “Нет, нет, мы не знаем, откуда ты взял его”, – кричали с разных сторон. “Так знайте, что этот идол ваш, – продолжал я, – я его взял около ваших юрт; вы сами воздвигли и поклоняетесь ему; но он ничтожный – бессильный, и если он бог ваш, то пусть причинит мне какое-либо зло за то, что я жгу его на огне”. С этими словами я бросил идола в пламень, а затем приказал Собрину отворить ящик и каждую вещь, показывая народу, бросать в огонь, в заключение всего и самый ящик последовал туда же» [Там же. С. 92]. Такие действия миссионеров относительно элементов

религиозной картины мира северных народов Обского севера лишь на время визуально меняли окружающее пространство, которое старательно восстанавливалось после их отъезда.

С одной стороны, категоричность в отношении идолопоклонства, а с другой – подробное описание обрядности также являются неотъемлемой чертой путевых описаний. На наш взгляд, стремление зафиксировать элементы обрядов продиктовано тягой к познанию и осмыслению или структурированию чуждого культурного пространства. Например, П. Попов в 1863 г. в поездке был весьма удивлен рассказом о идоле Мастерке, находящимся в с. Троицком, который и зафиксировал в путевом журнале: «...Из рассказа о Мастерке я узнал, что для приношения ему жертв остяки и самоеды ежегодно ездят к селению Троицкому, для прикладов возят ему лучшие лисьи шкуры и деньги значительными суммами, сверх того, через три, иногда семь лет ездят тайные сборщики, которым и передаются обещанные приклады, взамен которых жертвователи получают ничтожные вещицы от Мастерка – кольца, поясски, лоскутки суконные и другие...» [Там же. С. 46–47].

Достаточно подробное описание истории идола, изображающего женщину, сидящую на медном котле, мы встречаем в путевом журнале А. Тверитина. В одной из юрт он встретился с домашней уменьшенной копией идола, а в человеческий рост изваяние находилось в лесу в 10 верстах от этой юрты, и называлось оно Путь-посты ничь. Особо почитаем данный идол был при обряде сватовства, к нему привозили подарки в виде котлов в случае успешного проведенного обряда. Сохранилось даже предание о том, что «предки войтваских остяков, за долгое еще время завоевания Сибири, в одно время вели междоусобную войну с соседственными остяками, во владении которых находился идол “путь-посты-ничь”, тогда-то он и достался им как военная добыча» [Там же. С. 105].

Детальная фиксация встречается и при описании миссионерами погребальных и поминальных обрядов, что также свидетельствует об определенном интересе и стремлении осмыслить данную информацию. Например, предметом, на который священники обращали особое внимание в борьбе с идолопоклонством, в культуре обских угров и самодийцев являлись куклы, означающие тень умершего человека. Существовал даже прецедент о кукле: по инициативе священника П. Попова было возбуждено дело о идолопоклонстве относительно жительницы Собских юрт, у которой были изъяты две куклы умерших родственников. Данное дело дошло до Министерства внутренних дел, которое не признало куклы-заместители идолами и предписало вернуть их хозяйке. Из себя данные куклы представляли следующее: «...в одном чуме у одного язычника я встретил здесь куклу, которая помещена в противоположной стороне от идола и видно, что не пользуется никаким особым почетом. Эта кукла означает тень умершего человека. Умирает человек – остяк или самоедин, родственники омывают его, одевают в лучшее платье, потом срезают с головы его локон волос и после погребения умершего делают куклу, во внутренность которой вшивают срезанный с головы

его локон волос вместо сердца. По верованию остяков и самоедов, тень (душа) умершего человека не прекращается и продолжает существовать, если умерший мужчина – три года, а если женщина – два года, поэтому и кукла, означающая тень (душу) умершего человека, существует в чуме после смерти три или два года, смотря по тому, мужчина или женщина умерший, и в продолжение всего этого периода времени каждый раз, когда сами употребляют пищу, садят вместе с собой и куклу, накладывают ей из общего котла на особой деревянной чашке всего, что сами едят; когда же окончится известный срок, зарывают куклу в особую от умершего могилу, кладут с нею все те же принадлежности, какие были положены с умершим» [1. С. 109].

Стоит остановиться и на погребальном обряде, зафиксированном в одном из путевых журналов: «У остяков не совершается никакой обрядности над умершими, у самоедов, напротив, бывает. После омовения и после того, как готова могила, умершего кладут среди чума, Тад-ибе (шаман) расставляет вокруг него, всегда готовые на этот случай, сделанные из дерева – модели разных хищных животных: медведя, волка, лисицы, песца и других, птиц: орла, коршуна и пр. Обставивши таким образом, он берет лук со стрелой и начинает петь: “Умерший (такой-то – называет по имени) в жизни своей был человек скромный, никого не обижал, ты, медведь (обращается к модели), не должен касаться его трупа, пусть он спокойно лежит в земле, пока не изгниет, а если коснешься, то сам будешь мертв”, – и с этими словами стреляет его из лука; потом переходит с тем же припевом к другой модели и так далее, пока не перестреляет всех. Затем умерший выносится из чума, но мимо двери – в особо приготовленное отверстие, и предается погребению. Тад-ибе получает за обряд погребения всегда два оленя» [Там же. С. 109–110].

Особое место в путевых описаниях миссионеры уделяют встречам с шаманами. Как правило, это содержательные беседы о сути христианской веры и пагубности язычества. Встречи носили разный характер, но одна из них, состоявшаяся между священником А. Тверитиным и шаманом Лямби, является, на наш взгляд лакмусовой в споре о вере: «Утром, лишь только что я встал, заявился ко мне старый мой знакомый Лямби – шаман, с просьбой посетить его чум; очень рад я был радушному гостеприимству язычника и притом шамана; а особенно откровенности его при беседе со мною. Вот его слова: “Я осознаю, что наша вера не права, но подумай сам, – я ведь такой же поп, как и ты, думаю, что ты не согласишься изменить своей вере, зачем же меня отвлекаешь от моей веры? Что скажут тогда обо мне те, которые обращаются ко мне за советами и которым я помогаю в нуждах?... Книг ваших мы не знаем. Мы веруем, что после смерти будем в том же состоянии, в каком находимся и здесь, т.е. будем заниматься такими же делами, какими кто и здесь занимался, а что ты говоришь о другой жизни – загробной, об этом никто не знает, никто там не был”» [1. С. 154]. Доводы, которые, по всей видимости, приводил священник, не имели значения для шамана. Неудовольствие выслушивать проповеди православных священников высказывали и обычные люди, в этом случае все

беседы миссионеры сразу прекращали и покидали данное место, отправляясь далее в путь. Но, были и те, кто в ходе многочасовых бесед принимали новую веру или изъявляли желание, давая обет креститься, например, после перенесенной болезни. Примечательно, что по этому поводу местные жители окружающее их пространство насыщали визуальными символами – крестами. Зачастую же все беседы о новой вере вызвали неудовольствие и не давали желаемого результата.

В очередном своем путешествии в 1866 г. Петр Попов стал свидетелем наступающего, по местным преданиям, конца света. По свидетельству инородцев, должен был наступить потоп, четвертый от сотворения мира, и все население пребывало в панике, готовясь принять неминуемую гибель, оставляя свои промыслы за ненадобностью. Наступление конца света люди связывали исключительно с приобщением их к христианской вере. Выказывая свое равнодушие к происходящему, П. Попов объявил о своем намерении остаться с ними до этого дня и молиться об избавлении от гибели мира. Эти действия священника были продиктованы стремлением донести до людей мысль о том, что день конца света никому не известен и проповеди миссионеров не являются причиной этого. Труд убеждения был нелегким в сообществе людей, изначально враждебно настроенных к проникновению иной культуры, меняющей повседневный уклад жизни и миропонимание.

Природные условия, в которые волею судеб были помещены миссионеры, также были не из легких. Пространство, где проживали северные народы, не имело четких границ ввиду постоянной внутренней миграции по Обскому северу и сопредельным территориям. Для совершения многодневных речных переходов в своем распоряжении миссионеры имели лодки, а для передвижения по тундре использовали нарты, которые они просили у местного населения. В миссионерской поездке священников сопровождали рабочие, в обязанности которых входила вся техническая работа по передвижению парусной лодки по речному пространству р. Оби и мелких речушек, впадающих в оную. В путевых журналах миссионеры очень подробно описывают все природные явления и действия своей команды в сложившихся трудных обстоятельствах. Как правило, миссионеры в весенне-осенний период ночевали в лодках, в зимнее время – в юртах у крещенных инородцев. По итогам одной сентябрьской поездки И. Платонов оставил следующую запись в журнале, фиксирующую события 14–17 сентября 1866 г.: «Ночью, когда уже все легли спать, сделалась страшная буря, так что лодка наша, поставленная на двух якорях, не могла устоять против сильного напора ветра и, сорванная с якорей, начала биться о берег; я, разбудив своих рабочих, увидел, что совершенно невозможно было сохранить одними своими рабочими, потому вынужден был собрать инородцев, при помощи коих едва могли ввести в небольшой залив, находившийся невдалеке от нас... страшная буря продолжалась с большею силою. Перед утром погода сделалась потише. Утром пригласили инородцев, чтобы они пособили вывести лодку из залива. Собралось человек

около 40; когда разломали лед, образовавшийся на заливе в течение двух дней, то увидели, что бурю угнало воды очень много, так что в заливе осталось воды не более 8 вершков глубины, а потому и провод лодки по такому мелкому месту был трудный и даже невозможный...» [1. С. 68]. Александр Тверитин в июле 1868 г. с участниками миссионерской поездки в течение нескольких дней переживал настоящий шторм: «Лодку нашу начало заливать и бросать то в ту, то в другую сторону; от этой качки не было совершенно никакой возможности никому ни стоять, ни сидеть, только с усиленным трудом два человека попеременно могли отливать воду с носу и кормы лодки. Небольшая лодка, которая служит для завоза якорей и для легких разъездов и которая была привязана к корме, – давно залита водою, и все, что в ней было, унесено волнами. В этом несчастно-гибельном состоянии мы пробыли до полдня 15-го числа; а с этого времени ветер, кажется, еще более усилился, с тем вместе и прилив морской, – мерка наша показала глубины уже более трех аршин. Пять человек рабочих, вожак, причетник и я пришли в совершенное изнеможение, к этому еще у каждого из нас сделалась головная боль и рвота. Прошел еще час времени тревожно-мучительного состояния, и вдруг воровая-пеньковая снасть у одного якоря с носу лодки обрывается. Страх обнял всех нас. И в этом несчастном положении сколько горячих, ис-

кренних молитв излилось ко Господу о спасении нас? Да, действительно, справедлива русская пословица: кто не бывал на море, тот усердно Богу не молился...» [Там же. С. 114].

Подобного рода сюжеты постоянно встречаются в описаниях всех миссионеров и характеризуют прежде всего силу духа людей, преодолевающих вызовы окружающего мира.

Во время поездок ведение журналов являлось для священников обязанностью, а с другой стороны, возможностью разговора с самим собой. Первоначально все записи были черновые, только по возвращении в Обдорск миссионеры занимались их перепиской и подготовкой отчетов о поездке. Поэтому черновики представляют наибольший интерес для изучения ввиду сохранения первоначального осмысления миссионерами пережитых событий и явлений. К сожалению, они практически не сохранились, за малым исключением. Анализируемые в статье путевые описания сохранили остроту повседневных переживаний священников миссии в ходе их служения и позволяют выявить специфику межкультурной коммуникации в пространстве Обского севера второй половины XIX столетия, заключающуюся, с одной стороны, в категорическом неприятии и нежелании общения, а с другой – в приспособлении, а иногда просто в утилитарном отношении к представителям иной культурной традиции.

Список источников

1. Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.) / сост. и коммент. В. Темплинг; вступ. ст и коммент. С. Тузов. Тюмень : Изд-во Юрия Мандрыки, 2002. 224 с.
2. Перевалова Е.В. Атых Микола-Торум (Милостивый Бог Николай) // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 119–130.
3. Главацкая Е. ...Мы не можем без попа... // Родина. 2009. № 1. С. 33–37.
4. Квашнин Ю.Н. Названия родов в ненецкой топонимии // Антропологический форум. 2011. № S14. С. 23–66.
5. Выдрин Е.В. Туруханская походная церковь в системе подобных учреждений севера Сибири // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2014. № 3 (90). С. 180–183.
6. Перевалова Е.В. Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07. Новосибирск, 2017. 515 с.
7. Щербич С.Н. Путевые журналы миссионеров Обдорской миссии (60–70-е гг. XIX в.): анализ публикации источников // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 154–163.
8. Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н. Предварительные результаты исследований городища Усть-Войкарское – 1 (Приполярная зона Западной Сибири) в 2012–2016 годах // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3 (88). С. 141–149.
9. Карташева Н.В. Путевые записки русских миссионеров на Дальнем Востоке как модель культурного описания территории // Человек в мире культуры: культурное описание территории : материалы X Междунар. философско-культурного симпозиума. Рязань, 2015. С. 98–100.

References

1. Templing, V. (ed.) (2002) *Putevye zhurnaly missionerov Obdorskoy missii (60–70-e gg. XIX v.)* [Travel logs of the Obdorskaya missionaries (1860–70s)]. Tyumen: Yury Mandryka.
2. Perevalova, E.V. (2008) *Atykh Mikola-Torum (Milostivyy Bog Nikolay)* [Atykh Mikola-Torum (Merciful God Nicholas)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 4(21). pp. 119–130.
3. Glavatskaya, E. (2009) *My ne mozhem bez popa* [We can't live without a priest.]. *Rodina*. 1. pp. 33–37.
4. Kvashnin, Yu.N. (2011) *Nazvaniya rodov v nenetskoj toponimii* [Genus names in Nenets toponymy]. *Antropologicheskij forum*. S14. pp. 23–66.
5. Vydrin, E.V. (2014) *Turukhanskaya pokhodnaya tserkov' v sisteme podobnykh uchrezhdenij severa Sibiri* [Turukhanskaya marching church in the system of similar institutions in the north of Siberia. In Russ.]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafieva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva*. 3(90). pp. 180–183.
6. Perevalova, E.V. (2017) *Obskie ugrы i nentsy Zapadnoy Sibiri: etnichnost' i vlast'* [Ob Ugrians and Nenets of Western Siberia: ethnicity and power]. History Dr. Diss. Novosibirsk.
7. Shcherbich, S.N. (2016) The Obdorsk mission itineraries (60–70s of the 19th century): analysis of published sources. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 3(34). pp. 154–163. (In Russian).
8. Novikov, A.V. & Garkusha, Yu.N. (2017) *Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniy gorodishcha Ust'-Voykarskoe – 1 (Pripol'yarnaya zona Zapadnoy Sibiri) v 2012–2016 godakh* [Preliminary results of studies of the Ust'-Voikarskoe-1 settlement (Subpolar zone of Western Siberia) in 2012–2016]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 3(88). pp. 141–149.
9. Kartasheva, N.V. (2015) *Putevye zapiski russkikh missionerov na Dal'nem Vostoke kak model' kul'turnogo opisaniya territorii* [Travel logs of Russian missionaries in the Far East as a model of cultural description of the territory]. *Chelovek v mire kul'tury: kul'turnoe opisanie territorii* [Man in the World of Culture: Cultural Description of the Territory]. Proc. of the Tenth International Philosophical and Cultural Symposium. Ryazan. pp. 98–100.

Сведения об авторе:

Щербич Софья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: sofia-sh@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Shcherbich Sofya N. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. Leading Researcher of the Laboratory for Interdisciplinary Space Studies at Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: sofia-sh@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 01.09.2021; accepted for publication 05.07.2022

ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОЛОГИИ, ЭТНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

PROBLEMS OF ANTHROPOLOGY, ETHNOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Научная статья

УДК 94(57)

doi: 10.17223/19988613/78/19

Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г.

Василий Павлович Зиновьев

*Томский государственный университет, Томск, Россия,
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, vpz@tsu.ru*

Аннотация. Рассматривается межэтническое разделение труда в Забайкальской области в конце XIX в. На основе данных переписи 1897 г. доказываем, что кочевое скотоводство было главным в жизни бурятского населения области. Особенностью сословного положения бурят Забайкалья являлась запись значительного их числа в казаки. Основной деятельностью тунгусов было также традиционное скотоводство, но земледелие у них превращалось в главное занятие, как и у пришлого населения – русских и других выходцев из Европейской России. Евреи определились как в основном городское население, занятое ремеслом и торговлей.

Ключевые слова: Забайкальская область, межэтническое разделение труда, хозяйственное освоение, русские, буряты, тунгусы

Благодарности: Результаты исследования получены при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Зиновьев В.П. Межэтническое разделение труда в Забайкальской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 149–154. doi: 10.17223/19988613/78/19

Original article

Interethnic division of labor in the Trans-Baikal region according to the census of 1897

Vasiliy P. Zinoviev

*Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, vpz@tsu.ru*

Abstract. The interethnic division of labor in the Trans-Baikal region at the end of the XIX century is considered. Analysis of the 1897 census data for the Trans-Baikal region showed that a total of 676,500 people were counted, including 170,253 amateur persons and 506,247 persons living at their expense. The occupations of the population as a whole provided a simple reproduction of the labor force. Of the total number of the amateur population, 123,373 or 72.5% belonged to the alien peoples, 46,881 or 27.5% - to the Siberian indigenous peoples, 342,555 or 67.7% of the dependents belonged to the alien peoples, and 163,692 or 32.3% - to the Siberian indigenous peoples. The share of self-employed persons among the alien population was 26.5%, among the indigenous population of the region - 22.3%. The difference of 4.2% indicates the presence of a significant number of workers who came to work from outside the region and stayed for the winter.

The population who came from Europe was employed in all spheres of activity, most of all – in agriculture – 60,115 (48.7%), in industry – 20,198 (16.4%), in service – 10,691 (8.7%), existed at the expense of rent – 3,855 (3.1%), engaged in trade – 4,333 (3.5%), in transport and communications – 3,879 (3.1%), in military service – 6,905 (6.0%), in management – 1,408 (1.1%), engaged in forestry – 677 (0.5%), were in penitentiary institutions – 2,675 (2.2%), were engaged in fishing and hunting – 386 (0.3%), animal husbandry – 2,272 (1.8%), in education and medicine - 1,114 (0.9%), in correction of religious cults – 616 (0.5%), etc. The Jews, for whose exile to Siberia, along with the Kainsky and Mariinsky counties of the Tomsk province, the Verkhneudinsky and Barguzinsky districts of the Trans-Baikal Region were identified, settled mainly in cities, engaged in handicrafts and trade. Waste workers from China were engaged in the construction, probably, of the railway.

Nomadic cattle breeding was the main thing in the life of the Buryat population of the region. A feature of the estate status of the Buryats of Transbaikalia was the entry of a significant number of them into the Cossacks with the corresponding military duties. The main occupation of the Tungus was also traditional cattle breeding, but agriculture turned into their main occupation, as well as the alien population - Russians and other immigrants from European Russia. The Tunguses of the Barguzin district, like their relatives in other taiga regions of Siberia, were engaged in fishing and hunting. The author, based on the 1897 census data, proves that the interethnic division of labor took place mainly between the newcomers and the indigenous population of the region.

Keywords: Trans-Baikal region, interethnic division of labor, economic development, Russians, Buryats, Tunguses

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 "Human and the changing Space of Ural and Siberia".

For citation: Zinoviev, V.P. (2022) Interethnic division of labor in the Trans-Baikal region according to the census of 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 149–154. doi: 10.17223/19988613/78/19

Настоящая статья является продолжением исследования малоизученной проблемы межэтнического разделения труда в Сибири. Начата она Е.В. Карих, которая защитила на эту тему кандидатскую диссертацию, опубликовала монографию и ряд статей о межэтническом разделении труда русских и коренных народов Сибири в ее западной части [1–4]. Статистический анализ переписи 1897 г. по Восточной Сибири и Дальнему Востоку для определения характера межэтнического разделения труда ею был ограничен статьей об этнической структуре населения Якутской области [5]. Она доказала факт существования межэтнического разделения труда в Западной Сибири.

Анализ материалов переписи населения Российской империи 1897 г. по Енисейской губернии подтвердил вывод Е.В. Карих о делении населения на скотоводов-тюрок на юге губернии, пришлых, в основном русских, земледельцев в средней ее полосе и охотников и рыболовов эвенков и ненцев в таежной и арктической зонах [6. С. 122–121]. Материалы переписи 1897 г. по Иркутской губернии показывают, что

буряты Прибайкалья были уже больше земледельцами, чем скотоводами [7. С. 114–123]. Цель настоящей статьи – оценить характер межэтнического разделения труда в Забайкальской области по данным Первой все-российской переписи населения 1897 г.

Сведения таблицы XXII «Распределение населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка» по Забайкальской области в обобщенном виде представлены в табл. 1 настоящей статьи. Необходимо дать к ней пояснения. В ней выделены европейские народы, пришедшие в Сибирь начиная с XVII в. из-за Урала, и так называемые коренные народы Сибири: буряты, тунгусы. К ним добавлены неназванные в материалах переписи народы маньчжурской группы языков. Составители переписи понимали под термином «тунгусы» эвенков. Татары в таблице не разделены на сибирских, казанских и бухарских, поэтому они все внесены в пришлое население. Также выделены такие пришлые народы, как китайцы и евреи, которые были заняты преимущественно в промышленности и торговле.

Таблица 1

Распределение населения Забайкальской области по родному языку и видам занятий по данным переписи 1897 г.

№	Род занятий населения	Область		Пришлые народы		Коренные народы Сибири	
		Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы	Самодельное население	Иждивенцы
1–3	Управление	1 467	2 814	1 408	2 625	59	189
4	Военнослужащие	7 207	474	6 905	471	302	3
5–8	Служители культа	870	1 461	616	1 443	254	18
9–12	Образование, наука, культура, медицина	1 155	1 279	1 114	1 246	41	33
13	Прислуга	11 864	7 370	10 691	6 781	1 173	589
14–15	Рантье	4 285	1 979	3 855	1 942	430	37
16	Арестанты	2 696	193	2 675	193	21	0
17–18	Земледелие и пчеловодство	70 279	322 853	60 115	280 420	10 164	42 433
19	Животноводство	34 657	127 357	2 272	9 699	32 385	117 658
20	Лесные промыслы	709	733	677	705	42	28
21	Рыболовство, охота	967	2 633	386	1 109	581	1 524
22–40	Промышленность	20 509	14 725	20 198	14 358	311	367
41–45	Транспорт и связь	2 287	3 879	1 924	3 477	363	402
46–62	Торговля	4 463	8 687	4 333	8 492	130	195
63	Неопределенные занятия	486	351	433	333	53	18
64	Проституция	27	4	27	4	0	0
65	Занятия не указаны	1 492	864	1 178	1 735	314	129
Итого		170 253	506 247	123 373	342 555	46 881	163 692

Окончание табл. 1

№	Род занятий населения	Китайцы		Евреи		Буряты		Тунгусы	
		Самодеятельное население	Иждивенцы	Самодеятельное население	Иждивенцы	Самодеятельное население	Иждивенцы	Самодеятельное население	Иждивенцы
1–3	Управление	2	0	11	25	53	183	6	6
4	Военнослужащие	0	0	72	1	302	2	0	0
5–8	Служители культа	0	0	11	38	238	16	16	12
9–12	Образование, наука, культура, медицина	1	0	53	88	35	22	6	11
13	Прислуга	259	3	197	214	997	447	176	142
14–15	Рантье	2	0	102	139	365	27	65	10
16	Арестанты	12	0	162	46	17	0	4	0
17–18	Земледелие и пчеловодство	32	13	185	826	7 565	28 658	2 599	13 775
19	Животноводство	4	17	9	34	29 861	109 169	2 524	8 489
20	Лесные промыслы	124	0	4	9	35	13	7	15
21	Рыболовство, охота	0	0	11	37	33	49	548	1 475
22–40	Промышленность	1 413	2	555	1 153	174	175	137	192
41–45	Транспорт и связь	66	0	129	335	355	396	8	6
46–62	Торговля	416	11	764	2 239	114	178	16	17
63	Неопределенные занятия	2	3	9	9	44	12	9	6
64	Проституция	0	0	5	1	0	0	0	0
65	Занятия не указаны	15	0	58	50	270	113	44	16
Итого		2 351	59	2 351	5 482	40 598	139 527	6 283	24 165

Составлено по: [8. С. 112–120].

Рубрики таблицы XXII «Род занятий населения» из переписи в табл. 1 были укрупнены, поскольку для анализа межнационального разделения труда не требуется столь подробного разделения рода занятий населения.

Анализ данных табл. 1 показывает, что в Забайкальской области перепись 1897 г. учла всего 676 500 чел., в том числе 170 253 самодеятельных лиц и 506 247 лиц, живущих за счет их средств. Таким образом, занятия населения в целом обеспечивали простое воспроизводство рабочей силы. Один занятый содержал себя и троих иждивенцев. Из общего числа самодеятельного населения 123 373 чел., или 72,5%, относились к пришлым народам, 46 881 чел., или 27,5%, – к сибирским коренным народам, из числа иждивенцев 342 555 чел., или 67,7%, относились к пришлым народам, а 163 692 чел., или 32,3%, – к сибирским коренным народам. Доля самодеятельных лиц в числе пришлого населения составляла 26,5%, у коренного населения области – 22,3%. Разница в 4,2% свидетельствует о присутствии значительного числа отходников, пришедших на заработки из-за пределов области и оставшихся на зиму. Это, вероятнее всего, рабочие золотых приисков и строители железной дороги – в это время как раз и сооружалась Забайкальская железная дорога.

Пришлые были заняты во всех сферах деятельности, более всего – в земледелии – 60 115 чел. (48,7%), в промышленности – 20 198 чел. (16,4%), в услужении – 10 691 чел. (8,7%), существовали за счет ренты 3 855 чел. (3,1%), заняты в торговле 4 333 чел. (3,5%), на транспорте и связи – 3 879 чел. (3,1%), в военной службе – 6 905 чел. (6,0%), в управлении – 1 408 чел. (1,1%), заняты лесными промыслами – 677 чел. (0,5%), находились в пенитенциарных заведениях 2 675 чел. (2,2%), заняты рыболовством и охотой – 386 чел. (0,3%), животноводством – 2 272 чел. (1,8%), в образо-

вании и медицине – 1 114 чел. (0,9%), в исправлении религиозных культов – 616 чел. (0,5%) и т.д.

Коренные жители Сибири также занимались преимущественно животноводством – 32 385 чел. (69,1%), земледелием – 10 164 чел. (21,7%), рыболовством и охотой – 581 чел. (1,2%), заняты в промышленности 311 чел. (0,7%), в сфере услуг – 1 173 чел. (2,5%), существовали за счет ренты – 430 чел. (0,9%), на транспорте – 363 чел. (0,8%), на военной службе – 302 чел. (0,6%), в торговле – 130 чел. (0,3%). В остальных сферах были заняты немногие представители коренных народов области.

Более точное представление о занятиях коренного населения Забайкальской области дает анализ по каждому народу отдельно. Наиболее крупный из них – буряты – насчитывал 180 125 чел., из них 40 598 чел. относились к самодеятельному населению, в том числе земледельцами из них были 7 598 чел. (18,7%), скотоводами – 29 861 чел. (73,6%), занятыми военной службой – 302 чел. (0,7%), услугами – 997 чел. (2,5%), рыболовством и охотой – 335 чел. (0,8%), транспортом – 355 чел. (0,9%), исполнением религиозных обрядов – 238 чел. (0,6%), занятыми в промышленности – 174 чел. (0,4%), получали ренту – 365 чел. (0,9%). Таким образом, на первом месте у бурят Забайкалья было скотоводство, на втором, с большим отставанием, – земледелие, существенными были занятия промышленностью, услугами, охотой и рыболовством, военной службой, транспортом. Среди бурят появились профессиональные управленцы, служители религиозных культов, военные. Отрицательная сторона цивилизованности проявилась в наличии 17 арестантов. Такие данные свидетельствуют, что забайкальские буряты, в отличие от прибайкальских, сохранили свое традиционное занятие – скотоводство, а значительное число среди них служителей религиозных культов указывает

на сохранение традиционной религии. Они были сильнее втянуты в городскую среду, чем прибайкальские буряты. В городах области были учтены 1 663 представителей бурят, или 3,9% всех горожан области, в том числе 1 133 из них были отнесены к самостоятельному населению и составили 5,6% городского самостоятельного населения области, тогда как буряты Иркутской губернии составляли около полупроцента городского населения губернии [7. С. 114].

Тунгусы, второй по численности коренной этнос Забайкалья, не имели единой структуры занятости. Самостоятельные тунгусы делились на земледельцев – 2 599 чел. (41,4%), и скотоводов – 2 524 чел. (40,2%). Третьим по значению занятием для них являлись рыболовство и охота – 548 чел. (8,7%), заметными сферами приложения труда стали услуги – 176 чел. (2,8%), и промышленность – 137 чел. (2,2%). Забайкальские тунгусы (орочены) еще сохранили традиции кочевников-скотоводов, в отличие от их сородичей, ушедших в тайгу, и быстро эволюционировали к занятию земледелием. Рыболовство и охота, в отличие от их более северных сородичей в других регионах Сибири, были главными занятиями менее чем у 10% самостоятельного тунгусского населения Забайкалья. Все они жили в Баргузинском округе [8. С. 125]. Пример тунгусов Забайкалья свидетельствует о том, что межэтническое разделение труда – явление временное. Каждый этнос стремится к наиболее надежной системе жизнеобеспечения и довольно легко прощается с традиционной системой хозяйствования в пользу более эффективной. Скотоводы-тунгусы на юге области перешли к земледелию, а на севере – к рыболовству и охоте, занимая свободные природные зоны. С точки зрения классической экономики первое должно рассматриваться как прогресс, а второе – как деградация системы жизнеобеспечения. Однако в истории хозяйственного освоения Сибири сплошь и рядом народы при движении на север, в таежную и арктическую зоны, переходили от производящего к присваивающему способу обеспечения жизни. Гигантские пространства Северной Азии, ее малонаселенность делали это возможным при всей скудости природных даров.

Любопытную информацию материалы переписи дают о представителях еврейского этноса, которые попали в Сибирь не по своей воле. В Забайкальской области они составляли солидную колонию, особенно в уездах, в которые ссылались евреи, – 7 833 чел., из них 3 117 чел. жили в городах, в основном в Баргузине (456 чел.), Верхнеудинске (892 чел.) и Чите (1 160 чел.). Особенностью занятости самостоятельного еврейского населения была их концентрация в торговле и ремесле: из 2 351 самостоятельных лиц еврейской националь-

ности 764 занимались торговлей, 555 – ремеслом [Там же. С. 131–141]. Перепись также зафиксировала 72 еврея на военной службе, вероятнее всего это – кантонисты.

Можно сделать вывод, что Забайкальская область, так же как и Иркутская губерния, не была регионом классического разделения труда между пришлым населением и коренным. Выходцы из Европы были преимущественно земледельцами, буряты остались в основном скотоводами, хотя и совмещали скотоводство с земледелием. Тунгусы (эвенки, орочены) наряду с главным занятием – скотоводством, наполовину перешли к земледелию, тунгусы северного Баргузинского округа – к охоте и рыболовству.

Насколько изменился за время нахождения в империи сословный статус инородцев Забайкальской области, дает представление таблица XXIV «Распределение населения по родному языку, сословиям и состояниям». На основании данных таблицы XXIV были выделены сведения о бурятах и тунгусах (табл. 2). Анализ полученных сведений показывает, что сословная идентичность была несколько разрушена у бурят Забайкалья, 84,5% которых отнесли себя к инородцам, тогда как тунгусы остались в сословии сибирских инородцев на 99,3%. Следует отметить, что бурятская знать пробилась в дворяне и купеческое сословие. Политика перевода бурят в казаки в XVIII – первой половине XIX в. в Забайкальской области имела серьезные последствия: к концу XIX в. до 15% их считались казаками. В государственные же крестьяне перешли доли процента инородцев области.

Надо напомнить также, что деление населения в переписи произведено по основным занятиям. Таблица XXIII «Распределение населения, занимающегося сельским или кочевым хозяйством, рыболовством и охотой по побочным промысловым занятиям» дает представление о масштабах отхожих и побочных промыслов сельского населения, в основном русского по этническому составу (табл. 3). Число сельских жителей, занятых побочными промыслами, значительно превосходило число самостоятельного коренного населения в традиционных для них отраслях производства – рыболовстве и охоте: 6 363 чел. против 581. Земледельцы (русские, буряты, тунгусы) уже вытесняли охотников и рыболовов губернии из их главных промысловых сфер. Они занимались десятками различных отхожих побочных промыслов; к сожалению, данные переписи не дают возможности разделить их в побочных занятиях. Начавшие проникать в Забайкалье подданные Цинской империи (2 410 чел.) занимались преимущественно торговлей и работой на строительстве железной дороги.

Таблица 2

Распределение инородцев Забайкальской области по сословиям по данным переписи 1897 г.

Народы	Сословия							Всего
	Дворяне	Купцы и почетные граждане	Мещане	Крестьяне	Казаки	Инородцы	Прочие	
Буряты	135	126	25	417	27 155	152 157	104	180 125
Тунгусы	0	1	0	43	107	30 243	31	30 448
Итого	115	127	25	821	27 262	182 400	115	210 573

Составлено по: [8. С. 162–163].

Таблица 3

Распределение сельского населения Забайкальской области по побочным промыслам по данным переписи 1897 г.

Занимающихся побочными промыслами	Самодельных	Членов семей	Итого
Общее число занятых в сельском хозяйстве	105 923	452 853	558 776
В том числе занимающихся побочными промыслами	45 975	22 208	68 183
Из них: земледелием и садоводством	11 938	6 311	18 249
пчеловодством и шелководством	7	0	7
скотоводством	17 087	3 234	20 321
лесными промыслами	1 259	679	1 938
рыболовством и морским промыслом	2 294	961	3 255
промысловой охотой	2 152	956	3 108
горными промыслами	607	419	1 026
обрабатывающей промышленностью	3 689	7 112	10 801
строительством	2 547	741	3 288
транспортом	4 283	1 868	6 151
торговлей и услугами	627	277	904
черной и поденной работой	1 496	1 207	2 703

Составлено по: [8. С. 156–160].

Таким образом, к концу XIX в. межэтническое разделение труда в Забайкальской области еще сохранялось применительно к бурятскому этносу; русское и тунгусское население уже мало различалось по характеру

трудовой деятельности в сельской местности. В то же время следует отметить, что коренное население области, как и в других регионах Сибири, чуждалось городов и почти не занималось индустриальным трудом.

Список источников

1. Карих Е.В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
2. Карих Е.В. Поземельные отношения в Енисейской губернии между коренным и пришлым населением во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 317. С. 101–104.
3. Карих Е.В. Экономические связи эвенков и русских на севере Иркутской губернии во второй четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 113–114.
4. Карих Е.В. Значение Аноуйской ярмарки в межэтнической интеграции русских и чукчей // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9). С. 124–129.
5. Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92–95.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Тип. Князя В.П. Мещерского, 1904. Т. LXXIII: Енисейская Губерния. [4], X, 185 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Тип. Князя В.П. Мещерского, 1904. Т. LXXV: Иркутская Губерния. [4], XVI, 172 с.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : Тип. Князя В.П. Мещерского, 1904. Т. LXXIV: Забайкальская область. [4], X, 184 с.

References

1. Karikh, E.V. (2004) *Mezhetnicheskie otnosheniya v Zapadnoy Sibiri v protsesse ee khozyaystvennogo osvoeniya* [Interethnic relations in Western Siberia in the process of its economic development]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Karikh, E.V. (2008) *Pozemel'nye otnosheniya v Eniseyskoy gubernii mezhdru korennyim i prishlym naseleniem vo vtoroy polovine XIX v.* [Land relations in the Yenisei province between the indigenous and newcomers in the second half of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 317. pp. 101–104.
3. Karikh, E.V. (2009) *Ekonomicheskie svyazi evenkov i russkikh na severe Irkutskoy gubernii vo vtoroy chetverti XIX v.* [Economic relations between Evenks and Russians in the north of the Irkutsk province in the second quarter of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 320. pp. 113–114.
4. Karikh, E.V. (2010) *Znachenie Anyuyskoy yarmarki v mezhetnicheskoy integratsii russkikh i chukchey* [Significance of the Anyui fair in the inter-ethnic integration of Russians and Chukchi]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriy – Tomsk State University Journal of History*. 1(9). pp. 124–129.
5. Karikh, E.V. (2007) *Etnicheskaya struktura naseleniya Yakutskoy oblasti v kontse XIX veka* [Ethnic structure of the population of the Yakutsk region at the end of the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 92–95.
6. Troynitsky, N.A. (ed.) (1904a) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897]. Vol. LXXIV. St. Petersburg: Tip. knyazya V.P. Meshcherskogo.
7. Troynitsky, N.A. (ed.) (1904b) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897]. Vol. LXXV. St. Petersburg: Tip. knyazya V.P. Meshcherskogo.
8. Troynitsky, N.A. (ed.) (1904c) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii, 1897 g.* [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897]. Vol. LXXIV. St. Petersburg: Tip. knyazya V.P. Meshcherskogo.

Сведения об авторе:

Зиновьев Василий Павлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия); ведущий научный сотрудник

Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия).
E-mail: vpz@tsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zinoviev Vasily P. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); leading researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research of Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 14.02.2022; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 39:643

doi: 10.17223/19988613/78/20

Традиционные жилища алтайцев России и монголов Китая: сравнительно-этнографический анализ

Мэн Ян

Томский государственный университет, Томск, Россия, mengyang777@mail.ru

Аннотация. Дается характеристика важнейшей части материальной культуры алтайцев России и монголов Китая: рассматриваются типы традиционных жилищ как особый вид архитектуры, формировавшийся в тесной связи с ландшафтом, основными занятиями и образом жизни. Определяются факторы, повлиявшие на выбор типов жилищ данных народов. Выделяются сходства и различия видов жилищ кочевых народов Горного Алтая и Монголии. Делается вывод о сходствах традиционных жилищ алтайцев и монголов, что вызвано подобными условиями проживания и традициями хозяйствования.

Ключевые слова: алтайцы, монголы, кочевая культура, экосистема, типы жилищ, национальная культура.

Для цитирования: Мэн Ян. Традиционные жилища алтайцев России и монголов Китая: сравнительно-этнографический анализ // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 155–160. doi: 10.17223/19988613/78/20

Original article

Traditional dwelling of Russian Altai people and Chinese Mongols: comparative ethnographic analysis

Meng Yang

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mengyang777@mail.ru

Abstract. The article characterizes a very important part of Russian Altai and Chinese Mongols' material culture: the types of traditional dwellings. These dwellings, which are considered to be a special type of architecture, were formed in close connection with the landscape, the main occupations and way of life. The article determines main factors that influenced these peoples' choice of types of dwellings and highlights the similarities and differences in the types of dwellings.

The article makes a conclusion is about the similarities of traditional dwellings caused by similar living conditions and economic traditions. The problem of the origin and evolution of dwellings of nomadic peoples in Russian historiography has been studied since the second half of the 19th century up to the present.

The features of the construction of dwellings of the Altai peoples of Russia and the Mongols of China are due to the nomadic way of life, harsh natural conditions, and unfavorable climate. The traditional dwelling of the Altaians of Russia and the Mongols of China is a mobile, light and comfortable yurt. The cone-shaped yurt of the Altaian has some similarities with the traditional dwellings of the Mongols of China, their main difference lies in the yurt design and material of the covering. There are several types of dwellings in the culture of the Altai peoples and Mongols, determined by the environment and lifestyle.

The common features of dwellings of these two folks can be explained both by a similar habitat and by ethnogenetic ties. The dwelling of the nomads of the Altai Mountains differs from the dwelling of the nomads of China in its greater sophistication and desire for a more settled way of life. However, the yurt still seems to be the most characteristic type of dwelling among the nomadic peoples of the Altai Mountains and China. The traditional dwellings of the nomads are a reliable, comfortable shelter from bad weather and harsh climatic conditions, the optimal type of dwellings in the conditions of a mobile lifestyle associated with cattle breeding and the need for new pastures. Yurt, which was invented in the middle of the first millennium AD, fits well to nomadic life. Each nation had its own version of the yurt, however, the similarity of the existence of the yurt among the two folks can be explained both by the specific features of their economy and lifestyle, and by the similar climate in their places of residence. And also we should not forget about the turbulent history of Central Asia, when great empires arose and collapsed, the heirs of which are the modern Turkic and Mongolian peoples, between whom there were strong and close cultural contacts.

Keywords: altai people, mongols, nomadic culture, ecosystem, dwelling places types, national culture.

For citation: Meng Yang (2022) Traditional dwelling of Russian Altai people and Chinese Mongols: comparative ethnographic analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 155–160. doi: 10.17223/19988613/78/20

Актуальность исследования обусловлена важной ролью систематизации сведений о традиционных жилищах кочевых народов, которая позволяет решать проблемы этногенеза и этнической истории, определяющих национальное самосознание, а также дает возможность выявления этнокультурных контактов между народами Центральной Азии на разных этапах исторического развития. Цель данной работы – проведение сравнительно-этнографического анализа традиционных жилищ алтайцев России и монголов Китая для выявления общего и особенного в их материальной культуре, что направлено на реконструкцию исторических процессов в Центральной Азии и Южной Сибири. Следует отметить, что вопросы этногенеза и этнической истории являются неперенной частью национальных идеологий и порой становятся предметами спекуляции. Поэтому знание этих проблем необходимо для обнаружения фальсификаций исторических фактов. Не менее актуальна проблема, связанная с экологией. Решение экологических проблем, учитывая последствия индустриального развития общества, является одним из актуальных направлений современности. Опыт жизни в экосистемах, накопленный кочевыми народами, должен быть востребован. Традиционные типы жилья алтайцев и монголов могут стать важной частью развития этнографических музеев под открытым небом, а также подходящими жилищами на базах отдыха в зонах экотуризма.

Источниковая база представлена как письменными средневековыми источниками, так и материалами российских этнографов XIX – начала XX в. Последние можно рассматривать не только как источники, но и как начальный этап формирования историографического направления сибирской этнографии. Упоминания кочевых народов Центральной Азии, описание их быта и нравов имеются уже в ранних китайских письменных источниках. Большой интерес представляет «Сокровенное сказание», или «Секретная история монголов», написанная в 1240 г. [1], в которой наряду с описанием их политической истории имеются и отдельные этнографические сведения. На рубеже XIII–XIV вв. персидским ученым Рашид-ад-Дином создается «Сборник летописей», посвященный событиям в Центральной Азии в период правления Чингисхана и его потомков [2].

Научная новизна исследования состоит в том, что предпринята попытка систематизации сведений о традиционных жилищах кочевых народов Горного Алтая и Китая. В российской историографии проблеме происхождения и эволюции жилищ кочевых народов посвящено исследование Н.Н. Харузина [3]. Традиционные жилища автохтонного населения Горного Алтая описаны В. Вербицким [4. С. 15] и В. Радловым во второй половине XIX в. [5. С. 172–174]. В советской историографии описанию типов жилищ алтайцев посвящена специальная работа Е.М. Тошчаковой [6]. Вопросы генезиса традиционных жилищ алтайцев ча-

стично рассмотрены Л.И. Шерстовой [7. С. 110–115]. Изучению тувинского жилища посвящена работа С.И. Вайнштейна [8]. Учитывая этногенетические связи южных алтайцев и тувинцев, это исследование важно при проведении сравнительно-этнографического описания жилищ кочевников Центральной Азии.

Изучение традиционных жилищ монголов нашло отражение в китайской историографии. В работах Чоу Гэцзиня «Изменения кочевой культуры во Внутренней Монголии» [9], Чжана Бочэна «Краткий анализ эволюции юрт и изменений монгольской кочевой культуры» [10], Ма Цзяньцина «Эстетические характеристики традиционной архитектуры кочевников во Внутренней Монголии на примере юрты» [11] даны описания различных типов жилищ монголов Китая, выявлены их конструктивные особенности, показана высокая степень их адаптации к природно-ландшафтным зонам Центральной Азии. Имеются сведения и о менталитете монголов.

Алтайцы являются коренным народом, населяющим горы и предгорья Алтая. Проживают в России, главным образом в Республике Алтай. Несколько тысяч человек издавна живут также в прилегающих областях Монголии и Китая. Этнос Горного Алтая принято делить на две группы: северные – *тубалары*, *кумандинцы* и *челканцы*, и южные – *алтай-кижи*, *теленгиты* и *телеуты*. Впервые такая классификация была предложена В. Вербицким в издании «Алтайские инородцы» [4]. В основу подразделения алтайцев на северных и южных он положил различия в ведении хозяйства. В современной историографии такое деление автохтонного населения Горного Алтая является общепринятым [12. С. 375]. Целью данного исследования является изучение жилищ южных алтайцев – *алтай-кижи* и *теленгитов*, которые занимаются скотоводством. Поэтому в тексте термин «алтайцы» употребляется по отношению именно к южным алтайцам, т.е. к *алтай-кижи* и *теленгитам*. Жизнь и традиционная культура южных алтайцев тесно связаны с природой Алтая. Особенность этого народа в том, что весь их быт, культура, традиции пропитаны искренней любовью и глубоким уважением к родной земле.

Монгольский народ вошел в историю как великий завоеватель и покоритель новых просторов. Его историческое и культурное наследие является одним из богатейших в мире. Монголы Китая проживают преимущественно на территории Внутренней Монголии, которую иначе называют «царством пастбищ». Это предопределило основной род занятий проживающих там кочевников – скотоводство. Климат Внутренней Монголии резко континентальный. Зимы очень суровые и малоснежные, либо вовсе без снега. Лето жаркое и засушливое. Возможны песчаные бури, а зимой – метели.

Монгольский народ представляет собой не единый этнос, а целую группу этнических групп (в прошлом – «племен»). Большая их часть делится на две группы –

нирун и дарлекин. Происхождение восточных, северных, западных и южных монголов значительно различается. В состав восточных монголов входят следующие этносы: *халха-монголы*, *дариганга*, *дархаты*, *сартулы*, *хотогойты*. Группу северных монголов образуют различные этнические группы *бурят*. Южные монголы включают в себя этносы, преимущественно проживающие на территории Внутренней Монголии: *авга*, *авганары*, *аоханы*, *асуты*. В западных аймаках страны – Убсунурском, Кобдоском, Баян-Улэгейском – проживают *дербэты*, *баяты*, *захчины*, *торгуты* и *олеты*. В их этногенезе принял значительное участие тюркский компонент, что до сих пор прослеживается в некоторых элементах материальной и духовной культуры [13. С. 59]. Образ жизни западных монголов более схож с бытом алтайцев, что обусловлено проживанием в районах, в которых горно-таежные ландшафты перемежаются степными долинами, пригодными для круглогодичного выпаса скота. Горные хребты Алтая перемежаются межгорными котловинами, в южной части региона преобладают степные пространства. Горный Алтай отличается большим количеством солнечных дней. Лето засушливое и теплое, зима мягкая, снега выпадает довольно мало, что способствует развитию скотоводства в этих районах. Также уместно провести параллель между западными монголами и *алтай-кижи*, восточными монголами и *теленгитами*, территории обитания которых представлены широкими межгорными долинами.

Этнические и этнокультурные процессы, происходившие в прошлом и происходящие в настоящем в жизни алтайцев России и монголов Китая, напрямую влияют на особенности их жилищ. Специфика построения жилищ этих народов обусловлена кочевым образом жизни, а также проживанием в суровых, неблагоприятных климатических условиях.

Тысячелетняя история этих народов накопила опыт безущербоного природопользования, при котором кочевники практически не наносят вреда окружающей экосистеме. Согласно взглядам кочевников, человек является частью природы, и поэтому он должен находиться в гармонии с ней.

Традиционным жилищем алтайцев России и монголов Китая является мобильное, легкое и комфортное сборно-разборное жилище – юрта, которая алтайцами именуется *аил*, а монголами – *гэр*. Юрты идеально приспособлены к суровым условиям пустыни, степи. Они верно служат своим хозяевам более пяти тысяч лет, с эпохи первых кочевников-скотоводов.

Основой экономики алтайцев издревле являлось скотоводство. Разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз. Достаточно суровые естественные условия Центрального и Западного Алтая привели к тому, что алтайцы кочевали таким образом, чтобы сохранить сенокосные угодья и пастбища для зимней тебеневки [14. С. 559]. На зиму они располагались под защитой южных, залесенных склонов гор, в травянистых логах и распадках. Обычным способом выпаса скота в зимнее время является тебеневка. Летом скот отгоняли на высокогорные пастбища и на субальпийские луга, где ставили летние стоянки. Таким образом, алтайцы

приспособились к окружающей среде, избегая падежа скота и связанных с ним голодовок.

У южных алтайцев России бытовало несколько типов традиционных жилищ:

1) конусообразная, коническая, покрытая корой березы или лиственницы постройка – *чадыр*;

2) цилиндрическая, решетчатая, покрытая войлоком юрта – *кереге*;

3) рубленый многоугольный шалаш – *аил*.

Конусообразная юрта алтайцев *чадыр* имеет некоторое сходство с традиционными жилищами монголов Китая, основное отличие их заключается в конструкции и материале покрытия жилища. Основу *чадыра* составляют три толстые жерди и множество более тонких, в нижней части они образуют круг, в верхней – связываются вместе. В центре земляного пола расположен очаг, над ним – отверстие. Сверху *чадыр* покрывали корой.

Алтайская юрта *кереге* появилась в степных, бедных древесной растительностью районах и была связана с постоянными передвижениями. Отсюда ее «складное устройство» и легкость транспортировки. Основой цилиндрической юрты является войлок. Подобные войлочные юрты можно встретить только Кош-Агачском районе Республики Алтай – у *теленгитов*. Сейчас такие юрты используются в весенне-летний период для временного проживания. Основу юрты составляют жерди, которые скрепляются в виде решетки. Сверху жилище покрывается войлоком или шкурами животных, что позволяет поддерживать комфортную температуру внутри круглый год. Пол в юрте чаще всего был земляным. В центре – очаг, над ним, наверху, купол – дымоход. Над очагом размещали горизонтальные жерди для вяления мяса и сыра. По своей конструкции и форме, а также по отдельным деталям такое жилище сходно с монгольской юртой, возникновение которой также было вызвано необходимостью частого передвижения в степях Внутренней Монголии.

Вообще различают два вида юрты – тюркский и монгольский. Распространение у южных алтайцев юрты монгольского типа объясняется тесными контактами с различными монгольскими этносами, начиная с древности и Средневековья, когда территория Горного Алтая стала частью Монгольской империи. Усиление монгольского культурного влияния вплоть до середины XVIII в. было обусловлено включением Горного Алтая в состав Джунгарского ханства, когда местная знать демонстрировала свою верность и через заимствование некоторых монгольских элементов культуры, в том числе и престижного типа жилища – юрты [Там же. С. 556].

Кроме того, у южных алтайцев широко распространены *аилы*. Срубные жилища становятся постоянными стационарными жилищами населения Горного Алтая очень рано – это отражено в эпосе, в археологических памятниках (погребальные камеры Пазырыкских курганов). Построение аилов требует специальных знаний и особой строительной техники. Их и по сей день можно встретить на территории Горного Алтая как постройки для проживания в летнее время. Летом многоугольное жилище становится кухней, а зимой

превращается в амбар. В современной культуре алтайцев айлы приобрели символическое значение – они являются важным элементом в свадебной обрядности. В основе айла – сруб. Крыша сруба имеет куполообразную форму, как у юрты, и покрыта корой лиственницы. Окон в *айле* не делают, в зимнее время источником света является очаг, расположенный в центре, в летнее – открытая дверь. В отличие от юрты и *чадыра* вход в *кажан-айл* не обязательно расположен с восточной стороны, главное, чтобы через него была хорошо видна коновязь – столб для привязывания лошадей.

Современный Китай является многонациональным государством. Монголы Китая – один из крупнейших по численности «неханьских» народов. Основным видом деятельности населения Автономного Района Внутренняя Монголия (АРВМ) является кочевое скотоводство. Оно существует в районах сплошного монгольского населения, занимающих западную часть АРВМ, главным образом в аймаках Уланцаб, Силингол и в западной части аймака Хуна.

Монголы Китая разводят овец, коз, лошадей, крупный рогатый скот и верблюдов. В скотоводческих районах наибольший процент поголовья приходится на мелкий скот – коз и овец, за ними следует крупный рогатый скот, далее лошади и в отдельных районах верблюды. В юго-западных и северо-западных полупустынных районах целесообразность разведения коз и овец вызвана тем, что высокогорные и полупустынные пастбища наиболее полно используются именно этим видом скота [9]. Разведение мелкого рогатого скота стимулировало развитие текстильной промышленности. Из местного сырья производят шерстяные ткани, развиты войлочное, овчинно-шубное производство, изготовление одеял и пледов.

В юго-западной и северо-западной частях Внутренней Монголии скот круглый год содержится на пастбищах. Количество перекочевок со скотом в течение года зависит от места расположения стада. В бедном пастбищами Гобинском районе стада чаще перекочевывают, нежели в районах, прилегающих к Хингану. Это обусловлено тем, что весной скот пасется на южных склонах гор и в долинах рек, а летом и осенью он перегоняется в открытые степи. На зиму монголы перекочевывают к подножиям гор и в горные пади, где их жилища надежно защищены от ветра. Пастбища располагаются на южных и юго-западных склонах гор, где, разрывая копытами снег, животные добывают корм. Воду в этот период заменяет снег [10. С. 112].

Жилищем кочевого населения служит войлочная юрта – *гэр*. Необходимость создания ветроустойчивого и теплого жилища привела к тому, что монгольская юрта невысокая и с покатой крышей. Основу ее составляют раздвижные решетчатые стены (*ханы*), количество которых колеблется от 4 до 8, а в исключительных случаях доходит до 12. Ханы расставляются по кругу и в местах стыков связываются волосяными шнурами. Верхняя часть юрты имеет форму усеченного конуса, состоящего из длинных палок (*уни*), которые одним концом прикрепляются к решетке, другим вставляются в отверстие обруча (*тоно*), служащего одновременно как для проникновения света в юрту,

так и для выхода дыма из очага. Остов юрты покрывается войлочными покрышками и обвязывается волосяными веревками. В отличие от юрты алтайцев вход в юрту обращен на юг, а не на восток [11].

С внутренней стороны юрты делается двустворчатая деревянная дверь, над которой снаружи спускается войлочная стеганая покрышка в виде занавеса. Внутри юрты, под отверстием в крыше, помещается очаг; иногда это железная печь, иногда железный таган с поставленной на нем чугунной чашей. Последняя служит для варки мяса и кипячения чая и молока. Правая половина от входа считается женской. Здесь обычно находится хозяйка с детьми, размещаются полочки с посудой, сундуки с провизией и низкая деревянная семейная кровать, покрытая войлоком. Прямо против дверей ставятся столик с изображением Будды и сундуки для разных вещей. Левая сторона считается мужской половиной, в ней находится хозяин, размещаются гости-мужчины. Ближе к дверям складываются седла, сбруя, охотничьи принадлежности, летом здесь ставят кожаные бурдюки с квашеным молоком, в зимнее время помещают маленьких ягнят и телят.

Шалаш выступал альтернативой юрте. Он более прост по конструкции, но в то же время менее надежен и благоприятен для проживания. Среди алтайцев шалаши не были распространены, а вот монголы часто строили конические шалаши.

Одним из древнейших видов жилья, также имевшим широкое распространение среди кочевых народов, в том числе алтайцев и монголов, является постройка, аналогичная универсальному чуму. Чумом принято называть постройку в виде шалаша, сделанную из жердей и накрытую сверху войлоком, различными шкурами животных или берестой. Многие историки считают чум одним из первых искусственно созданных видов жилья.

Алтайцы именовали чум *чадыром*, или же *содон айлом*, к его подготовке подходили долго и тщательно, поэтому он служил своим жителям на протяжении десятилетий. При его постройке использовали жерди. *Чадыр* алтайцев был схож по конструкции с чумом, состоял из трех основных жердей в основании. Среди монголов аналог *чума-чадыра*, который они именовали *алачугом*, был свойствен для кочевников-бедняков. Монголы также часто использовали *кер теркены* – неразборные жилища на телегах, которые были гораздо менее удобными, но сравнительно более простыми по конструкции и доступными для изготовления. Эти неразборные монгольские жилища на повозках сохранили, вероятно, конструкцию шалашей хуннского типа, распространившуюся у кочевников еще в конце I тысячелетия до н.э. [10. С. 113].

Жилье кочевников Горного Алтая отличалось от жилья кочевников Китая большей проработанностью и стремлением к более оседлому образу жизни. Монголы зачастую использовали жилье, которое в любой момент можно было собрать и перевезти в место миграции, алтайцы же отдавали предпочтение уюту и комфорту и зачастую были готовы даже оставить свое жилище в случае необходимости покинуть зону проживания. И все же из всех вышеперечисленных типов

жилья юрта представляется наиболее характерным и оригинальным жилищем в условиях частой смены пастбищ, получив широкое распространение среди кочевых народов Горного Алтая и Китая.

Таким образом, в культуре алтайцев и монголов имеется несколько типов жилищ, обусловленных средой обитания и образом жизни. У алтайцев – *алтай-кижи* превалируют *чадыр* и срубное жилище – *аил*, юрта-*кереге* чаще встречалась у *теленгитов*. Юрта для *алтай-кижи*, как отмечалось, являлась престижным жилищем. У западных монголов преобладает *чадыр*, у восточных – юрты, *гэр*.

Юрта обнаруживает явные сходства в конструкции, организации внутреннего пространства, в используемых для ее строительства материалах у южных алтайцев и монголов. Для монголов она была основным типом жилища, тогда как у алтайцев превалировал *аил*. Существуют и другие типы жилищ, свойственные как для алтайцев (*аланик*, *чадыр*), так и для монголов (*алачуг*, *кер теркен*). При этом данные жилища не нарушают окружающую экологическую среду. Они идеально «вписываются» в ландшафт и поэтому привлекательны для продвижения экотуризма в степных, горно-степных и пустынных ландшафтах.

Таким образом, появление общих типов жилищ алтайцев и монголов можно объяснить как похожей средой обитания, так и этногенетическими связями,

т.е. общим происхождением и разновременными этнокультурными контактами, особенно когда речь идет о западных монголах и южных алтайцах.

При этом следует отметить, что традиционные жилища кочевников Горного Алтая и Китая имеют определенные сходства. Эти строения являются надежным, комфортным укрытием от непогоды и суровых климатических условий, оптимальным типом жилищ в условиях ведения подвижного образа жизни, связанного со скотоводством и потребностью в новых пастбищах. Генезис жилища кочевых народов Центральной Азии достаточно сложен. Результатом данного процесса явилось изобретение в середине I тысячелетия н.э. чрезвычайно приспособленного к кочевому быту узкоспециализированного типа жилища – юрты. В этот период завершается формирование хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов.

У каждого народа существовал свой вариант юрты, тем не менее сходство бытования юрты у алтайцев и монголов можно объяснить как спецификой их хозяйства и образа жизни, так схожим климатом в местах их проживания. Не следует забывать и о бурной истории Центральной Азии, когда возникали и рушились великие империи, наследниками которых являются современные тюркские и монгольские народы, между которыми существовали прочные и тесные культурные контакты.

Список источников

1. Чигиринский М.Ф. «Юань-чао ми-ши» и первое полное русское издание текста и перевода этого памятника // Страны и народы Востока / под общ. ред. М.Н. Боголюбова. СПб. : Петербургское Востоковедение, 1998. Вып. 29: Борис Иванович Панкратов. Монголистика. Синология. Буддология. С. 66–104.
2. Рашид-ад-Дин. Сборник Летописей. История Монголов. М., 1858. 322 с. (Записки императорского археологического общества; т. 14).
3. Харузин А.Н. Курганы Букеевской степи. М. : тип. т-ва А. Левенсон и К°, 1890. 244 с. (Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Труды антропологического отдела; т. 11, вып. 2).
4. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы : сб. этногр. ст. и исслед. М. : Скоропеч. А.А. Левенсон, 1893. 221 с.
5. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб. : Тип. Императорской Акад. наук, 1866. Ч. 1: Подарение Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. 453 с.
6. Тошчакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1978. 157 с.
7. Шерстова Л.И. Бурханнизм: истоки этноса и религии / отв. ред. В.П. Зиновьев. Томск : Том. гос. ун-т, 2010. 288 с.
8. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. М. : Изд-во вост. лит., 1961. 218 с.
9. Чао Гэцзинь. Нэймэнгу цюйюу вэнхуадэ бяньцзянь (Изменения кочевой культуры во Внутренней Монголии) // Миньцзу луньтань. 2018. № 6. С. 131.
10. Чжан Бочэн. Цяньси мэньгубаодэ яньбянь юй мэньгуцу юму вэнхуадэ бяньцзянь (Краткий анализ эволюции юрт и изменений монгольской кочевой культуры) // Оценка культурных реликвий. 2018. № 3. С. 112–113.
11. Ма Цзяньцин, Ань Сяокэ. Нэймэнгу чуаньтун юму цзяньчжудэ мэйсюэ тэдянь – и мэньгубао вэй ли. (Эстетические характеристики традиционной архитектуры кочевников во Внутренней Монголии на примере юрты) // Цзоуаньцзун. 2018. № 18. С. 249.
12. Тюркские народы Восточной Сибири / сост. Д.А. Функ, Н.А. Алексеев. М. : Наука, 2008. 422 с.
13. Цзи Хулинь. Бяньцзяньчжундэ яньсюй: цинхай мэньгуцу «Цзоуаотээр» сисудэ бяньцзянь цяньси (Продолжение изменений: краткий анализ изменений в обычаях монгольского народа, традиция Цзоуаотээр) // Сибу миньцзу луньтань. 1895. С. 59–62.
14. Ченчулаева Э.В., Куликова И.В. Традиционные жилища коренных народов Алтая // Избранные доклады 67-й Университетской науч.-техн. конф. студентов и молодых ученых. Томск : ТГАСУ, 2021. С. 556–563.

References

1. Chigirinsky, M.F. (1998) “Yuan'-chao mi-shi” i pervoe polnoe russkoe izdanie teksta i perevoda etogo pamyatnika [“Yuan'-chao mi-shi” and the first complete Russian edition of the text and translation of this monument]. In: Bogolyubov, M.N. (ed.) *Strany i narody Vostoka* [Countries and Peoples of the East]. Vol. 29. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. pp. 66–104.
2. Rashid ad-Din. (1858) *Sbornik Letopisey. Istoriya Mongolov* [Collection of Chronicles. History of the Mongols]. Vol. 14. Moscow: [s.n.].
3. Kharuzin, A.N. (1890) *Kurgany Bukeevskoy stepi* [Burial Mounds of the Bukeevskaya Steppe] Moscow: Tip. t-va A. Levenson i K°.
4. Verbitskiy, V.I. (1893) *Altayskie inorodtsy* [The Altai non-Slavs]. Moscow: A.A. Levenson.
5. Radlov, V.V. (1866) *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi* [Samples of folk literature of the Turkic tribes living in southern Siberia and the Dzungar steppe]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
6. Toshchakova, E.M. (1978) *Traditsionnye cherty narodnoy kul'tury altaytsev (XIX – nachalo XX v.)* [Traditional features of the folk culture of the Altaians (the 19th – early 20th century)]. Novosibirsk: Nauka.
7. Sherstova, L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: Origins of Ethnos and Religion]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Weinstein, S.I. (1961) *Tuvintsy-todzhintsy* [Tuvans-Todzhans]. Moscow: Izd-vo vost. lit.
9. Chao Gejin. (2018) Neimenggu quyu youmu wenhuade bianqian [Changes in cattle breeding culture in Inner Mongolia]. *Minjian wenhua luntan*. 6. p. 131.

10. Zhang Bocheng. (2018) Qianxi menggubaode yanbian yu menggu zu youmu wenhuade bianqian [Initial analysis of West Mongolian yurt and cattle breeding culture's changes]. *Wenwu jianding yu jianshang*. 3. pp. 112–113.
11. Ma Jianqing & An Xiaoke. (2018) Neimenggu chuantong youmu jianzhude meixue te dian – yi menggubao wei li [Aesthetics of traditional architecture in shepards culture: with the example of Mongol yurt]. *Juan zong*. 18. p. 249.
12. Funk, D.A. & Alekseev, N.A. (2008) *Tyurkskie narody Vostochnoy Sibiri* [Turkic peoples of East Siberia]. Moscow: Nauka.
13. Ji Hulin. (1895) Bianqianzhongde yanxu: Qinghai mengguzu “zouaoteer” xisude bian qian qianxi [Continuity in Change: The Zouaoter tradition of Qinghai Mongol people: analysis and change]. *Sibu menggu luntan*. pp. 59–62.
14. Chenchulaeva, E.V. & Kulikova, I.V. (2021) Traditsionnye zhilishcha korennykh narodov Altaya [Traditional dwelling of aboriginal peoples of Altai]. In: *Izbrannye doklady 67-y Universitetskoy nauch.-tekhn. konf. studentov i molodykh uchennykh* [Selected reports of the 67th University Scientific and Technical Conference of Students and Young Scientists]. Tomsk: TSUAB. pp. 556–563.

Сведения об авторе:

Мэн Ян – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mengyang777@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Meng Yang – Postgraduate Student of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mengyang777@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 07.02.2022; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК [(94:39):001.891] (=554)

doi: 10.17223/19988613/78/21

Научное изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 50-е гг. XX в.

Александр Альбертович Сулейманов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, Якутск, Россия, alexas1306@gmail.com

Аннотация. Изучается история исследования коренных малочисленных народов Севера, проживающих в арктических районах Якутии, в 1950-е гг. Выявлены и рассмотрены важнейшие реализованные в регионе научные проекты, показаны их персональный состав, методика проведения, география и ключевые направления. Дана характеристика основным положениям, выработанным участниками проведенных изысканий. Установлено, что в исследуемый период в силу комплекса факторов в Якутии произошла значительная активизация работы по научному изучению аборигенных этносов.

Ключевые слова: Якутия, коренные народы, Академия наук СССР, экспедиции

Благодарности: Работа выполнена с использованием научного оборудования ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН № 13.ЦКП.21.0016.

Для цитирования: Сулейманов А.А. Научное изучение коренных малочисленных народов Севера в арктических районах Якутии в 50-е гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 161–171. doi: 10.17223/19988613/78/21

Original article

Scientific study of arctic indigenous peoples in Yakutia in the 1980s

Alexander A. Suleymanov

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation, alexas1306@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the history of the scientific study of the indigenous peoples of the North living in the Arctic regions of Yakutia. The basis for the development of the topic was, first of all, archival materials (Manuscript Fund of the Scientific Archive of the Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Archive of the Russian Academy of Sciences; Scientific Archive of the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology), including first introduced by the author into scientific circulation, as well as scientific literature. It is noted that in the indicated period there was a significant intensification of the process of scientific study of indigenous ethnic groups. Particularly in 1950s, the study began to be systematic and has not been interrupted to this day. This was due to a complex of objective and subjective factors, which included: increasing transport accessibility of areas of residence of representatives of indigenous peoples of the North, their compact concentration in settlements created during collectivization and settling, increased interest of the authorities in conducting research, development of a network of scientific institutions in Yakutia, as well as studies by talented scientists. In this regard, the main research carried out was identified and characterized: socio-ethnographic research under the direction of I.S. Gurvich 1951-1954, covering 11 out of 13 modern Arctic regions of Yakutia, field studies of the Even language by L.D. Rishes, K.A. Novikova and V.D. Lebedev, as well as the largest Yukaghir complex expedition of 1959. It is shown that, as a result of the work conducted, the first complete ethnographic study of the indigenous peoples of the North was carried out, an objective and adequate assessment of their current socio-economic situation was presented, the Yukaghir people, one of the most ancient indigenous ethnic groups of the Russian Arctic, were comprehensively studied. The research in the field of the Even language was also characterized by significant achievements. The main result of the research carried out in the 1950s was the documentation of an array of unique information that characterized the original traditional cultures of the North, which quickly dissolved in the course of unification processes. It is shown that the research process in the considered period was a symbiosis of the old and the new. Scientists moved both on traditional vehicles for the North (dogs, deer, branches, etc.), and newly introduced vehicles (aircraft, boats, etc.). It should be noted that I.S. Gurvich, the most prominent researcher of the period, was actually the last encyclopedic scientist in the history of scientific knowledge of the indigenous peoples of the North in Yakutia - he combined ethnographic, linguistic, folklore, sociological, economic and archaeological studies. At the same time, a new systematic practice started - representatives of indigenous ethnic groups in Yakutia began to study their ethnic groups and became full-fledged actors in research activity.

Keywords: Yakutia, Indigenous Peoples, USSR Academy of Sciences, expeditions

Acknowledgements: The study was carried out using of shared core facilities of the Federal Research Center ‘Yakutsk Science Center SB RAS’.

For citation: Suleymanov, A.A. (2022) Scientific study of arctic indigenous peoples in Yakutia in the 1980s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 161–171. doi: 10.17223/19988613/78/21

Расположенные за Северным полярным кругом 13 арктических районов Якутии занимают гигантскую площадь, сравнимую с территорией трех Франций. Помимо того, что эти районы объединяют суровый даже по сибирским меркам климат, значительные запасы разнообразных полезных ископаемых, крайне неразвита инфраструктура, состояние которой в том числе обуславливает необходимость использования специфического механизма организации снабжения, называемого «северным завозом», они являются местом традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера – долган, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров, а также русских арктических старожилов.

Рассматриваемый в данной статье период в жизни представителей названных этносов был ознаменован серьезными переменами. В 50-е гг. XX в. на севере Якутии завершилась реализация политики коллективизации и поселкования, в результате чего произошла концентрация населения, часть которого ранее была рассредоточена по небольшим селениям, а часть вовсе вела кочевой образ жизни, в относительно крупных поселках. В них в том числе появилась возможность получить медицинские и образовательные услуги. Последний фактор, наряду с изменениями в традиционной хозяйственной деятельности (новые направления деятельности колхозов), а также интенсификацией связей с пришлым населением, являлся важной компонентой этнокультурных трансформационных процессов.

Приток пришлого населения при этом существенно ускорился. Связан данный факт был в первую очередь с резкой активизацией процессов транспортно-промышленного освоения региона. В частности, получили развитие «морские ворота» республики – Тикси, осуществлялось строительство Нижнеянского порта, аэропортов в административных центрах арктических районов Якутии. Интенсифицировались разведка и добыча полезных ископаемых: золота, олова, сурьмы, угля и др.

Сосредоточение распыленных ранее по необъятным тундровым пространствам коренных малочисленных народов Севера в поселках, повышение транспортной доступности этих поселков за счет развития воздушного сообщения и инфраструктуры речных перевозок наряду со сложившейся этнокультурной ситуацией, когда резко изменилась сама среда жизнедеятельности аборигенных этносов, однако традиционные элементы культуры и хозяйства хорошо сохранились, создали чрезвычайно питательную почву для проведения научных исследований.

При этом именно в послевоенный период исследовательский потенциал Якутии значительно вырос. В 1947 г. была открыта Якутская научно-исследовательская база Академии наук СССР, через два года преобразованная

в Якутский филиал. В 50-е гг. XX в. к действующему Институту языка, литературы и истории (ИЯЛИ) ЯФ АН СССР добавились институты биологии и геологии. В 1957 г. Якутский филиал был включен в состав организованного Сибирского отделения (СО) АН СССР. К этому моменту численный состав его сотрудников составил около 400 человек, в том числе за счет привлечения квалифицированных специалистов из центральных научных учреждений Советского Союза.

Совокупность названных выше факторов позволила рассматриваемому в данной статье десятилетию стать одним из уникальных в деле научного познания коренных малочисленных народов Севера, проживающих в арктических районах Якутии. Значимость, характер и масштаб осуществленных в 50-е гг. XX в. изысканий, многогранность их направлений, особенности исследовательского корпуса позволяют, как представляется, рассматривать эти годы как самостоятельный, оригинальный период в истории развития научного знания в республике.

Характеризуя сложившуюся в регионе применительно к интересующему нас периоду историографическую ситуацию, следует отметить, что ранее, в том числе и автором данной статьи, были рассмотрены только отдельные эпизоды из истории исследовательской работы среди аборигенных этносов Заполярной Якутии – реализация ряда инициатив [1–3], разработка некоторой конкретной научной проблематики [4–7], а также деятельность персоналий [8–10]. Исследований же, в которых предпринимались бы попытки создать цельное представление об осуществлявшейся в арктических районах Якутии в течение 50-х гг. XX в. работе по научному изучению коренных малочисленных народов Севера, на настоящий момент не существует. В данной статье представлена первая в отечественной историографии попытка хотя бы частично восполнить этот пробел.

Актуализируют целесообразность заполнения обозначенной историографической лакуны непреходящая ценность и необходимость сохранения языкового и этнокультурного многообразия Севера, что едва ли возможно без своевременного проведения научных изысканий и скрупулезного анализа аккумулированных ранее учеными материалов. Представляется также, что именно сейчас, когда на повестке дня остро стоят вопросы реиндустриализации Российской Арктики и выработки новых подходов к ее освоению, изучение имеющегося опыта является одной из важных задач, решению которой может и должна способствовать работа ученых-историков.

Представленная работа основана главным образом на привлечении архивных материалов, в том числе впер-

вые вводимых автором в научный оборот, которые хранятся в Рукописном фонде Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (Якутск), Архиве Российской академии наук, Научном архиве Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), а также данных научной литературы.

Несколько забегаая вперед, следует отметить, что существенная часть рассматриваемых в данной статье исследовательских инициатив так или иначе связана с именем выдающегося советского североведа И.С. Гурвича (1919–1992). В Якутии будущий ученый оказался в 1941 г., после окончания исторического факультета Московского государственного университета. Здесь он в течение 1941–1946 гг. работал учителем, а затем директором неполной средней школы в с. Оленек одноименного района. В эти же годы И.С. Гурвич становится ученым-корреспондентом Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при СНК ЯАССР (будущий ИЯЛИ ЯФ АН СССР), собирает материалы по религии, фольклору, традиционному хозяйству и быту местного населения в наслгах северо-западных Оленекского и Анабарского районов Якутии. В 1946 г. И.С. Гурвич возвращается в Москву и поступает в аспирантуру Института этнографии АН СССР, где пишет на основе аккумулированных сведений кандидатскую диссертацию «Оленекские и анабарские якуты (историко-этнографический очерк)», которая была успешно защищена в 1949 г.

Спустя год И.С. Гурвич вернулся в Якутию в качестве сотрудника ИЯЛИ ЯФ АН СССР. Следует отметить, что ученый оказался в небольшом тогда еще научном учреждении (штат института составлял всего 19 исследователей [11. Л. 21]) единственным подготовленным специалистом по этнографии коренных народов Севера – на тот момент в принципе единичной специализации в советской науке. Еще через год И.С. Гурвич приступил к осуществлению своих планов по проведению сплошного этнографического изучения аборигенных этносов, проживающих в арктических районах Якутии.

Одной из важнейших задач этих изысканий являлось определение реальной численности представителей коренных малочисленных народов Севера. Методика их учета в рамках проводившихся в 1920–1930-е гг. переписей населения вызвала у специалистов такие вопросы, что породила в начале 50-х гг. XX в. одну из оживленнейших публичных дискуссий в отечественной этнографии, вылившуюся в том числе на страницы журнала «Советская этнография» [12–15]. Активным участником этой дискуссии был и И.С. Гурвич, настаивавший на необходимости сочетания при учете численности аборигенных этносов Севера «тщательного критического анализа» материалов переписи с полевыми наблюдениями этнографов [13. С. 78].

Достаточно сложной была также ситуация с этнографическим изучением проживающих в арктических районах республики коренных малочисленных народов. Несмотря на то, что исследования среди них стали проводиться с XVIII в., а в XIX столетии они попали в фокус изысканий таких специалистов, как В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон, считающихся сейчас одними из

классиков отечественного североведения, стараний отдельных энтузиастов и организации спорадических инициатив было явно недостаточно для создания объективной картины этногенеза, исторического развития традиционного хозяйства и культуры аборигенных этносов [16. С. 37–145]. В частности, население Абыйского, Момского, Усть-Янского и Саккырырского районов (упразднен в 1958 г., в настоящее время большая его часть – Эвено-Бытантайский национальный улус) до середины XX в. вовсе не было охвачено специализированными этнографическими исследованиями.

В результате программа изысканий, составленная И.С. Гурвичем для экспедиции 1951 г. и затем частично корректировавшаяся перед полевыми исследованиями 1952 и 1953–1954 гг., включала проведение семейного опроса о национальной самоидентификации респондентов, определение их языковой принадлежности, изучение похозяйственных книг и списков, выяснение географической локализации и примерной численности коренного населения. Кроме того, И.С. Гурвич рассчитывал собрать материал о родоплеменной принадлежности опрошенных, истории административного деления, взаимоотношениях между различными этническими сообществами, а также рассмотреть социолингвистическую ситуацию, культуру, хозяйство и быт аборигенных этносов [17. Л. 1–15].

В 1951 г. И.С. Гурвич и сопровождавший его лаборант-переводчик, идентифицировать которого, к сожалению, на настоящий момент не удалось, провели исследования в Нижне- и Среднеколымском районах [18. С. 200]. Поскольку в состав последнего с некоторыми оговорками входила тогда территория современного Верхнеколымского района, то изысканиями было охвачено практически все аборигенное население бассейна Колымы в Якутии от ее верховьев до устья [19. Л. 29–35]. В 1952 г. экспедиционные исследования проводились уже в бассейне Индигирки: в Момском, Абыйском и Аллаховском районах Якутской АССР. Изыскания ученый вновь проводил в компании лаборанта-переводчика [20. Л. 1–15]. Наконец, в 1953–1954 гг. И.С. Гурвич и сменявшие друг друга лаборанты-переводчики А.Н. Божедонов, Е.Д. Колесов, С.Н. Горохов, Н. Ефимов, а также коллектор А.Н. Окроков работали среди коренного населения Верхоянского, Саккырырского, Усть-Янского, Булунского и Жиганского районов Якутии [21. Л. 1; 22. Л. 1].

Таким образом, учитывая, что в 40-е гг. XX в. И.С. Гурвич осуществил исследования в Оленекском и Анабарском районах, он стал первым этнографом, охватившим своими изысканиями все арктические районы Якутии.

При этом поражает длина маршрутов, проделанных ученым вместе со своими помощниками и каюрами на широком спектре транспортных средств – от тогда еще традиционных для Севера до технологичных: собаках, оленях, лошадях, ветках, лодках, катерах и пароходах. Только в ходе изысканий на Колыме и Индигирке исследователи преодолели более 5 200 км [19. Л. 3–4; 22. Л. 1; 23. Л. 6–7]. Точных данных по экспедиции 1953–1954 гг., к сожалению, не сохранилось, однако гигант-

ская площадь, занимаемая пятью вышеперечисленными районами, а также продолжительность исследований, составившая около полугода непрерывных полевых работ (с ноября по май), дают определенное представление о масштабах проделанного пути. Всего же в течение изысканий 1951–1954 гг. И.С. Гурвич находился в поле более 15 месяцев.

За это время ученый исследовал традиционную хозяйственную деятельность и выявил ареалы расселения аборигенных этнических сообществ, подготовил соответствующие карты-схемы и определил численность русских старожилов, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиrow и якутов в исследованных районах. При анализе численности представителей того или иного коренного народа И.С. Гурвичу приходилось заниматься на местах установлением реальной этнической принадлежности респондентов. Например, исследования в Булунском районе позволили ученому провести четкую грань между эвенским и эвенкийским населением, не только отсутствовавшую тогда в официальных документах, но и неочевидную для самих местных жителей [22. Л. 1].

На основе полученных во время экспедиций 1951–1954 гг. данных И.С. Гурвич проследил развитие ассимиляционных процессов, значительно ускорившихся, по его наблюдениям, после коллективизации, которая способствовала широкому распространению межнациональных браков, смешению культуры и обычаев коренных народов [19. Л. 7–46].

Одновременно в ходе исследований И.С. Гурвич выявил представителей некоторых из бывших родов аборигенных этносов, установил примерные территории их жизнедеятельности и входившие в них семьи. Значительное внимание в ходе экспедиций уделялось анализу социолингвистической ситуации. В частности, И.С. Гурвич определял язык, преобладавший в сферах администрирования, образования и быту местного населения [19. Л. 37–46; 23. Л. 9]. Интересны наблюдения ученого и за языком русских старожилов арктических районов Якутии – походчан и русскоустыинцев. Исследователь отметил значительное своеобразие их говоров, а также обилие в словарном фонде древнерусских слов и заимствований из языков соседних народов [19. Л. 23].

Во время экспедиций 1951–1954 гг. было сделано более тысячи фотоснимков, выполнены чертежи жилых и хозяйственных построек, зарисовки традиционной одежды коренных народов, обуви и орнамента [19. Л. 88–89; 21. Л. 8; 23. Л. 70–71]. И.С. Гурвич, таким образом, стал одним из пионеров североведческой визуальной антропологии в нашей стране. До него сопоставимыми умением и тягой к фотографированию при исследовании аборигенных этносов Якутии отличался только В.И. Иохельсон во время своих экспедиций 1895–1897 и 1901–1902 гг.

Кроме того, отдельным направлением изысканий являлся анализ современного состояния хозяйства, быта и благосостояния колхозов и колхозников. И.С. Гурвич охарактеризовал методику организации работы и хозяйственного цикла оленеводческих бригад, технику охоты и рыболовства, заготавливаемую в местных коллективных хозяйствах продукцию. Ученый установил

«узкие» места, мешающие их экономическому развитию и повышению благосостояния местного населения. Подобная социально-экономическая ориентированность изысканий И.С. Гурвича в дальнейшем будет только усиливаться [19. Л. 47–68; 21. Л. 3–9; 22. Л. 40–49, 83–86, 135–148, 171–174, 186–190; 23. Л. 43–70].

Этот факт был связан прежде всего с еще одним фактором, благоприятствующим научному изучению коренных малочисленных народов Севера Советского Союза в целом и Якутии в частности в рассматриваемый период. В 50-е гг. XX в. произошел резкий рост внимания органов власти к проблемам аборигенных этносов арктических и приарктических районов нашей страны. В результате был издан ряд правительственных постановлений, фактически на четверть века определивших политику государства по отношению к ним (постановления Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры малых народностей районов Севера» от 22 декабря 1954 г. и «О мерах помощи в развитии хозяйства и культуры районов Севера» от 10 декабря 1956 г., постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 16 марта 1957 г.). Как это часто бывает в нашей стране, такой рост внимания благотворно отразился на поддержке исследовательской деятельности среди коренных малочисленных народов Севера.

В частности, в рамках реализации правительственных решений в Институте этнографии АН СССР был создан сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера (сектор Севера). На сектор возлагалась задача изучения культуры и быта аборигенных этносов и в первую очередь их современного положения. Как отмечает Е.П. Батянова, новое структурное подразделение должно было осведомлять директивные органы о текущей ситуации в среде коренных народов, направляя им специальные информационные документы – докладные записки [1. С. 18].

В 1955 г. ряды сектора Севера пополнил И.С. Гурвич, а его первой экспедицией в новом качестве стали изыскания в созданном годом ранее Верхнеколымском районе Якутии. Основное внимание в ходе этих исследований, проводившихся в течение августа 1956 г. в юкагирском колхозе «Светлая жизнь» и его административном центре с. Нелемное, ученый уделил изучению современного экономического и бытового положения верхнеколымских юкагиrow. В частности, И.С. Гурвич охарактеризовал состояние важнейших (рыболовство и охота) и вспомогательных (оленоводство, коневодство и скотоводство) отраслей хозяйства, жилищных условий, качество услуг здравоохранения и образования [24. Л. 4–5].

Обращают на себя внимание смелые даже с учетом правительственных поручений и общей либерализации общественной жизни в стране выводы, среди которых резюме о бесперспективности и пагубности насаждения птицеводства, огородничества и свиноводства, имевшего место в начале 50-х гг. XX в. По мнению ученого, это приводило к распылению и без того недостаточной рабочей силы, а также к постоянной перегруженности наиболее трудоспособного населения,

отражавшейся, среди прочего, на его здоровье (например, из 82 обследованных летом 1956 г. юкагиров у 37 был обнаружен туберкулез). Наряду с этим И.С. Гурвич отмечал отсутствие у большинства семей личных хозяйств, их необеспеченность хозяйственным инвентарем (около четверти хозяйств не имели необходимого снаряжения даже для ведения рыболовства или охоты), а также низкую стоимость трудодня [Там же. Л. 7–14].

Учитывая подобную направленность изысканий, важное место в них отводилось выработке конкретных мер по повышению благосостояния местного населения и развитию колхоза «Светлая жизнь», которые были отражены в подготовленной ученым докладной записке [24. Л. 15–17].

Один из древнейших аборигенных этносов Российской Арктики, юкагиры, углубленное научное изучение которого имело значительные перспективы в плане реконструкции этнической истории региона, таким образом, находился в фокусе внимания И.С. Гурвича и во время экспедиционных работ 1951–1954 гг., и во время изысканий 1956 г. Однако наиболее полно исследовать этот народ ученому удалось немного позднее – в 1959 г., в ходе Юкагирской комплексной экспедиции (ЮКЭ).

С инициативой ее проведения после выхода в свет постановления «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» 1957 г. выступило руководство ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР (к этому времени институт вошел в состав созданного Сибирского отделения). Инициатива получила поддержку со стороны Якутского филиала СО АН СССР, профинансировавшего исследования (на полевые работы было выделено 100 тыс. руб. при стоимости, например, автомобиля «Москвич 407» 16 тыс. руб.), и ведущих профильных учреждений страны – Института этнографии и Института языкознания АН СССР, которые согласились выделить для участия в работах своих научных сотрудников [25. Л. 35].

Состав участников ЮКЭ в результате сочетал как уже признанных специалистов, так и исследователей, которые не так давно начали свою научную карьеру. Ее руководителем, а также начальником археологического отряда являлся директор ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР З.В. Гоголев. Научным руководителем и начальником этнографического отряда экспедиции стал И.С. Гурвич. Лингвистический отряд возглавлял старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР Е.А. Крейнович, который на тот момент был не просто крупнейшим специалистом по юкагирскому языку, но и фактически единственным, кто углубленно занимался его исследованием в Советском Союзе. В частности, именно языку юкагиров была посвящена кандидатская диссертация исследователя, защищенная в 1948 г. Вместе с ними в работе экспедиции принимали участие И.М. Золотарева (Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР), К.И. Горохов, М.Я. Жорницкая, А.Н. Лаптев и С.А. Федосеева (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) [26. Л. 5].

Ко времени проведения экспедиции юкагиры являлись одним из наиболее малочисленных этносов среди

всех коренных народов северо-востока СССР. По данным переписи населения 1959 г., в Советском Союзе проживали всего 442 юкагира, в том числе 419 на территории Якутии и Магаданской области. В самой же Якутии были зафиксированы 276 юкагиров. При этом основная их часть была сосредоточена в трех арктических районах республики – Аллаиховском, Верхне- и Нижнеколымском [27]. Исследованиями ЮКЭ были охвачены все эти заполярные районы, а также Среднеколымский район Магаданской области (здесь изыскания ограничивались только работами И.С. Гурвича).

Рамки данной работы не позволяют подробно рассмотреть историю проведения Юкагирской комплексной экспедиции. В связи с этим представляется целесообразным остановиться в первую очередь на анализе ее научного значения и основных особенностей.

Важнейшей из них стала действительная комплексность изысканий, прекрасно прослеживаемая на примере программы экспедиции. Среди главных задач ЮКЭ в этом документе были определены: реконструкция истории хозяйственной деятельности, культуры и быта юкагиров; изучение языка, происхождения и физической организации представителей данного народа для выяснения его этногенеза; анализ происходящих этнических процессов; исследование современного хозяйства и культуры с целью разработки общих мер по улучшению положения населения северных районов Якутии [28. Л. 3]. Экспедиционные работы включали в себя археологические, историко-этнографические, фольклорно-лингвистические, физико-антропологические и социально-экономические изыскания.

При этом исследованиями были охвачены не только все поселки и села, являвшиеся местами компактного проживания юкагиров, но и оленеводческие стада, рыбалки и заимки, представлявшие хотя бы незначительную ценность для выполнения программы экспедиции. В этом отношении показателен пример физико-антропологических изысканий, организованных И.М. Золотаревой: из 276 юкагиров, проживавших тогда в Якутии, ими было охвачено 159 представителей этого этноса [21. Л. 30].

Еще одной ключевой особенностью ЮКЭ стало то, что юкагиры исследовались не в фактической изоляции от окружающих их аборигенных этносов (эвены, чукчи, якуты, русские арктические старожилы), как это довольно часто было ранее и случалось впоследствии, а в тесной связи с ними.

Следует отметить, что вплоть до Юкагирской комплексной экспедиции единственными изысканиями, в ходе которых предпринималась попытка рассмотреть все стороны жизни юкагиров – их язык, историю, культуру, быт и социальные отношения, – являлись вышеупомянутые ранее исследования, проведенные В.И. Иохельсоном. При этом полученные исследователем материалы при всей их уникальности и огромной ценности постепенно устаревали, а с развитием научной мысли некоторые из разработанных положений требовали серьезных уточнений и корректировки. Кроме того, основной акцент В.И. Иохельсон делал на изучении так называемых лесных юкагиров – жителей верховьев Колымы, их тундренным же сородичам,

живущим севернее, он уделит значительно меньше внимания.

В связи с этим основная часть изысканий в рамках ЮКЭ была проведена в Нижнеколымском и Аллаиховском районах. Так, из 5 месяцев работы этнографического отряда 3,5 заняли исследования именно в них. Лингвистический отряд же вообще работал в Нижнеколымском районе 4,5 месяца. С исследований участника этого отряда юкагира А.Н. Лаптева и начались полевые работы в рамках ЮКЭ. 16 февраля 1959 г. он прилетел в Нижнеколымск из Якутска, а на следующий день был уже в с. Колымское – главном месте сосредоточения усилий филологов. Продолжались же экспедиционные изыскания до конца августа, завершившись работами И.С. Гурвича в Среднеканском районе Магаданской области [26. Л. 27–273; 29. Л. 42].

Так же как и во время рассмотренных ранее исследований, транспортные схемы участников ЮКЭ являлись симбиозом старого и нового: перемещения из отправного пункта экспедиции – Якутска – до места проведения полевых работ, а также из одного района в другой осуществлялись на самолетах; в «поле», наряду с моторными лодками и катерами, использовались собаки, олени, лошади и ветки [29. Л. 43].

При этом если участники лингвистического отряда работали фактически автономно, то члены этнографического и археологического отрядов взаимозаменяли друг друга. Так, начальник этнографического отряда И.С. Гурвич принимал участие в археологических раскопках, а археолог С.А. Федосеева в период до начала раскопок (с июня, когда началось оттаивание почвы) работала как этнограф, собирая сведения о традиционной хозяйственной деятельности, погребальном обряде, кулинарных практиках и обычаях местных жителей [26. Л. 103–142; 30. Л. 2].

Следует отметить, что ни до, ни после Юкагирской комплексной экспедиции в местах компактного проживания юкагиrow исследований подобного формата и масштабов, с привлечением ведущих в стране специалистов, не проводилось. Именно работам ее участников мы обязаны многими из современных представлений о юкагирах, включая сведения об их этногенезе, истории, языке, культуре и хозяйственной деятельности.

В частности, выявленные в ходе ЮКЭ сведения дали возможность И.С. Гурвичу сделать вывод о существовавших ранее тесных контактах между юкагирами и нганасанами, а также о наличии до прихода русских в тундровых и лесотундровых районах севера России цепи охотничье-оленьеводческих племен. В конце 1980-х гг. выводы ученого о родстве юкагиrow и нганасан были подтверждены в результате анализа генетико-демографических данных [31. С. 58–59].

Являвшиеся во многих отношениях пионерскими физико-антропологические исследования И.М. Золотаревой позволили на основе богатого эмпирического материала подтвердить сформулированную незадолго до ЮКЭ концепцию об особом положении юкагиrow среди всех антропологических типов северо-востока России и их отнесении к байкальскому типу [26. Л. 50–53]. Эта концепция расходилась с популярной ранее гипотезой В.И. Иохельсона, сближавшего

юкагиrow по антропологическому типу с коряками, камчадалами, чукчами и индейцами северо-западного побережья Америки [32. Р. 44]. На настоящий момент антропологическая принадлежность юкагиrow к байкальскому типу является в научном мире общепризнанной.

Подверглось корректировке и выработанное В.И. Иохельсоном положение о близости юкагирского языка с языками аборигенных этносов Северной Америки. В результате Юкагирской комплексной экспедиции Е.А. Крейновичем был аккумулирован комплекс материалов, характеризующих особенности синтаксиса, морфологического строя и фонетики языка юкагиrow. На основе их анализа ученый отнес основу юкагирского языка к уральской языковой семье. Вплоть до последнего времени гипотеза о родстве юкагирского языка с уральскими являлась среди исследователей преобладающей. Кроме того, Е.А. Крейнович осуществил первый глубокий анализ грамматики диалектов тундренных и лесных юкагиrow, отметил их значительные лексические расхождения, а также различия в звуковом строении и внутренней структуре целого ряда слов [33. С. 3–272]. Впоследствии эти положения получают развитие в работах ряда лингвистов (включая ученика Е.А. Крейновича юкагира Г.Н. Курилова, сыгравшего значительную роль в обработке материалов ЮКЭ), которые придут к выводу о наличии не диалектов, а двух самостоятельных языков.

Неоценимо и значение работы второго участника лингвистического отряда А.Н. Лаптева, который, помимо помощи Е.А. Крейновичу, составил уникальную рукописную коллекцию из 100 фольклорных текстов: юкагирских сказок, рассказов, легенд, преданий и загадок [34–36].

Помимо участников этого отряда изыскания филологического плана осуществил и И.С. Гурвич. В частности, проведя исследования в поселениях русских старожилов, ученый отметил их быстрое сближение с пришлым русскоязычным населением, в результате которого, а также под воздействием развития СМИ произошло стремительное («всего за несколько лет» с момента исследований 1951–1952 гг.) разрушение нижнеколымского и походского говоров [26. Л. 39–42].

Именно в рамках ЮКЭ были проведены первые специализированные исследования археологов в Аллаиховском районе, в Нижне- и Верхнеколымском же они стали вторыми после изысканий А.П. Окладникова 1946 г. – арктические районы республики были на тот момент практически не изучены с археологической точки зрения [30. Л. 1–2; 37. Л. 22–24].

Внимание участников экспедиции к различным этническим группам позволило создать действительно широкую панораму жизни местного населения, которая нашла отражение в том числе в докладной записке, подготовленной И.С. Гурвичем. Документ был посвящен анализу современного социально-экономического положения коренных народов северо-востока Якутии. В нем получил развитие критический подход, характерный для рассмотренной ранее записки, составленной ученым по результатам экспедиции 1956 г.

В частности, негативную оценку на примере исследованного в рамках ЮКЭ ареала, помимо отмеченных

выше замечаний относительно неоправданного распыления лимитированных трудовых ресурсов и перегруженности работников местных колхозов, крайне ограниченных размеров или полного отсутствия личных подсобных хозяйств, получили проведенное в ходе коллективизации укрупнение оленьих стад, укрупнение по примеру центральных районов страны колхозов на севере Якутии, неразумная погоня за выполнением производственных планов и многое другое [26. Л. 305–341].

Следует отметить, что после прекращения И.С. Гурвичем своих исследований в Якутии в начале 60-х гг. XX в. подобные критически направленные оценки применительно к условиям жизни аборигенных этносов в ее арктических районах автору данной статьи удалось встретить только в работах уже перестроечного периода. К сожалению, нет уверенности, что здесь сказалось действительно улучшение социально-экономического положения проживающих в регионе представителей коренных малочисленных народов Севера.

В рамках краткого анализа истории проведения Юкагирской комплексной экспедиции уже были затронуты вопросы научного изучения языков и фольклора юкагиров. Не менее плодотворно в 50-е гг. XX в. филологические изыскания велись и в отношении еще одного аборигенного этноса – эвенов. Вместе с тем следует оговориться, что в рассматриваемый в данной работе период сложно выделить какие-либо самостоятельные исследования касательно языка и фольклора представителей других коренных народов, населяющих арктические районы Якутии – долган, эвенков и чукчей. Споры вокруг самостоятельности долганского языка продолжаются и в наше время, а в 1950–1980-е гг., возможно в том числе под влиянием упомянутой выше дискуссии в журнале «Советская этнография», анабарских долган даже не фиксировали переписи населения. Эвенки рассматриваемого ареала являлись носителями якутского языка, и лингвистические изыскания, проводимые в их среде, как правило, посвящались анализу влияния эвенкийского языка на якутский. Масштабы же исследований чукотского языка в Якутии, к сожалению, вплоть до наших дней оставляют желать лучшего.

Следует отметить, что ситуация с изученностью эвенского языка к 1950-м гг. была лишь немногим лучше положения с этнографической изученностью коренных малочисленных народов Севера Якутии. На протяжении XVIII – начала XX в. в поле зрения исследователей (М.М. Робек, Г.Л. Майдель, В.Г. Богораз) фактически попадало только эвенское население низовий Колымы. Лишь в 1930-е гг., в рамках работы по всеобщей ликвидации безграмотности и созданию письменности для не имевших ее народов, были получены первые материалы по языку эвенов Саккырырского, Булунского и Усть-Янского районов Якутии. Эти материалы собирала Л.Д. Ришес (Институт народов Севера, Ленинград) [38. Л. 1–24]. К сожалению, значительная их часть была утрачена в годы Великой Отечественной войны.

Тогда же, в 1930-е гг., были выделены западный (Усть-Янский, Булунский, Саккырырский районы) и восточный (все остальные районы) диалекты эвенского языка [Там же. Л. 77].

Характеризуя важность продолжения научного изучения эвенского языка в Якутии в 50-е гг. XX в. и постановки его на систематические начала, представляется необходимым упомянуть два момента. Во-первых, к этому времени на базе ольского говора эвенов Хабаровского края была создана и активно внедрялась эвенская письменность. Во-вторых, следует отметить, что, несмотря на достаточную малочисленность эвенов в Якутии (3 537 чел. по переписи 1959 г.), они проживали в Оймяконском, Момском, Абыйском, Аллаиховском, Томпонском, Усть-Янском, Саккырырском, Булунском, Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах республики [39. С. 50]. При этом указанная дисперсность расселения имела достаточно глубокие исторические корни, что обуславливало отличия местных диалектов как друг от друга, так и от разработанных литературных норм. Все это, естественно, диктовало необходимость внимания ученых к каждой из территориальных групп эвенского населения Якутии.

С июля до ноября 1953 г. в Якутске и Саккырырском районе исследованием говоров эвенского языка и возможностей использования созданной эвенской письменности в школах региона занималась К.А. Новикова (Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР). В результате опроса 26 респондентов она записала 700 рукописных страниц образцов ламунхинского, тугесирского, томпонского, аллаиховского и момского говоров эвенского языка, 500 из которых приходилось на саккырырцев, а также составила рабочий вариант диалектологического словаря из 8 000 слов [40. Л. 4–7]. Одновременно К.А. Новикова определила важнейшие проблемы в образовательном процессе эвенов в Якутии (нехватка педагогических кадров, владеющих эвенским; недостаточное количество учебной и художественной литературы на родном языке и неэффективное использование имеющейся; диалектологические различия) и потенциально пригодные для перевода обучения начальных классов на эвенский или эвенкийский языки школы [Там же. Л. 42–43].

Наибольшие же успехи в отношении научного познания эвенского языка в Якутии в рассматриваемый период были связаны с именем упоминавшейся выше Л.Д. Ришес (1904–1971). Выпускница географического факультета Ленинградского государственного университета (1929), она в 1948 г. была принята на работу в Якутскую научно-исследовательскую базу Академии наук СССР. В составе базы, а затем ИЯЛИ ЯФ АН СССР она проработала (с перерывом на 1949–1954 гг.) до 1958 г. Именно в период трудовой деятельности в институте Л.Д. Ришес совместно с В.И. Цинциус был подготовлен и издан предназначенный для преподавателей и студентов Эвенско-русский словарь (1957). Примечательно, что только в 2004 г. на смену этому пособию пришло более полное издание, составленное В.А. Роббеком и М.Е. Роббек.

В течение 1955–1957 гг. при участии Л.Д. Ришес были проведены полевые исследования в районах распространения восточного диалекта эвенского языка в Якутии, представлявшие ранее в исследовательском плане «невспаханное поле».

Так, она являлась руководителем диалектологических экспедиций ИЯЛИ ЯФ АН СССР в Момский (1955), Средне- и Верхнеколымский (1956) районы Якутии, в ходе которых ее единственным помощником являлся студент Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена В.Д. Лебедев [41. Л. 35–44; 42. Л. 1–2; 43. Л. 1–2]. В 1957 г. В.Д. Лебедев проводил уже самостоятельные изыскания в Мямляготниканском наслеге Томпонского района по программе, составленной В.И. Цинциус и дополненной Л.Д. Ришес [44. Л. 2–7].

О масштабах осуществленной полевой работы можно судить на примере экспедиции в Момский район. Ее продолжительность превысила 5 месяцев (апрель–сентябрь), а протяженность маршрутов составила около 1 780 км. Из Якутска до Момы исследователи добирались на самолетах, к месту изысканий – «зимним путем на нартах», обратно же следовали верхом на лошадях [41. Л. 2].

В ходе экспедиции было записано более 1 000 страниц текстов с переводами, собраны материалы по грамматике и фонетике эвенского языка, а также составлен рабочий вариант словаря (около 4 500 слов, относящихся к названиям месяцев, времен года, жилищ, одежды, домашней утвари, диких животных, различных явлений природы, термины родства и др.) [Там же. Л. 21–23].

Особое внимание в ходе экспедиций уделялось сравнительному анализу местных диалектов с литературным эвенским языком, а также изучению уровня его сохранности среди разных возрастных групп. Примечательно, что на момент проведения изысканий хорошие показатели владения эвенским языком были у большинства дошкольников, которые зачастую не знали других языков, кроме эвенского [43. Л. 34–35]. При этом ситуация менялась после поступления ребенка в школу. Например, эвенские ученики преимущественно якутской по национальному составу Арылахской средней школы Верхнеколымского района после начала обучения овладевали якутским и начинали утрачивать знание родного языка, в этом также сказался отрыв от семьи в связи с необходимостью переезда в интернаты [42. Л. 2–26; 43. Л. 3–35].

Результаты проведенных в 1955–1957 гг. изысканий позволили Л.Д. Ришес сделать вывод о фактически промежуточной позиции говоров эвенского населения Момского, Томпонского и Верхнеколымского районов в разработанной ранее системе диалектов эвенского языка: с одной стороны, справедливым являлось их отнесение к восточному диалекту, с другой – в грамматическом строе и лексическом составе наблюдались значительные параллели с западным (позднее в эвенском языке вместо диалектов стали выделять восточное, западное и среднее наречия). Эти отличия исследованных в Якутии говоров от литературного языка делали, по мнению ученой, выпускаемые на эвенском языке работы «трудно доходчивыми» для потенциальных читателей [44. Л. 72–73].

Следует отметить, что в 60-е гг. XX в., уже после отъезда Л.Д. Ришес из Якутии, научное изучение говоров эвенского языка получит успешное продолжение благодаря принятому на работу в ИЯЛИ ЯФ СО АН

СССР В.Д. Лебедеву, который охватит своими исследованиями Усть-Янский, Верхоянский, Абыйский, Саккырырский, Средне- и Нижнеколымский районы Якутии. Этот ученый окажется одним из зачинателей практики, в соответствии с которой в Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (преемник ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР) изучением различных вопросов развития и функционирования языков коренных народов занимаются их носители. Масштабы же этнографических изысканий после упоминавшегося прекращения И.С. Гурвичем своих исследований в Якутии в начале 60-х гг. XX в., а также перехода М.Я. Жорницкой на работу в Институт этнографии АН СССР претерпят значительный секвестр. Фактически, за редким исключением, вплоть до 1980-х гг. отдельные полевые работы в арктических районах Якутии будут проводить лишь этнографы из центральных научно-исследовательских учреждений страны. Только в 70-е гг. XX в. выйдут на сопоставимый рассмотренному в статье периоду уровень исследования социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера.

Подводя некоторые итоги истории исследовательской деятельности в арктических районах Якутии в 1950-е гг., представляется справедливым отметить, что в эти годы в деле научного познания коренных малочисленных народов Севера произошел настоящий прорыв. Именно в 50-е гг. XX в. было проведено первое сплошное этнографическое исследование аборигенных этносов региона, осуществлена объективная и адекватная оценка их текущего социально-экономического положения. Значительными достижениями характеризовались изыскания в области языков коренных народов, процесс научного изучения которых был поставлен на систематические начала. Апофеозом же исследовательской работы стала Юкагирская комплексная экспедиция, являющаяся одной из эталонных инициатив в истории научного изучения коренных малочисленных народов Севера в Российской Арктике. Главнейшим результатом всех проведенных в рассмотренный период работ была документация массива уникальной информации, которая характеризовала стремительно растворявшиеся в ходе резко интенсифицировавшихся унификационных процессов самобытные традиционные культуры Севера.

Названные, а также другие успехи ученых, в том числе оставшиеся вне рамок данной статьи, стали возможны благодаря сочетанию целого ряда объективных и субъективных факторов: от роста заинтересованности властных структур и упрощения логистики исследовательской деятельности до появления в этот период в Якутии талантливых научных кадров. В целом же, как и жизнь представителей коренных народов, процесс их научного познания в 1950-е гг. представлял сочетание старого и нового. Это касалось как, например, мобильности ученых, которая предполагала набор технологичных и консервативных транспортных средств, так и собственно кадрового состава исследователей. Так, И.С. Гурвич, изысканиям которого была посвящена значительная часть данной статьи, фактически являлся последним в истории научного познания корен-

ных малочисленных народов Севера в Якутии ученым-энциклопедистом. Его исследованиями был охвачен широкий спектр этнографических, лингвистических, фольклорных, социологических, экономических и археологических проблем. Если ранее в отечественном североведении такая многопрофильность была традиционной, то рассмотренный и в особенности последующий периоды характеризовались углублением спе-

циализации исследователей. При этом именно в 50-е гг. XX в. началась систематическая практика, при которой научным изучением коренных малочисленных народов Севера в Якутии стали заниматься их представители, которые стали не только объектами изысканий или – в лучшем случае – помощниками при их проведении, а полноценными акторами исследовательского процесса.

Список источников

1. Батянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17–34.
2. Сулейманов А.А. Этнографическое изучение коренных народов арктических районов Якутии в 1951–1954 гг. // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 2. С. 56–60.
3. Сулейманов А.А. Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 74–78.
4. Боякова С.И. Гуманитарные проблемы Арктики: основные направления научных исследований // Якутия в российском научном пространстве XX – нач. XXI вв.: гуманитарные исследования : сб. науч. ст. / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитарных исслед.; редкол.: В.Н. Иванов (отв. ред.), Н.Н. Ефремов. Якутск : Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2005. С. 56–70.
5. Прокопьева П.Е. Юкагироведческие исследования в ИГИИПМНС СО РАН // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3. С. 79–83.
6. Шарина С.И. Вклад якутских исследователей в изучение эвенского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 3. С. 72–78.
7. Сулейманов А.А. Научное изучение эвенского языка в Якутии в 50-е гг. XX в. // Академические исследования в Якутии: «территория историка» : сб. статей, посвящ. юбилею профессора Д.А. Шириной. Якутск : Алмас, 2016. С. 285–294.
8. Батянова Е.П., Жорницкая М.Я., Мухамедьяров Ш.Ф., Томилов Н.А. Илья Самуилович Гурвич как ученый и человек // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным этнографии и языкознания) : материалы всерос. конф. Омск, 1992. С. 15–26.
9. Роон Т.П., Сирина А.А. Е.А. Крейнович: жизнь и судьба ученого // Репрессированные этнографы. М. : Восточная литература РАН, 2003. Вып. 2. С. 47–77.
10. Саввинов А.И. Север Якутии в исследованиях И.С. Гурвича // Якутский архив. 2009. № 3-4. С. 117–120.
11. Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 188. Оп. 8. Д. 164.
12. Гурвич И.С. К вопросу об этнической принадлежности населения Северо-Запада Якутской АССР // Советская этнография. 1950. № 4. С. 150–168.
13. Гурвич И.С. По поводу определения этнической принадлежности населения бассейнов рек Оленека и Анабара // Советская этнография. 1952. № 2. С. 73–85.
14. Долгих Б.О. О населении бассейнов рек Оленека и Анабара // Советская этнография. 1952. № 2. С. 86–91.
15. Терлецкий П.Е. Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР // Советская этнография. 1951. № 1. С. 88–99.
16. Ширина Д.А. Россия: научное исследование Арктики. XVIII в. – 1917 г. Новосибирск : Наука, 2001. 191 с.
17. Рукописный фонд Архива Якутского научного центра Сибирского отделения (РФА ЯНЦ СО) РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 233.
18. Гурвич И.С. Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 году // Советская этнография. 1952. № 3. С. 200–209.
19. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 231.
20. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 247.
21. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 250.
22. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 258.
23. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 236.
24. Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая (НА ИЭА) РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 24.
25. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201.
26. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359.
27. Всесоюзная перепись населения 1959 года // Демоскоп Weekly. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (дата обращения: 05.05.2019).
28. АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202.
29. НА ИЭА РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 39.
30. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 356.
31. Посух О.Л. Генетико-демографическое изучение популяций эвенов и юкагиров Якутии // Популяционно-генетическое изучение северных народностей : сб. ст. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т цитологии и генетики; отв. ред. В.К. Шумный, С.Н. Родин. Новосибирск : ИЦИГ, 1992. С. 41–65.
32. Johelson W. Peoples of Asiatic Russia. New York : The American Museum of Natural History, 1928. 277 p.
33. Крейнович Е.А. Исследования и материала по юкагирскому языку. Л. : Наука, 1982. 304 с.
34. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34.
35. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 35.
36. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 36.
37. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 361.
38. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 28.
39. Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности. Вторая половина XX в. Новосибирск : Наука, 2007. 176 с.
40. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 26.
41. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 5. Д. 496.
42. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 27а.
43. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 30.
44. РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 14. Д. 39.

References

1. Batyanova, E.P. (2013) The North Expedition of the Institute of Ethnography (1956–1991). *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 17–34. (In Russian).

2. Suleymanov, A.A. (2015) Ethnographic research on indigenous peoples of the Arctic regions of Yakutia in the 1951–1954. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. 2. pp. 56–60. (In Russian).
3. Suleymanov, A.A. (2014) Yukagirskaia kompleksnaya ekspeditsiya 1959 g. [Yukagir complex expedition of 1959]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 74–78.
4. Boyakova, S.I. (2005) Gumanitarnye problemy Arktiki: osnovnye napravleniya nauchnykh issledovaniy [Humanitarian problems of the Arctic: the main directions of research]. In: Ivanov, V.N. & Efremov, N.N. (eds) *Yakutiya v rossiyskom nauchnom prostranstve XX – nach. XXI vv.: gumanitarnye issledovaniya* [Yakutia in the Russian scientific space of the 20th – early 21st centuries: Humanitarian research]. Yakutsk: SB RAS. pp. 56–70.
5. Prokopieva, P.E. (2015) Yukagiovedcheskie issledovaniya v IGIIPMNS SO RAN [Yukaghir studies at the IGIIPMNS SB RAS]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik – North-Eastern Journal of The Humanities*. 3. pp. 79–83.
6. Sharina, S.I. (2015) Vklad yakutskikh issledovateley v izucheniye evenskogo yazyka [The contribution of Yakut researchers to the study of the Even language]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik – North-Eastern Journal of The Humanities*. 3. pp. 72–78.
7. Suleymanov, A.A. (2016) Nauchnoye izucheniye evenskogo yazyka v Yakutii v 50-e gg. XX v. [The scientific study of the Even language in Yakutia in the 1950s]. In: *Akademicheskie issledovaniya v Yakutii: "territoriya istorika"* [Academic research in Yakutia: "The territory of the historian"]. Yakutsk: Almas. pp. 285–294.
8. Batyanova, E.P., Zhornitskaya, M.Ya., Mukhamedyarov, Sh.F. & Tomilov, N.A. (1992) Il'ya Samuilovich Gurvich kak uchenyy i chelovek [Ilya Samuilovich Gurvich as a scientist and a person]. In: Seleznev, A.G. & Tomilov, N.A. (eds) *Etnicheskaya istoriya tyurkskikh narodov Sibiri i sosed'nykh territoriy (po dannym etnografii i yazykoznaniya)* [Ethnic history of the Turkic peoples of Siberia and adjacent territories (according to ethnography and linguistics)]. Omsk: OSPU. pp. 15–26.
9. Roon, T.P. & Sirina, A.A. (2003) E.A. Kreynovich: zhizn' i sud'ba uchena [E.A. Kreynovich: the life and fate of a scientist]. In: Tumarkin, D.D. (ed.) *Repressirovannyye etnografy* [Repressed Ethnographers]. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 47–77.
10. Savvinov, A.I. (2009) Sever Yakutii v issledovaniyakh I.S. Gurvicha [North of Yakutia in the studies of I.S. Gurvich]. *Yakutskiy arkhiv*. 3-4. pp. 117–120.
11. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 188. List 8. File 164.
12. Gurvich, I.S. (1950) K voprosu ob etnicheskoy prinadlezhnosti naseleniya Severo-Zapada Yakutskoy ASSR [On the ethnicity of the population of the North-West of the Yakut ASSR]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 150–168.
13. Gurvich, I.S. (1952a) Po povodu opredeleniya etnicheskoy prinadlezhnosti naseleniya basseynov rek Oleneka i Anabara [Regarding the definition of the ethnicity of the population of the basins of the Olenek and Anabar rivers]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 73–85.
14. Dolgikh, B.O. (1952) O naselenii basseynov rek Oleneka i Anabara [On the population of the basins of the Olenek and Anabar rivers]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 86–91.
15. Terletskiy, P.E. (1951) Eshche raz k voprosu ob etnicheskom sostave naseleniya severo-zapadnoy chasti Yakutskoy ASSR [The ethnic composition of the population of the northwestern part of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic revised]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 88–99.
16. Shirina, D.A. (2001) *Rossiya: nauchnoye issledovanie Arktiki. XVIII v. – 1917 g.* [Russia: scientific research of the Arctic. The 18th century – 1917]. Novosibirsk: Nauka.
17. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 233.
18. Gurvich, I.S. (1952b) Etnograficheskaya ekspeditsiya v Nizhne-Kolymskiy i Sredne-Kolymskiy rayony Yakutskoy ASSR v 1951 godu [Ethnographic expedition to the Nizhne-Kolyma and Sredne-Kolyma regions of the Yakut ASSR in 1951]. *Sovetskaya etnografiya*. 3. pp. 200–209.
19. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 231.
20. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 247.
21. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 250.
22. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 258.
23. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 236.
24. The Scientific Archive of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA) RAS. Fund 142. List 2. File 24.
25. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 142. List 1. File 1201.
26. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 359.
27. Russia. (n.d.) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda* [All-Union Population Census of 1959]. [Online] Available from: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php (Accessed: 5th May 2019).
28. The Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 142. List 1. File 1202.
29. The Scientific Archive of the N.N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA) RAS. Fund 142. List 2. File 39.
30. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 356.
31. Posukh, O.L. (1992) Genetiko-demograficheskoe izucheniye populatsiy evenov i yukagirov Yakutii [Genetic and demographic study of the populations of the Evens and Yukaghirs of Yakutia]. In: Shumnyy, V.K. & Rodin, S.N. (eds) *Populyatsionno-geneticheskoe izucheniye severnykh narodov* [Population-genetic study of northern peoples]. Novosibirsk: ITsIG. pp. 41–65.
32. Johelson, W. (1928) *Peoples of Asiatic Russia*. New York: The American Museum of Natural History.
33. Kreynovich, E.A. (1982) *Issledovaniya i materiala po yukagirskomu yazyku* [Research and material on the Yukaghir language]. Leningrad: Nauka.
34. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 34.
35. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 35.
36. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 36.
37. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 1. File 361.
38. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 14. File 28.
39. Filippova, V.V. (2007) *Korennye malochislennyye narody Severa Yakutii v menyayushchemsya prostranstve zhiznedeyatel'nosti. Vtoraya polovina XX v.* [Indigenous peoples of the North of Yakutia in the changing space of life. Second half of the 20th century]. Novosibirsk: Nauka.
40. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 14. File 26.
41. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 5. File 496.
42. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 14. File 27a.
43. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 14. File 30.
44. The Manuscript Fund of the Archive of the Yakut Scientific Center of the Siberian Branch (RFA YaNTs SB RAS). Fund 5. List 14. File 39.

Сведения об авторе:

Сулейманов Александр Альбертович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск, Россия). E-mail: alexas1306@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Suleymanov Alexander A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Arctic Research of the Institute of Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia). E-mail: alexas1306@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.02.2020; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 25.02.2020; accepted for publication 05.07.2022

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

Научная статья

УДК 903.2 (57)

doi: 10.17223/19988613/78/22

К вопросу о культурно-хронологической однородности комплекса Ближние Елбаны VII (по материалам Государственного Эрмитажа)

Александр Альбертович Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, kaa-2862@mail.ru

Аннотация. На основе анализа керамического комплекса из культурного слоя памятника Ближние Елбаны VII выдвигается гипотеза, согласно которой считавшийся ранее культурно-хронологически однородным материал, относящийся к фоминскому этапу кулайской культуры, подразделяется на два различных памятника. Первый представлен поселением, керамический комплекс которого относится к переходному, саровско-фоминскому типу, второй является более поздним погребально-поминальным комплексом, относящимся к фоминскому этапу кулайской культуры. Выделены основные признаки керамического комплекса фоминского этапа кулайской культуры. Пересмотрена в сторону незначительного омоложения (до начала–середины II в.) нижняя хронологическая граница фоминского этапа кулайской культуры.

Ключевые слова: поселение, могильник, керамика, лесостепной Алтай, хронология

Для цитирования: Казаков А.А. К вопросу о культурно-хронологической однородности комплекса Ближние Елбаны 7 (по материалам Государственного Эрмитажа) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 172–187. doi: 10.17223/19988613/78/22

Original article

On the Question of Cultural and Chronological Homogeneity of Blizhnie Elbany VII Complex (based on the State Hermitage Museum materials)

Alexander A. Kazakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Barnaul, Russian Federation, kaa-2862@mail.ru

Abstract. This work is aimed to analyze cultural and chronological complex of the Fominskii stage of the Kulaiskaya culture from the burial ground Blizhnie Elbany 7 (BE-7) on the basis of significantly expanded sources. It is the first publication of materials presented by fragments from 32 vessels from the cultural layer of BE-7 burial ground, which are stored in the State Hermitage Museum. The introduction of these sources into scientific circulation allowed to reconsider the materials of BE-7 site in a new way. The data on the average saturation of the cultural layer with finds from the Kulaiskaya culture settlements, the presence of remains of funeral feasts on other memorial and funeral monuments of the Fominskii stage of Kulaiskaya culture, the nature of the finds distribution in the cultural layer, led to a conclusion about the presence of the settlement complex on the site of BE-7. Previously considered as homogeneous, the complex was divided into 2 typologically and culturally-chronologically different monuments. The first is presented by the settlement, the materials of which are related to the transition from the Sarovskii to the Fominskii stage, the second – to chronologically later burial ground of the Fominskii stage of the Kulaiskaya culture. Based on the analysis of single-layer materials from the settlements, such as Soshnikovo 1, Ust-Chumysh 1, Chudatskaya Gora, Malougrenevo 1, Yeniseiskoe, Biyskoe Gorodishche 2, Biyskoe gorodishche 4, Biyskoe gorodishche 6, Troitsk-1, Fominskoe, Malyi Itkul 1, Kislanskii Rybak-1, a comprehensive characteristic of quite a uniform ceramic complex of the Fominskii stage of the Kulaiskaya culture was given for the first time. The main characteristics are the following: the presence of weakly

profiled, with the emerging neck, transitional to potted forms; the complete absence of mouldings on the crowns; all the pearls formed during making pits on the inside of the vessel are smoothed out either completely or partially; the absence of ornamental elements applied in a dynamic manner; the absence of varieties of "figured" (in the form of a ring or with a partition in the middle) pits; a limited number of ornamental elements used in ornamental composition; the absence of classical Kulaiskaya duck. Characteristics distinguishing Sarovskii and Fominskii materials were singled out. The way of development of the ceramic complex from Sarovskii to Fominskii stage was shown. It revealed itself in appearance of pot-like weak-profiled forms, simplification of ornamental compositions, disappearance of complex motives, decrease in the number of ornamental elements in ornamental compositions, widely used at the Fominskii stage smooth S-shaped stamp, disappearance of classic Kulaiskaya duck, use of S-shaped stamp as the only ornamental element. Work with the inventory complex allowed to slightly move forward the lower chronological boundary of the Fominskii stage to the beginning-the first half of the 2nd century.

Keywords: settlement, burial ground, ceramics, forest-steppe Altai, chronology

For citation: Kazakov, A.A. (2022) On the Question of Cultural and Chronological Homogeneity of Blizhnie Elbany VII Complex (based on the State Hermitage Museum materials). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 172–187. doi: 10.17223/19988613/78/22

Еще до момента полноценной публикации М.П. Грязновым [1] материалов могильника Ближние Елбаны VII этот памятник стал одним из наиболее обсуждаемых среди ученых. Даже предварительные доклады выдающегося исследователя и первичные публикации материалов этого памятника [2–6] вызвали бурные дискуссии по поводу его культурно-хронологической принадлежности [7, 8], которые достаточно подробно проанализированы в историографических разделах крупных монографических исследований [9–12].

Пожалуй, из всех памятников, исследованных М.П. Грязновым в пункте Ближние Елбаны, ни один не имеет столь обширной историографии. И это неслучайно, ведь это единственный до недавнего времени могильник, представляющий огромный культурный пласт, основным характеризующим материалом которого до этого являлись поселенческие комплексы.

В отношении преобладания поселенческих комплексов над погребально-поминальными Барнаульско-Бийское Приобье не является исключением. В этом регионе известно три достоверных погребально-поминальных комплекса (Фоминский могильник [1. С. 126; 11. С. 20], могильник Круглое Озеро [1. С. 133; 11. С. 21] и Шипуновские находки [11. С. 21] таковыми являются лишь гипотетически, ни одного погребения с этих памятников не описано, материал представлен лишь артефактами со сборов), в которых исследовано 36 погребений (БЕ-7 – 31 погребение [1. С. 127, 130; 11. С. 20; 13. С. 16], Татарские могилки (памятник известен под разными названиями, обоснование используемого названия см.: [13. С. 6–7]) – 3 погребения [11. С. 30; 13. С. 16], Кармацкий – 2 погребения [14. С. 102]). Остальные материалы представлены поселенческими комплексами, в основном керамикой. Поэтому интерпретация наиболее представительного погребально-поминального комплекса является чрезвычайно актуальной задачей.

Несмотря на то, что материалы этого памятника уже много раз пересматривались исследователями и уже вроде как утратили свою информативность, считая целесообразным еще раз вернуться к его анализу. По-новому посмотреть на них позволяют увеличение источниковой базы, которое дает возможность на основании исследованных поселенческих комплексов охарактеризовать достаточно однородный комплекс керамики фоминского этапа кулайской культуры, от-

крытие и исследование 14 погребений Усть-Абинского могильника [11. С. 34] и двух погребений могильника Кармацкий [14. С. 102]. Эти источники вызывают сомнения в однородности опубликованного в монографии М.П. Грязнова материала, так как часть сосудов керамического комплекса могильника БЕ-VII, отнесенного к фоминскому этапу верхнеобской культуры, по ряду признаков отличается от довольно стандартного комплекса фоминской керамики.

Работа с коллекциями Государственного Эрмитажа дала возможность обработать представительный комплекс керамического материала, не нашедшего отражения в публикации 1956 г. Его анализ позволил разделить считавшийся ранее однородным керамический комплекс фоминского этапа с памятника БЕ-VII на два отличных друг от друга комплекса. Таким образом, имеющийся в настоящее время объем источников позволяет переосмыслить материалы могильника БЕ-VII и определить его место в системе древностей рубежа эр первой половиной I тысячелетия.

Начнем с того, что вслед за великолепным методом М.П. Грязновым [15], никто из последующих исследователей не усомнился в культурно-хронологической и типологической однородности коллекции с могильника БЕ-VII. В своей работе М.П. Грязнов отмечал, что «в нижней половине почвенного слоя в исследованной части могильника почти повсюду находились черепки глиняной посуды и некоторые другие предметы», причем им же отмечено, что эти черепки принадлежат и «более крупным, нарядным сосудам, какие встречены в культурном слое... поселения (видимо, имеется в виду поселение БЕ-IV)». Эти обломки «следует рассматривать как остатки похоронных и поминальных тризн». По его мнению, фрагменты керамики из культурного слоя могильника принадлежат не менее чем 55 сосудам [1. С. 132]. Из них опубликован лишь один, да и тот далеко не показательный [1. Табл. 50, 29].

Сам тезис о принадлежности материала культурному слою могильника, называемого почвенным, а следовательно, относящегося к единому погребально-поминальному комплексу, не позволяет усомниться как в культурно-хронологической, так и типологической (имеется в виду тип памятника) однородности всего материала, полученного с этого памятника. Это

положение не вызывало сомнений ни у кого из исследователей.

Наиболее полную характеристику керамического комплекса, происходящего из почвенного слоя БЕ-VII, мы находим в работе Т.Н. Троицкой. Ею проанализировано достаточно большое количество фрагментов керамики, происходящих от 82 сосудов, как из почвенного слоя, так и из погребально-поминальных комплексов [9. С. 41–42]. Вслед за М.П. Грязновым она также считает этот комплекс как типологически, так и культурно-хронологически однородным.

К сожалению, в иллюстративной части монографии Т.Н. Троицкой опубликовано только 4 фрагмента керамики из почвенного слоя [Там же. С. 120], что не дает целостного представления о всем комплексе.

Более полную публикацию находок из почвенного слоя БЕ-VII мы находим в работе Ю.В. Ширина, которым опубликовано 15 рисунков, представляющих как фрагменты керамических сосудов, так и реконструированные сосуды и вещи, происходящие из почвенного слоя БЕ-VII, относящиеся к комплексу фоминского могильника [11. С. 169–171]. У него также не вызывает сомнения культурно-хронологическая и типологическая однородность комплекса [Там же. С. 21–22], более того, вслед за Т.Н. Троицкой он дает общую характеристику керамического комплекса, происходящего как из почвенного слоя, так и из погребений. Причем используется не весь массив материалов, а лишь наиболее полно сохранившиеся сосуды [Там же. С. 96–98].

Сомнения в типологической однородности комплекса кулайской культуры с БЕ-VII мы находим только в работе Л.А. Чиндиной, где она на карте-схеме размещения памятников саровского этапа кулайской культуры [10.

С. 225] на рис. 20 под № 4 поместила памятник БЕ-VII с припиской «пос.», что должно означать поселение, однако этот тезис нигде в тексте монографии более не высказан, а сам памятник БЕ-VII однозначно трактуется как могильник [Там же. С. 103, 111]. На этой же карте-схеме мы не видим могильника БЕ-VII. Не знаю, можно ли это трактовать как возможность разделения Л.А. Чиндиной типологически единого могильника БЕ-VII на два типа памятников – поселение и могильник, однако приписка «пос.» позволяет говорить о наличии таковой.

При работе с материалами памятника БЕ-VII из почвенного слоя, относящимися к кулайской культуре, обращает внимание очень плотная его насыщенность находками. Согласно данным М.П. Грязнова, на 1 180 м² раскопа приходится фрагменты 55 сосудов [1. С. 132]. Получается, что средняя насыщенность слоя составляет примерно 0,05 сосуда на 1 м².

Согласно данным той же Т.Н. Троицкой, на поселении БЕ-IV на 250 м² раскопа приходится 42 сосуда [9. С. 42]. Это дает среднюю насыщенность культурного слоя в 0,17 сосуда на 1 м², что ненамного больше.

С целью определения степени насыщенности культурного слоя находками был проведен анализ исследованных однослойных поселенческих комплексов. Учитывая, что изучено небольшое количество однослойных поселений поздних этапов кулайской культуры (саровского и фоминского), для большей репрезентативности выводов был привлечен и материал сопредельных, близких в культурно-хронологическом отношении комплексов васюганских этапов кулайской культуры и одинцовской культуры из Томского, Новосибирского и Барнаульско-Бийского Приобья.

Результаты анализа приведены в таблице.

Насыщенность культурного слоя находками

№ п/п	Название памятника	Площадь раскопа, м ²	Количество сосудов, шт.	Средняя насыщенность, сос./м ²	Культурная принадлежность	Источник
1	Дубровинский Борок 4	2 600	12	0,05	Первый этап новосибирского варианта кулайской культуры	[9. С. 20]
2	Дубровинский Борок 3	198	260	1,31	Второй этап новосибирского варианта кулайской культуры	[Там же. С. 25–28]
3	Усть-Ирмень	32	67	2,09	Второй этап новосибирского варианта кулайской культуры	[Там же. С. 32]
4	Ивановка 4	231	30	0,13	Третий этап новосибирского варианта кулайской культуры	[Там же. С. 38]
5	Бехтемир	16	28	1,75	Сошкинский этап одинцовской культуры	[12. С. 9]
6	Городище 2	112	1	0,009	Сошкинский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 13]
7	Гор. Малый Иткуль 5	80	8	0,1	Сошкинский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 17]
8	Гор. Малый Иткуль 6	80	7	0,09	Сошкинский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 20]
9	Сошкиново 1	964	12	0,01	Сошкинский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 25–26]
10	Пос. Малый Иткуль 1/7	140	4	0,03	Одинцовский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 37]
11	Пос. Малый Иткуль 2/2	64	2	0,03	Одинцовский этап одинцовской культуры	[Там же. С. 42]
12	Пос. Малый Иткуль 1	220	30	0,14	Фоминский этап кулайской культуры	[16]
13	БЕ-7	1 180	55	0,05	Фоминский этап кулайской культуры	[1. С. 132]
14	БЕ-4	250	42	0,17	Фоминский этап кулайской культуры	[9. С. 42]
Средняя насыщенность				0,46		

Наибольшую насыщенность, превышающую 1 сосуд на 1 м², мы наблюдаем на памятниках Дубровинский Борок 3, Усть-Ирмень и Бехтемир. На городище Бехтемир такая высокая насыщенность обусловлена разбивкой раскопа внутри жилищного котлована. На городище Дубровинский Борок 3 небольшим по площади раскопом (198 м²) исследовано три жилищных котлована, а именно в них наблюдается наибольшая насыщенность находками. К сожалению, не владея ситуацией, не могу объяснить столь высокую насыщенность культурного слоя поселения Усть-Ирмень. Можно лишь предполагать, что М.П. Грязнов небольшим по площади раскопом в 32 м² попал на хозяйственную зону жилища с наибольшей концентрацией находок.

Большинство исследованных памятников с небольшими по площади раскопами ориентировано на исследование как раз жилищных котлованов, в которых и сосредоточено подавляющее количество находок, что дает достаточно высокую насыщенность культурного слоя, да то далеко не всегда. Средняя насыщенность культурного слоя в 0,1 и более сосуда на 1 м² считается уже достаточно высокой!

Исследование всей площади памятника крупным раскопом предполагает и изучение межжилищного пространства и линий ров-вал, культурный слой в которых практически не содержит никаких находок, что в среднем дает очень низкую среднюю насыщенность. Подобным образом изучались такие памятники, как Дубровинский Борок 4 и Сошниково 1, которые дают среднюю насыщенность культурного слоя в 0,025 сосуда на 1 м².

Очень слабую насыщенность культурного слоя поселений, относящихся к рассматриваемому периоду, констатирует и Л.А. Чиндина, которая отмечает, что на поселении Степановское 1 находки концентрировались около жилищ или ям [10. С. 186], а на поселении Степановское 4 в межжилищном пространстве находок почти не было [Там же. С. 191]. Что касается распределения находок в котлованах, то Л.А. Чиндиной выявлено, что они, как правило, тяготели к очагам либо концентрировались у стен или в углах жилищ [10. С. 18, 45]. Вслед за другими исследователями описанные закономерности отмечены автором при характеристике культурного слоя поселений одинцовской культуры [12. С. 86].

Такая слабая насыщенность культурного слоя стационарных поселений заставляет усомниться в возможности высокой насыщенности находками культурного слоя на погребально-поминальных комплексах, который трактуется как остатки тризн. Трудно представить, что разовые, достаточно редкие обрядовые действия могли привести к формированию культурного слоя на поминально-погребальном комплексе большей насыщенности, чем на поселении, на территории которого люди обитали непрерывно достаточно длительное время и вели интенсивный образ жизни. А на памятнике БЕ-VII, на котором раскопом исследована сплошная площадь, средняя насыщенность слоя находками очень высока – 0,05 сосуда на 1 м², что в 2 раза превышает таковую на долговременных памятниках, исследованных так же, как и БЕ-VII, сплошными площадями (Дубровинский Борок 4 и Сошниково 1)!

Косвенными доказательствами существования поселенческого слоя могут служить и такие наблюдения, как неоднородное залегание материала в почвенном слое. Так, фрагменты одного сосуда, судя по инвентарным номерам (если принять во внимание, что соседние квадраты должны шифроваться порядковыми номерами, идущими последовательно), найдены в достаточно отдаленных друг от друга квадратах, что при единичном факте можно объяснить случайностью, при большой распространенности – остатками поселенческого культурного слоя. Большая фрагментированность сосудов свидетельствует в пользу этого же. Согласно механизму образования остатки тризн должны быть представлены развалами, мы же имеем дело с большой фрагментированностью.

Это позволяет усомниться в типологической однородности комплекса и говорить о поселенческом культурном слое и погребально-поминальном комплексе, т.е. на БЕ-VII наряду с грунтовым могильником существовало еще и поселение кулайской культуры. Таким образом, на этом месте было два типологически различных памятника – поселение и могильник.

Анализ наличия следов поминальных тризн на других погребально-поминальных комплексах кулайской культуры также подтверждает выдвинутую гипотезу.

Так, из 72 погребений могильника Каменный Мыс лишь четыре сопровождалась остатками тризн, и всего в одном (к. 4) найдены остатки двух керамических сосудов [9. С. 9]. На могильнике Ордынское 1 таковых вообще не обнаружено, хотя это и объясняется сильной разграбленностью памятника [Там же. С. 22]. На площади погребально-поминального комплекса фоминского этапа кулайской культуры Татарские могилки остатков материальной культуры, а тем более керамических сосудов, однозначно связанных с поминальными тризнами, не зафиксировано [11. С. 30]. На могильнике Карлык 1 также не зафиксировано следов погребальных тризн [Там же. С. 31]. На площади исследованного Ю.В. Шириным Усть-Абинского погребально-поминального комплекса, на котором выявлено и исследовано 14 погребений, имеются следы поминальной тризны, однако они не сопровождаются остатками керамической посуды [Там же. С. 34–35].

Принимая во внимание, что погребально-поминальная обрядность является очень консервативным явлением, слабо подверженным различным новациям и достаточно однородным в пространстве, что позволяет считать ее одним из основных культуuroобразующих признаков при выделении и характеристике археологических культур, следует признать, что наличие следов погребальных тризн для могильников различных этапов кулайской культуры не свойственно для погребально-поминальной обрядности носителей этой культуры, тем более наличие подобных следов в форме остатков керамических сосудов. Таким образом, следует признать наличие на памятнике БЕ-VII наряду с могильником фоминского этапа кулайской культуры и поселенческого культурного слоя достаточно высокой насыщенности.

Для определения культурно-хронологической однородности материалов из культурного слоя могиль-

ника и поселения необходимо провести их сравнительный анализ, который начинается с описания. Опишем керамический комплекс поселения, материалы которого хранятся в Государственном Эрмитаже в коллекции № 1623. С № 1 по № 301 зашифрованы артефакты, происходящие из погребально-поминальных комплексов, с № 302 по № 513 – артефакты, происходящие из культурного слоя и случайные находки, т.е. из слоя поселения происходит порядка 211 предметов. При работе с коллекцией автор частично реконструировал и зарисовал фрагменты от 36 сосудов (рис. 1–4)¹.

К сожалению, это, вероятнее всего, далеко не полный объем материала (М.П. Грязновым насчитано не менее 55 сосудов, происходящих из почвенного слоя [1. С. 132], Т.Н. Троицкой – 82 сосуда [9. С. 41]), однако это самая представительная впервые опубликованная выборка, характеристика которой ввиду большого ее объема дает достаточно полное представление о всем комплексе.

Полностью восстановить форму ни одного сосуда не удалось. Судя по отсутствию в составе керамического комплекса фрагментов плоских или приостренных днищ, сосуды были круглодонными. О круглодонности всего комплекса косвенно свидетельствуют и частично реконструированные сосуды, верхняя часть которых имеет форму, характерную для круглодонных сосудов (см. рис. 2, 16; 4, 1, 6).

Сосуды сформованы из хорошо отмученного глиняного теста с мелкими примесями отошителя, с тонкими стенками. Причем можно наблюдать более толстые

стенки в верхней части сосуда, которые утончаются на протяжении первой трети, переходя в примерно одинаковую толщину тулова и дна. Фрагменты керамики очень плотные, хорошего качества, «звонкие».

Судя по венчикам, преобладают сосуды закрытой баночной формы (диаметр венчика меньше наибольшего диаметра тулова) (см. рис. 1, 2, 4, 5; 2, 3, 4, 5, 6, 13, 14; 3, 1, 7; 4, 1). Встречаются открытые банки (диаметр тулова не превышает диаметра венчика) (см. рис. 1, 3; 2, 1, 16; 4, 4, 5, 6). Примерно в таком же количестве, как и открытые банки, встречаются сосуды с чуть заметной профилировкой венчика (см. рис. 1, 1, 7; 2, 2, 7, 11, 12), однако о горшковидных формах можно говорить достаточно условно, скорее, при такой слабой профилировке это переходная к горшковидным форма.

Если формы сосудов достаточно стабильные, то формы венчиков значительно разнообразнее. Большинство венчиков прямые, срезаны внутрь сосуда (см. рис. 1, 2, 4, 6, 7; 2, 1, 2, 4, 6, 8–11, 13; 3, 1, 5–7; 4, 1, 2, 4–6). Встречаются округлые (см. рис. 1, 3, 5; 2, 3, 15, 16) и горизонтальные (см. рис. 1, 2; 2, 3, 7, 14). Срезанный наружу встречен в одном случае (см. рис. 2, 12). Сами срезы венчиков плоские (см. рис. 1, 1, 2, 6, 7; 2, 1, 2, 5, 7, 10, 12–14; 3, 1, 5, 6; 4, 2, 4, 6) или округлые (см. рис. 1, 3–5; 2, 3, 4, 6, 8, 9, 15, 16; 3, 7; 4, 1, 5). На венчиках нередко встречаются карнизники с внутренней стороны (см. рис. 1, 7; 2, 1, 2, 10; 3, 5, 6; 4, 4). Кроме венчиков с карнизниками нередко венчики с утолщением с внутренней стороны (см. рис. 1, 1, 6; 2, 6, 7, 11; 4, 1, 2, 5).

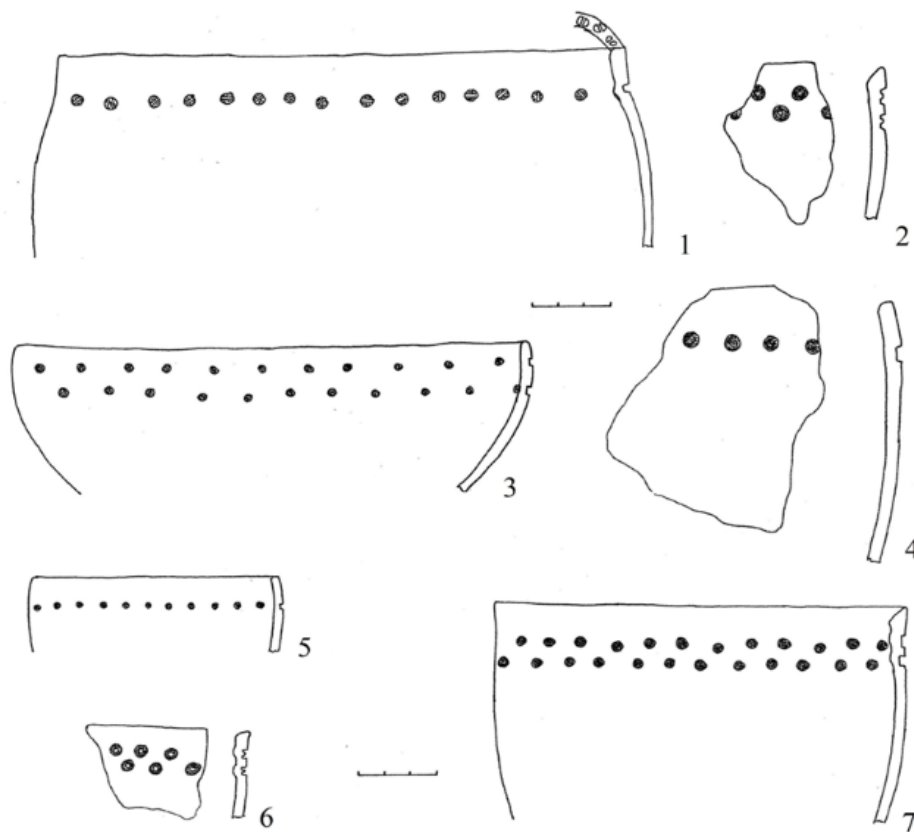

Рис. 1. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны VII:
1 – 1623/495; 2 – 1623/381; 3 – 1623/421; 4 – 1623/419;
5 – 1623/343 и 495; 6 – 1623/333; 7 – 1623/433

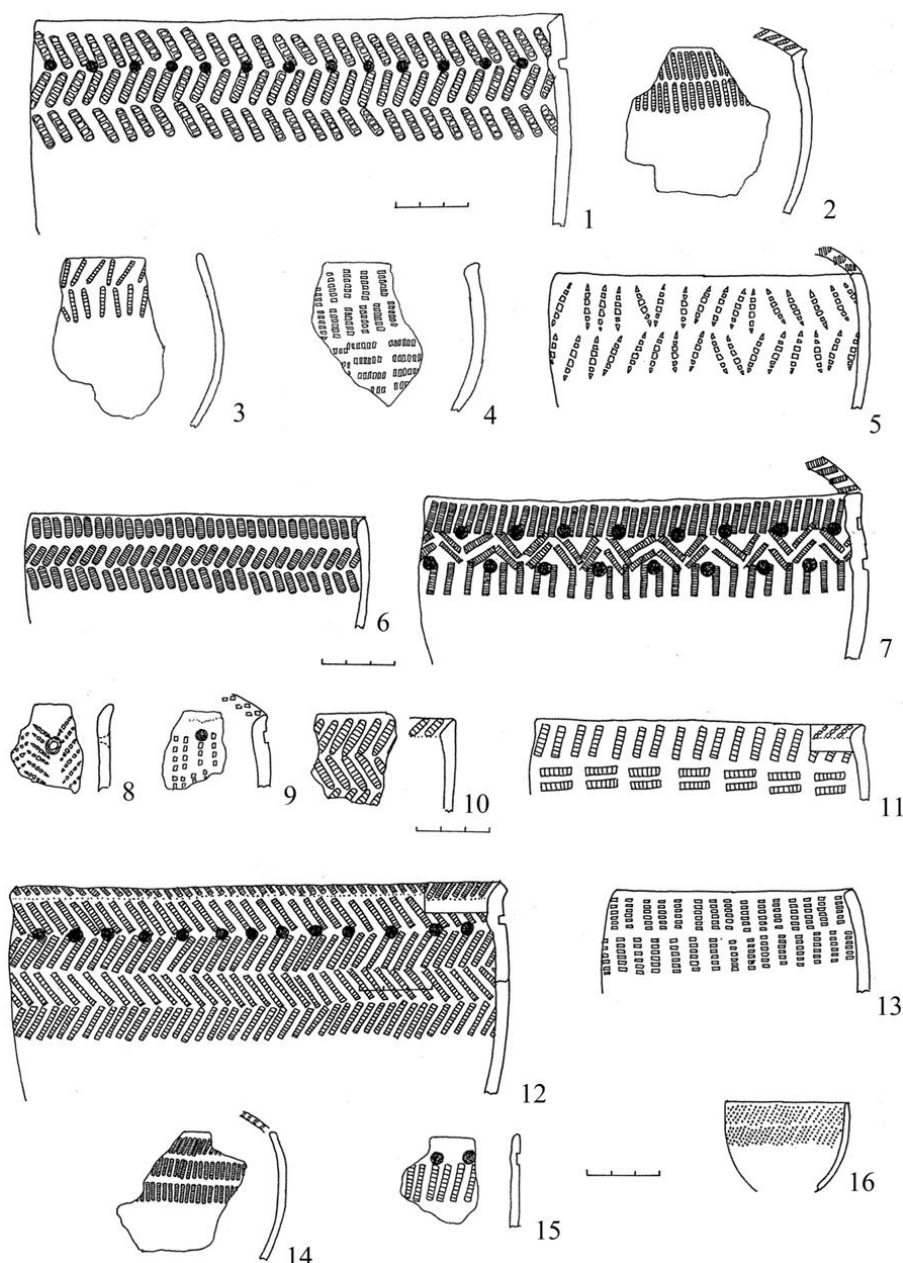

Рис. 2. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны VII:

1 – 1623/332; 2 – 1623/345; 3 – 1623/407; 4 – 1623/407; 5 – 1623/338; 6 – 1623/424; 7 – 1623/496; 8 – не зашифрован; 9 – 1623/468; 10 – 1623/446; 11 – 1623/468; 12 – 1623/435 и 396; 13 – 1623/362; 14 – 1623/391; 15 – 1623/344; 16 – 1623/494

Характеризуя другие морфологические особенности, стоит отметить, что практически на всех сосудах жемчужины на внутренней поверхности, образовавшиеся при нанесении такого элемента орнамента, как ямки, сглажены полностью (см. рис. 1, 2–5; 2 – 9, 15) либо частично (см. рис. 1, 1, 6, 7; 2, 1, 7, 12; 4, 4, 6). Сосудов, у которых жемчужины не сглаживались вообще, не встречено.

Немного забежав вперед, можно говорить о том, что самые четкие карнизики и слабозаглаженные жемчужины встречаются на сосудах со сложной орнаментальной композицией и наколами с выпуклой посередине (см. рис. 1, 1, 6, 7; 2, 1, 7, 12; 4, 4, 6).

Из орнаментальных элементов наиболее часто встречаются наколы различной формы и отпечатки гребенчатого штампа. Отпечаток гладкого штампа встречен

в одном случае (см. рис. 4, 4). Все орнаментальные элементы наносились в статичной манере, динамичной техники нанесения орнамента не зафиксировано. Из наколов наиболее часто встречаются ямки и треугольный штамп. Ямки наносились разными орнаментами. В подавляющем большинстве случаев у ямок дно плоское (см. рис. 1, 4, 5, 7; 2, 1, 7, 9, 12, 15; 4, 6), другие имеют форму кольца с выпуклой либо прямой полосой посередине (см. рис. 1, 1, 2, 3, 6; 4, 4). Вероятнее всего, одни наносились орнаментом с плоским рабочим концом, другие – с полым (возможно, трубчатой костью птицы).

Треугольный штамп (см. рис. 3, 1–7; 4, 1, 4) также имел разновидности, а именно форму, близкую шеврону, с закругленным углом немного вытянутого треугольника (см. рис. 3, 2, 4, 5, 7).

Наибольшая вариабельность наблюдается у гребенчатого штампа. Самым распространенным является так называемая гусеничка, когда отпечаток имеет четко выраженную форму рабочего края орнамента, который при штамповании полностью погружался в глиняное тесто. Зубцы у этого штампа большие, с тонкими и невысокими перегородками между ними. Гусеничка имела, как правило, прямоугольную форму со слегка округлыми углами (см. рис. 2, 1–3, 6, 10, 14; 4 – 1–3, 5) и четко прямоугольные формы (см. рис. 2, 7, 11, 12, 15; 3, 3; 4, 6).

Достаточно распространенной формой гребенчатого штампа-гусенички является гребенчатая уточка. На керамике встречены как классические формы кулайской уточки с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным четким одинаковым углом в изломах (см. рис. 4, 1–3, 5), так и эсвидный гребенчатый штамп-гусеничка (см. рис. 4, 1), являющийся разновидностью уточки. В одном случае встречен эсвид-

ный гладкий штамп удлиненных пропорций (см. рис. 4, 4), а также штамп, по форме напоминающий уточку, лежащую на боку, с резкими, острыми углами в изломах с полосками внутри (см. рис. 4, 6). Такой штамп на керамике встречается крайне редко.

Кроме гусенички встречен и обычный гребенчатый штамп, при нанесении которого отпечатываются только зубцы, а сама форма рабочего края орнамента не оставляет отпечатка на орнаментальном поле. В порядке убывания распространенности зафиксированы такие его разновидности, как гребенчатый штамп с прямоугольными зубцами, расположенными длинной стороной перпендикулярно длинной оси орнамента (см. рис. 2, 4, 13; 3, 1, 6), крупнозубый гребенчатый штамп сильно вытянутооформленной формы (см. рис. 2, 5, 8; 3, 4), крупнозубый гребенчатый штамп с квадратными зубцами (см. рис. 2, 9), частый мелкозубый штамп с тонкими зубцами, расположенными перпендикулярно длинной оси орнамента вытянутооформленной формы (см. рис. 2, 16).

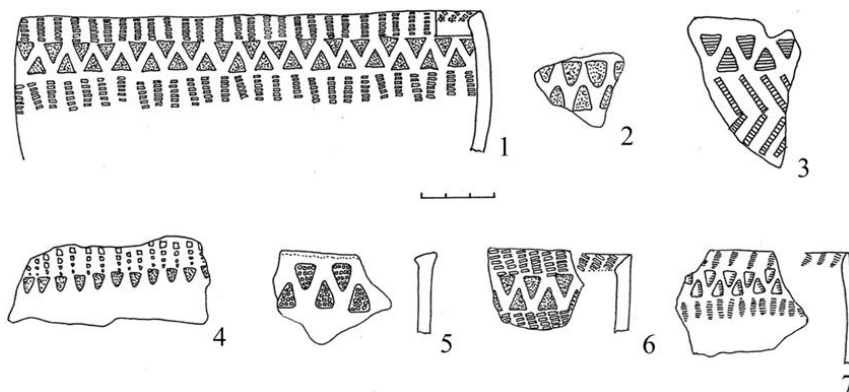

Рис. 3. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны VII:
1 – 1623/442; 2 – 1623/335; 3 – 1623/451; 4 – 1623/445; 5 – 1623/363; 6 – 1623/334; 7 – 1623/347

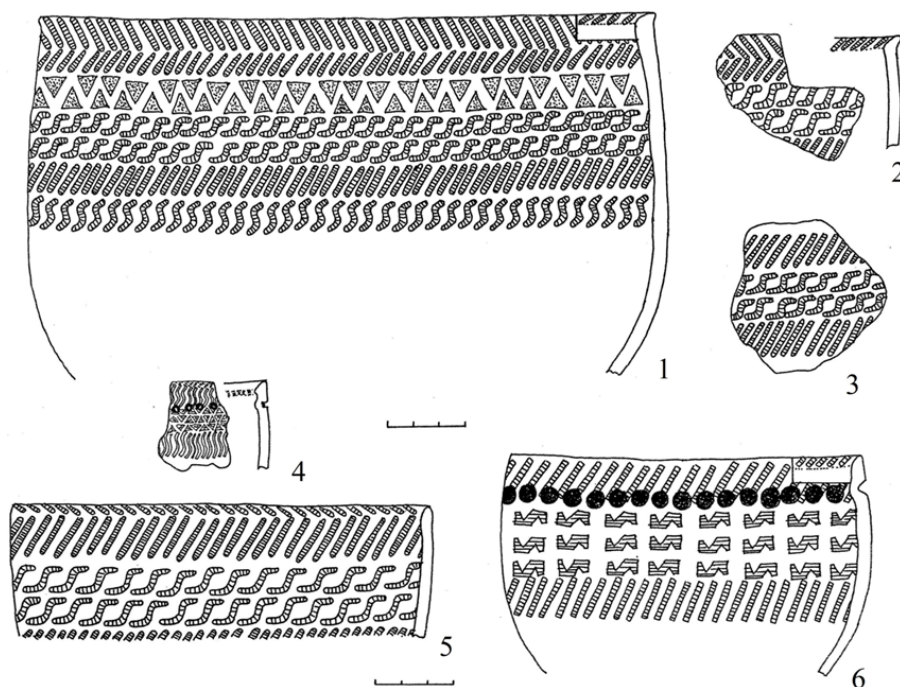

Рис. 4. Керамический комплекс поселения Ближние Елбаны VII:
1 – 1623/450; 2 – 1623/365; 3 – не зашифрован; 4 – 1623/390; 5 – 1623/425; 6 – 1623/426

Других элементов орнамента на описываемом керамическом комплексе не встречено. Орнаментальные мотивы, как и орнаментальные элементы, достаточно разнообразны. Наиболее распространенными являются горизонтальный (см. рис. 1, 1–7; 2, 1–7, 9, 11, 13, 14; 3, 1, 4, 7; 4, 1–6), вертикальный (см. рис. 2, 4, 8, 11) и наклонный (см. рис. 2, 15, 16; 3, 6, 7; 4, 2, 3, 5, 6). Наряду с простыми мотивами встречаются и сложные, такие как зигзагообразный (см. рис. 2, 7), елочка (см. рис. 2, 1, 6, 8, 10, 12; 3, 3; 4, 1, 2, 5) и паркетный (см. рис. 3, 1–3, 5–7; 4, 1, 4). Как правило, украшалась только верхняя треть, лишь в одном случае орнаментальное поле занимало примерно половину высоты сосуда (см. рис. 4, 6). Часто орнаментировался и срез венчика. Орнамент по срезу наносился одним из штампов, которыми украшалось тулово сосуда (см. рис. 1, 1; 2, 2, 5, 7, 9–12, 14; 3, 1, 6, 7; 4, 1, 2, 4, 6). У сосудов, орнаментированных только ямками, срез венчика орнаментирован лишь в одном случае (см. рис. 1, 1).

Орнаментальная композиция достаточно сложна. Для начала отметим, что ямки (кольца) и треугольники (фестоны) на одном сосуде ни разу не совмещались. В некоторых случаях ямки и треугольники могли выступать как самостоятельные элементы декора, образуя один или несколько (до 2 орнаментальных строк) горизонтальных поясков по верхней части сосуда (см. рис. 1, 1–7; 3, 2, 5). Треугольники одной орнаментальной строкой не наносились, как самостоятельный элемент использовались только в паркетном мотиве (см. рис. 3, 2, 5).

Часто самостоятельным декоративным элементом, наносимым без совмещения с другими, выступает гребенчатый штамп различных форм (см. рис. 2, 2–6, 8–11, 13, 14, 16). Наиболее распространенным орнаментальным мотивом, наносимым отпечатком гребенчатого штампа, является елочка (см. рис. 2, 1, 6, 8, 10). Кроме елочки отпечатками гребенчатого штампа наносились горизонтальные полосы вертикально поставленного штампа (см. рис. 2, 2–5, 9, 11, 13, 14), горизонтальные полосы косо поставленного штампа (рис. 2, 16), вертикальные елочки (рис. 2, 8).

Более сложные композиции состояли из двух элементов орнамента, за исключением композиций, в построении которых использовались уточки. Одним из обязательных элементов сложных орнаментальных композиций являлись ямки или треугольный штамп. Они выступали как разделители орнамента. Еще раз обращу внимание, что даже в сложных орнаментальных композициях эти элементы ни разу не совмещаются на одном сосуде. Причем если разделительная функция ямок не всегда читается явно, они наносились и поверх других орнаментальных элементов (см. рис. 2, 1, 7, 12, 15; 4 – 4, 6), то треугольники всегда достаточно четко вписаны между орнаментальными строками, нанесенными гребенчатым штампом или уточкой (см. рис. 3, 1, 3, 4, 7; 4, 1, 4).

Как правило, орнаментальные элементы четкие, пропечатаны аккуратно и тщательно, особенно это наблюдение касается сосудов, украшенных орнаментальной композицией с присутствием треугольного штампа и уточки. На сосуды, орнаментированные ямками, гре-

бенчатым штампом или их сочетанием, орнамент мог наноситься и достаточно небрежно, с отклонениями по углу наклона штампа и не совсем пунктуальным соблюдением верхней и нижней границ орнаментальных строк. При орнаментации сосуда использовался только один гребенчатый штамп, два разных гребенчатых штампа не совмещаются, за исключением прямого гребенчатого штампа и гребенчатой уточки.

Орнаментальных строк на одном сосуде встречено от 1 до 7. Наряду с достаточно свободным размещением орнаментальных элементов часто встречается и плотное заполнение орнаментального поля очень четкими отпечатками штампа, что характерно в основном для сосудов, в орнаментальной композиции которых присутствует такой элемент орнамента, как уточка (см. рис. 4, 1–6). Уточка всегда встречается в сочетании с гребенчатой гусеничкой и треугольным штампом или ямками, образуя не менее двух горизонтальных строк между отпечатками гребенки (см. рис. 4, 1, 2, 3, 5, 6). Только в одном случае встречена разновидность уточки, нанесенной эсвидным гладким штампом (см. рис. 4, 4).

На этом фрагменте керамики хочется остановиться особо, так как он по многим своим параметрам немного не вписывается в анализируемый керамический комплекс и может быть несколько раз назван как уникальный. Во-первых, орнаментальные элементы на нем слишком мелкие и очень плотно нанесены, чего не скажешь о других фрагментах. Во-вторых, только на нем встречен такой орнаментальный элемент, как гладкая уточка, вернее, ее разновидность в виде эсвидного штампа. В-третьих, несмотря на то, что при описании комплекса несколько раз акцентировалось внимание на отсутствии совмещения ямок и треугольного штампа, на этом фрагменте они все же совместились. Подобное совмещение можно считать столь редким исключением, что его можно просто-напросто игнорировать, так как оно при массовом материале является единичным. Причем обращает внимание, что ямки, совмещенные с треугольником, наносились трубчатой костью, т.е. представляют из себя ямку с выпуклой посередине.

Столь подробное описание публикуемого керамического комплекса необходимо для его более обоснованной культурно-хронологической интерпретации. Даже на первый взгляд видно, что мы имеем дело с ранее неизвестным на территории лесостепного Алтая керамическим комплексом, а точнее комплексом, фрагментарная публикация которого не позволяла составить о нем целостного представления, благодаря чему его трактовали как относящийся к фоминскому этапу кулайской культуры, считая однородным с керамическим комплексом могильника, о чем уже говорилось ранее. Подобное толкование обуславливало и большое сходство некоторых сосудов из погребений с находками керамики из почвенного слоя могильника: Это сосуд из м. 6 [11. С. 172] и сосуд из слоя, изображенный на рис. 2, 7, сосуд из м. 33 [Там же. С. 182] и сосуд из слоя, изображенный на рис. 3, 1, сосуд из м. 98 [Там же. С. 199] и сосуды из слоя, изображенные на рис. 4, 2, 3, 5. Это только примеры почти прямых

аналогий. Сходство же керамических комплексов из погребально-поминальных объектов и почвенного слоя несомненно. Но имеются и существенные различия, не позволяющие объединить их в единый культурно-хронологический комплекс.

В настоящее время в связи со значительным пополнением корпуса источников следует признать, что отнесение керамического комплекса с поселения БЕ-VII к фоминскому этапу кулайской культуры следует пересмотреть. Об этом свидетельствуют достаточно представительные комплексы фоминской керамики, полученные с исследованных в последние годы памятников, представленных в основном поселениями и тремя погребениями могильника Татарские могилки.

К поселенческим комплексам, давшим материалы, позволяющие составить достаточно полное представление об их керамических комплексах, относятся Усть-Чумыш 1 [17], Чудацкая гора фом. [18], Малоугрево 1 [19], Енисейское [Там же], Бийское городище 2 [20, 21], Бийское городище 4 [20, 21], Бийское городище 6 [20, 21], Троицк-1 [22], Фоминское [23], Малый Иткуль 1 [16], Кислянский Рыбак-1 [24]. К сожалению, до настоящего времени не опубликованы достаточно показательные и представительные коллекции с ряда фоминских поселений, происходящие из однослойных памятников, на которые можно было бы сослаться, но их материалы после публикации только повысят убедительность представленных построений.

Среди новых погребально-поминальных комплексов, содержащих в своем составе керамические сосуды, можно назвать могильник Татарские могилки [11]. Большое количество памятников, содержащих достаточно однородные керамические комплексы, позволяет охарактеризовать керамику фоминского этапа кулайской культуры в целом.

Это тонкостенные, сформованные из тонкоотмученного глиняного теста с мелкими фракциями отощителя, круглодонные сосуды преимущественно баночной формы (как открытые, так и закрытые) с прямыми венчиками [16. Рис. 2, 1–7, 9, 10; рис. 3, 1, 2, 4, 5, 9–10; 19. Рис. 1, 1–3, 6–8, 11–13, 15, 16; рис. 3, 1, 3–5; 20. Рис. 3, 1, 5, 7, 8, 13, 17, 18, 21; рис. 4, 8, 9, 12, 14, 15, 17, 18; 23. Рис. 1, 2–10, 24. Рис. 2]. Встречаются и переходные к горшкам формы со слабопрофилированными венчиками [19. Рис. 1, 5, 8–10, 14, 17; рис. 3, 2, 6; 16. Рис. 3, 3, 7, 11, 12; 24. Рис. 2]. Срезы венчиков в основном горизонтальные [19. Рис. 1, 1–3, 11, 14; рис. 3, 1–3, 6; 20. Рис. 3, 5, 7, 13, 18; рис. 4, 9, 15; 23. Рис. 1, 5–8, 10, 12; рис. 2, 1, 4, 7; 24. Рис. 2] или округлые [16. Рис. 2, 2, 3, 6, 9, 10; 19. Рис. 1, 6, 9, 10, 12–15, 17; рис. 3, 4, 5; 20. Рис. 3, 1, 8, 17, 25; рис. 4, 8, 14, 18; 23. Рис. 1, 2, 3, 9], встречаются как срезанные внутрь сосуда [9, рис. 4, 17; 16. Рис. 2 — 1, 2, 5, 9; 19. Рис. 1, 7, 16; рис. 3, 1; 24. Рис. 2], так и наружу [19. Рис. 1, 5]. Иногда мы можем наблюдать утолщения с внутренней стороны венчика [19. Рис. 1, 3, 6, 17; рис. 3, 2, 4, 6; 20. Рис. 3, 17; рис. 4, 8, 9, 15, 17; 23. Рис. 1, 7, 10]. Карнизиков не встречено.

Жемчужины на внутренней поверхности, образовавшиеся при нанесении ямок, сглажены либо полностью [16. Рис. 2, 2–4, 6, 9; 19. Рис. 1, 1, 10, 11, 13; 20. Рис. 3, 1, 7, 18; рис. 4, 8, 9; 23. Рис. 1, 4, 7; 24. Рис. 2],

либо частично [16. Рис. 2, 5; 19. Рис. 1, 2, 6–8, 15, 16; рис. 3, 3, 6; 20. Рис. 3, 8, 21, 25; 23. Рис. 1, 3, 9; 24. Рис. 2]. Сосуды, у которых жемчужины не сглаживались, отсутствуют. Все орнаментальные элементы наносились только в статичной манере. Из орнаментальных элементов наиболее часто встречаются ямки с плоским дном, наносимые орнаментиром с плоским рабочим краем. Кольчатые ямки встречены только на одном сосуде [24. Рис. 2]. Отпечатков треугольного штампа не встречено вообще.

Вторым по распространенности элементом является гребенчатый штамп, с незначительной вариабельностью. В основном это обычный гребенчатый штамп, при нанесении которого отпечатываются только зубцы. Встречены такие его разновидности, как крупнозубый гребенчатый штамп [16. Рис. 2, 6; 19. Рис. 1, 1, 5, 17; 23. Рис. 1, 3; 24. Рис. 2], частый мелкозубый штамп с тонкими зубцами, расположенными параллельно длинной оси орнамента [19. Рис. 1, 7; 20. Рис. 3, 1] и частый мелкозубый штамп с зубцами, расположенными перпендикулярно длинной оси орнамента [20. Рис. 3, 7]. Гусеничка, как правило, прямоугольной формы со слегка скругленными углами [19. Рис. 1, 7, 8, 16; рис. 3, 6; 23. Рис. 1, 4, 6, 7, 10; 24. Рис. 2] или сильно вытянутоовальной формы [19. Рис. 1, 15]. Встречена и дугообразная гребенчатая гусеничка [19. Рис. 1, 3, 6, 14; рис. 3, 2, 3].

Достаточно распространенной формой гребенчатого штампа-гусенички является гребенчатая уточка. Причем классические формы кулайской уточки с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным четким одинаковым углом в изломах отсутствуют, их заменяет эсвидный гребенчатый штамп-гусеничка [16. Рис. 2, 2; 19. Рис. 1, 9–11, 13; рис. 3, 1, 5; 20. Рис. 3, 13, 17; рис. 4, 15, 17; 23. Рис. 1, 8; 24. Рис. 2], являющийся разновидностью уточки. Достаточно распространенным является и гладкий эсвидный штамп [16. Рис. 2, 5, 6; 19. Рис. 1, 2, 4; рис. 3, 4; 20. Рис. 3, 24, 25; рис. 4, 8, 9, 11, 12, 14, 18; 23. Рис. 1, 2, 9]. Еще одной разновидностью гладкого штампа является полулунный [19. Рис. 1, 12; рис. 3, 6].

Из других элементов орнамента на описываемом керамическом комплексе встречены аморфные штампы непонятной формы, вероятнее всего, имитирующие уточку, так называемые змейки [22. Рис. 1, 9; рис. 2, 13; 23. Рис. 1, 5], и в одном случае — двучленная имитация уточки [16. Рис. 2, 1] и гладкий штамп [25. Рис. 2, 4]. Наиболее распространенными являются такие мотивы, как горизонтальный, который присутствует практически на всех сосудах, наклонный [16. Рис. 2, 4, 6; 19. Рис. 1, 5, 7, 8, 15, 16, 17; рис. 3, 6; 23. Рис. 1, 6, 10; 24. Рис. 2] и ленточный [16. Рис. 2, 6; 19. Рис. 1, 13]. Наряду с простыми мотивами встречаются и сложные, такие как зигзагообразный [19. Рис. 1, 1; 23. Рис. 1, 7; 24. Рис. 2] и елочка [16. Рис. 2, 4; 19. Рис. 1, 7, 16; 20. Рис. 3, 1, 7; 23. Рис. 1, 4; 24. Рис. 2].

Вертикальный и паркетный мотивы отсутствуют полностью. Украшалась только верхняя часть, орнаментальные элементы не опускались ниже трети высоты сосуда. Изредка орнаментировался срез венчика

[16. С. 107; 19. Рис. 1, 8, 17; рис. 3, 6; 20. Рис. 4, 8; 23. Рис. 1, 3, 4, 6, 7].

Орнаментальные композиции состоят, как правило, не более чем из двух элементов орнамента. Одним из обязательных элементов таких двусоставных орнаментальных композиций являются ямки. Они выступают как разделители орнамента. Разделительная функция ямок не всегда явная. Очень часто ямки наносились поверх других элементов орнамента, что иногда ставит их функцию как разделителей под сомнение. Орнаментальные элементы четкие, но пропечатаны не очень аккуратно и тщательно, имеют разные углы наклона и не всегда составляют четкую горизонтальную линию, немного отклоняясь от горизонтали в разные стороны. Интервалы между элементами также не всегда одинаковые.

Только в одном случае встречена орнаментальная композиция, совмещающая, вместе с ямками, три орнаментальных элемента [19. Рис. 3, 6]. Орнаментальных строк на одном сосуде встречено от 1 до 7. Орнаментальные элементы размещены достаточно свободно. Плотное заполнение орнаментального поля очень четкими отпечатками штампа не встречено. Уточка, как гладкая, так и гребенчатая, выступает как самостоятельный элемент орнамента [16. Рис. 2, 2, 5, 7; рис. 3, 2-4, 7, 12; 19. Рис. 1, 2, 4, 9, 10, 11, 13; рис. 3, 1, 4, 5; 20. Рис. 3, 13, 17, 24, 25; рис. 4, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18; 23. Рис. 1, 2, 8, 9;], не сочетаясь ни с какими другими орнаментальными элементами, кроме ямок, которые выполняют, скорее, не декоративную, а разделительную функцию, являясь чуть ли не обязательным элементом любой орнаментальной композиции. Особо отметим, что керамический комплекс поселения Троицк-1 [22] абсолютно ничем не отличается от описанной выше поселенческой керамики фоминского этапа кулайской культуры.

Проведенный анализ позволяет нам выделить основные признаки керамического комплекса фоминского этапа кулайской культуры, который является достаточно стандартным во всем регионе распространения памятников этой культурно-хронологической группы:

1. Сосуды изготовлены из хорошо отмученного глиняного теста с мелкими примесями отошителя, тонкостенные.

2. Все сосуды круглодонные. По форме преобладают банки. Достаточно часто встречаются слабопрофилированные, с намечающейся шейкой, переходные к горшковидным формы.

3. Стабильные пропорции. Высота сосуда приблизительно равна его диаметру.

4. Полное отсутствие карнизиков на венчиках. Встречаются утолщения верхней части венчика изнутри.

5. Все жемчужины с внутренней стороны сосуда, образовавшиеся при нанесении ямок, заглажены либо полностью, либо частично.

6. Полное отсутствие орнаментальных элементов, нанесенных в динамичной манере.

7. Отсутствие различных разновидностей «фигурных» ямок (в форме кольца или с перегородкой посередине).

8. Ограниченное количество орнаментальных элементов, используемых в орнаментальной композиции.

Это только ямки, различные разновидности гребенчатого штампа, эсовидный штамп (гладкий или гребенчатый). Отсутствие классической кулайской уточки.

9. Отсутствие в орнаментальной композиции сложных орнаментальных мотивов, таких как вертикальный, паркетный, ромбический и волнообразный.

10. Использование в орнаментальной композиции только одного орнаментального элемента (не считая ямок). Это или гребенчатый штамп, или эсовидный (гладкий или гребенчатый).

11. Свободное расположение орнаментальных элементов в орнаментальной композиции.

12. Не очень аккуратное нанесение орнаментальных элементов. Они могут наноситься с нестабильным углом наклона, выходить за пределы ленты горизонтального мотива и т.п.

Опираясь на выделенные признаки, характерные для фоминских комплексов, сравнивая с ними керамический комплекс из почвенного слоя БЕ-VII (поселения) мы, наряду с большим сходством, наблюдаем и значительные различия, которые позволяют нам говорить о его принадлежности к другому этапу развития кулайской культуры.

Эти различия прослеживаются как в морфологических, так и в орнаментальных особенностях и заключаются в следующем:

1. Крайне малое представительство в формах сосудов поселения БЕ-VII горшковидных или переходных к горшковидным форм, достаточно распространенных в фоминской керамике.

2. Широкое распространение карнизиков, которые отсутствуют на фоминской керамике.

3. Наличие слабозаглаженных с внутренней стороны сосуда жемчужин, образовавшихся после нанесения ямок. Подобного на фоминской керамике не встречается.

4. Широкое распространение такого орнаментального элемента, как ямки в форме кольца с выпуклой посередине. Подобный элемент встречен на фоминской керамике только в одном случае, и его можно рассматривать как ранний, пережиточный признак.

5. Широкое распространение такого орнаментального элемента, как треугольники, полностью отсутствующего на фоминской керамике.

6. Наличие классической формы кулайской уточки с почти параллельными верхним и нижним краями (головой и туловищем) и хорошо выраженным, четким одинаковым углом в изломах.

7. Почти полное отсутствие гладкой уточки, широко распространенной на фоминской керамике.

8. Наличие в орнаментальной композиции сложных орнаментальных мотивов, таких как вертикальный и паркетный, которые отсутствуют на фоминской керамике.

9. На части сосудов орнаментальные элементы очень четкие, пропечатаны аккуратно и тщательно, плотно заполняют орнаментальное поле, что нехарактерно для фоминской керамики.

10. Уточка как самостоятельный элемент орнамента никогда не использовалась, всегда сочетаясь с другими орнаментальными элементами, не считая ямок

и треугольного штампа. На фоминской керамике ни одного случая сочетания уточки с другими орнаментальными элементами не зафиксировано.

11. Присутствие сложных орнаментальных композиций, совмещающих вместе с наколами различной формы (ямками или треугольным штампом) три и более орнаментальных элементов, чего нет на фоминской керамике.

Выявленные различия не позволяют нам отнести публикуемый комплекс к фоминскому этапу кулайской культуры.

Очень близкие аналогии керамическому комплексу поселения БЕ-VII мы находим в саровской керамике Томского Приобья (группы 7–9 по Л.А. Чиндиной [10. С. 92–94]). Индикаторами принадлежности к керамическим комплексам саровского этапа кулайской культуры, по мнению Л.А. Чиндиной, служат следующие признаки:

1. На саровской керамике мало горшковидных форм (прямые венчики).

2. Только на саровской керамике срез венчика скошен внутрь или горизонтально уплощен, с нависающим внутрь бортиком (карнизиком) [Там же. С. 89–90].

Т.Н. Троицкой выделена и такая особенность саровской керамики, как плотный дробный орнамент [9. С. 40], который присутствует и на рассматриваемом комплексе поселения БЕ-VII.

Более того, практически все выделенные особенности, отличающие рассматриваемый комплекс от фоминского, характерны для керамики саровского этапа кулайской культуры.

Про горшковидные формы, карнизики на венчиках, плотный и дробный орнамент мы уже говорили. Другие выделенные особенности мы находим в работе Л.А. Чиндиной, которая характеризует саровскую керамику следующим образом: «...набор элементов: гребенка, всех вариантов уточка, треугольники... шевроны... Преобладают горизонтальные, вертикальные и наклонные мотивы, широко использовалось паркетное сочетание различных треугольников, змейки, уточки» [10. С. 92].

Все охарактеризованные особенности позволяют нам отнести поселение БЕ-VII к заключительной стадии бытовая комплексов саровского типа памятников кулайской культуры.

Говорить о заключительной стадии бытования керамического комплекса саровского этапа или даже переходном, саровско-фоминском комплексе (прото-фоминском, предфоминском и т.п.) нам позволяют следующие наблюдения:

1. Пусть небольшое, но наличие в нем сосудов со слабо намечающейся шейкой, т.е. переходных к горшковидным или предгоршковидным форм, чего нет на классических комплексах саровского этапа.

2. Наличие сосудов с полностью заглаженными жемчужинами с внутренней стороны.

3. Наличие утолщений с внутренней стороны венчика, что можно считать одним из признаков исчезающего карнизика.

4. Появляющаяся небрежность в нанесении орнаментальных элементов.

5. Полное отсутствие орнаментальных элементов, нанесенных в динамичной технике.

6. Отсутствие в орнаментальной композиции волны.

Таким образом, мы имеем дело с крайне интересным, переходным комплексом, совмещающим в себе признаки как саровского, так и фоминского этапов. Наличие подобного комплекса позволяет нам лишний раз подтвердить широко распространенную среди исследователей гипотезу о формировании фоминского этапа кулайской культуры на территории лесостепного Алтая.

Для территорий Верхнего Приобья, по мнению Л.А. Чиндиной, характерен упрощенный вариант 7-й группы и комплексы 9-й группы. А 9-я группа представляла собой финальный тип саровского этапа [10. С. 94]. Для 9-го этапа Л.А. Чиндиной выделены такие признаки, как «открытые и закрытые (сферических очертаний) банки и чаши, горшки как исключение. Набор элементов: гребенка, уточка, различные шевроны, треугольники, ямки, трехчленный штамп. Господствуют горизонтальные, вертикальные, наклонные и паркетные мотивы. Обычно одно-, двухрядные пояса уточек, гребенки чередуются с паркетнорасположенными треугольниками и шевронами» [Там же].

Таким образом, мы наблюдаем тенденцию к упрощению орнаментальной композиции на фоминском керамическом комплексе. Фоминская керамика представляет собой более простые варианты, из которых полностью исключены некоторые орнаментальные элементы и мотивы. Выделение переходного саровско-фоминского комплекса предполагает и его датировку временем начала формирования фоминского этапа кулайской культуры. Этот вопрос достаточно дискуссионен и не решен до настоящего времени. Попробуем на основании имеющихся материалов продатировать наиболее ранний памятник, знаменующий начало формирования фоминского этапа.

Л.А. Чиндина считает, что проникновение кулайского населения на территорию Барнаульско-Бийского Приобья связано со второй миграционной волной, начало которой ею же датируется рубежом I–II вв. до н.э. и связывается с васюганско-саровским и саровским населением, индикаторами распространения которого служили васюганско-саровские (группа 6) и саровские (группы 7–9) типы керамики [Там же. С. 162].

Сама керамика саровского типа датируется Л.А. Чиндиной I в. до н.э. – IV в. н.э. [Там же. С. 106]. Учитывая, что вторая миграционная волна датируется рубежом I–II вв. до н.э., можно говорить, что саровские комплексы ранее этого времени на территории Верхнего Приобья появиться не могли [Там же. С. 162].

Говоря о датировках, следует признать их относительность, так как построены они в основном на типологических схемах эволюционного развития керамических комплексов. Абсолютные датировки по аналогиям проведены достаточно давно, более 30 лет назад, и на основании новых материалов были пересмотрены Ю.В. Шириным в 2003 г. Верхней хронологической границей существования саровских комплексов на территории Барнаульско-Бийского Приобья в настоящее время является нижняя хронологическая граница фоминских комплексов, которая в настоящее вре-

мая определена Ю.В. Шириным рубежом 2–3 вв. [11. С. 101–114].

Таким образом, время начала формирования фоминского комплекса, маркируемого процессом трансформации саровской керамики в фоминскую, что мы и наблюдаем на поселении БЕ-VII, возможно определить чуть более ранней датой, чем нижнюю границу фоминского этапа кулайской культуры, а именно началом – первой половиной II в. Этим же периодом возможно датировать и поселение БЕ-VII.

Проверим эту дату с привлечением новых данных. В настоящее время у нас имеется только один памятник, датированный естественнонаучным методом, с которого представлен стандартный фоминский керамический комплекс. Это поселение Малый Иткуль 1. Образец для анализа взят из жилища 2. Дата, полученная в институте геологии СО РАН 260 ± 25 г. н.э. [16. С. 107], т.е. середина III в. н.э., что не противоречит предложенной Ю.В. Шириным дате. Эта же дата определяет и возможный верхний предел саровско-фоминских комплексов.

Кроме керамики в культурном слое поселения БЕ-VII встречен еще ряд находок. Учитывая большую однородность керамического комплекса, можно с большой долей вероятности предположить принадлежность данных находок именно к этому слою. Это бронзовая пронизь [11. С. 171. Табл. 7, 3], фаянсовая бусина [Там же. Табл. 7, 4], бронзовая накладка [Там же. Табл. 7, 5], наконечник [Там же. табл. 7, 6] и роговой гарпун [Там же. Табл. 7, 9].

Несмотря на то, что хронологические рамки всего комплекса фоминских погребений как с могильника БЕ-VII, так и с Усть-Абинского могильника были достаточно хорошо обоснованы Ю.В. Шириным [11], попробуем еще раз провести передатировку инвентарных комплексов из культурного слоя по немного иной методике, основываясь на традиционных датировках по аналогиям без привлечения использованного Ю.В. Шириным метода с применением комплексов взаимовстречающихся предметов [Там же. С. 102]. Рассматриваться будут лишь те предметы, хронологические рамки которых можно скорректировать. Из вещей, происходящих из культурного слоя поселения, это фаянсовая бусина, наконечник и роговой гарпун.

Фаянсовая голубая амфоровидная бусина с ушком для подвешивания, в поперечном сечении – розетка (тип 54 по Ю.В. Ширину, датируется им I–IV вв. [Там же. С. 105]). Аналогии этой бусине-подвеске мы находим в материалах из погребений сельского населения европейского Боспора, где подобные бусы встречены в погребениях I–III вв. [26. С. 316. Табл. 125а]. Хронологию этой бусины из египетского фарфора уточняет Е.М. Алексеева. Она относит ее к второй половине I – III в. [27. С. 348. Табл. 162, 51]. Е.М. Алексеева считает, что наплыв украшений из египетского фарфора начинается со второй половины I в. до н.э. и становится особенно интенсивным в I в. Начиная со II в. импорт их уменьшается [Там же. С. 237]. Подобные по форме, одноцветные встречены в материалах Знаменского клада [28. С. 172. Рис. 87] и датируются I–II вв. [Там же]. Этим же временем, по мнению Э.Б. Вадец-

кой, датируются одноцветные бусы подобной формы из Северного Причерноморья [Там же. С. 175]. Таким образом, наиболее широкий хронологический диапазон бытования этого изделия определяется I в. до н.э. – III в. н.э.

Наконечники в погребениях фоминского этапа кулайской культуры встречено 4 экземпляра, и 1 экземпляр происходит из культурного слоя поселения БЕ-VII. Из этих пяти экземпляров три происходят из Усть-Абинского могильника (м. 7 (2 экз.)) [11. С. 236. Табл. 72, 2, 3], м. 12 [Там же. С. 256. Табл. 92, 18], один – из погребения 32 могильника БЕ-VII [Там же. С. 181. Табл. 17, 7] и один – из культурного слоя поселения БЕ-VII [Там же. С. 171. Табл. 7, 6]. Соглашаясь с Ю.В. Шириным по поводу слабой разработанности типологии наконечников и в связи с этим определенными сложностями в относительно узкой датировке этой категории инвентаря, все-таки отметим существенную разницу между наконечниками с БЕ-VII и Усть-Абинского могильника. На БЕ-VII наконечники очень похожи, почти идентичны, у каждого по 6 слабовыраженных поперечных валиков на лицевой стороне. Они прямоугольной формы и не имеют орнамента.

Наконечники из Усть-Абинского могильника трапециевидные и украшены по лицевой стороне достаточно сложным геометрическим узором, т.е. мы можем наблюдать тенденцию совершенствования форм и орнаментации, которая является универсальной в бронзовых изделиях археологических культур Прикамья и Западной Сибири и хорошо прослеживается на эполе-тообразных застежках [29. С. 40–41], зооморфных украшениях [30. С. 18. Рис. 4, С. 88–91], изделиях металлопластики [10. С. 220–223; 31. С. 160–162] и других категориях инвентаря.

Наиболее близкие аналогии для наконечников с БЕ-VII мы нашли в материалах м. 3 к. 10 курганного могильника Каменный Мыс (с пятью поперечными валиками на внешней стороне) [9. С. 88. Табл. 12, 3], который датируется концом III – II в. до н.э. [Там же. С. 19], курганном могильнике Быстровка 1 [32. С. 131. Рис. 4, А1] и курганном могильнике Быстровка 2 [Там же. Рис. 4, Б2]. Курган № 2 Быстровки 2, в котором такая обойма была встречена, естественнонаучными методами (радиоуглеродное датирование) датируется не позднее IV в. до н.э. [Там же. С. 129].

Признавая возможность более позднего существования подобных наконечников, следует также и признать, что прямоугольные наконечники с поперечными валиками на внешней стороне являются более ранними по отношению к наконечникам трапециевидным, украшенным по лицевой стороне достаточно сложным геометрическим орнаментом. Это позволяет нам говорить и о более ранней относительной датировке комплексов, в которые входят наконечники подобного типа, по отношению к комплексам с трапециевидными наконечниками.

Наиболее интересным, на мой взгляд, из инвентаря культурного слоя, является роговой гарпун. Он практически идентичен как по форме, так и по размерам роговому гарпуну из м. 6 могильника БЕ-VII. Сходство настолько сильное, что у меня даже появились сомнения в наличии двух подобных предметов на этом па-

мятнике. Однако консультации с Ю.В. Шириним эти сомнения рассеяли. К сожалению, Ю.В. Шириним анализу костяных наконечников стрел уделено недостаточно внимания. Без приведения аналогий и какого-либо обоснования все костяные наконечники стрел, в том числе и роговые гарпуны, им отнесены к первой половине I тыс. [11. С. 64].

Гарпунные наконечники стрел с упором на черешке известны из памятников Новосибирского Приобья, где они достаточно часто встречаются в погребениях могильника Каменный Мыс (к. 3, м. 27 – 4 шт.; к. 3, м. 5 – 5 шт.; к. 3, м. 12 – 1 шт.; к. 3 м. 25 – 1 шт.) [9. С. 84. Табл. 8, 6–19], датированного концом III – II вв. до н.э. [9. С. 19]. Подобный известен и в материалах городища Дубровинский Борок 3 [Там же. С. 104. Табл. 28, 8], датирующегося I в. до н.э. – I в. н.э. [Там же. С. 30]. Т.Н. Троицкая отмечает, что все аналогии этому типу инвентаря ведут в северные лесные районы [Там же. С. 10].

По мнению В.Н. Мошинской, анализирующей материальную культуру городища Усть-Полуй, расположенного недалеко от Салехарда, подобные гарпунные наконечники имеют широкое не только географическое, но и хронологическое распространение [33. С. 82]. Ею опубликовано 9 подобных гарпунов, происходящих из культурного слоя этого городища [Там же. С. 83. Табл. 5, 1–9]. Напомним, что усть-полуйское время В.Н. Чернецов относит к IV в. до н.э. – I в. н.э. [8. С. 228]. Данные современных исследований позволили более узко датировать само святилище Усть-Полуй, эпонимный памятник, давший название культуре. Серии дат, полученные как по дендрохронологическому методу, так и по радиарбоновому, укладываются в промежутке III в. до н.э. – первые века н.э., или даже I в. н.э. [34. С. 171; 35. С. 59].

Еще один гарпун с упором на черешке известен с поселения Чудацкая Гора в Павловском районе Алтайского края [18. С. 53. Рис. 2, 9]. Не вдаваясь в дискуссию о хронологии ранних кулайских памятников на этой территории, необходимо отметить, что Ю.В. Ширин этот памятник считает одним из самых ранних, признавая смещение староалейско-каменных и кулайских традиций, свойственных для первого этапа кулайской культуры Новосибирского Приобья, хоть и отно-

сит это поселение ко второму этапу кулайской культуры Новосибирского Приобья, который датируется I в. до н.э. – I в. н.э. [9. С. 30].

Еще один подобный наконечник встречен в КМ Быстровка 3 [32. С. 131. Рис. 4, B1]. Для курганов Быстровки 3 получены радиоуглеродные даты, укладывающиеся в пределы VII – IV вв. до н.э. [Там же. С. 132].

Несмотря на то, что эта категория инвентаря, как уже было отмечено ранее, может иметь широкие хронологические рамки, самый поздний в археологических памятниках роговой гарпун подобного типа (наиболее близкие аналогии) встречен на городище Дубровинский Борок 3 и поселении Чудацкая Гора (I в. до н.э. – I в. н.э.). Именно I в. н.э. может быть пока принят за верхнюю хронологическую границу бытования подобных роговых гарпунов с упором на черешке. Понятно, что она может подняться еще выше (в сторону омоложения), но у нас пока нет для этого веских оснований.

Найденные в кургане 1-го курганного могильника Крохалева 23 наконечники гарпуна уже изготовлены из железа, хотя упор на черешке у них роговой [36. С. 107. Рис. 20, 7, 8; С. 126]. Могильник датируется V–VII вв. [Там же. С. 17]. Костяные гарпуны с упором на черешке, имеющие значительно укороченные пропорции, один трехгранный, два с одним шипом, есть в материалах потчевашской культуры [37. С. 235. Табл. 87, 23–25], которая датируется VI–VII – VIII–IX вв. [Там же. С. 192]. В материалах из гунно-сарматских памятников урало-казахстанских степей II–IV вв. и в западной части Западной Сибири гарпунов нет [38, 39].

Таким образом, роговой гарпунный наконечник стрелы в нашем случае может быть принят за один из достаточно жестких хронологических маркеров, позволяющих ограничить верхнюю хронологическую границу поселения BE-VII I в. Хронологические рамки бытования остальных категорий инвентаря этому не противоречат. Учитывая начало трансформации саровского керамического комплекса в фоминский, слабо разработанную типологию костяных гарпунных наконечников стрел с упором на черешке, считаю вполне допустимым немного омолодить верхнюю границу рассматриваемого комплекса, но никак не выше первой половины II в.

Примечание

¹ Пояснения к иллюстрациям. Во время работы с коллекциями памятника BE-VII обратил на себя внимание тот факт, что многим фрагментам керамики, даже происходящим от разных сосудов, в описи присвоен один и тот же инвентарный номер. С чем это связано – выяснить не удалось, однако можно предположить, что фрагменты шифровались и вносились в описи по квадратам. Таким образом, под одним инвентарным номером оказывалось достаточно большое количество фрагментов, которые были остатками различных сосудов. И, напротив, фрагменты от развала одного сосуда, которые находились в разных квадратах, могли иметь разные инвентарные номера. Далее приводятся инвентарные номера фрагментов, опубликованных в работе. Коллекция с памятника BE-VII имеет инвентарный номер 1623. Внутри коллекции отдельные предметы (фрагменты керамики) имеют свои номера, которые даются через косую линию после номера коллекции. Всего в коллекции 513 таких номеров. С № 1 по № 301 зашифрованы артефакты, происходящие из погребально-поминальных комплексов, с № 302 по № 513 – артефакты, происходящие из культурного слоя и случайные находки.

Список источников

1. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.–Л., 1956. 256 с. (МИА; № 48).
2. Грязнов М.П. Работы Алтайской экспедиции // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.–Л. : АН СССР, 1947. Вып. 21. С. 77–78.
3. Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.–Л. : АН СССР, 1949. Вып. 26. С. 110–119.
4. Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края. Барнаул, 1950. 19 с.

5. Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка // Краткие сообщения института исследования материальной культуры. М. : АН СССР, 1951. Вып. 40. С. 105–113.
6. Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.–Л. : АН СССР, 1952. Вып. 48. С. 93–102.
7. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры. М.–Л. : АН СССР, 1951. Вып. 37. С. 78–87.
8. Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. М. : АН СССР, 1953. С. 221–241. (МИА; № 35).
9. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Наука, 1979. 126 с.
10. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та. 1984. 256 с.
11. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале 1 тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.
12. Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2014. 152 с.
13. Григоров Е.В., Казаков А.А. Барнаульско-Бийское Приобье в 1–12 вв. (по данным погребального обряда). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. 230 с.
14. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Погребения кулайской культуры на памятнике Кармацкий в Барнаульском Приобье // Игорь Геннадьевич Глушков : сб. науч. ст. Ханты-Мансийск : Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2012. Ч. 3. С. 102–109.
15. Глушков И.Г. Вещи глазами М.П. Грязнова // Игорь Геннадьевич Глушков : сб. избр. ст. Сургут : РИО СурГПУ, 2011. Ч. 2. С. 82–93.
16. Абдулганеев М.Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 103–110.
17. Шамшин А.Б., Казаков А.А. Аварийные археологические раскопки в Тальменском районе // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 61–62.
18. Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. № 2. С. 51–61.
19. Казаков А.А. К археологической карте Бийского района и верховьев р. Оби // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. 22. С. 109–116.
20. Казаков А.А., Кунгуров А.Л. Комплекс городищ около Бийска // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 219–231.
21. Казаков А.А., Абдулганеев М.Т. Лесостепной Алтай // Этнокультурная история Западной Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Т. 1: Поселения и жилища. С. 331–333.
22. Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. Ч. 2. С. 183–189.
23. Казаков А.А. Материалы 1 тысячелетия со сборов у с. Фоминского // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. 22. С. 116–121.
24. Сайберт В.О. Результаты археологической разведки в Тальменском районе Алтайского края в 2016 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Вып. XXIII. С. 44–48.
25. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 111–115.
26. Арсеньева Т.М. Погребальный обряд // Античные государства Северного Причерноморья. М. : Наука, 1984. С. 222–224. (Археология СССР).
27. Алексеева Е.М. Бусы и подвески // Античные государства Северного Причерноморья. М. : Наука, 1984. С. 237–239. (Археология СССР).
28. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб. : Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.
29. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха 3 в. до н.э. 2 в. н.э.) М. : Наука, 1988. 240 с.
30. Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. М. : Наука, 1979. 112 с.
31. Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего Средневековья (рёлкинская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.
32. Бородавский А.П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби) // Древние некрополи – погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. СПб. : ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж, 2018. С. 123–134. (Труды ИИМК РАН; Т. 47).
33. Мошинская В.Н. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья М. : АН СССР, 1953. С. 72–106. (МИА; № 35).
34. Федорова Н.В. Антропоморфные изображения Усть-Полуя // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2009. Вып. 6. С. 171–176.
35. Гусев Ан.В. Из глубины веков: святилище Усть-Полуй и жители субарктики // Холодок. 2016. № 1 (14). С. 59–65.
36. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.
37. Могильников В.А. Культуры лесного Зауралья 7–13 вв. Потчевашская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. : Наука, 1987. С. 183–193. (Археология СССР).
38. Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Рифей, 2000. 267 с.
39. Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов : (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. 264 с.

References

1. Gryaznov, M.P. (1956) *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka* [The history of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations near the village Bol'shaya Rechka]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Gryaznov, M.P. (1947) *Raboty Altayskoy ekspeditsii* [Works of the Altai expedition]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports and Field Studies of the Institute of the History of Material Culture]. Vol. 21. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 77–78.
3. Gryaznov, M.P. (1949) *Raskopki Altayskoy ekspeditsii na Blizhnikh Elbanakh* [Excavations of the Altai Expedition in the Near Elbans]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports and Field Studies of the Institute of the History of Material Culture]. Vol. 26. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 110–119.
4. Gryaznov, M.P. (1950) *Iz dalekogo proshlogo Altayskogo kraia* [From the distant past of the Altai Territory]. Barnaul: [s.n.].
5. Gryaznov, M.P. (1951) *Arkheologicheskoe issledovanie territorii odnogo drevnego poselka* [Archaeological study of the territory of one ancient settlement]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports of the Institute for the Study of Material Culture]. Vol. 40. Moscow: USSR AS. pp. 105–113.
6. Gryaznov, M.P. (1952) *Nekotorye itogi trekhletnikh arkheologicheskikh rabot na Verkhney Obi* [Some results of three-year archaeological work on the Upper Ob]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports and Field Studies of the Institute of the History of Material Culture]. Vol. 48. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 93–102.
7. Chernetsov, V.N. & Moshinskaya, V.I. (1951) *Gorodishche Bol'shoy Log* [Bolshoy Log Settlement]. In: *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports and Field Studies of the Institute of the History of Material Culture]. Vol. 37. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 78–87.

8. Chernetsov, V.N. (1953) Ust'-Poluyskoe vremya v Priob'e [The Ust-Polui time in the Ob region]. In: Chernetsov, V.N., Moshinskaya, V.I. & Talitskaya, I.A. (1953) *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [Ancient History of the Lower Ob]. Moscow: USSR AS. pp. 221–241.
9. Troitskaya, T.N. (1979) *Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Kulay Culture in the Novosibirsk Ob Region]. Novosibirsk: Nauka.
10. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient History of the Middle Ob Region in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Shirin, Yu.V. (2003) *Verkhnee Priob'e i predgor'ya Kuznetskogo Alatau v nachale 1 tys. n.e. (pogrebal'nye pamyatniki fominskoy kul'tury)* [Upper Ob and foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the 1st millennium AD (funeral monuments of the Fominsk culture)]. Novokuznetsk: Kuznetskaya krepost'.
12. Kazakov, A.A. (2014) *Odintsovskaya kul'tura Barnaul'sko-Biyskogo Priob'ya* [The Odintsovo culture of the Barnaul-Biya Ob region]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
13. Grigorov, E.V. & Kazakov, A.A. (2018) *Barnaul'sko-Biyskoe Priob'e v 1–12 vv. (po dannym pogrebal'nogo obryada)* [Barnaul-Biya Ob area in the 1st–12th centuries (according to the funeral rite)]. Barnaul: Altai State University.
14. Tishkin, A.A. & Gorbunov, V.V. (2012) Pogrebeniya kulayskoy kul'tury na pamyatnike Karmatskiy v Barnaul'skom Priob'e [Burials of the Kulai culture at the Karmatsky site in the Barnaul Ob region]. In: Molodin, V.I., Konoplina, N.V. & Glushkova, T.N. *Igor' Gennadievich Glushkov*. Vol. 3. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk. pp. 102–109.
15. Glushkov, I.G. (2011) Veshchi glazami M.P. Gryaznova [Things through the eyes of M.P. Gryaznov]. In: *Igor' Gennad'evich Glushkov*. Vol. 2. Surgut: SurSPU. pp. 82–93.
16. Abdulganeev, M.T. (2001) Fominskiy kompleks poseleniya Malyy Itkul'-1 [The Fominsky complex of the settlement Maly Itkul'-1]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Problemy izucheniya drevney i srednevekovoy istorii* [Problems of Studying Ancient and Medieval History]. Barnaul: Altai State University. pp. 103–110.
17. Shamshin, A.B. & Kazakov, A.A. (1992) Avariynye arkheologicheskie raskopki v Tal'menskom rayone [Emergency archaeological excavations in the Talmenka district]. In: *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii* [Problems of Preservation, Use and Study of Archaeological Monuments]. Gorno-Altaysk: [s.n.]. pp. 61–62.
18. Shirin, Yu.V. (2004) On early Kulai sites of the Upper Ob's basin region. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian Archeology*. 2. pp. 51–61. (In Russian).
19. Kazakov, A.A. (2016) K arkheologicheskoy karte Biyskogo rayona i verkhov'ev r. Obi [To the archaeological map of the Biysk Region and the upper reaches of the Ob]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Vol. 22. Barnaul: Altai State University. pp. 109–116.
20. Kazakov, A.A. & Kungurov, A.L. (1993) Kompleks gorodishch okolo Biyska [The complex of ancient settlements near Biysk]. In: Kiryushin, Yu.F. & Shamshin, A.B. (eds) *Kul'tura narodov evraziyskikh stepey v drevnosti* [The Culture of the Peoples of the Eurasian Steppes in Antiquity]. Barnaul: Altai State University. pp. 219–231.
21. Kazakov, A.A. & Abdulganeev, M.T. (1994) Lesostepnoy Altay [The forest-steppe Altai]. In: *Etnokul'turnaya istoriya Zapadnoy Sibiri* [Ethnocultural History of Western Siberia]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 331–333.
22. Borodaev, V.B. & Gorbunov, V.V. (1993) Troitsk-1 – novoe poselenie kulayskoy kul'tury na levoberezh'e Barnaul'skogo Priob'ya [Troitsk-1 – a new settlement of the Kulai culture on the left bank of the Barnaul Ob region]. In: *Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya* [Protection and Study of the Cultural Heritage of Altai]. Vol. 2. Barnaul: Altai State University. pp. 183–189.
23. Kazakov, A.A. (2016) Materialy 1 tisyacheletiya so sborov u s. Fominskogo [Materials of the 1st millennium from the collections from the village Fominsky]. In: Tishkin, A.A. & Semibratov, V.P. (eds) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Vol. 22. Barnaul: Altai State University. pp. 116–121.
24. Saybert, V.O. (2017) Rezul'taty arkheologicheskoy razvedki v Tal'menskom rayone Altayskogo kraya v 2016 g. [The results of archaeological exploration in the Talmenka district of the Altai Territory in 2016]. In: Tishkin, A.A. & Semibratov, V.P. (eds) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. Vol. 23. Barnaul: Altai State University. pp. 44–48.
25. Abdulganeev, M.T. & Kazakov, A.A. (1994) Poselenie Chudatskaya Gora [Chudatskaya Gora Settlement]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Paleodemografiya i migratsionnye protsessy v Zapadnoy Sibiri v drevnosti i srednevekov'e* [Paleodemography and Migration Processes in Western Siberia in Ancient Times and the Middle Ages]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1994. pp. 111–115.
26. Arsenieva, T.M. (1984) Pogrebal'nyy obryad [Funeral rite]. In: Koshelenko, G.A., Kruglikova, I.T. & Dolgorukov, V.S. (eds) *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Antique states of the Northern Black Sea region]. Moscow: Nauka. pp. 222–224.
27. Alekseeva, E.M. (1984) Busy i podveski [Beads and pendants]. In: Koshelenko, G.A., Kruglikova, I.T. & Dolgorukov, V.S. (eds) *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomor'ya* [Antique states of the Northern Black Sea region]. Moscow: Nauka. pp. 237–239.
28. Vadetskaya, E.B. (1999) *Tashtykская эпоха в древней истории Сибири* [The Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
29. Gening, V.F. (1988) *Etnicheskaya istoriya Zapadnogo Priural'ya na rubezhe nashey ery (p'yanoborskaya epokha 3 v. do n.e. 2 v. n.e.)* [Ethnic history of the Western Urals at the turn of our era (The Pyanobor era in the 3rd century BC – the 2nd century AD)]. Moscow: Nauka.
30. Golubeva, L.A. (1979) *Zoomorfnye ukrasheniya finno-ugrov* [Zoomorphic ornaments of the Finno-Ugric peoples]. Moscow: Nauka.
31. Chindina, L.A. (1991) *Istoriya Srednego Priob'ya v epokhu rannego Srednevekov'ya (relinskaya kul'tura)* [History of the Middle Ob region in the early Middle Ages (the Relka culture)]. Tomsk: Tomsk State University.
32. Borodovskiy, A.P. (2018) Pogrebal'noe prostranstvo v kontekste politkul'turnosti (po materialam Bystrovskogo nekropolia epokhi rannego zheleza na Verkhney Obi) [The burial space in the context of political culture (based on the materials of the Bystrovka necropolis of the Early Iron Age on the Upper Ob)]. In: Nosov, E.N. (ed.) *Drevnie nekropoli – pogrebal'no-pominal'naya obryadnost', pogrebal'naya arkhitektura i planirovka nekropoley* [Ancient necropolises — funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises]. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture RAS, The State Hermitage. pp. 123–134.
33. Moshinskaya, V.N. (1953) Material'naya kul'tura i khozyaystvo Ust'-Poluya [Material culture and economy of Ust-Poluy]. In: Chernetsov, V.N. et al. *Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya* [Ancient History of the Lower Ob region]. Moscow: USSR AS. pp. 72–106.
34. Fedorova, N.V. (2009) Antropomorfnye izobrazheniya Ust'-Poluya [Anthropomorphic images of Ust-Poluy]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii*. 6. pp. 171–176.
35. Gusev, An.V. (2016) Iz glubiny vekov: svyatilishche Ust'-Poluy i zhiteli subarktiki [From the depths of centuries: the Ust-Poluy sanctuary and the inhabitants of the Subarctic]. *Kholodok*. 1(14). pp. 59–65.
36. Troitskaya, T.N. & Novikov, A.V. (1998) *Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e* [The Upper Ob culture in the Novosibirsk Ob region]. Novosibirsk: SB RAS.
37. Mogilnikov, V.A. (1987) Kul'tury lesnogo Zaural'ya 7 – 13 vv. Potchevashskaya kul'tura [Cultures of the forest Trans-Urals in the 7th – 13th centuries. The Potchevash culture]. In: Sedov, V.V. (ed.) *Finno-ugry i baly v epokhu srednevekov'ya* [Finno-Ugric peoples and Balts in the Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1987. pp. 183–193. (Arkheologiya SSSR).
38. Botalov, S.G. & Gutsalov, S.Yu. (2000) *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepey* [Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan steppes]. Chelyabinsk: Rifev.
39. Matveeva, N.P. (2016) *Zapadnaya Sibir' v epokhu Velikogo pereseleniya narodov: (problemy kul'turogeneza po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov)* [Western Siberia in the era of the Great Migration of Peoples: (problems of cultural genesis according to burial monuments)]. Tyumen: Tyumen State University.

Сведения об авторе:

Казаков Александр Альбертович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России (Барнаул, Россия). E-mail: kaa-2862@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kazakov Alexander A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: kaa-2862@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.01.2019; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 19.01.2019; accepted for publication 05.07.2022

Научная статья

УДК 304.4

doi: 10.17223/19988613/78/23

Публичный дискурс археологического наследия и формы его интерпретаций

Артем Вячеславович Чернышов

Томский государственный университет, Томск, Россия, chernyshov.artem.1996@mail.ru

Аннотация. Рассматривается археологическое наследие как часть многолинейного культурного процесса. Многогранность общественных смыслов, которыми наделяются памятники археологии, обозначается как «публичный дискурс» и рассматривается на примере известных общественно-культурных ситуаций (кейсов). Проводится обзор концепций общего понятия «наследие», выработанных в области Heritage Studies, анализируются универсальные и специфические черты археологических памятников, влияющие на их социальную значимость, и указываются основные формы их общественной интерпретации.

Ключевые слова: наследие, археологический памятник, социальная интерпретация, публичный дискурс

Для цитирования: Чернышов А.В. Публичный дискурс археологического наследия и формы его интерпретаций // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 188–194. doi: 10.17223/19988613/78/23

Original article

Public discourse of archaeological heritage and its interpretations

Artyom V. Chernyshov

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, chernyshov.artem.1996@mail.ru

Abstract. This article considers the phenomenon of archaeological heritage as a multi-linear cultural process that correlates with various cultural meanings and values. The relevance of this research is connected with the western heritage canon rooted in the scientific community which considers all kinds of heritage (including archaeological one) as a material expression of a national-political idea. However, some cases demonstrate completely different forms and roles of heritage (religious, creative, educational) where the national-political factor sometimes plays a secondary or even insignificant role. So we can suggest that formation of images of the past is determined by the social agency of people, but the institutional influence of power. The purpose of the article is to present certain archaeological images in public discourse, from the standpoint of social actions, individual and group values, language and ways of discussion and social factors which make heritage demanded.

The article's author develops an approach in considering such key definition as heritage analyzing the key works in the field of Heritage Studies and Critical Heritage Studies. At the end of this section the author considers all symbols and values connected with heritage as a part of the public (social) discourse. Public discourse suggests that heritage is not a fabricated image of the past, it focuses on the connection with the present, it can be changed, clarified and concretized depending on private and public norms, values and identities

In the next section the concept of archaeological heritage is concretized by considering the specific material features of archaeological monument which distinguish them as a separate type of heritage. We can note scientifically proven pastness, clarity, fragmentation and ambiguity of archaeological monuments. In the author's opinion these features form a variety of contexts and options for reading an archaeological monument and set a special stimulus for interpretations of the material past. Thus the multi-contextuality of archaeological monument forms a multitude of "heirs" and a variety of forms of dealing with the past.

The social and cultural cases noted in the paper ("Altai Princess", the phenomenon of Arkaim, the Prussian ports in Koenigsberg as a place of national memory, etc.) show different values and meanings that are not limited by the framework of official scientific and political statements. It is concluded that heritage is not a completed socio-political product, but an unceasing multi-linear process. Every social act in relation to heritage (creation, perception, perpetuation, narrating and even inaction) leaves a discursive consequence. Thus the interpretation of the archaeological past is an anthropological problem that needs to be studied with a wide range of qualitative methods (participant observation, biographical interviewing, discourse analysis, etc.).

Keywords: heritage, archaeological monument, social interpretation, public discourse

For citation: Chernyshov, A.V. (2022) Public discourse of archaeological heritage and its interpretations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 188–194. doi: 10.17223/19988613/78/23

Введение

Археология как наука о прошлом всегда имеет неоднозначную связь с настоящим. Неудивительно, что прошлое, выраженное материальными археологическими памятниками, часто имеет свою актуальность в настоящем и используется разными сообществами в зависимости от запросов современности. Чаще всего это происходит в рамках политически ангажированных и псевдонаучных интерпретаций прошлого. Из-за этого ученые вынуждены постоянно говорить о социальной роли археологической науки и проблемах ее объективности в отношении с властью и обществом.

Археологическое наследие часто фигурирует в блоке таких понятий, как нация, народ, государство, история, территория, национальная идея или идентичность. Из-за этого феномен археологического наследия и способы его интерпретации традиционно принято рассматривать в ключе национально-политического дискурса. В условиях, где наследие прошлого становится действующей системой настоящих культурных ценностей, оно является одним из каналов взаимодействия власти и общественных групп. В такой трактовке политические интерпретации прошлого подаются «сверху вниз»: от авторитетных политиков и экспертов в исторической оценке (ученых, музейных хранителей, культурных элит) к основной группе потребителей, идентифицирующих себя по определенному признаку (национально-гражданскому, этническому, территориальному и т.д.).

Однако, несмотря на очевидный политический потенциал археологических памятников, образующиеся вокруг них паттерны смыслов и интерпретаций не всегда обусловлены политическими мотивами. К примеру, известный томицам бренд кулайской археологической культуры мы можем оценить лишь как лейбл местных предпринимателей и культурных элит, не относящийся к политической повестке. Также известный памятник Аркаим, несмотря на попытки различных националистов включить его в свои «истории», трудно назвать определенно «чьим-то» национально-политическим проектом, так как вокруг этого памятника мирно существует множество группировок с различными идеями и ценностями: потомки «славяно-ариев», шаманисты, эзотерики и т.д. Эти и подобные примеры говорят о том, что создание археологического наследия определяется более широким набором факторов и разнообразными группами участников, принадлежность которых не ограничена рамками «нации», «этноса» или «территории». Данный тезис предполагает, что археологическое наследие представляет собой не собираемую версию прошлого, ориентированную на современные ценности, а непрерывающуюся общественную деятельность, в которую включено множество рядовых участников. В соответствии с этим убеждением предпочтительно рассматривать интерпретацию археологического прошлого в публичном

(общественном) дискурсе, т.е. с позиции взаимодействия рядовых участников социума, каналов их коммуникации, языка и способов обсуждений, индивидуальных и групповых ценностей, а также социальных факторов, порождающих те или иные археологические образы.

Общественный дискурс в теории допускает, что в сообществах, где человеческие и общегражданские ценности преобладают над национально-политическими или же вовсе исключают их, формируемое материальное наследие может принимать специфические образы, отличные от «официально формируемых». Это исходит из убеждения, что социальные образы прошлого образуются прежде всего социальной агентностью людей, а не административно-политическим фактором. Данная статья является попыткой представить наблюдаемые нами образы археологического прошлого как следствие социальной активности, неким контекстом интерактивных социальных связей, в котором отражаются индивидуальные и групповые ценности. Любая агентность по отношению к наследию может проявляться в действии, создании, бездействии, восприятии и т.д., но при этом она всегда оставляет последствия. Эти последствия, равно как и механизмы создания определенных археологических образов, необходимо изучать на примере конкретных ситуаций (кейсов). С другой стороны, следует выработать подход к определению общего понятия «наследие» и выявить, какую специфику в него вносят материальные свойства археологического памятника.

Наследие: чем является на самом деле?

Любые археологические образы – памятники, монументы, реликвии, древнюю символику – как объекты социального восприятия мы должны изучать в тесной связке с понятием «наследие». Что вообще подразумевается под наследием? Появление исследовательского интереса к наследию принято связывать с именем Д. Лоуэнталя, признанного основателя *Heritage Studies* и автора известной работы «Прошлое – чужая страна». В этой книге автор обозначает наследие как то, что «упрощает и проясняет прошлое, привнося в него современные цели и намерения» [1. С. 7]. Данная книга задала тон дальнейшим работам 1980–1990-х гг., которые рассматривали наследие как важный общественно-политический инструментарий. К примеру, у М. Чейза и К. Шоу наследие отождествляется с модой на национальное прошлое [2. Р. 17]. Р. Хьюисон считал наследие правопопулистским проектом и убеждал научное сообщество в существовании государственной индустрии наследия [3. Р. 18]. Сам же Лоуэнваль расценивал наследие как избирательный политический продукт, который общество должно воспринимать именно в этом ключе [1. С. 336–338]. Эти работы сложили исследовательскую традицию, в которой наследие

расценивалось как результат политической эксплуатации прошлого в виде маркера востребованной национально-гражданской идентичности.

Менее категорично политически ориентированную функцию наследия описывал Р. Сэмюэл, полагая, что интерес к наследию связан с демократизацией осмысления прошлого и что оно создается людьми, а не правящими элитами [4. Р. 15–24]. Другой теоретик наследия, П. Райт, занимал промежуточную позицию: он опирался на концепцию «повседневного исторического сознания» и считал, что подъем интереса к наследию – это не столько продукт правящей идеологии, сколько естественная реакция общества на трансформацию современности [5. Р. 6–8]. Однако в 1980–1990-х гг. наследие в целом расценивалось именно как политический ресурс и получало из-за этого критическую оценку, тогда как в последующие десятилетия происходило переосмысление и преодоление «западного канона наследия». В 2000-х гг. в Heritage Studies происходит зарождение новых теорий, которые превратили наследие из материального, общепризнанного и единого в нематериальное, релятивное и индивидуальное. Л. Смит наиболее детально показала новую позицию наследия, в которой оно представляло собой уже не определенные вещи или конкретные места, а ценности и смыслы, конструируемые вокруг них [6]. Такой подход не делил общество на производителей и потребителей образов прошлого, а, наоборот, присваивал различным сообществам валидность в порождении собственных образов прошлого.

С такой точки зрения наследие является частным случаем коммуникации и не имеет ничего общего с так называемым авторизованным дискурсом наследия (из терминологии Л. Смита), который создается уполномоченными экспертами и претендует на обсуждение в рамках официальной политической повестки. По своей социальной форме наследие является множеством вариантов «прочтений» прошлого различными группами, но никак не единым культурным наследием [6. Р. 80–82]. Как следствие, наследие представляет собой многолинейный и непрекращающийся культурный процесс образования, обработки и интерпретации культурных смыслов, не являющихся задуманным политическим творением.

В современных работах наследие больше и больше охватывает сферу быденности и повседневной жизни, некоторые исследователи привлекают внимание к неформальным практикам и объектам наследия, значимым для разных социальных групп. Большее значение приобретает роль индивидуальных практик, личных переживаний при взаимодействии с наследием. Кроме того, расширено понятие временных границ наследия: исследователи работают с объектами, относящимися не только к далекому, но и к недавнему прошлому. Наконец, наследие стало пониматься как «социальное действие», что, по сути, отменило монополию права экспертов (археологов, архитекторов, чиновников) в определении и признании объектов наследия и дало это право различным социальным группам [7. Р. 22–25]. Такой подход сделал проблемы, связанные с интерпретацией прошлого, антропологическими, и сейчас

он указывает на некоторые преимущества герменевтического подхода в их изучении. Не говоря уже о широко применяемой этнографии в этом направлении (использовании интервью и включенного наблюдения), мы можем также осветить спектр новейших методических внедрений. Это дискурс- и контент-анализ, семиотический анализ музейных экспозиций, исследование эмоций и аффектов в обращении с прошлым, мультиакторное исследование ролевых отношений в исторической интерпретации [8. Р. 5–7]. Несмотря на вариативность вышеописанных концепций, все они едины в устойчивом мнении: наследие – это не столько артефакт прошлого, сколько свидетельство о настоящем, в котором для человека одинаково важны как прошлое, так и ощущение его преемственности.

Археологическое наследие: универсальные и особые черты

Данный раздел является смысловым продолжением предыдущего, где делается попытка отыскать необходимую концепцию уже археологического наследия. Определив, что наследие можно рассматривать как часть политической (национальной) идеи, а также в роли индивидуальных культурных смыслов, мы сейчас должны очертить те его границы, которые накладывают на него физические свойства археологического памятника. Здесь более уместен вопрос о соотношении частных и универсальных черт, которые определяют культурную привлекательность археологических памятников.

Культурная привлекательность археологического памятника неоспорима. В любой древней вещи, которая наследуется и сохраняется, научно подтвержденная архаичность сама по себе является показателем этой привлекательности. Любой читатель этих строк, сверившись со своим жизненным опытом, согласится с тем, что древняя вещь всегда вызывает чувство восхищения, удивления, ажиотажа или же сомнения в подлинной «древности» наблюдаемого объекта. Привлекательность древней вещи можно оценить и с другой стороны. Древняя вещь осязаема и визуально восприимчива, она является прямым реликтом прошедших времен, из-за чего способна порождать особый чувственно-образный опыт. По утверждению Н.А. Мушгетя, контакт с древней вещью вызывает пространственно-временную вневременность, которая «переносит» человека в прошлое, как в архаичное, так и в относительно недавнее, пережитое лично им [9. С. 23]. Подобный эффект Ж. Деррида называл «отсроченным присутствием» и определял его как характерное свойство вещи в подобных практиках [10. С. 178].

Также стоит учитывать эстетическую привлекательность памятника прошлого, которая строится на многообразии вещных форм, дошедших до современности из прошлого, и на уникальности отдельных объектов, созданных руками человека. Здесь речь идет не только об оригинальной творческой ценности, но и о внешних параметрах памятника. Множество памятников археологии привлекают нас выразительностью, помпезностью, масштабностью (если речь идет о древ-

них городах, храмах, монументах), технологической сложностью их изготовления. По замечанию В.М. Андреева, на этом фоне мы можем уже отметить специфику некоторых археологических памятников, которая заключается в сочетании художественного и материально-бытового производства [11. С. 495]. Большинство артефактов прошлого создавалось для хозяйственного предназначения и лишь в рамках закреплённых традиций производства, тем не менее у обывателя могут вызывать восхищение искусно выполненные, хоть и стереотипные вещи (отшлифованные каменные орудия, нарезные рукояти, керамические изделия). По этому параметру археологический памятник наглядно выделяется среди остальных видов наследия.

Далее стоит указать на свойства археологического памятника, которые стимулируют особые формы его социальной интерпретации. Среди таковых кроме наглядности и очевидной древности можно обозначить фрагментарность и полисемантичность археологического материала, условность выделяемых археологических единиц, переплетение различных культурных признаков в рамках одной археологической культуры, множество культурных напластований в рамках одного памятника. Если ученому-археологу эти свойства создают высокие барьеры для идентификации его находок, то не-эксперт может увидеть благодаря им самые причудливые мозаики прошлого в зависимости от своих духовных поисков. Эти свойства археологического материала определяют множественность вариантов его профанных прочтений. Многозначность археологических источников вкупе с их презентабельностью упрощает их использование в качестве национальных символов, объектов поклонения или социально наследуемых атрибутов. А.Д. Михайлов также обращает внимание на точную пространственную локализацию археологического памятника, которая упрощает его рутинизацию в качестве места социальной памяти, делая его объектом территориальной гордости [12. С. 123]. В специфику археологического источника С.С. Соколов включает не только его физические свойства, но и сам процесс его получения. По его замечанию, реархеологизацию памятников можно рассматривать как что ни на есть культурный смысл, социально значимое обстоятельство «возвращения» людям их прошлого, спрятанного под землей [13. С. 40]. Как мы видим, уникальная особенность археологического наследия, не имеющего за собой конкретного и точно установленного создателя, заключается в широкой контекстуальности его прочтений и множестве «наследников». Это и определяет различные формы индивидуального и коллективного обращения с археологическим прошлым. Далее будут рассмотрены основные формы его использования на примере известных общественно-культурных кейсов.

Формы и образы археологического наследия

Памятник археологии визуально воспринимаем и осязаем, он является непосредственным денотатом архаичного прошлого, и, соответственно, его статус как исторического источника более авторитетный в срав-

нении с остальными. Указанные свойства подогревают его значимость и делают его объектом самых разных общественных манипуляций. Археологические памятники имеют мобилизующий потенциал для националистов, прославляющих собственное прошлое, религиозных почитателей, чиновников, озбоченных туристическим имиджем своего края. В годы социальных потрясений и национальных поисков археологические памятники закономерно трансформируются в места исторической памяти, служат инструментом общественного сплочения. Автор не оспаривает актуальности и проблем, к которым обычно приводят эти тенденции (культивация национализма, намеренная фальсификация исторического прошлого). Однако стоит также отметить, что под масштабностью спланированных смыслов, построенных вокруг археологических памятников, скрываются и частные смыслы, апеллирующие к разнообразным культурным ценностям. Эти смыслы закрепляются во множестве индивидуальных практик запоминания, воспоминания, забвения, отрицания, обсуждения, а также практик эмоционального восприятия прошлого, в которых воспроизводится та или иная ценность. Одной из первых это подчеркивает Л. Смит в книге «Способы использования наследия», применяя в отношении памятников наследия понятие «дискурс» и конституируя свойство наследия меняться не только под институциональным давлением, но и ввиду частных культурных практик. По ее основному определению, наследие – это не стабильные объекты с имманентно присущей им ценностью, а, напротив, культурный процесс, включающий в себя целый ряд практик (социальных, экономических, туристических и т.д.) создания смысла и идентичности и регулируемый различными дискурсами, которые «одновременно отражают эти практики и конструируют их». [6. Р. 13]. Из этого следует, что помимо авторизованного дискурса наследия существует множество других практик обсуждения и интерпретации археологических образов.

Некоторые научные работы позволяют взглянуть на альтернативные образы прошлого через призму исследования социальных и политических процессов. В качестве вводного тезиса мы должны подчеркнуть важность общественно-политического контекста, в котором наиболее заметен «взрыв» прошлого. Во многом именно официальный политический дискурс порождает альтернативные образы прошлого, претендующие также на официальное обсуждение и признание. История и современность изобилуют множеством примеров дискурсивной борьбы между различными группами и их интерпретациями прошлого. Прошумевший на весь мир инцидент с «укокской принцессой» является одним из показательных случаев такой борьбы. Выкопанная новосибирскими археологами мумия не просто стала топосом культурной памяти алтайцев, но и породила разнообразную палитру этнически-ассоциативных и культурных брендов, распространенных среди алтайцев и русского населения Республики Алтай. В настоящее время в архитектурном облике Горно-Алтайска продвигается «пазырыкский стиль» [14], укокский мотив активно используется в творчестве местных писателей и художников, а фольклорная биография

«укокской принцессы» продолжает пополняться новыми фактами и мифологическими интерпретациями [15]. С учетом меняющихся политических условий меняется и характер дискурсивной борьбы. Здесь важным предстает факт репатриации мумии из Новосибирска в Горно-Алтайск, который можно расценивать как знак уважения учеными прав коренных алтайцев на собственное этническое прошлое. Авторы коллективной статьи «Международное значение репатриации “укокской принцессы”» обращают внимание на важную роль номинации археологического прошлого, производимой официальными структурами (в том числе институтами науки). Именно официальное согласие министерства культуры РФ и Академии наук на возвращение укокской мумии на ее историческую родину смягчило конфликтность алтайской культурной памяти, хотя этот факт до сих пор не удовлетворяет традиционные этнородовые сообщества Алтая, требующие захоронения мумии [16. С. 37–38].

Одна из традиционных форм изучения публичного дискурса наследия была в свое время заложена социологической школой и часто заимствовалась археологами для изучения отношения общества к их работе и, собственно, к археологическому прошлому [17, 18]. В качестве примера можно привести социологическое исследование Е.В. Водясова, направленное на изучение отношения жителей Томска к мировому и местному наследию археологии [19]. Результаты социологического опроса показали, что респонденты подчеркивают значимость археологической науки, однако подавляющее большинство не могло назвать ни одной археологической достопримечательности мира и Томской области. Подобные результаты, по замечанию автора, прослеживаются и в более ранних социологических исследованиях по другим регионам и государствам [Там же. С. 69–71]. Повторяемость и распространенность подобного отношения к археологии можно объяснить отсутствием качественных каналов коммуникации археологов с широкой общественностью. Тем не менее на этот вывод стоит смотреть не как на проблему, а как на состоявшийся социальный факт: действительно, люди, которые ничего не знают об археологических памятниках, но говорят о значимости наследия, во многом повторяют то, что им говорили родители, учителя, политики с телевизионных каналов. Но это не значит, что большинство граждан не интересуются прошлым самостоятельно. Возможно, для некоторых людей прошлое выражено не археологическими памятниками, а другими формами наследия. Возможно, памятники местной археологии не так помпезны и наглядны, как пирамиды Хеопса или Колизей, чтобы их «знать» или «интересоваться ими». А возможно, люди даже не представляют, что на их малой родине что-то ищут и выкапывают? Стоит отметить, что Томске все же существует запрос на определенные исторические символы: например, с 1990-х гг. среди томичей относительно известны темы «Томского Лукоморья» и «славяно-арийской цивилизации» в Сибири [20. С. 486–489]. Во многом подобные образы сопровождаются яркими мифологемами, которые делают их более образными и привлекательными. Привязывая эти факты к вышеописанным

доводам, стоит отметить, что социологический вектор исследований должен подкрепляться более широким спектром методов (биографическими интервью, включенным наблюдением). Это необходимо прежде всего с целью выявления индивидуальных дефиниций «наследия» и связанных с ними ценностей.

При подобных доводах стоит также осознавать широту и вариативность масштабов воздействия материального прошлого на общество. Об этом говорит, в частности, С.С. Соколов, указывая на многоаспектность интерпретации археологического прошлого [13]. Упомянутый пример Аркаима свидетельствует, что археологический памятник может обладать множеством означаемых и способен превращаться в наследие на разных уровнях восприятия и идентичности (индивидуальный, групповой, общественный), и сам контекст общественно-политических нужд играет в социальной интерпретации порой несущественную роль. Ситуация Аркаима в этом плане очень показательна. В наше время Аркаим не только фигурирует в различных псевдонаучных историографиях, но и является специфической Меккой для апологетов эзотерики, астрологии, магии, уфологии и неоязычества различных направлений. Многоконтекстуальность археологического памятника, на взгляд С.С. Соколова, не просто порождает множество альтернатив памяти, но и служит особым культурным регулятором «коммеморативного произвола» [Там же. С. 39].

Многогранность наследия и многоуровневость его воздействия определяют также его образную пластичность и подвижность. Интересный момент заключается в том, что данные свойства наследия, привязанного к одному памятнику прошлого, лучше всего проявляются в увеличении или уменьшении фокуса социального восприятия. Так, например, знаменитые прусские форты, построенные в Кенигсберге в XIX в., сейчас являются одним из центров локального примирения различных образов прошлого на ретроспективно оспариваемой территории – Восточной Пруссии в виде современной Калининградской области. Несмотря на то, что эти форты имеют важную символическую роль в национальной тематике «защиты» и «победы» (для русских) или же «поражения» (для немцев), на практике их использование показывает разные социальные функции, исключающие порой национальную окраску. В один форт вмещен Музей Великой Отечественной войны, во второй – Музей янтаря, а третий обустроен под площадку для пейнтбола [21. С. 36–37]. Данный кейс говорит о том, что необходимо учитывать модус и масштабы интерпретации памятника, ведь если в рамках государственной или национальной идеологии памятник имеет однозначную интерпретацию, то на уровне локальных практик частные образы прошлого могут быть бесконфликтными и конфигурировать на одних памятных местах.

Важный вопрос касается также соотношения официальных и неформальных образов наследия. Говоря об общественном образе наследия, мы уже делали вывод, что его закрепление в социальном опыте лучше всего проходит через официальные номинации (законы, политические акты и указания, заключения институтов науки и управления наследием). Однако, по настоянию

К. Баррера, нельзя определять наследие, уникальность и ценность которого заверена документально, как официальное и политически мотивированное. Во многом сформированный образ наследия определяется не только официозными институтами, но и неформальными практиками [22. С. 8]. Часто материальное наследие выступает как источник вдохновения для неформального творчества. Неформальное наследие не требует официального признания, оно более органично встроено в социокультурную жизнь группы или общества, поскольку определяется также законами спроса и предложения. Наследие есть то, что лучше всего отвечает потребностям общества, как коллективным, так и индивидуальным. Данный феномен хорошо проявляется в образах наследия, получивших товарно-рыночную оценку и функционирующих как потребительский бренд. Здесь в качестве примера можно упомянуть характерный для Томска кейс – кулайскую археологическую культуру, образы которой активно транслируются в ювелирном производстве и творческих проектах [23].

Заключение

Описанные подходы к пониманию публичного дискурса наследия (в частности, археологического) пока-

зывают, что в социальном пространстве наследие не ограничено рамками официальных научных и политических утверждений. Наследие не замкнуто само в себе как готовый социальный продукт, оно является динамичным непрекращающимся процессом. Из-за этого памятники наследия показывают разнообразие культурных смыслов, которые котируются обществом. С другой стороны, наследие прошлого не воспроизводит само себя, а образуется как результат социальной агентности людей и определенных социальных практик. Любые формы агентности людей (создание, восприятие и даже бездействие) оказывают влияние на формирование общественных образов наследия.

Археологические образы, как и другие формы наследия, необходимо изучать с учетом всего спектра методов, практикуемых в области *Heritage studies*, таких как интервью, включенное наблюдение, дискурс-анализ. При всем этом необходимо учитывать материальную специфику археологического памятника, его полисемантическую и тривиальную наглядность, поскольку именно они придают археологическому материалу особую стимулируемость при построении объект-ориентированных связей между «наследием» и его «наследниками».

Список источников

1. Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, Русский остров, 2004. 622 с.
2. Chase M., Shaw C. *The Imagined Past: History and Nostalgia*. Manchester: Manchester University Press, 1989. 174 p.
3. Hewison R. *The heritage industry: Britain in a climate of decline*. London: Methuen, 1987. 160 p.
4. Samuel R. *Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture*. London: Verso, 1994. 449 p.
5. Wright P. *On Living in an Old Country*. London: Verso, 1985. 194 p.
6. Smith L. *Uses of Heritage*. Abingdon: Routledge, Taylor & Francis Group, 2006. 386 p.
7. Lumley R. *The Debate on Heritage Reviewed* // *Heritage, Museums and Galleries: an Introductory Reader* / ed. G. Corsane. Aldershot: Ashgate, 2008. P. 15–26.
8. Carman J., Stig Sørensen M.L. Introduction: making the means transparent: reasons and reflections // *Heritage studies. Methods and approaches* / J. Carman, M.L. Stig Sørensen (eds.). London: Routledge, 2009. P. 3–10.
9. Муштей Н.А. Старинная вещь: анализ постижения сущности в непосредственном восприятии // *Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика*. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 22–24.
10. Деррида Ж. Голос и феномен / перевод с фр.: С.Г. Кашина, Н.В. Суслов. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
11. Андреев В.М. Археологический памятник как эстетический объект // *Мир науки, культуры, образ*. 2013. № 6 (43). С. 495–496.
12. Михайлов Д.А. Археологические места социальной памяти // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 394. С. 121–126.
13. Соколов С.С. Проблемы исторической памяти и актуальные социокультурные контексты археологического памятника (окончание) // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2014. № 2 (38). С. 39–44.
14. Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Пазырыкский стиль символической атрибутики Республики Алтай в контексте картины мира алтайцев // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2013. № 3 (23). С. 165–168.
15. Доронин Д.Ю. Что опять не так с «алтайской принцессой»? Новые факты из ньюслорной биографии Ак Кадын // *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 1. С. 74–104.
16. Плетц Г., Соенов В.И., Константинов Н.А., Робинсон Э. Международное значение репатриации «Укокской принцессы» (готова ли российская археология к диалогу с коренными народами) // *Древности Сибири и Центральной Азии* / отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. № 7. С. 17–45.
17. Pokotylo D. Public Opinion and Canadian Archaeological Heritage: a National Perspective // *Canadian J. of Archaeology*. 2002. Vol. 26. P. 88–129.
18. Holtorf C. Monumental Past: the Life-histories of Megalithic Monuments in Mecklenburg Vorpommern (Germany) // *Papers from the Institute of Archaeology*. Vol. 13. DOI: 10.5334/pia.171. URL: <http://hdl.handle.net/1807/245> (accessed: 02.05.2022).
19. Водясов Е.В. Археологическое наследие в современном общественном сознании жителей Томска // *Сибирские исторические исследования*. 2015. № 2. С. 66–73.
20. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М.: Новое литературное обозрение, 2015. Т. 1. 536 с.
21. Фелькер А.В. Исследования наследия и политики памяти – в поисках общих подходов // *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 28–42.
22. Barrère Ch. Cultural heritages: From official to informal // *City, Culture and Society*. 2015. Vol. 7. P. 7–10.
23. Зайцева О.В. Как звучит кулайский джаз? (реинтерпретация археологического наследия политическими и творческими элитами Томской области) // *Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы*: XII Конгресс антропологов и этнологов России, Ижевск, 3–6 июля 2017. М.; Ижевск, 2017. С. 449–450.

References

1. Lowenthal, D. (2004) *Proshloe – chuzhaya strana* [The Past Is a Foreign Country]. Translated from English. St. Petersburg: Vladimir Dal', Russkiy ostrov.
2. Chase, M. & Shaw, C. (1989) *The Imagined Past: History and Nostalgia*. Manchester: Manchester University Press.
3. Hewison, R. (1987) *The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline*. London: Methuen.

4. Samuel, R. (1994) *Theatres of Memory: Past and Present in Contemporary Culture*. London: Verso.
5. Wright, P. (1985) *On Living in an Old Country*. London: Verso.
6. Smith, L. (2006) *Uses of Heritage*. Abingdon: Routledge, Taylor & Francis Group.
7. Lumley, R. (2008) The Debate on Heritage Reviewed. In: Corsane, G. (ed.) *Heritage, Museums and Galleries: an Introductory Reader*. Aldershot: Ashgate. pp. 15–26.
8. Carman, J. & Stig Sørensen, M.L. (2009) Introduction: making the means transparent: reasons and reflections. In: Carman, J. & Stig Sørensen, M.L. (eds) *Heritage Studies. Methods and Approaches*. London: Routledge. pp. 3–10.
9. Mushtey, N.A. (2012) Starinnaya veshch': analiz postizheniya sushchnosti v neposredstvennom vospriyatii [An antique thing: an analysis of the comprehension of the essence in direct perception]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 12(1). pp. 22–24.
10. Derrida, J. (1999) *Golos i fenomen* [Voice and Phenomenon]. Translated from French by S.G. Kashina, N.V. Suslov. St. Petersburg: Aleteyya.
11. Andreev, V.M. (2013) Arkheologicheskii pamyatnik kak esteticheskiy ob"ekt [The archaeological monument as an aesthetic object]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 6(43). pp. 495–496.
12. Mikhaylov, D.A. (2015) Archaeological sites of social memory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 394. pp. 121–126. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/394/20
13. Sokovikov, S.S. (2014) Problems of historical memory and relevant sociocultural contexts of the archaeological monument (ending). *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv – Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2(38). pp. 39–44. (In Russian).
14. Tadina, N.A. & Yabyshbaev, T.S. (2013) Pazyryk style of character attributes of the Altai Republic in the context of the Altaians world view. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(23). pp. 165–168. (In Russian).
15. Doronin, D.Yu. (2016) What is wrong again with the “Altai princess”? New facts from newslore biography of Ak Kadyr. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 74–104. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/11/7
16. Pletts, G., Soenov, V.I., Konstantinov, N.A. & Robinson, E. (2014) Mezhdunarodnoe znachenie repatriatsii “Ukokskoy printsessy” (gotova li Rossiyskaya arkheologiya k dialogu s korennyimi narodami) [The international significance of the repatriation of the “Ukok Princess” (is Russian archeology ready for a dialogue with indigenous peoples)]. In: Soenov, V.I. (ed.) *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Vol. 7. Gorno-Altaysk: GASU. pp. 17–45.
17. Pokotylo, D. (2002) Public Opinion and Canadian Archaeological Heritage: a National Perspective. *Canadian Journal of Archaeology*. 26. pp. 88–129.
18. Holtorf, S. (2001) Monumental Past: the Life-histories of Megalithic Monuments in Mecklenburg Vorpommern (Germany). *Papers from the Institute of Archaeology*. 13. DOI: 10.5334/pia.171. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/1807/245> (Accessed: 2nd May 2022).
19. Vodyasov, E.V. (2015) Archaeological heritage in the minds of contemporary inhabitants of Tomsk. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 66–73. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/8/5
20. Shnirelman, V.A. (2015) *Ariyskiy mif v sovremennom mire* [The Aryan myth in the modern world]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
21. Felker, A.V. (2018) Issledovaniya naslediya i politiki pamyati – v poiskakh obshchikh podkhodov [Studies of heritage and politics of memory – in search of common approaches]. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 28–42.
22. Barrère, Ch. (2015) Cultural heritages: From official to informal. *City, Culture and Society*. 7. pp. 7–10.
23. Zaytseva, O.V. (2017) Kak zvuchit kulayskiy dzhaz? (reinterpretatsiya arkheologicheskogo naslediya politicheskimi i tvorcheskimi elitami Tomskoy oblasti) [What does Kulay jazz sound like? (reinterpretation of the archaeological heritage by the political and creative elites of Tomsk Region)]. In: Puzanov, D.V. & Zagrebin, A.E. (eds) *Missiya antropologii i etnologii: nauchnye traditsii i sovremennyye vyzovy* [Mission of Anthropology and Ethnology: Scientific Traditions and Modern Challenges]. Moscow; Izhevsk: UrB RAS. pp. 449–450.

Сведения об авторе:

Чернышов Артем Вячеславович – аспирант кафедры антропологии и этнологии факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chernyshov.artem.1996@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Chernyshov Artem V. – PhD student, Department of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernyshov.artem.1996@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.05.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 06.05.2022; accepted for publication 05.07.2022

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

PROBLEMS OF THE HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Научная статья

УДК 654.153.2(091)(571.12-21)"1895-1918"

doi: 10.17223/19988613/78/24

К истории Тобольской телефонной сети (1895–1918 гг.)

Владимир Алексеевич Морев

Томский государственный университет, Томск, Россия, morevv@sibmail.com

Аннотация. Рассматривается история телефонной сети губернского города Тобольска с момента ее открытия в 1895 г. до 1918 г. На основе документов Исторического архива Омской области показано, что первоначально телефонная сеть Тобольска находилась в административном (ведомственном) пользовании. Имеющиеся сведения позволяют сделать вывод, что основными инициаторами открытия телефонной сети в Тобольске были местные власти. При этом в статье показано, что заинтересованность в развитии телефонизации высказывало и тобольское купечество. Кроме того, автором уделено внимание техническим характеристикам Тобольской телефонной сети.

Ключевые слова: телефон, Тобольская телефонная сеть, телефонные абоненты, Тобольск, Западная Сибирь

Для цитирования: Морев В.А. К истории Тобольской телефонной сети (1895–1918 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 195–199. doi: 10.17223/19988613/78/24

Original article

On History of Tobolsk Telephone Network (1895–1918)

Vladimir A. Morev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, morevv@sibmail.com

Abstract. The beginning of the use of the telephone in Siberia as a means of public use dates back to the 1880s–1890s. The rapid development of industry and urbanization required the installation of operational communications within cities. Urban telephone networks were needed, first of all, by entrepreneurs and government agencies, that is, those on whom the socio-economic development of West Siberian cities depended to a large extent. Tobolsk wasn't exception here. Although Tobolsk was already the former capital of Siberia, nevertheless, it remained a provincial city (since 1796) and one of the trading centers of Western Siberia. In 1897 the population of the Tobolsk province was more than 1.4 million people, of which the urban population was more than 87 thousand inhabitants.

The history of telephone installation in such Siberian cities as Omsk, Tomsk, Novonikolaevsk, Barnaul and Irkutsk has already been covered in a number of works by such authors as N.M. Dmitrienko, V.V. Vorozhbitov, O.N. Razumov and others. In addition, E.V. Shvab and V.A. Morev devoted their works directly to the history of the creation and development of the Tobolsk telephone network.

Nevertheless, there are still "blank spots" in the issue of studying the history of telephone installation in Tobolsk. In this regard, the purpose of this article is to identify the main milestones in the history of the emergence and development of telephone communications in Tobolsk, as well as to clarify some facts regarding the initiators of the opening of the Tobolsk telephone network, preparations for its installation, characteristics of its equipment, as well as the number of subscribers in period between the end of the 19th and the beginning of the 20th century.

The main sources used in this article are the documents of the Historical Archive of the Omsk Region. The most valuable for this article is the case No. 48 from the fund F. 120 "Office of the Omsk postal and telegraph district (1864–1920)". This case is devoted directly to the installation of telephones in Tobolsk in 1895–1918. It provides technical information about the structure of the network for administrative use, the number and list of subscribers in the first year of the network (1895) and the reasons for the planned reorganization of the network (1918). In addition, the documents of this case shed light on the history of the discussion of the need to open a public telephone network in Tobolsk.

The author found that telephone communication in Tobolsk began to develop thanks to the city authorities. Wealthy citizens also felt the need for a public telephone network. The author found out that the Tobolsk merchants filed an application for a telephone communication in Tobolsk with the opening of a central station at the post and telegraph office. However, only in 1908 the opening of the public telephone network supposedly took place in Tobolsk. At the beginning of the 20th century, in terms of the number of subscribers, it was inferior to the networks of such Siberian cities as Irkutsk, Tomsk, Omsk, Novonikolaevsk, Barnaul and Biysk. Historians have yet to find out how the Tobolsk telephone network developed in subsequent years. Perhaps the Tobolsk and Tyumen archives will be able to provide assistance in these researches.

Keywords: telephone, Tobolsk telephone network, telephone subscribers, Tobolsk, Western Siberia

For citation: Morev, V.A. (2022) On History of Tobolsk Telephone Network (1895–1918). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 195–199. doi: 10.17223/19988613/78/24

Начало применения в Сибири телефона как средства общественного пользования относится к 1880–1890-м гг. Развитие промышленности и урбанизация требовали налаживания устойчивой оперативной связи внутри городов. Городские телефонные сети были необходимы прежде всего предпринимателям и властным структурам, т.е. тем, от кого в большой степени зависело социально-экономическое развитие западносибирских городов. Tobolsk здесь не был исключением.

Хотя Tobolsk являлся уже бывшей столицей Сибири, тем не менее он оставался губернским городом (с 1796 г.) и одним из торговых центров Западной Сибири. Численность населения Tobolsk губернии в 1897 г. составляла более 1,4 млн человек, из которых городское население – более 87 тыс. жителей [1. С. 2–3, 5]. Транссибирская железнодорожная магистраль, начало строительства которой было положено в 1891 г., должна была пройти южнее Tobolsk. Тем более необходим телефон был tobolskim купцам, оказывавшимся в стороне от крупной транспортной артерии.

История телефонизации таких сибирских городов, как Омск, Томск, Новониколаевск, Барнаул и Иркутск уже освещена в ряде работ [2–11]. Кроме того, непосредственно истории создания и развития телефонной сети Tobolsk посвятили свои работы Е.В. Шваб [12] и В.А. Морев [13]. Тем не менее в вопросе изучения истории телефонизации Tobolsk пока еще остаются «белые пятна». В связи с этим цель данной статьи состоит в выявлении основных вех в истории возникновения и развития телефонной связи в Tobolsk, а также в уточнении некоторых фактов, касающихся инициаторов открытия Tobolsk телефонной сети, подготовки к ее устройству, характеристики ее аппаратуры, а также количества абонентов в конце XIX – начале XX в.

Основными источниками, которые использовались в данной статье, являются документы Исторического архива Омской области (ГИАОО; бывший ГАОО). Наиболее ценным в контексте настоящего исследования оказалось дело № 48 из фонда Ф. 120 «Управление Омского почтово-телеграфного округа (1864–1920)». Оно посвящено непосредственно телефонной сети Tobolsk в 1895–1918 гг. В деле представлена техническая информация об устройстве сети административного пользования, приведены количество и список абонентов в первый год действия сети (1895) и причины намечавшегося переустройства сети (1918). Кроме

того, документы этого дела позволяют пролить свет на историю обсуждения вопроса о необходимости открытия телефонной сети общего пользования в Tobolsk.

Краткие сведения о Tobolsk телефонной сети содержатся в Памятной книжке Tobolsk губернии на 1909 г., согласно которой в конце января 1895 г. Главным управлением почт и телеграфов было разрешено устройство в Tobolsk телефонной сети [14. С. 90].

Телефонное сообщение в Tobolsk начало развиваться благодаря городским властям. В марте 1895 г. губернатор Tobolsk губернии Николай Модестович Богданович обсуждал с начальником Омского почтово-телеграфного округа вопрос об устройстве телефонной сети в Tobolsk [15. Л. 7]. Кроме того, с инициативой устройства телефонной сети выступил председатель губернского правления барон Константин Платонович Фредерикс. Работы выполнял коллежский регистратор Сергей Васильевич Балин [16. С. 22], который на тот момент являлся почтово-телеграфным чиновником V разряда [17. С. 16].

Перед открытием телефонной станции было вкопано 25 столбов, на которых имелось более 600 изоляторов, подвешено около 35 верст проволоки и установлено 35 аппаратов (один на коммутаторе). По данным Е.В. Шваба, 3 сентября 1895 г. в Tobolsk в здании губернского управления состоялось торжественное открытие телефонной станции [12. С. 32]. Согласно документам ГИАОО, телефонное действие по Tobolsk сети было открыто 1 октября 1895 г. [18. Л. 10 об.]. Для сравнения: в Иркутске телефонная сеть начала работу еще в 1887–1888 гг. [3. С. 141–142], в 1894 г. телефонная станция-коммутатор на 50 номеров заработала в Тюмени [19. С. 127], в этом же году в Томске была устроена телефонная сеть на 115 номеров [8. С. 74], а в Омске телефонная сеть общего пользования открылась в 1904 г. [20. Л. 70–71 об.]. При этом первые телефоны в Омске и Томске уже работали с 1884 и 1886 гг. соответственно [7. С. 43; 21].

Протяженность Tobolsk телефонной сети составляла 36 верст. Провода были изготовлены из бронзовой проволоки в 1,5 мм и частично из железной от 1,5 до 2,5 мм. Они крепились к основным столбам высотой 4 и 5 саженей (8,5344 и 10,668 м соответственно). Толщина столбов в вершине была 4 и 5 вершков (17,78 и 22,225 см соответственно). Для навески проволоки использовались фарфоровые изоляторы, насаженные на железные крюки. Пролеты между столбами

составляли от 25 до 40 саженей (53,34 м и 85,344 м соответственно) [18. Л. 10–11]. Телефонные аппараты Тобольской телефонной сети были выписаны из Москвы от торгового дома Лоевского. Большинство из них было произведено фирмой «Эванс». По своей конструкции они были схожи с аппаратами шведской фирмы «Эрикссон». Видимая разница состояла лишь в корпусе: у аппаратов «Эванс» он был железным, а у аппаратов «Эрикссон» – деревянным [22. Л. 16–16 об.].

На момент открытия сети в Тобольске насчитывалось 47 абонентов, поэтому телефонные номера состояли всего из одной или двух цифр (от 1 до 47). Сохранился список абонентов телефонной сети [23. Л. 12 об.–13]. Среди абонентов были: губернатор, вице-губернатор, епископ, управляющий казенной палатой, председатель губернского суда, губернский прокурор, начальник губернского жандармского управления, губернский казначей, канцелярия губернатора, губернское управление, губернская типография, губернский суд, государственный банк, городская управа, больницы, полицейские управления, тюрьмы, пристань, а также другие учреждения и официальные лица. Исходя из этого списка, можно сделать вывод, что сеть находилась исключительно в административном (ведомственном) пользовании. При этом в списке первых абонентов Тобольской телефонной сети не была указана Тобольская губернская почтово-телеграфная контора [13. С. 393].

Вскоре состоятельные горожане ощутили потребность в телефонной сети общего пользования. Так, в 1896 г. тобольский купец Александр Адрианович Сыромятников обратился с заявлением об устройстве телефонного сообщения в Тобольске с открытием центральной станции при почтово-телеграфной конторе. К своему заявлению купец приложил список жителей города из 11 человек, пожелавших стать абонентами, причем все расходы по устройству сети инициаторы были готовы принять на себя [24. Л. 21–21 об.]. Таким образом, нельзя полностью согласиться с тем, что пишет по этому поводу Е.В. Шваб: «Публичный телефон решили не устраивать, так как заявлений от частных лиц на установку не было. Было решено устроить телефон лишь для правительственных и общественных учреждений и лиц» [12. С. 32]. Как видно из приведенного выше архивного документа, заявление было. Другое дело, что, возможно, чиновники Главного управления почт и телеграфов посчитали недостаточным само число жителей Тобольска, изъявивших желание стать абонентами городской телефонной сети общего пользования.

Начальник Тобольской губернской почтово-телеграфной конторы Дмитрий Павлович Ставропольский, видимо, будучи также заинтересован в развитии телефонизации в городе, подчеркивал, что с учетом абонентов уже имевшейся телефонной сети, которая находилась в административном пользовании, общее количество подписчиков составило бы почти 60 [25. Л. 20–20 об.]. Однако 16 марта 1898 г. из Главного управления почт и телеграфов пришел ответ, что в этом году «в Тобольске правительственная телефонная сеть для общего пользования устраиваться не будет» [26. Л. 78]. Причины отказа не указывались. Такая сеть не открывалась

и в течение нескольких последующих лет. Предположительно открытие сети общего пользования произошло лишь в 1908 г. Однако эта дата еще требует подтверждения либо опровержения, поскольку такая информация обнаружена пока только в предисловии к описи 1 фонда 120 в ГИАОО, а не в самих делах этого архива.

В 1910 г. телефонная сеть Тобольская была относительно небольшой: ее протяженность составляла всего 12 верст, она обслуживала 86 абонентов. Один абонент телефонной сети приходился на 245 жителей города. Для сравнения: в этом же году Томская телефонная сеть включала 678 абонентов, Новониколаевская – 343, Барнаульская – 226, Бийская – 164 абонента. Иркутская телефонная сеть уже в 1904 г. обслуживала 687 абонентов [9. С. 250]. Согласно данным сайта «Путешествуй по стране и ее истории», к 1914 г. в Тобольске работало 132 телефона [27].

В годы Гражданской войны с увеличением числа абонентов и расширением Тобольской телефонной сети обсуждался вопрос ее переустройства с переносом центральной станции в другое здание. В марте 1918 г. рапорт механика Шляхтина по этому вопросу [28. Л. 158–158 об.], а также проект и смета переустройства поступили на имя начальника Омского почтово-телеграфного округа [29. Л. 159]. В качестве причины переустройства сети указывалось истечение срока эксплуатации в 1915 г. (обычный срок концессий составлял 20 лет). В свою очередь, это влияло на то, что сеть из ведения Тобольского губернского управления должна была перейти в ведение Министерства почт и телеграфов.

Необходимость переноса телефонной станции из нагорной части города в подгорную была связана с двумя факторами. Во-первых, более двух третей всех абонентов проживали в подгорной части, причем именно там к сети должны были подключиться новые абоненты. В этой части Тобольска были сосредоточены вся его торговая жизнь, пароходные пристани, гостиницы и значительная часть правительственных учреждений. Во-вторых, у Министерства почт и телеграфов в подгорной части имелось здание для устройства центральной станции [Там же]. Это влекло за собой большую экономию в средствах, поскольку новое здание для телефонной станции не надо было бы строить.

Таким образом, имеющиеся сведения о Тобольской телефонной сети позволяют сделать вывод, что основными инициаторами открытия телефонной сети в Тобольске выступали местные власти. При этом свою заинтересованность в развитии телефонизации высказывало и тобольское купечество, надеясь на извлечение дополнительной экономической выгоды от использования нового средства связи. С момента своего открытия (1895) Тобольская телефонная сеть находилась в административном пользовании. Вопрос об открытии сети общего пользования решался с трудом. В начале XX в. по количеству абонентов она уступала сетям таких сибирских городов, как Иркутск, Томск, Омск, Новониколаевск, Барнаул и Бийск. Историкам еще предстоит выяснить, как развивалась Тобольская телефонная сеть в последующие годы. Возможно, помощь в этих изысканиях смогут оказать тобольские и тюменские архивы.

Список источников

- Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб. : паровая типо-лит. Н.Л. Ныркина, 1905.
- Дмитриенко Н.М. Социально-экономическое развитие сибирского города в эпоху капитализма 1861 – февраль 1917 г. (на материалах Томска) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984. 254 с.
- Гольдфарб С.И. Весь Иркутск. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 304 с.
- Ворожбитов В.В. 90 лет Барнаульской телефонной станции // Барнаульский хронограф: календарь знаменательных и памятных дат. 1998. Барнаул, 1997. С. 42–43.
- От Морзе до компьютера / отв. ред. И.В. Костарева. Томск : Красное знамя, 1998. 336 с.
- Косарев М.А., Щукин М.Н., Тельманова И.З., Буторина Е.Б. Времен связующая нить : страницы истории Новосибирской городской телефонной сети. Новосибирск : Сибирская горница, 2000. 300 с.
- Разумов О.Н. Этапы развития электрической связи Томской области // История электросвязи Томской области (от прошлого к настоящему). Томск : Спектр, 2000. С. 5–174.
- Дмитриенко Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 348 с.
- Анкушева К.А., Бочанова Г.А., Дегальцева Е.А., Кириллов А.К., Ноздрин Г.А., Шиловский М.В., Ус Л.Б. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск : Сова, 2006. 352 с.
- Миркин В.В., Морев В.А. История связи Западной Сибири в 1860-е – 1940-е гг. Томск : Оптимум, 2008. 312 с.
- Морев В.А. История Омской телефонной сети (1904–1919 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 105–110.
- Шваб Е.В. Телефонная связь в городах Тобольской и Акмолинской губерний в конце XIX – начале XX вв. // Платоновские чтения : материалы XII Всерос. конф. молодых историков, Самара, 10–11 ноября 2006 г. / отв. редактор П.С. Кабытов. Самара : Универс-групп, 2006. С. 31–33.
- Морев В.А. Документ Государственного архива Омской области как источник изучения истории телефонизации Тобольска (конец XIX – начало XX вв.). // Документ как социокультурный феномен : сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. Н.С. Ларькова. Томск : Том. гос. ун-т, 2010. С. 392–394.
- Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 год. Тобольск : Тип. губернского управления, 1909. 300, 7 с.
- Тобольский губернатор начальнику Омского почтово-телеграфного округа 10.03.1895 г. // Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 120. Оп. 1. Д. 48.
- Календарь знаменательных и памятных дат города Тобольска на 2020 год / сост. Н.Л. Коньков. Тобольск, 2020. 31 с.
- Адрес-календарь лиц, состоящих на государственной и общественной службе в Тобольской губернии // Календарь Тобольской губернии на 1895 год. Тобольск : Изд. Тобольской губернской тип., 1894.
- Рапорт начальника Тобольской губернской почтово-телеграфной конторы начальнику Омского почтово-телеграфного округа 19.02.1896 г. // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 48.
- Храмцов А.Б. Власть и общество в городах Тобольской губернии конца XIX – начала XX века. Тюмень : РИО ТюмГАСУ, 2010. 316 с.
- Начальник Омской телефонной сети общего пользования Начальнику Омского почтово-телеграфного округа 12.03.1904 г. // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 66.
- Елизарова Н. История Омска: вторая половина XIX века // Администрация города Омска. URL: <http://www.admomsrk.ru/web/guest/city/history/timeline/19th-century-second-half> (дата обращения: 04.04.2022).
- Рапорт начальника Тобольской губернской почтово-телеграфной конторы начальнику Омского почтово-телеграфного округа 22.03.1896 г. // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 48.
- Список абонентов Тобольской телефонной сети (1895–1896 гг.) // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 48.
- Заявление тобольского купца А.А. Сыромятникова (1896 г.) // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 48.
- Рапорт начальника Тобольской губернской почтово-телеграфной конторы начальнику Омского почтово-телеграфного округа 04.06.1896 г. // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 48.
- Главное управление почт и телеграфов начальнику Омского почтово-телеграфного округа 16.03.1898 г. // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 48.
- Первые телефоны в Тюмени // Путешествуй по стране и ее истории. 2017. 11 апр. URL: <http://safe-rgs.ru/3100-pervye-telefony-v-tyumeni.html> (дата обращения: 03.04.2022).
- Рапорт механика 9-го участка Омского почтово-телеграфного округа Шляхтина начальнику Омского почтово-телеграфного округа 08(21).03.1918 г. // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 48.
- Проект переустройства Тобольской телефонной сети с переноской центральной станции в другое здание [1918 г.] // ГИАОО. Ф. 120. Оп. 1. Д. 48.

References

- Troynitsky, N.A. (ed.) (1905) *Obshchiy svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannykh Pervoy Vseobshchey perepisi naseleniya, proizvedennoy 28 yanvarya 1897 goda* [The All-Russian summary of the results of data development of the First General Population Census, carried out on January 28, 1897]. St. Petersburg: N.L. Nyrkin.
- Dmitrienko, N.M. (1984) *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye sibirskogo goroda v epokhu kapitalizma 1861 – fevral' 1917 g. (na materialakh Tomsk)* [Socio-economic development of the Siberian city in the era of capitalism 1861 – February 1917 (a case study of Tomsk)]. History Cand. Diss. Tomsk.
- Goldfarb, S.I. (1992) *Ves' Irkutsk* [All Irkutsk]. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo.
- Vorozhbitov, V.V. (1997) 90 let Barnaul'skoy telefonnoy stantsii [90 years of the Barnaul telephone station]. In: *Barnaul'skiy khronograf: kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat. 1998* [Barnaul chronograph: a calendar of significant and memorable dates. 1998]. Barnaul: [s.n.]. pp. 42–43.
- Kostareva, I.V. (ed.) (1998) *От Морзе до компьютера* [From Morse to the Computer]. Tomsk: Krasnoye znamya.
- Kosarev, M.A., Shchukin, M.N., Telmanova, I.Z. & Butorina, E.B. (2000) *Vremen svyazuyushchaya nit': stranitsy istorii Novosibirskoy gorodskoy telefonnoy seti* [The thread connecting times: pages of the history of the Novosibirsk city telephone network]. Novosibirsk: Sibirskaya gornitsa.
- Razumov, O.N. (2000) *Etapy razvitiya elektricheskoy svyazi Tomskoy oblasti* [Stages of electrical communication development in Tomsk Region]. In: Desyatsky, V.S. et al. (eds) *Istoriya elektrosvyazi Tomskoy oblasti (ot proshlogo k nastoyashchemu)* [History of Telecommunications of Tomsk Region (From the Past to the Present)]. Tomsk: Spektr. pp. 5–174.
- Dmitrienko, N.M. (2003) *Den' za dnev, god za godom: khronika zhizni Tomsk v XVII–XX stoletiyakh* [Day after day, year after year: a chronicle of the life of Tomsk in the 17th–20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
- Ankushcheva, K.A., Bochanova, G.A., Degaltseva, E.A., Kirillov, A.K., Nozdryn, G.A., Shilovskiy, M.V. & Us, L.B. (2006) *Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [History of public self-government in Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Sova.
- Mirkin, V.V. & Morev, V.A. (2008) *Istoriya svyazi Zapadnoy Sibiri v 1860-e – 1940-e gg.* [The history of communications in Western Siberia in the 1860s – 1940s]. Tomsk: Optimum.

11. Morev, V.A. (2017) History of the Omsk telephone network (1904–1919). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 424. pp. 105–110. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/424/14
12. Shvab, E.V. (2006) Telefonnaya svyaz' v gorodakh Tobol'skoy i Akmolinskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX vv. [Telephone communication in Tobolsk and Akmolinsk provinces in the late 19th – early 20th centuries]. In: Kabytov, P.S. (ed.) *Platonovskie chteniya* [The Platonov's Readings]. Samara: Univers-grupp. pp. 31–33.
13. Morev, V.A. (2010) Dokumenty Gosudarstvennogo arkhiva Omskoy oblasti kak istochnik izucheniya istorii telefonizatsii Tobol'ska (konets XIX – nachalo XX vv.). [Documents of the State Archive of the Omsk Region as a source for studying the history of Tobolsk telephones (late 19th – early 20th centuries)]. In: Larkov, N.S. (ed.) *Dokument kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Document as a Socio-Cultural Phenomenon]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 392–394.
14. The Tobolsk Provincial Administration. (1909) *Pamyatnaya knizhka Tobol'skoy gubernii na 1909 god* [Commemorative Book of the Tobolsk Province for 1909]. Tobolsk: Tip. gubernskogo upravleniya.
15. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). *Tobol'skiy gubernator nachal'niku Omskogo pochtovo-telegrafnogo okruga 10.03.1895 g.* [Tobolsk governor to the Head of the Omsk postal and telegraph district March 10, 1895]. Fund 120. List 1. File 48.
16. Konkov, N.L. (2020) *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat goroda Tobol'ska na 2020 god* [Calendar of significant and memorable dates of Tobolsk for 2020]. Tobolsk: [s.n.].
17. The Tobolsk Provincial Administration. (1894) Adres-kalendar' lits, sostoyashchikh na gosudarstvennoy i obshchestvennoy sluzhbe v Tobol'skoy gubernii [Address-calendar of persons in the state and public service in the Tobolsk province]. In: *Kalendar' Tobol'skoy gubernii na 1895 god* [Calendar of the Tobolsk Province for 1895]. Tobolsk: Izd. Tobol'skoy gubernskoy tip.
18. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). (1896) *Raport nachal'nika Tobol'skoy gubernskoy pochtovo-telegrafnoy kontory nachal'niku Omskogo pochtovo-telegrafnogo okruga 19.02.1896 g.* [Report of the head of the Tobolsk provincial postal and telegraph office to the head of the Omsk postal and telegraph district on February 19, 1896]. Fund 120. List 1. File 48.
19. Khramtsov, A.B. (2010) *Vlast' i obshchestvo v gorodakh Tobol'skoy gubernii kontsa XIX – nachala XX veka* [Power and society in the cities of the Tobolsk province of the late 19th – early 20th century]. Tyumen: TyumSACU.
20. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). (1904) *Nachal'nik Omskoy telefonnoy seti obshchego pol'zovaniya Nachal'niku Omskogo pochtovo-telegrafnogo okruga 12.03.1904 g.* [Head of the Omsk public telephone network to the head of the Omsk postal and telegraph district on March 12, 1904]. Fund 120. List 1. File 66.
21. Elizarova, N. (n.d.) *Istoriya Omska: vtoraya polovina XIX veka* [History of Omsk: the second half of the 19th century]. [Online] Available from: <http://www.admoms.ru/web/guest/city/history/timeline/19th-century-second-half> (Accessed: 4th April 2022).
22. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). (1896a) *Raport nachal'nika Tobol'skoy gubernskoy pochtovo-telegrafnoy kontory nachal'niku Omskogo pochtovo-telegrafnogo okruga 22.03.1896 g.* [Report of the head of the Tobolsk provincial postal and telegraph office to the head of the Omsk postal and telegraph district on March 22, 1896]. Fund 120. List 1. File 48.
23. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). (1895–1896) *Spisok abonentov Tobol'skoy telefonnoy seti (1895–1896 gg.)* [List of subscribers of the Tobolsk telephone network (1895–1896)]. Fund 120. List 1. File 48.
24. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). (1896b) *Zayavlenie tobol'skogo kuptsa A.A. Syromyatnikova (1896 g.)* [Statement of the Tobolsk merchant A.A. Syromyatnikova (1896)]. Fund 120. List 1. File 48.
25. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). (1896c) *Raport nachal'nika Tobol'skoy gubernskoy pochtovo-telegrafnoy kontory nachal'niku Omskogo pochtovo-telegrafnogo okruga 04.06.1896 g.* [Report of the head of the Tobolsk provincial postal and telegraph office to the head of the Omsk postal and telegraph district on June 4, 1896]. Fund 120. List 1. File 48.
26. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). (1898) *Glavnoe upravlenie pocht i telegrafov nachal'niku Omskogo pochtovo-telegrafnogo okruga 16.03.1898 g.* [Main Department of Posts and Telegraphs to the Head of the Omsk Postal and Telegraph District on March 16, 1898]. Fund 120. List 1. File 48.
27. Safe-rgs.ru. (2017) *Pervye telefony v Tyumeni* [The first phones in Tyumen]. [Online] Available from: <http://safe-rgs.ru/3100-pervye-telefony-v-tyumeni.html> (Accessed: 3rd April 2022).
28. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). (1918a) *Raport mekhanika 9-go uchastka Omskogo pochtovo-telegrafnogo okruga Shlyakhtina nachal'niku Omskogo pochtovo-telegrafnogo okruga 08(21).03.1918 g.* [Report of the mechanic of the 9th section of the Omsk postal and telegraph district Shlyakhtin to the head of the Omsk postal and telegraph district on March 8(21), 1918]. Fund 120. List 1. File 48.
29. The Historical Archive of Omsk Region (GIAOO). (1918b) *Proekt pereustroystva Tobol'skoy telefonnoy seti s perenoskoj tsentral'noy stantsii v drugoe zdanie [1918 g.]* [Project for the reconstruction of the Tobolsk telephone network with the transfer of the central station to another building [1918]]. Fund 120. List 1. File 48.

Сведения об авторе:

Морев Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: morevv@sibmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Morev Vladimir A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Documentation of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: morevv@sibmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.04.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 05.04.2022; accepted for publication 05.07.2022

РЕЦЕНЗИИ

REVIEW

Рецензия

УДК 94(47)

doi: 10.17223/19988613/78/25

Рецензия: Бинчик Э. Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена. М.: Новое Литературное Обозрение, 2022. 209 с.

Роман Радиевич Гильминтинов

*Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация,
Университет Дьюка, Дарем, США, roman.gilmintinov@duke.edu*

Аннотация. Публикация посвящена анализу недавно вышедшего перевода монографии Э. Бинчик «Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена». Обобщается содержание работы, отмечаются как сильные ее стороны (скрупулезность реконструкции современных дискуссий по теме антропоцена), так и слабые (неразработанность авторской линии аргументации и отсутствие остро сформулированного тезиса). На основе работы Э. Бинчик формулируются краткие выводы о том, какую роль должно играть историческое знание в дискуссиях об антропоцене – этой важнейшей исследовательской и общественной проблематике.

Ключевые слова: антропоцен, глобальное изменение климата, экологический кризис

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Для цитирования: Гильминтинов Р.Р. Рецензия: Бинчик Э. Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена. М.: Новое Литературное Обозрение, 2022. 209 с. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 200–203. doi: 10.17223/19988613/78/25

Review

Review: Bińczyk E. The Age of Man: Rhetoric and Apathy of the Anthropocene. Moscow: The New Literary review, 2022. 209 p.

Roman R. Gilmintinov

*Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation,
Duke University, Durham, USA, roman.gilmintinov@duke.edu*

Abstract. The publication is dedicated to the recently published Russian translation of the book *The Age of Man: Rhetoric and Apathy of the Anthropocene* by Ewa Bińczyk, professor of philosophy at Nicolaus Copernicus University (Torun, Poland). The review summarizes the main themes of the work, highlights its strengths and weaknesses, and concludes by considering the role historians and their theoretical developments should play in the discussions about the Anthropocene. The review criticizes the absence of a sharply formulated thesis and a clear line of the author's argument in the text. The ideas formulated by Ewa Bińczyk can hardly be called new; they rather generalize what has already been argued by other researchers in the framework of the discussion of the past decade and a half. The strengths of *The Age of Man* include the encyclopedic nature of the book by Ewa Bińczyk. She meticulously traces the diverse discussions related to the issues of the Anthropocene and reconstructs the positions taken by the participants in these debates. Among them, Ewa Bińczyk distinguishes the discourses of naturalism and post-naturalism, eco-Marxism and eco-modernism, the approaches of supporters and opponents of geoengineering, as well as the discourse of ecological catastrophe. The review also outlines what role the methods of historical science and historical knowledge in general should play in the discussions about the Anthropocene. Ewa Bińczyk convincingly argues that it is the great role of the natural sciences with their exact methods that gives weight and authority to the discussions about the Anthropocene.

Despite this, geologists, climatologists, physicists, and others are often stumped when it comes to the political, social, and ideological implications of their research. This problem is especially acute in the discussions about the chronology of the Anthropocene era. Various researchers attribute its beginning to the early Pleistocene, the Neolithic Revolution, the Age of Discovery, the Industrial Revolution, or the middle of the 20th century, which marked the beginning of the so-called “Great Acceleration”. Each argument has an evidence base, and the adoption of each of them as the official chronology of the Anthropocene can have dangerous political consequences for the world community. Because of this, the scientific community hesitates to make a decision. It seems that Braudel’s concept of the multi-layered historical time can become a theoretical basis for a way out of this impasse. It will allow us to talk about multiple chronologies of the Anthropocene, highlight the *longue durée*, the level of the long duration of this era, as well as the event level. This dialectical approach will make it possible to depart from the simplified mechanistic idea of the periodization of the “age of man”.

Keywords: Anthropocene, climate change, environmental crisis

Acknowledgements: The results were obtained in the framework of the grant of the Russian Federation Government, project № 075-15-2021-611 “Human and the changing Space of Ural and Siberia”.

For citation: Gilmintinov, R.R. (2022) Review: Bińczyk E. The Age of Man: Rhetoric and Apathy of the Anthropocene. M.: New Literary Review, 2022. 209 p. *Vestnik Tomskego gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 200–203. doi: 10.17223/19988613/78/25

Осмысляя развитие глубокого экологического кризиса, который переживает прямо сейчас планета, и роль человеческой цивилизации в этом процессе, ряд ученых предложили использовать понятие «антропоцен» – т.е. «эпоха человека». Эта концепция подразумевает, что в определенный момент человек стал двигателем изменений окружающей среды в планетарном масштабе. Мы не просто уничтожаем отдельные виды животных и растений, загрязняем отдельные водоемы или атмосферу в отдельных городах, до неузнаваемости изменяем экосистемы отдельных регионов. Влияние человеческой цивилизации на окружающую среду теперь носит поистине глобальный характер, изменяя даже геологические структуры планеты Земля. Понятие антропоцена привлекло к себе внимание ученых – естественников и гуманитариев, журналистов и политиков, дав начало широкой общественной дискуссии о причинах и возможных путях решения современных экологических проблем. Книга «Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена», вышедшая на польском языке в 2018 г., стала важным высказыванием в этом глобальном диалоге. Ее автор – Эва Бинчик, профессор философии Университета Николая Коперника (Торунь, Польша). В этом году в издательстве «Новое Литературное Обозрение» вышел перевод книги на русский язык. Изучение того, как менялись от эпохи к эпохе взаимоотношения человека с окружающей средой, становится важнейшим направлением в современной исторической науке. Поэтому представляется, что историкам важно следить за развитием дискуссий об антропоцене, а методы исторической науки должны сыграть важную роль в этих междисциплинарных дискуссиях.

К достоинствам книги Э. Бинчик нельзя, к сожалению, отнести формулировку прорывного тезиса или острую постановку проблемы. Автор ставит своей задачей исследование риторики, связанной с деградацией окружающей среды, в частности с изменением климата, в дискуссиях об антропоцене. В своем анализе она приходит к следующему выводу: «Уникальность дискуссии об антропоцене заключается в том, что она одновременно подрывает антропоцентризм и проблематизирует понятие природы» [1. С. 8]. С этим выво-

дом трудно не согласиться. Действительно, понятие антропоцена включает в себе парадокс. Оно подразумевает, с одной стороны, небывалую власть человеческой цивилизации над природой; некоторые исследователи говорят даже о «конце природы», ведь границу между «естественным» и «рукотворным» сегодня провести практически невозможно. С другой стороны, природа перестала восприниматься в качестве простого объекта: все больше исследователей пишут об агентности природы, о том, что она «мстит» человеку или «наносит ответный удар». Эти идеи критикуют антропоцентризм с его представлением о том, что человек – единственный субъект, действующий в материальном мире. Этот парадокс, однако, уже достаточно глубоко отрафлексирован в исследованиях, на которые ссылается в своей книге Э. Бинчик: его обсуждали такие теоретики, как Клайв Хэмилтон, Альф Хорнборг, Бруно Латур, Донна Харауэй и др.

Отсутствие в «Эпохе человека» четкой авторской линии аргументации, однако, не обесценивает работу Э. Бинчик. На наш взгляд, книгу нужно рассматривать в качестве своего рода энциклопедии современных дискуссий и проблематик, связанных с понятием антропоцена. Именно скрупулезная реконструкция различного исследовательского поля и систематизация различных подходов – главное достоинство монографии Э. Бинчик. Она выделяет несколько дискурсов антропоцена: дискурсы натурализма и постнатурализма, экомарксизм и экомодернизм, подходы сторонников и противников геоинженерии, а также дискурс экологической катастрофы. Э. Бинчик подробно разбирает не только дискурсы антропоцена, но и множество альтернативных и конкурирующих концептов, интерпретирующих корни и характерные черты современного экологического кризиса. Среди десятков прочих к ним относятся капиталоцен – «эпоха капитала» Андреаса Мальма и Джейсона Мура, радикальный антиантропоцентричный концепт ктулудена Донны Харауэй, концепт мантропоцена, или «эпохи мужчин», основанный на феминистской экологической критике (Кейт Рэйуорт), мизантропоцен – «эпоха мизантропии», о которой пишет журналист и писатель Радж Пател.

Особого внимания заслуживает анализ Э. Бинчик рисков, связанных с климатической геоинженерией – масштабными проектами по вмешательству в погодные условия на планетарном уровне. Наиболее реалистичным и привлекающим пристальное внимание проектом климатической инженерии считается распыление в стратосфере аэрозолей, поглощающих солнечные лучи. Многие полагают, что распыление сероводорода или диоксида серы позволит понизить температуру на Земле на несколько градусов всего за несколько лет. Такой проект проще всего осуществить, и он потребует относительно небольших расходов. Однако у ученых нет возможности проверить эффективность и безопасность данной технологии, поэтому риски катастрофических последствий остаются слишком большими. Парадоксально, но, по мнению Э. Бинчик, с точки зрения минимизации рисков куда более предпочтительными выглядят одиозные проекты инженерии человека, которые позволили бы биомедицинскими средствами преобразовать человеческую природу, например искусственно вызывать аллергию на красное мясо или сократить средний рост будущих поколений на несколько сантиметров. Автор монографии пишет: «Логика приверженцев инженерии человека выглядит убедительно: о последствиях конкретных технологий климатической инженерии еще ничего не известно, тогда как инженерия человека опирается на уже используемые инновации» [1. С. 164]. Однако для Э. Бинчик и геоинженерия, и инженерия человека относятся к опасным «технологиям гордыни», которые подразумевают безусловную веру в то, что наука способна ответить на любой вызов. Ответом должно стать развитие «технологий смирения», подразумевающих изменение поведения простых людей: «Ни уменьшение роста наших потомков, ни даже охлаждение атмосферы не остановят процессов загрязнения воздуха, почвы и океанских вод, расположенных ниже стратосферы, если мы не изменим своих привычек» [Там же. С. 179].

«Эпоха человека» Э. Бинчик – отличный повод обсудить вопрос о том, какую роль должно играть историческое знание в дискуссиях об антропоцене. Должны ли вообще гуманитарии участвовать в них? Как пишет автор монографии, столько общественного внимания оказывается привлечено к проблематике антропоцена во многом благодаря тому, что в ней задают тон представители естественных наук. Если антропоцен – не просто построение гуманитарной мысли, а геологическая эпоха, характеристики которой можно определить с помощью точных естественнонаучных методов, то необходимость решительных действий для спасения планеты становится очевидной. Э. Бинчик утверждает, что с «риторической точки зрения определяющие критерии антропоцена должны носить геологический, а не, например, социальный или исторический характер. Новая историческая эпоха не вызвала бы такого резонанса, не заинтересовала бы никого так же, как новая геологическая эпоха» [Там же. С. 63]. Представляется, что ключевым направлением, в рамках которого историки могут сделать ценный вклад в проблематику антропоцена, является периодизация этой предполагаемой эпохи.

Среди ученых-естественников нет единого мнения относительно периодизации антропоцена. Как пишет Э. Бинчик, сторонники ряда гипотез «раннего антропоцена» относят начало эпохи к раннему плейстоцену, когда распространилось использование огня, либо к периоду 50–10 тыс. лет назад, когда происходило исчезновение мегафауны из-за истребления ее человеком, или же связывают его с возникновением и распространением сельского хозяйства (11–4 тыс. лет назад). Еще одна возможная точка отсчета эпохи антропоцена – период Великих географических открытий, положивший начало так называемому «Колумбову обмену». Этот трансконтинентальный процесс запустил циркуляцию и гомогенизацию флоры и фауны на разных, ранее изолированных друг от друга, континентах. Наибольшую известность за пределами научных кругов получила гипотеза, еще в начале дискуссии выдвинутая специалистом в химии атмосферы Нобелевским лауреатом Паулем Крутценом и экологом Юджином Стормером, которые приурочили начало эпохи человека к периоду промышленной революции, т.е. к 1760–1880 гг. Именно промышленная революция в мировой экономике запустила процессы, вызвавшие резкий скачок концентрации углекислого газа в атмосфере. Наиболее убедительной с точки зрения формальных критериев геологической науки является гипотеза «великого ускорения», которая относит начало эпохи антропоцена к середине XX в. Если ранее влияние человека на различные системы планеты носило временный и региональный характер, то с 1945 г. темп наблюдаемых изменений приобретает экспоненциальный и глобальный характер. На Международном геологическом конгрессе 2016 г. делегаты проголосовали за то, чтобы рекомендовать определить антропоцен как новую эпоху, начавшуюся именно в середине XX в. [Там же. С. 61].

Периодизация эпохи антропоцена, однако, не является идеологически и политически нейтральным исследовательским предприятием. В зависимости от решения этого вопроса ответственность возлагается на определенных акторов и предлагается соответственный набор решений современных экологических проблем. Гипотеза раннего антропоцена, например, подразумевает, что стремление к разрушению окружающей среды присуще виду *homo sapiens* как таковому. Подобная интерпретация проблемы может повлечь за собой нежелательные политические последствия, так как из нее вытекает вывод о том, «что нам не нужны радикальные климатические и экологические меры, поскольку изменения последних десятилетий нельзя назвать исключительными, а влияние человека на различные системы планеты было заметно еще в эпоху позднего плейстоцена» [Там же. С. 62]. Однако наличие потенциальных негативных последствий само по себе не может служить опровержением объективных фактов, лежащих в основе той или иной гипотезы. Позволим себе высказать мнение о том, что в рамках естественных наук недостаточно разработан теоретический инструментарий для рефлексии относительно идеологической обусловленности и тех социальных и политических последствий, которые могут иметь

исследования ученых. Подобная рефлексия происходит извне методами таких направлений гуманитарных и социальных наук, как STS (Science and Technology Studies), антропология, философия и история науки.

Представляется, что теоретические и практические наработки исторической науки могут стать конструктивной основой для решения непростой проблемы хронологии эпохи антропоцена. Броделевская концепция многослойного исторического времени, распадающегося на взаимосвязанные, но различающиеся в своей логике ритмы изменчивости, послужила основой для плодотворных подходов в области периодизации. Опора на эту теорию в дискуссиях об антропоцене позволит сделать важный шаг вперед. Мы должны говорить о множественных слоях антропоцена. С одной стороны, *longue durée*, уровень длительной протяженности этой эпохи, действительно, уходит корнями в плейстоцен, когда формировались глубокие структуры, до сих пор лежащие в основе взаимоотношений

человека и окружающего его материального мира. С другой – событийный уровень антропоцена – конкретные группы людей, их идеи, взаимоотношения и принятые решения, приведшие к современному острому кризису, – имеет свою собственную логику и не выводится механистически из структур, сформировавшихся тысячи лет назад. Этот диалектический подход позволит уйти от упрощенного механистического представления о хронологии «эпохи человека» и снять мнимое противоречие между различными периодизациями антропоцена. Результатом должно стать рассмотрение данной проблематики во всей ее глубине и сложности.

Подводя итог анализу книги Э. Бинчик, заметим, что несмотря на отсутствие в этой работе остро сформулированного тезиса, следует всячески приветствовать ее перевод на русский язык. «Эпоха человека» является качественно выполненным введением в проблематику, которое можно также использовать в качестве учебного пособия для вузов.

Список источников

1. Бинчик Э. Эпоха человека: риторика и апатия антропоцена. М. : Новое Литературное Обозрение, 2022. 209 с.

References

1. Bińczyk, E. (2022) *Epokha cheloveka: ritorika i apatiya antropotsena* [The Epoch of Man. Rhetoric and Lethargy of the Anthropocene]. Translated from English. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.

Сведения об авторе:

Гильминтинов Роман Радиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований пространства Тюменского государственного университета (Тюмень, Российская Федерация); докторант факультета истории Университета Дьюка (Дарем, США). E-mail: roman.gilmintinov@duke.edu

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gilmintinov Roman Radievich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory of Interdisciplinary Space Research of Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation); doctoral student at the Faculty of History of Duke University (Durham, USA). E-mail: roman.gilmintinov@duke.edu

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.06.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 23.06.2022; accepted for publication 05.07.2022

Рецензия

УДК 94 (571)+930(091)

doi: 10.17223/19988613/78/26

Новый историографический источник: мемуары сибирских историков послевоенного поколения. Рецензия: Зиновьев В.П. Не подводя итогов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 164 с., ил.; Бойко В.П. Воспоминания о селе Богородское и моей жизни. Томск: Изд-во Том. гос. арх.-строит. ун-та, 2021. 212 с., ил.

Наталья Петровна Матханова

*Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Российская Федерация, nmatkhanova@mail.ru*

Аннотация. Публикация посвящена анализу двух мемуарно-автобиографических произведений известных томских профессоров-историков. В них присутствует характерное для мемуаров историков сочетание собственно мемуарного начала с использованием профессионального инструментария, научно-аналитического отражения действительности. Указывается на значение рецензируемых книг как исторических источников и как средства сохранения идентичности профессионального сообщества.

Ключевые слова: мемуары, историографический источник, профессиональное сообщество

Для цитирования: Матханова Н.П. Новый историографический источник: мемуары сибирских историков послевоенного поколения. Рецензия: Зиновьев В.П. Не подводя итогов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 164 с., ил.; Бойко В.П. Воспоминания о селе Богородское и моей жизни. Томск: Изд-во Том. гос. арх.-строит. ун-та, 2021. 212 с., ил. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 204–207. doi: 10.17223/19988613/78/26

Review

The New Historiographical Source: Memoirs of Siberian Historians of the Post-War Generation. Review: Zinoviev V.P. Without Summing Up. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2019. 164 p., ill.; Boyko V.P. Memories of the Bogorodskoye Village and My Life. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building, 2021. 212 p., ill.

Natalya P. Matkhanova

Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, nmatkhanova@mail.ru

Abstract. The publication analyzes two memoirs and autobiographical works of famous Tomsk historians who belong to the post-war generation. We can consider them as a manifestation of the "memoir burst", the turn towards studying "everyday life" of scholars. The nature of autobiographism in the texts under consideration is defined as much by the course of individual life as by general historical context, by memoirists' generation and professional identity. They contain a combination of the actual memoirs with the use of professional tools, scientific and analytical approach to the reflection of reality, – which is common for memoirs created by historians. The authors identified and collected historical sources, including archival ones, analyzed and summarized the collected materials. The books present not only his own life (from rural childhood and student youth to joining the professorial corporation), but also the history of his family and clan, his social stratum. The memoirists come from the Siberian peasantry, their older relatives experienced dekulakization and exile. The texts contain open and vivid political assessments. The memoirs of historians combine the features of historiographical source and literary artifact; they contain valuable information on the corporate ethos of the professional community. They cover such important subjects as the influence of scientific supervisors on the formation of a scientist, how the process of translating the principles of research activity was carried out, how the formation and development of a scientific school took place. The autobiography of V. P. Boyko highlights such stages of professional career as the choice of the topic of scientific research, change of jobs, scientific discussions, ideological and political disputes. The photographs attached to his book complement the text and become an independent visual source.

Peer-reviewed books are useful and even necessary for reconstructing the process of the formation of a well-known scientific school, identifying and studying the circumstances that influenced this process, the role of individual actors. Comparison of the memoirs under consideration with similar works created by representatives of the older generation

and/or the metropolitan segment of the community will allow analyzing regional and generational specifics. They are of great importance as historiographical sources and as a means of preserving the identity of the professional community.

Keywords: memoirs, historiographical source, professional community

For citation: Matkhanova, N.P. (2022) The New Historiographical Source: Memoirs of Siberian Historians of the Post-War Generation. Review: Zinoviev V.P. Without Summing Up. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2019. 164 p., ill.; Boyko V.P. Memories of the Bogorodskoye Village and My Life. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building, 2021. 212 p., ill. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 204–207. doi: 10.17223/19988613/78/26

В последние десятилетия мемуаристика переживает очевидный период расцвета; каждый год, а порой и каждый месяц публикуются все новые и новые сочинения. Особый феномен – мемуары историков. Издаются уже и воспоминания историков второй половины XX в. В статье О.Б. Леонтьевой представлен предварительный анализ этого явления – «мемуарного взрыва» в среде профессиональных историков [1]. Преобладающая их часть создана представителями московских и петербургских академических институтов и вузов. Для провинции появление подобных сочинений пока что довольно редкое явление, а в Сибири их вообще единицы. Даже представителями старшего поколения, чья карьера началась в первые послевоенные годы, создано буквально несколько мемуарно-биографических текстов [2–4], если не считать небольших очерков, написанных «по случаю» – к юбилеям университетов [5, 6] и выдающихся ученых.

Единственные относительно развернутые мемуарно-автобиографические произведения крупных сибирских историков послевоенного поколения – это рецензируемые книги.

В подобного рода сочинениях, как правило, сочетаются рассказы о своей жизни или жизни своих семей и «научно-исследовательское отражение действительности», «аналитический уровень осмысления современных мемуаристу исторических событий» [1. С. 139]. Все сказанное в полной мере относится и к воспоминаниям двух томских профессоров-историков. Очень близкие (хотя и различающиеся) по социально-профессиональному статусу, возрасту и сфере научных интересов, они создали совершенно не похожие произведения. Объединяют обе книги схожесть биографий авторов (оба происходят из сибирского крестьянства, имеют раскулаченных предков, принадлежат к одной научной школе), общность принципиального подхода к созданию текстов (соединение научного анализа и использования классических исторических источников с собственно мемуарным началом), значение для общества. Схожим образом обозначена цель: «Попытаться передать свой опыт потомкам». Но, вопреки собственным утверждениям мемуаристов, адресация их сочинений гораздо шире обозначенной – своими читателями они подразумевают не только потомков, но и коллег (особенно младших), учеников и вообще профессиональное сообщество. В обеих книгах присутствуют списки научных и методических работ, а у В.П. Зиновьева – еще и перечень защищенных под его руководством диссертаций. Много и различает рецензируемые произведения.

К классическим по форме автобиографиям можно отнести только книгу В.П. Бойко, но начать целесооб-

разно с небольшого, но значительного произведения В.П. Зиновьева.

В.П. Зиновьев, в духе лучших традиций русской мемуаристики, прямо обозначает в предисловии свою цель: хочу, чтобы внуки знали о своем происхождении и гордились им. Столь же открыто выражена в предисловии и принципиальная позиция историка и гражданина: «Россия сейчас – это страна людей, не помнящих своего родства», – причиной чему и «отсутствие традиций и низкий культурный уровень большинства населения», и «трагические события истории – войны, эпидемии, репрессии». Но «человек должен знать историю своей семьи, малой родины».

Текст Василия Павловича состоит из двух неравных частей. Первая, преобладающая по объему, посвящена истории семьи, точнее – рода. Она и названа так: «Родословная для внуков». Собственно авторскому тексту в ней отведено чуть более половины страниц, остальные заняты публикацией документов.

В работе над мемуарами автор использует профессиональный инструментарий. Он тщательно выявил и собрал источники, для чего, очевидно, провел специальные архивные разыскания, изучил труды специалистов по истории сибирского крестьянства, ездил на свою малую родину, расспрашивал старших родственников, восстанавливал в своей памяти их рассказы. И, главное, проанализировал и обобщил собранные материалы, стремясь представить жизнь не только своей семьи, своего рода, но и того социального слоя, к которому принадлежал по рождению. Увлеченный архивными поисками историк-профессионал не мог удержаться от публикации значительного массива не слишком часто используемых и в научных трудах (и уж вовсе почти никогда – в мемуарах) таких ценнейших источников, как ревизские сказки (выписки из них), именные списки населения отдельных деревень, подворные списки и т.п. Конечно, читателю было бы легче понять значение публикуемых документов для реконструкции истории семьи, если бы автор составил классическое родословное древо. Но эти материалы имеют самостоятельную ценность, использованы для характеристики общих процессов колонизации, адаптации переселенцев, а затем и раскулачивания и раскрестьянивания, движущей силой и жертвами которых стали предки мемуариста. Показаны положение крестьян, их повседневная жизнь, трудовые будни. Информация архивных документов переплетена со сведениями, полученными из традиционных для мемуаров источников. Это рассказы деда и бабушки, дяди и матери, собственные впечатления – и детские, и полученные в зрелом возрасте во время специальных поездок («экспедиций») на малую родину.

В мемуарах В.П. Зиновьева немало ярких политических оценок: «Пролетарское государство с корнем вырвало из алтайской земли и сослало в Нарым четыре мощных крестьянских куста моих предков»; отца «никто не смог защитить от злобной и безжалостной советской власти». Они подкреплены фактами – списками раскулаченных и сосланных, описями их имущества, чертежами усадьбы прадеда – крепкого и трудолюбивого хозяина, сведениями о том, как сосланные в Нарымский край «в стужу перебивались в землянках», о кладбище, где похоронены десятки крестьян и крестьянок – «врагов и врагинь» народа». Обобщает эти горькие обвинительные строки мемуаров замечательная формула о крестьянах всех времен, «которые просили у Бога одного – чтобы не мешали им работать покаторжному... и не слишком много брали налогов за такое мужицкое счастье». Трудно разделить в этой позиции роль потомка крестьян, историка-профессионала и публициста-гражданина.

Вторая часть воспоминаний В.П. Зиновьева («Студенчество и научное детство») построена более традиционно. Как и другие универсанты, автор повествует о перипетиях при поступлении в вуз, попутно отмечая плюсы и минусы подготовки, полученной в советской деревенской школе, о памятных студентах советского времени поездках в колхоз, выдающихся преподавателях, жизни в общежитии и решении житейских проблем, быте и досуге. Особая тема, освещенная, к сожалению, слишком коротко, – проявление протестного движения среди студентов ТГУ в 1968 г. В отличие от «политизированного», по выражению автора, гумфака НГУ, среди томских гуманитариев оно было менее заметным и значительным, но все же было. Более подробно, хотя опять-таки лаконичнее, чем хотелось бы, освещена специализация, начало собственно профессиональной деятельности. Этот период жизни оригинально назван «научным детством». Василий Павлович лишь обозначает основные научные проблемы и некоторые детали профессионального быта: как осуществлялась трансляция научным руководителем принципов исследовательской деятельности, как складывались и влияли на жизнь и работу взаимоотношения внутри профессорской корпорации и между членами одной научной школы.

Многозначительны последние слова этой части и воспоминаний вообще: «Розовое научное детство кончилось, началась взрослая жизнь, полная забот и интриг».

Своеобразным продолжением стало предисловие В.П. Зиновьева к воспоминаниям его младшего товарища – В.П. Бойко. В нем совсем кратко рассказано о судьбе томской школы социально-экономической истории, к которой принадлежали оба мемуариста.

Мемуары Владимира Петровича тоже состоят из двух частей: «Воспоминания о селе Богородском» и «Воспоминания о моей жизни». Первая – это исследование истории села, в котором с использованием архивных документов, материалов газет и трудов специалистов рассматриваются главные причины его «возникновения, расцвета и упадка». Начиная вторую часть своего повествования, автор так и пишет: приступаю «непосредственно к моим воспоминаниям и семейным

преданиям». Но и по тексту второй части рассыпаны ссылки на архивные дела, «листок сельхозпереписи», труды свои и коллег, упоминания такого рода: «Работая в архиве НКВД...», «...я видел протоколы его допросов...» (имеется в виду дед автора).

Во второй главе, посвященной «прямым предкам», также использованы архивные материалы, рассказы близких. В ней приведены сведения о многочисленных родственниках; оправданная гордость звучит в рассказе о дяде К.И. Сваровском, герое Великой Отечественной войны. И эта, и другие главы полны открытых политических оценок, например: «...грязнула коллективизация с ограблением крестьян». Третья и пятая главы наполнены деталями деревенского детства с его типичными развлечениями, повседневной жизни учеников сельских школ (автору довелось учиться в семи) и трудившихся в них учителей (Владимир Петрович около года работал преподавателем физкультуры), нелегкого семейного быта. В автобиографии освещены и неожиданные для постороннего читателя вехи жизненного пути мемуариста: рыболовный флот и военное училище, пожарная часть в Томске во время студенчества и многое другое.

В главе, посвященной студенческим годам, В.П. Бойко, как и многие другие универсанты, вспоминает своих товарищей по факультету и общежитию, характеризует наиболее успешных. Но есть и довольно редкий сюжет – учеба на рабфаке, как неофициально называли подготовительное отделение, где наверстывали пробелы в знаниях и навыках «стажисты» – более взрослые студенты, за плечами которых были армия и работа. Еще один, тоже довольно редкий сюжет, относящийся к теме историографического быта («мелкий штрих академической атмосферы»), хотя и менее подробно освещенный, – «споры и дискуссии на актуальные и вечные темы» в курилках и на лестницах, где тоже курили. Вообще в мемуарах освещены почти все стороны студенческой жизни – собственно лекции и семинары, подготовка курсовых и дипломных работ, взаимоотношения с преподавателями, жизнь в общежитии, дружеские отношения, порой устанавливавшиеся на всю жизнь, и романы, также иногда перераставшие в семьи. Есть и более традиционные темы.

Как многие историки-мемуаристы, В.П. Бойко стремится выявить те факторы, которые предопределили выбор профессии: это и отдельные моменты семейной истории, и хорошие учителя, и рано сформировавшаяся любовь к чтению и многое другое. Понятно, почему почти все выпускники вузов, сделавшие профессиональную карьеру, – и томики здесь не исключение – неизменно вспоминают своих научных руководителей, выбор которых был «важнейшим событием в университетской жизни». Особенно тепло и уважительно В.П. Бойко вспоминает Г.А. Рабиновича, добрые слова нашел он и для многих других своих университетских преподавателей, особенно высоко оценивая самостоятельность мышления, эрудицию, профессионализм. Типичны для мемуаров историков обозначение своей принадлежности к определенной научной школе, перечисление имен составляющих ее представителей разных поколений. Здесь же присут-

стствует указание – более реальное, чем формально обозначено в начале (потомки), на потенциальных читателей – это те, кто учился у томских профессоров одновременно, чуть раньше или позже самого автора. Столь же характерно для мемуаров историков объяснение выбора темы научного исследования. Для понимания специфики историографического быта, места и времени показательно освещенные в автобиографии основные этапы профессиональной карьеры, различные предопределившие ее внешние и внутренние факторы, научные дискуссии, идейно-политические споры и даже конфликты (глава 6).

Замечательна присутствующая в мемуарах В.П. Бойко редкостная характеристика самого процесса создания воспоминаний и его желательного результата: «Нужно воссоздать пеструю и многообразную картину жизни в прошлом, характерные мелочи быта, образ мыслей того времени и мое отношение к ним сегодня». Автор рефлексировал по этому поводу, замечая, что «привычки и навыки» историка ему помогали, но и приводили к тому, что «местами получается сухо, наукообразно и нехудожественно». А «художественность» для него важна. Он предлагает оригинальную мысль, относящуюся к мемуароведению в целом – сравнивает создание

мемуаров с творчеством художников, возможность использования разных стилей: примитивизм, реализм, критический, соцреализм, импрессионизм.

Рецензируемые книги – великолепный историографический источник. Они могут быть полезны и даже необходимы для реконструкции процесса складывания известной научной школы, выявления и изучения влиявших на этот процесс обстоятельств, роли отдельных акторов. Они дают богатую пищу для изучения такой актуальной темы, как историографический быт, повседневность историков. Сопоставление рассматриваемых мемуаров с аналогичными произведениями, созданными представителями старшего поколения и / или столичного сегмента сообщества, наглядно демонстрирует региональную и поколенческую специфику. Но все же будущего историографа огорчит отсутствие в них освещения неизбежных интриг и конфликтов внутри профессионального сообщества и между ним и окружающими, слишком лапидарное воссоздание условий, в которых жили и трудились историки. Обе книги хорошо написаны, легко и с интересом читаются, они могут и должны способствовать консолидации профессионального сообщества, передаче норм научной этики, осознанию и утверждению профессиональной идентичности.

Список источников

1. Леонтьева О.Б. Мемуары историков на переломе эпох: личностная рефлексия, профессиональная идентичность // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 6. С. 138–147.
2. Зольников Д.М. Времена и нравы (от гражданской войны до наших дней глазами участника событий и ученого). Новосибирск : Новосибир. гос. ун-т, 2000. 217 с.
3. Кузнецов И.И. Страницы жизни историка. Улан-Удэ : Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2001. 315 с.
4. Соскин В.Л. В ракурсе личной судьбы : материалы по истории советской интеллигенции (1920–1950-е гг.), Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2013. 180 с.
5. Историческому образованию в Сибири 90 лет : исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / сост. Д.В. Хаминин, С.А. Некрылов. Томск : Изд-во Том ун-та, 2008. 264 с.
6. Историки о себе и не только : исторический факультет Иркутского государственного университета в воспоминаниях преподавателей и выпускников / сост. В.П. Шахеров. Иркутск : Оттиск, 2018. 360 с.

References

1. Leontieva, O.B. (2016) *Memuary istorikov na perelome epokh: lichnostnaya refleksiya, professional'naya identichnost'* [Memoirs of historians at the turning point of history: personal and professional self-identity]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. 18(6). pp. 138-147.
2. Zolnikov, D.M. (2000) *Vremena i nrayy (ot grazhdanskoy voyny do nashikh dney glazami uchastnika sobyitiy i uchenogo)* [Times and customs (from the civil war to the present day through the eyes of a participant in the events and a scientist)]. Novosibirsk: NSU.
3. Kuznetsov, I.I. (2001) . *Stranitsy zhizni istorika* [Pages of the life of a historian]. Ulan-Ude: East Siberian State Institute of Culture.
4. Soskin, V.L. (2013) *V rakurse lichnoy sud'by: materialy po istorii sovetsoy intelligentsii (1920–1950-e gg.)* [From the Perspective of Personal Destiny: Materials on the History of the Soviet Intelligentsia (1920–1950s)]. Novosibirsk: NSU.
5. Khaminov, D.V. & Nekrylov, S.A. (eds) (2008) *Istoricheskomu obrazovaniyu v Sibiri 90 let : istoricheskiy fakul'tet Tomskogo gosudarstvennogo universiteta v vospominaniyakh i dokumentakh* [90 years of the Historical Education in Siberia: The Faculty of History of Tomsk State University in Memoirs and Documents]. Tomsk: Tomsk State Univeristy.
6. Shakhеров, V.P. (2018) *Istoriki o sebe i ne tol'ko: istoricheskiy fakul'tet Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta v vospominaniyakh prepodavateley i vypusknikov* [Historians about Themselves and Not Only: The Faculty of History of Irkutsk State University in the Memoirs of Teachers and Graduates]. Irkutsk: Ottisk.

Сведения об авторе:

Матханова Наталья Петровна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: nmatkhanova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Matkhanova Natalia P. – Doctor of Sciences (History), Professor, Senior Research, Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nmatkhanova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.05.2022; принята к публикации 05.07.2022

The article was submitted 12.05.2022; accepted for publication 05.07.2022

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2022 № 78

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 14.06.2022 г. Формат 60х84^{1/8}. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Печ. л. 26,8. Усл. печ. л. 24,9. Тираж 50 экз. Заказ № 5094. Цена свободная.

Дата выхода в свет 26.08.2022 г.

Редактор Е.Г. Шумская

Оригинал-макет Е.Г. Шумской

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Е.А. Михайлицина, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)-53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)-52-96-67
Факс 8(382-2)-52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-67
Fax: 8(382-2)-52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)-52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru